4° Anthr. 72 i/1

4° Anthr. 72 i / 1

В. ФЛОРИНСКИЙ

ПЕРВОБЫТНЫЕ СЛАВЯНЕ

по памятникам их доисторической жизни

CI

Томск 1897

12

107 H

Bayerische
Staatsbibliothek
München

4° Anthr. 72 c / 1

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Введеніе стр. I – XXIV

ГЛАВА I.

Колыбель арійской народности. Краткій очеркъ культурныхъ теченій. Начало арійской и семитской культуры (стр. 2).—Переселеніе арійцевъ изъ центральной Азіи и пути этого переселенія (стр. 6).—Санскритъ и его значеніе въ исторіи народовъ (11).—Родство санскритскаго языка съ славянскимъ (13).—Родство азіатскихъ скиѳовъ съ европейскими по слѣдамъ географическихъ названій (18).—Культурное развитіе скиѳовъ (23).—Сопоставленіе скиѳской культуры съ славянскою по даннымъ языка (25).

ГЛАВА II.

Появленіе славянъ въ сѣверной Европѣ. Разселеніе арійцевъ по Европѣ (29).—Первыя свѣдѣнія о сѣверныхъ европейскихъ странахъ.—Пиѳій.—Рѣка Эриданъ и Танаисъ (31).—Cronium, Thule (33).—Morimarusa и мысъ Rubeas (35).—Объясненіе слова Thule и Baltia (37).—Посѣщеніе сѣверныхъ морей Венетами (41).—Повѣствованіе Тацита о Германіи (42).—Юлій Цезарь о Венетахъ въ Галліи (47).—Адріатическіе Венеты (51).—Славянство Венетовъ (53).—Балтійскіе славяне (57).—Причины ослабленія Балтійскихъ славянъ (61).—Отношеніе Балтійскихъ славянъ къ Русскому Государству (63).—О происхожденіи слова Варягъ (69).—Прибавленіе къ 1-й и 2-й главѣ: о русскомъ судоходствѣ и мореходствѣ въ связи съ объясненіемъ сибирскихъ городищъ (71).

ГЛАВА III.

Славяне на Балканскомъ полуостровѣ и въ южной Россіи.—Фракійскія племена. Геты и Даки и отношенія ихъ къ славянству. Значеніе славянства при императорѣ Юстиніанѣ (87).—Отношеніе Болканскихъ славянъ къ византизму (89).—Внѣшнія черты византизма и его источники (93).—Связь византизма съ Персіей и Сарматіей (95).—Національность Скиѳовъ и Сарматовъ (97).—Скиѳо-сарматская культура (99).—Церковно-византійскій стиль и его происхожденіе (103).—Древніе христіанскіе храмы въ Абхазіи и Сванетіи (105).—Сходство кавказскаго церковнаго зодчества съ славянскимъ (106).—Слѣды древнихъ каменныхъ городовъ на сѣверномъ

Fg T | 80 | 6184

Кавказѣ (107).—Древній городъ Можары (113).—Археологическое значеніе кирпича (118).—Ассирійскій, троянскій, греческій и римскій кирпичъ и его размѣры (120).—Размѣры древне-русскаго и европейскаго кирпича (125).—Происхожденіе слова кирпичъ (127). Общій выводъ изъ первыхъ трехъ главъ (128).

ГЛАВА IV.

Славянскіе города и земляныя укрѣпленія. Происхожденіе слова городъ и славянская терминологія городскихъ укрѣпленій (133).—Днѣшній городъ или дѣтинецъ (135).—Происхожденіе словъ: кремль, стѣна, вежа, столпъ, башня, костеръ, острогъ (136—139).—Ассирійскія и вавилонскія укрѣпленія (144).—Городскія стѣны у Евреевъ и Персовъ (146).—Первыя земляныя насыпи при осадѣ городовъ (147).—Національная привязанность къ способамъ фортификацій. Первыя земляныя укрѣпленія у Римлянъ (151).—Земляныя укрѣпленія у Галловъ (152)—и Британцевъ (155).—Отсутствіе укрѣпленій у древнихъ Германцевъ (156).—Города у Балтійскихъ славянъ. Равенсбергское городище (157).—Земляные окопы у западныхъ славянъ (159).—Полевые окопы у Гунновъ, Каталаунское побоище (161).—Земляныя укрѣпленія въ древней Руси (165).—Укрѣпленія Новгорода, Старой Ладоги, Изборска, Рязани, Кіева, Владиміра и Твери (167—169).—Появленіе на Руси деревянныхъ городскихъ стѣнъ (170—172).—Первыя каменныя ограды въ Россіи (173).—Укрѣпленія у сѣверныхъ Финновъ и у камскихъ Булгаръ (175).—Археологическое значеніе древнихъ земляныхъ укрѣпленій и ихъ типическіе признаки (177—183).

ГЛАВА V.

Великая Пермь въ связи съ Камской Болгаріей и Сибирью. Мѣховая торговля сѣвера (185),—Происхожденіе слова соболь (188).—Происхожденіе слова Пермь (192).—Границы Пермской области (193).—Торговое значеніе Перми и причины ея упадка (195).—Скандинавскія саги о Біарміи. Путешествіе Отера (199).—Пермскіе клады и археологическое закамское серебро (200—204).—Источники богатства пермскаго края и горные промыслы древнихъ (205—209).—Уральское и алтайское золото и мѣдныя руды въ Западной Сибири (210—211).—Древняя разработка рудъ въ Акмолинской области (212).—Акмолинское, Семипалатинское и Алтайское золото древнихъ (214).—Уральскіе горные промыслы (216).—Гумешевскій рудникъ (218).—Древнія рудныя работы въ Уфимской губерніи (219)—Городища по рѣкѣ Бѣлой (221).—Городища по р.р. Вяткѣ и Чепцѣ (223).—Городища по р.р. Обвѣ, Камѣ и Колвѣ (224—226).—Галкинское городище при устьѣ р. Чусовой (227).—Городища по нижнему теченію Камы (228).—Водяные пути и волоки черезъ Уралъ (230).—Городища по р. Тавдѣ (231).—Городища по Тоболу, Турѣ и Исети (234).—Городища по Иртышу (235).—Чувашскій мысъ и Искеръ, походъ Ермака и завоеваніе Сибири (236).—Археологическое значеніе Искера (239).—Происхожденіе слова Сибирь (243).—Основаніе городовъ Тюмени и Верхотурья (245).—Выходъ съ Туры на Чусовую (247).—Писаные камни по р. Тагилу (248—251).—Городища по р. Чусовой (252).—Происхожденіе болгарскихъ и сибирскихъ городищъ (253).—Торговыя связи древней Сибири съ Болгаріей и Пермью (256).—Упадокъ древней Болгаріи и Перми (258).—Возрожденіе Сибири (259)

ГЛАВА VI.

Городище Болгары и Камская Болгарія. Топографія городища Болгары. Старая Кама и вытекающія отсюда соображенія о времени основанія города Болгара (261—264).—Обзоръ литературы объ этомъ городищѣ (265).—Описаніе укрѣпленій городища (266).—Время основанія города Болгара (270).—Находки на городищѣ, подтверждающія его древность (272).—Сравненіе болгарской культуры съ сибирскою: орнаментированная глиняная посуда, напрясла, глиняныя водопроводныя трубы, костяные наконечники стрѣлъ, желѣзныя стрѣлы большого формата, копья, топоры, кельты, бронзовыя долота и серпы, птицевидные идолы (274—284).—Архитектурные памятники Болгаръ: Большой и Малый столпъ (285).—Археологическое значеніе болгарскихъ руинъ (289).—Значеніе слова *Столпъ* (291).—Историческое происхожденіе столповъ и отношеніе ихъ къ индійскимъ топамъ и китайскимъ пагодамъ (292).—Башня Бураны въ Семирѣченской области (295).—Сауранскія башни (298).—Сходство болгарскихъ столповъ съ азіатскими (299).—Религіозное значеніе столповъ (301).—Татарскія постройки въ Казани и Сумбекина башня (303).—Описаніе Бѣлой палаты (305).—Сходство ея съ христіанской церковью (310).—Черная или судная палата (313.—Назначеніе ея (317).—Изображеніе креста въ ея окнахъ (318).—Башни болгарской цитадели (321).—Назначеніе ихъ (322).—Палатки и церковь св. Николая (325).—Долговѣчность каменныхъ построекъ (327).—Сравненіе болгарской и русской строительной техники (328).—Историческія свѣдѣнія о болгарахъ (331).—Упадокъ города Болгара (334).—Національность древнихъ болгаръ (335).—Слѣды христіанства въ Болгарахъ, греческаяпалата (339).—Три періода болгарскихъ древностей: славянскій, арабскій и татарскій (343).—Замѣтка объ имени Болгаръ (345).—Отношеніе Болгаръ къ гуннамъ и о національности тѣхъ и другихъ (350).—Заключеніе первой части.

ТАБЛИЦЫ ЧЕРТЕЖЕЙ И РИСУНКОВЪ.

Табл. I—VI. Начертанія на скалахъ по берегамъ рѣки Тагила.

I. Начертанія на камнѣ *Балабанъ*, на правомъ берегу Тагила. Къ стр. 249.
II. Начертанія на *Караульномъ* и *Сокольемъ* камнѣ, на лѣвомъ берегу Тагила. Къ стр. 249.
III. Надписи на *Змѣевомъ* камнѣ. Къ стр. 250.
IV. Начертанія на томъ же камнѣ. Къ стр. 250.
V. Изображенія на камнѣ, называемомъ *Писаный*. Къ стр. 250.
VI. Изображенія на томъ же *Писаномъ* камнѣ. Къ стр. 251.
VII. Планъ окрестностей города Тобольска, съ указаніемъ городищъ. Къ стр. 236.
VIII. Планъ городища Искеръ. Къ стр. 236.
IX. Глазомѣрный планъ старой дельты рѣки Камы, отъ Спасскаго затона до городища Болгары. Къ стр. 261.
X. Планъ городища Болгары (изъ атласа Шмита). Къ стр. 266. (Объясненіе нумерацій плана см. на стр. 265 подъ строкой).
XI. Планъ и фасадъ Бѣлой палаты въ Болгарахъ (по рисунку Палласа). Къ стр. 310

XII. Черная палата и Болгарскіе столпы (по рисунку Палласа). Къ стр. 314.
XIII. Церковь св. Николая (по рис. Палласа). Къ стр. 325.
XIV. Планы и разрѣзы Бѣлой и Черной палатъ (по рисунку Шмита). Къ стр. 315.
XV. Фасадъ и разрѣзъ башни Бураны, въ Семирѣчьи, по рисунку снятому въ 1886 году. Къ стр. 295.
XVI. Фотографическій снимокъ той же башни въ 1891 году.

ПРОГРАММА ЧАСТИ ВТОРОЙ.

Сибирскія древности въ связи съ Россійскими и западно-славянскими. (*Предполагаемое* содержаніе этой части).

ГЛАВА I.

Географическій обзоръ Западной Сибири со включеніемъ областей: Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской. Алтай и его предгорія. Черноземныя степи и песчаныя пустыни. Бараба, сѣверная тайга и тундра.

Орошеніе страны и пути сообщенія. Вѣроятныя измѣненія въ природѣ страны въ продолженіи послѣднихъ двухъ тысячелѣтій. Существовали ли въ сибирскихъ степяхъ лѣса? Не измѣнилось ли протяженіе черноземныхъ степей и песчаныхъ пустынь въ связи съ орошеніемъ почвы? Климатическія условія и характеръ растительности по археологическимъ даннымъ. Предѣлы распространенія древняго курганнаго населенія Сибири.

ГЛАВА II.

Такъ называемый каменный вѣкъ въ Сибири и его хронологическое значеніе. Описаніе каменныхъ орудій Томскаго археологическаго музея и сравненіе ихъ съ соотвѣтствующими орудіями другихъ странъ. Совмѣстное нахожденіе каменныхъ и бронзовыхъ орудій, дающее поводъ заключать объ одновременномъ ихъ употребленіи. Каменные пестики и молотки, ручные жернова, топоры и скребки, копья и стрѣлы, точильные бруски и другія подѣлки изъ камня.

Частное описаніе костяныхъ сибирскихъ орудій: наконечники стрѣлъ, ножи, скребки, орудія рыболовства и птицеловства, костяныя стремена, ложки, гребни, астрагалы и игральныя бабки, амулеты и привѣски и т. п. Не обдѣланныя кости животныхъ, находимыхъ въ могилахъ и городищахъ, какъ слѣды мѣстной фауны древняго времени.

ГЛАВА III.

Сибирская керамика (гончарное искусство). Общій характеръ глиняной посуды курганныхъ могилъ: форма, величина и цвѣтъ, орнаменты, наведенные по сырой глинѣ и общій характеръ ихъ. Виды тисненыхъ орнаментацій. Сходство сибирской узорчатой посуды съ такою же посудой изъ кургановъ Европейской Россіи и другихъ славянскихъ

странъ, а также съ посудой древней Трои по раскопкамъ Шлиманна. Отсутствіе такихъ типовъ въ передней Азіи, Греціи, Галліи и древней Германіи. Узорчатые черепки, находимые на городищахъ и полное сходство ихъ орнаментовъ съ глиняною посудою изъ курганныхъ могилъ.

Глиняныя напрясла и разныя лѣпныя подѣлки изъ глины. Гончарныя водопроводныя трубы. Глиняныя и мастиковыя бусы и пронизки, стеклянныя бусы, бисеръ и цвѣтные камни.

ГЛАВА IV.

Сибирская бронза. Химическій анализъ бронзовыхъ сибирскихъ издѣлій. Доказательства ихъ мѣстной отливки. Откуда получались олово и свинецъ для бронзовыхъ сплавовъ. Совершенство литейнаго дѣла и степень художественности этого искусства. Оригинальные типы бронзовыхъ издѣлій. Звѣриный орнаментъ. Сходство сибирскихъ бронзовыхъ издѣлій съ пермскими, болгарскими и южно-русскими (скиѳскими). Такъ называемый бронзовый вѣкъ и его хронологическое значеніе въ Сибири. Переходъ отъ бронзы къ желѣзу и трудность разграниченія между этими двумя эпохами.

ГЛАВА V.

Описаніе сибирскихъ бронзовыхъ издѣлій въ частности. а) **Военное оружіе:** 1) кельты: ихъ форма, величина и орнаменты, сопоставленіе ихъ съ западнымъ оружіемъ того же типа. Назначеніе кельтовъ и ихъ повсемѣстное употребленіе. Деревянная рукоятка и способъ прикрѣпленія къ ней бронзоваго кельта. 2) Бронзовыя сѣкиры и брадвы, оригинальность этого оружія, его форма и орнаменты. Повтореніе этихъ же типовъ въ Камской Болгаріи и Перми. Назначеніе и способъ употребленія. 3) Бронзовые кинжалы, ихъ форма и орнаменты, сопоставленіе съ западнымъ оружіемъ того же типа. 4) Бронзовыя стрѣлы, разнообразная ихъ форма, сходство ихъ со скиѳскими и европейскими стрѣлками. 5) Копья и дротики. 6) Булавы или шестоперы.

б) **Ремесленныя орудія:** 1) мѣдный плотничный топоръ. 2) Бронзовыя долота и стамески. 3) Бронзовые и мѣдные ножи, ихъ многочисленность и разнообразіе, форма и орнаменты. 4) Бронзовыя шилья и швейныя бронзовыя тонкія иголки съ ушкомъ. 5) Бронзовые серпы. 6) Орудія горнаго промысла.

в) **Предметы религіознаго значенія:** 1) птицевидные идолы. 2) Идолы въ формѣ человѣческаго лица, или солнца. 3) Диски и кружки религіознаго значенія. 4) Идолы въ человѣческой формѣ.

г) **Личныя украшенія:** 2) Наборные пояса и пряжки. 2) Серьги и кольца. 3) Браслеты, ожерелья и привѣски. 4) Металлическія зеркала. 5) Бляхи съ изображеніемъ людей и животныхъ.

д) **Конская сбруя и доспѣхи:** бронзовыя удила и стремена. Употребленіе сѣдла. Отсутствіе шлемовъ, латъ, кольчугъ и щитовъ.

ГЛАВА VI.

Топографическое обозрѣніе курганныхъ могилъ и кладбищъ Западной Сибири и Семирѣчья. Форма и устройство кургановъ земляныхъ, полукаменныхъ и каменныхъ. Расположеніе могилъ и способы погребенія. Обыкновенныя находки въ могилахъ и опредѣляемая по этому степень ихъ древности. Отличіе финскихъ могилъ отъ древнѣйшихъ арійскихъ. Могильные черепа и скелеты. Надмогильные памятники: камни и каменныя бабы.

Предѣлы распространенія каменныхъ бабъ.

ГЛАВА VII.

Сибирскія письмена: общая ихъ характеристика, сходство алфавита съ древнимъ греческимъ и финикійскимъ по очертанію буквъ, манерѣ письма и строчнымъ знакамъ. Догадки о происхожденіи древняго сибирскаго письма, отношеніе его къ скандинавскимъ рунамъ и древнимъ русскимъ «чертамъ и рѣзамъ».

ГЛАВА VIII.

Желѣзный вѣкъ въ Сибири и желѣзныя орудія болѣе поздней эпохи.

ГЛАВА IX.

Отношеніе древняго курганнаго населенія Сибири къ финскому сѣверу.

ВВЕДЕНІЕ.

Живой интересъ къ тому или другому научному вопросу нерѣдко возбуждается случайностью. Чаще всего это должно имѣть мѣсто въ тѣхъ отрасляхъ знанія, которыя не входятъ въ курсъ общеобразовательныхъ или профессіональныхъ школьныхъ доктринъ, а существуютъ въ видѣ необязательнаго придатка къ формальнымъ или патентованнымъ наукамъ. Въ такомъ положеніи находится археологія или наука о доисторическихъ древностяхъ. Строго говоря, до сихъ поръ это только зародышъ науки, предметъ любительскаго знанія и изученія, безъ точно выработанной системы, безъ ясно опредѣленной цѣли. Не смотря на то, что этимъ предметомъ въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія были заняты съ достойнымъ увлеченіемъ десятки и сотни просвѣщенныхъ любителей, что въ настоящее время существуютъ по этому отдѣлу нѣсколько спеціальныхъ ученыхъ обществъ*), было

*) 1) Изъ спеціальныхъ археологическихъ обществъ первое было основано въ Одессѣ въ 1839 году. Первый томъ его трудовъ, подъ заглавіемъ: „Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей" появился въ свѣтъ въ 1844 году 4°. Это изданіе продолжалось до 1867 г. и заключаетъ въ себѣ весьма много важныхъ изслѣдованій, преимущественно относящихся къ югу Россіи.

2) Съ 1846 года существуетъ археологическое (впослѣдствіи Императорское) общество въ Петербургѣ, издающее свои труды на русскомъ языкѣ съ 1849 г. подъ заглавіемъ: „Записки археологическаго общества" (до 1865 г. 14 томовъ), потомъ подъ заглавіемъ: „Записки отд. славянской и русской археологіи", и съ 1859 г. подъ заглавіемъ: „Извѣстія Императорскаго археологическаго общества."

3) Съ 1864 г. существуетъ Московское археологическое общество. Труды его, подъ заглавіемъ: „Древности", выходятъ съ 1863 г. Москва, 4°.

4) Съ 1850 г. продолжаетъ свои роскошныя изданія Археологическая Комиссія при Кабинетѣ Его Императорскаго Величества, отчеты по раскопкамъ преимущественно южной Россіи.

5) Съ 1878 г существуетъ при Казанскомъ университетѣ Общество археологіи, исторіи и этнографіи. Первый томъ „Извѣстій" этого общества вышелъ въ свѣтъ въ 1879 г. Въ этомъ изданіи, продолжающемся до сихъ поръ, главнымъ образомъ помѣщаются изслѣдованія древностей Поволжья и Камской Болгаріи.

6) Въ Кіевѣ существуетъ археологическое общество имени Нестора лѣтописца.

Кромѣ того, археологическіе отдѣлы входятъ въ составъ нѣкоторыхъ историческихъ, географическихъ и иныхъ обществъ въ разныхъ городахъ Россіи, въ томъ числѣ и въ Томскѣ при мѣстномъ университетѣ.

уже восемь археологическихъ съѣздовъ*), издано множество замѣчательныхъ и цѣнныхъ археологическихъ трудовъ, не смотря на все это, археологія по сіе время не получила полныхъ научныхъ правъ, до сихъ поръ не преподается, какъ отдѣльная и самостоятельная отрасль знанія, ни въ одномъ учебномъ заведеніи.

За немногими исключеніями, разработка ея предоставляется любителямъ-самоучкамъ, является дѣломъ случая и личнаго расположенія.

У меня лично любовь къ археологическимъ занятіямъ развилась также случайно. Первое, поверхностное ознакомленіе съ отечественными древностями я пріобрѣлъ во время поѣздокъ по южной Россіи въ 60-хъ годахъ. Въ то время курганы нашихъ южныхъ степей и предметы, собранные въ музеяхъ Одессы и Керчи, настолько поразили мое воображеніе, что я ревностно принялся за чтеніе всего, что было извѣстно по этому предмету. Въ путешествіяхъ Палласа, Лепехина, Гмелина, въ сочиненіяхъ Ашика, Спасскаго, графа Уварова и въ трудахъ Одесскаго и Петербургскаго археологическихъ обществъ я нашелъ столько любопытныхъ и вызывающихъ на размышленіе фактовъ, что невольно увлекся этимъ предметомъ, не переставая интересоваться имъ до послѣдняго времени. Въ 1874 году я спеціально объѣхалъ съ этою цѣлію Оренбургскую, Уфимскую и Пермскую губерніи; въ началѣ 80-хъ годовъ, живя въ Казани, я познакомился съ древностями Казанской губерніи и съ знаменитыми „Камскими Болгарами“, а въ 1881 г. въ первый разъ встрѣтился съ курганами и городищами Западной Сибири, проѣздомъ изъ Шадрин-

*) Первый археологическій съѣздъ былъ открытъ въ Москвѣ въ 1869 г. Два тома его трудовъ in 4° были изданы въ 1870 и 1871 гг. подъ редакціей графа А. С. Уварова.

Второй археологическій съѣздъ состоялся въ Петербургѣ по случаю 25-лѣтія С.-Петербургскаго археологическаго общества въ 1871 г. Труды этого съѣзда появились въ свѣтъ въ 1876 г. 2 выпуска in 4°, съ атласомъ fol.

Третій археологическій съѣздъ былъ въ Кіевѣ въ 1874 г. Издано 2 тома трудовъ in 4° съ атласомъ fol.

Четвертый археологическій съѣздъ былъ въ Казани въ 1877 г. Первый томъ трудовъ вышелъ въ 1884 г., 4°.

Пятый съѣздъ состоялся въ Тифлисѣ въ 1881 г. Труды изданы въ 1882—87 гг. 2 тома in 4°.

Шестой съѣздъ въ Одессѣ въ 1884 г. 4 тома трудовъ изданы въ 1886—90 г.

Седьмой съѣздъ въ Ярославлѣ въ 1887 г. Два тома трудовъ изданы въ 1889—90 гг.

Восьмой съѣздъ въ Москвѣ въ 1890 году. До сихъ поръ вышелъ одинъ томъ трудовъ.

ска по коммерческому тракту на Ишимъ, Тюкалинскъ, Омскъ и далѣе до Томска. Сибирскія курганныя кладбища по своей грандіозности превзошли все, прежде мною видѣнное. Сравнивая ихъ съ Оренбургскими, Уфимскими, Донскими и южно-русскими, я въ первый разъ невольно подчинился гипотетической мысли о принадлежности тѣхъ и другихъ одному и тому же народу. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ я сдѣлалъ въ то время (лѣтомъ 1881 года) въ своемъ дорожномъ дневникѣ слѣдующую замѣтку:

„Со второй станціи за Шадринскомъ появляется первая полоса сибирскихъ кургановъ, именно въ трехугольникѣ между рѣками Исетью и Міясомъ и далѣе между Міясомъ и Тоболомъ. По берегамъ этихъ рѣкъ они далеко идутъ—къ сѣверу до Тобольска, а къ юго-западу съ одной стороны въ Курганскій уѣздъ и Акмолинскую область, съ другой въ за-уральскіе уѣзды Оренбургской губерніи. Первое ознакомленіе съ курганами на пути до р. Тобола произвело на меня глубокое впечатлѣніе. Въ открытой степи, по высокимъ равнинамъ ряды и группы ихъ далеко обрисовывались точно большія копны сѣна на скошенномъ лугу, или какъ деревенскія постройки. Часто они стоятъ въ одну линію по ту и другую сторону дороги, напоминая деревенскую улицу, либо разбросаны неправильными группами, или въ одиночку, точно хутора. Вѣроятно вслѣдствіе такого впечатлѣнія, у крестьянъ сложилась легенда, что это были жилища какого-то древняго народа Чуди. Такое представленіе подкрѣплялось находками въ разрытыхъ курганахъ, вмѣстѣ съ человѣческими скелетами, и разныхъ вещей домашней утвари. Изъ этого вывели заключеніе, что Чудь похоронила себя заживо въ своихъ жилищахъ вмѣстѣ съ своимъ имуществомъ, подрубивъ деревянныя стойки въ своихъ землянкахъ, сдѣлавшихся такимъ образомъ ихъ могилами. Въ этой, не лишенной поэзіи, баснѣ курганы представляются чѣмъ-то въ родѣ Геркуланума и Помпеи, но еще въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ. Тамъ мы видимъ погребенные подъ пепломъ и лавой только два города, и притомъ извѣстной эпохи и извѣстнаго народа, а здѣсь рисуется воображенію цѣлый народъ, неизвѣстно какой и когда здѣсь жившій. Сотни и тысячи его могилъ, такъ рельефно выдающихся на всемъ пространствѣ широчайшихъ степей южной Россіи и Сибири, не смотря на одно-

образіе ихъ содержимаго, стоятъ помпейскихъ сокровищъ. Правда, они не дадутъ намъ дорогихъ образцовъ античнаго искусства, не будутъ имѣть высокой рыночной цѣны, но для науки они могутъ быть дороже золота и художественно обдѣланнаго мрамора. Помпейскія древности—это изящная виньетка къ одной главѣ Римской исторіи; Сибирскія же древности—это затерянный томъ самаго текста изъ жизни древнѣйшихъ народовъ.

„Глядя на Тобольскіе курганы и обнимая умственнымъ взоромъ громадную полосу ихъ распространенія почти по всѣмъ предѣламъ Россійской Имперіи, невольно приходитъ на мысль: не имѣютъ ли эти памятники болѣе прямаго отношенія къ древнѣйшимъ судьбамъ славянскаго народа?

„А что, если географическія совпаденія ихъ съ нынѣшнею русскою территоріею—не простая случайность, если это дѣйствительно могилы нашихъ предковъ, сооруженныя въ назиданіе и воспоминаніе потомству? Не будетъ ли тогда съ нашей стороны святотатствомъ отрекаться отъ этихъ прадѣдовскихъ могилъ, съ такимъ пренебреженіемъ попирать ихъ священную память, съ легкимъ сердцемъ уступая ихъ то финнамъ, то татарамъ? Добро бы мы дѣлали это сознательно, не желая мѣнять нѣчто извѣстное на проблематическое, могли бы указать на другое, болѣе опредѣленное мѣсто нашей первоначальной родины; но наши историки не указываютъ такого мѣста. Всю среднюю и сѣверную полосу Россіи они отдаютъ финнамъ, южныя степи—скиѳамъ и сарматамъ, не дозволяя видѣть ни въ тѣхъ, ни въ другихъ нашихъ родоначальниковъ,—всю Сибирь пріурочили къ туранскимъ племенамъ, Балканскій полуостровъ—ѳракійцамъ, западную Европу—кельтамъ и германцамъ, Малую Азію—эллинамъ и семитамъ, а колоссальному славянскому организму не оставили ни одного клочка земли, который онъ могъ бы назвать своей колыбелью.

„Всякая попытка отыскать и опредѣлить исконныя мѣста того или другаго племени не можетъ быть разсматриваема, какъ плодъ одной досужей любознательности. Я бы считалъ это нравственнымъ долгомъ потомковъ передъ предками. Кромѣ того, здѣсь чувствуется еще нѣчто, разъясняющее прошедшую и будущую судьбу народовъ, нѣчто указывающее на исконное предопредѣленіе въ судьбахъ человѣческихъ племенъ, на ихъ географическій

жребій. Вспомнилась мнѣ при этомъ рѣчь проф. В. В. Григоровича, сказанная на годовомъ актѣ Новороссійскаго Университета, 30 августа 1866 года. Въ этой рѣчи приводятся слова константинопольскаго патріарха Николая, обращенныя къ Симеону, князю Болгарскому въ X столѣтіи: „Кождому народу, говорилъ патріархъ, даровано Провидѣніемъ свое мѣсто, своя честь, свое призваніе. Народы, соблюдающіе свою имъ дарованную честь, пребудутъ и достигнутъ своего назначенія, народы же пытающіеся, какъ бы пренебрегая богодарованною честью, стяжать болѣе того, что имъ даровано, хотя бы на время достигали могущества, вскорѣ, однакожъ, среди обладанія, всего что ни есть лишены бываютъ“,

„Всматриваясь въ историческіе факты, мы дѣйствительно видимъ, что каждый народъ имѣетъ свой жребій, занимая данное ему мѣсто въ продолженіе многихъ тысячелѣтій, съ тѣхъ поръ какъ объ этомъ знаетъ исторія. Китайцы, Египтяне, Греки, Персы, Армяне, Латинцы, Галлы и Германцы, какъ и всѣ почти остальные культурные народы показываютъ замѣчательную устойчивость по отношенію къ мѣстамъ обитанія. Сколько ни дѣлали они завоевательныхъ попытокъ, какъ ни старались расширить кругъ своей земли, все это въ конечномъ результатѣ не приводило ни къ чему. Послѣ многократныхъ колебаній и пертурбацій, границы культурныхъ народовъ и государствъ остаются почти тѣ же самыя, какъ и при первоначальномъ разселеніи. Все, переходящее эти границы, или этотъ данный Богомъ жребій, рано или поздно отбрасывалось, народъ возстановлялъ исконные предѣлы, и не было силы, которая могла бы его столкнуть съ законно занимаемаго мѣста. Сколько распрей дала галльскимъ и германскимъ племенамъ небольшая полоска земли около Рейна, сколько было попытокъ отнять у славянъ сѣверные берега Чернаго моря и Дуная, какъ ни расширялись Римъ и Персія въ цвѣтущее время своего могущества, но въ концѣ концовъ исторія возвращала каждый народъ въ свое первоначальное русло. Насильственное отторженіе земель и порабощеніе народовъ всегда имѣло характеръ лишь временной пертурбаціи, за которою рано или поздно, иногда черезъ много столѣтій, возстановлялось прежнее равновѣсіе. Присоединенныя провинціи отпадали, порабощен-

ные народы возвращали свою политическую свободу и поглощающее государство въ періодъ своего упадка оставалось лишь съ тѣмъ удѣломъ, на которомъ былъ основанъ его первый политическій строй. Всѣ народности, которыя водворялись на чужихъ земляхъ, какъ пришлые паразиты, не имѣя здѣсь въ прошедшемъ осѣдло устроенной родины, обыкновенно оказывались неустойчивыми. Таковы монголы, татары и турки. Съ ослабленіемъ ихъ политической силы они разсыпались въ мелкіе обломки.

„Возстановленіе древнихъ границъ у обездоленныхъ народовъ составляетъ ихъ историческую задачу, къ которой инстинктивно стремится государственная жизнь, и рано или поздно достигаетъ этой законной цѣли. Здѣсь-то археологическіе памятники, правильно истолкованные, могли бы служить путеводною нитью. Они, какъ старые, долго затерянные документы, какъ межевые столбы могли бы помочь возстановить древнія границы народной жизни. Такая граница была бы основана не на политическомъ захватѣ, не на научныхъ соображеніяхъ тѣхъ или другихъ государственныхъ удобствъ, а на нравственномъ правѣ исконной давности. Скажутъ, что въ нашъ вѣкъ поголовнаго вооруженія смѣшно руководиться такими отвлеченными соображеніями. Но я и высказываю ихъ, конечно, не для руководства, а для освѣщенія русской исторической правды. Для народной совѣсти и для предчувствія будущаго далеко не все равно, будемъ ли мы сознавать, что славянское племя водворилось въ нынѣшнихъ земляхъ путемъ насилія и захвата, хотя бы и слишкомъ отдаленнаго отъ нашей эпохи, или оно наслѣдуетъ родную землю и въ дальнѣйшихъ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ лишь возвращаетъ себѣ то, что было неправильно отнято въ минувшіе вѣка.

„Такія мысли навѣяли на меня Тобольскіе курганы. Чувствуется мнѣ, что народная русская волна не даромъ стремится на югъ и востокъ. Не однѣ матеріальныя выгоды и политическія соображенія влекутъ насъ сюда, а народный инстинктъ, безсознательно сохранившійся въ коллективной памяти народныхъ массъ, подобно инстинкту перелетныхъ птицъ.

„Народы и государства дѣлаются достояніемъ исторіи обыкновенно лишь съ того времени, когда они вступаютъ во взаимо-

дѣйствіе съ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ, когда объ ихъ дѣяніяхъ появляются письменныя хроники, или, по крайней мѣрѣ, достовѣрныя преданія. Исторія, такимъ образомъ, представляетъ собою нѣчто въ родѣ формулярнаго списка, гдѣ хронологически отмѣчаются семейныя перемѣны, имущественныя пріобрѣтенія и міровая служба каждаго народа. Начало такой исторіи, очевидно, можетъ относиться только къ возмужалому возрасту. Но если мы хотимъ понять развитіе народнаго генія и характера, оцѣнить его прежнія дѣянія и предугадать будущую судьбу, мы должны изучать его дѣтство и отрочество и всѣ тѣ отдаленныя условія, которыя вліяли на его физическій ростъ и нравственно-интеллектуальный складъ. Эти данныя не почерпаются изъ формулярныхъ списковъ. Они кроются въ наслѣдственныхъ качествахъ и семейныхъ преданіяхъ, или, по отношенію къ народностямъ, въ доисторической эпохѣ. Открытую книгу такихъ, еще не разобранныхъ, лѣтописей представляютъ намъ древнія городища и безчисленныя могилы, разсыпанныя по всему необъятному пространству русской земли. Эти нѣмые свидѣтели доисторической культурной жизни, особенно поражающіе глазъ путника на открытыхъ сибирскихъ равнинахъ, должны содержать въ себѣ добрую долю тѣхъ именно документовъ о происхожденіи и первомъ дѣтскомъ возрастѣ славянскаго народа, которые до сихъ поръ считались навсегда затерянными. Сердцемъ чувствуется, что эта широкая привольная степь, разстилающаяся сплошной полосой отъ Оби до Волги и Дуная, близка русскому человѣку не со вчерашняго дня, что она выростила и воспитала не одни полудикія татарскія и монгольскія племена, а была когда-то колыбелью другаго народа, болѣе осѣдлаго и болѣе культурнаго. Раскрыть эту таинственную завѣсу могутъ только настойчивые археологическіе труды, а дѣятельными работниками для выполненія такой задачи должны быть члены нашего будущаго университета. Если бы систематическими научными разысканіями удалось доказать, что домонгольская Сибирь была исконною родиною славянскаго народа, это было бы со стороны будущей университетской корпораціи первой и, можно сказать, достойною платою отечеству за дарованный Сибири разсадникъ высшаго просвѣщенія.

„Сознаніе собственнаго достоинства въ исторіи есть одно изъ лучшихъ основаній народнаго достоинства въ настоящемъ и сѣмя будущаго; питать и укрѣплять это сознаніе въ народѣ есть прямая обязанность писателей, столь же священная и благотворная въ послѣдствіяхъ, какъ и обязанность указывать слабости народнаго характера, обличать заблужденія, преслѣдовать невѣжество и предразсудки: это два способа обнаруженія одного и того же патріотическаго призванія литературы“ *.

Такова была общая идея, явившаяся при первомъ моемъ ознакомленіи съ сибирскими памятниками въ 1881 году.

Съ 1885 года, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ я поставленъ былъ въ особенно благопріятныя условія для ознакомленія съ сибирскими древностями не только на всемъ протяженіи Тобольской и Томской губерніи, но также въ Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской областяхъ. Обнимая такой обширный районъ важнѣйшихъ водныхъ сообщеній и сухопутныхъ дорогъ Западной Сибири, вплоть до границъ Китая и Сыръ-Дарьинской области, не трудно было составить довольно полную общую картину географическаго распространенія археологическихъ памятниковъ одного и того же типа. Въ этомъ отношеніи особенно были любопытны древности Семирѣчья, какъ ближайшаго пункта отъ арійской прародины, предполагаемой въ Центральной Азіи, а именно въ бассейнѣ Сыръ и Аму-Дарьи, откуда пра-арійцы должны были, по мѣрѣ размноженія, распространяться на западъ (черезъ Персію и Малую Азію) и на сѣверо-востокъ (черезъ Западную Сибирь и Оренбургскія степи). Подробныя свѣдѣнія о Семирѣченскихъ курганныхъ кладбищахъ будутъ мною изложены въ своемъ мѣстѣ. Теперь же я мимоходомъ замѣчу, что ни одна изъ извѣстныхъ мнѣ доселѣ областей Европейской и Азіатской Россіи не представляетъ такой величавой и цѣльной картины древняго курганнаго погребенія, какъ многочисленныя кладбища, расположенныя на отлогихъ сѣверныхъ предгоріяхъ Алатавскаго хребта (по дорогѣ изъ Семипалатинска въ Вѣрный). Достаточно взглянуть на эти грандіозныя группы искусственныхъ холмовъ, на ихъ типическую форму и расположе-

*) *П. Билярскій.* Судьбы церковнаго языка. О Кирилловской части Реймскаго Евангелія. Спб. 1848 г., стр. 18.

ніе, сравнить ихъ съ такими же группами сибирскими, сѣверно-кавказскими и новороссійскими, чтобы явилась мысль о принадлежности этихъ однородныхъ памятниковъ какому либо одному, многочисленному и могучему народу. Не дряблымъ финскимъ инородцамъ, думалось мнѣ во время моихъ продолжительныхъ скитаній, не татарамъ и монголамъ, болѣе позднимъ пришельцамъ въ эти страны, должны принадлежать такія грандіозныя могилы, а тому устойчивому, издавна культурному и сильному племени, которое до сихъ поръ стоитъ во главѣ міровой цивилизаціи, т. е. народамъ европейскимъ.

Одновременно съ многократными поѣздками по Сибири и въ связи съ ними у меня явилась мысль объ основаніи при готовившемся тогда Томскомъ университетѣ спеціальнаго музея сибирскихъ древностей. При изобиліи этого мѣстнаго матеріала, въ скоромъ времени удалось собрать, частію пожертвованіями, частью путемъ личныхъ раскопокъ, весьма значительныя и цѣнныя коллекціи, преимущественно бронзовыхъ и мѣдныхъ издѣлій и образцовъ древней керамики. Ко времени открытія университета въ 1888 году въ музеѣ находилось болѣе 2660 предметовъ *). Этотъ матеріалъ, вмѣстѣ съ коллекціями другихъ сибирскихъ музеевъ, именно: Минусинскаго, Тобольскаго, Омскаго и отчасти Семипалатинскаго и Тюменскаго, давалъ возможность судить о сибирскихъ древностяхъ не по одному наружному виду могилъ, но и по ихъ внутреннему содержанію. Сравнивая въ общемъ и въ частностяхъ типы находимыхъ здѣсь предметовъ съ подобными же архаическими издѣліями южной и сѣверной Россіи, нельзя было не замѣтить между тѣми и другими поразительнаго сходства. Это усугубляло интересъ къ сибирскимъ древностямъ, заставляя думать, что Западная Сибирь и почти вся остальная Россія жили нѣкогда одною и тою же культурною жизнію, и притомъ далеко не низменною. Это не была жизнь полудикихъ, бродячихъ или кочующихъ племенъ, подобно нынѣшнимъ монгольскимъ и финскимъ инородцамъ, а жизнь во многихъ случаяхъ осѣдлая, промыш-

*) См. изданный мною печатный каталогъ подъ заглавіемъ: „Археологическій музей Томскаго университета“, 1888 г. Томскъ. Примѣчанія къ каталогу стр. I—V и стр. 1—275. Въ настоящее время музей имѣетъ уже болѣе 4800 предметовъ.

ленная, не уступающая раннимъ періодамъ гражданственности и культуры древнихъ классическихъ народовъ. По большому числу находимыхъ здѣсь бронзовыхъ серповъ (весьма сходныхъ съ древними греческими и римскими) можно заключать, что древніе обитатели Сибири не были чужды земледѣлія. Тоже подтверждаютъ и находимые обугленные знаки. Множество бронзовыхъ долотъ, стамесокъ, нѣсколько найденныхъ бронзовыхъ и мѣдныхъ топоровъ, приближающихся къ нынѣшнему европейскому и русскому типу, доказываютъ, что плотничное искусство также было здѣсь развито. Типы боевыхъ бронзовыхъ топоровъ (кельтовъ) и сѣкиръ, копій, дротиковъ и бронзовыхъ стрѣлъ вполнѣ напоминаютъ древній обще-европейскій или классическій стиль. При томъ всѣ эти издѣлія въ Сибири не были привозными, а выдѣлывались на мѣстѣ, изъ мѣстныхъ рудъ и отливались въ здѣсь же приготовленныя формы. Масса гончарныхъ издѣлій и черепковъ битой посуды, типической формы и своеобразнаго, тисненнаго по сырой глинѣ, орнамента вполнѣ тождественны съ курганной керамикой южной, западной, восточной, и сѣверной Россіи. Эти издѣлія, особенно массы черепковъ въ городищахъ, также служатъ признакомъ осѣдлости и мѣстной индустріи. Все это и многое другое, о чемъ въ частностяхъ будетъ сказано въ соотвѣтствующихъ главахъ, указываютъ на близкую, родственную связь древней сибирской культуры съ русской доисторическою культурою, опредѣляемою по слѣдамъ тѣхъ же археологическихъ раскопокъ.

Въ 1881 году появилось въ свѣтъ извѣстное сочиненіе Гейнриха Шлимана — Ilios, Stadt und Land der Trojaner. Этотъ замѣчательный трудъ, снабженный многочисленными рисунками, проливаетъ новый свѣтъ на сибирскія древности. По раскопкамъ Шлимана оказывается, что троянская культура отличалась отъ эллинской и во многихъ случаяхъ представляла типы весьма сходные, или даже тождественные, по рисунку и орнаментамъ предметовъ, съ типами сибирскихъ курганныхъ древностей. Чаще всего это замѣчается на гончарныхъ издѣліяхъ. Такое же, нерѣдко поразительное, сходство съ троянскою глиняною посудою мы видимъ въ археологическихъ находкахъ побережья Балтійскаго моря и въ сѣверной Пруссіи. Въ этой послѣдней оказываются тѣ же,

какъ въ Россіи и Сибири, формы земляныхъ и каменныхъ курганныхъ могилъ, тѣже многочисленныя группы кургановъ, представляющихъ собою общія кладбища, устраиваемыя на высокихъ открытыхъ мѣстахъ, преимущественно по берегамъ рѣкъ, тѣ же, или во многомъ сходные, способы погребенія, тѣ же предметы, находимые въ могилахъ. Такое совпаденіе нельзя назвать случайнымъ. Равнымъ образомъ нельзя его приписать общему для всего человѣчества, въ извѣстную эпоху, культурному складу жизни, ибо въ другихъ мѣстностяхъ Западной Европы, изстари населенныхъ напр. нѣмецкимъ или галльскимъ племенемъ, такихъ типовъ не замѣчается. Наконецъ, нельзя допустить и того предположенія, чтобы весь очерченный нами районъ обширнѣйшаго курганнаго царства, начиная съ одной стороны отъ Семирѣчья и Западной Сибири вплоть до Варяжскаго моря, съ другой стороны—отъ азіатскаго берега Босфора до Ладожскаго озера и далѣе на сѣверъ, былъ населенъ, хотя бы и въ разное время, одними только финскими племенами, которымъ археологи такъ охотно уступали всѣ сибирскія и т. н. скиѳскія древности. Безъ излишней притязательности и безъ патріотическаго увлеченія, мнѣ кажется, позволительно высказать догадку, что въ созданіи упомянутаго курганнаго царства должно было принимать преобладающее участіе и славянское племя, издавна столь многочисленное и столь богато одаренное отъ природы физическими и духовными силами. Этотъ вопросъ, доселѣ смутно представляемый на основаніи общихъ гипотетическихъ соображеній, можетъ быть разъясненъ только при помощи вещественныхъ доказательствъ, почерпаемыхъ изъ археологическихъ данныхъ. Одна археологія можетъ сказать свое правдивое слово тамъ, гдѣ молчитъ исторія, если къ изученію доисторическихъ древностей будутъ примѣнены болѣе точные методы и если доисторическая археологія будетъ сосредоточиваться на болѣе опредѣленныхъ цѣляхъ.

Выше мы сказали, что археологія до сихъ поръ представляетъ собою не вполнѣ установившуюся науку. Еще такъ недавно главнѣйшею ея цѣлью было изученіе классическихъ древностей греческаго и римскаго міра. Здѣсь она шла параллельно исторіи, выясняя и пополняя то, чего недоставало въ литературныхъ источникахъ. Эта отрасль знанія, наравнѣ съ ну-

мизматикой и палеографіей, имѣетъ опредѣленныя цѣли, какъ пособіе при изученіи классическихъ наукъ. Тоже самое можно сказать про другія отрасли археологическихъ знаній—изученіе христіанскихъ древностей, архитектурныхъ и другихъ памятниковъ народной жизни, относящихся, хотя и къ давнему, но все же историческому времени. Во всѣхъ этихъ случаяхъ археологія имѣетъ опредѣленныя рамки, представляя собою вспомогательную науку для исторіи.

Другое положеніе она имѣетъ тамъ, гдѣ изслѣдованія касаются временъ доисторическихъ. Въ этой сферѣ исходною точкою научныхъ разысканій является нѣчто общее, неопредѣленное, непріуроченное ни къ эпохѣ, ни къ народности. Поэтому доисторическая археологія до сихъ поръ разработывается, безъ непосредственной связи съ живою природою, или съ судьбами живущаго человѣчества. Подобно анатоміи, географіи, геологіи и другимъ описательнымъ наукамъ, она констатируетъ факты, наноситъ ихъ на топографическую карту и группируетъ по общимъ, довольно неопредѣленнымъ эпохамъ, такъ называемаго, каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣка. Дѣйствуя въ этомъ направленіи, археологія теряетъ связь съ исторіей и съ жизнью. Доисторическія древности являются чѣмъ-то въ родѣ палеонтологическихъ слѣдовъ допотопной фауны и флоры; по нимъ отыскивается первобытный человѣкъ въ отвлеченномъ представленіи, безъ прямаго отношенія къ нынѣ живущимъ племенамъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрятъ нѣкоторые изъ археологовъ на слѣды каменнаго вѣка и на краніологію этого періода. Бронзовый вѣкъ считается менѣе отдаленнымъ. Его пробовали связать съ извѣстнымъ періодомъ времени и съ тою или другою народностью, но до сихъ поръ эти попытки большею частію не имѣли прочныхъ основаній. По новости и, можетъ быть, по трудности такой задачи, большинство археологовъ все еще не рѣшаются свести доисторическія разысканія на національную почву, полагая, что такой матеріалъ имѣетъ слишкомъ отдаленную и неуловимую связь съ существующимъ нынѣ человѣчествомъ и его доисторическими судьбами.

Яркіе слѣды предшествовавшей народной жизни время отъ времени, однако же, понуждали мыслящихъ изыскателей не ог-

раничиваться однимъ описаніемъ древностей и отвлеченными выводами, а требовали опредѣленныхъ заключеній о народности.

Еще въ прошломъ столѣтіи (1763 г.) такой вопросъ о сибирскихъ памятникахъ былъ предложенъ извѣстному историку Миллеру Императрицею Екатериною II, по поводу поднесенія ей найденныхъ въ Сибири и въ Новой Сербіи (въ Новороссійскомъ краѣ) древнихъ предметовъ. „Ея Императорское Величество, говоритъ Миллеръ, по неизрѣченному своему въ наукахъ любопытству, соизволила указать оныя вещи сообщить мнѣ, чтобы я сочинилъ объ нихъ, *а паче о народахъ, коимъ оныя вещи приписуемы быть могутъ,* нѣкоторыя изъясненія“ *). Отвѣтить на данный вопросъ въ то время было весьма трудно, и Миллеръ позволилъ себѣ высказать только въ формѣ догадки, что сибирскія древнія могилы могли принадлежать уйгурамъ, монголамъ и татарамъ (стр. 493). Что касается до южнорусскихъ кургановъ, то Миллеръ отрицаетъ ихъ татарское происхожденіе, склоняясь къ нерѣшительной догадкѣ о принадлежности ихъ уграмъ или венгерцамъ. Высказывая эту мысль, авторъ дѣлаетъ оговорку, что это не болѣе какъ одно предположеніе, не имѣющее прочнаго основанія, такъ какъ русскіе археологическіе памятники изслѣдованы весьма недостаточно. Въ своихъ предположеніяхъ Миллеръ основывается больше на историческихъ данныхъ, чѣмъ на оцѣнкѣ самыхъ древностей, и въ этомъ отношеніи онъ не отрицаетъ мысли, что и другіе историческіе народы, въ разныя времена населявшіе южную Россію, могли оставить въ курганныхъ могилахъ слѣды своего пребыванія. Сюда относятся: сарматы, скиѳы, готы, гунны и болгары. „*Болгары, славянскій народъ*“, пишетъ авторъ, „съ Волги переходили въ нижнія страны рѣки Дуная, однако, затѣмъ не опустѣли прежнія ихъ жилища; паче всего славяне изъ сихъ первыхъ своихъ извѣстныхъ жилищъ на Волгѣ, такъ какъ прежде, непрерывно далѣе въ Россію и въ другія государства распространились“ (стр. 510). Такимъ образомъ, по мнѣнію Миллера, болгары (какъ славянскій народъ) и значительная часть прочихъ славянскихъ племенъ въ исконныя времена жили въ приволжскихъ степяхъ.

*) Ежемѣсячн. сочиненія. Декабрь 1764 г., стр. 483. О могильныхъ вещахъ.

а слѣдовательно и они могли имѣть долю участія въ разсматриваемыхъ археологическихъ памятникахъ.

Мысль о монгольскомъ или татарскомъ происхожденіи россійскихъ и сибирскихъ кургановъ скоро была оставлена. Собранныя съ теченіемъ времени значительныя коллекціи курганныхъ череповъ ясно показали, что о монгольской расѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи, а на присутствіе осѣдлыхъ поселеній тюркскихъ племенъ въ средней и южной полосѣ Россіи до начала русскаго государства не было никакихъ историческихъ намековъ. Поэтому археологи предпочтительно остановились на мысли о финскомъ происхожденіи разсматриваемыхъ нами памятниковъ. Въ пользу этого мнѣнія подкупало то обстоятельство, что древности одинаковаго типа встрѣчались не только въ южной и центральной Россіи, но и въ сѣверной ея полосѣ, гдѣ признавались исконныя поселенія финскихъ племенъ. Эта мысль еще болѣе укрѣпилась послѣ того, когда однородные памятники въ весьма большомъ числѣ стали обнаруживаться почти на всемъ пространствѣ сибирскихъ земель, относительно которыхъ невозникало даже и мысли, чтобы когда либо здѣсь могло существовать другое населеніе кромѣ нынѣшняго инородческаго. Такимъ образомъ, сѣверная Россія и Сибирь сдѣлались излюбленнымъ мѣстомъ для археологическихъ разысканій древней финской культуры. Образованные фины (финляндцы, мадьяры), проникнутые національнымъ самосознаніемъ, съ замѣчательнымъ усердіемъ стали посѣщать эти страны, надѣясь найти здѣсь фактическія доказательства болѣе счастливыхъ временъ своего племени. Въ Буда-Пештѣ и Гельсингфорсѣ созидаются національные музеи, собираются, такъ называемыя, финскія древности, жертвуются правительствомъ значительныя суммы на ученыя экспедиціи и изданія археологическихъ трудовъ. Благодаря этимъ стараніямъ и матеріальнымъ пособіямъ, археологическая наука пріобрѣла богатые вклады, несомнѣнно полезные даже въ томъ случаѣ, если основная мысль финскихъ ученыхъ впослѣдствіи оказалась бы и не вполнѣ состоятельною.

Одновременно съ этимъ работала и русская мысль, хотя и не всегда въ опредѣленномъ направленіи. Въ трудахъ нашихъ ученыхъ археологовъ нерѣдко проявляются тѣ же увлеченія фин-

скими теоріями, при отсутствіи національнаго сознанія, что и славянское племя можетъ имѣть право на доисторическую древность, что оно, до начала своей государственной жизни, гдѣ нибудь должно было существовать въ пространствѣ и времени и оставить вещественые слѣды своего существованія.

Въ числѣ первыхъ тружениковъ, стремившихся проложить путь собственно къ славянскимъ доисторическимъ древностямъ, слѣдуетъ упомянуть Зоріана Яковлевича *Ходаковскаго*. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, онъ первый обратилъ вниманіе на наши безчисленныя городища, какъ памятники древнѣйшихъ славянскихъ поселеній. Городища, говорилъ онъ, простираются отъ Камы до Лабы (Эльбы), отъ Сѣверной Двины до горъ Балканскихъ и Адріатическаго моря; число ихъ такъ велико, что на каждую квадратную милю, населенную славянами, приходилось по одному городищу. Всѣ они похожи между собою, имѣя круглые валы, насыпанные исключительно изъ чернозема. По мнѣнію Ходаковскаго, эти сооруженія, можетъ быть, служили идолопоклонническими капищами*). Въ свое время это заявленіе не произвело должнаго впечатлѣнія. Къ нему отнеслись съ полнымъ недовѣріемъ по той причинѣ, что казалось вполнѣ невѣроятнымъ, чтобы славяне въ такое отдаленное время могли имѣть такое густое населеніе и притомъ на такомъ громадномъ пространствѣ.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ *Чертковымъ* **) была высказана мысль о варяго-русскомъ происхожденіи нашихъ кургановъ. Первыя раскопки были сдѣланы имъ въ Московской губерніи въ 1838 году, а потомъ въ 1845 году. Основываясь на характерѣ найденныхъ вещей, изслѣдователь относитъ древность этихъ кургановъ къ эпохѣ до Р. Х., а народъ, въ нихъ погребенный, признаетъ за Варяго-Руссовъ, плававшихъ по судоходнымъ рѣкамъ центральной Россіи. Такое же мнѣніе развито въ изданномъ въ 1842 г. извѣстномъ сочиненіи Дерптскаго, нынѣ Юрьевскаго, профессора Фридриха *Крузе* о ливонскихъ древностяхъ (Necrolivonica).

*) Русскій историческій сборникъ, ред. М. Погодина, 1838 года кн. 3, стр. 3—109. Въ томъ же изданіи напечатано разсужденіе Ходаковскаго: „О водяныхъ путяхъ въ древней Россіи. Кн. 1, стр. 1—50.

**) „Описаніе найденныхъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ древностей“, помѣщено Чертковымъ въ первомъ томѣ, „Записокъ С.-Петербургскаго археологическо-нумизматическаго общества“ стр. 234—254.

Академикъ К. М. *Беръ*, изслѣдовавъ нѣсколько курганныхъ череповъ Московской губерніи, призналъ ихъ не финскими и также непохожими на скандинавскіе черепа, изображенные Нильсономъ. Къ тому же заключенію приходитъ профессоръ Московскаго университета Анатолій Петровичъ *Богдановъ*. Въ своемъ обширномъ трудѣ по антропологіи курганнаго періода Московской губерніи *), основанномъ на многочисленномъ матеріалѣ и точныхъ измѣреніяхъ, онъ говоритъ: „Курганное племя было довольно высокаго роста (2 арш. 6 вершк. и 2 арш. 8 вершк.) и сильнаго сложенія. Племя было русоволосое, скорѣе темнорусое, чѣмъ свѣтлорусое" (стр. 17). По формѣ черепа его нельзя признать за финское. Въ заключеніе своего труда профессоръ прибавляетъ: „Нашъ результатъ, изъ принятаго нами способа изложенія, цифроваго и фактическаго, никакъ нельзя объяснить какимъ либо субъективнымъ мотивомъ: онъ вытекаетъ прямо изъ массы фактовъ и его приговоръ рѣшителенъ, безсердеченъ и строго наученъ. Оказывается, что первые заселенцы средней Россіи были не финны по организаціи: это печально для тѣхъ, которые желали бы видѣть только доказательства того, что всегдашнее народонаселеніе средней Россіи было изъ какой-то Чуди, но русскіе могутъ совершенно объективно принять этотъ результатъ, какъ приняли бы хладнокровно и противуположный" (стр. 176).

Въ новѣйшихъ археологическихъ трудахъ усерднѣйшимъ изслѣдователемъ русской доисторической старины и приверженцемъ славянской теоріи кургановъ и городищъ является профессоръ Варшавскаго университета Дмитрій Яковлевичъ *Самоквасовъ*. Онъ разъясняетъ, что городища дѣйствительно представляютъ собою укрѣпленные пункты (древніе города) многочисленнаго русскаго населенія, а курганы заключаютъ въ себѣ много предметовъ, прямо указывающихъ на русское ихъ происхожденіе. Благодаря вышеприведеннымъ разысканіямъ, племенной вопросъ о происхожденіи кургановъ сталъ понемногу разъясняться. Финскія теоріи мало по малу отходятъ на второй планъ, хотя до

*) Извѣстія Общ. любителей естествознанія при Императорскомъ Московскомъ университетѣ", т. IV, вып. I. „Матеріалы для антропологіи курганнаго періода въ Московской губ." Москва. 1867. 4°.

сихъ поръ еще имѣютъ не мало приверженцевъ въ средѣ русскихъ ученыхъ.

Такимъ образомъ національный вопросъ невольно напрашивалс̧я на страницы археологическихъ работъ. Иначе и быть не могло. Всякій археологическій фактъ имѣетъ значеніе не самъ по себѣ, а только по отношенію къ древнимъ судьбамъ того или другаго народа. Напрасно мы стали бы отклонять эти назойливые вопросы подъ тѣмъ предлогомъ, что ископаемыя древности могли относиться къ племенамъ, теперь уже не существующимъ. Народы не исчезаютъ съ лица земли такъ-же быстро, какъ имена ихъ со страницъ древней исторіи. Кажущееся исчезновеніе доказываетъ только неустойчивость (перемѣну) народныхъ названій, или, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, сліяніе части того или другаго племени съ сос̧ѣднимъ господствующимъ народомъ. Китайцы, индусы, евреи, древніе персы, эллинскія и латинскія племена, съ тѣхъ поръ какъ знаетъ ихъ исторія, и по сіе время не утратили своихъ племенныхъ чертъ. Тоже самое можно сказать о галлахъ, германцахъ и славянахъ. Давность ихъ начинается не съ лѣтописной исторіи, а съ той отдаленнѣйшей сѣдой старины, когда эти народности выдѣлились изъ общей арійской семьи. Въ этомъ безконечно длинномъ ряду вѣковъ каждая народность должна была оставить свои слѣды какъ въ себѣ самой, т. е. на своемъ духовномъ обликѣ, такъ и въ мѣстахъ своего пребыванія. Мѣста народной жизни мѣняются, еще болѣе измѣнчивы географическія и историческія имена; но плоды національнаго творчества большею частію сохраняютъ свой національный отпечатокъ, если не во все время существованія народа, то, во всякомъ случаѣ, въ продолженіи очень долгаго времени. Привычки, вкусы, наклонности и вѣрованія обыкновенно соблюдаются народомъ, какъ святыня, по инстинктивному чувству народнаго самосознанія. Поэтому перемѣны въ основныхъ народныхъ привычкахъ являются только въ исключительныхъ случаяхъ, напр. съ перемѣною религіи или съ усвоеніемъ новой заимствованной цивилизаціи, и при томъ они все же не распространяются на весь складъ народной жизни. Эти-то національныя черты, ведущія свое начало изъ глубины доисторическихъ вѣковъ и выраженныя вещественными памятниками могутъ слу-

жить точкою опоры при національномъ направленіи археологическихъ разысканій.

Національное направленіе въ изученіи древностей Европейской Россіи, какъ мы уже видѣли, пустило довольно глубокіе корни. Тамъ, на берегахъ исконныхъ славянскихъ рѣкъ и областей не трудно было освоиться съ мыслію о принадлежности наибольшей части кургановъ и городищъ нашимъ предкамъ славянамъ. Это гармонировало съ историческими данными, не противорѣчило намекамъ классическихъ писателей и потому не представлялось неожиданностію. Но какъ скоро тотъ же вопросъ и тотъ же археологическій матеріалъ переносится за Волгу, отношеніе къ нему исторической критики совершенно мѣняется. Мы такъ привыкли считать Сибирь родиной финскихъ, монгольскихъ и татарскихъ народовъ, что всякій намекъ на пребываніе здѣсь другихъ, болѣе культурныхъ, расъ и на существованіе осѣдлой жизни въ доисторическія времена a priori считается исторической ересью, чѣмъ-то невѣроятнымъ и невозможнымъ. Всѣ историческія данныя, повидимому, располагали къ такому мнѣнію. Но при этомъ забывали, что эти данныя относятся ко временамъ не столь отдаленнымъ. Сибирскія степи, дѣйствительно, взростили и вскормили полчища монголовъ и татаръ, наводнившихъ Россію въ первой половинѣ XIII вѣка. Отсюда, еще ранѣе того, вѣроятно, перекочевали печенѣги и половцы; отсюда же, въ началѣ V вѣка, происходитъ многочисленный народъ гунновъ, давшій себя почувствовать Византіи и всей западной Европѣ. Это все, что мы знаемъ о населеніи Сибири въ историческія времена. Если прибавить къ этому извѣстія русскихъ лѣтописцевъ о финскомъ сѣверѣ X—XII вѣка, то этимъ исчерпываются всѣ свѣдѣнія того времени о нынѣшнихъ восточно-азіатскихъ владѣніяхъ Россіи. Далѣе, за рубежомъ христіанской эры, остаются одни пустыя слова, названія разныхъ неизвѣстныхъ народовъ, сохраненныя частію китайскими писателями, частью греками во времена ихъ знакомства съ областями по Сыру и Аму-Дарьѣ.

Изъ этихъ историческихъ показаній мы можемъ вывести слѣдующее заключеніе: 1) населеніе южныхъ областей Сибири съ V до XVI вѣка было несомнѣнно монголо-татарское. Сѣверныя

области, по всей вѣроятности, также какъ и нынѣ, заняты были финскими и тунгузскими племенами, стоявшими на такомъ же крайне низменномъ культурномъ уровнѣ, на какомъ они оказались при первой исторической встрѣчѣ съ русскою народностью. 2) Всѣ монгольскія и татарскія племена несомнѣнно вели въ то время кочевой образъ жизни, не имѣли ни осѣдлыхъ жилищъ, ни крѣпостей, ни судоходства, ни собственной индустріи. Яркимъ образчикомъ ихъ бытоваго облика могутъ служить историческія свѣдѣнія о половцахъ и печенѣгахъ, или раньше того описанія гунновъ, какія даютъ Амміанъ Марцеллинъ и Іорнандъ въ VI вѣкѣ. Читая эти описанія, очевидно относящіяся не ко всему гуннскому народу, а только къ части зауральскихъ выходцевъ, можно составить себѣ совершенно ясное представленіе о полудикихъ ордахъ киргизовъ или башкиръ позднѣйшаго времени. Таковы были зауральскіе кочевники V—VI вѣка, почти такими же они являются при нашествіи монголовъ на Россію, такими большинство изъ нихъ остаются до сихъ поръ (монголы и киргизы). Впослѣдствіи, при спеціальномъ разборѣ сибирскихъ древностей мы надѣемся доказать, что всѣ эти бродячія и кочевыя орды, населявшія Сибирь съ V вѣка, или нѣсколько ранѣе того, не имѣютъ отношенія къ интересующимъ насъ памятникамъ. 3) Иной вопросъ составляютъ болгары и настоящіе гунны (по Приску). Несомнѣнно, что они также нѣкогда жили въ зауральскихъ степяхъ, но передъ глазами европейскихъ писателей они являются уже съ явными признаками культурнаго строя, совсѣмъ не похожими ни на позднѣйшихъ татаръ, ни на монголовъ. Это совсѣмъ другой народъ, о которомъ, благодаря пристрастному Іорнанду и неразборчивому Амміану Марцеллину, у европейскихъ историковъ составилось извращенное понятіе. 4) Что касается до временъ еще болѣе отдаленныхъ и до народовъ древности, извѣстныхъ только по имени, напр. саковъ, массагетовъ, или, (по китайскимъ источникамъ) уссуней, динлиновъ и т. под., то ихъ имена могутъ быть раскрыты только археологическими данными. Пока это иксъ и игрекъ,— тотъ же темный скиѳскій вопросъ, который въ отношеніи европейскихъ скиѳовъ сталъ немного разъясняться только въ послѣднее время, и также благодаря археологическимъ трудамъ.

Болѣе крупные, если можно такъ выразиться, основные археологическіе факты западной Сибири относятся къ эпохѣ до Рождества Христова, или, по крайней мѣрѣ, не позднѣе первыхъ 2—3 столѣтій нашего лѣтосчисленія (бронзовая культура). Но встрѣчается не малое число могильныхъ насыпей менѣе древняго происхожденія, съ признаками желѣзнаго вѣка. Это большею частію убогія могилы, содержащія неуклюжіе черепа тунгузскаго или финскаго типа, съ бѣдною вещественною обстановкою. Онѣ преимущественно оказываются въ сѣверныхъ областяхъ, до сихъ поръ отчасти занятыхъ финскими инородцами. По нимъ можно заключить, что у этихъ инородцевъ, точно также какъ и въ сѣверныхъ областяхъ Европейской Россіи, нѣкогда былъ тоже усвоенъ обычай курганнаго погребенія (сравни мерянскія могилы и древности). Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ сибирскія древности принадлежали финскому или тунгузскому племени. Принять такое предположеніе по отношенію къ могильникамъ Европейской Россіи, значило бы допустить, что финны передали свои культурныя привычки языческимъ славянамъ и руссамъ, что они были просвѣтители славянъ, тогда какъ гораздо вѣроятнѣе и естественнѣе предполагать обратное явленіе. Это легко подтвердить историческими фактами и данными языка. Тоже самое отношеніе могло существовать и въ Сибири въ доисторическія времена; но мы не будемъ пока касаться этого вопроса. Въ настоящемъ случаѣ для насъ важно то обстоятельство, что могилы бронзоваго вѣка, указывающія на несравненно болѣе высокій строй народной жизни, на большое многолюдство, силу, богатство и сравнительно высокую культуру, принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ, относимыхъ къ эпохѣ до Рождества Христова. Слѣдовательно, при разсмотрѣніи вопроса о древнемъ сибирскомъ населеніи необходимо принимать во вниманіе не одни монгольскія, татарскія или финскія племена, но главнымъ образомъ тѣ народы, о которыхъ упоминаютъ греческіе и китайскіе историки. При такой точкѣ зрѣнія, взглядъ на сибирскія древности существенно измѣняется; замѣчаемое близкое сходство ихъ съ соотвѣтствующими памятниками славянскихъ земель получаетъ другое значеніе и идея о древнѣйшемъ пребываніи въ Сибири арійскихъ народовъ не можетъ казаться праздною, ни на чемъ не основанною фантазіей.

Относительно сибирскихъ древностей слѣдуетъ замѣтить вообще, что они до сихъ поръ совершенно не разработаны. То, что собрано въ мѣстныхъ музеяхъ, большею частью принадлежитъ къ случайнымъ находкамъ, а если дѣлались, далеко не многочисленныя, болѣе или менѣе правильныя раскопки курганныхъ могилъ, то объектомъ этихъ археологическихъ работъ обыкновенно выбирались мелкія курганныя насыпи, не требовавшія при раскопкѣ большаго труда и затраты времени и денежныхъ средствъ. Естественно, что такія скромныя могилы оказывались бѣдными по содержанію. Кромѣ глиняной посуды, бронзовыхъ издѣлій и личныхъ украшеній скромнаго достатка, здѣсь трудно было разсчитывать найти что-либо соотвѣтствующее богатому вкусу и характеризующее бытъ высшихъ слоевъ скиѳскаго населенія. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ сибирскихъ курганныхъ могилахъ находилось и находится много издѣлій драгоцѣнныхъ. На это указываютъ образцы замѣчательныхъ сибирскихъ древностей, получавшіеся въ прошломъ столѣтіи, хотя тоже пріобрѣтаемые случайнымъ путемъ (въ коллекціяхъ Императорскаго Эрмитажа) и свѣдѣнія, передаваемыя Палласомъ и другими, о массѣ золотыхъ находокъ, извлекавшихся изъ кургановъ мѣстными крестьянами — хищниками, не жалѣвшими труда при раскопываніи болѣе крупныхъ курганныхъ могилъ. Алтай всегда былъ источникомъ золота. Богатство черноморскихъ скиѳовъ заключалось въ отпускной торговлѣ произведеніями земледѣльческой культуры и сырыми продуктами страны; западная Сибирь получала золото въ натурѣ и обработывала его для высшихъ классовъ мѣстнаго населенія по своему мѣстному вкусу. Поэтому въ богатыхъ сибирскихъ могилахъ легче найти цѣльный, хотя и варварскій, типъ начальнаго скиѳскаго вкуса, безъ примѣси вліянія классическихъ художественныхъ образцовъ. *) Одно это обстоятельство

*) Въ могилахъ подъ курганами крупнаго размѣра до настоящаго времени добывается хищниками значительное количество золотыхъ издѣлій. Объ этомъ я имѣю свѣдѣнія, между прочимъ, отъ одного весьма почтеннаго и образованнаго лица, служащаго при Алтайской духовной миссіи. Въ письмѣ отъ 12 мая 1893 года мнѣ сообщаютъ слѣдующее: „золотыя вещи, извлекаемыя изъ могилъ, состоятъ главнымъ образомъ изъ украшеній для одежды, сдѣланныхъ изъ тонкаго листоваго золота. Всѣ онѣ продаются для сплава мѣстнымъ кузнецамъ. Въ одномъ курганѣ оказалось золота съ этихъ украшеній послѣ сплава 120 золотниковъ, не считая похищеннаго кузнецомъ во время сплава. Занимаются этимъ дѣломъ (раскопкою

должно было бы заставить обратить на разработку сибирскихъ древностей такое же вниманіе, какое было обращено на Геродотову Скиѳію. Тогда можно было бы сказать послѣднее слово науки относительно значенія сибирской археологіи въ ряду памятниковъ искусства и средневѣковой культуры.

Чѣмъ дальше подвигаться на западъ, тѣмъ богаче и разнообразнѣе по содержанію оказываются археологическія находки. Въ сѣверныхъ пермскихъ и вятскихъ краяхъ, а также въ Камской Болгаріи и Черноморской Скиѳіи попадаются вещи болѣе усовершенствованной техники, напр. серебряные витые шейные обручи, изящныя привѣски и головные уборы, серебряныя блюда съ чеканными рисунками бытовыхъ сценъ, дорогіе металлическіе сосуды и т. под. Общій скиѳскій типъ этихъ предметовъ одинаковъ съ сибирскимъ, но техническая обработка ихъ тоньше и сложнѣе; здѣсь больше выражается примѣсь персидскаго вліянія (черезъ Каспійское море и Волгу), а нѣкоторые предметы прямо указываютъ на персидское происхожденіе, напр. серебряныя блюда съ бытовыми сценами. Вообще можно сказать, на Волгѣ и Камѣ выразилось сарматское (мидійское или парѳянское) вліяніе, тогда какъ у черноморскихъ скиѳовъ въ художественной отдѣлкѣ предметовъ видно участіе греческихъ мастеровъ. Подъ этими двумя вліяніями, персидскимъ и греческимъ, развивался постепенно, въ смыслѣ усовершенствованія техники, скиѳо-сармат-

кургановъ) два бѣдняка Чолоказака, работаютъ иногда недѣли по двѣ и больше, такъ какъ приходится дорываться на значительную глубину, аршинъ въ 9—10. Несмотря на мои просьбы въ прошломъ году, много вещей пропало даромъ, изломаны, или затеряны, къ моему огорченію. Очень жаль золотыхъ украшеній, такъ какъ они промѣниваются на товаръ.—Простите великодушно, что не описываю кургановъ: ихъ здѣсь такъ много, что это и не легко. Стоитъ выѣхать на гору за поселокъ Челоказаковъ, и этихъ кургановъ видно множество, иные въ полуверстѣ, другіе въ нѣсколькихъ саженяхъ другъ отъ друга. Вамъ очень хотѣлось и мнѣ слѣдовало бы осмотрѣть пещеры и камни съ надписями, но при всемъ желаніи, я здѣсь, проѣздомъ на короткое время, не могъ этого сдѣлать. Пещеры и камни всего верстахъ въ 15—20 отъ села Буканскаго“. Какъ образчикъ золотыхъ издѣлій изъ Кокпектинскихъ пещерныхъ могилъ мною пріобрѣтена головка лошади изящной работы. Она вырѣзана изъ дерева и обложена листовымъ золотомъ, вѣроятно составляла часть какого либо предмета, въ полности не доставленнаго. Мѣстная областная администрація не въ состояніи услѣдить за хищниками киргизами въ глухихъ безлюдныхъ мѣстахъ Алтайскихъ долинъ. Поэтому весьма желательно было бы предупредить расхищеніе другимъ способомъ - организаціей правильныхъ раскопокъ по порученію Императорской археологической комиссіи. Это необходимѣе всего сдѣлать въ южной, незаселенной половинѣ Семипалатинской области и въ Семирѣчьѣ, гдѣ можно ожидать самое богатое въ матеріальномъ и научномъ отношеніи содержаніе курганныхъ могилъ. Такую работу необходимо поручить не отдѣльному лицу, а особой экспедиціи, съ опытнымъ спеціалистомъ во главѣ, подобно тому, какъ это дѣлалось при изслѣдованіи Черноморскихъ кургановъ.

скій вкусъ и стиль, въ основѣ котораго все-же лежитъ мѣстное національное чувство. Зародилось оно, можетъ быть, еще на общей арійской родинѣ, питалось впечатлѣніями степной сибирской и россійской природы и условіями своеобразнаго быта, своихъ вкусовъ и духовныхъ идей. Поэтому скиѳо-сарматскій стиль представляетъ нѣчто своеобразное, отличное не только отъ западно-европейскаго, но и отъ собственно персидскаго, хотя съ послѣднимъ онъ имѣетъ много точекъ соприкосновенія. Въ началѣ среднихъ вѣковъ эти самые образцы, доведенные до значительнаго совершенства въ южной Россіи, стали проникать за Дунай вмѣстѣ съ потокомъ народныхъ переселеній. Въ части византійскихъ владѣній они встрѣтили родственную народную почву, были культивированы здѣсь при содѣйствіи утонченнаго византійскаго искусства и мало по малу вошли въ моду и обычай. Отсюда началась новая византійская культура, освященная авторитетомъ Восточной Римской Имперіи и уже потерявшая значеніе варварской. Она распространилась по Европѣ преимущественно въ областяхъ, занятыхъ славянскими и частію сѣверно-германскими племенами, подобно тому, какъ обновленная римская культура нашла себѣ мѣсто преимущественно между племенами романскими.

Строгая научная критика и доля скептицизма необходимы при каждомъ изучаемомъ вопросѣ. Это обуздываетъ научный произволъ и предохраняетъ отъ излишнихъ увлеченій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и прежде всего не менѣе необходима самая идея предпринимаемаго труда. Она должна лежать въ основѣ каждаго изслѣдованія, безъ нея не мыслимы ни планъ, ни цѣль научной работы. Высказываемая нами новая идея о сибирскихъ древностяхъ есть не болѣе какъ проблемма знанія,—вопросъ, который слѣдуетъ разсмотрѣть и разрѣшить въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ. Первыя ближайшія основанія для того или другаго рѣшенія я постараюсь изложить въ предстоящемъ трудѣ, но впередъ долженъ сказать, что поднимаемый мною вопросъ слишкомъ новъ и слишкомъ сложенъ для того, чтобы рѣшить его однимъ почеркомъ пера. Поэтому я сочту себя вполнѣ удовлетвореннымъ, если мнѣ удастся достаточно пояснить свою мысль, для многихъ можетъ быть неожиданную, и положить начало для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи.

Описаніе западно-сибирскихъ древностей я предполагаю вести совмѣстно съ россійскими и европейскими. Только при сопоставленіи тѣхъ и другихъ возможно показать ихъ сходство и различіе, дѣлать сравненія и сопоставленія. Въ этомъ долженъ лежать центръ тяжести національной доисторической археологіи. Для историческаго освѣщенія памятниковъ предполагаю пользоваться литературными указаніями, преимущественно древнихъ писателей, соотвѣтственно мѣсту и времени, а также, гдѣ умѣстно, русскими лѣтописями и актами. Съ этихъ историческихъ указаній я начну свое изложеніе, чтобы оріентироваться въ положеніи вещей.

В. Ф.

ГЛАВА I.

Краткій очеркъ культурныхъ теченій. Начало арійской и семитской культуры.—Переселеніе Арійцевъ изъ Центральной Азіи и пути этого переселенія.—Санскритъ и его значеніе въ исторіи народовъ.—Ближайшее родство санскритскаго языка съ славянскимъ, какъ доказательство продолжительныхъ и близкихъ взаимодѣйствій этихъ двухъ народностей.—Этнографическое родство азіатскихъ Скиѳовъ съ европейскими по слѣдамъ географическихъ названій.—Степень культурнаго развитія и образъ жизни азіатскихъ Скиѳовъ по археологическимъ указаніямъ.—Сопоставленіе скиѳской культуры съ древне-славянскою по даннымъ языка.

Культурная жизнь человѣчества представляетъ собою одинъ непрерывный потокъ, истекающій изъ одного источника и доходящій вплоть до нашихъ дней. Всемірная исторія не дастъ намъ ни одного примѣра, гдѣ бы возникали совершенно самобытные культурные центры, безъ всякой связи съ общимъ міровымъ достояніемъ этого рода. Напротивъ того, мы видимъ, что накопленное вѣками богатство человѣческаго ума всегда передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ народа къ народу, какъ общее и вѣчное міровое наслѣдство. Даже самыя первыя пріобрѣтенія человѣчества, счетъ и мѣра, одежда и жилище, добываніе огня, прирученіе домашнихъ животныхъ, начальныя орудія, такъ называемаго, каменнаго вѣка, и тѣ носятъ общій характеръ наслѣдственности. Но чѣмъ выше и сложнѣе становились изобрѣтенія, тѣмъ они дѣлались устойчивѣе и тѣмъ яснѣе показывали, что они не суть случайныя вспышки человѣческаго генія, являвшіяся безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ ростомъ человѣчества. Напротивъ, всякій новый вкладъ въ міровую культуру былъ исподволь подготовленъ предшествовавшимъ періодомъ и, въ свою очередь, служилъ ступенью для дальнѣйшихъ усовершенствованій. Какъ физическое размноженіе человѣчества ведетъ свое начало отъ одной пары, какъ языки вѣтвятся отъ одного начальнаго корня, видоизмѣняясь и дробясь по племенамъ и народностямъ, сообразно индивидуальнымъ свойствамъ и духовнымъ силамъ каждаго народа, такъ и человѣческая индустрія представляетъ непрерывную нисходящую цѣпь, связывающую въ одно родственное цѣлое весь культурный міръ. Поэтому такія изобрѣтенія, какъ добываніе и плавка металловъ, строительное

искусство съ его инструментами, типы военныхъ и хозяйственныхъ орудій, гончарное искусство, культивированіе злаковъ, обработка стекла, изобрѣтеніе письменности и т. п. мы можемъ прослѣдить съ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ какъ нѣчто цѣлое, переходящее отъ народа къ народу*). Тоже самое мы видимъ въ религіозныхъ идеяхъ, въ нравственныхъ, политическихъ, соціальныхъ и научныхъ доктринахъ. Вся совокупность свѣдѣній, коими владѣлъ древній міръ, дошла до нашихъ дней, съ разными лишь видоизмѣненіями и наращеніями, сообразно творческому генію дальнѣйшихъ поколѣній.

Первыя начатки культурнаго развитія, какъ продуктъ творческаго народнаго ума, должны были проявиться у племени, наиболѣе одареннаго отъ природы физическими и духовными способностями. Таково было кавказское племя, насколько о немъ сохранились свѣдѣнія въ преданіяхъ и исторіи. Изъ числа народностей этого племени ранѣе другихъ выступили на историческую сцену и болѣе всего внесли культурныхъ началъ семито-арійцы, которыхъ по справедливости можно считать основателями существующей нынѣ цивилизаціи. Къ семитамъ принадлежали въ древнее время: Вавилонское и Ассирійское царство, финикіяне, евреи и карѳагеняне, въ средніе вѣка сирійцы и арабы; къ арійцамъ — индусы, иранцы (древніе мидяне и персы), армяне, эллины, всѣ романскія, германскія и литво-славянскія племена.

По библейскимъ сказаніямъ, колыбелью человѣчества считается Месопотамія, страна между р. Тигромъ и Евфратомъ, предполагаемая исконная родина семитовъ. Этому не противорѣчила и всемірная исторія; тоже подтверждали и археологическія данныя открываемыхъ нынѣ вавилонскихъ древностей. Въ этомъ отношеніи сверстникомъ Вавилона можно поставить только древній Египетъ, цивилизація котораго также принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ. Она, повидимому, имѣла связь съ халдейской цивилизаціей, судя по тому, что многіе ученые лингвисты считаютъ языкъ древняго Египта древнѣйшею вѣтвію арамо-ассирійской (халдейской) группы языковъ. Не касаясь этого вопроса, мы отмѣчаемъ здѣсь только тотъ фактъ, что халдейская и египетская культура родственны между собой и по языку, и по вре-

*) Связь древнѣйшей египетской и ассиро-вавилонской культуры съ еврейскою, персидскою и вообще азіатскою, а равно съ греческою и римскою вполнѣ очевидна. Наиболѣе самобытною представлялась прежде китайская цивилизація, но при болѣе внимательномъ ея изученіи и она оказалась вполнѣ родственною арійской и семитской. Тоже самое мы видимъ въ мексиканскихъ древностяхъ и всюду на земномъ шарѣ, гдѣ только сохранились какіе либо слѣды культурной жизни. Слѣдовательно, о коренныхъ смѣнахъ разныхъ, совершенно новыхъ міровыхъ цивилизацій (кромѣ преемственныхъ) не можетъ быть рѣчи. Нынѣшней всеобщей культурѣ могло предшествовать только зоологическое состояніе человѣческой разновидности, которое не могло оставить никакихъ слѣдовъ разумнаго творчества. Искать же первобытнаго (Дарвиновскаго) человѣка на ступеняхъ зоологіи,—значило бы переступать границы не только археологіи, но и антропологіи.

мени*). Это было первое гнѣздо человѣческаго прогресса, занимавшее области Тигра и Евфрата, Сирію, Аравію и весь юго-восточный и африканскій берегъ Средиземнаго моря (Халдея, Палестина, Финикія, Египетъ). Эти страны, занятыя съ древнѣйшихъ временъ Семитами и Хамитами, не давали мѣста поколѣнію Афетову (арійцамъ). Оно должно было занимать другія области, распространяться въ другую сторону, именно только къ сѣверо-востоку отъ Персидскаго залива, такъ какъ другаго свободнаго направленія не было: югъ замыкался океаномъ, сѣверъ—кавказскимъ хребтомъ и морями Чернымъ и Каспійскимъ. Такимъ образомъ, считая Месопотамію родиной человѣчества и ядромъ культурнаго (кавказскаго) племени, для разселенія потомковъ Афета ближе всего могла служить нынѣшняя Персія и Малая Азія. Послѣдняя, однако же, для пастушескаго народа не представляла достаточныхъ удобствъ и простора (замкнутость и гористость страны). Персія отчасти имѣла тѣже недостатки, но она давала широкій выходъ на востокъ, чрезъ нынѣшній Хоросанъ въ закаспійскія равнины. Здѣсь, такъ сказать, въ восточной Месопотаміи, между Оксусомъ**) и Яксартомъ, между Тянь-Шанемъ, Гиндукушемъ и Персидскимъ заливомъ впервые сформировалось, такъ называемое, арійское племя, на которомъ потомъ сосредоточились вся будущность и весь блескъ дальнѣйшаго развитія человѣчества, вплоть до нашихъ дней.

По индѣйскимъ и иранскимъ преданіямъ колыбель человѣчества указывается не въ халдейской Месопотаміи, а въ Центральной Азіи. Намекъ на это можно видѣть и въ Книгѣ Бытія (гл. 2-ая, ст. 10—14), гдѣ сказано: „И насади Господь Богъ рай во Едемѣ на востоцѣхъ, и введе тамо человѣка, его же созда. Рѣка же исходитъ изъ Едема напаяти рай: оттуду разлучается въ *четыре начала*. Имя единой Фисонъ, сія окружающая всю землю Евилатскую: тамо убо есть злато, злато же оныя земли доброе; и тамо есть анфраксъ, и *камень зеленый*. И имя рѣцѣ второй Геонъ, сія окружающая всю землю Ефіопскую. И рѣка третія *Тигръ*, сія проходящая прямо Ассиріомъ. Рѣка же четвертая *Евфратъ*“. Приведенное изъ Книги Бытія мѣсто Ренанъ пріурочиваетъ къ предгоріямъ Памира. Рѣку *Фисонъ* онъ признаетъ за верхній Индъ, страну Евилатскую (Havila), гдѣ находится золото и драгоцѣнные камни,—за древнюю *Дараду* (около Кашмира, знаменитую своими богатствами***). Рѣку Гіонъ (Gihon) онъ считаетъ за Oxus (Аму-Дарью), а имена Тигра и Евфрата въ этомъ мѣстѣ Книги Бытія Ренанъ считаетъ позднѣйшею вставкою, взятою изъ семитской географіи и за-

*) По библейскому дѣленію Египтянъ относятъ къ поколѣнію Хама (Хамитовъ), а не Сима (Семитовъ).

**) *Оксусъ*—древнее названіе Аму-Дарьи, *Яксартъ*—нынѣшняя Сыръ-Дарья.

***) Камень зеленый это—нефритъ, столь цѣнимый древними и получавшійся главнымъ образомъ изъ Дарады. Нынѣ мѣсторожденія его встрѣчаются преимущественно въ горахъ Куэнъ-Лунь.

мѣнившею названія остальныхъ двухъ рѣкъ, вытекающихъ съ Памировъ (можетъ быть Яксарта и Тарима)*). Съ общей антропологической точки зрѣнія, теорія Ренана представляется весьма правдоподобною. На нашемъ полушаріи нѣтъ другого такого мѣста, какъ центральный узелъ средне-азіатскихъ горныхъ хребтовъ (Гималая, Тянь-Шаня и Гиндукуша), которое могло бы такъ близко соединять и вмѣстѣ раздѣлять всѣ человѣческія племена. Идущія за хребтами во всѣ четыре стороны открытыя широкія долины могли отлично содѣйствовать распространенію и разъединенію расъ: къ югу за Гималаемъ, до переселенія индусовъ, оказалось черное племя кушитовъ (Эфіопія), на востокъ за Тянь-Шанемъ и Памирами—желтое племя китайцевъ, къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Яксарта—финскія и монгольскія племена, а на западъ, по долинамъ Сыръ- и Аму-Дарьи—кавказское племя. По этой теоріи Месопотамія и вся передняя Азія была бы второю родиной семитовъ, распространившихся сюда ранѣе другихъ племенъ кавказской расы и успѣвшихъ здѣсь развить свою культурную и государственную жизнь въ то время, когда арійскія племена совсѣмъ еще не выступали на историческую сцену.

Гораздо больше и яснѣе говорится о странахъ Центральной Азіи въ древнихъ писаніяхъ индусовъ и иранцевъ. Тѣ и другія прямо указываютъ свою начальную родину въ горахъ *Имауса* (Гималаевъ), гдѣ они были окружены и должны были вести борьбу съ низшими расами, говорившими на непонятныхъ языкахъ. Страна, откуда вышли индусы, лежала на сѣверѣ (отъ Индіи) и имѣла суровый зимній климатъ. Санскритологи пріурочиваютъ эту страну къ нынѣшнему Кашгару, Яркенду и Хотану. Отсюда индусы впослѣдствіи перебрались черезъ проходы Гималая на верховья Инда и заняли Индію, вытѣснивъ оттуда черное племя Кушитовъ. Оставаясь на югѣ, индусы всегда вспоминали сѣверныя гималайскія страны, какъ нѣчто священное. Здѣсь они представляли свой земной рай *Уттара-куру*; здѣсь была священная гора *Меру*, исходная точка браминской космографіи. *Упа-Меру* (Памиръ)**)—это высшій міръ человѣческаго обитанія, *Су-Меру*—это то, что выше земнаго міра, обиталище боговъ, *Ку-Меру*—то, что подъ міромъ, бездна, преисподняя, жилище злыхъ духовъ. Всѣ народы Азіи представляли Памиръ

*) *Ernest Renan*, de l'origine du langage. Paris 1864 p. 230.

**) Слово *Памиръ* и *Упа-Меру*, повидимому, имѣютъ какое-то отношеніе къ нашему пра-славянскому *міръ*, въ значеніи *mundus* и *pax*. Съ нимъ тоже связывается понятіе о горномъ (небесномъ) и дольнемъ мірѣ, о всей вселенной и объ обществѣ людей, а также о тишинѣ, согласіи и спокойствіи. Этимологію славянскаго *миръ* сближаютъ съ санскритск. *mitra*—другъ и зендск. *mithra*—договоръ (Фикъ). Ренанъ высказываетъ догадку, не происходитъ ли названіе Киммерійцевъ Κιμμέριοι отъ древне-арійскаго *Kvu-meçon*, а равно греческій миѳъ о Μέροπες и выраженіе μέροπες ἄνθρωποι не означаютъ ли: люди вышедшіе изъ Меру (l. c. p. 228).

крышею міра, средоточіемъ (пупомъ) земли, переходною ступенью отъ земли къ небу. Дѣйствительно, эти гигантскіе хребты должны были производить такое впечатлѣніе. Отсюда берутъ начало важнѣйшія рѣки Центральной Азіи, всюду разносящія жизнь и плодородіе, здѣсь сосредоточены контрасты и переходы всѣхъ климатовъ, здѣсь выразилась въ наибольшемъ блескѣ и полнотѣ творческая сила природы, какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ царствѣ*). Поэтому описываемая страна имѣла больше основанія считаться первобытнымъ раемъ, нежели Халдейская Месопотамія; но для насъ въ данномъ случаѣ важно не это обстоятельство, а то, что Центральная Азія была дѣйствительною родиной и средоточіемъ того народа, изъ котораго потомъ произошли всѣ поколѣнія, такъ называемыхъ, индо-европейскихъ или арійскихъ языковъ.

Выше мы уже упоминали, что индусы занимали сѣверо-восточную часть памирскихъ окраинъ, соприкасаясь, такимъ образомъ, съ нынѣшнею Ферганскою долиною на сѣверо-западѣ и съ Бактріей и Согдіаной на юго-западѣ (по верхнимъ притокамъ Оксуса), гдѣ расположились иранцы.

Дальнѣйшее разселеніе иранцевъ направлялось черезъ Афганскій Туркестанъ на Мервъ, Гератъ и черезъ Закаспійскія степи въ Хоросанъ и въ остальную Персію. О другихъ индо-европейскихъ поколѣніяхъ не упоминается ни въ санскритскихъ Ведахъ, ни въ Зендавестѣ, ни въ другихъ браминскихъ источникахъ. Но эти поколѣнія, безъ сомнѣнія, въ то время уже существовали, наравнѣ съ индусами и иранцами, какъ обособившіяся уже народности, по-крайней мѣрѣ, въ общихъ родовыхъ группахъ. Мѣсто ихъ жительства должно было находиться въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ общимъ арійскимъ центромъ: этого требуетъ исторія ихъ языковъ, очевидно, развившихся изъ общаго праарійскаго корня.

По мѣстнымъ географическимъ условіямъ, начальное пребываніе арійской семьи (не считая индусовъ и иранцевъ, мѣста которыхъ опредѣлены точнѣе) должно было находиться въ предѣлахъ нынѣшняго русскаго Туркестана (Аму-Дарьинской, Сыръ-Дарьинской и Ферганской областей, со включеніемъ Бухары и части закаспійскихъ степей, если онѣ были въ то время орошены пересохшими нынѣ рукавами Аму, Мургаба и Герируда, впадавшими въ Каспійское море). Какъ ни значительно казалось бы это пространство, но для пастушескаго народа оно не могло давать достаточнаго простора. Необходимость разыскать новыя пастбища для скота и другія средства къ жизни, а также стремленіе избѣгать порубежныхъ столкновеній съ сосѣдними родами, хотя бы и того же племени, не говоря уже о многихъ другихъ

*) Культурныя растенія и прирученныя животныя также имѣютъ свою исторію и свою до-историческую судьбу. Громадное большинство ихъ тоже ведетъ свое начало изъ Центральной Азіи, откуда они передвигались, вмѣстѣ съ народностями, въ другія страны и части свѣта.

народныхъ потребностяхъ, всѣ эти причины должны были заставить размножающійся народъ искать выхода въ другія, болѣе свободныя и обширныя страны.

По тѣмъ же географическимъ условіямъ выходъ представлялся возможнымъ только съ двухъ сторонъ: либо на западъ, въ сторону Персіи и Малой Азіи, либо на сѣверо-востокъ или на сѣверо-западъ, къ нынѣшнему Семирѣчью и Западной Сибири, или въ сторону Оренбургскихъ и Черноморскихъ степей. Первое направленіе избирали попреимуществу иранскія племена*), впослѣдствіи основавшія на западѣ, въ сосѣдствѣ съ Халдеей и Ассиріей, не менѣе знаменитое Персидское царство. Вслѣдъ за Персами, а можетъ быть и одновременно съ ними, тѣмъ же путемъ стали выселяться въ Малую Азію и далѣе на острова Егейскаго моря Ѳракійскія и эллинскія племена, о существованіи которыхъ даютъ намъ первыя свѣдѣнія безсмертныя поэмы Гомера. Изъ содержанія Иліады видно, что задолго до Троянской войны Малая Азія была уже населена, кромѣ эллиновъ, разными народностями, входившими въ составъ Троянскаго ополченія. Они отличались по языку не только отъ эллиновъ, но и между собою, какъ это выражено въ поэмѣ (Иліада, II, 813):

„Много народовъ союзныхъ въ Пріамовомъ градѣ великомъ,
„*Разныхъ своимъ языкомъ*, по землѣ разсѣянныхъ смертныхъ“.

Гомеръ не даетъ намъ ключа къ этнографическому опредѣленію этихъ народностей. Равнымъ образомъ и послѣдующіе греческіе писатели не разъясняютъ этого вопроса, ограничиваясь общими или географическими прозваніями народовъ. Для эллина каждый иностранецъ былъ скифъ или варваръ; точно также иранцы классифицировали сосѣдей своихъ въ три общихъ формулы: *Арьясъ* (значитъ почтенный, отличный, отсюда греческое ἄριστος), *турасъ* (значитъ подвижный, бродячій, кочевой) и *млечасъ* (невнятно говорящій, косноязычный, говорящій на непонятномъ языкѣ**). Такая неопредѣленность наименованій и пренебреженіе къ собственнымъ народнымъ именамъ произвели большую историческую путаницу. Только благодаря новѣйшимъ лингви-

*) Можетъ быть дорогу имъ показали семиты, если за родину ихъ также считать Центральную Азію, какъ думаетъ Ренанъ.

**) Названіемъ *Арьясъ* Иранцы обозначали собственно осѣдлыя племена индо-европейской семьи. Производимое нынѣ отсюда слово *аріецъ, арійскій* не вполнѣ, поэтому, отвѣчаетъ первоначальному его значенію. Нѣмецкіе ученые, вмѣсто слова арійскій, обыкновенно употребляютъ выраженіе *индо-германскій* (въ смыслѣ племенъ и языковъ), но правильнѣе всего, принятое въ другихъ странахъ, выраженіе *индо-европейскій*. Ту же неточность до сихъ поръ допускаютъ иногда въ примѣненіи слова *турасъ*, *туранецъ*, *туранскій*, подразумѣвая подъ этимъ некультурныя монголо-татарскія и финскія племена. Слово *турасъ* относилось иранцами также къ племенамъ индо-европейскимъ, но только отличавшимся отъ аріевъ образомъ жизни, т. е. не имѣющимъ полной осѣдлости. Третье наименованіе *млечасъ* относилось уже къ народностямъ иноязычнымъ, не принадлежащимъ къ колѣну Афета, инородцамъ.

стическимъ, этнографическимъ и археологическимъ трудамъ удалось нѣсколько оріентироваться въ этомъ темномъ вопросѣ и доказать, что утрата народныхъ историческихъ именъ не означаетъ вырожденія или потери народности, что тѣ же самыя историческія племена большею частію продолжаютъ существовать до сихъ поръ, но только подъ другими названіями. Тоже самое можно сказать и по отношенію къ союзникамъ Трои. Нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи обозначились точнѣе, явившись на другой исторической сценѣ, каковы напр. Венеты, Латинцы, Македонцы и пр.; остальныя ѳракійскія племена имѣли дальнѣйшія отношенія къ Персіи, Греціи и Риму, при чемъ можно было видѣть, что они были, если не исключительно арійской, то во всякомъ случаѣ кавказской расы. Изъ этого можно заключить, что за долго до Троянской войны уже существовалъ обильный потокъ переселеній изъ Центральной въ Малую Азію.

Мы уже сказали, что въ Западной Азіи раньше всего водворились потомки Сима (Семитскія племена). За XIII вѣковъ до Р. Х. ими была уже основана здѣсь Ассирійская монархія. Вавилонъ существовалъ еще раньше; халдейскій городъ Уръ, по бытописанію Моисея, былъ родиной Авраама. Семиты, по видимому, занимали также и Малую Азію, съ которою связывается у нихъ воспоминаніе о потопѣ и распространеніи потомковъ Ноя отъ горы Арарата. Здѣсь Ной насадилъ свой виноградъ и высказалъ пророчество относительно дѣтей своихъ. Непочтительному Хаму онъ сказалъ: „проклятъ буди ханаанъ отрокъ: рабъ будетъ братіямъ своимъ". Относительно младшаго сына, Афета (праотца арійцевъ) предсказано: «да распространитъ Богъ Іафета и да вселится въ селеніяхъ Симовыхъ и да будетъ Ханаанъ рабъ ему (Кн. Бытія, гл. 9, ст. 25—27). Въ выраженіи: „да вселится въ селеніяхъ Симовыхъ" можно видѣть намекъ на первыя столкновенія Семитовъ съ Арійцами и на вытѣсненіе первыхъ изъ Араратской области и изъ Малой Азіи къ южнимъ берегамъ Средиземнаго моря. Получивши благословеніе, потомки Сима и Афета, дѣйствительно, стали во главѣ человѣчества, какъ насадители культуры и носители прогресса, но съ первыхъ же шаговъ они стали во враждебныя другъ къ другу отношенія. Патріархальныя времена пастушескаго быта прошли. Принципомъ жизни является не миръ и любовь, какъ у первыхъ арійцевъ, а борьба за существованіе: „око за око, зубъ за зубъ"—вотъ основной кодексъ семитской морали. Кромѣ національнаго эгоистическаго характера состязавшихся народовъ, къ этому располагали и условія ихъ новаго быта: географическая замкнутость Западной Азіи, недостатокъ земли и осѣдлая городская жизнь, всегда содѣйствующая ожесточенію людей и развращенію нравовъ.

Первая волна арійскихъ переселенцевъ, водворившихся въ Араратскихъ странахъ и въ малой Азіи, по всей вѣроятности, состояла уже изъ разныхъ

народностей. Греки впослѣдствіи называли ихъ *Пелазгами*, т. е. жителями равнинъ (отъ πελέα или πέλω живу и ἄργοσ равнина, поле = по славянски поляне, или отъ πελασγή старожилы). Въ этомъ названіи не заключается никакихъ этнографическихъ намековъ. Несомнѣнно одно,—что это были арійцы, первые насельники Эллады, но, по свидѣтельству Геродота, говорившіе не на греческомъ языкѣ. Пелазги были земледѣльцы, отличные землекопы и строители. Имъ приписываютъ сооруженіе плотинъ, для защиты полей отъ затопленія избыткомъ водъ, и первыхъ каменныхъ укрѣпленій. Характеръ этихъ построекъ былъ настолько грандіозенъ, что еще въ древности они получили названіе *циклопическихъ*, т. е. возведенныхъ сказочными великанами циклопами. Знаменитѣйшія изъ нихъ—фундаментъ Аѳинскаго акрополя и первая стѣна древнѣйшаго Рима (Roma quadrata). Греки и Римляне выучились каменнымъ постройкамъ у пелазговъ*), а эти послѣдніе, можетъ быть, заимствовали это искусство отъ Финикіянъ или отъ Египтянъ. Пелазги были также отличными мореходами. Въ эпоху Троянской войны мореходство уже составляло общую принадлежность почти всѣхъ малоазійскихъ племенъ. Это искусство вынесено было Арійцами изъ ихъ первоначальной родины. Оно выросло на водахъ Оксуса и Яксарта и на Аральскомъ морѣ, поэтому можетъ считаться однимъ изъ древнѣйшихъ пріобрѣтеній индо-европейской цивилизаціи**).

Съ какого времени появилась эта первая группа арійскихъ народовъ на берегахъ Средиземнаго и Чернаго моря,—объ этомъ не сохранилось у потомковъ ихъ никакихъ воспоминаній. Можно сказать только одно, что въ этотъ, во всякомъ случаѣ, весьма длинный, до-историческій періодъ европейская вѣтвь арійцевъ окончательно раздѣлилась здѣсь на тѣ національности, которымъ суждено было проявить, болѣе или менѣе блестящимъ образомъ, свой народный геній въ исторіи древняго европейскаго міра. Здѣсь же, повидимому, началась и та безпощадная человѣческая вражда, которая до сихъ поръ присуща европейцамъ: не соревнованіе только или зависть, но взаимное озлобленіе, стремленіе подчинить и поработить себѣ подобныхъ, раздвинуться и расширить свои владѣнія на счетъ сосѣдей. Такою борьбою начинается первая страница исторіи европейскихъ народовъ. Это была знаменитая *Троянская война*, воспѣтая безсмертнымъ Гомеромъ, время которой относятъ приблизительно за 900 лѣтъ до Р. Х.

Въ эпоху Троянской войны населеніе Малой Азіи и острововъ стояло уже на достаточной высотѣ культурнаго развитія. Это были вполнѣ орга-

*) Халдеи, какъ мы увидимъ ниже, строили свои зданія изъ глины и кирпича, сырого или обожженнаго.

**) Собственно Индусы не были мореходнымъ народомъ; у Персовъ и Халдеевъ, точно также, судоходство не имѣло большого развитія. Финикіяне, вѣроятно, усовершенствовали это искусство подъ вліяніемъ пелазговъ.

низованныя общины, не только осѣдлыя, большею частію земледѣльческія, но усвоившія также почти всѣ главныя отрасли промышленности (ремесла, отчасти даже искусства). Отличительнымъ характеромъ ихъ политическаго строя была крайняя раздробленность общинъ, еще не сознававшихъ важности національнаго единенія. Каждая община имѣла свой центръ—*городъ*, укрѣпленный *каменными стѣнами*, своего главу или вождя. Такое дробленіе составляло отличительную черту первыхъ самостоятельныхъ шаговъ каждаго племени, своего рода историческій законъ. Выдѣлившись изъ общей начальной семьи, родовыя вѣтви прежде всего заботятся объ индивидуальности, стремятся жить своимъ умомъ, по своему вкусу. Въ этомъ разнообразіи кроются начала прогресса, но здѣсь же и залогъ не долговѣчности: мелкому организму суждена болѣе скоротечная и менѣе широкая жизнь, чѣмъ крупному. Поэтому, въ видахъ самосохраненія, во второмъ фазисѣ развитія общинъ является потребность единенія, сначала въ формѣ союзовъ, потомъ—сліянія одноплеменныхъ общинъ въ болѣе крупное, а потому и болѣе долговѣчное политическое тѣло. Троянская война застаетъ малоазійскія племена въ началѣ второго фазиса политическаго развитія, въ переходную эпоху отъ родоваго начала къ племенному или національному. Въ общихъ чертахъ здѣсь обрисовываются двѣ стороны: одна эллинская, изъ которой впослѣдствіи сформировалась блестящая, но не долговѣчная греческая республика, другая троянская, федеративная, далеко не одноплеменная. Въ составъ этой федераціи входили: 1) *Пафлагонцы*, жившіе по берегу Чернаго моря, къ западу отъ устья р. Галиса; 2) западнѣе ихъ *Ѳракійцы*, къ которымъ принадлежали также *Тины* и *Битины*; 3) южнѣе послѣднихъ *Фригійцы*, одноплеменные съ жившими на европейскомъ берегу Босфора *Бригами**); 4) на берегу Геллеспонта жили *Мизійцы*, *Дарданы* и *Троянцы*. Наконецъ, далѣе по берегу полуострова жили *Ликійцы* и *Лелеги*. Изъ иноплеменныхъ народовъ въ составъ троянской федераціи входили *Кары* (кушиты) и *Лидійцы* (семиты). Такимъ образомъ троянская федерація занимала почти всю западную половину Малой Азіи, отъ р. Галиса до Геллеспонта; эллинскія племена занимали острова и полуострова Архипелага съ европейской стороны.

Всѣ перечисленныя народности, входившія въ составъ троянскаго ополченія, за исключеніемъ Карійцевъ и Лидійцевъ, считаются несомнѣнно арійцами, потомками первыхъ колонизаторовъ Малой Азіи (такъ называемыхъ пелазговъ). Въ поэмѣ Гомера они противополагаются эллинамъ, какъ народу, получившему уже опредѣленную національную физіономію. Но и ѳракійскія племена, перечисляемыя въ поэмѣ подъ разными названіями, несомнѣнно точно также имѣли въ то время свой національный обликъ, отличались

*) Зевсъ назывался у нихъ, какъ и у славянъ, *Багай*, *Бага*, Богъ. Въ числѣ древнихъ фригійскихъ надписей VII—VIII в. до Р. Х. есть эпитафія царя ихъ *Мидаса*.

по языку не только отъ Грековъ, но и между собой. Нѣкоторыя изъ нихъ впослѣдствіи, послѣ переселенія въ Европу, продолжали носить прежнія имена, напр. Балтійскіе и Адріатическіе Венеты. Прочія ѳракійскія племена, передвинувшіяся на Балканскій полуостровъ и далѣе въ Европу, также неоднократно появлялись на исторической сценѣ подъ тѣми же, или видоизмѣненными названіями, но имена ихъ, переданныя Греками, очевидно, еще не соотвѣтствовали общему національному прозванію, поэтому со временемъ затерялись въ массѣ историческихъ народныхъ именъ.

Торжество Грековъ оттѣснило троянскихъ союзниковъ частію на западъ, частію на сѣверъ, но нѣкоторыя изъ нихъ еще долго оставались въ Малой Азіи и впослѣдствіи были ассимилированы греками. Еще при Александрѣ Великомъ, Македонцы, напримѣръ, имѣли свой національный языкъ и считали себя потомками Троянцевъ. Александръ Македонскій, особенно интересовавшійся памятью о героихъ Иліады, отыскалъ въ Пафлагоніи, на берегахъ рѣки Галиса еще уцѣлѣвшій обломокъ древнихъ Венетовъ, сражавшихся подъ Троей подъ предводительствомъ вождя ихъ Пелемона. Фракійскіе Геты и Даки, Мизы и Трибалы, жившіе на Балканскомъ полуостровѣ, при наслѣдникахъ Александра Великаго и во времена римскаго могущества, тоже, вѣроятно, принадлежали къ раннимъ выходцамъ въ Европу черезъ Малую Азію. Киммерійскій (Таманскій) полуостровъ еще до Троянской войны былъ не только заселенъ, но имѣлъ уже гражданское устройство, подобно Малой Азіи. По свидѣтельству Гомера, здѣсь была родина знаменитаго Ахиллеса. Очень вѣроятно, что и южно-русскія степи въ эпоху Троянской войны имѣли уже долю арійскаго населенія (предки Геродотовыхъ скиѳовъ), пришедшаго сюда частію черезъ Кавказскіе проходы, частію прямымъ путемъ черезъ степи отъ Аральскаго и Каспійскаго морей. Это была первая европейская волна народной эмиграціи, непрерывавшейся потомъ въ теченіе многихъ вѣковъ, такъ называемаго, скиѳскаго періода. Передній прибой ея устремлялся дальше и дальше, какъ со стороны Малой Азіи въ Западную Европу, такъ и со стороны сѣверной Скиѳіи въ Скандинавію и сѣверную Европу.

Упомянутыми эмиграціями изъ Средней Азіи, происшедшими до эпохи Троянской войны, обыкновенно исчерпывали весь вопросъ о нынѣшнемъ заселеніи Европы. Всѣ дальнѣйшія азіатскія передвиженія сѣверныхъ народовъ ученые историки приписывали, такъ называемымъ, урало-алтайскимъ племенамъ, предполагая, что на сѣверно-азіатской родинѣ не могло уже оставаться ни одного арійца. Переселеніе народовъ представлялось какъ нѣчто единовременное и полное, въ родѣ перекочевки киргизовъ съ лѣтнихъ на зимнія стоянки (иногда за нѣсколько сотъ верстъ), при чемъ на прежнемъ мѣстѣ обыкновенно не остается ни одной души, ни одного живого слѣда. На са-

момъ дѣлѣ это происходило и до сихъ поръ происходитъ совершенно иначе. Народная волна, открывая новое русло, устремляется сюда медленнымъ потокомъ, переливается въ теченіе вѣковъ, пока вновь не установится экономическое равновѣсіе. Такъ населились европейцами на глазахъ нашихъ поколѣній Америка и Австралія, такъ заселяется нынѣ Сибирь, тотъ же самый органическій процессъ народной экономической жизни совершался и въ древнія времена. Первые колонисты на Западѣ могли образовать большія группы народностей и устроить свою соціальную жизнь на прежнихъ или на новыхъ началахъ, въ новой средѣ и при другихъ окружающихъ условіяхъ въ то время, когда остальная масса того же племени оставалась еще на прежнихъ азіатскихъ мѣстахъ. Въ этой постепенности и разновременности народныхъ передвиженій лежитъ главная причина сформированія новыхъ арійскихъ языковъ и нарѣчій. Языкъ въ этомъ случаѣ служитъ однимъ изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ не только происхожденія европейскихъ народовъ изъ общей арійской семьи, но и времени ихъ переселенія, т. е. выдѣленія въ особую національность вслѣдствіе разобщенія съ первоначальнымъ центромъ.

Лингвистика или наука исторіи языковъ, въ частности наука о группѣ индо-европейскихъ или арійскихъ языковъ, есть достояніе новѣйшаго времени. Она явилась послѣ того, когда были открыты въ Индіи *санскритскія* рукописи, въ 1767 году, при чтеніи которыхъ оказалось большое сходство многихъ словъ съ латинскими и греческими*). Въ 1786 году В. Джонсъ провозгласилъ окончательно фактъ этого родства и не только съ латинскимъ и греческимъ, но также съ готскимъ, кельтскимъ и древне-персидскимъ. Настоящая научная разработка этого вопроса началась съ первой четверти или даже съ половины текущаго столѣтія, особенно капитальными трудами Боппа**), Шлейхера, Ляссена, Фика и др.

По мѣрѣ изученія Санскрита и возстановленія корней этого языка, въ связи съ живыми языками индо-европейскими, открылся новый историческій, или, точнѣе сказать, до-историческій міръ. Только благодаря санскриту явилась возможность связать въ одно цѣлое всѣ европейскіе современные и классическіе языки съ древними индо-иранскими, понять исторію ихъ развитія и доказать происхожденіе европейскихъ народовъ отъ одной родоначальной семьи. Кромѣ того, при помощи новыхъ лингвистическихъ методовъ

*) Слово санскритъ происходитъ отъ sanskrta — украшенный, совершенный. Древнѣйшія формы этого языка, давно уже вышедшаго изъ употребленія, обнаруживаются въ языкѣ Ведъ, подъ которыми разумѣется собраніе гимновъ, воспѣвающихъ олицетворенныя силы природы, особенно же въ Ригъ-ведѣ.

**) Германскій ученый *Боппъ* сдѣлалъ первую попытку настоящей научной разработки индо-европейскихъ языковъ въ 1816 году.

удалось выяснить вопросъ о сформированіи націй (вѣтвей языковъ и нарѣчій), а отчасти и о времени этого сформированія. Не говоря о частностяхъ, мы укажемъ здѣсь на общее, выработанное лингвистикой положеніе: чѣмъ дальше отклоняется тотъ или другой европейскій языкъ отъ основныхъ формъ санскрита, тѣмъ раньше онъ выдѣлился изъ своей первоначальной родины. Такое положеніе въ извѣстной мѣрѣ согласуется и съ историческими данными: болѣе древніе европейскіе народы, греки, латинцы, кельты, оказываются стоящими въ болѣе отдаленной линіи отъ пра-арійскаго источника; народности же, выступившія послѣ нихъ на историческую сцену, готы, германцы, литовцы и славяне носятъ на своихъ языкахъ слѣды наиболѣе близкаго родства съ санскритомъ. Это объясняется географическими условіями обитанія указанныхъ народностей въ до-историческое время, болѣе близкимъ сосѣдствомъ ихъ съ народомъ, употреблявшимъ санскритскій языкъ и болѣе позднимъ выселеніемъ изъ Азіи въ Европу. Указанная черта особенно любопытна по отношенію къ германцамъ и славянамъ. По изслѣдованіямъ *Шлейхера**) оказывается, что „славянскій, литовскій и нѣмецкій языки по своимъ родственнымъ отношеніямъ ближе другъ къ другу, чѣмъ къ прочимъ языкамъ индо-европейскаго племени, родство же между славянскимъ и литовскимъ такъ близко, что эти два языка опытнѣйшими лингвистами были принимаемы за одну отрасль. Славянскій и литовскій являются близнецами, которые составляютъ одно цѣлое, отдѣльное отъ нѣмецкаго, — семью литво-славянскую“ (стр. 16). Въ другомъ мѣстѣ Шлейхеръ высказываетъ, что для сформированія сѣверо-восточнаго отдѣла арійскихъ языковъ, т. е. германскаго и славяно-литовскаго, эти народности выдѣлились изъ общей арійской семьи въ особую группу, составляя когда то одно сѣверно-арійское племя**). Потомъ изъ этой группы выдѣлились германцы, въ то время, когда славяно-литовцы оставались еще въ Азіи. Слѣдовательно, наша народность выселилась изъ Азіи позднѣе всѣхъ остальныхъ арійцевъ и дольше всѣхъ оставалась въ соприкосновеніи съ санскритомъ. Мѣсто общаго пребыванія сѣверо-восточнаго отдѣла арійцевъ (славяно-германцевъ), гдѣ сформировался этотъ отдѣлъ и откуда началось его развѣтвленіе на германскую и славянскую отрасль, Шлейхеръ предполагаетъ на сѣверо-востокѣ Азіи, т. е. вѣроятнѣе всего въ предѣлахъ нынѣшней юго-западной части Сибири, въ сосѣдствѣ съ Сыръ-Дарьинскою областью. Раздѣленіе славянъ и литовцевъ произошло въ болѣе позднее, можетъ быть, даже въ предъ-историческое время. Эти данныя

*) *Шлейхеръ*. «Краткій очеркъ до-исторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индо-германскихъ языковъ.» Приложенія къ VIII тому записокъ Императорской Академіи наукъ. Спб. 1865 г.

**) Гильфердингъ считаетъ эту теорію ошибочной. Онъ признаетъ между славянами и нѣмцами не коренное, первобытное родство, а лишь историческое взаимодѣйствіе. См. его статью въ „Вѣстникѣ Европы“, 1868 г. Іюль, стр. 285.

имѣютъ чрезвычайно важное значеніе для сибирской археологіи, подтверждая исторіей языка то, чего не досказываютъ нѣмые археологическіе памятники.

Но еще важнѣе для нашего вопроса отношеніе къ санскриту собственно славяно-литовскихъ языковъ. При начальной разработкѣ санскритологіи, эта группа нѣкоторое время оставалась какъ бы въ тѣни, на второмъ планѣ, можетъ быть вслѣдствіе того, что европейскіе ученые прежде всего примѣняли новый источникъ знанія къ древнимъ классическимъ и своимъ европейскимъ языкамъ, не обращая должнаго вниманія на славянство. Отчасти могло быть причиною тому и господствовавшее въ Европѣ предубѣжденіе, что мы народъ азіатскій, не въ смыслѣ, конечно, арійства, а въ значеніи помѣси съ такъ называемыми туранскими народностями, поэтому въ происхожденіи нашего языка вначалѣ не предполагали чистаго арійскаго источника. Иначе отнеслись къ этому славянскіе ученые, которыхъ этотъ вопросъ касался ближе. Въ 1853 г. *Гильфердингъ**) напечаталъ первое систематическое изслѣдованіе „о сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ", въ которомъ, между прочимъ, высказываетъ слѣдующее положеніе: „изо всѣхъ родственныхъ языковъ, славянскій и литовскій имѣютъ наибольшее сходство съ санскритскимъ. Изслѣдованіе, которое мы предпринимаемъ, покажетъ, что нашъ языкъ гораздо ближе къ древнѣйшему языку отдаленной Индіи, чѣмъ къ языкамъ сосѣднихъ племенъ греческаго и германскаго. Этого свойства мы не замѣтимъ ни въ греческомъ, ни въ латинскомъ, ни въ нѣмецкомъ, ни въ кельтскомъ, ни въ албанскомъ языкахъ, и прійдемъ къ заключенію, что, кромѣ общаго родства между языками санскритскимъ, славянскимъ и литовскимъ, какое находится между всѣми языками индо-европейскими, существуетъ между ними родство ближайшее, семейное" (стр. 7). Въ другомъ мѣстѣ, говоря о трудахъ германскихъ лингвистовъ, направленныхъ преимущественно къ изученію языковъ греческаго, латинскаго и нѣмецкихъ нарѣчій, авторъ замѣчаетъ: „но странно, что изо всѣхъ языковъ славянскій въ ихъ трудахъ занимаетъ послѣднее мѣсто. Они скорѣе основываютъ свои выводы на языкѣ зендскомъ, или литовскомъ, или кельтскомъ, чѣмъ на богатомъ и цвѣтущемъ языкѣ племени, занимающаго восточную половину Европы. Трудно объяснить такое явленіе: или не могутъ они выучиться языку славянскому (но они могли же выучиться языку, котораго никто не зналъ, и котораго письмена даже были не извѣстны,—древне-персидскому), или они теряются во множествѣ славянскихъ нарѣчій, или не хотятъ дотронуться

*) Еще ранѣе Гильфердинга, въ 1845 году, М. Н. *Катковъ* напечаталъ свое разсужденіе: «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка» (магистерская диссертація), въ которомъ онъ за основаніе своихъ выводовъ принимаетъ уже языкъ санскритскій, сличая его съ славянскимъ.

до области, которую слѣдовало бы разработать самимъ славянамъ. Какъ бы то ни было, сравнительное языковѣдѣніе, созданное на западѣ нѣмецкими учеными, не знаетъ языка славянскаго: оно знаетъ только, что есть весьма богатый языкъ семьи индо-европейской, извѣстный подъ названіемъ славянскаго. Но что это за языкъ, въ какомъ онъ отношеніи къ языкамъ родственнымъ, — объ этомъ не спрашивайте у языковѣдовъ нашихъ западныхъ сосѣдей".

Въ появившемся 12 лѣтъ спустя вышеуказанномъ сочиненіи Шлейхера (русскаго академика), смягчается упрекъ, высказанный Гильфердингомъ (извѣстнымъ русскимъ славистомъ). Но Шлейхеръ, изучая нѣмецкій и славяно-литовскій языкъ въ связи съ санскритомъ и находя между ними тѣснѣйшую связь, все же ставитъ славянскій языкъ въ нѣкоторыя подчиненныя отношенія къ нѣмецкому. Замѣчая въ нѣмецкомъ и славянскомъ языкахъ массу общихъ словъ, явно заимствованныхъ отъ того или другого, независимо отъ общаго санскритскаго источника, Шлейхеръ не безъ доли національнаго самомнѣнія говоритъ: „было бы рѣшительно странно, если бы славянскій языкъ вовсе не имѣлъ словъ заимствованныхъ отъ нѣмецкаго (почему не наоборотъ?), когда славяне и нѣмцы съ незапамятныхъ временъ были сосѣдями и когда нѣмецкія племена раньше славянъ (?) пріобрѣли историческое значеніе. Само собой становится понятнымъ, что значительнѣйшій народъ (т. е. нѣмецкій) обыкновенно сообщаетъ народу менѣе культурному и подчиненному и что языки выше стоящихъ народовъ лишь изрѣдка берутъ у сосѣднихъ народовъ, занимающихъ низшую степень развитія, слова, по своему значенію менѣе важныя для исторіи образованія, хотя и не могутъ уберечь свою систему звуковъ отъ нѣкотораго зараженія звуками сосѣднихъ языковъ. Поэтому вполнѣ понятно, если въ славянскомъ мы находимъ такія важныя слова, какъ кънязь, хлѣбъ, стекло, пѣнязь, заимствованными изъ нѣмецкаго kuning, гот. hlaibs, stikls, англо-сакс. penning" (l. c. стр. 5).

Нѣмецкій языкъ болѣе всего сближается съ санскритомъ при посредствѣ т. н. древне-прусскаго языка, который не составляетъ собственно нарѣчія германскаго, а имѣетъ право быть причисленнымъ къ вѣтви литво-славянской. Сѣверная Пруссія и Померанія, какъ извѣстно, съ давнихъ поръ были населены славянами, жившими здѣсь рядомъ съ германцами. Это сосѣдство должно было отразиться на языкѣ тѣхъ и другихъ. Поэтому древне-прусскій языкъ едвали можетъ служить доказательствомъ ближайшихъ отношеній германскаго языка къ санскриту. Тоже самое можно сказать про языкъ готскій, въ которомъ также заключаются слѣды славянскихъ наслоеній. Впрочемъ, эти частности не относятся къ задачамъ нашего очерка, поэтому возвратимся опять къ санскриту.

Въ 1871 году проф. Харьковскаго университета *Шерцль* напечаталъ свой объемистый трудъ по сравнительной грамматикѣ славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ*). О литовскомъ языкѣ онъ говоритъ, что этотъ языкъ „по древности звуковъ и по цѣлости своей грамматики, между индо-европейскими языками настоящаго времени занимаетъ первое мѣсто. Такъ напр., семь санскритскихъ падежей въ немъ еще сохранились (равно какъ и въ славянскихъ языкахъ), удержалось и двойственное число, конечное s какъ обозначеніе именит. падежа при существительныхъ и пр. Самая древняя форма этого языка была, такъ называемое, *древанское* или *древне-прусское нарѣчіе*, вымершее во второй половинѣ XVII в.“ (т. 1, стр. 82). О славянскомъ языкѣ Шерцль выражается такъ: „Эта отрасль, вмѣстѣ съ литовской семьей, стоитъ въ весьма близкомъ родствѣ съ языкомъ санскритскимъ, что объясняется особенно занимаемымъ ею пространствомъ на востокѣ Европы, находящимся ближе къ предполагаемому центру индо-европейскихъ языковъ. (По той же причинѣ языки кельтскіе, отодвинутые отъ востока больше остальныхъ, удалились столь значительно отъ древняго типа). Кромѣ того, въ славянскихъ языкахъ проглядываетъ особое стремленіе придерживаться древнѣйшихъ формъ и полныхъ соотвѣтствующихъ имъ звуковъ, гласныхъ и согласныхъ. Въ этомъ отношеніи они совпадаютъ съ языкомъ литовскимъ: фонетика ихъ стоитъ ближе къ санскритской; по благозвучію они превосходятъ языкъ древней Индіи; несовмѣстныхъ съ духомъ языка накопленій согласныхъ они избѣгаютъ особенно вставками гласныхъ“ и т. д. (стр. 87).

Передавая вкратцѣ принятыя нынѣ наукой общія положенія объ отношеніяхъ славянства къ санскриту, мы не можемъ касаться здѣсь частностей этого, весьма любопытнаго и поучительнаго для народной исторіи вопроса. Изучая лексическій и грамматическій составъ славянскаго языка въ связи съ санскритомъ, легко убѣдиться каждому, даже не спеціалисту въ этой области, что славяно-литовскій языкъ, дѣйствительно, родной, ближайшій братъ древне-индійскому, что оба они выдѣлились въ первой линіи изъ пра-арійскаго языка, или, точнѣе сказать, дольше всѣхъ остальныхъ европейскихъ языковъ оставались во взаимномъ соприкосновеніи и меньше всего подвергались чуждому вліянію сосѣднихъ, не арійскихъ расъ. Связь эта такъ очевидна, что если бы не дальнѣйшія грамматическія отступленія и перестановки въ значеніи нѣкоторыхъ словъ, то можно бы думать, что древне-индійскій и славяно-литовскій языкъ есть продолженіе одного и того же діалекта, лишь разлученнаго пространствомъ и временемъ

Языкъ—это живая струя человѣческой жизни. Въ устахъ живущаго народа онъ не можетъ оставаться на неподвижной точкѣ. Какъ выразитель

*) В. И. *Шерцль.* Сравнительная грамматика славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ. Два тома 8°. Харьковъ. 1871 г.

личной мысли и субъективнаго чувства, онъ продолжаетъ безпрерывно рости и развиваться либо изъ собственныхъ коренныхъ началъ, либо обогащаясь новыми словами, по мѣрѣ воспріятія извнѣ новыхъ готовыхъ понятій. Чѣмъ ближе соприкасается народъ съ чужою высшею культурой, тѣмъ больше онъ пеструтъ и искажаетъ свой языкъ чужими элементами. Славянскій народъ, очевидно, не находился въ такихъ условіяхъ. Въ его древнемъ языкѣ весьма мало привходящихъ чужихъ словъ, но онъ видоизмѣнялъ и разнообразилъ свой лексическій составъ, развивая изъ старыхъ корней новые оттѣнки значеній. Такъ напр. если сравнить слово *кровь* съ санскр. *kravya*, что значитъ сырое мясо, греч. *κρέας* (отъ санскр. *kru*, крушить, повреждать), мы увидимъ здѣсь переходъ значеній даннаго слова съ одного понятія на другое. Изъ *кравья* образовались: латинск. *cruor* и *caro*, а въ славянскомъ языкѣ *кровь*, (sanguis) и *чрево*. Изъ санскр. *rudhira*—кровь и красный, кровавый, образовалось русское *руда* (кровь) *рудый*, рыжій, ruber. Здѣсь названіе крови взято по ея цвѣту, ровно какъ и названіе металлической руды. Слово *мозгъ* вполнѣ соотвѣтствуетъ зендск. *mazga*, medulla. Происходитъ оно отъ санскр. *masg*, *masgati*—погружать, окунуть, нырять, т. е. погруженный въ костяную полость (откуда латинск. *merg-us*, *mergere* и нѣм. *Mark*.). Въ латинскомъ языкѣ тоже слово образовалось изъ другаго понятія :*medulla* отъ medius, средній, т. е. находящійся въ срединѣ, замкнутый въ костную полость. Латинское названіе головнаго мозга, *cerebrum*, производятъ отъ санскр. *siras* или *saras*, что значитъ голова, caput, отъ *sar*—защищать, охранять, пасти, питать, зендск. *sara*—властелинъ, повелитель, царь. Такимъ образомъ въ этимологіи санскр. *saras* и лат. *cerebrum* лежитъ идея о значеніи головы или головнаго мозга, какъ органа, управляющаго всѣми движеніями и помыслами человѣка. Тоже самое должно было въ свое время имѣть мѣсто и въ славянскомъ языкѣ, но у насъ это первенствующее значеніе органа выразилось не въ словѣ мозгъ, а въ словѣ *глава*. Что же касается санскритскаго *saras*, то оно нашло другое примѣненіе, подобное зендскому и ассирійскому, въ словѣ *царь*, и притомъ не въ смыслѣ земнаго властелина, а въ значеніи верховнаго, небеснаго существа.

Сердце по санскр. *hrd*, отсюда нѣм. *Herz*, лит. *sirdis*, лат. *cor* (cord-is), греч. *καρδία*. Изъ того же санскр. слова, повидимому, образовалось и слав. *грудь*, pectus, передняя верхняя часть тѣла, вмѣстилище сердца, явившееся синонимомъ болѣе древняго названія *перси*. Это послѣднее совершенно созвучно санскритскому parçu, въ значеніи ребра, Rippe.

Подобныхъ примѣровъ перестановки значенія однозвучныхъ словъ въ связи съ дифференцированіемъ условныхъ понятій можно привести множество. Этимъ прежде всего начинается отклоненіе языковъ отъ общаго ихъ родоначальника, независимо отъ иноплеменныхъ лексическихъ наслоеній. Флексіи,

префиксы и суффиксы и грамматическія украшенія, являющіяся какъ плоды языкосозидательнаго народнаго генія, довершають остальное. По истеченіи вѣковъ языкъ настолько уклоняется отъ своего прародителя, что дѣлается для другихъ почти совсѣмъ непонятнымъ. Такъ разошлись группы и вѣтви языковъ индоевропейскихъ.

Но тотъ изъ нихъ, который больше всего сохранилъ въ себѣ неизмѣненныхъ первоначальныхъ словъ, имѣетъ право считаться позднѣе другихъ разлученнымъ съ своею родоначальною семьей. Таковъ именно славянскій языкъ. Въ немъ мы имѣемъ наибольшее число однозвучныхъ и однозначущихъ съ санскритомъ словъ *), и это даетъ намъ право думать, что славянскій народъ позднѣе всѣхъ разлучился съ своею азіатскою прародиной. Въ то время, когда греки, латинцы, кельты и даже германцы жили уже давно въ европейскихъ странахъ, славяне, по крайней мѣрѣ значительная часть ихъ, оставались въ Азіи, въ сосѣдствѣ съ древней Бактріей и Согдіаной. Здѣсь они имѣли ближайшія отношенія къ Иранцамъ (древнимъ персамъ) и не теряли связи съ индусами, даже послѣ переселенія послѣднихъ за Гималай. У Иранцевъ наши предки были извѣстны здѣсь подъ именемъ *Турас* (что значитъ подвижный, кочующій) и *Дасасъ* (бѣднякъ, въ противоположность благоустроенному, осѣдлому обществу). Греки называли ихъ либо общимъ именемъ *скиѳовъ*, либо частными собственными прозваніями: *саки*, *массагеты*, *сколоты*, и т. п., какъ они являются уже на страницахъ ихъ древней исторіи**). Часть этихъ закаспійскихъ кочевниковъ арійскаго племени входила въ составъ древняго Персидскаго царства, и впослѣдствіи, при распаденіи его, выселилась въ южные предѣлы Россіи подъ именемъ Сарматовъ. Но большая ихъ часть продолжали занимать Сырь-Дарьинскія, Южно-Сибирскія, Оренбургскія и Черноморскія степи, подъ общимъ именемъ азіатскихъ и европейскихъ скиѳовъ, составляя такимъ образомъ сплошное и однородное полукочевое населеніе, въ продолженіе многихъ вѣковъ жившее

*) Кромѣ вышеуказанныхъ приведемъ для болѣе яснаго уразумѣнія и наглядности еще нѣсколько такихъ примѣровъ: *гаръ*—горѣть, *гарма*—жаръ, *грйвâ*—грива, шея, *гурус*—грузъ, *думас*—дымъ, *дурмана*—дурманъ раст. (отъ *дур*—дурной и *мана* -духъ), *дру* - древо, *древайна*, зенд. *древена*—древяный, holzern, *ватара* - вѣтеръ, *бід*—разъединеніе (русское бѣда), *чатур*—четыре, *чатвâр*—четвертый, *кеса*—(волосы) коса и гл.—чесать, *четаті*—чьтить, *четаіати*—читать (отъ *чит*, noscere, cogitare), *читра*—хитрый, *оштu*—уста, *ак акши*--око, очи, *агни* -огнь, *адака*—ѣдокъ, essend, *там*—томить, *тану*- тонкій, тонокъ, *тада*—тогда, *дина*—день, *брадж*—брезжить, *бру-с*—бровь, (*субрус*—прекраснобровая, русское бѣлобрысая), *гадус*—червь, гадъ, *инду-с*—капля (иней вм. индей, заиндевѣть), *калакала-с*--глухой шумъ (колоколь, калякать), *ласа-с* -ласка, пляска, *ласака-с*—объятіе и т. д.

**) Всѣ эти кочевыя и полукочевыя племена принадлежали къ арійскимъ поколѣніямъ, въ томъ числѣ и европейскіе скиѳы. На это есть прямыя доказательства, также изъ области языка этихъ народностей. См. книгу В. В. *Григорьева*: «О скиѳскомъ народѣ Сакахъ». Спб. 1871 г., а также *Гильфердинга*: «Древнѣйшій періодъ исторіи славянъ. Вѣстникъ Европы 1868 г. іюль, стр. 234».

и развивавшееся здѣсь на старыхъ праарійскихъ началахъ, безъ замѣтнаго вліянія семитской и вообще западной культуры.

Разсматривая древнѣйшій бытъ азіатскихъ скиѳовъ, мы должны коснуться вопроса о томъ: на какомъ уровнѣ культурнаго развитія находились они до переселенія въ Европу и какіе слѣды, кромѣ археологическихъ памятниковъ, оставили они на мѣстахъ своего прежняго обитанія. Начнемъ прежде всего съ географическихъ названій, указывающихъ на связь азіатскихъ скиѳовъ съ европейскими. Главнѣйшая рѣка на ихъ азіатской родинѣ была нынѣшняя *Сыръ-Дарья*. Въ древности она носила четыре названія: *Раса*, *Танаисъ*, *Яксартъ* и *Силисъ*. Не подлежитъ сомнѣнію, что это были названія одной и той же рѣки, но только въ разное время. На это есть точныя историческія указанія. Раса, по мнѣнію Гильфердинга, есть древне-индійское *расâ*, волна и названіе миѳической рѣки, отдѣляющей страну благотворнаго Индра, т. е. осѣдлыхъ арійцевъ, отъ страны зловредныхъ, охраняющихъ какія то сокровища, демоновъ, т. е. кочевыхъ племенъ. Въ Зендавестѣ имя это, съ обычнымъ переходомъ звуковъ въ форму *Ранха*, обозначаетъ крайнюю къ сѣверу рѣку, извѣстную Персамъ, т. е. очевидно Сыръ-Дарью. Отъ того же слова *раса* волна (греч. ῥέω теку) произошло старое названіе Волги—*Ра*, а также Роны, Ріона и Аракса.

Другое имя Сыра *Танаисъ* является у Арріана въ описаніи походовъ Александра Македонскаго и весьма опредѣлительно отличается имъ отъ европейскаго *Танаиса*, т. е. Дона. Это названіе происходитъ отъ древне-индійскаго слова *данусъ*, песчаная отмель, санскр. *дâну* жидкость, влага, и *дуни*, какъ существительное — рѣка, какъ прилагательное — бушующій. Отсюда же европейскій Донъ, Дунай (Данави, по греч. Танаисъ), а можетъ быть также Двина (вм. Дуна), Днѣпръ и Днѣстръ. Арріанъ прибавляетъ при своемъ описаніи, что Танаисъ называется у мѣстныхъ варваровъ и другимъ именемъ, *Яксартъ*. Это слово Гильфердингъ объясняетъ такъ: „вторая составная часть его—*сартъ* тождественна съ древне-индійскимъ *саритъ*, — рѣка, скрывается ли въ первой его части ведическое *яхва*, — великій, или другое слово, трудно рѣшить“. Наконецъ у Плинія (VI, 7 и 16) есть указаніе, что скиѳы называли какъ европейскій, такъ и азіатскій Танаисъ именемъ Silis (отъ санскр. *сила* камень, что порусски значило бы каменка; сравни уральскую Сылву и Каму, отъ древне-славянскаго слова камы, камень). Нынѣшнее имя *Сыръ* (и Дарья, рѣка) произошло отъ *Яксарта*, т. е. отъ древне-индійскаго *саритъ* и ведическаго *сâрâ* рѣка и *сара-м* вода. Всѣ эти четыре названія Сыра производятся изъ арійскихъ корней, слѣдовательно даны арійцами, а изъ нихъ первые два,— *Раса* и *Танаисъ*, прямо указываютъ на родство азіатскихъ скиѳовъ съ черноморскими.

Другая рѣка средней Азіи, Аму-Дарья, въ древности носила только одно названіе, *Оксъ* (греч. *Оксосъ*), переданное греческими и римскими писателями. Это слово производятъ отъ древне-индійскаго *ога-с* потокъ. Можетъ быть отсюда же происходитъ русское—*Ока*.

Древняго собственнаго имени *Аральскаго* моря не сохранилось, а можетъ быть и совсѣмъ не существовало. Во времена Александра Македонскаго оно называлось греками *Oxiana palus*, отъ впадавшей въ него рѣки Окса—(Аму-Дарьи). Сѣверные арійцы обыкновенно называли моря по цвѣту. Такъ прозвано Балтійское, Бѣлое и Черное море. Аральское море встарину называлось русскими *Синимъ моремъ* (географ. слов. Семенова). Въ пѣсняхъ и былинахъ прилагательное *синій* особенно охотно примѣняется къ южнымъ водамъ, въ томъ числѣ и къ Хвалынскому (Каспійскому) морю и Дону (тихій Донъ, или синій Донъ). Рѣка *Индъ* по санскр. называлась *Синду* (зенд. hindu). Это же слово означало океанъ, море, что до извѣстной степени созвучно русскому *синій Донъ*, синяя вода (какъ сокращен. изъ *sin—danu*). Можетъ быть въ этомъ русскомъ названіи *синяго моря* (Аральскаго и Каспійскаго) кроется слѣдъ старыхъ географическихъ воспоминаній*).

Въ древности Оксъ и Яксартъ вливались не только въ Аральское, но и въ Каспійское море, соединяя такимъ образомъ эти моря въ одинъ непрерывный водный путь**), обнимающій при помощи упомянутыхъ двухъ рѣкъ всю закаспійскую страну. У осѣдлыхъ арійцевъ это должно было дать первый толчекъ къ развитію мореходства. И мы, дѣйствительно, видимъ, что въ эпоху Троянской войны, какъ Эллины, такъ и союзники Трои были уже хорошо знакомы съ морскою стихіей. Мореходству они выучились не у семитовъ (Финикіянъ), а еще на азіатской родинѣ, на что указываетъ вся ихъ мореходная терминологія. Санскр. *nâva* и древнеперс. *navi*—корабль дали происхожденіе греческому νῆος, ναῦς, лат. *navis*, санскр. *nâvya* значитъ судоходная рѣка (не отсюда ли и наша Нева?).

На основаніи этихъ данныхъ можно предполагать, что арійскія племена, послѣ сформированія Ассирійскаго царства и занятія семитами земель, примыкавшихъ къ Малой Азіи съ востока, должны были направляться къ Черному морю и Архипелагу не столько сухимъ путемъ, черезъ Персію, сколько водами, черезъ Каспійское море. Оттого Кавказъ и окрестности горы Арарата играютъ такую выдающуюся роль въ еврейскихъ и арійскихъ бытописаніяхъ (кн. Бытія IX, 27). Поколѣнія Сима (семиты) были вытѣснены

*) Слово *синій*, греч. κύανεος Фикъ производитъ отъ санскр. *çyena, çyeni*—бѣлый, замѣчая при этомъ, что значенія цвѣтовъ при одномъ и томъ же названіи часто не совпадаютъ между собой у разныхъ народовъ.

**) На это есть указанія у греческихъ писателей. Слѣды старыхъ руслъ Аму-Дарьи, направлявшихся въ Каспійское море, до сихъ поръ явственно видны въ Закаспійской степи.

отсюда потомками Афета (арійцами), наплывавшими сюда больше и больше, изъ закаспійскихъ странъ. Часть ихъ направлялась восточными проходами кавказкихъ горъ на сѣверный Кавказъ и къ Азовскому морю, другая часть шла въ Малую Азію, гдѣ существовало Троянское царство. Это былъ самый обычный и наиболѣе извѣстный въ древности путь народныхъ переселеній. Этимъ путемъ двигалась и часть славянскихъ племенъ изъ Азіи въ Европу.

Кромѣ Оксуса и Яксарта, названія прочихъ рѣкъ и озеръ азіятской Скиѳіи представляютъ весьма ненадежный матеріалъ для исторической географіи. Причина понятна: мѣстности за Яксартомъ совершенно не были извѣстны ни персамъ, ни древнимъ грекамъ, потому объ нихъ не сохранилось ни одного письменнаго указанія. Нынѣшнія же географическія имена представляютъ собою либо искаженные до неузнаваемости слѣды древнихъ наименованій, либо, гораздо чаще, новыя названія, данныя турко-монгольскими или финскими обитателями этихъ мѣстъ за послѣднія полторы тысячи лѣтъ.

О географическихъ названіяхъ Семирѣчья мною уже были высказаны нѣкоторыя догадки и соображенія въ статьѣ, напечатанной въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Томскаго университета» за 188⁸/₉ годъ, подъ заглавіемъ: „Топографическія свѣдѣнія о курганахъ Семирѣченской и Семипалатинской области (стр. 40—43). Тамъ было указано, что за 100 лѣтъ до Р. Х., еще до татарской эпохи, китайцы отчасти знали этотъ край. Оз. *Иссыкъ-куль* они называли *теплымъ озеромъ—Же-хай*, но, къ сожалѣнію, это названіе передано не на мѣстномъ языкѣ жившихъ здѣсь Усуней, а на китайскомъ.

Изъ рѣкъ имъ были извѣстны *Или* и *Лепса*, которыя и до сихъ поръ сохранили тѣже прежнія имена, носящія слѣды арійскихъ корней. Слово *Или* значитъ сіяющій, блестящій (Геогр. Риттера. русск. перев. т. II, стр. 94). Это напоминаетъ звуки греч. ἥλιος. Названіе *Лепсы*, китайское *Липса*, можетъ указывать на слав. лѣпый, или липа. Имя третьей рѣки, *Басканъ*, по той же гипотезѣ можно было бы сопоставить съ русскими словами *баса́*, баско́й, т. е. красивый, блестящій. Впрочемъ, это не болѣе, какъ догадки. Такую же догадку можно высказать и по вопросу объ имени оз. *Балхаша*, или *Балкаша*, иначе *Денгизъ* или *Ак-денгизъ*. То и другое названіе, очевидно,—древнія, но испорченныя въ татарской (киргизской) переработкѣ. Тюркская приставка *ак*, бѣлый, наводитъ на предположеніе, что въ имени *Балхашъ* первая половина слова *бал* тоже должна соотвѣтствовать значенію бѣлый. По этому соображенію, можетъ быть, имя *Балхашъ* обозначало когда-то, *Бѣлое море* или *Бѣлое озеро* *), а *Ак-денгизъ* есть только переводъ прежняго названія на татарскій языкъ, подобно Иссыкъ-Кулю (теплое озеро). Слово *Денгизъ* или *Тенгизъ* на туркскомъ языкѣ означаетъ *море*.

*) Не столько по цвѣту воды, сколько потому, что она зимою покрывается льдомъ и снѣгомъ.

Изъ отдаленныхъ рѣкъ наибольшее значеніе для азіатскихъ скиѳовъ должна была имѣть р. Обь. У татаръ она извѣстна подъ именемъ *Омаръ* или *Уморъ*, у Сургутскихъ остяковъ—*Ась*, *Ясъ* или *Колта*, у Нарымскихъ *Ема*, у самоѣдовъ *Куай* (словарь Семенова). Русскимъ нижнее теченіе этой рѣки, Обдорія, или Обдоры, было извѣстно очень давно, со временъ первыхъ сношеній съ сѣверомъ, въ XI—XII вѣк., и всегда подъ именемъ Оби. Есть даже поводъ предполагать, что и Иртышъ у насъ слылъ встарину подъ тѣмъ же именемъ Оби*), потому это названіе можно считать древнѣйшимъ и первоначальнымъ, а происхожденіе его основаннымъ на первыхъ принципахъ наименованія текучихъ водъ. Мы уже видѣли выше, что у древнихъ арійцевъ имена рѣкъ чаще всего обозначали въ той или другой формѣ значеніе воды, влаги, теченія, или источника (см. объясненіе Танаиса и Окса), поэтому и этимологію Оби слѣдуетъ подводить подъ тотъ же законъ. Въ санскритскихъ корняхъ можно указать въ данномъ случаѣ *ар*, *ара* (апа), что значитъ вода, сокъ, сила, *ап-ара* (анапа), Wasserlos, и *ара—vant*, Wasserreich. Въ древне-перс. *арі* значитъ Wasser, въ древне-прусскомъ *аре* Fluss, *apus* Quelle, въ литовскомъ *upes*, *upis* Fluss, готск. *ufjo* Fulle, лат. *оріа*—изобиліе (Фикъ). Отсюда же должно происходить и названіе р. Оби (Сибирскія крестьяне произносятъ *Опъ*). Что это дѣйствительно такъ,—подтвержденіемъ можетъ служить переносъ того же названія на другія русскія рѣки—*Упу* (въ Тульск. губ.) и *Уфу*. Слово *упа* въ значеніи воды сохранилось въ русскомъ языкѣ въ названіи *упо-ловникъ*, ловящій, черпающій воду, ковшъ**).

Названіе *Иртыша* я объяснить не умѣю, равнымъ образомъ затрудняюсь сказать, съ какого времени онъ носитъ это имя***). Надо думать, что корнемъ здѣсь служитъ *Ир* и онъ часто примѣнялся къ названіямъ водъ, напр. р. *Ир-гизъ*, *Ир-битъ*, *Ир-кутъ*, р. *Ир-ень*, оз. *Ир-тяшъ*, и всѣ эти имена, кромѣ Иркута, встрѣчаются въ восточныхъ предгоріяхъ Урала.

*) Такъ онъ показанъ въ старыхъ географическихъ картахъ, напр. у Исаака Массы, см. I т. путеш. Миддендорфа.

**) На такое объясненіе Оби обратилъ вниманіе еще *Фишеръ* въ началѣ своей «Сибирской исторіи» (Спб. 1774 г.). Въ примѣч. на стр. 4 онъ говоритъ: «Абь на персидскомъ языкѣ значитъ воду, а *даръ*, въ имени *Обдоръ*, есть слово персидское-жъ, и значитъ ворота или устье. Теперь спрашивается токмо, какъ персидскія слова перешли къ зырянамъ?» Въ настоящее время, съ открытіемъ общаго источника для арійскихъ языковъ, мы начинаемъ понимать, какъ могли распространиться арійскія географическія названія отъ Индіи до устья Оби и Ледовитаго океана. Но въ имени *Об-дора*, Обдорія, для насъ становится еще любопытнѣе вторая половина слова. Санскр. *dura*, *dvâra*, зенд. *dvara*, нѣм. *Thur*—дверь, ворота, *Об-дора* значитъ дверь, выходъ въ Сѣверный океанъ, или, по крайней мѣрѣ, въ бассейнъ западныхъ рѣкъ. Поэтому Обдорскій, Югорскій и Печерскій край такъ давно извѣстны въ русскихъ лѣтописяхъ по сношенію съ сѣверомъ.

***) Иртышъ по Монгольски *Эрисъ-голъ*, по калмыцки *Эрцисъ*. Абрамовъ объясняетъ это слово отъ татарскаго *ир*—земля и *тышъ*—рой, сверли,—землерой. Основательность такого объясненія крайне сомнительна.

Изъ западныхъ притоковъ Иртыша заслуживаетъ вниманія имя рѣки *Туры*. Какъ географическій терминъ, оно очень распространено. У *Ортелія**) указаны: *Thuria* рѣка въ Италіи, по имени которой былъ названъ городъ Thurium, называвшійся прежде *Sybaris* (стр. 324, Varro de re rustica, Lib. 1, cap. 7). Другая рѣка того же имени въ Италіи упоминается Плиніемъ. Въ Испаніи былъ городъ *Turris* Syllana. *Колларъ* указываетъ на рѣку *Туръ* въ Швейцаріи (Винтертуръ), *Turicum*, нынѣшній Цюрихъ, и *Туринъ*; есть р. *Туръ* во Франціи. Въ Венгріи и сосѣднихъ съ ней краяхъ *Колларъ* насчитываетъ цѣлую серію рѣкъ съ подобнымъ именемъ: Туръ, Старая Тура, Турья, Турова, Турикъ, Турица и т. д. У насъ есть Тура и Турья, обѣ берутъ начало съ Уральскихъ горъ; *Турій* полуостровъ на сѣверномъ берегу Кандалакскаго залива на Бѣломъ морѣ; *Турій* мысъ тамъ же; *Тура*-тау —гора на нагорномъ берегу р. Бѣлой, въ Уфимской губерніи, и т. д. Происхожденіе этихъ названій въ Западной Европѣ обыкновенно связываютъ съ *taurus*, горный хребетъ, по мѣсту истеченія рѣкъ. У насъ въ подобныхъ случаяхъ, по видимому, тоже съ словомъ Туръ связывалось представленіе о горной возвышенности, пригоркѣ утесѣ, крутомъ берегѣ. Въ этомъ смыслѣ слово Тура перешло съ русскаго въ финскіе языки (Веске 1 с. стр. 74).

Не менѣе любопытны въ смыслѣ исторической географіи и многія другія рѣки восточнаго и западнаго склона Урала (напр. *Исеть, Теча, Міясъ, Орь, Яикъ, Кама, Сылва;* изъ сибирскихъ: *Тартасъ, Омь, Томь, Кеть, Кія, Яя*, сибирская *Ока*), но разборъ ихъ отклонилъ бы насъ слишкомъ далеко отъ главнаго предмета, между тѣмъ какъ выводы изъ подобнаго матеріала были бы, во всякомъ случаѣ, крайне шатки. Поэтому возвратимся опять къ изображенію древняго быта сѣверныхъ арійцевъ.

Азіатскіе и европейскіе скиѳы, обыкновенно рисуются, какъ народъ не имѣвшій осѣдлости. Такъ изображаетъ ихъ Геродотъ, такъ представляли Персы сѣверныхъ кочевыхъ арійцевъ за Яксартомъ подъ именемъ *Турасъ*, т. е. быстро перемѣняющихъ мѣста, бродячихъ. Такое понятіе, однако-же, не всегда согласуется съ археологическими данными. Бытъ скифовъ едва ли можно приравнивать къ перекочевкамъ напр. нынѣшнихъ киргизовъ. Это было нѣчто среднее, полуосѣдлое, переходъ отъ пастушескаго примитивнаго быта къ болѣе устойчивому, хозяйственному. Главнымъ основаніемъ народнаго благосостоянія было, дѣйствительно, скотоводство, требовавшее обширныхъ луговъ и перемѣны пастбищъ по временамъ года, но азіатскіе скиѳы не были чужды также земледѣлія и ремесленной промышленности, которыя привязывали ихъ къ опредѣленнымъ мѣстамъ обитанія, къ селу или городу. Была у нихъ и другая осѣдлая, высоко чтимая привязанность—это могилы предковъ,

*) *Abrahami Ortelii* antverpiani, Synonimia geographica 1578.

которыя, по возможности, устраивались на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ (общественныхъ кладбищахъ) и тщательно охранялись не только отъ поруганія врагами или иновѣрцами, но и отъ разрушительнаго вліянія времени*).

Какъ въ Европейской Скиѳіи были скиѳы земледѣльцы (пахари) и скиѳы скотоводы, такъ точно и въ Азіи существовали тѣ и другіе, причемъ скотоводство, даже развитое въ обширныхъ размѣрахъ, не исключало еще существованія осѣдлыхъ деревень. Если у скиѳовъ въ начальномъ періодѣ не было настоящихъ многолюдныхъ городовъ, какъ у персовъ или грековъ, то все же существовали городки—крѣпости, защищенныя валами и рвами, а можетъ быть и деревянными стѣнами сверхъ валовъ**). Около этихъ центральныхъ пунктовъ ютилась часть населенія въ домахъ и хижинахъ. Перекочевки скиѳовъ я представляю себѣ въ родѣ лѣтнихъ переѣздовъ нашихъ крестьянъ, въ многоземельныхъ сибирскихъ губерніяхъ, на отдаленныя поля или покосы. Въ это время деревни остаются почти пустыми; крестьяне съ чадами и домочадцами поселяются таборомъ среди своихъ полей, возвращаясь въ деревню развѣ только къ большому празднику, или по окончаніи полевыхъ работъ. У скиѳовъ такія отлучки могли быть болѣе продолжительными и отдаленными, особенно у скотоводовъ; но при всемъ томъ странствующій въ своихъ повозкахъ скиѳъ не былъ бездомнымъ скитальцемъ.

Степень культурнаго развитія азіатскихъ скиѳовъ яснѣе всего могла-бы выражаться въ ихъ языкѣ; но къ сожалѣнію, наука совсѣмъ не знаетъ этого языка, даже въ его отрывочныхъ словахъ. Его необходимо искать въ тѣхъ живыхъ народностяхъ, которыя, по историческимъ соображеніямъ, должны происходить отъ древняго скиѳскаго населенія. По археологическимъ даннымъ потомки скиѳовъ должны принадлежать къ культурнымъ поколѣніямъ. Въ языкѣ ихъ должны сохраняться старые слѣды того земледѣльческаго, промышленнаго и гражданскаго быта, какой представляютъ нынѣ скиѳскія могилы и городища. Такихъ слѣдовъ мы не найдемъ ни въ одномъ изъ урало-алтайскихъ языковъ. Изъ этого можно заключить, что продолженіе скиѳскаго вѣка (народа) слѣдуетъ искать въ поколѣніяхъ индо-европейскихъ,

*) Это характерно выражено Геродотомъ при описаніи переговоровъ пословъ Дарія со скифами: «Если бы вамъ (персамъ) крайне необходимо было ускорить сраженіе, отвѣчали скиѳы, то вотъ: есть у насъ гробницы предковъ; розыщите ихъ, попробуйте разрушать, тогда узнаете, станемъ ли мы сражаться съ вами изъ за этихъ гробницъ, или нѣтъ». (Герод. кн. IV, 127).

**) Говоря о Будинахъ, Геродотъ замѣчаетъ (IV, 108), что въ землѣ ихъ «есть *деревянный городъ* по имени Гелонъ. Высокая стѣна, его ограждающая, вся изъ дерева, равно какъ и *дома* и храмы Будиновъ» (тоже деревянные). Въ 123 § тоже говорится, что Персы напали на *деревянное укрѣпленіе* Будиновъ и *сожгли* его. Въ другомъ мѣстѣ Геродотъ замѣчаетъ о кочевыхъ Скифахъ, что у нихъ «нѣтъ городовъ и засаженныхъ деревьями полей», почему имъ нечего опасаться покоренія, или опустошенія войсками Дарія; но въ § 125 онъ, однако, упоминаетъ о *раззореніи* Меланхленовъ, Андрофаговъ и Агафирсовъ, частію самими же скиѳами, частію персами, гнавшимися за ними. Раззореніе здѣсь можно понимать не въ смыслѣ расхищенія, а въ смыслѣ разрушенія и уничтоженія недвижимостей.

именно въ тѣхъ, которыя позднѣе другихъ могли занимать восточныя страны древней скиѳіи. Поэтому мы считаемъ позволительнымъ и не противорѣчащимъ исторической критикѣ сопоставить археологическія данныя скиѳскаго быта съ языкомъ древне-славянскимъ, такъ какъ славянское племя дольше всѣхъ европейцевъ оставалось въ восточной Азіи. Начнемъ съ земледѣлія, которымъ прежде всего выражается осѣдлый быть народа. Наименованіе злаковъ и термины земледѣлія у насъ принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ словъ; они взяты непосредственно изъ обще-арійскаго источника и стоятъ гораздо ближе къ санскриту, чѣмъ соотвѣтствующія слова прочихъ европейскихъ народовъ. Сюда относятся:

Рожь, литов. *rugis*, нѣм. *Roggen*, греч. *ὄρυζα*.

Овесъ, лит. *aviza*, лат. *avena*, происходитъ отъ санскр. *avana*, *avas*, satisfaction, отъ av, juvare, нѣм. *Hafer*.

Пшеница отъ санскр. *psana* пшено (отъ *psâ* manger); нѣм. *Weizen* и лат. *triticum* другого корня.

Просо отъ санскрит. *prksha*, nurriture, или отъ *rasa*, Hirse, древнепрусск. *prassan*, лат. millium.

Жито, санскр. *Sitya*, grain, греч. σῖτος литов. *geits*, Brod. Слав. жито имѣло общее значеніе злаковъ (отъ жи-ти*).

Точно также слова: *орать* (пахать), лат. *arare* (отъ санскр. глаг. *ar* поднимать), и *молоть* греч. *μύλλειν*, лат. *molare*, индійское *malana-m* молотье—указываютъ на древнѣйшее ихъ происхожденіе. Но еще убѣдительнѣе говорятъ слова: *амбаръ*, *пуня* и *рига*, взятыя непосредственно съ древне-индійскаго и сохранившіяся только у насъ. Инд. *амбара-м* означаетъ вообще покровъ, хранилище. *Пуня* отъ инд. *пу*, *пунами*, значитъ: я вѣю хлѣбъ. *Рига* отъ инд. глаг. *ридж*, *реджами*,—я жарю**).

*) Подробное перечисленіе культурныхъ растеній см. у *Будиловича*: «Первобытн. славяне въ ихъ языкѣ», а также у *Гена*: Культурныя растенія и домашнія животныя при переходѣ ихъ изъ Азіи въ Европу».

**) По свидѣтельству Геродота войска Дарія во время похода въ Скиѳію должны были продовольствоваться мѣстнымъ скиѳскимъ хлѣбомъ, не рѣдко съ опасностью жизни при его разыскиваніи. Въ статьѣ проф. *Мищенко*: „Торговыя сношенія Аѳинской республики съ царями Босфора“ (Кіевск. универс. извѣстія 1878 г.) собрано много весьма интересныхъ данныхъ, доказывающихъ, что еще за 300—400 лѣтъ до Р. Х. Босфорское царство служило главнымъ источникомъ хлѣба, вывозимаго въ Аттику и во всѣ части средиземноморскаго побережья. Изъ портовъ Ѳеодосіи и Пентикапеи въ то время ежегодно вывозилось хлѣба около полутора милліона пудовъ, не считая мѣстнаго его потребленія. Хлѣбъ шелъ преимущественно изъ Ѳеодосіи, слѣдоват. изъ крымскаго полуострова, но привозился также съ Азовскаго моря, слѣдоват., и съ береговъ Дона. Но нѣтъ основанія думать, чтобы хлѣбопашество ограничивалось только этими областями. Оно несомнѣнно существовало и въ болѣе отдаленныхъ краяхъ Скиѳіи, въ томъ числѣ и въ южной Сибири, на что указываютъ находимые здѣсь въ большомъ числѣ *бронзовые серпы* (весьма сходные по формѣ съ древними греческими и древне-персидскими), безъ сомнѣнія имѣвшіе у сибирскихъ скиѳовъ практическое примѣненіе для жатвы. Въ тобольскихъ курга-

О словѣ *городъ* и о древности русскихъ городовъ мы скажемъ въ особой главѣ. Слово *весь* (деревня) точно также носитъ на себѣ слѣды древнѣйшаго, доисторическаго происхожденія. Его производятъ отъ санскр. *вӣс* и *вӗса-с* домъ; тоже слово у древнихъ персовъ (зенд. *вӣс*) значитъ и домъ и семья, и село и община; въ лат. и готск. *vicus*, *veihs* значитъ деревня. Въ древне-индійскомъ языкѣ есть и другое слово того же значенія, близко стоящее къ славянскому языку,—это *грамасъ*—жилое мѣсто, деревня, община, *грамāтā*, совокупность нѣсколькихъ селеній. Въ церковно-славянскомъ этому слову соотвѣтствуетъ *храмъ*, храмина, домъ и южно-русское *громада*, общество жителей селенія, община, толпа. Слово *домъ*, лат. *domus*, греч. δόμος, тоже появилось въ раннемъ періодѣ раздѣленія арійцевъ. Что же касается частностей строительныхъ названій, то въ большинствѣ случаевъ онѣ въ славянскомъ языкѣ самобытны, т. е. выработались у себя дома въ древнѣйшія времена. Таковы напр. слова: *изба* (отъ ѣсть, здать, или топить, истопка), *клѣть*, *стропъ* (крыша, стропила), *стрѣха*, *тесъ*, *драпь*, *окно*, *косякъ*, *порогъ* и т. д. Плотничныя орудія, *сѣкира*, *топоръ*, *долото*, *сверло*, по всѣмъ лингвистическимъ и археологическимъ даннымъ появились у славянъ еще до раздѣленія ихъ на племена, въ глубокой древности. *Топоръ* считается древнеперсидскимъ (сарматскимъ) словомъ (*teber*). *Долото*, лат. *dolatorium*, орудіе для тесанія, и *dolabra* мотыка, кирка, производятъ отъ глагола *dalare* рубить, тесать (русск. долбить). Принимая, однако же, во вниманіе, что бронзовыя долота довольно часто встрѣчаются между сибирскими курганными древностями *) и что они по внѣшней формѣ почти совершенно сходны съ нынѣшними русскими и европейскими (со втулкою), можно думать, что названіе русскаго долота взято не отъ латинскаго *dolabra* или *dalare*, а сформировалось у славянъ на обще-арійской почвѣ, или же самостоятельно. Славяне изстари были плотники по преимуществу. Постройки ихъ были почти исключительно деревянныя, а равно утварь и всѣ домашнія подѣлки предпочтительно работались изъ дерева; по этому естественно, что орудія и

нахъ были найдены и обугленные злаки, *ячмень* и *овесъ* (см. каталогъ Томскаго археологическаго музея, примѣчаніе 29). Въ лѣтописи Нестора и въ другихъ древнихъ русскихъ актахъ о земледѣліи нашихъ предковъ упоминается много разъ, какъ о занятіи давно привычномъ. Такъ напр. подъ 946 г., при описаніи осады древлянскаго города Коростеня княгиня Ольга говоритъ коростенцамъ: «а вси гради ваша предашася мнѣ и *дѣлаютъ нивы своя*, а вы хочете измрети гладомъ».

Въ курганахъ Московской и другихъ губерній сѣверо-западной Россіи языческой эпохи не рѣдко находили женскіе скелеты съ желѣзнымъ *серпомъ* въ рукахъ. Въ южной Россіи встрѣчались и *бронзовые серпы* болѣе отдаленной эпохи. Все это доказываетъ, что земледѣліе было исконнымъ и непрерывнымъ занятіемъ славянъ, начиная отъ скиѳскаго періода. Азіатскіе скиѳы, не смотря на свой полукочевой образъ жизни, не были сыроядцы: они воздѣлывали землю и питались хлѣбомъ, какъ и остальные осѣдлые арійцы.

*) До 1888 г. въ Минусинскомъ музеѣ ихъ было собрано 15 экземпляровъ, въ Томскомъ университетскомъ музеѣ теперь ихъ имѣется около десятка.

термины по этой спеціальности въ славянскомъ языкѣ должны были получить широкое и притомъ самостоятельное развитіе. Подробнѣе объ этомъ предметѣ сказано мною въ 35 примѣч. къ каталогу Томскаго археологическаго музея (1888 г. стр. 112—120). Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы еще возвратимся къ этому вопросу.

Кромѣ перечисленныхъ культурныхъ словъ, въ славянскомъ языкѣ заключается множество другихъ, не менѣе древнихъ и также указывающихъ на непосредственный источникъ духовнаго развитія славянъ во взаимодѣйствіи съ праарійскимъ народомъ. Здѣсь мы получили впервые нравственные и гражданскіе устои, первыя религіозныя идеи (олицетвореніе природы, какъ божества, какъ изображается она въ гимнахъ Ведъ), усвоили извѣстное народное міросозерцаніе, положили основу народному характеру, болѣе мягкому и гуманному, нежели у другихъ западныхъ народовъ, дѣтское воспитаніе которыхъ совершалось подъ вліяніемъ другихъ условій и при другой, болѣе суровой обстановкѣ иноплеменной вражды и борьбы. Обстановка перваго, дѣтскаго воспитанія всегда кладетъ неизгладимую печать на всю жизнь человѣка. Воспитаніе народнаго характера зависитъ отъ тѣхъ же причинъ и даетъ тѣ же послѣдствія. Патріархальный складъ пастушеской жизни на лонѣ природы, въ привольныхъ степяхъ, въ умѣренномъ климатѣ, мирныя занятія земледѣліемъ и скотоводствомъ, отсутствіе опасныхъ враговъ извнѣ,—воспитали въ славянахъ-скиѳахъ тотъ младенчески простодушный оттѣнокъ характера, который донынѣ отличаетъ ихъ отъ западныхъ, болѣе эгоистическихъ племенъ. Эти начала до сихъ поръ живутъ въ славянскомъ и русскомъ простонародьѣ. Красной чертой проходятъ они черезъ всю нашу исторію, начиная съ мирнаго устройства государственнаго быта и добровольно-кроткаго перехода отъ языческихъ вѣрованій къ христіанству, и кончая послѣдними событіями безкорыстнаго освобожденія одноплеменныхъ намъ народностей отъ иноземнаго ига. Покорность Богу, власти и судьбѣ, смиреніе при силѣ и успѣхѣ, терпѣливость въ несчастіи, состраданіе къ слабымъ и угнетеннымъ, твердыя семейныя и общественныя начала, вѣра въ свѣтлую будущность народной жизни, развивающейся послѣдовательно и постепенно изъ самой себя, а не изъ рабскаго подражанія другимъ,—таковы были основные принципы допетровской Руси, таковыми ихъ желательно видѣть и на будущее время, не увлекаясь мишурой европейскаго прогресса. Эти свойства укоренились въ славянской душѣ не со времени принятія христіанскаго ученія; само христіанство нашло уже здѣсь подготовленную, воспріимчивую почву, унаслѣдованную съ младенческихъ временъ народной жизни. Намеки на это опять-таки кроются въ корняхъ славянскаго языка.

Мы уже видѣли, что словомъ *міръ* у насъ выражается понятіе какъ о вселенной, такъ и о гармоніи жизни, о спокойствіи и согласіи. Вселенная,

по взгляду славянина, есть *миръ* и любовь; община и племя обозначаются тѣмъ же словомъ,

Слово *Богъ* сличается съ санскр. *бага*, какъ съ нарицательнымъ именемъ, значащимъ *блаженство*, *божественную* силу (откуда *багават*—одаренный такою силой, счастливый, богатый. *Багас*—податель благъ. *Багасъ* имѣетъ корень въ глаголѣ *бадж*—распредѣлять, даровать, ущедрить, поэтому санскр. *багас* значитъ также счастіе, благополучіе.

Славянскій языкъ кажется единственнымъ изъ европейскихъ языковъ, въ которомъ понятіе о Богѣ, какъ верховномъ Владыкѣ и промыслителѣ, выражается не въ признакахъ свѣтлаго неба или благодѣтельнаго солнца, а въ непосредственномъ благодѣяніи къ человѣку, въ идеѣ ниспосылаемаго ему свыше счастія. Греч. Θεός, Διός, Ζεύς, лат. *Deus*, древне-инд. *див* (*дивјами* сіять), отъ *девас*—свѣтлый, обозначали собственно небо, жилище боговъ, потомъ стали олицетворять понятіе о божествѣ, сначала въ солнцѣ, потомъ въ человѣчесомъ образѣ Юпитера громовержца. Славянскій народъ впослѣдствіи также допустилъ у себя языческія искаженія въ понятіяхъ о божествѣ (Дивъ, Перунъ, Стрибогъ и др.), но рѣченіе *Богъ* у него сохранилось въ первоначальной чистотѣ до христіанскихъ временъ. Слово *Господь*, господинъ соотвѣтствуетъ древне-индійскому *джаспати-с*, что значитъ владыка рода (*джас* родит. пад. слова *джа*—родъ, *пати*—владыка).

О семейной жизни первобытныхъ арійцевъ Гильфердингъ, основываясь на данныхъ языка, даетъ такое мнѣніе: «Ихъ жизнь преимущественно была семейная; бракъ былъ ея основою, и брачный союзъ имѣлъ у этихъ древнихъ людей такое святое значеніе, что у нихъ вполнѣ господствовало единобрачіе. Свидѣтельствомъ тому служитъ, между прочимъ, опредѣлительность выраженій для обозначенія, во всѣхъ оттѣнкахъ, степеней родства, происходящихъ отъ брачнаго союза,—опредѣлительность возможная только при постоянномъ и единомъ бракѣ: *тесть* и *теща*, *свекоръ* и *свекровь*, *зять* и *сноха*, *деверь* и *золовка*,—всѣ эти слова принадлежатъ еще времени первобытнаго арійскаго народа. Общество держалось на родовой связи и признавало своею цѣлію взаимную помощь». Санскр. и зендскія слова, сюда относящіяся, большею частію общи всѣмъ европейскимъ языкамъ, каковы напр. *патар* отецъ, собственно питатель, *матар* мать, *братар* братъ, Bruder, *свасар* сестра, Schwester, *свасура* свекоръ, *девар* деверь, Schwager, *джна* mulier, зенд. *жена*, совершенно созвучное и тождезначущее нашему *жена*, отъ корня *джан* generare, откуда санскр. *джани* человѣкъ, homo.

Мы сдѣлали общій, предварительный, по возможности краткій очеркъ доисторическаго быта индо-европейскихъ народовъ и въ частности нашихъ предковъ славянъ. Эти данныя необходимо было положить въ основаніе изслѣдованій о сибирскихъ древностяхъ, иначе всякое сужденіе о соприкосно-

веніи сибирской археологіи съ индоевропейскими народностями показалось бы неожиданнымъ и страннымъ. Восемнадцать вѣковъ безпрерывнаго пребыванія на сѣверо-востокѣ Азіи урало-алтайскихъ племенъ, естественно, заглушили всякій слѣдъ воспоминанія о бывшемъ здѣсь ранѣе того другомъ, арійскомъ населеніи. Но въ такомъ же невѣдѣніи была до текущаго столѣтія европейская наука и о центральной Азіи, какъ общей арійской родинѣ. Научный горизонтъ расширяется по мѣрѣ открытія новыхъ источниковъ знанія. Ассирія, Вавилонъ и Египетъ точно также раскрыли свою недосягаемую прежде старину только въ недавнее время, при помощи археологіи и лингвистики. Сибирь должна пользоваться тѣми-же орудіями знанія.

Принявъ за исходную точку славянскихъ древностей сѣверную страну за Яксартомъ, гдѣ жили Геродотовы саки и массагеты, т. е. нынѣшнюю Сыръ-Дарьинскую и Семирѣченскую области, мы не можемъ иначе разсматривать азіатскую Скиѳію, какъ въ связи съ европейской. Какъ прежде не было между тою и другою рѣзкихъ географическихъ границъ, такъ и нынѣ не представляется почти никакой разницы въ археологическихъ памятникахъ той у другой части Россіи. Затѣмъ, при разсматриваніи поставленнаго нами вопроса, мы должны помнить, что доисторическая археологія имѣетъ дѣло съ эпохами весьма отдаленными. Не арабская культура и не царство Чингисхана наполнили Сибирь археологическими монументами, а тѣ народности, о которыхъ писали греческіе историки за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Бронзовая культура во всякомъ случаѣ лежитъ за предѣлами христіанскаго лѣтосчисленія. То, что писали Геродотъ и Гиппократъ о черноморскихъ скиѳахъ, можетъ быть смѣло отнесено къ скиѳамъ азіатскимъ. Хронологическія частности и значеніе каждой группы памятниковъ выяснятся впослѣдствіи при спеціальномъ ихъ описаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣю думать, уяснится при дальнѣйшемъ изложеніи настоящаго труда и основная моя мысль о національномъ значеніи сибирскихъ древностей.

ГЛАВА II.

Разселеніе арійцевъ по Европѣ.—Первыя географическія свѣдѣнія о сѣверныхъ европейскихъ странахъ.—Географы: Пифій, Страбонъ и Птоломей.—Извѣстія Тацита о Германіи и Юлія Цезаря о Венетахъ.—Борьба балтійскихъ славянъ съ германцами и участіе ихъ въ образованіи Русскаго Государства.

Въ предыдущей главѣ мы дали краткій очеркъ происхожденія арійцевъ и ихъ переселенія изъ Азіи въ Европу. Тамъ мы имѣли дѣло съ эпохами доисторическими, открытыми наукою въ недавнее время, главнымъ образомъ при помощи сравнительной филологіи. Въ настоящей главѣ мы должны коснуться разселенія народовъ по европейскимъ странамъ, обращая главнѣйшее вниманіе на славянскія старожитности. Цѣль какъ того, такъ и другого очерка состоитъ въ томъ, чтобы по возможности освѣтить почву для нашихъ археологическихъ разысканій и сопоставленій. Для того, чтобы имѣть право говорить о національныхъ древностяхъ той или другой страны, необходимо знать предварительно, что въ данномъ районѣ дѣйствительно жили, или могли находиться тѣ народности, которымъ древности могутъ быть приписываемы по ихъ отличительнымъ признакамъ.

Историческія свѣдѣнія о заселеніи Европы арійскими племенами появляются только послѣ эпохи Троянской войны (900—800 л. до Р. Х). Эта новая, историческая жизнь начинается въ Греціи и Италіи, по берегамъ Средиземнаго и Адріатическаго моря. Вслѣдъ за симъ возникаютъ греческія колоніи по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, благодаря которымъ греки отчасти знакомятся съ прилежащими мѣстами Европейской Скиѳіи (Южной Россіи) *). Позднѣе выступаютъ на сцену заальпійскія страны, съ которыми знакомятъ насъ римскіе писатели, имѣвшіе дѣло съ Галліей, Бельгіей и Южной Гер-

*) Первыя колоніи грековъ изъ Милета появляются по берегамъ Понта Евксинскаго около половины VII в. до Р. Х. Впослѣдствіи они захватываютъ весь берегъ, отъ устья Дуная до Босфора Киммерійскаго и Дона. Черезъ этихъ колонистовъ греческіе географы получаютъ первыя извѣстія о нашихъ черноморскихъ краяхъ. Затѣмъ около 513 г. до Р. Х. свѣдѣнія эти нѣсколько расширились, благодаря походу Дарія противъ скиѳовъ, въ которомъ принимали участіе и греческія войска изъ Малой Азіи. Но самыя основательныя данныя о Скиѳіи сообщены были классическому міру знаменитымъ историкомъ *Геродотомъ* (родился въ 484 г.), путешествовавшимъ здѣсь около 448 г. до Р. Х. Геродотъ посѣтилъ не только греческія колоніи, но, по видимому, отчасти проникалъ съ караванами и вглубь Черноморскихъ степей.

маніей. Берега Нѣмецкаго и Балтійскаго моря долгое время были извѣстны грекамъ и римлянамъ только по слухамъ, благодаря получаемому оттуда янтарю, считавшемуся въ древности драгоцѣннымъ произведеніемъ природы. Янтаремъ торговали финикіяне; но сами ли они плавали въ эти моря, или получали янтарь изъ вторыхъ рукъ—это остается неизвѣстнымъ. Вѣрно лишь одно, что ранѣе 400 лѣтъ до Р. X. ни одинъ изъ греческихъ географовъ не посѣщалъ сѣверныхъ морей; объ этихъ моряхъ существовали только смутные слухи, доходившіе и до ушей Геродота во время его путешествія по Скиѳіи.

Первый ученый мореплаватель, лично видѣвшій Нѣмецкое и Балтійское море былъ знаменитый *Пифій*, изъ греческой колоніи Массиліи (нынѣ городъ Марсель). Марсельцы имѣли дѣла съ купцами Тира и Карѳагена, знали отъ нихъ о громадныхъ выгодахъ торговли янтаремъ и оловомъ, привозимыми откуда-то изъ отдаленныхъ сѣверныхъ морей, поэтому рѣшились провѣрить эти слухи и захватить въ свои руки выгодную торговлю. Осуществленіе такихъ плановъ они поручили извѣстнѣйшему въ то время астрономy и географу Пифію. Пифій блистательно разрѣшилъ эту задачу, прошелъ черезъ Гибралтаръ и Ламаншъ до сѣверной оконечности Британскихъ острововъ, узналъ мѣста, гдѣ добывалось олово, затѣмъ датскими проливами вошелъ въ Балтійское море до устья Вислы, или Двины и убѣдился, откуда получается янтарь. Это было за 400 лѣтъ до Р. X.

Изъ путешествія Пифія мы узнаемъ, не считая географическихъ свѣдѣній, относящихся до Нѣмецкаго моря, два факта, имѣющіе непосредственное отношеніе къ нашимъ древностямъ, именно: 1) самая отдаленная рѣка, до которой доходилъ Пифій и откуда получался янтарь, названа имъ по гречески *Танаисъ**) и 2) въ этихъ же мѣстахъ онъ называетъ народъ по имени *Ostiaci*, въ которомъ послѣдующіе комментаторы видятъ предковъ литвы, или нынѣшнихъ эстонцевъ. Названіе *Танаисъ* происходитъ отъ корня *тан* или *дон, дуни*, означающаго по санскритски рѣку. Отсюда р.р. Донъ, Дунай, Днѣпръ (Danaprіs), Днѣстръ (Danastris) и обѣ русскія Двины (Западная и Сѣверная). Широкое распространеніе этихъ названій, именно въ сѣверо-восточной Европѣ, несомнѣнное арійство въ образованіи этихъ именъ и сохраненіе ихъ до настоящаго времени въ устахъ и земляхъ славянскихъ ясно доказываютъ, что и имя западной Двины, упоминаемое Пифіемъ, дано было

*) Янтарь шелъ въ Грецію разными путями: 1) по Вислѣ, Бугу и Припети на Днѣпръ 2) по Западной Двинѣ, на Березину и Днѣпръ къ Черному морю, 3) равнинами нынѣшней Польши къ Карпатамъ, въ Паннонію и къ Адріатическому морю, 4) черезъ нѣмецкія земли и Галлію въ Марсель (Массилію), гдѣ покупали его Финикіяне и Карѳагеняне. Русскими путями, кромѣ янтаря, шли также кожи и другія произведенія сѣвера. Они сосредоточивались въ греческой колоніи *Ольвіи* (основанной въ 655 г. до Р. X.), откуда моремъ направлялись въ Грецію.

славянскимъ народомъ. Въ этомъ заключается важность приведеннаго свидѣтельства: имя р. Двины и славянскія или литовскія поселенія по ней, значитъ, существовали ранѣе 400 л. до Р. X. и торговля янтаремъ шла отъ славянъ, литовцевъ, или эстовъ, населявшихъ берега Балтійскаго моря.

Повидимому та же самая рѣка, которую Пифій называетъ Танаисомъ, у Грековъ была извѣстна еще ранѣе подъ именемъ *Еридана*. Объ ней упоминаетъ Геродотъ, высказывая, впрочемъ, сомнѣніе въ существованіи такой рѣки. „О западныхъ окраинахъ Европы не могу сказать ничего достовѣрнаго", замѣчаетъ отецъ исторіи, „ибо я не допускаю существованія рѣки, которую *варвары называютъ Эриданомъ*, которая будто бы впадаетъ въ сѣверное море и отъ которой, какъ говорятъ, приходитъ янтарь; не знаю я также, дѣйствительно ли существуютъ оловянные острова, съ которыхъ приходитъ къ намъ олово. Во первыхъ, самое названіе *Еридана*, сочиненное какимъ нибудь поэтомъ, обличаетъ эллинское, а не варварское его происхожденіе; во вторыхъ, не смотря на всѣ мои усилія, я не могу найти ни одного очевидца, который посвидѣтельствовалъ бы, что по ту сторону Европы есть еще море" (Герод. III, 115). Въ этихъ словахъ сказывается степень правдивости сообщеній Геродота. Онъ не вѣритъ слухамъ, а ищетъ очевидца, который засвидѣтельствовалъ бы ему правду сообщаемаго. О варварскомъ названіи Еридана Геродоту, очевидно, разсказывали черноморскіе греки, или скиѳы, но никто изъ нихъ не бывалъ въ прибалтійскихъ краяхъ. Поэтому ученый путешественникъ не довѣряетъ ихъ разсказамъ, тѣмъ болѣе, что имя Еридана, давно извѣстное въ Греціи, онъ считаетъ греческимъ, а не туземнымъ (варварскимъ). Это было слишкомъ за 50 лѣтъ до путешествія Пифія въ сѣверныя страны.

Изъ отзыва Геродота, равно и изъ другихъ греческихъ писателей, раньше его жившихъ, видно, что имя рѣки Ериданъ, связанное съ происхожденіемъ янтаря, было извѣстно въ Греціи по меньшей мѣрѣ за 600—700 лѣтъ до Р. X. Слѣдовательно, съ того же времени жилъ у Балтійскаго моря и народъ, давшій это имя рѣкѣ. Этотъ народъ — были балтійскіе Венеты, о которыхъ будетъ сказано ниже. Въ словѣ *Ериданъ* есть звуки, тождественные съ *Танаисомъ* Пифія, именно санскр. корень *дан* или *дану*, составляющій вторую половину слова. Что касается до первой половины, *ери*, то она соотвѣтствуетъ древне-индійскому *ара* быстрый, *ари* стремительный, жадный, что равносильно славянскому *ярый*. Изъ сложенія этихъ двухъ словъ составляется *ярый—Донъ*, однозвучное древнему Еридану, о которомъ говоритъ Геродотъ*). Такимъ образомъ имя рѣки, сообщенное Пифіемъ (Танаисъ), есть тотъ же *Ериданъ*, но только безъ прилагательнаго эпитета

*) Гильфердингъ. «Древнѣйшій періодъ исторіи славянъ», гл. II. Венеты, примѣч. 87.

*ери**). Ясно, что это имя не греческое, а мѣстное, народное, славянское. Комментаторы новѣйшихъ временъ его относили то къ Вислѣ, то къ Одрѣ (Одеръ), одинаково славянскимъ рѣкамъ, то къ Западной Двинѣ. Послѣдняя здѣсь болѣе умѣстна уже по тому самому, что въ звукахъ ея имени до сихъ поръ слышится древній корень *дану*, тогда какъ Одра и Висла не сохранили этихъ звуковъ. Въ пользу послѣднихъ двухъ рѣкъ, однакоже, говоритъ то обстоятельство, что близъ устья ихъ болѣе всего встрѣчается янтаря и что Пифій едва ли проникалъ до оконечности Рижскаго залива, не упоминая о другихъ рѣкахъ этого побережья, кромѣ одного Танаиса. Входить въ подробный разборъ этихъ соображеній мы считаемъ здѣсь излишнимъ, такъ какъ наша цѣль при ссылкѣ на Геродота и Пифія заключалась только въ констатированіи факта, что восточное побережье Балтійскаго моря за много вѣковъ до Р. Х. было заселено славянскими и литовскими племенами**).

Дальнѣйшія открытія и свѣдѣнія о странахъ сѣверной Европы принадлежатъ уже не грекамъ, а римлянамъ. Они пріобрѣтались мало по малу, благодаря расширенію границъ и политическаго вліянія Римской Имперіи, преимущественно въ послѣднемъ вѣкѣ до Р. Х. и въ I—II по Р. Х. Между римскими географами этой эпохи наибольшее значеніе для изученія сѣвера имѣютъ: Страбонъ, Помпоній Мела и Птоломей; между историками— Тацитъ для Германіи и Юлій Цезарь для Галліи и для славянскаго народа Венетовъ.

Греческіе и римскіе географы до Р. Х. и даже до начала среднихъ вѣковъ, какъ извѣстно, представляли землю въ видѣ большого острова, окруженнаго со всѣхъ сторонъ океаномъ. Океанъ—это конецъ свѣта. *Post omnia Oceanus, post Oceanum nihil.* Страбонъ изображалъ землю раздѣленною экваторомъ и меридіаномъ на четыре сегмента. Два изъ нихъ лежатъ къ сѣверу отъ экватора и два къ югу. Одинъ только изъ сѣверныхъ сегментовъ соотвѣтствовалъ странамъ, извѣстнымъ грекамъ и римлянамъ, все остальное, т. е. $^3/_4$ земного полушарія было совсѣмъ неизвѣстно. Предѣльный океанъ на югѣ ограничивался сѣверными берегами Африки, Персидскимъ и Аравійскимъ заливами. Имѣлись свѣдѣнія объ Индіи, но довольно смутныя. О Китаѣ и дальнемъ востокѣ совсѣмъ ничего не знали. Страны,

*) Присоединеніе къ имени рѣкъ разныхъ эпитетовъ всего обычнѣе у славянъ. У насъ до сихъ поръ говорятъ: тихій Донъ, синій Донъ, матушка Волга, широкій Днѣпръ и т. п.

**) Названіе *Эридань* греческіе географы впослѣдствіи переносили иногда и на нѣкоторыя другія рѣки Адріатическаго побережья. Это дѣлалось либо по неясности представленія объ источникахъ полученія янтаря, либо по существованію тѣхъ же корней въ наименованіи рѣкъ у Адріатическихъ Венетовъ (того же славянскаго колѣна). Латинское имя нынѣшней Роны—*Rodanus*, тоже смѣшивали съ Балтійскимъ Эриданомъ, но здѣсь, повидимому, два самостоятельныхъ корня. *Ро* греч. ῥέω, откуда *Ра* (Волга), *Рейнъ*, *Га-ронна*, *Рона*, —и *дану-с*, о которомъ мы говорили выше.

прилежащія къ Атлантическому океану были извѣстны до сѣверной оконечности Британскихъ острововъ; но Пифій и Страбонъ уже упоминаютъ о большихъ островахъ къ сѣверу отъ Германіи, а Плиній передаетъ ихъ имена: *Scandia*, *Dumna*, *Bergos* и *Nerigos* (нынѣшняя Норвегія, называвшаяся въ старину *Norreg* или *Norege*). До Плинія доходили также слухи, что сѣвернѣе острова Nerigos есть еще земля; у римскихъ географовъ она носила названіе *Thule*.—Объ островѣ *Thule*, впрочемъ, упоминалъ еще Пифій, прибавляя, что въ этой странѣ бываетъ время, когда солнце совсѣмъ не скрывается съ горизонта. За *Thule* простирается Ледовитое море, носившее у римлянъ названіе *Cronium**). Здѣсь уже предполагалось какое-то смѣшеніе стихій: ни земля, ни море, въ собственномъ смыслѣ, а смѣсь всѣхъ элементовъ на подобіе мягкой и спонгіозной субстанціи, преграждающей путь кораблямъ и дѣлающей эту часть океана не возможною для пребыванія живыхъ существъ.

Второй сегментъ, обращенный къ сѣверу отъ экватора (по Страбону), т. е. сѣверо-восточная половина земнаго полушарія была извѣстна римлянамъ не дальше прибрежной черноморской полосы и устьевъ Дона. О центральной и сѣверной Скиѳіи (Россіи) имѣли самое смутное представленіе, по слухамъ. О сѣверныхъ берегахъ Каспійскаго моря и областяхъ нижней Волги разсказывались однѣ басни. Помпоній Мела, Страбонъ и Плиній повторяли мнѣніе, будто-бы Каспійское море имѣетъ длинный проливъ, соединяющійся съ Сѣвернымъ океаномъ, а этотъ послѣдній непосредственно сливается съ Восточнымъ и Индійскимъ океаномъ. Такое представленіе было не болѣе какъ гипотеза, основанная только на воображеніи, или, точнѣе сказать, на теоретическомъ представленіи, что земля со всѣхъ сторонъ должна быть окружена водой. За сѣверный проливъ Каспійскаго моря, очевидно, принимались разсказы о Волгѣ, а Сѣверный океанъ, какъ сказано выше, былъ совершенно недоступенъ и неизвѣстенъ далѣе сѣверной оконечности Норвегіи.

Въ числѣ знаменитыхъ географовъ древняго міра необходимо указать еще на Птоломея (около 140 г. по Р. Х.), хотя онъ прибавилъ немного новыхъ свѣдѣній о сѣверныхъ странахъ Европы. Извѣстное уже въ то время Балтійское море онъ именуетъ *Oceanus Sarmaticus*, или *Venedicus sinus*, по имени жившаго здѣсь народа Венетовъ, о которомъ уже упоминалъ Тацитъ. У Птоломея въ первый разъ является имя *славянъ*,—народа, населяющаго равнины Сарматіи. У того же автора въ первый разъ описывается теченіе Волги, носившей тогда названіе *Ра* (Rha) и опровергается старая басня о мнимомъ проливѣ Каспійскаго моря, вливавшемся въ Сѣверный океанъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ почти всѣ географическія свѣдѣнія, какія существовали у грековъ и римлянъ о сѣверныхъ странахъ Германіи, Скан-

*) Названіе *Cronium* производятъ отъ кельтскаго слова *croin*, что означаетъ мерзлый.

динавіи и Россіи. Даже въ ближайшихъ частяхъ они были настолько отрывочны и смутны, что по нимъ нельзя было составить никакого яснаго представленія о жизни обитавшихъ здѣсь народовъ, о ихъ племенномъ составѣ и культурномъ строѣ. Этнографическія черты покрывались общими фразами, названіе племенъ передавалось въ общемъ прозвищѣ, либо въ искаженныхъ формахъ греческой и римской транскрипціи.

О сѣверныхъ краяхъ Россіи, а тѣмъ болѣе о странахъ зауральскихъ разсказывались невѣроятныя басни, или даже не было никакого представленія. Объ нихъ знали не больше, если не меньше того, что въ средніе вѣка знали объ Америкѣ, или Австраліи, или что мы теперь предполагаемъ о сѣверномъ или южномъ полюсѣ. Между тѣмъ, на этомъ громадномъ невѣдомомъ пространствѣ сѣвернаго полушарія текла своя жизнь, можетъ быть, не менѣе многолюдная и не менѣе дѣятельная, хотя и болѣе скромная, какъ и въ историческихъ областяхъ древняго міра. Отголоскомъ этой жизни остались только отрывочныя имена народовъ и слѣды географическихъ терминовъ. По этимъ намекамъ, да по безмолвнымъ археологическимъ памятникамъ приходится возстановлять теперь давно забытую сѣдую старину, какъ палеонтологическій слой допотопной исторіи земли.

Въ сочиненіяхъ греческихъ и римскихъ писателей много разъ обращали на себя вниманіе приводимыя ими нѣкоторыя географическія названія крайнихъ сѣверныхъ странъ, очевидно, взятыя изъ языковъ жившихъ тамъ, или посѣщавшихъ эти страны народовъ. Сюда относятся, напр., географическія имена: Cronium, Morimarusa, Baltia, Thule, Rubeas. Филологическое разъясненіе этихъ терминовъ вызывалось не однимъ безцѣльнымъ любопытствомъ: на немъ надѣялись основать нѣкоторыя догадки о доисторической жизни этихъ странъ. Съ тою же цѣлію и мы останавливаемся на этихъ вопросахъ. Описаніе интересующихъ насъ мѣстностей мы беремъ у Плинія. Въ VI книгѣ его Naturalis historiae (гл. 27, 4—7) говорится слѣдующее: «Septemtrionalis Oceanus: *Amalchium* eum Hecataeus appellat a Parapamiso amne, qua Scythiam alluit, quod nomen ejus gentis lingua significat congelatum.

Philemon *Morimarusam* a Cimbris vocari, hoc est, mortuum mare, usque ad promontorium *Rubeas*; ultra deinde *Cronium*. Xenophon Lampsacenus, a littore Scytharum tridiu navigatione, insulam esse immensae magnitudinis, *Baltiam* tradit. Eamdem Pytheas Basiliam nominat».

По приведенному тексту Плинія можно заключить, что Сѣверный океанъ въ прежнее время имѣлъ три названія: восточная его часть, отъ устья рѣки Парапамиза (Сѣверная Двина, или Печора?), текущей изъ Скиѳіи, называлась, по Гекатею, *mare Amalchium*, что на мѣстномъ скиѳскомъ языкѣ означало, будто бы, замерзшее море (congelatum). Слѣдующая за нимъ (къ западу) часть называлась на языкѣ кимбровъ *Morimarusa*, что по мнѣнію Филемона

и Плинія означало мертвое море (mortuum mare). Наконецъ, начиная отъ мыса *Rubeas* (Нордкапъ?), еще далѣе къ западу, океанъ назывался *Cronium*. Можно предполагать, что эти три названія, присвоенныя разнымъ частямъ или заливамъ Сѣвернаго океана, соотвѣтствовали тремъ языкамъ или народностямъ, жившимъ около его береговъ, при чемъ каждое изъ нихъ выражало одно и то же понятіе о стужѣ и мерзлотѣ.

Выше мы уже упоминали, что *Cronium* происходитъ отъ кельтскаго слова *croin*, мерзлый. Слѣдовательно, западный участокъ океана до Нордкапа (Rubeas) получилъ свое имя отъ кельтовъ, или скандинавовъ, посѣщавшихъ это море со стороны Британскихъ острововъ и Норвегіи. Названіе средняго участка океана—*Morimarusa*, очевидно, составлено изъ двухъ словъ: *Mori*—море и *marusa*. Шлецеръ объясняетъ эту вторую половину слова отъ кимрскаго *marw* или арморійскаго *marvus*, что значитъ, мертвый и такимъ образомъ даетъ буквальный переводъ значенія, приведеннаго Плиніемъ—mortuum mare. Не отвергая правдоподобности этого объясненія, мнѣ кажется, можно было бы имѣть здѣсь въ виду и другое словопроизводство, именно славянское, еще болѣе подходящее къ звукамъ и къ смыслу наименованія. *Mori*, какъ въ славянскомъ, такъ и въ древнихъ скандинавскихъ нарѣчіяхъ одинаково означаетъ море. Что же касается до слова *marusa*, то его также возможно произвести отъ глагола мразати, мразъ, морозъ. Въ этомъ смыслѣ Morimarusa имѣло бы значеніе студенаго или ледовитаго моря (море мраза или мороза), какъ оно и до сихъ поръ у насъ называется. Это было бы тоже скандинавское или кельтское *Cronium*, но только на языкѣ другого народа; между тѣмъ какъ толкованіе Шлецера отъ слова мертвый вводитъ совсѣмъ другую идею въ наименованіи, не имѣющую себѣ аналогіи въ сѣверныхъ географическихъ терминахъ и не соотвѣтствующую сущности понятія. Сѣверное студеное море—не мертвое море. Въ немъ кипитъ своя жизнь, привлекающая промышленниковъ, и люди, дающіе ему имя, не могли назвать его мертвымъ. Названіе морозный, студеный, напротивъ того, къ нему еще болѣе подходило, нежели Cronium (замерзшій, congelatum), ибо океанъ, омывающій берега Норвегіи не покрывается сплошнымъ льдомъ, но нагоняетъ стужу.

По описанію Плинія, границею между Cronium и Morimarusa служилъ мысъ *Rubeas*. Относительно этого слова также были высказываемы разныя толкованія. Сопоставляли это слово съ именемъ рѣки Рубонъ (Rhubon) и Рубиконъ, но это нисколько не выясняло его этимологическаго значенія. Принимая во вниманіе, что въ повѣствованіи Плинія promontorium Rubeas указывается какъ граница между Cronium и Morimarusa, нельзя ли предположить, что въ этомъ словѣ могло выражаться значеніе именно пограничной черты. Если Моримарузу считать славянскимъ словомъ, то и Rubeas могло имѣть славян-

скій смыслъ, въ значеніи *рубежъ*, граница. Названіе третьяго моря *Amalchium*, что на мѣстномъ народномъ языкѣ тоже означало, по словамъ Плинія, ледовитое море, mare congelatum, представляетъ еще больше трудностей для объясненія. Шлецеръ по этому поводу замѣчаетъ: „я не въ состояніи объяснить этого имени, но, сколько мнѣ извѣстно, его нельзя произвести съ греческаго языка. Möglich wäre es, dass Stammwort von *Milch* auch zugleich die Wurzel von *Amalchium* wäre, und geronnen bedeutete; aber Möglig-keiten befriedigen mich im Etymologisiren nicht“ *). Мы нарочно привели въ подлинникѣ слова извѣстнаго ученаго Шлецера, чтобы показать, какія невѣроятныя сближенія по части этимологіи высказывались о словѣ Amalchium въ серьезныхъ историческихъ сочиненіяхъ. Если бы было необходимо доискиваться значенія этого слова, то, мнѣ кажется, его слѣдуетъ искать въ финскихъ нарѣчіяхъ, по аналогіи съ первыми двумя названіями сѣвернаго моря, кельтскимъ и славянскимъ. Можетъ быть, не откроется ли здѣсь какого либо родства звуковъ съ именемъ полуострова Ялмалъ, или съ какимъ нибудь другимъ финскимъ словомъ, имѣющимъ отношеніе къ крайнему сѣверу.

Въ атласѣ *Шпрунера* (Atlas antiquus, Gothae 1855) на таб. IX имя *Morimarusa* отнесено къ Балтійскому морю, *Amalchium mare*—къ финскому заливу, а островъ *Thule* поставленъ подъ знакомъ вопроса противъ Исландіи и Шотландскихъ острововъ. На картѣ, приложенной къ сочиненію *Шонинга*, (l. c. 1762 г., p. 101), составленной по даннымъ Помпонія Мелы и Плинія, Thule и Rubeas означаютъ сѣверную оконечность Норвегіи, Morimarusa—океанъ, омывающій эти берега. Такое объясненіе, мнѣ кажется, болѣе согласуется съ текстами древнихъ географовъ, начиная съ Пифія. Главнымъ возраженіемъ противъ этого ставили недоступность Норвежскаго моря для греческихъ и римскихъ судовъ и отсутствіе тамъ какихъ либо практическихъ интересовъ для мореплаванія. Здѣсь не мѣсто касаться подробнаго разбора этихъ вопросовъ, но нельзя не замѣтить, что крайній сѣверъ Россіи и Норвегіи съ отдаленныхъ временъ снабжалъ Европу дорогими мѣхами, а можетъ быть и другими произведеніями, слѣдовательно, здѣсь должны были существовать промыслы и торговля, благодаря которымъ мѣстные мореходцы (балтійскіе венеты и скандинавы) могли посѣщать эти страны и сообщать о нихъ свѣдѣнія Грекамъ и Римлянамъ. По этой причинѣ и географическія имена сѣверныхъ странъ были усвоены древними писателями съ языковъ посѣщавшихъ эти страны народовъ.

Изъ географическихъ именъ мы должны еще сказать о Thule и о словѣ Baltia. Эти слова много разъ возбуждали любопытство историковъ, надѣявшихся раскрытіемъ ихъ этимологіи выяснить—какимъ народомъ даны были

*) *Chöning* Gerhard. Vorläufige Abhandlung von der Unwissenheit der alten Griechen und Römer in der Erd und Geschichtkunde des Nordens, p. 114.

эти названія. Это было тѣмъ болѣе любопытно, что слово *Thule*, сообщенное Пифію, принадлежитъ къ весьма древнимъ географическимъ названіямъ, слѣдовательно, подобно Еридану, оно можетъ указывать на эпоху посѣщенія крайнихъ сѣверныхъ странъ тѣмъ народомъ, въ языкѣ котораго существовало это слово. Разъясненіе этого слова, однакоже, оказалось крайне труднымъ. Высказывалось предположеніе, будто бы Thule должно имѣть финикійское происхожденіе, на томъ основаніи, что финикіяне раньше Пифія посѣщали эти мѣста. Отъ финикіянъ оно усвоено греками, а отъ грековъ перешло въ Скандинавію, гдѣ оно натурализировалось и сохранилось до новѣйшаго времени въ имени одной изъ Норвежскихъ провинцій—*Thielemark*, жители коей издавна носятъ прозваніе *Thilir* (*Schöning*, l. c. § 12 p. 19). Во всякомъ случаѣ это слово не имѣетъ ни кельтскаго, ни германскаго корня. Объясненіе его съ финикійскаго языка основано только на исторической догадкѣ, ничѣмъ недоказанной. Поэтому, не зная лучшаго объясненія, я позволяю себѣ высказать догадку о славянскомъ происхожденіи слова *Thule*, болѣе гармонирующую съ географическими и историческими данными о посѣщеніи сѣверныхъ странъ славянскими мореходцами, именно Венетами.

Въ славянскомъ языкѣ есть глаголъ *тулити*—выгибать, дѣлать на чемъ нибудь выпуклость, или впадину; за тѣмъ, *тулиться*—прижиматься къ чему, прятаться, закрывать; *тула*, *затулье*,—скрытое, недоступное мѣсто, ц. сл. *тулъ*—колчанъ, коробка, или мѣшокъ, гдѣ хранятся стрѣлы (Словарь Даля). Сюда же можетъ быть отнесено и имя города *Тулы**), а можетъ быть и французскаго *Тулона*. Основа этихъ словъ тулъ, тулити, существуетъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ—восточныхъ и западныхъ, слѣдовательно, это слово древнее и общеславянское**). По значенію своему оно могло бы вполнѣ соотвѣтствовать норвежскимъ фіордамъ, узкимъ заливамъ, или закрытымъ гаванямъ, глубоко врѣзывающимся въ материкъ. Эта характерная особенность норвежскаго берега могла дать поводъ къ названію *Thule*, въ славянскомъ смыслѣ означающему убѣжище, пристань, закрытое мѣсто. Если мое объясненіе вѣрно, то оно могло бы служить, наравнѣ съ именемъ Morimarusa и Rubeas, новымъ доказательствомъ усвоенной греками славянской номенклатуры нѣкоторыхъ частей Сѣвернаго океана, а, слѣдовательно, и давнишняго знакомства славянскихъ мореходовъ съ этими далекими странами.

*) Въ географическомъ словарѣ *Щекатова* о городѣ *Тулѣ* сказано: „Самое названіе его доказываетъ, что созидали его первобытные жители сихъ странъ, Сарматы, или Чудскіе народы... Древняя Тула не на томъ была мѣстѣ, гдѣ находилась впослѣдствіи и гдѣ находится нынѣ. Въ настоящей окружности города есть мѣсто доднесь называемое *городищемъ*; находится оно на правой сторонѣ р. Упы, при устьѣ рѣки Тулицы. На этомъ мѣстѣ и былъ древній городъ Тула“.

**) *Веске* (Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Казань 1890 г.) считаетъ финскія слова: *tul—tulk*—втулка, *tulo*, кранъ, заимствованными изъ славянскаго языка (стр. 231).

Тоже самое говоритъ намъ и имя *Балтійскаго моря* съ *Бельтскими* проливами. Слово *Baltia* не менѣе древне, какъ и Thule. О немъ также упоминаетъ Пифій, но въ греческой передѣлкѣ называетъ его *Basilia*, разумѣя подъ этимъ именемъ большой островъ, лежащій въ трехъ дняхъ морскаго пути отъ скиѳскихъ береговъ. Позднѣйшіе греческіе и римскіе писатели имя *Baltia* относили къ морю, которое и до сихъ поръ такъ называется. Если во время Пифія и существовалъ островъ Baltia (Basilia), то онъ назывался по имени окружающаго его моря.

Происхожденіе слова *Baltia* также чуждо нѣмецкому языку. Проф. Шонингъ высказывалъ догадку, не разумѣлось ли встарину подъ этимъ словомъ понятіе о заливѣ, или о такомъ морѣ, которое окружало Скандинавію какъ поясомъ (l. c. p. 24). Такое предположеніе ни на чемъ не основано и никѣмъ болѣе не поддерживалось. *Шлецеръ* указалъ, что имя *Baltia* и *Balticum mare* происходитъ отъ древне-прусскаго слова и значитъ *бѣлое море* (weisse Meer). Отсюда же названіе проливовъ—*Бельтъ*. Мы уже говорили выше, что подъ древне-прусскимъ языкомъ разумѣется собственно древанское нарѣчіе литовскаго или славянскаго языка; слѣдовательно, слово *Balt*, *Belt*, или *бѣлъ*, *бѣлый*—не скандинавское, или нѣмецкое, а славянское слово*). Литовск. *baltas*, лет. *balt* значитъ бѣлый, отсюда болгарское *бѣлткъ*, бѣлокъ. Такимъ образомъ мы вправѣ думать, что Балтійское море получило свое имя отъ славянъ, или литовцевъ, жившихъ на его берегахъ, вѣроятнѣе всего отъ Венетовъ, съ давнихъ временъ отличавшихся мореходными способностями и державшихъ въ своихъ рукахъ сѣверную морскую торговлю. (См. ниже ссылку на Юлія Цезаря). Они же, Венеты, посѣщали, вѣроятно, гавани (фіорды) Норвежскаго берега и дали имъ названіе *Туле*, сдѣлавшееся потомъ столь извѣстнымъ у греческихъ и римскихъ географовъ. Если принять при этомъ во вниманіе названіе мыса *Rubeas* и считать его за венетское слово—рубежъ, граница, то можно было бы заключить отсюда о существовавшемъ въ былое время разграниченіи сѣверныхъ морскихъ промысловъ между славянами и британскими кельтами или скандинавами: море по восточную сторону Нордкапа считалось въ рубежѣ славянскомъ, а по западную —въ британскомъ, или скандинавскомъ (Cronium). Таково могло быть естественное разграниченіе сѣверныхъ норвежскихъ фіордовъ между скандинавскими и славянскими промышленниками, дорожившими Сѣвернымъ океаномъ и его прибрежными странами, какъ источникомъ прибыльной морской торговли.

Съ наступленіемъ среднихъ вѣковъ прекратились всѣ дальнѣйшія свѣдѣнія о земляхъ глубокаго сѣвера, не считая, конечно, Скандинавіи и Бри-

*) Сравни *Балканы*, озеро *Балкашъ* (Балхашъ), русск. *Бѣлуха*, *бѣлки*, снѣжныя горы. Корень *бѣлъ* считается праславянскимъ, равно какъ и слова: *бѣлокъ* (яичный) и *бѣльмо* (Будиловичъ).

танскихъ острововъ. Только въ концѣ VIII в. снова появляется имя *Туле*, связанное съ Исландіей. Въ 795 г. ирландскимъ монахамъ удалось проникнуть на этотъ островъ, гдѣ они оставались около шести мѣсяцевъ. Затѣмъ въ 861—878 г. въ Исландіи появляются первыя норвежскія и датскія колоніи и островъ получилъ имя *Iceland* на томъ основаніи, что его временами окружаютъ пловучіе сѣверные льды. Послѣ того, норвежцами же была открыта Гренландія, а въ концѣ перваго тысячелѣтія послѣ Р. X. имъ удалось случайно проникнуть сѣвернымъ океаномъ до береговъ Америки (Гудзонова залива), за 500 лѣтъ раньше Колумба*).

Такимъ образомъ въ исторіи открытій на Ледовитомъ океанѣ является какъ бы двѣ эпохи, отдѣленныя другъ отъ друга цѣлымъ рядомъ вѣковъ: одна древнѣйшая, о которой извѣстно со временъ Пифія, другая—средневѣковая, норвежская. Но было-ли это открытіе однихъ и тѣхъ же странъ? Дѣйствительно-ли Исландія была извѣстна греческимъ и римскимъ географамъ и къ ней-ли именно могло относиться названіе *Thule*? Изъ данныхъ VIII—IX вѣка, мнѣ кажется, этого не вытекаетъ. Исландія—не Америка. Она отстоитъ отъ Шотландіи и Норвегіи всего на 3—4 дня паруснаго плаванія, поэтому трудно допустить, чтобы, разъ открытая, она могла быть совершенно забыта ирландцами и норвежцами послѣдующихъ столѣтій. Если бы даже она считалась не пригодною ни для промысловъ, ни для поселеній, то все же имя этой новой земли сохранилось бы въ народной памяти. Между тѣмъ при вторичномъ (сомнительномъ) открытіи островъ названъ былъ не Thule, а Исландіей. Первое изъ этихъ именъ, очевидно, къ нему не относилось, и если *Dicuil*, сообщившій свѣдѣнія о первомъ путешествіи въ Исландію ирландскихъ монаховъ, присвоилъ этому острову классическое имя *Thule*, то онъ, вѣроятно, руководился не реальнымъ, а книжнымъ (латинскимъ) значеніемъ этого слова. Въ дѣйствительности это старое названіе относилось не къ Исландіи, а къ норвежскимъ гаванямъ, но съ удаленіемъ отсюда Венетовъ оно было забыто и замѣнено норвежскимъ названіемъ фіордовъ.

Касаясь средневѣковой исторіи сѣвернаго океана, кстати здѣсь упомянуть, что въ нынѣшнемъ Кольскомъ уѣздѣ сохранилось два географическихъ имени, указывающихъ на посѣщеніе этихъ береговъ норманнами и варягами. Это именно—*Мурманскій, берегъ***) и *Варангскій заливъ*. Первое названіе передѣлано съ скандинавскаго—*норманскій*, а второе указываетъ на имя варяговъ, примѣненное къ заливу норвежцами. *Waranger-fiord* находится, какъ извѣстно, къ сѣверо-западу отъ Колы, между полуостровомъ Рыбачьимъ и сѣверовосточнымъ берегомъ Норвегіи. То и другое названіе, очевидно, относятся къ тому времени, когда имя норманновъ было

*) *Vivien de Saint Martin*. Histoire de la Géographie. Paris 1873, p. 386.

*) Такъ называется прибрежье Сѣвернаго океана отъ Святаго носа до Кольской губы.

общеупотребительно, какъ оно понимается историками, а имя варяговъ не утратило еще своего русскаго значенія, въ какомъ понималъ его Несторъ. Слѣдовательно, эти названія могли возникнуть не позднѣе X—XII вѣка, одно на русскомъ языкѣ, взятое съ скандинавскаго (мурманскій вмѣсто норманскій), другое на норвежскомъ, взятое съ русскаго (варангскій вмѣсто варяжскій заливъ, соотвѣтственно имени Вяряжскаго моря).

Русскіе историческіе акты не даютъ намъ обстоятельныхъ свѣдѣній, съ какого времени новгородцы стали посѣщать берега Сѣвернаго океана. Документальныя данныя по этому вопросу появляются не ранѣе XI вѣка. Въ актахъ подъ 1264 г. уже упоминается имя Колы, какъ населеннаго пункта, гдѣ новгородцы имѣли рыбные промыслы. Въ 1421 г. была основана на Бѣломъ морѣ Соловецкая обитель. Имя *Холмогоры* упоминается въ грамотѣ вел. кн. Іоанна Іоанновича, въ 1355 г. «къ Двинскому посаднику на Колмагоры и къ боярамъ двинскимъ». Первыя наши лѣтописныя свѣдѣнія о томъ, что новгородцы проникли въ Заонежье и въ Лопскую землю, относятся ко временамъ Ярослава I, т. е. къ XI вѣку. Но этими фактическими данными едва-ли можно ограничивать времена посѣщенія русскими сѣверныхъ морей. Въ скандинавскихъ источникахъ есть намеки на существовавшую въ IX вѣкѣ при устьяхъ рѣкъ Сѣверной Двины и Печоры значительную торговлю, при чемъ упоминаются населенныя мѣста *Голмгардъ* (Холмградъ, Холмогоры?) и *Біармія*, или наша Великая Пермь. Сопоставляя эти данныя съ приведеннымъ выше указаніемъ на имена Мурманскаго*) берега и Варангскаго залива, мы можемъ не безъ основанія предполагать, что сѣверныя моря были извѣстны и эксплоатировались новгородцами ранѣе основанія Русскаго государства. Новгородцы промышляли здѣсь по слѣдамъ вяряговъ и норманновъ, какъ ближайшіе ихъ ученики и наслѣдники.

Такимъ образомъ до IX в. мы можемъ говорить съ нѣкоторою увѣренностью, что норманны и славяне имѣли торговые промыслы на берегахъ Ледовитаго моря и могли оставить здѣсь слѣды географическихъ именъ, взятыхъ съ ихъ языка. Но какія историческія доказательства мы представимъ о славянскомъ происхожденіи названій *Thule*, *Rubeas* и *Morimarusa*? Времена Плинія и Страбона очень еще далеки отъ IX вѣка. Мы не можемъ подтвердить прямыми историческими ссылками, что сѣверная промышленность въ I—II в. послѣ Р. Х. также была въ славянскихъ рукахъ, какъ и въ IX—X вѣкѣ. Но въ данномъ вопросѣ едва-ли можно и требовать такихъ ссылокъ. Ихъ могутъ замѣнить косвенныя доказательства и общія историческія соображенія.

*) Названіе *Мурманскаго* берега происходитъ отъ *Мурмановъ*, подъ которыми разумѣли также новгородскихъ славянъ мореходовъ, промышлявшихъ на Сѣверномъ океанѣ. О происхожденіи слова варягъ см. ниже въ этой же главѣ.

Древняя исторія Греціи. и Рима даетъ указанія на обширную торговлю, существовавшую между сѣверными областями нынѣшней Россіи и классическою Европою. Греческія черноморскія колоніи торговали не однимъ янтаремъ, русскимъ хлѣбомъ и рыбой, но и нѣкоторыми произведеніями сѣвера, въ томъ числѣ дорогими мѣхами пушныхъ звѣрей. Звѣроловный промыселъ, какъ нынѣ, такъ и въ древности, могъ существовать только въ лѣсныхъ сѣверныхъ странахъ, гдѣ имъ занимались по преимуществу мѣстные жители—финскія племена. Пушнина направлялась къ греческимъ колоніямъ и къ Дунаю болѣе всего привычнымъ варяжскимъ путемъ, т. е. отъ Балтійскаго моря, и лишь частію по Волгѣ и Дону. Посредниками этой торговли были предки новгородцевъ и балтійскіе венеты. О послѣднихъ мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, сообщаемыя Юліемъ Цезаремъ, что они имѣли отличный флотъ и «вся торговля сѣверныхъ морей была въ ихъ рукахъ». Если венетскіе корабли плавали по Балтійскому и Нѣмецкому морю, то не представляется повода отрицать, что они могли проникать и въ норвежскія гавани, а можетъ быть и въ Бѣлое море. Сюда могла привлекать Венетовъ выгодная торговля съ финскими инородцами, подобно тому, какъ впослѣдствіи тѣ же стимулы направляли новгородцевъ къ Сѣверному морю, заставляя основывать здѣсь промышленныя колоніи и факторіи, или, позднѣе,—русскихъ казаковъ въ далекіе края вновь открытой Сибири, до Камчатки включительно. Какъ природа и ея богатства остаются неизмѣнными въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій, такъ и людскія потребности и способы ихъ удовлетворенія требуютъ однихъ и тѣхъ же средствъ. Исторія промышленности и торговли сплошь и рядомъ даетъ намъ примѣры поразительнаго консерватизма въ повтореніи однѣхъ и тѣхъ же традицій, если только не мѣняются существенно природныя условія страны и международныя отношенія людей. Съ этой точки зрѣнія я не вижу принципіальнаго затрудненія въ попыткѣ усмотрѣть въ древнихъ географическихъ терминахъ сѣверныхъ морей элементы венетскаго или славянскаго языка, если нельзя подыскать для этихъ словъ другого, болѣе удовлетворительнаго объясненія.

Познакомившись съ географическими открытіями въ Сѣверныхъ моряхъ, перейдемъ теперь къ римскимъ историкамъ. Изъ нихъ *Тацитъ*, считается важнѣйшимъ для ознакомленія съ древнимъ бытомъ Германіи, а Юлій Цезарь—для ознакомленія съ Галліей, и въ особенности съ жившими тамъ, на берегу моря, Венетами. Въ сочиненіи Тацита De moribus Germanorum описываются почти неизвѣстныя, или мало извѣстныя до того времени страны между Рейномъ и Сарматіей и по берегамъ Нѣмецкаго моря. Тациту была хорошо извѣстна южная и западная часть Германіи (прилегавшая къ Галліи и Бельгіи), гораздо меньше—центральная ея часть и весьма поверхностно (по разсказамъ) сѣверовосточная часть, примыкавшая къ сарматскимъ

равнинамъ. Здѣсь онъ упоминаетъ о венетахъ и финнахъ, сообщаетъ нѣкоторыя частныя черты ихъ жизни, не лишенныя значенія при оцѣнкѣ въ настоящее время археологическихъ памятниковъ этихъ странъ. Въ перечисленіи народныхъ именъ Тацитъ приводитъ очень много частныхъ наименованій, едва-ли точно переданныхъ и потому не имѣющихъ большого значенія. Этнографическое раздѣленіе народностей представляется имъ очень смутно, точно также какъ и границы ихъ областей. Будучи ближе всего знакомъ съ южными и западными германцами и имѣя этихъ послѣднихъ цѣлію своего описанія, Тацитъ включаетъ иногда въ составъ германскихъ народностей смежныя съ ними славянскія племена, не дѣлая между ними строгаго разграниченія.

Германію Тацитъ описываетъ, какъ страну малодоступную и весьма слабо культивированную, сравнительно съ Галліей. Она была покрыта лѣсами и болотами, имѣла суровый и влажный климатъ, не представляя въ себѣ ничего привлекательнаго: ни ископаемыхъ богатствъ, ни особенно плодородныхъ земель. Германцы считаются здѣсь аборигенами: „не было между ними примѣси ни другихъ пришлыхъ народовъ, ни гостей.“ „Да и кому вздумается, замѣчаетъ Тацитъ, стремиться въ Германію: невеселъ тамъ видъ земли, суровъ климатъ; все навѣваетъ скуку и печаль, не говоря уже объ опасностяхъ грознаго и малоизвѣстнаго моря.“ Сами германцы издревле пришли сюда не сухимъ путемъ, но на судахъ, разыскивая новыя мѣста для жительства“ (§ 2). Послѣднее замѣчаніе, если видѣть въ немъ отголосокъ старыхъ преданій, было бы любопытно въ томъ отношеніи, что оно могло бы служить намекомъ на распространеніе германцевъ съ ихъ первоначальной арійской родины не черезъ Малую Азію, или южную Россію, а сѣвернымъ путемъ, черезъ сѣверныя Сибирскія рѣки и Скандинавію. Этимъ можно было бы объяснить раннее заселеніе Швеціи и Норвегіи, и также и то обстоятельство, что германцы заняли въ Европѣ такую невыгодную, въ смыслѣ границъ, территорію, окруженную со всѣхъ сторонъ враждебными племенами,—галлами и славянами.

О наружности германцевъ Тацитъ даетъ такой отзывъ: „народы Германіи не получили примѣси чужой крови отъ помѣсей съ какими либо чужими народами; они образуютъ племя особое, чистой крови и только на себя похожее. Оттого при огромной численности людей, они всѣ имѣютъ одинаковый тѣлесный обликъ: суровые выраженіемъ голубые глаза, рыжіе (бѣлокурые или русые) волосы; тѣломъ они массивны, но сильны только для перваго натиска. Для трудовъ и работъ они не достаточно терпѣливы. Жажду и жаръ они вовсе не въ состояніи переносить, а къ холоду и недостатку пріучили ихъ климатъ и почва“ (§ 4).

„Достаточно извѣстно, что ни одинъ германскій народъ не живетъ въ городахъ; они не могутъ даже выносить жилищъ, стоящихъ въ связи одно

съ другимъ. Живутъ они отдѣльно и порознь, гдѣ кому понравились источникъ, поле или роща. Села они строятъ не по нашему обычаю, соединенными вмѣстѣ и смыкающимися строеніями, но каждый заботится, чтобы около его дома было пустое мѣсто... Не употребляютъ они въ дѣло (при постройкахъ) ни известки, ни черепицы, а—только самый грубый матеріалъ, нисколько не думая о красотѣ наружнаго вида и объ удовольствіи“ (§ 16). Въ этихъ словахъ Тацита ясно выражается старая германская привычка жить особнякомъ, въ розницу, отдѣльными усадьбами, а не селомъ или общиной. Это коренная народная германская черта, сохранившаяся до сихъ поръ въ нѣмецкой деревнѣ, въ противоположность славянскому обычаю ютиться въ кучу, жить міромъ и общимъ мірскимъ умомъ.—Такъ долговѣчны и устойчивы народныя склонности!

Германцы во времена Тацита занимались земледѣліемъ, но еще болѣе любили скотоводство. „Въ серебрѣ и золотѣ имъ отказали боги“. Собственной монеты у нихъ не было; товаръ мѣнялся на товаръ, хотя въ областяхъ смежныхъ съ Галліею начинали привыкать къ римской серебряной монетѣ. Желѣза было также мало. „Рѣдкіе изъ германцевъ, замѣчаетъ Тацитъ, употребляютъ мечи, или длинныя копья. Они носятъ пики, называя ихъ по своему фрамеями, съ желѣзнымъ наконечникомъ, короткимъ и узкимъ. Всадники довольствуются щитомъ и фрамеею, а пѣшіе бросаютъ и дротики, которыхъ у каждаго по многу. У нихъ нѣтъ стремленія хвалиться убранствомъ; только щиты расцвѣчиваютъ они самыми отборными красками. У немногихъ есть панцыри, и съ трудомъ найдешь у одного или двухъ шлемъ или каску“, (§ 5и 6). „Одежда у всѣхъ—короткій плащъ, который держится на пряжкѣ, а если ея нѣтъ, то на колючкѣ терновника. Впрочемъ, они безъ всякой одежды проводятъ цѣлые дни у очага и огня. Самые богатые отличаются одеждою не волнующеюся, какую носятъ сармааты и парфы, но тѣсною и плотно обхватывающею члены порознь. Носятъ они и шкуры звѣрей (мѣховое платье),—тѣ, которые живутъ ближе къ берегу Рейна, нерадиво, а тѣ, которые живутъ подальше—съ большою изысканностью, обшивая шкуры мѣхами животныхъ, которыхъ производитъ внѣшній (самый отдаленный) океанъ и невѣдомое море. Одежда женщинъ отличается отъ одежды мужчинъ развѣ только тѣмъ, что женщины чаще носятъ льняныя ткани, прошивая ихъ краснымъ: но верхнюю часть одежды онѣ не продолжаютъ въ рукава—плечи и руки остаются голыми, да и ближайшая часть груди остается не покрытою» (§ 17).

О воспитаніи дѣтей у германцевъ Тацитъ говоритъ, что въ «каждомъ домѣ выростаютъ онѣ, обнаженныя и неопрятныя, до такихъ громадныхъ тѣлъ, до тѣхъ огромныхъ членовъ, которые для насъ составляютъ предметъ удивленія. Каждаго мать выкармливаетъ своими сосцами, не ввѣряя служан-

камъ и кормилицамъ. Ни господина, ни слугу не отличишь никакими утонченностями воспитанія, пока возрастъ не отдѣлитъ свободно рожденныхъ, пока доблесть не обнаружитъ ихъ» (§ 20).

При погребеніи у германцевъ существовалъ обычай сожиганія труповъ. При этомъ «обрядъ сожиганія былъ одинаковъ для знатныхъ и бѣдныхъ, наблюдалось только, чтобы трупы знатныхъ людей сожигались извѣстнаго рода деревомъ; но костра не украшали ни одеждами, ни благовоніями; клали туда только оружіе умершаго, нѣкоторымъ присоединяли и коня. Могильный холмъ сооружался *изъ дерна*». Тяжелую постройку памятниковъ германцы отвергали, по словамъ Тацита, «съ пренебреженіемъ, въ томъ убѣжденіи, что онъ служитъ лишь бременемъ для отшедшаго» (§ 27).

Такова была южная Германія въ концѣ перваго вѣка нашей эры. Земледѣльческая культура здѣсь находилась еще въ зачаточномъ состояніи, равно какъ и промышленность (для собственнаго обихода). Изъ металловъ добывали и обработывали, только желѣзо, и то въ очень ограниченномъ размѣрѣ. О добычѣ мѣди и о мѣдныхъ орудіяхъ и оружіи Тацитъ не упоминаетъ: германцы, очевидно, находились уже въ желѣзномъ вѣкѣ, какъ и вся Европа того времени. Желѣзо употреблялось для издѣлій не потому, чтобы оно предпочиталось мѣди, а потому, что было доступнѣе. Мѣдные рудники еще не были открыты въ этихъ странахъ, точно также какъ серебро, свинецъ и золото.

Трудно сказать, были-ли знакомы германцы съ дорогими металлами ранѣе водворенія въ Германіи. Объ этомъ можно было бы судить по названію металловъ, сохранившемуся въ нѣмецкомъ языкѣ. Слово *Gold* повидимому не древняго происхожденія (ср. *Geld* деньги, *gelten* имѣть силу, вѣсъ, значеніе), *Silber*—сходно съ славянскимъ серебро, *Kupfer*—взято съ латинскаго cuprum, *Zinn*—производятъ отъ прилагательнаго синій, какъ и *Blei* (свинецъ) отъ *blau* (синій, голубой). Такая терминологія не говоритъ въ пользу древняго и самостоятельнаго знакомства германцевъ съ металлами. Скорѣе она согласуется съ повѣтствованіемъ Тацита, по словамъ котораго въ Германіи никто не искалъ ни золотыхъ, ни серебряныхъ жилъ и что германцы, не слишкомъ дорожатъ владѣніемъ и употребленіемъ этихъ металловъ: «можно видѣть у нихъ серебряныя чаши, *данныя въ даръ* ихъ посламъ и старѣйшинамъ; они имъ даютъ такое же безразличное и простое употребленіе, какъ и глинянымъ сосудамъ». «Впрочемъ, прибавляетъ Тацитъ, тѣ изъ германцевъ, которые живутъ ближе по Рейну, выучились вслѣдствіе торговыхъ сношеній, узнавать и цѣнить нѣкоторые виды нашихъ монетъ. Серебряную монету они предпочитаютъ золотой, не по какому либо особому расположенію къ этому металлу, но потому, что мелкая серебряная монета удобнѣе для употребленія при ихъ разнообразныхъ и не дорогихъ покупкахъ» (§ 5).

Земледѣльческая культура Германіи, судя по даннымъ языка, представляетъ больше самостоятельности и древности, хотя и въ этой области въ языкѣ германцевъ встрѣчаются не мало заимствованныхъ, или общихъ съ славянскими и латинскими словъ. Таковы напр. *Pflug*—плугъ, *Pflugeisen*, *Pflugschaar*, dens aratri, лемешъ; *Mühle* mola, млинъ (жерновъ); *Korn*, зерно, granum, *Roggen*, рожь, *Garten*, hortus, *Stroh*, stramentum (солома), *Egge*, occa, отъ occare боронить и т. п. Вообще можно сказать, что нѣмецкая земледѣльческая и промышленная терминологія въ древности значительно уступала славянской, имѣющей для большинства понятій собственные праславянскіе корни, тогда какъ нѣмецкій языкъ даетъ въ этомъ отношеніи массу новыхъ словъ, сформировавшихся подъ вліяніемъ латинской и славянской культуры. Тоже подтверждаютъ и археологическіе факты. На исконныхъ нѣмецкихъ земляхъ не оказывается ничего подобнаго тому богатству и разнообразію содержимаго курганныхъ могилъ, какое представляютъ намъ гробницы черноморскихъ скиѳовъ. Отсюда можно было бы заключить, что въ эпоху около Р. Х. и въ первые вѣка послѣ того скифская культура стояла выше германской. Скиѳія представляла къ тому несравненно болѣе выгодныя условія и по своему мѣстоположенію (плодородныя равнины южной Россіи), и по непосредственной связи съ цвѣтущими государствами Греціи и передней Азіи, откуда притекали на сѣверъ богатства и познанія. Что же касается Германіи, то она долгое время (до первыхъ вѣковъ по Р. Х.) представляла страну изолированную и по природѣ своей неподготовленную къ процвѣтанію культурной жизни (горы, лѣса и болота). Нужно было положить много труда и усилія, чтобы разчистить эти дебри и создать здѣсь болѣе высокій общественный строй.

Мы уже сказали выше, что до Р. Х. центральная Германія была мало извѣстна и почти не доступна ни грекамъ, ни римлянамъ. Въ вѣкъ Юлія Цезаря и Тацита сюда въ первый разъ стали пронинать со стороны Галліи римскія культурныя идеи. Въ то же время сѣверъ и востокъ Германіи продолжалъ оставаться подъ воздѣйствіемъ смежнаго славянства (Венетовъ, Бойевъ или Богемцевъ и Сербовъ), служившаго посредникомъ или проводникомъ въ центральную Германію восточныхъ культурныхъ началъ. Такимъ образомъ нѣмецкій народъ долженъ былъ развиваться подъ вліяніемъ съ одной стороны славянскихъ элементовъ, съ другой галльскихъ или римскихъ. То и другое отразилось на его языкѣ и культурѣ. Славянское вліяніе особенно отпечатлѣлось на языкѣ сѣверной Пруссіи и на ея этрографическихъ помѣсяхъ, галльское и римское—на языкѣ и государственномъ строѣ южной Германіи.

Свѣдѣнія Тацита о сѣверной Германіи были далеко не такъ полны и точны. Еще меньше онъ зналъ о прибрежныхъ краяхъ Нѣмецкаго и Сарматскаго или Венетскаго (Балтійскаго) моря, хотя и здѣсь его указанія

имѣютъ большую историческую цѣну. Онъ, точно также какъ и Пифій, помѣщаетъ въ сосѣдствѣ съ сѣверо-восточною Германіей народъ *Эстіевъ**), далѣе за ними *Певкиновъ*, *Венетовъ и Финновъ*, хотя и высказываетъ сомнѣніе, къ какому племени отнести эти народности—къ германцамъ, или къ сарматамъ. Отъ римскаго писателя того времени и невозможно было ожидать точной этнографической группировки малоизвѣстныхъ народовъ. Но тѣмъ не менѣе упоминаніе объ Эстіяхъ (литовцахъ), Венетахъ и Финнахъ важно уже по тому самому, что оно констатируетъ пребываніе этихъ народностей въ концѣ перваго вѣка на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ находилъ ихъ Пифій за 500 лѣтъ раньше. Кромѣ того, Тацитъ пополняетъ эти свѣдѣнія нѣкоторыми весьма характерными чертами быта упоминаемыхъ имъ народностей, что имѣетъ большое значеніе для археологіи. Объ Эстахъ онъ говоритъ, что «обычаи и наружность ихъ свевскіе, а языкъ ближе къ британскому; употребленіе желѣза у нихъ рѣдко, а больше въ ходу палки. Они чтутъ матерь боговъ, и занимаются хлѣбопашествомъ, и съ большимъ терпѣніемъ, чѣмъ какое совмѣстно съ обычною въ этомъ отношеніи лѣнью Германцевъ. Они производятъ поиски въ самомъ даже океанѣ, и только они одни, по словамъ Тацита, собираютъ по мелководнымъ мѣстамъ и по берегу янтарь, который они сами называютъ глезомъ» (§ 45).

Финновъ Тацитъ описываетъ въ очень непривлекательномъ видѣ. «Не имѣютъ они (Финны) ни оружія, ни коней, ни домашняго пріюта; питаются травой, одѣваются шкурами, спятъ на землѣ. Единственная ихъ надежда на стрѣлы, а у нихъ, за недостаткомъ желѣза, дѣлаютъ остріе *изъ кости***). И мужчины и женщины одинаково кормятся охотою; послѣднія вездѣ сопровождаютъ первыхъ и просятъ себѣ часть добычи. И дѣтямъ нѣтъ другого убѣжища отъ дикихъ звѣрей и дождей, кромѣ шалаша изъ сплетенныхъ сучьевъ. Сюда же возвращаются молодые люди, здѣсь же убѣжище стариковъ. Но они считаютъ себя счастливѣе, чѣмъ томиться надъ обработываніемъ земли, трудиться надъ построеніемъ домовъ, заботиться о своей и другихъ судьбѣ съ надеждою и опасеніями» (§ 46). Въ этой характеристикѣ Финновъ весьма наглядно описывается то состояніе дикаря-номада, въ которомъ сѣверныя и восточныя финскія племена пребываютъ до сего времени (остяки, самоѣды). Почти въ такомъ же положеніи рисуется Чудь нашими лѣтописцами въ XI—XV в. Это могло бы служить достаточнымъ доказательствомъ неосновательности претензій нынѣшнихъ финнологовъ, отыскивающихъ въ скиѳскихъ и сибирскихъ древностяхъ мнимые слѣды древней культуры финскаго народа.

*) Подъ именемъ Эстіевъ разумѣется здѣсь *литовское племя*, жившее въ сѣверной Пруссіи.

**) Костяные наконечники стрѣлъ были въ обычаѣ у Сарматовъ и Гунновъ.

Свѣдѣнія Тацита о Балтійскихъ Венетахъ не отличаются такою подробностью и точностью, какъ свѣдѣнія о германцахъ и финнахъ. Тацитъ высказываетъ неувѣренность, къ какой народности причислить Венетовъ, къ германцамъ, или къ сарматамъ. По его мнѣнію они «скорѣе могутъ быть отнесены къ германцамъ, потому что они и дома строятъ, и щиты носятъ, и любятъ ходить пѣшкомъ, и при томъ очень быстро. Сарматы же живутъ въ повозкахъ и на коняхъ». Эти общія выраженія, взятыя изъ ходячихъ слуховъ, доказываютъ, что Тацитъ лично не былъ знакомъ съ этими народностями. Свѣдѣнія о нихъ пополняются многими другими писателями, отъ которыхъ мы узнаемъ, что племя Венетовъ въ древности было весьма многолюдное и распространенное. За нѣсколько вѣковъ до Р. Х. оно занимало обширное пространство земель между Адріатическимъ и Балтійскимъ моремъ, гранича съ одной стороны съ германцами и галлами, съ другой—съ скиѳами и сарматами. Отдѣльныя части того же народа жили также по берегамъ Атлантическаго океана, между Бельгіей и Галліей, въ такъ называемой Арморикѣ.—Объ этихъ-то Венетахъ, сражавшихся съ Юліемъ Цезаремъ во время галльской войны, Цезарь оставилъ намъ наиболѣе подробныя и точныя свѣдѣнія, какъ очевидецъ, имѣвшій съ ними дѣло *).

Венеты Юлія Цезаря жили въ Арморійской Галліи, близъ океана, на полуостровѣ, окруженномъ морскимъ заливомъ. Въ то время они славились больше всѣхъ народовъ Галліи, Бельгіи, Британіи и Германіи, вели цвѣтущую морскую торговлю, имѣли отличный флотъ и хорошо укрѣпленные города, понимали стратегію не хуже римлянъ. Въ Британіи у нихъ были отдѣльныя колоніи, отъ которыхъ самая область впослѣдствіи получила названіе *Wenedotij* и *Gwineth*. Очень вѣроятно, что при такихъ средствахъ морскихъ передвиженій, какими обладали Галльскіе Венеты, они находились въ близкихъ сношеніяхъ съ Венетами, жившими по берегамъ Нѣмецкаго и Балтійскаго моря, тоже хорошими мореходцами. Единство имени тѣхъ и другихъ даетъ основаніе думать, что всѣ эти народы морскаго побережья принадлежали къ одной національности. Поэтому свѣдѣнія о Галльскихъ Венетахъ, сообщаемыя Цезаремъ, могутъ до извѣстной степени освѣщать бытъ и гражданское устройство того времени и Венетовъ Балтійскихъ. По этой причинѣ мы позволяемъ себѣ подробнѣе остановиться на данныхъ Юлія Цезаря, тѣмъ болѣе, что изъ древнихъ писателей только у него можно найти подробныя и точныя свѣдѣнія очевидца, имѣвшаго дѣло съ Венетами **). То что Тацитъ представляетъ для Германіи, Юлій Цезарь даетъ для Галліи, Британіи и для части Венетской земли.

*) *Caesar*, de Bello gallico. Объ этихъ же Венетахъ писали *Страбонъ* и *Діонъ Кассій*.

**) Выписки изъ Юлія Цезаря мы беремъ по переводу Клеванова, Москва 1869 г.

«Всѣ города Венетовъ, говоритъ Юлій Цезарь, были расположены такъ, что, находясь на оконечностяхъ мысовъ, вдававшихся въ море, они были недоступны для войскъ, потому что приливъ морской, случающійся по два раза въ сутки, совершенно прекращалъ сообщеніе съ сушею, корабли же могли подходить къ стѣнамъ ихъ только во время прилива, а съ отливомъ они остались бы на мели. Такимъ образомъ то и другое обстоятельство препятствовало осадѣ городовъ. Если послѣ величайшихъ трудовъ и усилій намъ удавалось среди самыхъ волнъ моря сдѣлать насыпь и по ней достигнуть стѣнъ города, то осажденные, доведенные до крайности, во время прилива садились на суда, собранныя во множествѣ, и со всѣмъ имуществомъ перебирались въ близълежащій городъ. Тутъ они защищались тѣми же, для нихъ благопріятными, условіями мѣстности» (кн. 3, § 12 *).

«Суда Венетовъ, по описанію Цезаря, имѣли слѣдующее устройство и вооруженіе: днища у нихъ болѣе плоски, чѣмъ у нашихъ (римскихъ), для удобнѣйшаго движенія по мелямъ и низинамъ во время отлива. Кормы у нихъ весьма высокія и носы приспособлены выдерживать силу волнъ во время бурь. Эти суда во всѣхъ частяхъ были сдѣланы изъ дуба и потому не боялись ни какого удара. Скамьи для гребцовъ на нихъ были изъ бревенъ въ цѣлый футъ толщины, прибитыхъ гвоздями въ большой палецъ толщины (болтами). Якори были прикрѣплены не на веревкахъ, но на желѣзныхъ цѣпяхъ. Кожи звѣрей, тонко выдѣланныя, служили имъ вмѣсто парусовъ, или по неимѣнію льна и незнанію его употребленія, или, что вѣроятнѣе, потому, что такіе (кожанные) паруса способнѣе льняныхъ могли служить къ управленію столь тяжелыми судами и выдерживать порывы бурь, свирѣпствующихъ въ океанѣ. Въ стычкѣ нашихъ судовъ съ судами Венетовъ, первыя превосходили быстротой и легкостью движенія, послѣднія же, болѣе приспособленныя къ мѣстности и къ силѣ бурь, во всѣхъ отношеніяхъ были удобнѣе и лучше нашихъ. Крѣпкіе бока венетскихъ судовъ безвредно выносили удары носовъ нашихъ судовъ, а вышина ихъ дѣлала наши стрѣлы безвредными. Во время вѣтровъ суда венетскія выдерживали ихъ легко и безвредно, оставаясь на мели во время отлива; для нашихъ же судовъ всѣ эти случайности были предметомъ опасеній» (§ 13).

Въ слѣдующемъ § (14) Цезарь описываетъ рѣшительную битву римскаго флота съ венетскимъ. У Венетовъ было около 220 судовъ, вполнѣ готовыхъ къ бою и снабженныхъ всякаго рода оружіемъ. Они вышли изъ пристани и стали противъ римскихъ кораблей, сознавая свое превосходство. Только

*) Это описаніе Венетскихъ городовъ можетъ отчасти иллюстрировать, почему почти всѣ русскія и сибирскія городища непремѣнно устраивались на выдающихся мысахъ, примыкавшихъ къ рѣкѣ, или даже при сліяніи двухъ рѣкъ. Рѣка въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, имѣла значеніе пути отступленія, въ случаѣ крайности.

благодаря особымъ случайностямъ побѣда осталась за римлянами, именно вслѣдствіе того, что наступила совершенно безвѣтренная погода, и тяжелыя венетскія суда не могли пользоваться парусами, римляне же, имѣя болѣе многочисленный флотъ, брали венетскіе корабли приступомъ, окружая каждый изъ нихъ двумя или тремя своими, обрѣзывали снасти острыми косами и взбирались на палубу непріятельскихъ судовъ. Изъ этого описанія видно, на какой высокой степени стояло у венетовъ искусство судостроенія и мореходства. Въ этомъ отношеніи римляне ихъ ставили выше всѣхъ сѣверныхъ народовъ: галловъ, британцевъ и германцевъ. Вся морская торговля сѣверныхъ морей была въ ихъ рукахъ. «Имѣя многочисленный флотъ, обладая знаніемъ и опытностью морскаго дѣла и имѣя въ своей власти тѣ немногія пристани, какія только есть на этомъ открытомъ и бурномъ морѣ, венеты берутъ дань со всѣхъ мореходцевъ, его посѣщающихъ» (§ 8). Они занимали всю сѣверную прибрежную чать Атлантическаго океана между Галліей и Бельгіей (древняя Armorica). Отъ Британіи, гдѣ также были ихъ поселенія, ихъ отдѣлялъ узкій проливъ. Отъ балтійскихъ венетовъ, владѣнія которыхъ простирались съ сѣвера до устья Эльбы, ихъ отдѣляло лишь небольшое пространство (морскимъ путемъ) Нѣмецкаго моря. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно думать, что арморійскіе венеты имѣли оживленныя сношенія съ венетами балтійскими и что совпаденіе ихъ народныхъ именъ не было случайностью.

Степень культурнаго развитія арморійскихъ венетовъ въ вѣкъ Юлія Цезаря была значительно выше, чѣмъ у германцевъ во время Тацита. Хотя въ запискахъ Цезаря, имѣвшихъ совсѣмъ другія цѣли, на эту сторону не было обращено достаточнаго вниманія, но уже изъ описанія военныхъ дѣйствій противъ венетовъ ясно усматривается, что гражданскій строй и складъ жизни этого народа былъ совсѣмъ другой, чѣмъ у германцевъ. Галлія и Британія шли вообще впереди Германіи по причинѣ болѣе близкихъ сношеній съ просвѣщеннымъ Римомъ. Въ то время, когда у Германцевъ существовали только деревянныя хижины и едва возникало земледѣліе, у Галловъ были города, процвѣтала промышленность и развивалось искусство. Здѣсь разрабатывались мѣдныя и желѣзныя руды, производилась плавка и обработка металловъ, знали цѣну серебру и золоту, употребляли монету, вели правильную, а не мѣновую торговлю. Галлія быстро развивалась подъ вліяніемъ Рима и первая открыла новый циклъ европейской цивилизаціи съ наступленіемъ среднихъ вѣковъ, какъ ближайшая наслѣдница римской культуры.

Венеты, по свидѣтельству Юлія Цезаря, не только не уступали Галліи, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шли даже впереди ея. Подобно нынѣшней Великобританіи, венеты держали въ своихъ рукахъ сѣверную морскую торговлю, и въ прежнія времена, можетъ быть, учились этому дѣлу у финикіянъ и карѳагенянъ, что давало имъ возможность расширить горизонтъ своихъ

познаній. Всякая изолированная морская держава разцвѣтаетъ гораздо быстрѣе континентальной, хотя, обыкновенно, и увядаетъ въ болѣе короткій срокъ (примѣры: Венеція, Испанія, Голландія, въ древнія времена Финикія и Греція). Тоже, повидимому, повторилось и съ арморійскими венетами. Оторванные отъ общаго племеннаго центра, они, будучи окружены галлами и белгами, были поглощены этими народностями, лишь только послѣднія проявили свою настоящую политическую силу и самобытность. Таже участь постигла балтійскихъ и адріатическихъ венетовъ.

Судьба адріатическихъ или италійскихъ венетовъ, равно какъ и обстановка ихъ гражданскаго быта, представляютъ близкую аналогію съ венетами арморійскими. Первые точно также водворились съ давняго времени (не позже 500—400 лѣтъ до Р. Х.) на прибрежьѣ Адріатическаго моря (въ нынѣшней Венеціанской области), въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этрусками, быстро восприняли этрусскую культуру, расцвѣли морской торговлей, промышленностью и богатствомъ, потомъ увлеклись блескомъ римской цивилизаціи и быстро угасли (въ смыслѣ потери народности), добровольно подчинившись Риму. Сліяніе ихъ съ Римомъ произошло незамѣтно, безъ всякихъ кровавыхъ потрясеній, вслѣдствіе увлеченія блескомъ римской цивилизаціи. Это началось около 200 лѣтъ до Р. Х. Въ вѣкъ Юлія Цезаря италійскіе венеты получили уже право римскаго гражданства и область ихъ превратилась въ нераздѣльную римскую провинцію. Причиною недолговѣчности этихъ венетовъ, также какъ и въ Галліи, служила оторванность занимаемой ими страны отъ кореннаго мѣстожительства остальной одноплеменной имъ массы народа и преждевременное увлеченіе соблазнительнымъ блескомъ чужой цивилизаціи. Примѣръ поучительный для нѣкоторыхъ народностей и нынѣшняго западнаго славянства!

Италійскіе венеты, также какъ галльскіе, любили строить свои города, подобно нынѣшней Венеціи, среди воды, гдѣ они стояли какъ острова (Страбонъ, V, 1, § 5). Гражданское общежитіе приняло у нихъ по преимуществу городской складъ (начиная съ IV вѣка до Р. Х.), а близость моря воспитала у населенія духъ мореходства, судостроенія и торговли. При посредствѣ венетовъ Римъ получалъ товары, въ томъ числѣ и драгоцѣнный янтарь, со всего сѣверо-востока Европы, какъ со стороны Балтійскаго моря, такъ и изъ-за Дуная и Иллиріи. Во время Страбона, главнымъ складочнымъ пунктомъ этой торговли служилъ городъ Аквилея, основанный Римлянами на восточномъ краю венетской земли, у самаго сѣвернаго угла Адріатическаго моря. Раньше Аквилеи центромъ торговли служилъ собственный венетскій городъ *Патавій**), стоявшій не далеко отъ нынѣшней Венеціи. Онъ

*) Имя этого города (нынѣшняя Падуа) Гильфердингъ производитъ отъ славянскаго слова *пта*—птица. Въ томъ же сочиненіи (стр. 159) авторъ приводитъ нѣсколько другихъ геогра-

считался еще во время Страбона лучшимъ городомъ верхней Италіи и велъ съ Римомъ обширную торговлю. Здѣсь выработывались разныя издѣлія изъ шерсти, ткались драгоцѣнные ковры, сукна и разныя другія ткани. Этой промышленности способствовало овцеводство, процвѣтавшее въ венетскомъ краѣ. Венетскія лошади тоже славились во всей Италіи. Предметами отпускной торговли на сѣверъ служили деревянное масло, виноградное вино и промышленныя издѣлія; обратно получалось разное сырье, мѣха, скотъ и жизненные продукты.

Такимъ образомъ адріатическіе венеты, о которыхъ сохранилось довольно много точныхъ и подробныхъ сказаній*), были главными проводниками римской цивилизаціи къ закарпатскому и подунайскому славянству. Они играли въ этомъ отношеніи туже роль, какъ греческія черноморскія колоніи, съ тою лишь разницей, что послѣднія относились къ скиѳамъ, какъ варварамъ и со стороны скиѳовъ не пользовались большимъ довѣріемъ, между тѣмъ какъ венеты имѣли торговыя дѣла съ родственными имъ племенами и легче могли воздѣйствовать на нихъ культурными идеями.

Вопросъ о національности Венетовъ въ настоящее время можетъ считаться достаточно выясненнымъ. Подъ этимъ общимъ именемъ греки и римляне разумѣли особое народное племя, отличавшееся и отъ кельтовъ (галловъ), и отъ германцевъ, и отъ иллирійцевъ. Этимъ именемъ назывался народъ, занимавшій по преимуществу приморскія страны, имѣвшій въ своихъ рукахъ морскую торговлю и обладавшій искусствомъ судостроенія и судоходства: таковы были адріатическіе, арморійскіе и балтійскіе венеты, хорошо извѣстные римлянамъ. Это обстоятельство давало поводъ позднѣйшимъ толкователямъ считать имя венетовъ не народнымъ, а географическимъ терминомъ, производя его отъ слова *wїnda* или *wenda*, означавшаго въ индоевропейскихъ языкахъ воду. Въ этомъ смыслѣ имя венетовъ означало бы просто поморянъ, безъ опредѣленнаго народнаго значенія. Неосновательность такого толкованія подробно разъяснена Шафарикомъ (l. c. т. I кн. 1, стр. 271), какъ съ филологической, такъ и съ исторической стороны. Имя венетовъ или вендовъ относилось не къ поморянамъ только, но и къ народамъ, жившимъ далеко отъ моря: какъ общее народное, оно охватывало обширныя пространства земель, лежащихъ между морями Адріатическимъ и Балтійскимъ,

фическихъ названій, напр. *Сремъ* (Sirmium), р. *Пада* (По), гор. *Викетія* (нынѣ Виченца), *Цьлина* (нынѣ Zelina), *Белунъ* (Belluno) и нѣкоторыя другія, производимыя изъ славянскихъ корней. Въ той же статьѣ Гильфердингомъ разбираются народныя черты Венетовъ, доказывающія ихъ славянство.

*) Объ нихъ упоминалъ еще Геродотъ, но болѣе подробныя свѣдѣнія даетъ Титъ Ливій, уроженецъ города Патавія, затѣмъ Страбонъ, Полибій и многіе другіе. Въ этихъ свѣдѣніяхъ заключается достаточно данныхъ, характеризующихъ національныя черты Венетскаго народа. Разборъ ихъ приведенъ у Шафарика въ славянскихъ древностяхъ и у Гильфердинга въ сочиненіи: „Древнѣйшій періодъ исторіи славянъ“.

распространялось даже въ Малую Азію и присваивалось далеко не всѣмъ приморскимъ жителямъ, а именно опредѣленному племени. По мнѣнію Шафарика, основанному на анализѣ всѣхъ историческихъ данныхъ, имя венетовъ относилось только къ славянскому народу, именно къ южнымъ и западнымъ славянамъ, по нынѣшнему дѣленію. Это было ихъ общее, родовое имя; въ частности же имена ихъ были многоразличны, смотря по родовымъ, географическимъ и политическимъ группировкамъ.

Было-ли имя венетовъ собственнымъ, народнымъ, или ихъ только такъ называли греки и римляне, этотъ вопросъ тоже подлежитъ обсужденію, хотя онъ имѣетъ уже второстепенное значеніе. Въ виду отдаленной древности и общераспространенности этого имени и по сохранившимся географическимъ слѣдамъ его въ земляхъ, нѣкогда занимаемыхъ венетами, естественнѣе думать, что это имя было не нарицательное, а собственное. Несомнѣнно, что италійскіе, галльскіе и балтійскіе венеты сами себя называли тѣмъ же именемъ, хотя, можетъ быть, усвоеннымъ отъ римлянъ. Отсюда сохранившееся до сихъ поръ названіе Венеціанской (Венетской), области, городовъ нынѣшней Венеціи и Вѣны, въ древности Виндобоны (Vindobona), или по славянски Видень. Мало того, географическій слѣдъ имени венетовъ сохранился даже на сѣверѣ Россіи. Такъ напр. у финляндцевъ русскіе славяне называются Wenaläinen, Wenämees, Русь — Wenälänmaa, Ладожское озеро— Weneenmjeri (Венетское море или озеро). Самая Финляндія собственно означаетъ землю Венетовъ—Weneen-land или Wen-land. Можетъ быть къ той же категоріи старыхъ вендскихъ географическихъ названій слѣдуетъ отнести имя р. *Виндавы*, по латышски *Вента*, и городъ того же имени, названный по рѣкѣ, по латышски *Вентесъ-пилсъ*. Замокъ *Венденъ*, основанный меченосцами въ 1224 г., нынѣ городъ Венденъ въ Лифляндіи, названъ тоже по имени вендовъ, еще существовавшихъ въ то время въ сѣверной Пруссіи. Имя народа венетовъ существовало и на Волгѣ, въ сосѣдствѣ съ камскими Болгарами. Объ этомъ упоминается въ письмѣ хозарскаго царя Іосифа къ Ибнъ-Шапруту, служившему при Халифѣ Абдуррахманѣ III въ Кордовѣ (около 960 года). Въ этомъ письмѣ, въ числѣ народовъ, живущихъ по Волгѣ, упоминается *Венентеръ*, съ которымъ воевали Хазары. Гаркави, опубликовавшій это письмо, поясняетъ, что въ имени Венентеръ можно узнать названіе Вентъ или Венетъ (Венетаръ), подъ которымъ славяне были извѣстны какъ на западѣ, такъ и Финскимъ народамъ.»*) Послѣднимъ отголоскомъ имени вендовъ или вене-

*) Основываясь на томъ, что адріатическіе и балтійскіе венеты изстари отличались мореходствомъ и торговлей, можно высказать догадку, не произошло ли латинское ихъ имя отъ *vendere*—продавать, venus, venum—торгъ, отсюда же славянское *вѣно*—выкупъ, даръ, плата за невѣсту. По этому производству *вендъ* или *венетъ* было бы равнозначуще слову купецъ. Это согласуется съ историческими извѣстіями о венетахъ. Наравнѣ съ финикіянами, они были по преимуществу купцы, мореплаваніе и торговля были ихъ стихіею. Съ именемъ балтій-

товъ на Волгѣ считается названіе *Вятскаго края*. Вяты или Вятичи и Вятка (рѣка и область) упоминаются въ русскихъ лѣтописяхъ почти съ самаго начала сформированія русскаго государства. Все это достаточно показываетъ, что имя Венетовъ было имя собственное и относившееся именно къ славянамъ. Поэтому свѣдѣнія о древней исторіи венетовъ итальянскихъ, арморійскихъ и балтійскихъ получаютъ для насъ особую важность, какъ доказательства отдаленной связи славянской кутьтуры съ культурою римскою, что необходимо имѣть въ виду, при изученіи нашихъ археологическихъ памятниковъ.

Въ началѣ этой главы было уже сказано, что первыя свѣдѣнія о Балтійскомъ побережьѣ греки и римляне получили отъ Пиѳія, около 400 лѣтъ до Р. X. Отъ него же узнали они, что здѣсь существуетъ рѣка Танаисъ, ранѣе извѣстная грекамъ подъ именемъ Еридана. По имени рѣки заключаютъ, что въ это время здѣсь уже существовала вѣтвь того племени, которое давало такое же названіе рѣкамъ, впадающимъ въ Азовское и Черное море (въ Скиѳіи), — слѣдовательно племени однороднаго. Но точное имя этого народа все еще было неизвѣстно. Оно въ первый разъ, и при томъ случайно, обнаруживается въ разсказѣ Корнелія Непота объ индійскихъ купцахъ, выброшенныхъ бурей на берегъ Германіи, попавшихъ во власть короля Батавскаго и подаренныхъ послѣднимъ римскому проконсулу Метеллу въ 58 г. до Р. X. Этихъ плѣнниковъ, назвавшихъ себя виндами или вендами, по созвучію имени принимали за жителей Индіи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это были балтійскіе венеты, о которыхъ потомъ дали болѣе подробныя свѣдѣнія Юлій Цезарь, Плиній, Страбонъ, Тацитъ и Птоломей. Всѣ эти писатели не только опредѣляютъ дѣйствительное названіе Венетовъ, но называютъ ихъ великимъ народомъ, занимающимъ обширныя пространства земель, болѣе или менѣе точно опредѣляютъ границы ихъ обитанія и даютъ свѣдѣнія о бытѣ этого народа. Съ того времени (отъ Р. X.) свѣдѣнія о Балтійскихъ Венетахъ уже не прерывались. Это племя оставалось здѣсь непрерывно

скихъ венетовъ связана древняя торговля янтаремъ; арморійскіе венеты, по свидѣтельству Юлія Цезаря, имѣли отличный торговый флотъ; древній венетскій городъ Патавій и замѣнившая его Аквилея славились обширною торговлею. Все это могло дать римлянамъ поводъ присвоить адріатическимъ славянамъ прозваніе *вендовъ* или *венетовъ*, т. е. купцовъ, или точнѣе *продавцевъ* (*venditor*, а собственно купецъ — *mercator*). Римскіе историки, какъ извѣстно, связывали имя венетовъ съ легендой о Троянской войнѣ, но эта поэтическая прикраса могла сложиться въ то время, когда за италійскими венетами было уже закрѣплено ихъ народное имя.

Любопытно при этомъ замѣтить, что въ русскомъ языкѣ, правда въ провинціальныхъ говорахъ, въ значеніи купца до сихъ поръ употребляется слово *варягъ*. *Варять* значитъ заниматься развозною торговлей по селеніямъ, *варягъ* — мелочной, наѣзжій купецъ, маклакъ, офеня; *варяжа* въ Архангельской губерніи значитъ заморье, заморская сторона (словарь Даля). Эти термины очевидно сохранились отъ Несторовыхъ балтійскихъ варяговъ, но они любопытны потому, что рисуютъ варяговъ не въ качествѣ военной дружины, а въ качествѣ купцовъ и такимъ образомъ сближаютъ ихъ съ венетами. О варягахъ и ихъ отношеніяхъ къ венетамъ будетъ сказано ниже.

до IX и даже до XIII вѣка, когда оно частію выселилось въ другія славянскія страны, частію германизировалось.

Нѣмецкое племя, занявшее при первоначальномъ водвореніи въ западной Европѣ наименѣе выгодную въ политическомъ отношеніи полосу земли, между Рейномъ и Эльбою, было обрѣчено силою судьбы расширять свои границы на счетъ сосѣднихъ народовъ. Отсюда безпрерывныя многовѣковыя столкновенія германцевъ, съ одной стороны съ галлами, съ другой съ славянами. Эта международная борьба, начавшаяся не менѣе 2000 лѣтъ тому назадъ, продолжается съ перемѣннымъ счастіемъ вплоть до нашихъ дней. Болѣе всего терпѣли въ ней балтійскіе славяне. Во II—III в. саксы тѣснили ихъ со стороны Эльбы, готы—со стороны Карпатъ и Дуная. Избытокъ нѣмецкихъ силъ искалъ выхода, добычи и славы. Германскія военныя дружины вторгались въ исконныя славянскія земли, покоряли себѣ менѣе воинственныя земледѣльческія племена полабскихъ славянъ. Тоже происходило на Днѣпрѣ и Дунаѣ: при королѣ Эрманарикѣ нѣмцы поработили себѣ почти все восточное и южное славянство и уже предвкушали полную побѣду надъ славянской народностью, но этому не суждено было осуществиться. Насильственные захваты чужихъ земель и неумѣренное притѣсненіе побѣжденныхъ вызвали реакцію, сплотили раздробленное славянство въ одно цѣлое, послѣ чего Германія безъ труда была отброшена въ свои естественные предѣлы. Завоеванія Эрманарика имѣли такое же эфемерное значеніе, какъ замыслы Наполеона I-го, мечтавшаго покорить всю Европу. Попытки Наполеона нашли себѣ отпоръ въ лицѣ Императора Александра I и Россіи, замыслы Эрманарика разбились о несокрушимую силу сплоченнаго славянства, нашедшаго себѣ достойнаго вождя въ лицѣ Аттилы. Съ того времени начинается въ исторіи Европы новая эпоха, извѣстная подъ названіемъ среднихъ вѣковъ.

Начало среднихъ вѣковъ, какъ извѣстно, открывается цѣлымъ рядомъ народныхъ передвиженій. Точно всеобщій ураганъ пронесся надъ европейскимъ материкомъ, или море временно выступило изъ своихъ береговъ и затопило сушу, взбаломутило вѣковой строй установившейся жизни, перепутало международныя грани и предѣлы и снова отхлынуло въ свое прежнее ложе. Галлію наводнили франки и бургунды, Испанію—визиготы и свевы, Британію англы и саксы, Италію—остроготы и ломбарды. Вѣтеръ, нагнавшій эту колосальную бурю, дулъ съ сѣверо-востока, отъ сарматскихъ равнинъ. Въ центръ урагана попали по преимуществу германскія племена, потѣсненныя славянами, сплотившимися въ общую массу подъ главенствомъ случайно оказавшагося геніальнаго вождя изъ племени гунновъ.

Средневѣковая буря, пошатнувшая равновѣсіе Европы не разыгралась вдругъ и неожиданно. Ее подготовили исподволь перемѣны въ политической атмосферѣ сѣверной Европы, выражавшіяся въ состязаніи двухъ, наиболѣе

сильныхъ въ то время народностей—германской и славянской, оспаривавшихъ другъ у друга право на преобладаніе. Старый и вполнѣ естественный процессъ международныхъ недоразумѣній, порубежныхъ распрей, домогательствъ и захватовъ подготовилъ племенную вражду, а извѣстное столкновеніе съ готами на Дунаѣ послужило лишь поводомъ къ вмѣшательству въ эту международную борьбу, еще мало извѣстнаго въ то время въ Европѣ, восточнаго племени гунновъ. Здѣсь не мѣсто разсуждать ни о наружности гунновъ, ни объ ихъ племени, ни о происхожденіи знаменитаго вождя ихъ—Аттилы. Можно сказать лишь одно, что переворотъ въ Европѣ сдѣлали не тѣ полудикіе, бездомные зауральскіе выходцы, какіе описываются подъ именемъ гунновъ въ извѣстіяхъ Іорнанда и Амміана Марцеллина и какіе дѣйствительно существовали въ рядахъ гуннскаго ополченія, въ числѣ другихъ народностей*). Самое имя гунновъ до сихъ поръ остается спорнымъ. *Венелинъ*,

*) По описанію Амміана Марцеллина въ наружности и образѣ жизни гунновъ нельзя не признать весьма характерныя и вѣрно схваченныя черты монголо-татарскаго типа. Это живой портретъ нынѣшняго калмыка или киргиза, ясно доказывающій, что въ III—IV в. часть этихъ зауральскихъ дикарей дѣйствительно кочевала между Дономъ и Волгой, или въ заволжскихъ астраханскихъ степяхъ. Впослѣдствіи они являются въ русской исторіи подъ именемъ печенѣговъ и половцевъ, потомъ башкиръ и киргизовъ. Во время Аттилы можетъ быть ихъ называли гуннами, но ошибка здѣсь заключается въ томъ, что это прозвище распространено западными писателями на народности совсѣмъ не монгольскаго происхожденія. Слово гунны до извѣстной степени замѣнило въ Европѣ прежній терминъ скиѳы и сарматы и примѣнялось безразлично не только къ славянамъ, но и къ нѣкоторымъ другимъ племенамъ. Въ славянскихъ лѣтописяхъ и хроникахъ не сохранилось никакого слѣда объ имени гунновъ. Въ русскомъ языкѣ есть слова: *гуня, гуни, гунявый* въ значеніи паршивый, облѣзлый, оборвышъ, или косноязычный (гугнивый-гунявый). Не отсюда ли произошло прозваніе гунновъ, данное дикарямъ кочевникамъ, принимавшимъ участіе въ походахъ Аттилы, какъ вспомогательное войско. Необычайный видъ этого сброда долженъ былъ поразить европейцевъ, и данное ему славянами уничижительное прозвище было принято за настоящее народное имя, съ которымъ, сперва по ненависти къ врагамъ, потомъ по привычкѣ стали связывать (обобщать) все, что относилось къ борьбѣ между славянами и западною Европою. Какъ бы ни было, но въ жизни и дѣяніяхъ Аттилы, въ его грандіозныхъ и побѣдоносныхъ походахъ отъ Дуная до Парижа и Рима, въ его военной тактикѣ и политическомъ складѣ ума нѣтъ ни одной черты, которая напоминала бы монгольскаго кочевника. Вся сила и значеніе такъ называемыхъ гуннскихъ войнъ заключалась не въ случайномъ наплывѣ азіатской орды, а въ международной борьбѣ восточнаго славянства съ западомъ Европы. Аттилу нельзя приравнивать ни къ Чингизхану, ни къ Тамерлану, а скорѣе можно поставить его въ параллель съ европейскими политическими умами и всемірными завоевателями, напр. съ Александромъ Македонскимъ, Юліемъ Цезаремъ, или Наполеономъ I. Для славянскаго міра онъ былъ не только геніальный полководецъ, но и великій человѣкъ, подобно тому, чѣмъ былъ впослѣдствіи для Германіи Карлъ Великій. Подробный разборъ доказательствъ о славянствѣ гунновъ въ первый разъ высказанъ *Венелинымъ* (Древніе и нынѣшніе болгаре), потомъ былъ пространнѣе развитъ *Забѣлинымъ* (Исторія русской жизни, ч. 1, Москва 1876 г., стр. 346—365) и *Иловайскимъ* (Розысканія о началѣ Руси). Въ этихъ же сочиненіяхъ указанъ рядъ гуннскихъ собственныхъ именъ, обличающихъ ихъ славянское происхожденіе. Таковы напр. *Валамиръ* (Велиміръ или Волиміръ, первый князь гунновъ), *Улдъ* или *Владъ, Влада* Βλάδας — братъ Аттилы, *Крека* его жена (гор. Краковъ), *Исла* его сынъ (гор. Иславъ на Дунаѣ, р. Ислава въ Галиціи). *Ирна* младшій сынъ Аттилы и остальныя дѣти *Эллакъ, Денгизикъ*, повидимому, имѣютъ связь съ географическими именами Семирѣчья (оз. Денгизъ). Тѣми же отношеніями Болгаръ къ зауральскимъ степямъ можетъ быть объяснено, почему въ числѣ вспомогательныхъ войскъ Аттилы являются азіатскіе кочевники (предки нынѣшнихъ киргизовъ и башкиръ), можетъ быть, находившіеся въ политической зависимости отъ тѣхъ же болгаръ.

Савельевъ-Ростиславичъ (Славянскій сборникъ 1845 г.), *Забѣлинъ* и *Иловайскій* высказывали мнѣніе, что гуннами назывались когда-то камскіе или волжскіе болгары, но это не болѣе какъ догадка. Ни въ одной славянской лѣтописи, ни въ устныхъ славянскихъ преданіяхъ не сохранилось никакого слѣда имени Гунновъ, не смотря на громкую извѣстность ихъ во всей Европѣ (въ IV—VII вѣкахъ). Несторъ безъ сомнѣнія зналъ по византійскимъ источникамъ тѣ грозныя и не столь отдаленныя отъ его времени событія, которыя описывались подъ именемъ нашествія гунновъ, но онъ не включилъ этого имени въ свою космографію, по всей вѣроятности потому, что не считалъ его настоящимъ народнымъ, а лишь книжнымъ прозвищемъ (латинскимъ и византійскимъ), въ родѣ того, какъ онъ замѣтилъ о скиѳахъ—славянахъ («да то ся зваху отъ грекъ великая Скуѳь»). Перечисляя въ своей вступительной космографіи почти всѣ, не только славянскія и западно-европейскія народности, но и чудскія племена, даже заволочскую чудь, Пермь, Печеру и Югру, Несторъ не дѣлаетъ ни одного намека ни на имя гунновъ, ни на имя венетовъ. Этотъ кажущійся пропускъ можно объяснить только тѣмъ, что европейское имя гунновъ у него скрывается подъ другимъ славянскимъ именемъ, какъ оно понималось на Руси, можетъ быть подъ именемъ болгаръ, а венеты--можетъ быть подъ именемъ варяговъ. Болгары дѣйствительно являются въ дальнѣйшей исторіи какъ бы замѣстителями гунновъ, а варяги повидимому замѣняютъ у Нестора имя венетовъ, съ тѣми же географическими подраздѣленіями. Варяги—Русь—это Балтійскіе венеты, а тѣ варяги, которые по Нестору «присѣдятъ къ востоку до предѣла Симова» (Азіи) могутъ соотвѣтствовать древнему названію юго-восточныхъ венетовъ, примыкавшихъ къ Ѳракіи и Венеціанской области.

Борьба за существованіе и непримиримая вражда между Балтійскими славянами и германцами началась, вѣроятно, съ самыхъ первыхъ лѣтъ ихъ географическаго соприкосновенія. Въ III и IV в. на славянъ напирали саксы и готы, вторгаясь въ ихъ области и покоряя отдѣльныя племена. Власть Аттилы сплотила славянъ въ одно могучее государство и отбросила нѣмцевъ въ ихъ собственные предѣлы. Въ началѣ VI вѣка на всемъ Балтійскомъ поморьѣ, до Карпатскихъ горъ и до устьевъ Дуная, и во всей странѣ, которая потомъ называлась Русью, не оставалось ни одного клочка нѣмецкой земли. Славянскія племена, искони занимавшія эти пространства, раздѣлялись въ то время, по свидѣтельству Іорнанда*); на три главныя вѣтви: на венетовъ, антовъ и славянъ (Veneti, Antes, Sclavi). Главною границею, раздѣлявшею ихъ отъ нѣмцевъ, была рѣка *Лаба* (Albis, Эльба), отъ ея вершинъ и до устья. Все, что лежало по правую сторону этой рѣки, счита-

*) Іорнандъ писалъ во второй половинѣ VI вѣка.

лось славянскимъ, а по лѣвую—нѣмецкимъ, хотя въ верхнемъ теченіи славянскія земли распространялись на значительное пространство и за лѣвымъ берегомъ. По распаденіи царства Аттилы снова началась борьба на порубежныхъ мѣстахъ между славянами и германцами. Нѣмецкое Drang nach Osten возобновилось съ прежней настойчивостью, въ силу территоріальной необходимости, но успѣхи Германіи, стремившейся отбросить славянъ на востокъ, долго оставались безъ всякаго результата. Борьба и опустошеніе ограничивались только берегами Эльбы, но внутрь славянской страны не смѣла проникать ни одна германская рать.

Славянскія племена, занимавшія равнину по южному берегу Балтійскаго моря, между рѣками Эльбою и Вислою, гдѣ нынѣ находятся области Лауенбургъ, часть Голштиніи, Мекленбуръ-Шверинъ и Стрелицъ, Бранденбургъ и Померанія,—составляли нѣсколько отдѣльныхъ колѣнъ, или родовъ, временами соединявшихся въ политическія союзныя группы, но не представлявшихъ организованнаго государства. Въ настоящее время эти славянскія вѣтви принято называть *Балтійскими славянами.* Въ VIII, IX и X. вѣкахъ они образовали слѣдующія народныя группы*). Первую группу или союзъ составляли т. н. *Бодричи.* Сюда входили: 1) *Вагры*, жившіе въ восточной половинѣ нынѣшней Голштиніи, главный городъ у нихъ былъ *Старгардъ*, нынѣшній Альденбургъ. 2) Къ югу отъ нихъ, по берегу Эльбы, жили *Полабцы*, въ нынѣшнемъ Лауенбургскомъ герцогствѣ. 3) Далѣе отъ нихъ по Эльбѣ помѣщались *Глиняне* и *Смольяне*, въ югозападной части Мекленбургіи и въ сѣверо-западномъ углу Бранденбургіи. 4) *Рароги* или *Бодричи*, у нѣмецкихъ писателей называвшіеся *Ободритами.* Они жили по берегу Балтійскаго моря отъ рѣки Травны (Trave) до Висмарскаго залива, въ западной приморской половинѣ нынѣшняго великаго герцогства Мекленбургъ-Шверинскаго. 5) *Варны*, жившіе тоже по берегу моря, у рѣки Варновы (Warnow), въ восточной части Мекленбургъ-Шверинскаго герцогства.

Другая группа племенъ, жившихъ на востокѣ отъ Бодричей, отъ рѣки *Ракитницы* (Recknitz) до рѣки Одры, обозначалась общимъ именемъ *Лютичей* или *Велетовъ.* Къ нимъ принадлежали: 1) *Кичане*, около рѣки Ракитницы; 2) *Черезпѣняне*, между морскимъ берегомъ и теченіемъ рѣки Пѣны (Peene), въ сѣверо-западномъ углу нынѣшней Помераніи; 3) *Доленчане*, на югъ отъ рѣки Пѣны до р. Доленицы (Tollense), на пограничной чертѣ Мекленбургіи и Помераніи; 4) *Ратаре* или *Радгощане*, въ нынѣшнемъ Мекленбургъ Стрелицкомъ герцогствѣ; 5) *Моричане*, на югъ отъ Долечанъ, въ юго-западномъ краю Мекленбургъ-Шверинскаго герцогства. 6) *Укряне* и *Рѣчане* на востокъ отъ Ратарей, по р. Укрѣ (Ucker) и до Одры (Oder).

*) Перечисленіе вѣтвей Балтійскихъ славянъ мы беремъ изъ сочиненія Гильфердинга, спеціально посвященнаго этому вопросу (т. 4-й Спб. 1874 г. Исторія Балтійскихъ славянъ).

На сѣверъ отъ земли Лютичей лежалъ островъ *Руя* (Рюгенъ), населенный тоже славянами; они составляли особое племя, называвшееся *Руянами*, или по сокращенному произношенію *Ранами*. За р. Одрой примыкало къ Лютичамъ большое племя *Поморянъ*, въ нынѣшней Помераніи и части западной Пруссіи. Оно простиралось по берегу моря до низовьевъ Вислы, гранича съ польскими славянами. Къ Поморянамъ принадлежали также *Волыницы*, жители острова Волыня (Wollin), лежащаго насупротивъ устья рѣки Одера.

Къ югу отъ Бодричей и Лютичей жили *Стадоряне*, въ нынѣшней Бранденбургіи. Къ этой группѣ принадлежали: *Брежане*, по берегу Эльбы, *Гаволяне*, по теченію р. Гаволы (Havel), *Спревяне*, занимавшіе нижнее теченіе р. Спревы (Spree), близъ впаденія ея въ Гаволу, *Любушане* жили восточнѣе Спревянъ, по берегу р. Одры.

Всѣ перечисленыя вѣтви Балтійскихъ славянъ назывались также у нѣмецкихъ писателей общимъ именемъ *Slavi*, *populi Slavorum*, а также *populi Winulorum* (Винды или Венеты). При такомъ сплошномъ и многолюдномъ славянскомъ населеніи, жившемъ въ Балтійскихъ областяхъ непрерывно болѣе 1000 лѣтъ, естественно ожидать, что вся эта страна должна быть испещрена славянскими археологическими памятниками и славянскими географическими названіями. Такъ и оказывается на самомъ дѣлѣ. Если взять любую географическую карту сѣверной Германіи XVI—XVII вѣка, то мы ясно увидимъ, что здѣсь въ прежнее и при томъ еще недавнее время было почти сплошное славянское населеніе. Многія имена рѣкъ и городовъ до сихъ поръ звучатъ по славянски, но они еще болѣе открываются въ сочиненіяхъ старыхъ нѣмецкихъ писателей, напр. у Титмара, Гельмольда, Адама Бременскаго, гдѣ прежнія славянскія названія нерѣдко сопоставляются съ современными этимъ авторамъ нѣмецкими именами. Здѣсь было бы неумѣстно перечислять всѣ города, крѣпости и населенные пункты, существовавшіе у Балтійскихъ славянъ, но позволительно указать на нѣкоторые изъ нихъ для болѣе яснаго представленія о бывшихъ славянскихъ центрахъ.

Славянскія названія.	Современныя нѣмецкія названія.
Старгардъ или Старградъ . .	Ольденбургъ.
Велеградъ или Великій городъ .	Мекленбургъ, прежде Mikilinburg, переводимый по латини Magnopolis или Megalopolis.
Браниборъ (у Гаволянъ). . .	Бранденбургъ.
Звѣринъ или *Звѣрина*, Zuarina (у Бодричей).	Шверинъ.
Щетинъ, Щетина.	Штетинъ.

Колобрегъ	Кольбергъ.
Волынъ или Волынь	нынѣ Filehne, въ Помераніи.
Гданскъ	Данцигъ.
Любица	Любекъ.
Каменъ (у Поморянъ). . . .	нынѣ Cammin.
Дыминъ на р. Пѣнѣ	Demmin.
Добролугъ (у Лужичанъ) . .	Dobraluh
Липскъ, Липецкъ	Лейпцигъ.
Глинскъ	Glinzig.
Блатница	Flattnitz.
Боровляны, Боровли	Förelach, Förlach.
Глиница.	Gleinitz.
Горица	Görz.
Холмъ.	Kulm.
Холмецъ	Kolmitz.
Лѣпница.	Leibnitz.
Градище.	Garz.
Градецъ	Grätz.
Яблонна	Gablenz
Млинце	Linz, Lebnitz.
Брезница	Prissnitz.
Меляны	Mellach.
Ясеница	Assling.
Лядина	Lieding.
Перунъ (крѣпость).	нынѣ Pron.
Выдухово	Fiddichow.

Встарину у Поморянъ были также города: *Любушинъ* (Liubusa), *Ярина* (Jarina), *Стрѣла* (у Гломачей), *Междурѣчье*, *Черниковъ*, *Ругодивъ*, *Устье* (Usez), *Бѣлгардъ* и многіе другіе. Изъ славянскихъ рѣкъ можно указать, кромѣ *Лабы*, *Бобру*, *Соляву* (нынѣ Сала), *Ильменаву* (Jlmenow).

Изъ приведенныхъ географическихъ словъ легко усмотрѣть, что всѣ они не только соотвѣтствуютъ общимъ принципамъ славянскихъ наименованій, но многія изъ нихъ буквально повторяются въ Россіи. Особенно въ этомъ отношеніи характерны р. *Ильменава*, по сходству съ озеромъ *Ильменемъ*, и городъ *Ругодивъ* по сходству съ нашимъ лѣтописнымъ *Ругодивомъ* (нынѣшнею Нарвою, или точнѣе Иванъ-Городомъ). Эти два имени могутъ непосредственно указывать на переселеніе Балтійскихъ славянъ въ древнія новгородскія области. Такое же сходство мы видимъ и въ личныхъ именахъ. Такъ напр. у племени Бодричей были князья: *Гостомыслъ*, *Добромыслъ*,

Славоміръ, *Мстивой* (у Титмара *Mistuwoi*, сравни р. Мсту), *Мстиславъ*, *Годолюбъ*, у полабскихъ сербовъ—*Милодухъ*, *Милогостъ*, *Цѣлодрогъ*, *Любъ*, *Болеславъ* и т. д. Прочія черты народной жизни, какъ-то: постройка домовъ и городовъ (деревянныхъ), складъ родоваго быта, религіозныя вѣрованія, порядокъ суда и управленія у Балтійскихъ славянъ не отличались отъ общеславянскихъ.

Въ такомъ положеніи находились Балтійскіе славяне въ VIII—IX вѣкѣ. Во всѣхъ отношеніяхъ они имѣли перевѣсъ надъ смежными германцами, къ которымъ питали непримиримую вражду. Равнымъ образомъ они не особенно дружелюбно относились къ Датчанамъ и Норманнамъ, съ которыми, однакоже, вступали иногда въ союзы для нападенія на общихъ враговъ—нѣмцевъ. Между собою Балтійскіе славяне также не имѣли ни единства, ни согласія, что составляло самую слабую сторону ихъ политическаго строя и роковымъ образомъ отразилось на ихъ будущности. Бодричи враждовали съ Лютичами, эти послѣдніе ссорились съ Поморянами и Полабскими сербами. При такихъ невыгодныхъ условіяхъ они должны были встрѣтить завоевательные замыслы Карла Великаго. Подчинивъ себѣ саксовъ и воспользовавшись славянскою рознью, Карлъ заключилъ союзъ съ Бодричами и напалъ на Велетовъ (Лютичей). Въ первый разъ послѣ Аттилы (спустя три съ половиною столѣтія) нѣмецкая рать переступила завѣтную черту Эльбы, произвела опустошеніе въ странѣ Велетовъ и вынудила короля ихъ Драговита заключить миръ, присягнувъ въ вѣрности нѣмецкому государю. Это было въ 789 г.*).

Но результаты побѣды Карла Великаго надъ славянами были такъ же не прочны, какъ результаты Аттилы. Держава Каролинговъ вскорѣ послѣ смерти ея основателя представляла хаосъ и разложеніе. Общая неурядица охватила всю Германію, которая настолько ослабѣла, что не въ состояніи была не только удержать власть надъ славянами, но даже защищаться отъ нихъ. Всѣ области Балтійскихъ славянъ, отъ моря до Эльбы, не только остались за ними, но распространились даже на лѣвую сторону этой рѣки. Послѣ Аттилы это былъ второй, наиболѣе благопріятный моментъ, когда Балтійскіе славяне могли образовать прочное, равносильное Германіи, государство, если бы они поняли необходимость политическаго объединенія. Но этого не было. Раздробленность и взаимная вражда между отдѣльными колѣнами и родами заставляла ихъ охотнѣе примыкать къ союзамъ съ норманнами и датчанами, чтобы сообща громить ненавистныхъ имъ Саксовъ, чѣмъ создавать собственный политическій центръ. Это политическое недомысліе погубило Балтійскихъ славянъ, хотя народность ихъ храбро и стойко защи-

*) Подробную исторію этихъ войнъ и отношеній Балтійскихъ славянъ къ франкамъ и саксамъ со времени Карла Великаго см. у Гильфердинга въ полномъ изданіи его сочиненій (1874 г.), т. IV „Исторія Балтійскихъ славянъ“, ч. 2, стр. 260.

щала свои предѣлы еще болѣе 200 лѣтъ послѣ Карла Великаго. Въ началѣ XI в., когда писалъ *Титмаръ* свою хронику, земли между Эльбою и Балтійскимъ моремъ принадлежали еще славянамъ. Даже въ половинѣ XII вѣка, когда писалъ *Гельмольдъ*, значеніе ихъ народности далеко еще не было потеряно, хотя опасность видимо уже приближалась со всѣхъ сторонъ.

Въ то время, когда на западѣ формировалась сильная держава Франковъ и образовались устойчивые славянскіе центры въ Моравіи и Чехіи, на сѣверѣ тоже зарождался могучій по ширинѣ основанія русскій государственный организмъ. Совпаденіе этихъ обстоятельствъ не могло пройти безслѣдно для Балтійскихъ славянъ. Каждый центръ имѣетъ свою притягательную силу; къ нему роковымъ образомъ устремляются раздробленныя, болѣе мелкія частицы: элементы разнородные втягиваются насильственно, — однородные въ силу внутренняго сродства и взаимнаго тяготѣнія. Чехія и Моравія должны были, по мѣрѣ своего политическаго возрастанія, привлекать къ себѣ смежныя колѣна Балтійскихъ славянскихъ родовъ и быть можетъ втянули бы ихъ въ свой развивающійся организмъ, если бы не помѣшало этому случайное обстоятельство, именно появленіе новаго въ западной Европѣ народа и царства Мадьяръ. Мадьяры помѣшали естественному росту Велико-Моравскаго царства и послужили значительнымъ противовѣсомъ при состязаніи на западѣ германской и славянской стихіи. Какъ гунны въ V вѣкѣ перетянули чашку вѣсовъ на славянскую сторону, такъ и Мадьяры въ X вѣкѣ помогли Германіи, хотя и косвеннымъ образомъ, получить перевѣсъ надъ славянами. Съ этого времени Балтійское славянство видимо клонится къ паденію, уступая нѣмецкой силѣ. Въ XII—XIII вѣкѣ оно почти совсѣмъ теряетъ свою самостоятельность и постепенно поглощается, въ послѣдующіе вѣка, нѣмецкою средой. Этому содѣйствовало также быстрое возрастаніе политической силы скандинавскихъ государствъ, тѣснившихъ Балтійскихъ славянъ съ сѣвера.

Вспоминая прошлое Балтійскихъ славянъ, ихъ многолюдство, довольно высокое культурное развитіе и равносильное соперничество съ цѣлою Германіей въ продолженіи почти 1000 лѣтъ, нельзя не задать себѣ вопросъ: какимъ образомъ эта многочисленная и сильная вѣтвь славянской народности могла такъ быстро ослабѣть (въ X—XI в.) и такъ легко уступить свое мѣсто нѣмецкому племени (въ XII—XIV в.). Обыкновенно это объясняютъ, съ одной стороны, недостаткомъ у славянъ національнаго самосознанія и единства, съ другой стороны—безцеремонной настойчивостью и безсердечной суровостью нѣмцевъ при насильственной германизаціи славянскихъ земель*). Признавая несомнѣнно долю участія этихъ причинъ, мы тѣмъ

*) Германская политика въ этомъ отношеніи весьма любопытна и поучительна. Мѣры направленныя къ уничтоженію славянства состояли: 1) въ лишеніи славянъ земельной собственности подъ разными предлогами, 2) въ насильствeной германизаціи, шедшей рука объ

не менѣе, затруднились бы уяснить себѣ: почему славяне X—XII в. такъ ослабѣли, что почти сразу потеряли способность противодѣйствовать германскимъ вожделѣніямъ. Этого нельзя объяснить ни духомъ принятаго ими христіанства, ни преклоненіемъ передъ нѣмецкою культурою. Исторія даетъ намъ много примѣровъ, гдѣ даже малочисленныя и слабыя народности вѣками сохраняютъ свою національность, не смотря на политическую зависимость отъ подавляющей массы господствующаго племени. Таковы въ наше время эсты, латыши, финляндцы и разные другіе инородцы центральной и восточной Россіи. Чтобы сломить и искоренить народность, нужно прежде ослабить ее численно и духовно и послѣ того уже принимать мѣры къ насильственной ассимиляціи. Въ этомъ родѣ долженъ былъ происходить и процессъ обезличенія Балтійскихъ славянъ.

Выше мы говорили, что начало упадка поморскихъ славянъ совпадало съ эпохой нарожденія трехъ славянскихъ государствъ: —Моравіи, Богеміи и Россіи. Въ концѣ IX в. моравскій политическій союзъ достигъ своего наибольшаго расширенія. «Несомнѣнно, пишетъ К. Я. Гротъ, что кромѣ Чехіи на западѣ, Панноніи на югѣ, къ нему добровольно примкнули или же были присоединены многія небольшія славянскія племена и земли на сѣверѣ (по Эльбѣ и Одеру) и на сѣверо-востокѣ, въ нынѣшней Галиціи. Возможно, что верховную власть моравскаго князя признавали тогда славяне въ нынѣшнихъ Лужицахъ Силезіи и даже поляки западной Галиціи *). Такимъ образомъ, благодаря моравскому союзу, значительная доля Балтійскихъ славянъ отошла въ эту сторону, гдѣ продолжала борьбу съ нѣмцами уже въ послѣдующіе вѣка. Остальныя части, лежащія по Балтійскому поморью западнѣе Одера, гдѣ жили *Варны* (нынѣшній Мекленбургъ-Шверинъ), *Вагры* (въ Голштиніи), *Рароги* и прочіе Поморяне, повидимому, болѣе тяготѣли къ формировавшейся въ то время Россіи. Допуская логическую вѣроятность призванія русскихъ князей именно изъ этихъ приморскихъ областей варяжскаго поморья, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ признать, согласно русскимъ лѣтописямъ, что вмѣстѣ съ варяжскими князьями, а можетъ быть и значительно раньше того, переливалась въ предѣлы Россіи значительная колонизаціонная волна варяжскаго населенія. На это указываетъ имя Руси, явившееся, какъ народное имя, прежде призванія князей. «Отъ тѣхъ Варяговъ прозвася русская земля Новугородьци». «Поляне, яже нынѣ зовомая Русь». «Въ лѣто 6360 (852) начася прозывати русская земля». Черное море называлось Русскимъ моремъ.

руку съ такимъ же водвореніемъ католицизма, 3) въ ограниченіи правъ славянъ сравнительно съ нѣмцами и 4) въ систематическомъ заселеніи нѣмецкимъ народомъ отнятыхъ или запустѣвшихъ славянскихъ земель. Много любопытныхъ подробностей по этому вопросу можно найти въ журналѣ „Jahrbücher des Vereins für meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde. Издавался съ 1836 года въ Schwerin'ѣ.

*) К. Я. *Гротъ*, Моравія и Мадьяры. Спб. 1881 г., стр. 136.

И внутри Россіи, особенно въ Новгородской области, появилось много географическихъ слѣдовъ съ именемъ Русь, или съ именами водъ и городовъ, существовавшими ранѣе въ приморскихъ областяхъ у Балтійскихъ славянъ. Очевидно, все это занесено къ намъ Варягами Русью, и не вслѣдствіе одного только призванія князей, а постепенно приливавшею къ намъ изъ-за моря народною волною. Подобно тому, какъ нынѣшняя Болгарія получила свое имя отъ Камскихъ болгаръ, Франція отъ франковъ, вслѣдствіе смѣшенія двухъ народностей, и имя Руси явилось результатомъ такого же смѣшенія,— не шведскаго, конечно, и не нѣмецкаго, а единокровнаго славянскаго*).

Такое предположеніе логично и понятно. Въ такомъ случаѣ имя Руси должно было явиться не отъ личности трехъ витязей, а отъ вѣковаго процесса народнаго переселенія. Для того, чтобы Кіевская и Новгородская области усвоили себѣ это общее имя, вмѣсто прежнихъ частныхъ географическихъ названій, или общаго имени славянъ, необходимо, если не численное, то духовное преобладаніе здѣсь пришельцевъ изъ племени Русь, что достигается не вдругъ, а въ продолженіе значительнаго періода времени. Такъ, повидимому, и было на самомъ дѣлѣ. Путь изъ варягъ въ греки былъ извѣстенъ очень давно, за долго до начала государственной Руси. Этимъ путемъ шла торговля сѣвера съ греческими колоніями еще до Р. Х., и Балтійскіе венеты принимали въ этомъ участіе. Позднѣе тѣмъ же путемъ шли наемники норманны и варяги на византійскую службу. Равнымъ образомъ, Венеты также усердно посѣщали русскіе берега Балтійскаго моря и Финскаго залива, гдѣ они оставили по себѣ много географическихъ воспоминаній. Интересы торговли и матеріальныя выгоды тянули ихъ къ сѣверу и къ Черному морю. Здѣсь открывался широкій просторъ ихъ предпріимчивому духу и приволье для всякаго рода промышленности, особенно послѣ того, когда усиливавшіяся Скандинавія, Германія и Британія стали стѣснять венетовъ въ территоріи и въ промыслахъ. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно было ожидать, что издревлѣ знакомые торговые пути служили Венетамъ и потомъ Балтійскимъ славянамъ путемъ переселеній. На новыхъ мѣстахъ они встрѣчали не чужія, враждебныя имъ племена, а родственныя по крови и языку. Здѣсь они могли найти новую родину, сюда перенести свою венетскую культуру, вмѣстѣ съ русскимъ народнымъ именемъ. Отъ нихъ «прозвася русская земля Новугородци» и южные поляне стали называться Русью. На этихъ началахъ впослѣдствіи сформировалась русская государственная жизнь. Руская культура явилась продолженіемъ нѣкогда передовой въ славянствѣ венетской культуры, слившейся впослѣдствіи съ другимъ, еще болѣе богатымъ и обильнымъ

*) Извѣстно, что ни въ географическихъ, не въ личныхъ именахъ древней Руси, ни въ старомъ русскомъ языкѣ не имѣется ни малѣйшей скандинавской или нѣмецкой примѣси, что было бы неизбѣжно, если бы Варяги-Русь были не славянскаго поколѣнія.

источникомъ византійскимъ. Славянскій міръ раздѣлился на двѣ половины: одна изъ нихъ, южная, удержала общее имя славянъ, другая, сѣверная—общее имя руссовъ.

Такъ можно представлять себѣ въ общихъ чертахъ процессъ сформированія русской гражданственности. Высказанную гипотезу о тождествѣ Варяговъ и Венетовъ нельзя, конечно, принять за строго научное положеніе. Она не основана на точныхъ документахъ; но гдѣ ихъ взять, когда дѣло идетъ о событіяхъ не занесенныхъ на писанные листы. Тѣ отрывочные слова и факты, какіе встрѣчаются у Нестора, у византійцевъ, у арабскихъ и западныхъ писателей далеко не исчерпываютъ полноты и вразумительности варяжскаго и русскаго вопроса. Слова и факты требуютъ поясненія и логической оцѣнки. При этомъ, естественно, они могутъ дать поводъ къ разнымъ, иногда противуположнымъ выводамъ, смотря по складу субъективнаго мышленія. Примѣромъ тому служатъ русская и норманская школы, освѣщающія одинъ и тотъ же вопросъ и на основаніи однихъ и тѣхъ же данныхъ съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія. Надъ словами и неясными фактами должна господствовать логика событій: теоретическій выводъ иногда можетъ вѣрнѣе угадать правду, чѣмъ запутанный историческій намекъ. Эта теоретическая правда, если она стоитъ на вѣрномъ пути, можетъ найти себѣ подтвержденіе и сдѣлаться аксіомой, когда найдутся для нея фактическія доказательства изъ другой научной области, которой еще такъ скудно пользуется историческая наука, именно изъ области филологіи и археологіи. Если же не найдется такихъ доказательствъ, то брошенная въ обращеніе идея замретъ сама собой, не причинивъ вреда ни людямъ, ни достоинству науки.

Я невольно и можетъ быть слишкомъ увлекся варяжскимъ вопросомъ, которому въ русской исторической литературѣ были посвящены обширныя спеціальныя сочиненія людей вполнѣ авторитетныхъ и котораго не слѣдовало бы касаться вскользь и мимоходомъ. Оправдываю себя тѣмъ, что варяжскій вопросъ имѣетъ прямое отношеніе къ изученію археологическихъ памятниковъ Балтійскихъ и русскихъ славянъ; ниже эти памятники придется изучать паралельно и сопоставлять между собой.

Постепенное переселеніе Балтійскихъ поморянъ въ древнюю Россію должно было значительно усилиться со второй половины IX вѣка. Этому благопріятствовала, кромѣ установившейся у насъ Варяжской династіи, начавшаяся на Балтійскомъ Поморьѣ насильственная пропаганда христіанства. Славяне язычники находили въ Россіи не одни свободныя земли и выгодные промыслы, но также привычную религіозную сферу, отвѣчавшую народному складу ихъ міровоззрѣнія. Все болѣе живое, подвижное и энергичное покидало родные края, гдѣ оставалось по преимуществу только сельское населеніе, привязанное къ землѣ и питавшееся отъ земли. Такимъ образомъ, мало по малу

нарушалось на Балтійскомъ побережьѣ равновѣсіе нѣмецкихъ и славянскихъ силъ, соперничавшихъ между собой въ продолженіи длиннаго ряда вѣковъ. Германія стала побѣждать не отъ возрастанія своей силы и не вслѣдствіе высоты своей культуры, а вслѣдствіе добровольнаго отступленія непріятеля. Здѣсь мы видимъ тотъ же самый процессъ, который въ древности повторялся неоднократно, когда удаленіе одного народа влекло за собой замѣщеніе пустоты другою народностью, иногда менѣе сильною. Такъ, вѣроятно, подвигались изъ глубины Сибири монголо-татарскія и финскія племена вслѣдъ за отступающими азіатскими скифами-арійцами. Такъ замѣстилось Болгарское царство на Камѣ и Волгѣ мадьярами и чувашами, послѣ выселенія древнихъ славянскихъ болгаръ на югъ Россіи и за Дунай. Тоже повторилось послѣ выселенія мадьяръ, мѣсто которыхъ заняла мордва и черемиса. Подобныя переселенія и замѣщенія встарину были явленіемъ не исключительнымъ. Тотъ же процессъ, можно полагать, повторился и на Балтійскомъ поморьѣ. Военныя дружины и витязи исчезли, города опустѣли, остающееся сельское населеніе, безъ повелѣвающаго центра и руководства, сдѣлалось легкой добычею германизаціи. То, что Германія не была въ состояніи сдѣлать въ продолженіи тысячи лѣтъ, при измѣнившихся условіяхъ, удалось окончить въ 2—3 столѣтія: къ XIII—XIV вѣкамъ на земляхъ Балтійскихъ славянъ процвѣтало уже исключительно нѣмецкое царство.

Такъ закончила свое существованіе самая древняя и самая передовая, въ географическомъ и культурномъ смыслѣ, вѣтвь сѣверозападнаго славянства. Сверстница древней Греціи и Риму, она, подъ именемъ венетовъ, ознаменовала себя въ исторіи народомъ предпріимчивымъ, отважнымъ, разумнымъ и храбрымъ. Господствуя на сѣверныхъ моряхъ, древніе венеты были здѣсь едва ли не первыми иниціаторами правильной морской торговли и обширнаго мореплаванія вообще, развившагося у нихъ въ то время, когда о скандинавскихъ викингахъ не было еще помину и когда германскія племена находились въ примитивномъ родовомъ быту (вѣкъ Юлія Цезаря). Непосредственные потомки этихъ венетовъ, поморскія вѣтви Балтійскихъ славянъ, пользовались не меньшею славою. Вплоть до IX или даже до X вѣка они имѣли перевѣсъ надъ Германіей и соперничали съ Скандинавіей въ мужествѣ и силѣ, принимая иногда участіе въ норманнскихъ дружинахъ *викинговъ* *) Во второй половинѣ IX вѣка славянское поморье стало осла-

*) Слово *Wiking* по значенію вполнѣ тождественно славянскому *витязь*, лит. *vitis*, древне-прусскому *Witing*, что значитъ герой, авантюристъ. Трудно сказать, на какомъ языкѣ первоначально образовалось это слово. Въ славянскихъ корняхъ его можно связать съ глаголомъ *витати*,—имѣть гдѣ либо пребываніе на короткое время, заходить къ кому въ гости. „Въ странѣ нашей приходяще Русь, да *витаютъ* у святаго Мамы“ (лѣтоп. Кенигсб. списка). Такимъ образомъ слово *Витязь* первоначально могло обозначать пріѣзжій человѣкъ, гость. Норманское слово *vikingar* обыкновенно производятъ отъ *vik*—морская бухта, или отъ *vig*—война. Русское *витязь*, очевидно, ближе всего къ древанскому Witing (подобно слову Вярягъ и Варангъ) и вѣроятно перенесено къ намъ съ Балтійскаго поморья витязями—варягами.

бѣвать, вслѣдствіе перемѣщенія его народныхъ силъ дальше на сѣверъ и востокъ, въ Новгородскую и Кіевскую области. Въ строгомъ смыслѣ Балтійскіе славяне и послѣ того не окончили свой вѣкъ и не исчезли: они возродились въ другой странѣ и въ другой формѣ. Тысячелѣтіемъ созданная и накопившаяся энергія этого племени нашла себѣ полный политическій разцвѣтъ на русскихъ широкихъ равнинахъ, а оставшіяся на прежней родинѣ народныя силы пошли на духовное оплодотвореніе сѣверной Германіи.

«Много разъ обращалъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что нѣмецкое племя образовало значительныя государственныя тѣла только на завоеванной землѣ и преимущественно на славянской: таковы Пруссія и Австрія, въ противуположность всѣмъ другимъ мелкимъ нѣмецкимъ владѣніямъ, на которыя раздроблены коренныя земли Германіи». Такой выводъ дѣлаетъ Гильфердингъ въ концѣ своего прекраснаго изслѣдованія о Балтійскихъ славянахъ (стр. 343). Государственное начало нынѣшней объединенной Германіи зародилось, какъ извѣстно, на Бранденбургской почвѣ и потомъ въ Пруссіи, которая до сихъ поръ стоитъ во главѣ Германской имперіи. Всѣ наиболѣе выдающіеся въ наукѣ творческіе умы и государственные дѣятели Германіи выходили отсюда. И этого нельзя считать явленіемъ случайнымъ. Съ точки зрѣнія соціальной физіологіи здѣсь должна была имѣть значеніе помѣсь двухъ, одинаково даровитыхъ, но разныхъ по характеру и направленію народностей, давшая въ результатѣ улучшеніе расы. Славянская натура носила въ себѣ идею политическаго единенія, ширину взгляда на задачи жизни и мысли, смѣлость въ предпріятіяхъ и упорство въ достиженіи цѣли; отличительнымъ свойствомъ нѣмецкаго характера были: индивидуализмъ, сосредоточенность въ самомъ себѣ, глубина мысли въ частностяхъ, тщательность и усидчивость въ разработкѣ деталей. Изъ сліянія тѣхъ и другихъ свойствъ, взаимно умѣряющихъ и пополняющихъ крайности того и другаго племени, сложился нынѣшній типъ сѣверно-германской народности, превосходящей по таланту и энергіи народонаселеніе Южной Германіи.

Каждое человѣческое племя, при многовѣковой исторической жизни, требуетъ подновленія, если можно такъ выразиться, освѣженія крови. Національный типъ, предоставленный исключительно самому себѣ, неизбѣжно современемъ мельчаетъ и вырождается. Тоже самое мы видимъ въ замкнутыхъ сословіяхъ и изолированныхъ кастахъ. Индивидуальный талантъ рѣдко передается по прямой наслѣдственной линіи. Прогрессивное умственное возрастаніе народа точно также требуетъ освѣженія старыхъ запасовъ новыми элементами, притекающими извнѣ. Примѣненіе этого историческаго закона мы видимъ на всѣхъ древнихъ и новыхъ народностяхъ (Греція, Италія, Франція, Англія, Россія). Для Германіи это составляло такую же физіологическую необходимость, которая и была восполнена ассимиляціей остатковъ Балтійскихъ славянъ.

Тѣмъ же привходящимъ народнымъ матеріаломъ воспользовалась Россія, чтобы начать свою, съ первыхъ же шаговъ широко задуманную, государственную жизнь. Разница здѣсь состояла лишь въ томъ, что въ Россіи произошло добровольное сліяніе двухъ народныхъ колѣнъ, а въ Германіи (равно и въ другихъ европейскихъ государствахъ)—насильственное. Могло ли послѣднее обстоятельство оказать какое либо существенное вліяніе на дальнѣйшую историческую судьбу новыхъ государствъ (напр. въ смыслѣ единства народнаго духа, устойчивости государственныхъ учрежденій и всего государственнаго организма), это покажетъ будущее.

Приведенный въ этой главѣ краткій обзоръ исторіи Балтійскихъ славянъ можетъ служить намъ путеводною нитью при дальнѣйшихъ археологическихъ розысканіяхъ, что составляетъ главную цѣль нашей работы. Зная напередъ, гдѣ можно и гдѣ слѣдуетъ искать славянскихъ памятниковъ, какъ слѣдовъ давнопрошедшей исторической жизни, мы будемъ въ состояніи оріентироваться въ этомъ матеріалѣ и, по возможности, опредѣлить тѣ отличительныя черты, которыми собственно характеризуются славянскія древности въ отличіе отъ германскихъ и другихъ. Такая задача едва ли можетъ считаться недоступною. Не смотря на культурное сходство всѣхъ цивилизованныхъ народовъ между собой, каждый изъ нихъ имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣчто свое собственное,—свой обликъ, свой характеръ. Это мы видимъ въ настоящемъ, можемъ усмотрѣть и въ прошедшемъ, какъ задачу національной археологіи. Но не одни вещественные памятники могутъ пролить свѣтъ на темныя страницы начальной русской исторіи. Балтійское поморье могло бы указать намъ не мало и другихъ слѣдовъ, подтверждающихъ связь его прежняго населенія съ народившеюся новою жизнью Россіи. Слѣды эти окажутся въ языкѣ поморянъ, въ существовавшихъ у нихъ обычаяхъ, привычкахъ, въ религіозныхъ (языческихъ) вѣрованіяхъ, въ складѣ соціальной жизни и т. д. Изъ совокупности этихъ источниковъ можно почерпнуть гораздо болѣе вѣскія и убѣдительныя доказательства о происхожденіи варяжской Руси, нежели изъ филологическаго толкованія имени Варанговъ и нѣсколькихъ другихъ русскихъ словъ, искаженныхъ въ передѣлкѣ у византійскихъ писателей (напр. названіе Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго), на которыхъ зиждется, вопреки историческому смыслу, норманская теорія.

Защитники норманской теоріи основъ Русскаго государства, начиная съ Байера и Шлецера, производятъ имя Варяговъ отъ скандинавскаго *Vaeringiar*, германскаго *Waeria*—защита, *Warda*—беречь, стеречь. Норманны, въ IX столѣтіи служившіе въ Византіи вмѣстѣ съ другими варварами въ качествѣ наемнаго войска, назывались по гречески *βάραγγοι*, а по германски *Waering*, что и послужило будто бы основою для имени Варяговъ. Слово

Верингъ означало такимъ образомъ федерацію или союзъ (отъ англосаксонскаго Waere и аллеманскаго Wara—pactum, foedus), а слѣдовательно имя варяговъ относилось не къ опредѣленному народу, а къ общинѣ или союзу, федераціи морскихъ промышленниковъ или пиратовъ, гдѣ могли находиться разныя національности. Изъ такой федераціи, въ родѣ русскаго казачества, иногда выдѣлялись дружины, нанимавшіяся служить въ качествѣ наемнаго войска въ Византіи (готскіе федераты), но чаще они образовали шайки морскихъ разбойниковъ, громившихъ прибрежныя страны. Большею частью это были норманны (шведы, датчане), но въ федераціи участвовали также и Балтійскіе венеты. Изъ такой морской вольницы русскіе историки норманской школы производятъ нашихъ первыхъ князей, призванныхъ изъ-за моря для установленія гражданскаго порядка въ русской землѣ и положившихъ начало русскому государству. Искуственность этой теоріи бросалась въ глаза съ перваго раза и вызвала основательныя возраженія со стороны нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ, не принадлежавшихъ къ норманскому лагерю. Это породило цѣлую полемическую литературу, начавшуюся болѣе ста лѣтъ тому назадъ и до сихъ поръ не приведенную къ окончательному результату. Въ числѣ спорныхъ пунктовъ не послѣднее мѣсто занимало имя варяговъ, такъ какъ на немъ, а не на исторической логикѣ главнымъ образомъ основывалась норманская школа.

Защитники славянской теоріи варяговъ производили это слово отъ древне-славянскаго *варяю,—варяти*, идти впередъ, *предварять*—предупреждать кого или что. Въ отношеніи къ народу слово варягъ въ этомъ случаѣ значило бы передовой, піонеръ, что логически и исторически соотвѣтствовало бы значенію венетовъ, какъ передовой волны славянства, ранѣе другихъ вошедшаго въ соприкосновеніе съ образованнымъ міромъ и прежде другихъ развившаго у себя начала благоустройства и гражданственности. Но эта этимологія слова варягъ была отвергнута, какъ несоотвѣтствующая, по мнѣнію филологовъ, законамъ славянской лингвистики и словопроизводства. Имя варягъ старались непремѣнно сопоставить съ скандинавскимъ варангъ, предполагая, что въ буквѣ *я* должны существовать слѣды ринизма. Поэтому Потоцкій, Бутковъ и Гедеоновъ указываютъ на другое слово, отысканное въ старомъ балтійско-славянскомъ словарѣ древанскаго нарѣчія, именно *Warang*, что значитъ мечь,—отсюда полабское *варангъ*—мечникъ, меченосецъ, русское *варягъ*. При этомъ Гедеоновъ замѣчаетъ, что «у Балтійскихъ вендовъ, судя по дошедшимъ до насъ остаткамъ ихъ древняго языка, господствовало, при обычной наклонности западныхъ славянскихъ нарѣчій къ ринизму, особое влеченіе къ усвоенію себѣ литовскихъ окончаній и звуковъ на *ang*, *ank*, ung и т. д. Они говорили дитя—*tetang*, рамо—*ramang*, имя—*geimang*, вечеря—*wützerang*, щенокъ—*stinang*, паукъ—*poyang* и

т. д. Подобно тому у нихъ могла существовать и форма *Warang*, по рускому произношенію *варягъ*» (*Гедеоновъ.* о варяжскомъ вопросѣ стр. 159). Трудно судить, на сколько все это примѣнимо къ разрѣшенію варяжскаго вопроса. Казалось бы проще и убѣдительнѣе въ данномъ случаѣ руководиться не этимологическими тонкостями, а совокупностью историческихъ фактовъ, которые яснѣе говорятъ въ пользу одноплеменности варяговъ съ Балтійскими славянами, т. е. венетами.

Имя скандинавскихъ варанговъ, является не ранѣе IX столѣтія, послѣ того, когда появились византійскія извѣстія о βαραγγ'ахъ, служившихъ въ Греціи въ качествѣ наемнаго войска. Въ самой Скандинавіи это имя было совсѣмъ не обычное, скорѣе книжное, чѣмъ народное. Иначе оно является на Руси. Здѣсь слово варягъ имѣло точный смыслъ, примѣнялось къ опредѣленному народу, сохранилось въ письменности и въ преданіи до позднѣйшихъ временъ и запечатлѣлось на географическихъ или бытовыхъ терминахъ. Несторъ, говоря о варягахъ, могъ знать въ точности, что это за народъ, ибо въ его время варяжская дружина и варяжскіе гости были на Руси явленіемъ обыкновеннымъ. Отъ нихъ самихъ онъ могъ узнать нѣкоторыя подробности не только національныхъ отношеній ихъ къ славянамъ, но и о тѣхъ краяхъ, откуда они приходили. Въ этомъ отношеніи свѣдѣнія, сообщенныя Несторомъ, могли бы имѣть больше значенія, чѣмъ отрывочные факты, сообщаемые византійцами, германцами и позднѣе арабами. Что же мы узнаемъ изъ Нестора?—1) Ни о какой федераціи или разноплеменномъ союзѣ, носившемъ имя варяговъ, онъ не говоритъ ни слова. Въ его повѣствованіи варяги являются опредѣленной страной и народомъ. Онъ описываетъ путь «изъ Варягъ въ Греки», чѣмъ точно опредѣляетъ, что Варяги были не община, не сословіе, а особая народность, занимавшая опредѣленную страну. Балтійское море онъ называетъ *Варяжскимъ*. Это названіе существовало только у русскихъ славянъ, замѣняя старое западное имя *Oceanus Sarmaticus* или *Venedicus sinus*; у норманновъ оно называлось *Ostersalt*. Названіе моря взято, очевидно, не отъ сословія купцовъ или дружинниковъ, а отъ имени народности. По тому же принципу получили свои имена: море Русское (Черное), Хвалынское (Каспійское, отъ хвалисовъ), море Нѣмецкое (mare Germanicum). Все это ясно показываетъ, что варяги были не федерація, а народъ, и Несторъ не могъ иначе понимать ихъ какъ въ этомъ смыслѣ. 2) Національность Варяговъ Несторъ, повидимому, не причисляетъ къ чистой славянской семьѣ. О славянахъ онъ говоритъ: «по мнозѣхъ же временехъ (послѣ столпотворенія Вавилонскаго) сѣли суть словѣни на Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ словѣнъ (т. е. отъ древне-болгарскихъ, иначе ѳракійскихъ и карпатскихъ) разыдошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣша на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ

имянемъ Морава и прозвашася Морава, а друзіи Чеси нарѣкошася; а се ти же славѣни—Хровате бѣліи, и Сербь, и Хорутане.... Словени же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове-друзіи Лужичи, ини Мазовшане, ини Поморяне (далѣе идетъ перечисленіе русскихъ славянъ). Тако разидеся словѣнскій языкъ.»

По мѣсту, занимаемому въ начальной лѣтописи и по послѣдовательности этого повѣствованія, оно очевидно относится ко временамъ отдаленнымъ, о которыхъ у славянъ сохранилось только преданіе. За этимъ отрывкомъ слѣдуетъ описаніе пути изъ Варягъ въ Греки, а дальше идетъ повѣствованіе о благовѣстіи апостола Андрея. По порядку изложенія можно думать, что приведенный отрывокъ долженъ относиться приблизительно къ эпохѣ около Р. Х. При перечисленіи Балтійскихъ славянъ здѣсь упоминаются Несторомъ только Поморяне, но ни слова не сказано ни о варягахъ, ни о венетахъ. Сомнительно, чтобы Несторъ совсѣмъ не зналъ объ ихъ существованіи, но варяговъ онъ перечисляетъ въ общей космографіи, на ряду съ прочими европейскими народностями, венетовъ же совсѣмъ не называетъ. Слѣдуетъ ли отсюда заключать, что Несторъ не считалъ венетовъ или варяговъ своими соплеменниками? Вывести такое заключеніе едва ли возможно. Когда писалась русская начальная лѣтопись (около 2½ столѣтій послѣ основанія русскаго государства), венеты, какъ и всѣ Балтійскіе славяне были уже, если можно такъ выразиться, исключены изъ общей славянской семьи, не смотря на свое несомнѣнное славянство. Оторванные отъ славянскаго центра, окруженные датчанами и германцами, они во времена Нестора уже не имѣли самостоятельнаго народнаго значенія, почему лѣтописецъ имѣлъ основаніе не упоминать объ нихъ при перечисленіи славянскихъ народностей.

Прибавленіе къ 1-й и 2-й главѣ.

Замѣтка о русскомъ судоходствѣ и мореходствѣ, въ связи съ объясненіемъ происхожденія сибирскихъ городищъ.

Вопросъ о плаваніи древнихъ жителей Россіи и Сибири по большимъ сѣвернымъ рѣкамъ, а, можетъ быть, отчасти и по Ледовитому океану имѣетъ важное археологическое значеніе. Что рѣчное судоходство существовало здѣсь въ глубокой древности, это не подлежитъ сомнѣнію. Этотъ фактъ подтверждается: 1) расположеніемъ почти всѣхъ городищъ, примыкавшихъ открытою стороною непосредственно къ судоходной рѣкѣ, слѣдовательно разсчитанныхъ на отступленіе, въ случаѣ крайности, водянымъ путемъ. 2) Большая часть древнихъ городковъ, расположенныхъ по торговымъ рѣчнымъ путямъ, видимо были разсчитаны на охрану этихъ путей, какъ опорные пункты среди инородческаго чудскаго населенія (напр. по Камѣ, Вяткѣ, Иртышу, Турѣ и

Тавдѣ). 3) Въ этихъ городищахъ, иногда очень далеко на сѣверъ, напр. въ Обдорскомъ и Печерскомъ краѣ, нерѣдко были находимы бронзовые и серебряные предметы южнаго происхожденія, въ томъ числѣ древнія персидскія монеты, серебряные сосуды, металлическія зеркала съ греческимъ орнаментомъ и съ рисунками южной природы (въ Пермскихъ древностяхъ и въ Тобольскомъ музеѣ). Очевидно, что предметы далекой южной торговли проникали сюда при помощи рѣчнаго судоходства. 4) Арійскія, или прямо славянскія названія сѣверныхъ рѣкъ, напр. Двины, Печоры, Оби, также подтверждаютъ, что имена эти даны не мѣстными обитателями сѣверныхъ тундръ, а арійскимъ народомъ, господствовавшимъ на этихъ рѣчныхъ путяхъ, вѣроятнѣе всего восточными славянами.

Между тѣмъ въ русской исторіи почему-то укоренилось мнѣніе, что наши предки не были склонны къ судоходству. Это недоразумѣніе можно объяснить только скудостью историческихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ и недостаточнымъ вниманіемъ къ нашимъ древностямъ. Какъ ни скудны, однако-же, такія свѣдѣнія, сообщаемыя нашими лѣтописцами, но и по нимъ можно видѣть, что о судоходствѣ и мореходствѣ на Руси извѣстно съ того самаго времени, какъ началась наша историческая Русь. Самый фактъ призванія князей изъ-за моря показываетъ, что новгородцы умѣли пользоваться морскою стихіей. Я не буду говорить о плаваніи по Днѣпру и Западной Двинѣ (путь изъ варягъ въ греки), существовавшемъ задолго до призванія князей, о плаваніи Руссовъ по Камѣ и Волгѣ, по свидѣтельству арабскихъ писателей, и о многихъ другихъ несомнѣнныхъ фактахъ, подтверждающихъ мореходныя и судоходныя способности древнихъ славянъ*). Остановлюсь на водахъ крайняго сѣвера, какъ имѣющихъ болѣе близкое отношеніе къ сибирской археологіи. Историческихъ данныхъ мы имѣемъ здѣсь очень не много, но изъ того, что занесено въ лѣтописи, можно видѣть, что съ первыхъ же лѣтъ нашей гражданской исторіи мы являемся уже знакомыми съ приморскимъ сѣверомъ Россіи.

Описывая распредѣленіе славянскихъ родовъ и перечисляя вмѣстѣ съ тѣмъ иноязычныхъ данниковъ Руси, Несторъ упоминаетъ въ числѣ послѣднихъ *Пермь* и *Печору*. Изъ этого видно, что съ печерскимъ и пермскимъ краемъ Русь была знакома издавна. Сообщеніе съ этими далекими краями

*) Преподобный Несторъ въ самомъ началѣ своей лѣтописи подробно описываетъ существовавшіе въ его время водные пути, очевидно, руководясь не одними византійскими источниками. „Изъ Грекъ по Днѣпру, и вверхъ Днѣпра волокъ до Ловати, по Ловати внити въ Илмерь озеро великое, изъ него же озера потечетъ Волховъ и втечетъ въ озеро великое Нево; того озера внидетъ устье въ море Варяжское, и по тому морю идти до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю (т. е. тоже моремъ) къ Царю-Граду, а отъ Царя-Града прити въ Понтъ море, еже словеть Русское, въ не же втечетъ Днѣпръ рѣка.... А Двина идетъ на полунощье, и впадетъ въ море Варяжское" и. т. д.

совершалось по рѣкамъ, переходя *волокомъ*, гдѣ необходимо, съ одного рѣчнаго бассейна въ другой. Поэтому страны между Двиною и Печерою въ IX в. назывались *Заволоцкою Чудью*. Въ X—XI в. Двинское поморье уже было заселено русскими. Въ началѣ XII в. при устьѣ Двины существовалъ Заволоцкій монастырь во имя архангела Михаила. Не позже этого времени началось и мореходство по Сѣверному океану. Въ лѣтописи по Софійскому, Воскресенскому и Никоновскому спискамъ подъ 1032 годомъ значится, что «Великій Князь Ярославъ поча городы ставити на Руси. Того же лѣта Улѣбъ иде на *желѣзныя врата* изъ Новгорода, и вспять мало ихъ возвратишася, но мнози тамо погибоша». Подъ желѣзными вратами разумѣлись проливы между Новою Землею и остр. Вайгачемъ (нынѣ Карскія ворота); также назывались два пролива въ Бѣломъ морѣ, между островами Соловецкимъ и Муксалмы и между сѣверною оконечностью Мудьюжскаго острова и материкомъ*). Это первое лѣтописное свѣдѣніе о плаваніи русскихъ по Ледовитому океану. Въ 1421 г. была основана на Бѣломъ морѣ Соловецкая обитель. Въ 1499 г. былъ построенъ князьями Курбскимъ, Ушатовымъ и Заболоцкимъ—Пустозерскій острогъ, въ 100 верстахъ отъ устья р. Печоры. Около 1500 г. на географическихъ картахъ западной Европы уже отмѣчали островъ *Новая Земля* съ этимъ русскимъ названіемъ**). Въ 1556 г., когда этотъ островъ посѣтилъ первый изъ европейскихъ путешественниковъ, Стефанъ *Баррафъ*, онъ уже нашелъ тамъ суда русскихъ промышленниковъ, хорошо знакомыхъ съ фарватеромъ и страною. *Норденшильдъ*, въ описаніи своего недавняго путешествія вокругъ Европы и Азіи на пароходѣ Вега, по этому поводу замѣчаетъ: «Весьма даже вѣроятно, что также, какъ самая сѣверная часть Норвегіи тысячу лѣтъ тому назадъ была извѣстна не только бродячимъ Лапландцамъ, но и норманнамъ съ квенами,—о странахъ около Югорскаго шара и острова Вайгача знали за нѣсколько столѣтій до Баррафа» ***). Далѣе, при подробномъ изложеніи путешествія этого мореходца, Норденшильдъ замѣчаетъ (стр. 216), что въ половинѣ XVI столѣтія существовало довольно развитое русское мореходство не только между Бѣлымъ моремъ и Новою Землею, но даже морскія плаванія до устья Оби. Русскіе, по свидѣтельству Баррафа, были смѣлые и хорошіе моряки, они обладали хорошими судами, скорость которыхъ при попутномъ вѣтрѣ даже превосходила скорость англійскихъ судовъ (къ сочиненію приложены и рисунки русской морской ладьи). Изъ описанія путешествія голландцевъ въ 1595 г. мы узнаемъ, что русскіе

*) *Литке.* Четырехкратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый Океанъ. Спб. 1828. ч. I, стр. 8.

**) *Witsen*, Nord end ost Tartarye, p. 928. *Литке.* 1 с., стр. 13.

***) Путешествіе А. Э. Норденшильда на пароходѣ Вега съ 1878—1880 г. Русск. перев. Спб. стр. 206.

сѣверные моряки ежегодно ходили въ то время черезъ Вайгачскій проливъ не только до Оби, но и до устья Енисея (тамъ же, стр. 233). Отважные походы русскихъ казаковъ по сибирскимъ рѣкамъ и морямъ въ XVII столѣтіи (Дежневъ, Хабаровъ, Поярковъ и др.) хорошо извѣстны изъ сибирской исторіи.

Изъ вышеприведенной исторической справки видно, какъ давно и какъ широко пользовалась сѣверная Русь рѣчнымъ и даже морскимъ судоходствомъ. Конечно, лѣтопись не могла исчерпать всего, что совершалось на далекомъ сѣверѣ; тѣмъ болѣе она не касалась временъ доисторическихъ, стоящихъ внѣ лѣтописнаго повѣствованія, но уже изъ тѣхъ данныхъ, какія занесены на писанныя страницы, можно видѣть, что Россія выучилась судоходству и мореходству не отъ пресловутыхъ норманновъ.

Теперь спрашивается: кто же могли быть тѣ древніе плаватели по сибирскимъ рѣкамъ, которые унизали берега ихъ укрѣпленными городищами? На это можетъ быть одинъ отвѣтъ: это былъ тотъ народъ, который далъ имена главнѣйшимъ сѣвернымъ рѣкамъ: Оби, Печорѣ, Двинѣ,—который открылъ и наименовалъ островъ Новую землю и проливы Ледовитаго или студенаго моря (Югорскій, Маточкинъ шаръ*),—который раньше другихъ мореходцевъ завладѣлъ берегами сѣверныхъ морей и держалъ въ своихъ рукахъ съ незапамятныхъ временъ сибирскую пушную торговлю, а по русскимъ лѣтописямъ привозилъ отсюда закамское серебро**). Исторія прямо указываетъ, что этотъ народъ—были Новгородцы. Они плавали по Варяжскому (Балтійскому) морю еще ранѣе такъ называемаго норманскаго періода, они же, естественнѣе всего, могли завладѣть и сѣверными морями. Такъ было въ предъисторическое время, тоже повторилось при завладѣніи Сибирью послѣ Ермака. Въ XVI и XVII вѣкѣ Новгородцы, Архангельцы и Вологжане повторили старинную доисторическую систему подчиненія себѣ сѣверной инородческой страны и для тѣхъ же цѣлей, какъ и въ древности, т. е. для прибыльной пушной торговли,—строя «на усторожливыхъ мѣстахъ», по бере-

*) Названіе *Югорскаго шара* было извѣстно европейскимъ географамъ въ 1611 году (Норденшильдъ. 1 с., стр. 163).

**) Вопросъ о знаменитомъ въ лѣтописяхъ закамскомъ серебрѣ до сихъ поръ остается не разъясненнымъ. Высказывалось мнѣніе, будто серебряные рудники существовали на Новой землѣ (тамъ есть мѣсто, называемое губа Серебрянка), но это едва ли вѣрно. Предполагали также, что закамское серебро добывалось въ зырянскомъ краѣ, на притокахъ Печоры, гдѣ дѣйствительно существуютъ серебряныя и мѣдныя руды, разработывавшіяся при Великомъ князѣ Иванѣ III въ 1491 г. (Клавдій *Поповъ*. Зыряне и зырянскій край. 1874 г. Москва. стр. 41), но и это мнѣніе не вполнѣ согласуется съ исторіей русской промышленности. Правдоподобнѣе предполагать, что это серебро шло изъ Пермскаго края (древней Біарміи) съ водораздѣла Печоры и Камы, гдѣ до сихъ поръ находятъ много древнихъ серебряныхъ вещей, рублевыхъ серебряныхъ слитковъ и старыхъ персидскихъ монетъ. Серебро вѣроятно притекало сюда съ юга въ обмѣнъ на пушные товары (соболя), а съ Камы попадало уже въ центральную Русь, потому называлось *закамскимъ*.

гамъ судоходныхъ рѣкъ остроги и укрѣпленные городки. Читая сибирскую исторію этого времени, видя воочію, какъ въ теченіе немногихъ десятковъ лѣтъ преемники Ермака обошли на своихъ судахъ всю западную и восточную Сибирь, до Камчатки и Берингова пролива включительно, невольно переносишься въ древнюю археологическую эпоху и представляешь себѣ ту же систему дѣйствій и, по всей вѣроятности, тѣхъ же людей, только на X—XV вѣковъ раньше. Въ теченіе такого длиннаго періода времени система отношеній къ инородцамъ, очевидно, не прерывалась, но примѣнялась она не въ одинаковомъ масштабѣ: то ширѣ, то ограниченнѣе. И скиѳы временъ Геродота, и Камскіе болгары и новгородцы послѣ IX в. всегда тяготѣли къ сѣверу, на немъ основывали свою богатую торговлю, отлично знали эти пути и старались удержать ихъ за собой по мѣрѣ возможности. Съ теченіемъ вѣковъ это обратилось въ родъ инстинкта, въ наслѣдственную народную привычку, и этимъ объясняется фактъ неожиданнаго и какъ бы излишняго по тому времени завоеванія безмѣрныхъ пространствъ Сибири въ XVII вѣкѣ, лишь только Россіи удалось свергнуть съ себя главное препятствіе въ этомъ дѣлѣ—татарское иго.

Рѣчное судоходство и мореходство у того или другого народа обыкновенно развивается въ связи съ географическимъ положеніемъ страны. Населенію, не имѣющему прямаго соприкосновенія съ моремъ, трудно развить у себя мореходныя способности. Равнымъ образомъ жители маловодныхъ степей, по природѣ страны должны были пользоваться только караванными путями, при которыхъ верблюдъ, лошадь или волъ замѣняли ладью и корабль.

Относительно нашихъ предковъ, скиѳовъ и сарматовъ, было извѣстно, что они жили въ степяхъ нынѣшней южной Россіи; конь и повозка были обычнымъ способомъ ихъ передвиженій. Поэтому утвердилось мнѣніе, что славяне никогда не пользовались водяными путями, не были народомъ судоходнымъ. Этотъ взглядъ настолько укоренился въ наукѣ, что даже и послѣ образованія Россійскаго государства нашимъ предкамъ отказывали въ судоходныхъ способностяхъ, утверждая, что мы выучились судостроенію отъ норманновъ и что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ у греческихъ, арабскихъ и персидскихъ писателей говорится о морскихъ походахъ руссовъ и славянъ, подъ руссами необходимо понимать скандинавское племя, такъ какъ славяне будто бы не умѣли плавать по морямъ *). Односторонность и крайность такого мнѣнія очевидны. Здѣсь упускаются изъ вниманія древнѣйшая исторія славянъ и ихъ географическое распространеніе. Не говоря уже о венетахъ, мореходное значеніе которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію (см. выше

*) *Дорнъ.* О походахъ древнихъ русскихъ въ Табаристанъ. Спб. 1875. Другіе историки норманской школы держатся того же взгляда.

стр. 48), нельзя забывать, что славяне съ давнихъ поръ соприкасались съ восточнымъ берегомъ Балтійскаго моря, участвовали въ древней сѣверной торговлѣ съ греческими черноморскими колоніями, плавая по рѣкамъ, соединяющимъ эти моря. Жители центральной, сѣверной и восточной Россіи не могли обойтись безъ судоходства. Въ мѣстахъ лѣсистыхъ и болотистыхъ рѣки служили единственными путями сообщенія. Волга съ ея притоками, прорѣзая и оплетая всю страну, неизбѣжно должна была развить у сѣверныхъ славянъ привычку и любовь къ судоходству. Камскіе болгары, равно какъ и новгородцы съ давнихъ поръ пользовались этими роскошными водяными путями, проникали въ Каспійское море и черезъ него имѣли сношенія съ Персіей. При столь благопріятныхъ гидрографическихъ условіяхъ, можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, что сѣверные славяне издавна знали судоходство и мореходство, и что они учились этому никакъ не у норманновъ.

Со времени появленія русской письменности, въ церковно-славянскомъ и въ лѣтописномъ русскомъ языкѣ оказывается уже полная, безъ сомнѣнія выработанная гораздо раньше, терминологія русскаго судоходнаго дѣла. Нашимъ предкамъ давно были знакомы слова: *ладья, челнокъ, корабль, парусъ* и т. д. Эти слова сохранились въ той же формѣ и значеніи во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, южныхъ, западныхъ и сѣверныхъ, какъ общія, праславянскія. Замѣчаніе *Дорна*, что слово *ладья* произошло отъ литовскаго *eldija* или исландскаго *elliöi* (l. c. Каспій, стр. 58), едва-ли можетъ убѣдить въ томъ, что славяне самостоятельно не имѣли даже простой парусной лодки. Слово *lotja*, перешедшее въ финскіе языки, очевидно, заимствовано отъ славянъ. Если даже принять за первоначальную форму литовское eldija, или древне-славянское *алдія*, то и въ этомъ случаѣ ладья останется славянскимъ словомъ, можетъ быть образовавшимся на Балтійскомъ побережьѣ у литовскихъ или венетскихъ мореходовъ. Венгерское *ladik* и русское *лодка*, образовавшееся изъ ладьи, какъ уменьшительное имя, должно было появиться у мадьяръ еще на прежней ихъ родинѣ, т. е. въ сосѣдствѣ съ Камской Болгаріей, гдѣ они усвоили отъ славянъ первые начатки культуры и восприняли въ свой языкъ множество славянскихъ культурныхъ словъ.

Слово *корабль* встрѣчается въ нашихъ самыхъ старыхъ письменныхъ памятникахъ, въ томъ числѣ и въ Остромировомъ евангеліи, въ опредѣленномъ значеніи большаго палубнаго судна. При переводѣ священныхъ книгъ на славянскій языкъ это слово не было взято съ греческаго, такъ какъ тамъ соотвѣтственно ему всегда стоитъ не κάραβος, а πλοῖον. Первое изъ этихъ словъ у древнихъ греческихъ авторовъ не встрѣчается, а принадлежитъ новогреческому языку. По этому происхожденіе его слѣдуетъ искать не на востокѣ, а на западѣ. Здѣсь мы имѣемъ литовское *karabli-us*, *karabl-is* и латинское *corbita*, *corbis*,—грузовое судно, *корветта* (Плавтъ, Ци-

церонъ*). Сюда же принадлежатъ испанское *cáraba*, *carabella*, итальянское *caravella* и французское *caravelle*,—морское судно.

Нельзя сказать, чтобы всѣ эти слова указывали на скандинавское происхожденіе. Даже и то сомнительно, чтобы корабль происходилъ отъ латинскаго corbis, corbita. Скорѣе можно думать, что это было коренное славянское слово, взятое отъ *коробъ*, церковнославянское *крабій*, богемское *корба*—деревянный ящикъ.—Отсюда же и латышское *kârbe*—рыбачья лодка. Изъ слова коробъ легко могло образоваться слово корабль, какъ изъ древне-славянскаго судъ (со-судъ, по-суда)—ящикъ, вмѣстилище, образовалось впослѣдствіи судно.

Изъ приведенныхъ лингвистическихъ данныхъ можно заключить, что первое понятіе о кораблѣ появилось либо у балтійскихъ венетовъ, либо у смежныхъ съ ними литовцевъ. Венеты, какъ мы видѣли выше, отличались высокими мореходными качествами (данныя Юлія Цезаря), имѣли большія морскія суда, на которыхъ плавали, между прочимъ, и по Балтійскому морю, гдѣ могли передать мореходное искусство одноплеменнымъ имъ сѣвернымъ славянамъ (впослѣдствіи новгородцамъ). Такая догадка, по моему мнѣнію, ближе къ истинѣ, нежели предположенія норманнской исторической школы о производствѣ нашей мореходной терминологіи съ шведскаго или нѣмецкаго языка.

Защитники норманскихъ началъ въ славянской культурѣ, въ числѣ доказательствъ нашей мнимой неспособности къ мореплаванію, обыкновенно ссылаются на извѣстное свидѣтельство Константина Багрянороднаго о русскихъ однодеревкахъ (моноксилахъ). Мнѣ кажется, этому свидѣтельству придается слишкомъ много рѣшающаго значенія, или, можетъ быть, объясняется оно слишкомъ буквально. Оно не совсѣмъ гармонируетъ съ русскими лѣтописями и съ другими арабскими и византійскими источниками, изъ которыхъ мы видимъ, какіе отважные и побѣдоносные набѣги дѣлали руссы и славяне на прибрежные города Чернаго и Каспійскаго моря. Приведемъ для примѣра одинъ относящійся сюда отрывокъ изъ русской лѣтописи: «Въ лѣто 6551 паки на весну посла великій князь Ярославъ сына своего Володимера на греки, давъ ему воя многи: Варяги, Русь, и воеводство поручи Вышатѣ, Яневу отцю. И поиде Володимеръ на *Царьградъ въ ладіяхъ* и прошедъ пороги, и пріидоша къ Дунаю; и варяги рекоша: поидемъ въ лодіяхъ по Градъ. И послуша Володимеръ варягъ, и отъ Дуная поиде Володимеръ къ Царь-Граду. Грецы же видѣвше, и изыдоша на море, и начаша погружати въ

*) Какъ въ латинскомъ языкѣ есть слово carabus, морской ракъ, краббъ (у Плинія), такъ и въ древнегреческомъ было κάραβοσ въ смыслѣ жука (scarabaeus) и морскаго рака, но эти слова едва-ли могли имѣть какое либо отношеніе къ кораблю, кромѣ случайнаго созвучія.

море пелены Христовы съ мощами святыхъ, и Божіимъ гнѣвомъ возмутися море и громъ бысть великъ и силенъ, и бысть буря велика, и начаше *лодіи разбивати*, и *разби корабли*, и побѣгоша варязи воспять; и княжъ корабль Володимеровъ вѣтръ разби, и одва Иванъ Творимиричъ князя Володимера *всади во свой корабль*, и воеводу Ярославля. Прочіи же вои Володимеровы вывръжени быша на брегъ, числомъ 6000, и сташа на брезѣ нази, и хотяще поити въ Русь, и не иде съ ними никтоже отъ дружины княжія.... И бысть вѣсть грекомъ, яко избило море Русь, и посла царь, именемъ Мономахъ, *по Руси* во слѣдъ *олядн**) 14; Володимеръ же видѣ вьи его яко идутъ по нихъ, и воспятився изби оляди греческія, и возвратися на Русь. Вышату же яша (греки) со изврьженными на брезѣ, и приведоша я ко Царюграду и ослѣпиша Руси много» **).

Изъ приведеннаго отрывка видно, что въ 1043 г. наши предки, въ числѣ свыше 6000 человѣкъ, ходили въ ладьяхъ вдоль берега Чернаго моря до Констачтинополя, не страшась греческаго флота. Только случайно поднявшаяся сильная буря разметала часть ихъ судовъ и помогла грекамъ прогнать непріятелей. Не смотря на постигшее Руссовъ крушеніе, вслѣдствіе котораго большая часть ихъ вынуждены были искать спасенія на берегу, оставшіеся въ ладьяхъ все-таки отразили нападеніе греческаго флота и возвратились невредимо во свояси. Въ числѣ русскихъ судовъ были *ладьи* и *корабли*. Послѣдніе, вѣроятно, отличались отъ первыхъ размѣромъ и устройствомъ. Во всякомъ случаѣ это не могли быть однодеревки въ томъ смыслѣ, какъ объясняютъ наши историки извѣстія Константина Багрянороднаго. Уже одно то обстоятельство, что на ладьяхъ пришло къ Царьграду болѣе 6000 человѣкъ показываетъ, что такое многочисленное войско, съ оружіемъ и припасами, невозможно перевезти по бурному морю и на такомъ большомъ разстояніи въ долбленыхъ плоскодонныхъ челнокахъ, могущихъ поднимать не болѣе 2—3 человѣкъ.

Положимъ, древніе корабли вообще не отличались большими размѣрами ни у римлянъ, ни у грековъ ***), но все же это были настоящія мореходныя сооруженія. Венеты, какъ мы видѣли выше (по описанію Юлія Цезаря), строили корабли больше римскихъ и отлично приспособляли ихъ къ условіямъ плаванія по бурнымъ сѣвернымъ морямъ. Я не вижу причинъ сомнѣваться, почему бы балтійскіе славяне, какъ непосредственное поколѣніе тѣхъ

*) Олядь соотвѣтствуетъ греческому названію длиннаго морскаго судна Χελάνδιον.

**) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Спб. 1856, 4°, лѣтопись по Воскресенскому списку, ч. 7, стр. 331.

***) Греческія *хеландіи* считались сравнительно большими кораблями, употреблявшимися также для перевозки конницы. Они глубоко сидѣли въ водѣ, были длинны и неуклюжи, на подобіе нынѣшнихъ барокъ средней величины. Далекій отголосокъ имени *хеландій* остался въ русскомъ языкѣ въ словѣ *шеланда*, въ значеніи рѣчнаго плоскодоннаго судна или порома.

же венетовъ, все время жившее у моря и пользовавшееся выгодами приморской страны, не могли передать своего искусства судостроенія одноплеменнымъ имъ руссамъ и новгородскимъ славянамъ, чувствовавшимъ въ этомъ настоятельную потребность. Поэтому въ русскихъ словахъ ладья и корабль я охотнѣе допускаю понятіе о палубномъ суднѣ (въ родѣ позднѣйшаго струга, или барки), чѣмъ о лодкѣ-однодеревкѣ.

Величина и форма древнихъ русскихъ судовъ безъ сомнѣнія примѣнялись къ ихъ назначенію. Одно дѣло рѣчное плаваніе, другое дѣло—отдаленныя морскія поѣздки. Рѣки съ своей стороны тоже требовали судовъ различной осадки, смотря по глубинѣ фарватера. При этомъ необходимо имѣть въ виду еще одно важное условіе древняго плаванія, именно переволакиваніе судовъ съ одного рѣчнаго бассейна въ другой. Въ древней Россіи, когда не было еще устроенныхъ сухопутныхъ дорогъ, такихъ междурѣчныхъ пунктовъ было очень много. Они назывались волоками (отсюда Заволочье, гор. Волочекъ, Волоколамскъ и т. п.). Слово волокъ показываетъ, что въ такихъ случаяхъ суда *переволакивались* по землѣ, можетъ быть при помощи катковъ или подставныхъ колесъ, какъ это дѣлалось въ болѣе позднее время. На это выраженіе мы обращаемъ вниманіе потому, что оно можетъ указывать на значительный размѣръ судовъ; ибо небольшую легкую лодку нѣтъ необходимости волочить по землѣ,—ее свободно можно нести на рукахъ, какъ это дѣлаютъ нынѣ сибирскіе сѣверные инородцы съ своими берестяными и выдолбленными изъ дерева легкими лодками*) (обласками). Тѣмъ не менѣе волоковое судно не могло быть такого же размѣра, какъ предназначенное для большихъ рѣкъ, по той причинѣ, что сходящіяся къ волоку вершины притоковъ обыкновенно имѣютъ малую глубину и ширину. Но даже и въ этихъ случаяхъ русскіе едва ли пользовались однодеревками, такъ какъ они по величинѣ своей мало пригодны для далекихъ путешествій, когда нужно было переходить съ большой воды на малую и везти съ собой значительный грузъ съѣстныхъ припасовъ и товаровъ. Размѣръ моноксилы естественно ограничивался величиной растущаго въ нашихъ широтахъ дерева и никогда не могъ превышать нынѣшняго обыкновеннаго челнока. Понятно, что на такихъ утлыхъ ладьяхъ нельзя было производить морскіе набѣги на Византію, съ многочисленнымъ войскомъ, или громить прибрежные города Персіи, какъ это многократно дѣлали руссы и славяне. Тѣ моно

*) Это настоящія моноксилы, сдѣланныя изъ одного цѣльнаго дерева, очень легкія, но крайне неустойчивыя на водѣ. Необходимо большое искусство остяка или самоѣда, чтобы держать равновѣсіе на такой лодкѣ, даже при слабомъ рѣчномъ волненіи. Въ нее обыкновенно садятся не болѣе 2 — 3 человѣкъ. Такія же однодеревки иногда употребляютъ русскіе крестьяне для плаванія по тихимъ водамъ (по озеру или небольшой рѣкѣ), когда нѣтъ волненія. Въ Пермской губерніи такая однодеревка называется *батъ*. О морскомъ плаваніи на этихъ посудинахъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи.

ксилы, о которыхъ говоритъ Багрянородный, могли служить развѣ для перевозовъ черезъ рѣки, или для плаванія по рѣкамъ, но не по морямъ.

Мы позволили себѣ сдѣлать эту замѣтку о русскомъ судоходствѣ по двумъ причинамъ, связаннымъ съ задачами нашего изслѣдованія. Во первыхъ, какъ уже было сказано въ началѣ замѣтки, съ этимъ вопросомъ связывается объясненіе нашихъ древнихъ городищъ, строившихся всегда при рѣкѣ, или даже при двухъ рѣкахъ, и, очевидно, разсчитанныхъ на судоходство. Слѣдовательно, если бы въ русской исторіи не оказалось никакихъ данныхъ относительно существованія у насъ болѣе или менѣе развитаго судоходнаго дѣла, то мы не имѣли бы тогда основанія связывать эти городища съ нашимъ доисторическимъ прошлымъ. Второю причиною, заставившею насъ остановиться на этомъ вопросѣ, послужило распространенное въ исторической литературѣ мнѣніе, будто бы сѣверные славяне совсѣмъ не имѣли склонности ни къ рѣчному судоходству, ни къ мореходству и не знали этого дѣла до тѣхъ поръ, пока ихъ не просвѣтили норманны. Раздѣляя такой, по нашему мнѣнію, неосновательный, взглядъ, мы должны бы были отказаться отъ мысли связать съ славянскимъ племенемъ наибольшую часть доисторическихъ древностей нынѣшней европейской Россіи и Сибири, предоставивъ это либо другимъ европейскимъ народамъ, либо сѣвернымъ финнамъ. Но неужели 1000 или 1500 лѣтъ назадъ финны стояли выше славянъ по судоходству, или нашими сѣверными рѣками въ то время владѣли норманны? Ни то, ни другое невѣроятно. Потому мы думаемъ, основываясь, между прочимъ, и на этой замѣткѣ, что выборъ мѣстоположенія для древнихъ городищъ скорѣе можетъ служить однимъ изъ доказательствъ судоходныхъ способностей славянства, чѣмъ мнимое отсутствіе такихъ способностей, навязываемое славянству (до появленія норманновъ),—служить помѣхою къ тому, чтобы искать въ постройкѣ прирѣчныхъ доисторическихъ городовъ славянскую иниціативу.

ГЛАВА III.

Ѳракійскія племена.—Геты и Даки и отношенія ихъ къ славянству.—Императоръ Юстиніанъ и византійская культура.—Источники византизма.—Происхожденіе византійскаго архитектурнаго стиля.—Слѣды каменныхъ болгарскихъ городовъ на сѣверномъ Кавказѣ и по Волгѣ.—Формы и размѣры древняго кирпича, какъ матеріалъ для археологическихъ умозаключеній.

Исторія ѳрако-иллирійскихъ племенъ, не смотря на усердную разработку весьма солидными учеными, до сихъ поръ представляетъ много темнаго. Причина неясности главнымъ образомъ заключается въ томъ, что, разсуждая о древнемъ населеніи Балканскаго полуострова и основываясь на лѣтописныхъ названіяхъ дѣйствовавшихъ здѣсь народностей, часто упускаютъ изъ вниманія ихъ дѣйствительный племенной составъ. Слова «ѳракійскій», или «иллирійскій» сами по себѣ ничего не говорятъ объ этническомъ составѣ населенія; это не болѣе какъ географическій терминъ. Для того, чтобы съ нимъ соединялось опредѣленное представленіе, необходимо, хотя приблизительно, уяснить себѣ: какое племя можно разумѣть подъ ѳракійцами и иллирійцами, гдѣ и подъ какимъ именемъ живутъ потомки этого племени въ настоящее время? Историки весьма склонны разрѣшать, или правильнѣе отклонять такіе вопросы довольно обычной гипотезой о вымираніи древнихъ народовъ; но это не есть разрѣшеніе вопроса. Разсматривая древнюю исторію съ этой точки зрѣнія, мы лишили бы ее реальной основы. Она не многимъ отличалась бы отъ сказки, или отъ миѳа, если бы не имѣлось въ виду разрѣшить, кого именно нужно разумѣть подъ дѣйствовавшими народами, напр. вавилонянами, ассиріянами, мидянами, парѳами и т. п. Историки нашего времени не ограничиваются описаніемъ царствъ и хода событій. Они стараются по возможности возстановить связь между древнимъ и новымъ міромъ не только въ смыслѣ послѣдовательныхъ культурныхъ теченій, но также и въ живой народной преемственности.

Съ точки зрѣнія натуралиста и антрополога не только человѣческія расы, но и основныя народности отличаются большою долговѣчностью. Трудно даже сказать, изчезло ли хотя бы одно племя съ тѣхъ поръ, какъ помнитъ себя человѣчество. Семиты, иранцы, индусы, эллины, кельты, славяне и гер-

манцы, точно также какъ и прочія племена земнаго шара существуютъ съ незапамятныхъ временъ, непрерывно, вплоть до нашихъ дней. Историческій возрастъ народовъ есть лишь условный терминъ, опредѣляющій ихъ историческую роль, но не выражающій нарожденія новыхъ народностей. Племя можетъ дробиться на вѣтви, перемѣнять мѣсто жительства, мѣнять свое имя, расцвѣтать и увядать; отдѣльныя его вѣтви могутъ исчезать совсѣмъ, вымирая или ассимилируясь другимъ племенемъ, но цѣлое племя не можетъ погибнуть. Основываясь на этомъ общемъ положеніи и примѣняя его къ ѳракійскимъ племенамъ, я нахожу возможнымъ искать народную связь между древнимъ населеніемъ Балканскаго полуострова и нынѣ живущими европейскими народностями, тѣмъ болѣе, что исторія ѳракійцевъ не представляетъ эпохи слишкомъ отдаленной.

Относительно ѳракійцевъ необходимо сдѣлать еще одно общее замѣчаніе. Всѣ входившія сюда народности несомнѣнно принадлежали къ индо-европейскимъ поколѣніямъ, слѣдовательно онѣ должны были входить въ ту или другую національную группу и имѣть въ Европѣ или въ Азіи своихъ соплеменниковъ, родственныхъ по языку и національному дѣленію племенъ *). Основныя національныя европейскія группы, какъ извѣстно, весьма немногосложны. Не считая элиновъ и латинцевъ, сюда могутъ быть отнесены только кельты, славяне и германцы (въ частности готы). Къ той или другой изъ этихъ народныхъ группъ должны были принадлежать и ѳракійцы, если не считать ихъ народомъ выморочнымъ, не оставившимъ послѣ себя ни родства, ни потомства.

Ѳракійскія племена представляютъ большой интересъ въ исторіи европейскихъ народовъ. Отъ ѳракійцевъ, участниковъ троянской войны, латинскіе писатели производили адріатическихъ венетовъ и даже часть самихъ римлянъ (Титъ Ливій **); черезъ Ѳракію же, вѣроятно, передвигалась когда-то изъ Азіи въ Европу значительная доля кельтовъ, германцевъ и славянъ. Послѣ паденія Трои нѣкоторыя ѳракійскія племена были ассимилированы греками (напр. македонцы), отъ другихъ остались въ настоящее время лишь незначительные обломки, наприм., албанцы, румыны, перемѣшавшіеся съ латинцами; но значительнѣйшая часть ѳракійскихъ народностей, передвинувшихся на сѣверъ къ Дунаю и на западъ къ Адріатическому морю, не потеряли своего національнаго характера. Въ числѣ этихъ послѣднихъ были *геты* и *даки*, хорошо извѣстные римскимъ писателямъ. По мнѣнію Шафарика, геты и даки—

*) См. гл. I. стр. 9 и 10.

**) По словамъ *Плинія*, разсказъ о троянскомъ происхожденіи венетовъ пущенъ въ ходъ *Катономъ* и *Корнеліемъ Непотомъ*. *Титъ Ливій* тоже начинаетъ свою исторію Рима повѣствованіемъ о переселеніи Антенора съ энетами изъ подъ разрушенной Трои въ новое отечество, на Адріатическое побережье. Антенора Римляне считали основателемъ перваго венетскаго города въ Италіи—Патавія. *Страбонъ* повторялъ тѣ же общераспространенныя легенды о странствованіяхъ Антенора съ венетами черезъ Ѳракію въ сѣверную Италію, но не признавалъ ихъ вѣроятными.

одинъ и тотъ же народъ, извѣстный только подъ двумя именами, подъ первымъ—грекамъ, подъ вторымъ—римлянамъ. Германскій ученый *Гриммъ* отождествляетъ *гетовъ* съ *готами* и признаетъ въ нихъ германское племя. Польскіе и русскіе историки, изъ послѣднихъ въ особенности *Чертковъ*, доказывали, напротивъ того, что дунайскіе геты были славяне. Гильфердингъ считаетъ и то, и другое ошибочнымъ, признавая въ гетахъ родоначальниковъ румынъ. Заключенія Гримма и Гильфердинга были основаны главнымъ образомъ на сохранившихся (довольно скудныхъ) остаткахъ гетскаго языка (собственныя имена и пр.). Они оказались противорѣчивыми и недостаточно убѣдительными. Выводы Черткова основываются на общихъ историческихъ сопоставленіяхъ *). Если ихъ тоже нельзя признать вполнѣ достовѣрными, то все же они имѣютъ за себя достаточно логическихъ основаній.

Вотъ вкратцѣ свѣдѣнія о гетахъ. По сказанію Геродота, во время похода персидскаго царя Дарія въ Скиѳію (513 г. до Р. Х.), они жили на южной сторонѣ Дуная, въ нынѣшней Болгаріи. Въ 422 году до Р. Х. геты, по словамъ Ѳукидида, жили на томъ же мѣстѣ, между Дунаемъ и Балканами, и участвовали, вмѣстѣ съ другими ѳракійскими народами, въ походѣ ѳракійскаго князя *Ситалка*, владѣтеля одризовъ, противъ Македоніи. Въ 335 г. до Р. Х. мѣстопребываніе гетовъ распространилось уже на сѣверную сторону Дуная, гдѣ съ ними воевалъ Александръ Македонскій (Арріанъ).

По Страбону, земля гетовъ простиралась отъ Гирканскаго лѣса (въ Богеміи) до Днѣстра. По словамъ этого писателя (въ концѣ послѣдняго столѣтія до Р. Х.) геты считались, равно какъ и мизы, ѳракійцами и говорили на одномъ съ ѳракійскими племенами языкѣ. Въ другомъ мѣстѣ Страбонъ разсказываетъ, что гетскій народъ раздѣляется на двѣ части: *даковъ* и *гетовъ*. Даками называются тѣ, которые живутъ ближе къ Германіи и къ верховьямъ Дуная, а гетами—обитающіе ближе къ Черному морю; но что у тѣхъ и другихъ одинъ языкъ. *Овидій*, жившій съ 8 до 17 года по Р. Х. въ ссылкѣ въ городѣ Томахъ**) (на южной сторонѣ Дуная, на границѣ

*) Между прочимъ здѣсь можно указать, что въ IX вѣкѣ именемъ *Геты* (Haetum) назывался городъ въ странѣ Балтійскихъ славянъ, нынѣшній Шлезвигъ. Это имя упоминается въ описаніи путешествія *Wulfstan'a* (Langebeck, scriptores rerum danicarum, vol II, 1772). У *Адама Бременскаго* (въ XI в.) этотъ же городъ, или гавань называется *Heidaba*, а у другихъ писателей того времени *Haithaby* или *Heythabae*. Въ путешествіи Вульфстана говорится, что во время плаванія по Балтійскому морю отъ Геты до устья Вислы (Visla) весь правый берегъ назывался землею *Weonodland*, а за Вислой—*Witland*. Первое изъ этихъ названій происходитъ отъ народа венетовъ или вендовъ, а второе отъ литовскаго племени витовъ или витинговъ. Географическое имя *Haetum*, существовавшее въ славянской землѣ, можетъ имѣть связь съ названіемъ народа гетовъ.

**) Названіе города *Томы* имѣетъ созвучіе съ словомъ тьма, или *томить*. Ему родственны слова *Тамань* (древняя *Тама-тарха* или *Тмутаракань*), а также рр. *Темешъ*, *Темза* и наша сибирская *Томь*. У гетовъ былъ и другой городъ, имя котораго звучитъ по славянски, это *Viminacium*,—выминакій, можетъ быть, указывающій на пунктъ мѣновой торговли.

римскихъ владѣній, въ коренной странѣ гетовъ), оставилъ въ своихъ сочиненіяхъ довольно подробное описаніе этого народа. Въ его время по правую сторону Дуная жили геты, подвластные Риму, по лѣвую—*Сарматы*. Тѣ и другіе имѣли постоянныя сношенія между собой, такъ что Овидій могъ изучать ихъ въ подробности при постоянныхъ личныхъ столкновеніяхъ. «Вездѣ кругомъ меня, говоритъ онъ, звучитъ *ѳракійская* и *скиѳская рѣчь*, и мнѣ кажется, что я могъ бы писать *гетскими* стихами». Въ другомъ мѣстѣ Овидій выражается: «кажется мнѣ, что я разучился уже по латыни, потому что выучился говорить по *гетски* и по *сарматски*». Изъ этихъ выраженій, равно какъ и изъ словъ другихъ римскихъ писателей видно, что скиѳскій и сарматскій языкъ былъ одинъ и тотъ же (Геродотъ IV, 117 г.). А такъ какъ скиѳы, имѣвшіе въ городѣ *Томахъ* постоянныя сношенія съ гетами относились къ нимъ не какъ разноязычники, и, по описанію Овидія, имѣли съ ними много сходныхъ чертъ, то изъ этого видно, что геты и скиѳы были родственнаго поколѣнія, что ѳракійскій и сарматскій языки были настолько сходны, что позволяли этимъ двумъ народамъ свободно между собою объясняться.

Во второй половинѣ перваго вѣка по Р. Х. о гетахъ писали *Помпоній Мела*, *Плиній* и *Діонъ Хризостомъ*. Послѣдній писатель прибавляетъ, что мизы, упоминаемые въ Иліадѣ, были тотъ же народъ, что современные ему геты. Тоже подтверждаетъ *Діонъ Кассій*, жившій во второй половинѣ втораго вѣка, замѣчая, что гетовъ называютъ также *мизами* и *даками*, что они были ѳракійцы, жившіе по ту и другую сторону Дуная, что даки суть въ нѣкоторомъ смыслѣ *скиѳы*.

Изъ приведеннаго краткаго перечня древнихъ писателей, говорившихъ о гетахъ, видно, что, по прямому свидѣтельству исторіи, этотъ народъ болѣе чѣмъ за 500 лѣтъ до Р. Х. жилъ на берегахъ Дуная, что это потомки тѣхъ *мизовъ*, союзниковъ Трои, которыхъ, по сказанію Гомера, привелъ на троянскую войну предводитель *Хромій* (Иліада, пѣс. 2, ст. 358). Стало быть *мизы* или *геты* (они же даки) существуютъ на сѣверѣ Балканскаго полуострова со времени троянской войны и остаются здѣсь непрерывно подъ этимъ именемъ до вторженія готовъ, начавшагося въ концѣ III столѣтія. По свидѣтельству Іорнанда, у готовъ сохранилось преданіе о приходѣ ихъ съ сѣвера, съ острова Скандіи (предполагаемая Скандинавія). Въ началѣ IV вѣка они, подъ предводительствомъ *Ерманарика* напали на славянъ, обитавшихъ на югѣ Россіи и, покоривъ ихъ, двинулись за Дунай въ предѣлы римскихъ владѣній, отняли у римлянъ Дакію, вторглись въ Мизію, Ѳракію и Македонію. Господство готовъ было, однако же, непродолжительно. Въ концѣ того же вѣка ихъ вытѣснили изъ предѣловъ нынѣшней Россіи гунны, занявшіе Молдавію, Валахію, Венгрію и Трансильванію.

Временное вторженіе во Өракію готовъ, народа нѣмецкаго племени, и сходство ихъ имени съ гетами дало поводъ Гримму, а за нимъ и многимъ другимъ германскимъ ученымъ, искать между этими двумя народами племенное родство. Такое предположеніе, однако же, не могло быть подтверждено ни данными исторіи, ни слѣдами өракійскаго и готскаго языка. Современная наука пока остановилась на той, въ сущности неудовлетворительной мысли, что өракійскія племена, когда-то составлявшія совершенно особую народность, не похожую ни на славянъ, ни на германцевъ, ни на кельтовъ, послѣ вторженія въ ихъ землю гунновъ и славянъ въ IV вѣкѣ, растаяли въ массѣ новаго населенія, ассимилировались съ нимъ и такимъ образомъ исчезли съ лица земли, оставивъ послѣ себя небольшіе клочки прежней народности, въ формѣ румынъ и албанцевъ.

Защитники славянской народности гетовъ не признаютъ такого быстраго растворенія ихъ въ чуждой стихіи, а видятъ въ фактѣ исчезновенія ихъ имени—сліяніе ихъ съ общею славянскою семьей. Стало быть, тѣ же самые геты и даки, послѣ нашествія гунновъ продолжали существовать подъ именемъ нынѣшнихъ южныхъ славянъ *). Дальнѣйшая исторія, повидимому, подтверждаетъ такое предположеніе. Въ концѣ IV вѣка имя гетовъ и даковъ исчезаетъ; мѣсто ихъ занимаютъ славяне Балканскаго полуострова, начинающіе выдвигаться въ Византіи все болѣе и болѣе. Они оказываются преобладающими въ войскахъ и во всѣхъ частяхъ управленія Восточной Римской Имперіи. Вліяніе ихъ настолько велико, что въ половинѣ V вѣка славянинъ *Оногостъ*, сынъ *Унѣславы*, дѣлается начальникомъ всей Өракіи и защищаетъ имперію отъ гунновъ. Въ первой половинѣ VI вѣка славяне являются уже на престолѣ кесарей. Императоръ Юстинъ, пришедшій въ Византію пѣшкомъ изъ *Ведряны* (Wederiana, деревня въ Дарданіи, гдѣ нынѣ Кюстендилъ и Софія), изъ простыхъ земледѣльцевъ дѣлается повелителемъ Восточной Имперіи. Достигши почестей, онъ не гнушается своего происхожденія и родства, выписываетъ къ себѣ жену свою, прозвищемъ *Лупкиню*, (Λουππικίνη), племянницу *Бѣгленицу* и сестру *Бѣгленицу* же (Bigleniza, Βιγλενίζα),—мать знаменитаго *Управды* (Ουπράυδα), переименованнаго потомъ *Юстиніаномъ*. Отецъ Управды по домашнему назывался *Истокъ*, а по өракійски—*Sabbatius* (Шафарикъ, слав. древн. т. II, кн. 1, стр. 258, перев. Бодянск.). Сдѣлавшись преемникомъ дяди своего Юстина, Юстиніанъ является знаменитѣйшимъ изъ императоровъ восточнаго Рима. Творя великія дѣла, какъ воинъ и законодатель, онъ по достоинству цѣнитъ качества своего роднаго племени, отдавая ему преимущество передъ измельчавшими кровными византійцами. Первый полководецъ его, *Велисарій* (по славянски *Величаръ*)

*) У византійскихъ и римскихъ писателей славянскія племена назывались разными частными именами, разборъ которыхъ не входитъ въ задачу нашего изложенія.

былъ родомъ изъ той же Дарданіи, откуда происходилъ и императорскій домъ. Конницу Велисарія во время италійскаго похода составляли гунны, славяне и анты. Равнымъ образомъ въ персидскихъ походахъ конными отрядами начальствовали славяне—*Доброгостъ* и *Всегордъ*; Доброгостъ былъ изъ племени антовъ, жившаго на сѣверѣ отъ Чернаго моря и по Дунаю. Изъ этого же племени былъ у Юстиніана приближенный человѣкъ, по имени *Хвалибудъ*, котораго онъ сдѣлалъ воеводою Өракіи*).

Такимъ образомъ, въ VI вѣкѣ на императорскомъ престолѣ въ Византіи сидѣлъ славянинъ, окруженный славянами; византійскія войска состояли изъ весьма большаго числа славянъ и наиболѣе значительные вожди ихъ происходили изъ того же племени. На Балканскомъ полуостровѣ оказалось значительное славянское населеніе, судя по географическимъ названіямъ, очевидно древнее, которое, чѣмъ ближе къ Дунаю, тѣмъ становилось сплошнѣе и гуще. Прокопій въ описаніи городовъ и крѣпостей, лежащихъ въ Мизіи, Өракіи и Македоніи приводитъ многія географическія названія, по мнѣнію Шафарика, «ясно и безъ малѣйшей словопроизводной натяжки указывающія собой на славянское ихъ происхожденіе. Между такими названіями встрѣчаемъ напр. *Milareka*, *Kawetza* (нынѣ Ко́вица), *Labutza* (нынѣ Лабица), *Debre* (нынѣ Дебрь), *Dolebin* (нынѣ Дулебинъ), *Miletis*, *Berzana*, *Kleswestita* (нынѣ Клештевица), *Wratzista* (нынѣ болгар. Врачишта), *Streden* и др. «Всѣ эти названія, продолжаетъ Шафарикъ, знающему славянскіе языки съ перваго раза говорятъ и видомъ, и составомъ своимъ о своемъ славянскомъ происхожденіи, и кои до сихъ поръ еще, большею частью, удержались въ

*) Юстиніанъ происходилъ изъ деревенскихъ крестьянъ. По свидѣтельству его жизнеописателя и учителя, игумена Өеофила, онъ пришелъ въ Византію и началъ учиться грамотѣ будучи уже 30 лѣтъ отъ роду. Многіе изъ историковъ, не желая видѣть въ Юстиніанѣ славянское происхожденіе, считаютъ его первоначальное имя *Управда* переводомъ латинскаго слова *justinianus*; но цѣль такого переименованія или даже прозвища была бы совершенно непонятна и невѣроятна. Византійское или христіанское имя, Юстиніанъ, ни одинъ біографъ не могъ бы замѣнить параллельнымъ варварскимъ, если бы такого имени не существовало раньше. Напротивъ того, совершенно естественно предположить, что для человѣка, являющагося при дворѣ императора Юстина и выступающаго на широкую государственную дѣятельность, не удобно было носить деревенское, чуждое византійскому слуху, варварское имя *Управды*, поэтому замѣна его латинскимъ переводомъ вполнѣ понятна. Родственники и ближайшіе сослуживцы Юстиніана тоже носили чисто славянскія имена, отчасти переиначенныя въ латинскомъ или греческомъ произношеніи. Мать Управды *Бѣгленицу* нѣкоторые писатели превратили даже въ Vigilantia.

Подробная исторія Юстиніана, его дѣяній и частной жизни имѣетъ для славянъ величайшій интересъ. Она могла бы служить прекрасною темою для обширнаго отдѣльнаго сочиненія, весьма полезнаго и поучительнаго, особенно для насъ русскихъ, полнѣе всего вмѣстившихъ политическія и культурныя идеи Юстиніана. У современныхъ ему византійскихъ писателей, особенно у Прокопія и Өеофила, находится много данныхъ для уясненія характера этого великаго человѣка, въ связи съ его эпохою. Изъ русскихъ сочиненій по этому вопросу болѣе подробныя данныя собраны въ трудѣ г. *Курганова*, напечатанномъ въ Казани въ 1880 году подъ заглавіемъ „Отношеніе между церковною и гражданскою властію въ Византійской имперіи“. Изъ новыхъ иностранныхъ сочиненій можно указать на Isambert'a — Histoire de Iustinien. 2 vol. Paris. 1856 г.

тѣхъ же краяхъ» (Слав. древн. перев. Бодянск. т. II, кн. I, стр. 277). Всѣ вышеприведенныя славянскія имена сообщаются Прокопіемъ (около 552 г.) и Ѳеофиломъ (воспитателемъ и біографомъ Юстиніана; умеръ въ 534 г.). Поэтому трудно предполагать, чтобы славянскія географическія имена на Балканскомъ полуостровѣ въ первый разъ появились только при жизни этихъ писателей, или не задолго передъ царствованіемъ Юстина и Юстиніана. Очевидно, какъ самая Дарданія, такъ и названія ея рѣкъ и населенныхъ мѣстъ носили слѣды славянства съ отдаленныхъ временъ и что славянское населеніе ея было не случайное и пришлое, а давно осѣвшее, исконное. Оттого оно и получило такой вѣсъ въ государственныхъ дѣлахъ Византіи и оказало существенное вліяніе на складъ византійской культуры, получившей особый восточный оттѣнокъ со времени Юстиніана. Я иначе не могу уяснить себѣ этого вопроса, какъ допустивъ коренную, исконную осѣдлость славянства на Балканскомъ полуостровѣ. Поэтому не вижу основанія считать гетовъ и даковъ, о которыхъ исторія знала со времени Геродота, народомъ какого-то неопредѣленнаго ѳракійскаго племени, почему-то вдругъ исчезнувшимъ съ лица земли. Народности такъ быстро не исчезаютъ; онѣ являются подъ другими собственными именами, которыя также могутъ быть неустойчивы и недолговѣчны, но, не смотря на перемѣну именъ, народъ продолжаетъ жить тысячелѣтіями, выполняя свою историческую роль въ той или другой формѣ.

По свидѣтельству Страбона, греки называли среднюю Дакію Дарданіей, а жителей ея гетами (Getae), а также *генетами* (Henetae), что соотвѣтствовало впослѣдствіи *венетамъ*, *вендамъ* и *антамъ*, въ лицѣ которыхъ историки признаютъ славянъ. Имя венетовъ, какъ мы уже видѣли выше, было весьма распространенное, повидимому родовое, дѣйствительно народное, тогда какъ остальныя названія были либо мѣстныя, географическія, либо чужеземныя, подъ которыми народъ былъ извѣстенъ грекамъ или римлянамъ. Вслѣдствіе такой неопредѣленности народныхъ названій, встрѣчающихся у классическихъ писателей, происходитъ едва преодолимая путаница въ исторіи древнихъ народовъ. Историческіе факты приходится возстановлять косвенными путями, пользуясь географическими намеками, собственными именами и сопоставленіями историческихъ событій.

Всматриваясь въ древнюю исторію Балканскаго полуострова, нельзя не обратить вниманія на слѣдующій фактъ. Не смотря на то, что забалканскія земли находились въ такомъ близкомъ разстояніи отъ центра высокообразованнаго греческаго міра, а затѣмъ отъ восточнаго центра могучаго Рима (Византіи), инородческое населеніе этихъ странъ въ теченіи многихъ вѣковъ не могло быть вполнѣ эллинизировано. Инородческій элементъ оставался здѣсь въ полномъ преобладаніи до самыхъ послѣднихъ дней Византійской имперіи. Какъ во время грече-

скихъ республикъ, такъ и въ эпоху римскаго могущества, греческая и римская колонизація не могла ни вытѣснить отсюда, ни поглотить туземнаго инородческаго населенія. Это доказываетъ его національную стойкость и племенное единство; иначе разрозненныя, мелкія племена не могли бы удержаться здѣсь въ продолженіи цѣлаго ряда вѣковъ. Народная стойкость въ данномъ случаѣ можетъ быть объяснена, между прочимъ, тѣмъ, что древнее населеніе Балканскаго полуострова, во первыхъ, не было разнородно, во вторыхъ не было изолировано отъ своихъ одноплеменниковъ.—Оно черпало свою силу и на сѣверѣ, со стороны Дуная, и на западѣ—изъ адріатическихъ и прикарпатскихъ странъ, изстари населенныхъ славянскими народностями. Всякое вторженіе въ эти страны чужихъ народностей, напр. аваровъ, или готовъ, не было продолжительно и прочно, между тѣмъ какъ перемѣщенія славянскихъ племенъ обыкновенно не встрѣчали противодѣйствія ни со стороны туземнаго населенія, ни со стороны грековъ. Послѣдніе, особенно со времени Юстиніана, даже покровительствовали такимъ переселеніямъ, водворяя задунайскихъ славянъ на свободныя или опустѣвшія земли въ Мизіи, Ѳракіи, Дарданіи и Македоніи. Эти переселенія дали поводъ нынѣшнимъ славистамъ и историкамъ установить въ наукѣ господствующее теперь мнѣніе, будто славянскій элементъ появился на Балканскомъ полуостровѣ только со времени Юстиніановскихъ переселеній. Держась такого взгляда, приходилось игнорировать и славянство гетовъ, и славянское происхожденіе Юстиніанова дома, и географическія славянскія имена въ этихъ странахъ, передаваемыя Прокопіемъ и другими писателями того времени. Подобные факты либо оставлялись въ тѣни, безъ должнаго историческаго разъясненія, либо объяснялись не въ пользу славянства: географическія названія признавались позднѣйшими, имена Управды, Истока, Бѣгленицы, Величара и т. п. считались переводомъ латинскихъ словъ на варварскій языкъ, въ гетахъ охотнѣе усматривали германское племя, или же считали эту народность не имѣющею связи ни съ славянами, ни съ германцами,—какимъ-то неопредѣленнымъ, нынѣ вымершимъ, ѳракійскимъ народомъ. Такой скептицизмъ или индефферентизмъ отношеній къ древнему населенію Балканскаго пулуострова понятенъ въ сочиненіяхъ западныхъ историковъ; но тотъ же вопросъ получаетъ совсѣмъ другое значеніе, коль скоро онъ имѣетъ какое либо отношеніе къ исторіи славянской культуры. Для насъ далеко не безразлично, будутъ ли геты и дарданцы признаны неопредѣленнымъ ѳракійскимъ племенемъ, или въ нихъ будутъ усмотрѣны слѣды славянской національности. Въ первомъ случаѣ имя ихъ представляло бы въ исторіи звукъ пустой, вымороченое достояніе, на которое никто не можетъ предъявить наслѣдственныхъ историческихъ правъ. Во второмъ случаѣ съ гетами, дарданцами, съ дѣяніями императора Юстиніана и со всей византійской культурой будутъ связаны основные корни славянской

исторической жизни. Византія явилась бы въ такомъ случаѣ источникомъ нашего просвѣщенія не съ IX или X вѣка, а многими столѣтіями раньше; она оказалась бы тогда колыбелью славянскаго возрожденія, при посредствѣ балканскихъ славянъ-старожиловъ, а потомъ болгаръ, подобно тому какъ западныя государства видятъ свою колыбель на развалинахъ древняго Рима. Для нашей исторіи эти вопросы имѣютъ первостепенную важность; поэтому излишній скептицизмъ при разсмотрѣніи ихъ едва ли полезенъ.

Вопросъ въ данномъ случаѣ сводится къ тому: существовало ли славянское населеніе на Балканскомъ полуостровѣ ранѣе IV—V вѣка, а если существовало, то какое вліяніе оно могло имѣть на Византію, и съ своей стороны—въ какой мѣрѣ оно подчинялось византійской культурѣ. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе перваго вопроса, мы не видимъ никакого основанія отвѣчать на него отрицательно. Все то, что выше было сказано по этому поводу, заставляетъ думать, что среди такъ называемыхъ ѳракійскихъ племенъ искони существовали славянскіе элементы, среди которыхъ греческія и римскія колоніи представляли лишь меньшую, хотя и господствующую политически долю. Это давно осѣвшее славянство Дарданіи, Македоніи и другихъ ѳракійскихъ областей никогда не теряло связи съ западными и сѣверными славянами, потому оно не потеряло своей силы и не легко подчинялось греческой ассимиляціи. Дальнѣйшія переселенія славянъ за Дунай и Балканы съ сѣвера, происходившія при Юстиніанѣ, а равно прежде и послѣ того, не были новостью, а лишь продолженіемъ стараго процесса, подновленіемъ и умноженіемъ славянщины этихъ странъ. Тоже значеніе имѣли впослѣдствіи вторженія гунновъ и болгаръ. Эти послѣдніе, равно какъ и прочія сѣверныя славянскія вѣтви, извѣстныя византійцамъ подъ общимъ именемъ скиѳовъ или сарматовъ, сравнительно съ Балканскими славянами-старожилами, представлялись варварами. Въ исторіи упадка Византіи они играли туже самую роль, какъ готы, франки и германцы по отношенію къ Риму. Они дали первый толчокъ къ разрушенію дряхлѣющей Византійской монархіи и представляли потомъ новое славянское населеніе на Балканскомъ полуостровѣ, подчинивъ себѣ славянъ старожиловъ. Этотъ процессъ насильственныхъ вторженій начался еще съ V вѣка (гунны). Юстиніану пришлось употреблять большія усилія для защиты имперіи отъ сѣверныхъ варваровъ. Между прочимъ, въ числѣ другихъ мѣръ онъ примѣнилъ систему водворенія задунайскихъ хищниковъ на свободныхъ земляхъ ѳракійскихъ областей. Историки думаютъ, что эти переселенія дѣлались съ цѣлію пріучить кочевыя племена (антовъ, гунновъ и болгаръ) къ мирной осѣдлой жизни и воздѣйствовать на нихъ путемъ распространенія христіанства и культурныхъ византійскихъ началъ. Но можно предполагать и другую политическую цѣль Юстиніана, именно усиленіе въ забалканскихъ краяхъ

однoплеменныхъ императорскому дому славянскихъ элементовъ, начавшихъ оскудѣвать вслѣдствіе предшествовавшихъ, почти безпрерывныхъ, войнъ и опустошеній. Симпатіи Юстиніана къ славянству извѣстны и вполнѣ естественны. Лучшіе полководцы и правители его были изъ этого племени, въ византійскихъ и наемныхъ войскахъ тоже преобладали славяне, въ столицѣ имперіи они играли замѣтную роль. Императоръ, очевидно, довѣрялъ своему родному племени, цѣнилъ его и потому, естественно, могъ желать, чтобы славянскій народъ не оскудѣвалъ въ его владѣніяхъ. Совсѣмъ другое значеніе имѣли бы эти переселенія въ томъ случаѣ, если бы за Балканами ранѣе того совсѣмъ не было кореннаго славянства, или оно водворилось бы здѣсь путемъ насильственнымъ, вопреки желанію византійцевъ. При такихъ условіяхъ искусственное привлеченіе новыхъ переселенцевъ, какъ элемента враждебнаго, было бы вполнѣ не разсчетливо и не безопасно. Мудрый императоръ не могъ бы допустить такой политической ошибки.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ позволительно заключить, что въ забалканскихъ краяхъ византійскихъ владѣній существовало два славянскихъ населенія,—одно коренное, древнее, культурно осѣдлое, съ которымъ греки издавна сроднились и не враждовали, другое—притекающее извнѣ (съ сѣвера), хищное и враждебное, съ которымъ приходилось вести борьбу, или ублаготворять его. Это были гунны, болгары и анты. Въ исторіи византійской и славянской культуры имѣетъ наибольшее значеніе первый слой населенія. Благодаря вѣковому мирному сожительству его съ греками, оно гораздо ранѣе сѣверныхъ славянъ усвоило греческія начала государственной жизни и было болѣе подготовлено къ воспріятію византійской цивилизаціи. Въ IV и V вѣкѣ здѣсь было уже не мало христіанъ, въ V и VI в. эта славянская среда принимала дѣятельное участіе въ политической жизни Византіи и сама оказывала на эту жизнь замѣтное вліяніе.

Въ эпоху Юстиніана начинается первая заря славянскаго возрожденія, именно для славянъ византійскихъ. Исторія отмѣчаетъ, что къ этому времени произошелъ въ восточной римской имперіи полный переворотъ: явились другіе вкусы и другія формы въ искусствахъ, въ зодчествѣ, внѣшнемъ одѣяніи, въ оружіи и украшеніяхъ, во всемъ строѣ жизни. Древній классическій міръ уступилъ мѣсто, такъ называемымъ, восточнымъ вліяніямъ, совершенно не похожимъ ни на латинскіе, ни на греческіе образцы. Въ общей сложности это новое направленіе культуры получило названіе византизма, въ отличіе отъ эллинскаго и римскаго стиля. Съ этого времени началась новая эпоха всемірной исторіи, расколовшейся на двѣ половины,—западную или романскую и восточную или византійско-славянскую. Та и другая въ лицѣ новыхъ историческихъ народовъ пошла по своему особому пути, мало похожему одинъ на другой, и такъ продолжается до сихъ поръ, въ теченіе почти

полуторы тысячи лѣтъ. Западный міръ, усвоившій римскія начала, культивировалъ у себя въ политическомъ отношеніи феодальный и муниципальный строй, жертвуя общимъ для частнаго, выставляя на первый планъ личные интересы гражданъ; въ религіозномъ отношеніи онъ также пошелъ по стопамъ Рима, мечтая покорить весь міръ путемъ католицизма и объединить всѣ народности путемъ общаго латинскаго богослужебнаго и культурнаго языка. Восточная или византійская половина новаго міра развилась изъ другихъ началъ и преслѣдовала другія цѣли. Религіозною основою она положила греческое вѣроученіе, проповѣдуемое на мѣстныхъ народныхъ языкахъ, не примѣшивая къ нему, чуждыхъ религіи, политическихъ разсчетовъ. Въ Византіи также имѣли въ виду стремиться къ образованію «единаго Христова стада съ единымъ пастыремъ во главѣ», но достигали этого не общебогослужебнымъ греческимъ языкомъ, а духомъ христіанской религіи. Восточное христіанство росло не на греческой, а на національной почвѣ.

Въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи въ основу византійскаго міра было положено единодержавіе и единоначаліе, общее предпочиталось частному, личное приносилось въ жертву государственному и общественному, индивидуальные интересы и личный починъ въ дѣлахъ государственныхъ отходили на второй планъ, поглощаясь общими интересами страны. Эти начала, положенныя въ основу институцій Юстиніана*), могутъ быть признаны коренными славянскими началами. Они, равно какъ и вообще весь византійскій укладъ, цѣликомъ перешли на русскую почву и достигли здѣсь своего полнаго разцвѣта. Россія считается преемницею Византіи не потому только, что она приняла отсюда православную вѣру, письменность и просвѣщеніе, но потому, что византійскія стихіи были и остаются для нея родными греко-славянскими народными стихіями, непонятными и недоступными западному міру.

Византійскія государственныя начала едва ли можно считать плодомъ греческой и латинской мудрости, или наслѣдствомъ восточно-азіатскаго (персидскаго)

*) Знаменитый кодексъ Юстиніана, играющій такую важную роль въ исторіи права, составленъ былъ учеными юристами того времени, но по иниціативѣ и при непосредственномъ руководствѣ императора. Изъ него удалено все, что напоминало такъ называемую политическую свободу римлянъ, что возвышало значеніе Сената, муниципальныхъ и областныхъ учрежденій. Отсюда ведетъ свое начало абсолютизмъ монархической власти, не имѣющій ничего общаго ни съ деспотическими формами древнихъ восточныхъ монархій, ни съ феодальными и конституціонными основами прежняго и нынѣшняго правленія. Византійскій абсолютизмъ основанъ на централизаціи законной власти, но не на произволѣ, какъ въ деспотическихъ монархіяхъ; при немъ прочіе органы управленія имѣютъ совѣщательное, или исполнительное значеніе, а не законодательное. Принципы Юстиніана впослѣдствіи полнѣе и прочнѣе всего воплотились въ русскомъ самодержавіи, которое зиждется не на теоретическихъ началахъ политической юрисдикціи, а на коренныхъ свойствахъ народнаго духа и характера. Можно предполагать, что и Юстиніанъ, переработывая римское право согласно своему міровозрѣнію, руководился тѣми же народными славянскими идеями, по которымъ царская власть является идеаломъ правды и силы, символомъ единенія и могущества.

абсолютизма. Они не отвѣчаютъ греческому народному характеру, въ которомъ рѣзкой чертой проходитъ черезъ всю исторію Греціи индивидуализмъ и преобладаніе муниципальныхъ правъ. Персидское вліяніе здѣсь также не могло имѣть мѣста, ибо Персія ни въ нравственномъ, ни въ политическомъ, ни въ народномъ отношеніи не могла быть авторитетомъ для великаго Византійскаго Императора. Государственныя начала обыкновенно согласуются съ народнымъ духомъ, имъ онѣ держатся, имъ развиваются. Нераздѣляемыя народомъ, или несродныя народному духу, они не могутъ быть насильственно привиты въ несоотвѣтствующей средѣ: это было бы деспотическимъ порабощеніемъ народа, всегда шаткимъ и непрочнымъ. Идеалъ абсолютизма, установленнаго Юстиніаномъ, полнѣе всего выразился въ русской исторіи не потому, чтобы мы приняли его какъ догму вмѣстѣ съ греческой вѣрой, а потому что онъ соотвѣтствовалъ русскому характеру и народнымъ традиціямъ. Тѣже начала подчиненія частнаго общему, отреченіе отъ индивидуальнаго въ пользу общества и государства у насъ примѣняются не къ одной только державной власти, но проявляются во всѣхъ сферахъ жизни. Это—отличительная русская народная черта, укрѣпленная не книжнымъ или церковнымъ ученіемъ, а прирожденная нашему племени.

Если смотрѣть на византизмъ и на дѣянія Юстиніана съ этой точки зрѣнія, то можно допустить догадку, что источникомъ новыхъ началъ въ восточно-римской имперіи было усиливающееся славянство. Вѣянія его созидательнаго духа отразились на духовной и внѣшней жизни византійскаго двора, на государственныхъ основахъ правленія, на художественномъ стилѣ построекъ и на всемъ, чѣмъ отличается византизмъ отъ Рима и Греціи.

Въ третьемъ выпускѣ русскихъ древностей, издаваемыхъ графомъ *И. И. Толстымъ* и проф. *Н. Кондаковымъ**), византійская эпоха по памятникамъ искусства характеризуется слѣдующими словами: «въ эпоху Юстиніана римскіе императоры носятъ уже персидскія стемы-короны въ видѣ металлическихъ обручей, съ матерчатою шапочкою внутри, осыпанныя жемчугомъ и жемчужными подвѣсками, падающими по вискамъ. Домашній головной уборъ мужчинъ разнообразится восточными «тимпанами», камилавками, туфами; у женщинъ—высокими персидскими кокошниками. На шеѣ варвара воина, прежняго наемника, нынѣ свободнаго вождя, почетнымъ знакомъ является маніакъ—металлическая *гривна*, или металлическое оплечье, украшенное камнями и жемчугомъ. Широкія восточныя одежды и короткіе кафтаны подпоясываются драгоцѣннымъ поясомъ, который составляетъ видный предметъ въ ряду восточныхъ уборовъ, перенесенныхъ въ Европу. Восточные штаны

*) Русскіе древности въ памятникахъ искусства. Выпускъ третій. Древности временъ переселенія народовъ. С.-Петербургъ, 1890 г., стр. 2—4.

и шаровары появляются на ряду съ кожанными сапогами—чагами, съ длинными голенищами, или матерчатыми пестро расшитыми.

«Императорамъ Византіи приходилось перенимать богатые уборы головные, шейные и другіе, потому что ихъ *давно уже носили варварскіе царьки*. Такъ древнѣйшая металлическая діадема, извѣстная намъ въ качествѣ женской короны, принадлежитъ кладу варварскаго царька, найденному въ *Новочеркасскѣ*. Оружіе варваровъ: ихъ мечи, копья, топоры, пики, шашки перенимались отъ наемниковъ для византійскихъ отрядовъ, вмѣстѣ съ соотвѣтствующими доспѣхами—кольчугами, бронями, щитами, а затѣмъ все это становилось образцомъ вооруженія. Для многихъ этнографическихъ особенностей древняго восточнаго міра наступило время стать типомъ и обычаемъ. Разнообразныя одежды и облаченія персидской знати были самими персами заимствованы отъ различныхъ народностей, входившихъ въ составъ сасанидскаго царства: таковы шишакъ и кольчуга, кафтанъ и чаги. Византійскій кабадъ ведетъ свое происхожденіе черезъ Персію отъ варваровъ закаспійскихъ, а расшитый пестрыми узорами скарамангій былъ, повидимому, славяно-болгарскою мѣховою одеждою». «Прокопій замѣчаетъ (Anecdota p. 32), что византійцы перенимали отъ гунновъ въ эпоху Юстиніана и накидки, и штаны и обувь, усваивая и самыя названія костюмовъ и модничая варварскою наружностью. Вообще, пестрыя матеріи, парчи и всякое шитье продолжаютъ именоваться фригійскимъ или варварскимъ, ибо для константинопольскаго грека всѣ эти прикладныя промышленныя художества, процвѣтавшія въ азіатскихъ окраинахъ Византійской Имперіи, не составляютъ собственнаго искусства, какъ ясно опредѣляетъ Іоаннъ Златоустъ, а только варварскую роскошь. Такъ, Антіохійцы его времени носили расшитую обувь, шубы, крытыя золотыми матеріями, парчевыя одежды, золотые пояса; кони ихъ имѣли золотыя наборныя узды, а слуги щеголяли золотыми гривнами (маніаками)».

«Въ тѣсномъ смыслѣ всѣ упреки въ роскоши, столь обильные въ проповѣдяхъ IV—V столѣтій, были протестомъ противъ варварскихъ вкусовъ, укоренившихся въ греческомъ обществѣ по образцу нахлынувшихъ въ имперію варваровъ. Классически образованные проповѣдники не понимали смысла богатыхъ личныхъ и конскихъ уборовъ и справедливо опасались за судьбы самаго христіанства подъ вліяніемъ новыхъ нравовъ».

«Дѣйствительно, сводя вмѣстѣ данныя археологіи варварскаго быта Европы въ эпоху переселенія народовъ, мы замѣчаемъ, прежде всего, мишурное, пестрое богатство личныхъ украшеній, какого *не знаемъ вовсе въ древнемъ германскомъ быту*. Цвѣтныя, расшитыя одежды, оружіе, покрытое драгоцѣнными камнями или цвѣтными стеклянными инкрустаціями; большія, особенно длинныя и фигурныя, золотыя и бронзовыя фибулы и броши, браслеты и серги; на всѣхъ металлическихъ уборахъ-камни или эмаль, или цвѣтныя стекла;

золотой листикъ или позолота покрываютъ тонкую рѣзьбу на бронзѣ. Это пышное богатство тяжелаго вкуса, расточающее золото на востокѣ поражаетъ въ кладахъ Кавказа, Румыніи и Венгріи (прибавимъ--и въ Сибири), мелчаетъ и блѣднѣетъ въ могилахъ франковъ и бургундовъ, англо-саксовъ и вестготовъ въ Испаніи и Африкѣ».

«Варварскія или народныя древности начальнаго средневѣковья южной Европы, отъ предѣловъ Каспійскаго моря до Франціи, Англіи и Испаніи, связываются въ одно цѣлое общимъ стилемъ, господствующимъ съ II столѣтія по VII включительно. Единство этого стиля открывается прежде всего манерою украшать предметы цвѣтными камнями или стеклянными инкрустаціями, покрывать поля геометрическимъ орнаментомъ, раздѣлывать оконечности звѣриными формами; стиль опредѣлялся техникою металлическихъ вещей—рѣзьбою, филигранью и сканью, и самымъ подборомъ предметовъ, ихъ формою и назначеніемъ».

«Мѣстомъ средоточія этого стиля служила южная Россія: именно здѣсь застаемъ мы болѣе ранніе, извѣстные намъ образцы и здѣсь же можемъ мы наблюдать различныя отношенія этого стиля къ искусству античному, восточному и примитивному, собственно варварскому».

Мы позволили себѣ сдѣлать эту довольно пространную выписку изъ сочиненія графа И. И. Толстаго и проф. Кондакова потому, что она въ сжатомъ видѣ и мастерски характеризуетъ внѣшнюю сторону новаго византійскаго вкуса. Изъ этого археологическаго очерка ясно усматривается, что внѣшняя сторона византизма обязана своимъ происхожденіемъ, такъ называемымъ, варварамъ, воздѣйствовавшимъ на коренное греческое населеніе. Для того, чтобы инородческое вліяніе отразилось такъ глубоко на вкусахъ и на всемъ складѣ жизни византійцевъ, необходимо не мимолетное соприкосновеніе съ варварами, а постоянное и продолжительное сожительство и сверхъ того нѣкоторое нравственное и культурное подчиненіе имъ. Кровный византійскій императоръ никогда не рѣшился бы, по чувству національной гордости, копировать въ своемъ вѣнценосномъ нарядѣ какого либо варварскаго царька. Равнымъ образомъ придворная знать и византійское общество не облекались бы въ восточныя варварскія одежды потому только, что ненавистные имъ гунны, анты или скиѳы подаютъ этому примѣръ. Очевидно, здѣсь нужно предполагать другую, болѣе органическую и глубокую причину, именно физическое и духовное преобладаніе инородцевъ, живущихъ въ самой византійской имперіи *). Значеніе ихъ, именно славянъ, какъ мы видѣли выше, особенно выразилось въ эпоху Юстиніана. Поэтому вполнѣ естественно, что

*) Примѣръ этому мы, отчасти, видимъ въ Россіи послѣ татарскаго погрома, при продолжительномъ господствѣ татаръ, когда бояре стали до нѣкоторой степени подражать татарскому одѣянію (ермолки, цвѣтные халаты и пр.). Впрочемъ, татарское вліяніе въ этомъ отношеніи у насъ обыкновенно преувеличиваютъ, приписывая татарамъ много такихъ предметовъ, которые имъ совсѣмъ не принадлежатъ, а скорѣе заимствованы ими отъ насъ.

таже эпоха наиболѣе всего соотвѣтствовала блеску восточныхъ нововведеній. Они охотно усваивались дворомъ и народомъ потому, что тотъ и другой заключали въ себѣ много славянскихъ элементовъ, для которыхъ варварская новизна была далеко не чуждою. Она удовлетворяла національному чувству, особенно послѣ того, когда явилась при императорскомъ дворѣ и въ высшихъ слояхъ общества въ пышныхъ и дорогихъ формахъ византійской обработки.

Византійскій стиль, обычаи и моды обыкновенно связываютъ съ персидскою культурою. Графъ И. И. Толстой и Кондаковъ въ выше цитированномъ сочиненіи держатся того же мнѣнія, но объясняютъ эту связь не непосредственно, а перенесеніемъ персидскихъ вкусовъ во время народныхъ передвиженій. «Вліяніе персидскихъ нравовъ, говорятъ они, и заимствованіе византіею азіатскихъ модъ не можетъ быть объясняемо ни сношеніями странъ, вообще рѣдкими и случайными, ни изнѣженностью высшаго сословія восточной имперіи. Глубокія причины и неотразимая сила этого вліянія Персіи заключалась въ его народномъ характерѣ: это вліяніе съ третьяго вѣка проникало непрестанно въ южную Европу черезъ посредство варваровъ и вмѣстѣ съ ними самими притекало къ греко-римской культурѣ». Въ этихъ словахъ выражается почти таже самая мысль, какая была высказана мною выше, но безъ объясненія—кто были эти притекающіе варвары и какую связь они имѣли съ Персіей. Повидимому авторы склонны думать, что передача шла ближайшимъ путемъ—черезъ Малую Азію; но едва-ли не вѣрнѣе искать для нея сѣверный путь,—изъ-за Дуная.

Черноземныя степи сѣвернаго Кавказа, Дона и южной России, какъ извѣстно, съ отдаленнѣйшихъ временъ были заняты народомъ, носившимъ у грековъ общее названіе киммерійцевъ, скиѳовъ или сарматовъ. Болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ нихъ сохранились въ сочиненіяхъ греческихъ и римскихъ писателей, начиная съ Геродота и Гиппократа и кончая писателями начала среднихъ вѣковъ. По историческимъ даннымъ извѣстно, что эти народности не представляли собою бродячихъ номадовъ или полудикихъ кочевниковъ, но имѣли зачатки своей оригинальной культуры. Южная Россія, какъ мы уже упоминали выше (стр. 24), за нѣсколько столѣтій до Р. Х. питала Грецію и часть южной Европы своимъ скиѳскимъ хлѣбомъ; отсюда же вывозились черезъ сѣверные порты Чернаго моря массы другихъ сырыхъ продуктовъ земледѣлія, скотоводства, рыболовства и охоты (дорогіе мѣха). Русская отпускная торговля, производимая чрезъ Азовское и Черное море, 2—2½ тысячи лѣтъ тому назадъ имѣла почти тотъ же характеръ, что и нынѣ, съ тою лишь разницей, что она въ то время была сосредоточена исключительно въ рукахъ греческихъ колонистовъ, хотя производителями отпускаемыхъ продуктовъ были скиѳы-пахари и скотоводы. Заграничная

торговля давала грекамъ-колонистамъ и скиѳамъ—производителямъ большія выгоды, она же служила проводникомъ въ прибрежную Скиѳію греческаго искусства и культурныхъ идей античнаго міра. При такихъ условіяхъ Скиѳія въ скоромъ времени получила значеніе богатой, промышленной и культурной страны, хотя греки и называли ея жителей варварами и кочевниками, потому что скиѳы никогда не сливались съ греками, не теряли своей самобытности и не позволяли иностранцамъ проникать вглубь своей страны и знакомиться съ настоящимъ народнымъ бытомъ.

Къ какой національности (по нынѣшнему дѣленію) принадлежали киммерійцы, скиѳы и сарматы, это до сихъ поръ остается не вполнѣ раскрытымъ. Несомнѣнно, однако же, что между ними долженъ былъ преобладать славянскій элементъ. На это есть много доказательствъ, приводить которыя въ подробности здѣсь было бы неумѣстно. Первое историческое свидѣтельство о славянствѣ южно-русскихъ скиѳовъ высказано лѣтописцемъ Несторомъ (*и вся си*, т. е. перечисленныя въ лѣтописи славянскія племена,—*звахуть Великая Скуѳь)*, но болѣе реальныя, убѣдительныя доказательства по этому вопросу дала археологія нашего времени. Между прочимъ сюда относятся изображенія наружности и одежды скиѳовъ и сцены изъ скиѳской жизни, представленныя на извѣстныхъ вазахъ и металлическихъ бляхахъ, найденныхъ въ курганахъ южной Россіи (наприм. чертомлыцкія и кульобскія вазы), а также изображенія сценъ на фрескахъ катакомбы, открытой въ Керчи въ въ 1872 году, и многія другія типичныя скиѳскія фигуры на статуэткахъ и разныхъ металлическихъ украшеніяхъ. Безъ всякой натяжки можно сказать, всматриваясь въ эти изображенія, что оригиналомъ ихъ служили не финскія или урало-алтайскія народности, а именно славяне. Такъ думаютъ въ настоящее время большинство русскихъ историковъ, не зараженныхъ неумѣреннымъ скептицизмомъ относительно нашего далекаго прошлаго.

Какое національное отношеніе существовало между скиѳами, сарматами и киммерійцами, этотъ вопросъ также остается темнымъ. Изъ исторіи извѣстно, что киммерійцы первоначально жили на Таманскомъ полуостровѣ и сѣверномъ Кавказѣ, откуда ихъ вытѣснили скиѳы, прогнавъ въ Малую Азію. Но и сами скиѳы, т. е. отдѣльныя части ихъ, неоднократно переходили въ Закавказье и въ малоазіатскія страны, входили въ составъ персидскихъ владѣній и снова возвращались оттуда въ европейскую Скиѳію, обыкновенно черезъ восточные проходы Кавказа, мимо Каспійскаго моря. Этимъ путемъ сношенія изъ европейской Скиѳіи съ Закавказьемъ и Персіей были довольно обычны, и продолжались они безпрерывно до среднихъ вѣковъ и позднѣе. Такимъ образомъ объясняется культурная связь Скиѳіи съ Персіей. Эта связь, повидимому, не ограничивалась торговлею и военными столкновеніями, или заимствованіемъ модъ и восточныхъ идей, но выражалась также народными

переселеніями, преимущественно изъ Азіи въ восточную Европу. Есть свѣдѣнія, что такимъ образомъ передвинулась въ равнины южной Россіи часть народа мидянъ; имя сарматовъ тоже ведетъ свое начало изъ персидскихъ странъ*) По Діодору, сарматы были колоніею, выведенною скиѳскими царями изъ Мидіи на Танаисъ (Донъ). Тоже мнѣніе передаетъ *Плиній* въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Берега Танаиса, вливающагося двумя устьями, населяютъ сарматы, которые, какъ говорятъ, были переселенцы изъ Мидіи; сами они раздѣляются на многія вѣтви: во первыхъ савроматы гинекократумены (т. е. подчиненные женщинамъ), мужья амазонокъ, потомъ сварзы, котты» и т. д. **).

Мидяне и сарматы, очевидно имѣли между собой какія-то родственныя отношенія. Собственно въ имени мидянъ и въ сохранившихся объ нихъ историческихъ свѣдѣніяхъ нѣтъ достаточныхъ указаній, что это былъ за народъ по національности. Въ древнія времена они имѣли ближайшія политическія соприкосновенія съ Ассиріей и Персіей, отчасти съ Іудеей (самаряне), и изъ этихъ странъ Азіи мидійскіе колонисты (переселенцы) перенесли въ черноморскую Скиѳію много персидскихъ и вавилонскихъ преданій, до сихъ поръ сохранившихся въ памяти русскаго народа (напр. повѣрья, заклинанія, нѣкоторыя черты изъ миѳологіи и народной медицины). Ниже мы увидимъ, что изъ Ассиріи и Персіи перешли въ скиѳію также нѣкоторые пріемы строительнаго искусства и орнаментировки, вѣроятно, при посредствѣ тѣхъ же мидянъ (сарматовъ***). Всѣ греческіе историки, начиная съ Геро-

*) Имя сарматовъ производятъ отъ персидскихъ словъ *сар*—царь, начальникъ и *мада*—женщина (мать), что значитъ—управляемые женщинами, а въ греческомъ переводѣ соотвѣтствуетъ имени *гинекократумены*. Названіе сарматовъ нынѣ производятъ также отъ санскр. слова *сарма* ходъ, движеніе. По этому производству сарматъ значило бы кочевникъ, или переселенецъ.

**) Plin. natural. hist., lib. VI, c. 7, 1.

***) Нѣкоторые филологи сближаютъ имя *Мидянъ* съ славянскимъ словомъ *мѣдь*, что означало бы въ отношеніи къ народу прозваніе кузнецовъ, или рудокоповъ, добывателей металловъ, а въ отношеніи къ славянскому народу показывало бы, что мы познакомились съ мѣдью черезъ мидянъ. Послѣднее изъ этихъ предположеній не соотвѣтствуетъ археологическимъ даннымъ. Слово мѣдь, хотя и не принадлежитъ къ общеарійскому корню, но въ славянскомъ и германскомъ языкахъ оно очевидно было взято не отъ мидянъ, а скорѣе мидяне имѣли у себя это слово въ томъ же значеніи, и въ этомъ отношеніи примыкали къ общей славяно-германской семьѣ. Въ нѣм. языкѣ *Messing* означаетъ собственно желтую латунь (отъ слав. мѣдь, какъ *Kupfer* отъ латинскаго *cuprum*). На древне-нѣмецкомъ языкѣ *smida* значитъ скованныя вещи, откуда *Smid* или позднѣе *Smidt* кузнецъ, мѣдникъ. Коренную близость съ славянскимъ можно видѣть въ лат. *metallum*—металлъ, тѣмъ болѣе, что въ древности это родовое названіе относилось не къ цѣлому ряду ископаемыхъ, а только къ наиболѣе распространенному изъ нихъ—мѣди. По персидски мѣдь *miss*; тоже у нынѣшнихъ сартовъ въ Туркестанѣ. Греческое χαλκός и латинское *cuprum* вѣроятно взяты отъ географическихъ мѣстъ привоза, или добычи мѣди, остр. Кипра и Халкидона.

Изъ сарматскихъ или мидійскихъ географическихъ названій, сохранившихся до сихъ поръ въ русской географіи, любопытно имя рѣки и горы *Самары*. Объясненіе этого слова и сопоставленіе его съ еврейскою *Самаріею*, *самарянами* (мидянами, переселенными въ Палестину (и съ древнимъ бельгійскимъ городомъ *Самаробривой* (нынѣ городъ Амьенъ) изложено мной въ 50 примѣч. къ каталогу археологическаго музея Томскаго университета. Томскъ 1888 г., стр. 22?—234.

дота, признаютъ большое сходство между скиѳами и сарматами, не только по образу жизни и внѣшности, но и по языку. Геродотъ замѣчаетъ, что «Сарматы говорятъ языкомъ скиѳскимъ, но съ давняго времени искаженнымъ». По Овидію, хорошо знавшему сарматовъ, скиѳовъ и гетовъ на Дунаѣ, языкъ всѣхъ этихъ народностей былъ болѣе или менѣе сходенъ (вѣроятно представляя собою нарѣчія славянскаго языка *). Помпоній Мела и Тацитъ считаютъ сарматовъ народомъ весьма близкимъ къ парѳянамъ, по наружности, одеждамъ и вооруженію. Относительно сарматовъ и азіатскихъ скиѳовъ у большинства классическихъ писателей проводится мысль о политической равноправности женщины, что, повидимому, поражало грековъ какъ явленіе необычное. Отсюда настойчивыя басни объ амазонкахъ, свѣдѣнія о знаменитыхъ и мудрыхъ царицахъ—Семирамидѣ, Тамирисѣ, у массагетовъ, Заринѣ, у саковъ и т. п. Въ сарматскихъ и скиѳскихъ гробницахъ южнорусскихъ кургановъ царицы погребались съ тою же пышностью какъ и цари, а женщины вообще пользовались у этихъ народовъ большимъ значеніемъ въ обществѣ, чѣмъ у грековъ и римлянъ; тоже самое продолжается въ исторіи славянъ и въ средніе вѣка.

Изъ этихъ краткихъ историческихъ указаній можно вывести заключеніе, что скиѳы и сарматы въ племенномъ отношеніи были родственны между собой. Первые во время Геродота, вѣроятно, составляли сѣверную вѣтвь славянскихъ племенъ, вторые—юговосточную, переплетенную съ народностями, входившими нѣкогда въ составъ персидской, а можетъ быть отчасти и ассирійской монархіи. Такимъ образомъ можно объяснить культурное родство сѣверныхъ и восточныхъ славянъ съ древними персами: это выражается съ одной стороны близостью звуковыхъ формъ, рѣченій и состава зендскаго языка съ славянскимъ, съ другой стороны древнѣйшимъ распространеніемъ персидскихъ идей, вкусовъ и культурныхъ образцовъ въ сѣверовосточную Скиѳію, а впослѣдствіи, преемственно, и въ Россію.

Сарматы, образовавшіе извѣстное въ исторіи Босфорское царство, въ послѣднихъ столѣтіяхъ до Р. Х. и въ первыхъ столѣтіяхъ нашей эры, повидимому, уже не представляли различія со скиѳами. Судя по предметамъ и изображеніямъ, найденнымъ въ курганныхъ могилахъ и катакомбахъ южной Россіи, они показываютъ одинъ и тотъ же народный типъ: тотъ же стиль въ своихъ украшеніяхъ, въ оружіи и въ издѣліяхъ искусства, тѣ же погребальные обычаи. Изъ этого можно заключить, что культура персидскихъ выходцевъ была родственна скиѳской культурѣ и что сарматы въ скоромъ

*) Во время ссылки Овидія въ г. Томы (съ 8 по 17 г. по Р. Х.) сарматы жили на сѣверной сторонѣ Дуная, а геты на южной.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

времени слились со скиѳами въ одну нераздѣльную народность *). Имя сарматовъ римскіе писатели стали употреблять вмѣсто имени скиѳовъ, или безразлично одно вмѣсто другаго. Вся нынѣшняя Европейская Россія называлась *Sarmatia*, Балтійское море носило имя *oceanus Sarmaticus*. Вся сѣверная и западная Европа раздѣлялась по населяющимъ ее племенамъ на Сарматію, Германію и Галлію, что соовѣтствовало, какъ и нынѣ, тремъ основнымъ народностямъ — славянской, германской и романской. Остальныя, частныя подраздѣленія имѣли уже второстепенное значеніе, по географическимъ, или по политическимъ (родовымъ) группамъ тѣхъ же народностей.

Принимая, такимъ образомъ, въ имени скиѳовъ и сарматовъ, если не исключительно, то въ преобладающемъ большинствѣ славянское начало, мы имѣемъ основаніе считать археологическіе памятники скиѳо-сарматской эпохи за памятники славянской жизни. Изучая ихъ въ частностяхъ, мы найдемъ здѣсь тѣ элементы, которые послужили основаніемъ для новой, такъ называемой, византійской культуры. Не изъ Персіи непосредственно пришли они, а зародились на скиѳской и сарматской почвѣ, въ широкихъ южно-русскихъ и зауральскихъ степяхъ, потомъ возрастали и совершенствовались подъ вліяніемъ съ одной стороны художественнаго вкуса и техническаго искусства греческихъ черноморскихъ колоній, съ другой стороны отъ народныхъ соприкосновеній съ цвѣтущею Персіею. Къ началу среднихъ вѣковъ, достаточно уже выработанный сарматскій стиль распространился на Балканскій полуостровъ и охватилъ Византію, въ связи съ умноженіемъ и возвышеніемъ тамъ славянскаго духа.

Чтобы пояснить нашу мысль, мы должны были бы подробно разобрать здѣсь важнѣйшіе памятники, характеризующіе скиѳо-сарматскую культуру и сопоставить ихъ съ отличительными чертами византійскаго стиля. Эта задача можетъ быть выполнена только въ дальнѣйшихъ, спеціально археологическихъ главахъ настоящаго сочиненія; теперь же я коснусь ея въ общемъ очеркѣ.

По византійскому вопросу скиѳо-сарматскія древности представляютъ собою матеріалъ довольно ограниченный. Онъ сосредоточивается почти исключительно въ могильныхъ (курганныхъ) находкахъ, и притомъ относится только до металлическихъ предметовъ и глиняныхъ статуетокъ, по которымъ можно воспроизвести болѣе или менѣе характерные типы скиѳскихъ нарядовъ и украшеній. Большое значеніе имѣли бы также монеты съ изображеніемъ

*) Не этимъ ли смѣшеніемъ скиѳовъ и сарматовъ объясняется двойственный типъ русскаго народа. Бѣлокурые, круглолицые и голубоглазые сѣверяне (новгородскій и западный типъ), болѣе сходные съ сѣверными германцами и западными финнами, могли принадлежать къ скиѳскому поколѣнію, а черноволосые, длинноголовые, съ черными или карими глазами южане даютъ поводъ искать происхожденіе этого типа въ болѣе жаркихъ странахъ Персіи и Малой Азіи. Таже двойственность замѣтна у западныхъ и южныхъ славянъ: чехи по преимуществу блондины, сербы и болгары—брюнеты.

Босфорскихъ царей, но они чеканились по образцу греческихъ и римскихъ монетъ, потому, кромѣ надписи, не представляютъ ничего характернаго. Тѣмъ не менѣе, и по этому, хотя и обильному, по однообразному матеріалу, можно составить себѣ достаточно ясное представленіе о скиѳо-сарматскомъ типѣ. Начнемъ съ личныхъ украшеній.

1) Шейная гривна въ формѣ обруча (византійскій маніакъ) между скиѳскими древностями встрѣчается чрезвычайно часто. Ее мы находимъ, какъ общераспространенное, обычное украшеніе во всѣхъ курганныхъ областяхъ, начиная съ Семирѣчья и Западной Сибири (въ Тобольской и Томской губерніяхъ), затѣмъ въ Пермскомъ, Вятскомъ и Оренбургскомъ краѣ, въ Донскихъ и Черноморскихъ краяхъ, однимъ словомъ во всей Россіи, гдѣ только встрѣчаются курганныя могилы. Большею частію эти обручи бронзовые, но въ Вятскомъ, Пермскомъ и Болгарскомъ (Камскомъ) краяхъ не рѣдко встрѣчаются также серебряные, довольно массивные. На каменныхъ бабахъ Семирѣчья, Семипалатинской, Донской и Черноморскихъ областей многія изваянія также представлены съ этими шейными обручами. По русскимъ лѣтописямъ гривны употреблялись въ старой Россіи очень долгое время, очевидно, какъ наслѣдіе древнѣйшихъ временъ.

2) Тоже самое можно сказать о серьгахъ, браслетахъ, кольцахъ, ожерельяхъ, фибулахъ и дорогихъ поясахъ съ металлическимъ наборомъ. Въ восточныхъ зауральскихъ областяхъ эти пестрыя разнообразныя украшенія большею частію встрѣчаются бронзовыя, но общій типъ ихъ одинаковъ съ скиѳскими черноморскими. Послѣднія отличаются болѣе роскошною и изящною отдѣлкою, благодаря участію греческихъ мастеровъ, и болѣе дорогимъ матеріаломъ (золото, серебро и драгоцѣнные камни), но стремленіе къ той же роскоши и пестротѣ замѣчается и въ сибирскихъ находкахъ. Мужскія серьги (не рѣдко только для одного уха) обыкновенно имѣютъ форму большаго круглаго кольца съ утонченными не спаянными концами, въ родѣ шейнаго обруча въ маломъ размѣрѣ, женскія же серьги отличаются длинными, широкими или спиральными подвѣсками и массивностью. Обычай носить круглую мужскую серьгу въ одномъ ухѣ существовалъ и въ древней Руси. Такъ изображается Великій князь Святославъ въ описаніи Льва Діакона: «въ одномъ ухѣ его висѣла золотая серьга, украшенная карбункуломъ, а по обѣимъ сторонамъ двумя жемчужинами» (Чертковъ. «Описаніе войны В. К. Святослава противъ болгаръ и грековъ», стр. 91). Въ музеѣ Томскаго университета мы имѣемъ нѣсколько мужскихъ серегъ съ крупными бусами внизу большаго кольца. Бронзовые браслеты, находимые въ курганахъ, носились па запястьѣ а на плечѣ, потому они встрѣчаются двухъ размѣровъ. Форма ихъ либо спиральная, либо круглая, не рѣдко съ звѣриными головками на концахъ. Ожерелья были любимымъ женскимъ украшеніемъ. Чаще всего они состояли изъ бусъ, нанизанныхъ на нитку или

проволоку, къ которымъ иногда привѣшивались различныя металлическія привѣски. Бусы въ великорусскихъ и въ сибирскихъ курганахъ встрѣчаются въ большомъ количествѣ, разной величины, цвѣта и состава, чаще всего синяго и голубаго цвѣта и стеклянныя золоченыя или мастиковыя, покрытыя красками и узорами. Женскіе головные уборы тоже отличались большою сложностью и пестротой. На одной изъ бронзовыхъ пластинокъ, находящихся въ музеѣ Томскаго университета (№ 696), на головѣ женщины показано нѣчто въ родѣ короны изъ бляхъ и завитковъ, а отъ висковъ, полукругомъ къ подбородку опускается цѣпь или ожерелье. Ниже подбородка, на шеѣ, ожерелье опускается въ четыре ряда. Кольца и перстни тоже встрѣчаются довольно часто. Пояса съ пряжками и металлическимъ фигурнымъ наборомъ носились повсемѣстно какъ въ нынѣшней Европейской Россіи, такъ и въ Сибири. Наборъ обыкновенно дѣлался весьма нарядный, часто съ изображеніемъ разныхъ животныхъ (звѣриный орнаментъ). Таковы же были бляхи у застежекъ (фибулы).

3) Конская сбруя украшалась такимъ же красивымъ металлическимъ наборомъ, особенно уздечки. Сибирскіе всадники ѣздили въ стременахъ и, повидимому, имѣли сѣдла. Мѣдныя и бронзовыя стремена встрѣчаются въ числѣ археологическихъ находокъ, а сѣдла на глиняныхъ фигуркахъ.

4) Кольчуги, заимствованныя византійцами, точно также раньше существовали не у однихъ персовъ. Ихъ не одинъ разъ находили въ курганныхъ могилахъ южной и центральной Россіи, вмѣстѣ со щитами и шлемами. Эпоха, къ которой можно было отнести эти находки, по обстановкѣ погребенія, соотвѣтствуетъ времени не позднѣе VI—VII вѣка по Р. Х. Изобрѣтеніе кольчужнаго панцыря ведетъ свое начало съ глубокой древности, можетъ быть изъ Индіи, или изъ Ассиріи. Римлянамъ онъ тоже былъ извѣстенъ съ давнихъ поръ (за 4½ в. до Р. Х. Полибій), но у нихъ этотъ доспѣхъ не получилъ широкаго распространенія. Онъ вошелъ въ общее употребленіе только въ средніе вѣка, и преимущественно въ Византіи. Мода на кольчугу могла прійти сюда, съ одинаковой вѣроятностью, какъ изъ Персіи, такъ и отъ задунайскихъ славянъ. По изложеннымъ выше соображеніямъ, послѣднее предположеніе намъ кажется даже болѣе вѣроятнымъ. Если въ древнѣйшихъ скиѳскихъ могилахъ не оказывается этого доспѣха, то въ началѣ среднихъ вѣковъ кольчуга у славянъ несомнѣнно уже существовала. На изображеніяхъ траяновой колонны конница сарматовъ представлена въ кольчугахъ и шлемахъ. Въ битвѣ подъ Доростоломъ въ 971 г. Великій князь Святославъ былъ въ кольчугѣ, которая, по сказанію Льва Діакона, спасла его отъ удара Анемаса, тѣлохранителя Цимисхія. Въ извѣстномъ разсказѣ Нестора о Кіевскомъ воеводѣ Притичѣ, подарившемъ печенѣжскому князю *броню*, щитъ и мечъ, подъ бронею можно также подразумѣвать кольчужный панцырь, несомнѣнно

уже существовавшій въ Россіи въ X вѣкѣ. Въ послѣдующія времена русской исторіи кольчуга была у насъ постоянной принадлежностью воинскаго доспѣха, и пришла она къ намъ не изъ Византіи, а гораздо ранѣе, изъ передней Азіи, можетъ быть дѣйствительно изъ Персіи, при посредствѣ сарматовъ.

Нельзя не сожалѣть, что русская исторія сохранила намъ слишкомъ мало воспоминаній о древнихъ формахъ одеждъ, доспѣховъ и украшеній. Все что мы знаемъ изъ этой области, относится, за исключеніемъ немногихъ отрывочныхъ фактовъ, не къ древнему великокняжескому быту, а ко временамъ болѣе позднимъ (XVI—XVII в.). Но и въ сохранившихся данныхъ нельзя не усмотрѣть ближайшаго сходства внѣшнихъ формъ русской жизни съ византійскими формами. Та же пышная роскошь въ мужскихъ и женскихъ нарядахъ, та же любовь къ золоту, цвѣтнымъ каменьямъ и жемчугу, та же цвѣтная, расшитая верхняя одежда съ дорогими наборными поясами, тѣ же тяжелыя украшенія конской сбруи, съ кистями и бляхами. Въ царскихъ одеждахъ и регаліяхъ сходство съ византійскими образцами объясняется прямымъ подражаніемъ византійскимъ императорамъ, но едва-ли такое объясненіе примѣнимо къ формамъ обыденной русской жизни, въ особенности въ отношеніи къ боярскимъ костюмамъ и женскимъ нарядамъ. Здѣсь пестроту одѣянія многіе стараются объяснить татарскими вкусами, но это предположеніе можно считать по меньшей мѣрѣ преувеличеннымъ. Древняя допетровская Русь была болѣе самобытна и консервативна, чѣмъ въ нынѣшнія времена. Она не увлекалась модами, не только взятыми отъ враговъ, но и отъ друзей, а была вѣрна своимъ преданіямъ, своимъ народнымъ привычкамъ. По этому замѣчаемое сходство нашей жизни съ византійскою внѣшностью естественнѣе всего искать въ общихъ началахъ (источникахъ) нашей и византійской культуры. Я представляю себѣ процессъ этого взаимодѣйствія въ такой приблизительно формѣ: основы византизма, какъ сырой матеріалъ, вѣками сформировавшійся на скиѳо-сарматской почвѣ, были перенесены въ восточную римскую имперію при посредствѣ усилившагося тамъ славянства,— были культивированы здѣсь при помощи классическаго искусства и высокой цивилизаціи греко-латинскаго міра и въ этомъ духовно-оплодотворенномъ видѣ снова возвратились къ намъ вмѣстѣ съ христіанскими и книжными идеями греческаго закона. Въ этой формѣ византійская культура притекла къ намъ какъ иноземный продуктъ, выработанный изъ нашего собственнаго сырья и потому для насъ болѣе близкій и дорогой. Онъ отвѣчаетъ русскимъ народнымъ вкусамъ и склонностямъ и потому такъ легко привился у насъ и далъ плодъ,—не искусственно аклиматизированный, а произростающій на привычной родной почвѣ, послѣ благородной прививки.

Выдающеюся особенностью византійскихъ нововведеній, характеризующихъ новое направленіе искусства, считается своеобразный архитектурный стиль

построекъ, преимущественно церковныхъ, появившихся съ V—VI вѣка, главнымъ образомъ въ царствованіе императора Юстиніана.

Первымъ храмомъ, построеннымъ въ новомъ (византійскомъ) стилѣ считаютъ церковь св. апостоловъ, сооруженную Константиномъ Великимъ въ 329 году, но потомъ заново перестроенную Юстиніаномъ въ 556 году*). Прокопій, современникъ Юстиніана, описывая эту новую постройку, замѣчаетъ: «сооруженіе это такъ воздушно, что не вѣрится въ его прочность, хотя въ дѣйствительности оно очень прочно». Это замѣчаніе прямо показываетъ, что типъ Юстиніановой постройки былъ для византійцевъ новостью. Дѣйствительно, римлянамъ и грекамъ, не привыкшимъ къ такимъ зданіямъ, могло показаться, что высокіе купола, утвержденные на аркахъ, не могутъ представлять достаточной устойчивости. Церковь эта была пятиглавая, въ планѣ имѣла форму креста, въ центрѣ пересѣченія его вѣтвей (по срединѣ церкви) подъ главнымъ куполомъ былъ помѣщенъ алтарь. Тѣмъ же императоромъ Юстиніаномъ былъ построенъ знаменитый храмъ св. Софіи или премудрости Божіей. Здѣсь византійскій стиль выраженъ въ самомъ блестящемъ развитіи. Строили его архитекторы Артемій Тральскій и Исидоръ Милетскій, но по народному преданію они были только исполнителями повелѣній самаго императора, которому видѣніемъ свыше были указаны всѣ формы зданія и средства для его постройки. Во этомъ преданіи, можетъ быть, сказывается настоящій славянскій источникъ мотивовъ новаго архитектурнаго стиля. Дѣйствительно, самъ императоръ былъ почти неотлучно при работахъ, лично награждалъ болѣе прилежныхъ рабочихъ и руководилъ всѣми постройками. Постройка св. Софіи началась въ 532 г. и окончена въ 537. Третьимъ знаменитымъ сооруженіемъ императора Юстиніана была церковь св. Виталія, въ Равеннѣ. Она была построена въ память св. Виталія, патрона этого города, послѣ изгнанія готовъ изъ Италіи (около 547 г.). Форма ея плана восьмиугольная, съ пилонами, на которыхъ перекинуты полукруглыя арки. По образцу этой церкви былъ построенъ въ VIII вѣкѣ Карломъ Великимъ Ахенскій соборъ. Основа его архитектурнаго стиля византійская. Сюда же можно отнести церковь св. Марка въ Венеціи (въ концѣ X вѣка). Въ Германіи и Франціи, восточные принципы, положенные въ основу византійскаго стиля, вскорѣ были переработаны, сообразно съ національнымъ вкусомъ, въ особый готическій стиль**). Одна Россія осталась вѣрна византійскому искусству; оно ближе и понятнѣе для ея народнаго сердца, какъ родное наслѣдство по прямой линіи, созданное славянскимъ народнымъ духомъ и возвеличенное геніемъ византійскаго императора славянина.

*) Гагаринъ. Происхожденіе пятиглавныхъ церквей. Спб. 1881 г.

**) Первый готичеккій храмъ былъ выстроенъ въ Парижѣ, во имя св. Діонисія, въ 1137—1144 г. Rieger, Slovník naučny. Прага 1863 г. стр. 465.

Происхожденіе византійскаго архитектурнаго стиля, точно также какъ и прочихъ элементовъ византизма, принято приписывать Персіи. По этому вопросу было уже мною замѣчено выше, что Персія сама по себѣ, по своимъ политическимъ и народнымъ отношеніямъ, едва-ли могла служить для Византіи образцомъ новыхъ идей и вкусовъ. Тѣмъ болѣе это можно сказать по отношенію къ новой архитектурѣ византійскихъ церквей. Отдѣльные элементы персидскаго зодчества, напр. сводъ, стрѣльчатыя арки, примѣненіе къ постройкамъ квадратнаго обожженаго кирпича, даже самые архитектурные типы зданій, съ очень отдаленныхъ временъ были распространены не только по всей передней и центральной Азіи, но проникали также на Кавказъ и на Волгу, гдѣ персидскіе строительные принципы были усвоены раньше, чѣмъ въ Византіи.

Своеобразное искусство постройки глинянныхъ и кирпичныхъ зданій ведетъ свое начало изъ Ассиріи и Вавилона. Отсюда оно перешло въ Персію и въ Кавказскія страны, а можетъ быть и далѣе на сѣверъ, до предѣловъ Камской Болгаріи. Персія, какъ преемница Ассиріи, усовершенствовала этотъ строительный стиль, придала ему своеобразныя архитектурныя формы, которыя воспроизводились потомъ и въ нашихъ сѣверныхъ странахъ еще до начала среднихъ вѣковъ. На сѣверномъ Кавказѣ и по восточному берегу Чернаго моря во времена Страбона существовали каменные города, при постройкѣ которыхъ несомнѣнно должно было примѣняться персидское строительное искусство, такъ какъ эти страны въ предшествовавшее время находились подъ культурнымъ воздѣйствіемъ Персіи. Съ распространеніемъ христіанства на Кавказѣ тѣ же самые, давно привычные, архитектурные типы должны были отразиться на постройкѣ мѣстныхъ церквей. Слѣдовательно, здѣсь, а не въ самой Персіи, естественнѣе всего искать зарожденіе, такъ называемаго, византійскаго церковнаго зодчества, что повидимому подтверждается какъ исторіей распространенія христіанства на Кавказѣ, такъ и сохранившимися многочисленными памятниками храмовъ на восточномъ берегу Чернаго моря, относимыхъ по древности къ первымъ вѣкамъ христіанства и носящихъ на себѣ признаки настоящаго византійскаго стиля*). Кавказскій берегъ Чернаго моря считается однимъ изъ первыхъ по времени мѣстъ, куда распространилось и гдѣ процвѣтало христіанство. Сохранилось преданіе, что апостолъ Симонъ Канонитскій въ Абхазіи погибъ мученическою смертію. Здѣсь же проповѣдывалъ христіанство первозванный Андрей, съ именемъ котораго связывается распространеніе апостольской проповѣди у Черноморскихъ скиѳовъ, по Днѣпру и даже до областей сѣвернаго Новгорода (Нес-

*) *Dubois de Montpéreux.* Voyage autour du Caucase. Paris, 1839. Tome I, p. 223 и слѣд. Изъ русскихъ авторовъ писали о грузинскихъ и абхазскихъ церковныхъ древностяхъ *Броссе, Гриммъ,* кн. *Гагаринъ, Іосселіани, Бакрадзе, Кондаковъ, Нарышкинъ.*

торъ). Іоаннъ Златоустъ былъ сосланъ въ Абхазію и умеръ въ этой, нѣкогда цвѣтущей и усѣянной христіанскими храмами, странѣ *). Такимъ образомъ святыни Иберіи и Абхазіи, воспріявшихъ христіанство изъ первыхъ источниковъ, не только не могли быть забыты византійскими императорами-христіанами, но могли внушить имъ благоговѣйное желаніе воспроизвести при послѣдующихъ церковныхъ постройкахъ тѣ внѣшнія формы, которыми отличались древнѣйшіе храмы кавказскаго побережья. Объ императорѣ Юстиніанѣ извѣстно, что онъ ревностно заботился о процвѣтаніи христіанства въ этихъ странахъ и строилъ здѣсь новыя церкви, именно въ томъ стилѣ, который потомъ получилъ названіе византійскаго. Исторія не имѣетъ прямыхъ доказательствъ, былъ ли этотъ стиль перенесенъ изъ Константинополя на Кавказъ, или, наоборотъ, образцы его взяты съ древнѣйшихъ кавказскихъ церквей. Этотъ вопросъ могутъ рѣшить впослѣдствіи только детальныя археологическія изслѣдованія; но историческая логика позволяетъ предугадывать его рѣшеніе въ пользу Кавказа. За это говорятъ: 1) ближайшая связь кавказскаго христіанства съ его первоисточниками, 2) родственныя племенныя отношенія жителей сѣвернаго Кавказа съ дунайскими и балканскими славянами въ первые вѣка христіанства, воздѣйствовавшими, какъ мы говорили выше, на распространеніе новыхъ византійскихъ вкусовъ**), 3) отсутствіе въ самой Византіи непосредственныхъ классическихъ источниковъ, изъ которыхъ могъ бы возникнуть новый строительно-церковный стиль. Этотъ послѣдній во всякомъ случаѣ признается не греческимъ, а заимствованнымъ изъ Азіи; но подражаніе въ постройкѣ храмовъ естественнѣе было взять изъ христіанской и до нѣкоторой степени родственной страны, чѣмъ изъ Персіи, которая не была связана съ Византіей никакими духовными отношеніями.

Древнѣйшимъ изъ уцѣлѣвшихъ христіанскихъ памятниковъ Кавказа считается знаменитый храмъ Абхазіи, Бидшвинту, въ Пицундѣ. Его относятъ ко времени Юстиніана (550 г.). Вотъ какъ описываетъ его Дюбуа-де-Монтпере, посѣтившій эти мѣста въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. «Мнѣ уже прежде приходилось слышать объ этой замѣчательной постройкѣ, но

*) На мѣстѣ заточенія Іоанна Златоуста и мученической кончины апостола Симона лѣтъ 15 тому назадъ основанъ *Новый Аѳонъ*. При этомъ реставрированы сохранившіеся здѣсь нѣкоторые древнѣйшіе храмы, освященные во имя Успенія Божіей Матери, Іоанна Златоуста и апостола Симона (Газ. „Новое Время“ 1889 г. 29 сентября, статья Молчанова).

**) Извѣстно, что въ это время, до появленія Хозаръ, весь сѣверный Кавказъ занимали Болгары, переселившіеся потомъ за Дунай. На Кавказѣ у нихъ былъ городъ Семендеръ, имя котораго перенесено было на нынѣшнюю Семендрію (Семедрово) близъ Бѣлграда. Кромѣ Болгаръ, здѣсь же у сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря жили Анты, славянское племя. Какія отношенія имѣли Болгары къ древностямъ Абхазіи и Сванетіи, это уяснить трудно, но можно предполагать, что архитектурный стиль построекъ, какъ проистекающій изъ одного и того же первоначальнаго (персидскаго) источника, могъ имѣть у тѣхъ и другихъ общія черты, какъ это проявляется и на уцѣлѣвшихъ зданіяхъ древнихъ Камскихъ Болгаръ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

дѣйствительность превзошла мои ожиданія: благородный и смѣлый стиль среди одичавшей въ настоящее время Абхазіи возбуждаетъ невольное удивленіе. Соборъ этотъ, выстроенный изъ кирпича, съ трехъ сторонъ имѣетъ три высокихъ фронтона.... Но что особенно поражаетъ и придаетъ этой церкви наиболѣе живописный видъ, это своеобразная смѣсь матеріаловъ, примѣненныхъ къ ея постройкѣ. Нижняя часть храма на нѣсколько футовъ отъ земли выстроена изъ тесаннаго камня, а далѣе до крыши стѣны покрыты какъ бы широкими лентами, идущими кругомъ всей церкви. Эти полосы состоятъ изъ чередующихся рядовъ краснаго кирпича и кубическихъ камней сѣроватаго известняка. Внутренность храма соотвѣтствуетъ его наружному величію. На четырехъ громадныхъ аркахъ, изъ коихъ каждая около тридцати футовъ въ пролетѣ и возвышается отъ земли около шестидесяти футовъ, величественно покоится куполъ, высотою до 36 футовъ. Въ немъ 8 оконъ, каждое 14 футовъ высоты. Длина всего храма, со включеніемъ стѣнъ,—118 футовъ, ш. рина—68, высота—102 фута. Онъ не имѣетъ никакихъ особенныхъ архитектурныхъ орнаментовъ ни снаружи, ни внутри: вся красота его заключается въ величинѣ и прекрасныхъ пропорціяхъ. Штукатуркою покрыты только куполъ и хоры, остальныя стѣны прямо кирпичныя, или изъ тесанаго камня, смотря по рядамъ. Въ планѣ церковь раздѣляется на четыре части, образующія форму греческаго креста. Восточную часть занимаетъ алтарь, западную притворъ, а боковыя короткія вѣтви креста предназначены для боковыхъ дверей. Притворъ занимаетъ всю ширину церкви и соединяется съ среднимъ нефомъ и подхорными пространствами тремя большими дверями. Отсюда идетъ кирпичная лѣстница, ведущая на галлерею, расположенную на сводахъ по боковымъ сторонамъ церкви. Передняя часть алтарной стѣны снаружи имѣетъ три полукруглыхъ выступа, соотвѣтствующіе тремъ придѣламъ церкви».

Постройки древней христіанской эпохи встрѣчаются на Кавказѣ во многихъ другихъ мѣстахъ. Подробное перечисленіе ихъ въ данномъ случаѣ не представляется необходимымъ, тѣмъ болѣе, что всѣ онѣ по архитектурному стилю весьма сходны между собой. Отличительнымъ признакомъ ихъ зодчества служатъ: 1) примѣненіе къ постройкамъ квадратнаго обожженнаго кирпича; 2) прямоугольная форма плана съ выдающимися на алтарной стѣнѣ тремя полукружіями и пристройками для боковыхъ дверей (боковые порталы) по срединѣ боковыхъ стѣнъ, придающими плану церкви форму креста; 3) массивные пилоны съ арками большаго пролета, на которыхъ покоятся барабанъ и центральный куполъ; 4) раздѣленіе церкви на три нефа, изъ коихъ средній, подъ центральнымъ куполомъ, значительно шире боковыхъ; 5) раздѣленіе боковыхъ нефовъ, арками и сводами, на два яруса, съ лѣстницею на верхнюю галлерею изнутри притвора церкви; 6) восьмигранная

форма барабана съ узкими и длинными окнами, по одному въ каждой грани; 7) пирамидальная многогранная форма купола. Всѣ эти признаки повторяются въ архитектурѣ византійскихъ (аѳинскихъ и пелопонезскихъ) и древнерусскихъ церквей. Поэтому заключаютъ, что грузинскіе, абхазскіе и сванетскіе храмы выстроены по образцу византійскихъ.

Нельзя не сознаться, что древности Кавказа, въ томъ числѣ и христіанскіе храмы, по настоящее время изслѣдованы весьма поверхностно. Ученый міръ въ первый разъ ознакомился съ ними только въ 1839 году послѣ изданія вышеупомянутаго путешествія Дюбуа. Но это было не настоящее изслѣдованіе, а лишь внѣшнее описаніе древностей, осмотрѣнныхъ любознательнымъ туристомъ. Тоже самое можно сказать и о послѣдующихъ писателяхъ по отношенію къ фактической сторонѣ изслѣдуемаго вопроса. Для полноты научныхъ данныхъ, которыя должны лежать въ основѣ историческихъ умозаключеній, необходимо было бы изучить не однѣ только внѣшнія формы храмовъ, но и способы ихъ постройки, мѣру и обработку строительныхъ матеріаловъ, а равно и заключающіеся въ окружающемъ культурномъ слоѣ археологическіе предметы (путемъ систематическихъ раскопокъ), могущіе выяснить хронологическую сторону вопроса и дѣйствительное отношеніе грузинской архитектуры къ византійской. Тогда, можетъ быть, дѣло могло бы представиться совсѣмъ съ другой стороны.

Извѣстный цѣнитель русской старины *Віолле-ле-Дюкъ*, анализируя элементы византійскаго строительнаго искусства, приходитъ къ тому заключенію, что оно имѣетъ общіе источники съ искусствомъ славянскимъ. «Съ перваго взгляда, прибавляетъ авторъ, это можетъ показаться парадоксомъ; но изслѣдованіе памятниковъ не должно оставлять въ этомъ никакого сомнѣнія. И эти источники кроются въ срединѣ азіатскаго материка»*). Такое заключеніе французскаго писателя доказываетъ его глубокую проницательность. По однимъ внѣшнимъ формамъ и отрывочнымъ элементамъ онъ видитъ, что славянская культура не есть исключительно плодъ духовнаго воздѣйствія со стороны Византіи, но что она родная сестра этой послѣдней, происходящая отъ одной матери. Ознакомившись подробнѣе съ эпохами развитія той и другой, можно было бы сдѣлать еще болѣе рѣшительный выводъ, именно, что византизмъ получилъ свою полную окраску только при пробудившемся самосознаніи славянства, что элементы византійскаго искусства въ сущности суть элементы славянскіе.

Противъ высказанной нами мысли, естественно, явится слѣдующее возраженіе: имѣли ли сами восточные славяне тотъ культурный запасъ національныхъ мотивовъ и полезныхъ изобрѣтеній, которыми они могли бы подѣлиться съ такою образованною страною, какъ восточная Римская имперія? Слѣдуя

*) *Віолле-ле-Дюкъ*, „Русское искусство, его памятники и составные элементы". Переводъ Султанова. Москва 1879 г. стр. 31

установившемуся мнѣнію, привыкли думать, что древняя Скиѳія представляла варварскую страну, населенную кочевыми народностями, не имѣвшими историческихъ запасовъ цивилизованной жизни. Ошибочность такого мнѣнія едва-ли нуждается въ подробныхъ доказательствахъ. Археологическія изслѣдованія показываютъ, что не только болгарское царство (на Камѣ и Волгѣ), имѣвшее болѣе близкія сношенія съ образованными странами востока, но и все остальное пространство нынѣшней Европейской Россіи, можно сказать, усѣяно памятниками, подтверждающими болѣе или менѣе развитую культурную жизнь. А своеобразный складъ славянской жизни, славянскихъ вкусовъ, привычекъ и преданій, имѣющихъ такъ мало общаго съ западною Европою, развѣ не указываетъ на богатое наслѣдство отъ древнѣйшихъ временъ, выработанное славянскимъ геніемъ и свято сохраняемое до сего времени. Что касается до вещественныхъ памятниковъ древняго славянскаго искусства и зодчества, то и они постепенно начинаютъ открываться, по мѣрѣ того, какъ ученые изслѣдователи, отбросивъ искусственно привитый намъ предразсудокъ пренебреженія къ своему прошлому, стали смотрѣть на этотъ вопросъ съ нѣкоторымъ довѣріемъ.

Чтобы имѣть нѣкоторое право говорить о скиѳскомъ, или доисторическомъ болгарскомъ и славянскомъ зодчествѣ, необходимо доказать, что оно дѣйствительно существовало въ древнѣйшую скиѳскую эпоху. Поэтому мы должны указать хотя бы на слѣды каменныхъ построекъ въ этихъ странахъ. Древнѣйшія изъ нихъ найдены на Таманскомъ полуостровѣ. Въ отчетѣ Императорскаго археологическаго Общества за 1859 г. (стр. XIII) упоминается, что „въ Фанагоріи были открыты въ двухъ мѣстахъ остатки кирпичныхъ стѣнъ, болѣе четырехъ аршинъ толщины“. Въ извѣстномъ трудѣ К. К. Герца *) описывается курганъ, около озера Цукура, въ которомъ находилась гробница, выложенная изъ сырцоваго кирпича. По найденнымъ здѣсь вещамъ, соотвѣтствующимъ находкамъ въ скиѳскихъ гробницахъ на Днѣпрѣ, эту могилу относятъ къ скиѳской эпохѣ. На сѣверномъ берегу того же озера, на мѣстѣ, гдѣ нынѣ расположена Стеблевская станица, находятся обширныя развалины древняго города. Павелъ *Сумароковъ* находилъ здѣсь обломки старыхъ кирпичей и кувшиновъ **). Далѣе, на югозападномъ берегу Таманскаго залива, вблизи станціи Сѣнной, находится громадное городище со множествомъ замѣчательныхъ земляныхъ кургановъ. Въ 1711 г., по описанію путешественника *Лемотре*, здѣсь еще существовали развалины каменныхъ зданій, но, по словамъ этого автора, онѣ съ каждымъ днемъ уничтожались, потому что жители гор. Тамани и Темрюка разбирали находящійся здѣсь строительный матеріалъ для своихъ построекъ. Другой фран-

*) «Древности», Т. II, вып. 3. Москва 1870 г., стран. 250 и слѣд.
**) «Досуги крымскаго судьи», Т. II, стр. 144.

цузскій путешественникъ *Дюбуа* (1832—1834 г.), при описаніи того же мѣста, замѣчаетъ, что городище занимаетъ пространство на протяженіи версты, и здѣсь еще можно распознать слѣды стѣнъ, *преимущественно кирпичныхъ*, окружавшихъ городъ. *) К. К. Герцъ, изслѣдовавшій то же самое мѣсто въ 1859 г., не нашелъ уже слѣдовъ города, но онъ опредѣляетъ площадь городища, по прямой линіи отъ моря, въ длину 1150 саженъ. Разрѣзъ этого культурнаго слоя отчетливо видѣнъ на отвѣсномъ обвалѣ морскаго берега, откуда, по словамъ К. К. Герца, „торчали обломки известковыхъ плитъ и колоннъ, *кирпичи*, черепки разбитыхъ сосудовъ и кости". При раскопкахъ этого городища въ 1859 году, въ числѣ разнообразныхъ предметовъ и обломковъ греческихъ колоннъ, найденъ былъ уголъ зданія, стѣны котораго были сложены изъ *обожженнаго*, или земляного (сырцоваго?) *кирпича*. „Видно, замѣчаетъ г. Герцъ, что разрушеніе нѣсколько разъ проносилось надъ этимъ мѣстомъ и одно поколѣніе созидало себѣ жилища изъ памятниковъ другаго, ему предшествовавшаго" (Стр. 275). При тѣхъ же раскопкахъ 1859 г. здѣсь найдено было 25 грубыхъ глиняныхъ амфоръ и пять большихъ глиняныхъ бочекъ. Эти послѣднія имѣютъ шаровидную форму, безъ ручекъ, и узкое (острое) коническое дно. Величина ихъ отъ двухъ аршинъ до сажени и болѣе. Помѣщенный въ сочиненіи Герца рисунокъ одного изъ этихъ сосудовъ (стр. 276) совершенно сходенъ съ рисунками такихъ же сосудовъ, найденныхъ Шлиманномъ въ Троѣ. Здѣсь же не излишне повторить, что подобные сосуды съ коническимъ неустойчивымъ дномъ часто встрѣчаются между находками Камской Болгаріи.

Въ 1853 году К. Р. Бѣгичевъ производилъ изслѣдованіе другаго подобнаго же городища, между хуторами Семеняки и Боровика. Прорѣзая слой до пяти саженъ глубины, онъ все-таки не достигъ материка: такъ глубокъ мусоръ, накопленный вѣками. Въ обрѣзѣ видно было нѣсколько фундаментовъ бывшихъ здѣсь зданій, которые шли въ разныхъ направленіяхъ и на разныхъ высотахъ; нижніе слои состояли изъ дикихъ камней, верхніе изъ *обожженныхъ кирпичей*. Далѣе же, къ концу пятой сажени, встрѣтились *слои черепицъ* и амфорныхъ черепковъ, перемѣшанныхъ съ золою и углями. «Весь этотъ хаосъ бывшихъ здѣсь въ древности построекъ и пятисаженная высота насыпи положительно доказываютъ,—замѣчаетъ г. Герцъ, что на этомъ мѣстѣ существовалъ какой-то большой городъ, который нѣсколько разъ подвергался конечному разрушенію и снова строился на развалинахъ прежняго. Такого рода насыпи могутъ образоваться только въ теченіе тысячелѣтій». (Стр. 281). При раскопкѣ одного изъ близъ лежащихъ кургановъ въ 1859 г. въ головахъ саркофага, между прочимъ, была найдена мужская

*) Dubois de Montpéreux, Voyage etc. t. V, стр. 65.

шапка, изъ верблюжьей шерсти, сшитая изъ нѣсколькихъ кусковъ. По формѣ своей она походитъ совершенно на тѣ, въ которыхъ изображены скиѳы на знаменитомъ золотомъ сосудѣ, открытомъ въ Куль-Обо и хранящемся нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Это—колпакъ, къ которому сзади пришитъ широкій лоскутъ изъ той же ткани верблюжьей шерсти для прикрытія шеи. Въ шапкѣ найдены остатки волосъ покойника, чернаго цвѣта. Эта находка, равно какъ и другіе предметы, напр. *бронзовыя стремена*, показываютъ, что въ курганныхъ могилахъ погребены были не греческіе колонисты, а туземные обыватели—скиѳы.

Въ археологическихъ изслѣдованіяхъ на Таманскомъ полуостровѣ, къ сожалѣнію, ни въ одномъ случаѣ не указывается ни на размѣры найденнаго тамъ кирпича, ни даже на его форму. Это обстоятельство лишаетъ насъ возможности сдѣлать необходимыя сравненія и опредѣлить, какого типа былъ этотъ кирпичъ: соотвѣтствовалъ ли онъ болгарской (волжской), древне-греческой, или римской формѣ, или, можетъ быть, имѣлъ своеобразный мѣстный типъ? По этимъ признакамъ можно было бы угадать, принадлежали ли разрушенные города греческимъ колоніямъ, или возникли они въ цвѣтущее время Босфорскаго царства, подъ вліяніемъ латинской культуры, или, наконецъ, кирпичное зодчество проникло сюда изъ Персіи, вмѣстѣ съ сарматами. Одно едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что таманскія кирпичныя постройки принадлежатъ къ древнѣйшимъ памятникамъ этого рода въ Россіи, что нѣкоторыя изъ нихъ одновременны съ находящимися здѣсь скиѳскими курганами, указывающими, по характеру найденныхъ въ нихъ предметовъ, на эпоху до Р. Х. Такимъ образомъ можно констатировать фактъ, что скиѳы имѣли города, а каменыя зданія они строили изъ кирпича, который имъ былъ извѣстенъ очень давно. Они могли узнать его изъ прямыхъ источниковъ, если не непосредственно изъ Ассиріи, или изъ Трои, то, по крайней мѣрѣ, отъ персовъ, или мидянъ, съ коими киммерійцы имѣли прямыя сношенія. Сомнительно, что бы кирпичныя постройки этой эпохи были греческаго издѣлія, потому что у самихъ грековъ того времени обожженный кирпичъ употреблялся рѣдко, а можетъ быть и совсѣмъ не былъ въ употребленіи.

По сосѣдству съ Таманскимъ полуостровомъ, по другую сторону р. Кубани, найдены во многихъ мѣстахъ развалины древнихъ каменныхъ построекъ. Почти всѣ онѣ представляютъ собою христіанскіе храмы, слѣдовательно, относятся ко времени послѣ Р. Х. Архитектура этихъ построекъ имѣетъ большое сходство съ русскими постройками, что наводитъ на мысль о связи привычныхъ мотивовъ русскаго церковнаго зодчества съ древнимъ сванетскимъ. При описаніи этихъ памятниковъ мы будемъ руководствоваться отчетомъ гг. Нарышкиныхъ, совершившихъ археологическое путешествіе на Кавказъ (въ Сванетію) въ 1867 году. На 42 стр. этого отчета сказано:

«При впаденіи рѣчки Каракентъ въ Кубань, я осмотрѣлъ мѣстность, которая особенно поразила меня тѣмъ, что отъ впаденія рѣчки Кубыши въ Кубань до самаго подножія близъ лежащихъ горъ вся плоскость покрыта слѣдами многочисленныхъ зданій всякаго вида, между которыми ясно виднѣются линіи улицъ и обросшіе зеленью фундаменты капитальныхъ стѣнъ довольно большихъ зданій. Вѣроятно на этомъ мѣстѣ было значительное поселеніе или городъ... Вся эта мѣстность носитъ названіе Каракентъ. Къ полудню я доѣхалъ до небольшой рѣчки Шани. На лѣвомъ берегу ея, близъ впаденія въ Кубань, на скалѣ почти неприступной, находится старинная христіанская церковь, описанная г. Фирковичемъ въ 1849 г. Своды церкви выведены изъ обожженнаго кирпича, отличающагося отъ теперешняго своею формою: онъ шире и длиннѣе, хотя тоньше тѣхъ, которые теперь дѣлаютъ въ Россіи».

По приложенному плану и рисунку этой церкви (табл. II) видно, что она была построена въ такъ называемомъ византійскомъ стилѣ, весьма часто повторяющемся въ древнихъ русскихъ церквахъ. Передняя алтарная стѣна состоитъ изъ трехъ полукружныхъ выступовъ (три придѣла). Барабанъ надъ центральнымъ куполомъ имѣетъ восьмигранную форму, съ узкимъ окномъ въ каждой грани; онъ возведенъ на четырехъ толстыхъ пилонахъ; такіе же два пилона отдѣляютъ алтарную часть отъ остальнаго храма. Стѣны церкви, повидимому, сложены изъ тесаннаго камня, а своды изъ кирпича, но о способѣ кладки, а равно и о точныхъ размѣрахъ кирпича не приведено никакихъ указаній. Не въ далекомъ разстояніи отъ Шонійской церкви, за рѣкою Тибердою, на утесѣ горы находится другая церковь точно такой же конструкціи, но нѣсколько меньшихъ размѣровъ. Своды ея также сложены изъ кирпича; на внутренней штукатуркѣ сохранились остатки византійской живописи (Стр. 46, табл. X).

Далѣе, на правомъ берегу р. Зеленчука находятся три церкви, въ разстояніи одна отъ другой приблизительно на полверсты. «Стѣны ихъ сложены изъ грубо отесанныхъ камней, въ перемежку съ плитами, и связаны цементомъ, а всѣ своды выведены изъ обожженнаго кирпича (Стр. 57 табл. III, IV, V и VI). Архитектурный типъ ихъ точно такой же, какъ и у предыдущихъ, т. е. съ тремя полукруглыми алтарными придѣлами, съ восьмиграннымъ барабаномъ, возведеннымъ на пилонахъ, съ длинными и узкими окнами. Послѣднія три церкви расположены въ долинѣ рѣки Зеленчука, расширяющейся въ этомъ мѣстѣ до трехъ верстъ. Начиная отъ второй церкви, вверхъ по рѣкѣ до крутой балки, отъ которой долина снова обращается въ тѣснину, все пространство усѣяно слѣдами многочисленныхъ зданій разнаго вида и размѣровъ. Въ разныхъ мѣстахъ ясно видно начертаніе бывшихъ тутъ улицъ и переулковъ и развалившихся круглыхъ башенъ и укрѣпленій». Очевидно, здѣсь былъ какой-то городъ.

Какому народу и времени принадлежатъ эти постройки, остается вопросомъ не рѣшеннымъ. Несомнѣнно одно, что здѣсь жили христіане. Время постройки этихъ загадочныхъ церквей и городовъ могли-бы разъяснить только тщательныя археологическія изслѣдованія Закубанья, которыхъ по настоящее время мы не имѣемъ. Между тѣмъ изысканія подобнаго рода могли бы въ значительной мѣрѣ освѣтить исторію русскаго зодчества, которое, повидимому, имѣетъ непосредственную связь съ типами сванетскихъ и грузинскихъ церквей. Едва-ли это архитектурное сходство можетъ быть объяснено однимъ только общимъ для Россіи и Кавказа религіознымъ источникомъ—Византіею, ибо между кавказскими и русскими храмами замѣчается больше близости, чѣмъ тѣхъ и другихъ съ византійскими. Поэтому невольно является мысль, что нѣкоторые мотивы ихъ выработались подъ вліяніемъ не одного только византійскаго искусства, но и при участіи мѣстныхъ народныхъ элементовъ.

Кромѣ Таманскаго полуострова и Кубанской области, слѣды древнихъ каменныхъ городовъ находятся также и на восточной сторонѣ сѣвернаго Кавказа, особенно по р. Кумѣ. Далѣе на сѣверовостокъ тѣ-же слѣды въ большихъ размѣрахъ оказываются при устьяхъ Волги и во многихъ мѣстахъ по берегамъ этой рѣки, вплоть до рѣки Камы. *) Равнымъ образомъ не мало развалинъ городовъ съ каменными постройками сохранилось въ предѣлахъ древней Великой Болгаріи. Не считая столицы Болгаръ «Великаго города», гдѣ нѣсколько старыхъ зданій уцѣлѣло до сихъ поръ, не далѣе какъ въ концѣ прошлаго столѣтія существовали и другіе подобные пункты. Такъ, напр., по словамъ *Рычкова* **) въ его время въ Билярскѣ, еще стоялъ «преогромный каменный столбъ, построенный изъ краснаго кирпича, смѣшаннаго съ дикимъ камнемъ» (Стр. 13). Болгарскія городища съ каменными руинами замѣчательны тѣмъ, что всѣ они укрѣплены, по древнему скиѳскому типу, двойнымъ или тройнымъ полукруглымъ валомъ, а древности, находимыя въ городищахъ, прямо подтверждаютъ, что города эти существовали раньше татарской эпохи. Было бы еще возможно допустить, что татары, покоривъ эти страны, занимали потомъ старыя укрѣпленныя мѣста и строили на нихъ кирпичныя зданія; но и это едва-ли можетъ относиться

*) Описаніе развалинъ значительнаго числа каменныхъ городовъ, существовавшихъ по берегамъ Волги было опубликовано въ разныхъ археологическихъ изданіяхъ, въ томъ числѣ въ «Извѣстіяхъ Общ. арх., ист. и этн. при. Каз. унив». и въ трудахъ IV археологическаго съѣзда въ Казани. Въ 1888 году въ №№ 182 и 189 «Московскихъ Вѣдомостей» помѣщено свѣдѣніе о вновь открытомъ большомъ городѣ на правомъ берегу Волги, близъ посада Дубовки. Каменныя постройки, изящно отдѣланная домашняя утварь, мраморъ и *водопроводъ* свидѣтельствуютъ, что этотъ городъ былъ богатъ и принадлежалъ осѣдлому народу, стоявшему на значительной высотѣ культуры» Взятые отсюда квадратные кирпичи имѣли 5 верш. (22 сант.) длины и ширины (№ 189, 10 іюля 1888 г.)

**) «Дневныя записки путешествія капитана Рычкова 1769—1770 года». Спб. 1770 года.

ко многимъ случаямъ. Число городищъ съ каменными руинами такъ велико, что пришлось-бы тогда приписать татарамъ такую-же искони осѣдлую и промышленную жизнь, какую имѣла въ то время коренная Русь. Нужно еще при этомъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ городищъ съ слѣдами каменныхъ построекъ находятся слишкомъ далеко за чертою татарскаго водворенія. Таковы напр., упоминаемыя *Рычковымъ* городища Чердынскаго и Соликамскаго края. Кирпичи найдены были имъ въ Губинскомъ городищѣ (въ 25 верстахъ отъ Чердыни). Оно было окружено тремя рядами валовъ и рвовъ, а внутри его найдены плитные камни и кирпичи. «Знаки градскаго строенія, прибавляетъ Рычковъ, были версты на четыре, гдѣ еще и нынѣ находятъ серебряныя, мѣдныя, а иногда и золотыя вещи» (Стр. 126). Къ этому-же разряду слѣдуетъ отнести городище по р. Обвѣ (около села Рождественскаго), также окруженное валами. Внутри его, по словамъ Рычкова, видно было «множество дикаго камня, кирпича и муравленыхъ плитъ, которые видимо составляли какое нибудь каменное зданіе». За 50 лѣтъ до Рычкова, среди валовъ этого укрѣпленія, по разсказамъ стариковъ, существовали еще ворота, сооруженныя изъ дикаго камня. Въ городищѣ находятъ много бронзовыхъ и мѣдныхъ вещей, такъ называемой, чудской культуры (Стр. 75).

Въ числѣ упомянутыхъ выше развалинъ древнихъ городовъ на восточной сторонѣ сѣвернаго Кавказа, дольше всего сохранялись остатки города *Маджары* *) или *Можары* на р. Кумѣ. Эти руины весьма любопытны въ томъ отношеніи, что онѣ сохраняли архитектурную форму нѣкоторыхъ зданій почти до конца прошлаго столѣтія, были посѣщаемы и описываемы многими учеными путешественниками **), а въ началѣ 18 вѣка съ нихъ были сняты подробные планы и рисунки, воспроизведенные потомъ по архивнымъ оригиналамъ Академіи Наукъ въ изданіи академиковъ Бера и Гельмерсена: «Beiträge zur Kenntniss des russischen Reiches und der angränzenden Län-

*) Такъ называли этотъ городъ въ XIII столѣтіи арабскіе писатели. Въ русскихъ лѣтописяхъ и актахъ это имя пишется различно: чаще всего *Можары*, иногда *Моржары* или *Мочъжары*. Русская форма *Можары*—едва-ли не древнѣе арабской и татарской (*Маджары*), такъ какъ городъ основанъ былъ не татарами, а равно и арабскіе писатели передавали уже готовое имя съ свойственнымъ имъ произношеніемъ. Въ спискахъ населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи (гдѣ была древняя Болгарія) значится четыре селенія: *Можарка*, *Можарки*, *Можаровъ* и *Можары*. Въ другихъ губерніяхъ подобныхъ именъ не встрѣчается, за исключеніемъ, можетъ быть, гор. *Можайска*, по звукамъ нѣсколько напоминающаго Можары. Въ западно-славянскихъ земляхъ есть городъ *Могачъ*, у Мадьяръ, и *Могучъ* у Чеховъ, латин. *Moguntium*, нѣм. *Mainz* (Географ. словарь Головацкаго, Вильно 1884 г.). Не скрывается ли въ этихъ западныхъ именахъ корень для имени Можары и Можайска, отъ глагола *мочь*, *мощи*, *могу*, соотвѣтственно греч. μέγας и лат. *magnus* великій, могучій.

**) О Маджарахъ писали: *Гмелинъ*, Reise durch Russland. Bd. IV, p. 17—22. *Палласъ* Reise in die südlichen Statthalterschaften, Bd. 1, p. 277. *Гюльденштедтъ*. Reise durch Russland und im Caucasischen Gebirge, Bd, II, p. 27 *Klaproth*, voyage au mont Caucase et en Georgie I, p. 142—186. *Müller*, Sammlung Russ.Geschichte IV, p. 7—147.

der Asiens (Petersburg 1841. Viertes Bändchen, p. 55—96). По описанію *Гмелина* (1772 г.) въ его время руины Маджаръ представляли три группы, расположенныя на берегу р. Кумы, которыя онъ называетъ верхними, средними и нижними Маджарами. Средніе были самыми значительными по размѣрамъ. Они находились при устьѣ рѣчки Буйволы, впадающей въ Куму, занимая пространство около пяти верстъ въ длину и ширину, сплошь покрытое слѣдами каменныхъ строеній. По периферіи этого пространства, при посѣщеніи Гмелина, существовало еще свыше 20 каменныхъ зданій, не потерявшихъ своей формы. Они были выстроены изъ кирпича на известковомъ растворѣ. Фундаменты очень прочные, тоже изъ кирпича или бута. Кирпичъ имѣлъ такъ называемую татарскую форму (квадратный), иногда покрывался глазурью. Зданія почти всѣ со сводами и стрѣльчатыми окнами. Форма ихъ либо круглая (столпы), либо шести или восьмиугольная, рѣже четырехугольная. Вышина ихъ отъ 4 до 9 саженъ, иногда съ особымъ подземнымъ этажемъ, тоже подъ сводами. Высокія и большія зданія, кромѣ свода, заканчивались пирамидальнымъ куполомъ. Въ этотъ куполъ вела потайная винтовая узкая лѣстница, не болѣе 15″ ширины, выложенная въ боковой стѣнѣ. Куполъ освѣщался узкими оконообразными просвѣтами. Окна главнаго внутренняго помѣщенія тоже дѣлались длинныя и узкія. Входная дверь большею частію одна и довольно низкая.

Судя по описанію уцѣлѣвшихъ зданій, правда довольно краткому и поверхностному, но въ особенности по приложеннымъ къ статьѣ академика Бера планамъ и рисункамъ, нельзя не видѣть, что постройки города Можаръ носятъ на себѣ частію персидскій, частію византійскій характеръ (форма кирпича, своды, куполы, стрѣльчатыя арки на окнахъ и дверяхъ) По этимъ основнымъ признакамъ онѣ имѣютъ нѣкоторое сходство съ закубанскими и сванетскими христіанскими храмами, но еще болѣе съ древними постройками Камскихъ Болгаръ, о которой мы будемъ говорить подробнѣе въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Поэтому, независимо отъ вопроса, какому народу могъ принадлежать этотъ разрушенный городъ, архитектурный стиль его построекъ во всякомъ случаѣ долженъ указывать, что въ странахъ сѣвернаго Кавказа персидскіе строительные пріемы господствовали съ давнихъ поръ, усвоенные тѣмъ народомъ, который въ древности населялъ эти мѣста и имѣлъ здѣсь цвѣтущіе города.

О происхожденіи города *Маджары* были высказываемы разныя догадки. Извѣстный русскій историкъ *Татищевъ*, изслѣдовавшій эти руины въ въ 1735 году, будучи въ это время Астраханскимъ губернаторомъ, приписывалъ построеніе Можаръ скиѳамъ. *Гмелинъ* высказывалъ то же предположеніе. Основываясь на томъ, что кругомъ города находится много кургановъ, онъ замѣчаетъ, что древними жителями здѣсь были не татары. Мад-

жары онъ называетъ «прекраснымъ скиѳскимъ городомъ» (eine prächtige scythische Stadt). *Клапротъ* и *Френъ*, основываясь на монетахъ, найденныхъ въ городищѣ, и на арабскихъ писателяхъ, считаютъ Маджары татарскимъ городомъ. Найденныя монеты и историческія свидѣтельства арабовъ относятся къ XII—XIV столѣтіямъ, когда городъ несомнѣнно находился во владѣніи хановъ Золотой Орды. *) Въ это время о немъ упоминаютъ и русскія лѣтописи послучаю убіенія въ ордѣ Великаго Князя Михаила Ярославича въ 1318 г. Тѣло убитаго князя было отправлено въ г. Маджары (по лѣтописи Моджъгары), гдѣ въ то время была русская православная церковь и жило много русскихъ купцовъ **). Въ XIII—XIV вѣкѣ Маджары, также какъ и Камскіе Болгары, были во власти татаръ, но изъ этого ни чуть не слѣдуетъ, что основали и строили его татары. Имъ болѣе было свойственно разрушать города, а не созидать ихъ вновь. Овладѣвая богатыми городами, татары обыкновенно опустошали ихъ, но не препятствовали ихъ дальнѣйшему существованію, если это не противорѣчило ихъ выгодамъ и разсчетамъ. Населеніе такихъ городовъ въ большинствѣ было не татарское, а прежнее туземное, или пришлое торговое. Не чувствуя привычки къ осѣдлой жизни, татары XIII—XIV в. предпочитали домамъ подвижныя палатки. Съ принятіемъ мусульманства, арабы и турки стали пріучать ихъ къ нѣкоторой осѣдлости, и прежде всего стали строить мечети, школы и бани въ тѣхъ городахъ и населенныхъ, преимущественно торговыхъ, пунктахъ, которыми они владѣли. Такимъ образомъ татарскія, или правильнѣе арабскія постройки могли появиться въ Маджарахъ едва ли раньше конца XIII вѣка, слѣдовательно, въ то время, когда городъ уже клонился къ упадку и былъ близокъ къ запустѣнію ***).

Принимая во вниманіе обширное пространство, занимаемое городомъ и множество руинъ отъ бывшихъ здѣсь каменныхъ строеній, необходимо предполагать, что онъ существовалъ не одно или два столѣтія. Когда онъ возникъ первоначально и какимъ народомъ былъ основанъ, объ этомъ не сохранилось никакихъ извѣстій. Къ такимъ вопросамъ можно подходить только гадательно. При этомъ можно имѣть въ виду слѣдующіе факты:

*) Основываясь на имени *Маджаръ*, нѣкоторые историки, въ томъ числѣ и Карамзинъ думали, что этотъ городъ былъ основанъ *Мадьярами* или нынѣшними венгерцами. Это предположеніе нынѣ признается неосновательнымъ; ему противорѣчитъ исторія Мадьяръ, жившихъ до переселенія въ Паннонію, за Волгой, въ сосѣдствѣ съ Камской Болгаріей, вѣроятно, въ нынѣшней Уфимской или Самарской губерніи. Кромѣ того венгерцы до переселенія съ Волги на Дунай, не знали осѣдлости, не строили городовъ и вообще были народомъ некультурнымъ, что ясно доказывается лексическимъ составомъ ихъ языка. Подробное выясненіе этого вопроса см. въ сочиненіи К. Я. Грота «Моравія и Мадьяры» Спб. 1881 г. Стр. 167—180.

**) *Карамзинъ*, Исторія Государства Россійскаго, т. 4, стр. 188 (изд. Слениныхъ 1819 г.) и примѣч. 238 того же тома.

***) Въ началѣ XV вѣка городъ уже не существовалъ; отъ него оставались только однѣ руины, сохранявшіяся до конца прошлаго столѣтія. Нынѣ отъ Маджаръ не осталось почти никакого слѣда.

1) Маджары были основаны вблизи залива Каспійскаго моря, на берегу рѣки Кумы, при устьѣ одного изъ ея притоковъ, р. Буйволы, отъ которой въ прошломъ столѣтіи оставались только слѣды стараго русла съ затонами или курьями, образующими здѣсь два озера. Изъ этого мѣстоположенія можно заключить, что городъ былъ основанъ по скиѳскому типу, подъ естественной защитой двухъ рѣкъ и съ разсчетомъ пользоваться моремъ для торговыхъ сношеній съ закаспійскими краями и съ Волгой. Кромѣ разсчета на морское сообщеніе, городъ занималъ очень выгодное положеніе и для сухопутныхъ сношеній, съ одной стороны съ нынѣшнимъ астраханскимъ краемъ, съ другой—съ обычными встарину дорогами по восточному Кавказскому берегу, въ Персію (черезъ такъ называемыя Желѣзныя ворота на Дербентъ и Баку). Если при этомъ принять, очень вѣроятное, предположеніе, что Кума въ то время представляла рѣку болѣе многоводную, то изъ Маджаръ могло существовать по этой рѣкѣ наиболѣе удобное сообщеніе на Кубань и къ берегамъ Чернаго моря. Эти топографическія данныя говорятъ за вѣроятность основанія города въ древнѣйшую эпоху; 2) существующія или существовавшія въ прошломъ столѣтіи, по описанію ученыхъ путешественниковъ, группы земляныхъ кургановъ вблизи города Маджаръ могутъ служить нѣкоторымъ указаніемъ на жившую здѣсь народность *). Такіе же курганы разсѣяны по всему сѣверному Кавказу и они несомнѣнно принадлежатъ къ скиѳской эпохѣ; 3) вышеупомянутыя изслѣдованія Герца на Таманскомъ полуостровѣ и въ Кубанской области ясно доказываютъ, что на сѣверномъ Кавказѣ существовали съ древнѣйшихъ временъ каменные города, при постройкѣ которыхъ употреблялся кирпичъ персидскаго типа. Отсюда можно заключить, что одновременно съ ними могли существовать такіе же города и въ восточной половинѣ сѣвернаго Кавказа, по рѣкѣ Кумѣ. 4) Сходство архитектурнаго стиля Маджарскихъ построекъ съ уцѣлѣвшими зданіями Камскихъ Болгаръ**) доказываетъ, что эти два города существовали при одинаковыхъ культурныхъ условіяхъ и весьма вѣроятно принадлежали одному и тому же народу. Это подтверждается и историческими данными относительно пребыванія Болгаръ на сѣверномъ Кавказѣ. До переселенія Болгаръ за Дунай и до образованія Хазарскаго царства въ низовьяхъ Волги, по этой рѣкѣ существовало много болгарскихъ городовъ, слѣды которыхъ открываются

*) Въ географическомъ словарѣ *Щекатова* (1804 г.), при описаніи рѣки Кумы, сказано: «По обѣимъ сторонамъ рѣки, а особливо по правой, даже до поемныхъ мѣстъ, находится *безчисленное множество старыхъ кургановъ*, изъ коихъ иные, какъ кажется, до 8 саженъ вышиною и имѣютъ соразмѣрную окружность. Какъ сіи курганы, такъ и остатки каменныхъ строеній и признаки нарочито обширнаго города, который и по сіе время видѣнъ и во всей Кавказской губерніи подъ именемъ Маджары извѣстенъ, суть доказательства, что страна сія нѣкогда весьма заселена была» (ч. III, стр. 963).

**) Объ этомъ сходствѣ и вообще о значеніи болгарскихъ зданій будетъ сказано въ особой главѣ.

больше и больше. Торговля съ закавказскими странами и съ Персіей находилась въ рукахъ у Болгаръ. По свидѣтельству арабскихъ писателей, въ XIII—XIV в. дорогіе мѣха пріобрѣтались исключительно при посредствѣ болгарскихъ и русскихъ купцовъ, изъ страны Буртасовъ и изъ далекаго сѣвера, откуда они получались и въ древнѣйшія времена. При такихъ условіяхъ не можетъ казаться невѣроятнымъ, что Болгары могли основать городъ на р. Кумѣ, *) какъ передаточный пунктъ для товаровъ, идущихъ съ сѣвера въ Закавказье и Персію, или съ Каспійскаго моря къ Черному морю.

Говоря о древности Маджаръ и предполагая въ нихъ болгарскій городъ, мы не можемъ, конечно, утверждать, что описанныя Гмелиномъ и другими путешественниками руины должны быть разсматриваемы какъ остатки зданій, выстроенныхъ Болгарами. Нѣкоторыя изъ нихъ, можетъ быть, даже наиболѣе значительная часть, весьма вѣроятно, принадлежатъ болѣе позднему татарскому періоду и носятъ на себѣ слѣды арабскаго зодчества; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ отрицать, что одновременно съ арабскими постройками здѣсь же существовали въ XIII в. и раньше того русскія постройки, о которыхъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ. Здѣсь были русскія церкви, жило много русскихъ купцовъ, слѣдовательно должны были существовать и русскіе дома. Но не на этомъ фактѣ сосредоточивается наше вниманіе. Если мы такъ подробно распространились о Маджарахъ, то имѣли въ виду этимъ показать, что какъ на западной, такъ и на восточной сторонѣ сѣвернаго Кавказа издревле существовали каменные города. Жители ихъ, по мѣстоположенію города, имѣли ближайшія и непосредственныя сношенія съ Персіей, слѣдовательно могли быть проводниками персидскихъ культурныхъ идей, въ томъ числѣ и строительной техники, въ сѣверныя скиѳскія области. Персидскій архитектурный стиль могъ утвердиться здѣсь съ давнихъ поръ, быть перенесенъ болгарами на Волгу, гдѣ также существовало значительное число древнихъ каменныхъ городовъ, и съ Волги, или съ сѣвернаго Кавказа распространиться за Дунай, въ эпоху переселенія народовъ, и послужить стимуломъ для новаго византійскаго зодчества. Высказывая эту гипотезу, я не противорѣчу общему установившемуся въ наукѣ мнѣнію о проис-

*) Въ настоящее время Кума не доходитъ до Каспійскаго моря на 74 версты, теряясь въ песчаныхъ низинахъ, образующихъ рядъ озеръ. Въ древности это былъ морской заливъ, извѣстный теперь подъ именемъ Кумскаго Култука, который нынѣ покрывается водой только въ весеннее время. Въ географіи Птоломея р. Кума называется *Удонъ*,—имя, очевидно, скиѳское (см. выше стр. 18). О происхожденіи нынѣшняго имени *р. Кумы* я не могъ найти въ литературѣ никакихъ свѣдѣній. По всей вѣроятности это названіе было дано Персами (сравни древній городъ *Кумы*). Извѣстное въ русской исторіи татарское племя Куманы, или иначе Половцы, получили свое прозваніе отъ рѣки, гдѣ они обитали, а не наоборотъ. Эти Куманы, разбитые татарами послѣ сраженія при Калкѣ, въ XIII в., бѣжали въ Венгрію (въ числѣ 40 тысячъ семей) гдѣ они получили земли и особыя права отъ угорскихъ королей, принявшихъ титулъ *Rex Cumaniae*. Область, ими населенная, называлась Великая и Малая Куманія (Kunanem—District, Kumanien).

хожденіи византійскаго стиля изъ Персіи, но предполагаю этотъ переходъ не прямо и непосредственно, а при участіи славянства, преимущественно Болгаръ. Персія переняла своей архитектурный стиль отъ Ассиріи, разработала и усовершенствовала его и въ свою очередь передала его болгарамъ и позднѣе—арабамъ. Подобная культурная преемственность составляетъ явленіе обыкновенное, но она совершается не случайно и не по личному желанію и вкусу одного, хотя-бы и великаго человѣка, а по народной волѣ и по общему народному чувству, когда новыя идеи постепенно и мало по малу внѣдряются въ жизнь и дѣлаются народной привычкой. Если мы видимъ, что персидское вліяніе отразилось на болгарахъ, скиѳахъ и сарматахъ, то объясняемъ это не эфемерной модой, а вѣковымъ воздѣйствіемъ, можетъ быть даже народными помѣсями. Равнымъ образомъ и арабская культура росла не десятками лѣтъ, не смотря на то, что она цѣликомъ была заимствована частію отъ древнеклассическаго міра, частію отъ Персіи. Быстрое заимствованіе можетъ быть понятно въ народѣ новомъ, только что выступающемъ на историческую сцену съ весьма слабымъ запасомъ собственныхъ культурныхъ пріобрѣтеній. Но то же самое явленіе было бы не логично и не естественно въ отношеніи къ народу, имѣвшему глубокіе историческіе корни и стоящему во главѣ блестящей европейской цивилизаціи, каковы были византійцы. У нихъ перемѣна культурныхъ началъ могла совершиться никакъ не изъ подражанія увядающей Персіи, а только вслѣдствіе измѣнившагося состава дѣятельныхъ и вліятельныхъ народныхъ массъ, предъявившихъ государству свои новыя формы жизни.

Говоря о славянскомъ, или въ частности о болгарскомъ архитектурномъ стилѣ, само собою разумѣется, мы не имѣемъ въ виду предположенія, что славяне до Юстиніана были въ состояніи строить такія величественныя зданія, какія строили потомъ византійцы, а говоримъ только объ основныхъ принципахъ новаго архитектурнаго направленія. Эти принципы или мотивы, удовлетворяющіе національному чувству, могли быть взяты съ небольшихъ, не только каменныхъ, но и деревянныхъ зданій, *) подобно тому, какъ нынѣшніе архитекторы-художники заимствуютъ идеи, такъ называемаго, рус-

*) Деревянныя постройки въ древней Руси и у славянъ вообще несомнѣнно преобладали надъ каменными и существовали съ древнѣйшихъ временъ. Образцы ихъ мы видимъ въ описаніи дворца Аттилы (по Приску). Древніе русскіе терема тоже представляютъ своеобразный типъ славянскаго зодчества. Насколько въ деревянныхъ постройкахъ можно воспроизвести сложныя и оригинальныя архитектурныя формы, это показываютъ наши древнія деревянныя церкви (см. сочин. іеромонаха А. Н. Виноградова: «Памятники деревяннаго церковнаго зодчества въ епархіяхъ Новгородской, Тверской, Ярославской, Иркутской и Красноярской въ XVII и XVIII вѣк. съ 36 таблицами чертежей. Спб. 1892 года). Подобно тому, какъ въ XVII в. и раньше на деревянныхъ церквахъ въ точности воспроизводился византійскій и русскій стиль, деревянные же образцы гражданскихъ, частныхъ и общественныхъ зданій, существовавшихъ въ славянскихъ земляхъ до V—VI в. могли дать талантливому архитектору идею для оригинальнаго церковнаго стиля, усвоеннаго въ Византіи.

скаго стиля съ древнихъ русскихъ построекъ, большею частію, весьма скромныхъ, разработывая по этимъ образцамъ проекты величественныхъ сооруженій. Задачи послѣдняго рода требуютъ большого запаса техническихъ силъ и матеріальныхъ средствъ, что оказывается по силамъ только могущественному государству. Такія силы и средства нашлись у византійскихъ императоровъ, и это дало имъ возможность облечь идеи скромнаго славянскаго зодчества въ грандіозныя формы и возвести его на степень исторически признаннаго самостоятельнаго архитектурнаго стиля.

Въ связи съ исторіей византійскаго зодчества, считаю не безполезнымъ коснуться вопроса о размѣрахъ и формахъ древняго кирпича, съ которымъ археологу часто приходится имѣть дѣло при изслѣдованіяхъ городищъ и каменныхъ руинъ. Обожженный кирпичъ имѣетъ археологическое значеніе главнымъ образомъ потому, что онъ какъ нынѣ, такъ и въ древности выдѣлывался по болѣе или менѣе опредѣленнымъ формамъ и размѣрамъ, согласно установившимся правиламъ и обычаямъ. Слѣдовательно, по нему во многихъ случаяхъ можно опредѣлить какъ эпоху постройки, такъ и происхожденіе тѣхъ или другихъ принциповъ строительной техники, независимо даже отъ архитектурной формы бывшаго зданія. Къ сожалѣнію, въ археологическихъ сочиненіяхъ до настоящаго времени рѣдко обращали должное вниманіе на точные размѣры и форму кирпичей. Въ описаніяхъ развалинъ древнихъ городовъ Россіи этотъ пробѣлъ требуетъ новыхъ и значительныхъ фактическихъ дополненій, которыхъ можно ожидать въ будущемъ. Для того, чтобы дать точки сравненія, я помѣщаю здѣсь тѣ историческія и числовыя данныя, какія мнѣ удалось собрать по этому вопросу.

Изобрѣтеніе кирпича, какъ уже было упомянуто выше, ведетъ свое начало изъ Ассиріи и Вавилона, гдѣ климатическія и почвенныя условія страны содѣйствовали широкому развитію и примѣненію этого изобрѣтенія. За недостаткомъ строительнаго камня и дерева, самымъ доступнымъ и подходящимъ матеріаломъ для общественныхъ и частныхъ построекъ въ Месопотаміи служила глина. Изъ глины сооружали массивныя стѣны укрѣпленныхъ городовъ, дворцы и частные дома. Практическій опытъ, вѣроятно, скоро научилъ приготовлять глину спеціально для строительныхъ цѣлей, въ формѣ массивныхъ, болѣе или менѣе правильныхъ кусковъ, высушенныхъ на солнцѣ, до сихъ поръ употребляемыхъ въ Азіи подъ именемъ сырцоваго кирпича, иногда съ примѣсью соломы. За этимъ шагомъ слѣдовало искусство обжигать глину, приготовлять настоящій кирпичъ, не только для построекъ, но даже для болѣе высокой потребности,—письменности (кирпичная литература клиновидныхъ письменъ).

Древній халдейскій обожженный кирпичъ, какъ показываютъ нынѣшнія раскопки, имѣлъ квадратную форму и небольшую толщину, въ родѣ лещад-

ныхъ плитокъ. Въ статьѣ Харьковскаго профессора Рославскаго-Петровскаго *) размѣръ древнѣйшихъ вавилонскихъ кирпичей показанъ отъ 11 ¼ до 13 дюймовъ (29—32 сант.), при толщинѣ отъ 3 ½ до 3 дюймовъ (6—7 сант.), По описанію *Layard'a* **) размѣръ древняго ассирійскаго и вавилонскаго обожженнаго кирпича обыкновенно оказывается въ квадратный футъ, при толщинѣ въ 3½ дюйма, но встрѣчаются иногда и продолговатыя формы. Кирпичи отъ наружной облицовки часто бываютъ покрыты *глазурью* синяго, краснаго, темнозеленаго, бѣлаго и чернаго цвѣта. Ниже мы увидимъ, что, приблизительно, тѣже самые размѣры при выдѣлкѣ квадратнаго кирпича повторялись при византійскихъ и русскихъ постройкахъ, архитектурный типъ которыхъ ведетъ свое начало съ востока. Такой же квадратный кирпичъ употребляли арабы, по примѣру Персіи, и до сихъ поръ онъ употребляется въ Средней Азіи подъ именемъ персидскаго или татарскаго кирпича.

Ассиро-Вавилонское царство, съ древнѣйшихъ временъ распространившее свое вліяніе на востокъ до Аральскаго моря и Сыръ-Дарьи и на сѣверъ до Кавказскихъ горъ, заключало въ себѣ разныя племена и народности. Поэтому древне-халдейская культура преимущественно распространилась въ восточно-азіатскихъ странахъ и у тѣхъ народовъ, которые подчинены были Вавилону. Ближе всего она отразилась въ Малой Азіи и Персіи, а отсюда, преемственно, черезъ Кавказъ, перенесена была на югъ Россіи и въ Поволжье; но въ не меньшей степени она укоренилась, особенно при послѣдующемъ вліяніи Персовъ, въ Центральной Азіи.

Въ Малой Азіи ассиро-вавилонское строительное искусство отразилось на троянскихъ и отчасти на древнѣйшихъ греческихъ постройкахъ. По изслѣдованіямъ доктора Шлиманна, многіе частные дома, а равно отчасти и городскія стѣны въ древнѣйшихъ частяхъ Трои, Тиренъ и Микенъ, были выстроены изъ кирпича, сырцоваго или обожженнаго ***). У грековъ, при дальнѣйшемъ развитіи ихъ культуры, этотъ способъ постройки не привился, и вообще халдейское вліяніе коснулось ихъ только слегка, какъ-бы посредственно и мимолетно; но за то у азіатскихъ народовъ оно пустило глубокіе корни, не заглохшіе до сихъ поръ. Отъ троянцевъ привычка къ употребленію кирпича перешла къ народамъ римской федераціи и къ потомкамъ ѳракійскаго племени.

Въ Троѣ и въ древнѣйшихъ греческихъ постройкахъ кирпичъ имѣлъ, по описанію Шлиманна, слѣдующіе размѣры:

*) Исторія древнѣйшаго халдейскаго царства. Приложеніе къ протоколамъ Совѣта Харьков. унив. 1869 г. № 6, стр. 73.

**) *Layard*, Austin Henry, Nineveh und Babylon; нѣм. перев. *Zenker'a*, Leipzig. Стр. 404, § 531 и примѣч. къ нему; также § 165, 167, 499, 507.

***) Въ Тиренахъ весьма часто нижняя часть домовъ строилась изъ камня, а верхняя—изъ сырца или изъ обожженнаго кирпича. Сырцовые кирпичи часто приготовлялись здѣсь съ большою примѣсью соломы, что и до сихъ поръ практикуется по всей Центральной Азіи и въ Семирѣченской области.

ТРОЯ:	Длина въ сантиметр.	Ширина въ сантиметр.	Толщина въ сантиметр.
II-й городъ:			
№ 1.	67--72	44—48	12—13
2.	66	30	12
3.	69—71	19--20	11--12
III—IV города:			
4.	30	30	7
5.	42	?	8
ХАНАЙ-ТЕПЕ:			
6.	28	14	7
7.	25—28	20—25	6—7
8.	45—48	30—31	7
9.	41	21	9
10.	49	24	7
ТИРЕНЫ:			
11.	47—48	36	10
12.	36—37	21	12—13
13.	52—52	?	9
14.	43	25—26	9
МИКЕНЫ:			
15.	?	35	8—9
ELEUSIS:			
16.	44	44	9

Не всегда легко уяснить, относятся-ли эти измѣренія къ сырцовому, или обожженному кирпичу, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Шлиманна, въ городахъ погибшихъ отъ пожара, сырцовыя стѣны могли быть обожжены уже послѣ постройки, въ моментъ разрушенія. Между тѣмъ практика новѣйшаго времени показываетъ, что сырцовые кирпичи весьма часто приготовляются гораздо массивнѣе предназначаемыхъ для обжига и они обыкновенно имѣютъ не квадратную, а болѣе продолговатую форму. Изъ кирпичей, указанныхъ въ таблицѣ Шлиманна, болѣе всего приближаются къ архаическимъ азіатскимъ № 4-й изъ Трои и № 16 изъ Eleusis'a,

По измѣреніямъ *Burnouf'a* наичаще встрѣчающіеся размѣры кирпичей въ развалинахъ Трои (третьяго города) слѣдующіе: $52 \times 43 \times 13\frac{1}{2}$ сант. Всѣ они неизмѣнно смѣшаны съ соломою; нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ не обожжены, другіе обожжены весьма слабо, но встрѣчаются и сильно обожженные.

Свѣдѣнія о древнемъ греческомъ и римскомъ кирпичѣ можно найти въ сочиненіяхъ *Витрувія* и *Плинія*.*) Первый изъ этихъ авторовъ (современникъ Юлія Цезаря) въ главѣ о кирпичахъ прежде всего описываетъ способъ ихъ приготовленія (выборъ глины и способъ сушки). При этомъ онъ замѣчаетъ, что самое удобное время для ихъ формовки—весна и осень, потому что во время сильныхъ лѣтнихъ жаровъ глина слишкомъ сильно и быстро высыхаетъ съ поверхности, а внутри кирпича остается сырость, которая потомъ производитъ трещины и портитъ заготовленный матеріалъ. Лучшимъ кирпичомъ считается тотъ, который оставляютъ просыхать не менѣе двухъ лѣтъ. Въ Утикѣ позволялось употребленіе кирпича въ кладку стѣнъ только по истеченіи пяти лѣтъ послѣ его приготовленія, убѣдившись, что онъ совершенно сухъ. Изъ этого описанія видно, что Витрувій говоритъ только о сырцовомъ, а не объ обожженномъ кирпичѣ. На это указываетъ и употребленное имъ слово *later*, безъ прилагательнаго *testaceus*. Обожженный кирпичъ латинцы называли *testa*, или later testaceus, later coctus. *Плиній* (кн. 35, гл. 48 и 48) тоже говоритъ о сырцовомъ кирпичѣ (later crudus), восхваляя его прочность ссылкою на сохранившіяся постройки временъ Аннибала. О приготовленіи этого кирпича онъ говоритъ тоже самое, что и Витрувій.

Форматъ кирпича (сырца) по Витрувію былъ трехъ родовъ: первый назывался у грековъ *лидійскимъ* (λύδιος). Этотъ сортъ по преимуществу былъ въ употребленіи у римлянъ во времена Витрувія (id est, quo nostri utuntur). Длина его—пядь, ширина—полпяди. Остальные два сорта употреблялись греками для постройки ихъ зданій: одинъ изъ нихъ назывался *пентадоронъ* (Πεντάδωρον), другой *тетрадоронъ*. Словомъ δῶρον греки называютъ ладонь; поэтому пентадоронъ называется кирпичъ, имѣющій во всѣхъ размѣрахъ по пяти ладоней (въ квадратѣ), а тетрадоронъ—по четыре ладони. Шлиманнъ, переводя это на современную намъ мѣру, считаетъ размѣры лидійскаго кирпича 0,44 метра--0,30 метр., пентадоронъ 0,37 метр., тетрадоронъ 0,30 метр. въ квадратѣ. По Плинію размѣръ лидійскаго кирпича въ его время былъ длиною полторы пяди, шириною одна пядь. Пентадоронъ и тетрадоронъ имѣли по пяти и по четыре ладони въ квадратѣ, отчего происходитъ и ихъ названіе. Кирпичъ меньшаго размѣра (въ 4 ладони) греки употребляли для постройки частныхъ зданій, а въ пять ладоней—для зданій общественныхъ. Далѣе Плиній прибавляетъ: «греки предпочитаютъ строить кирпичныя стѣны всюду, гдѣ нѣтъ по близости камня. И дѣйствительно, такія стѣны, говоритъ онъ, могутъ считаться вѣчными, если только онѣ правильно и вертикально сложены». Такимъ образомъ изъ кирпича строились у грековъ общественныя зданія и даже дворцы. «Въ Римѣ, прибавляетъ

*) *Vitruvii* Pollionis de architectura, Lib. II. c. 3, de lateribus. *Plinii Secundi* Historia naturalis. Lib. XXXV, 49.

Плиній, построекъ этого рода не производятъ, потому что стѣны въ полторы пяди толщины не могутъ выдерживать болѣе одного этажа». (Plin. XXXV, 49). Послѣднее замѣчаніе Плинія показываетъ, что здѣсь идетъ рѣчь именно о сырцовомъ кирпичѣ, такъ какъ въ его время въ Римѣ существовали зданія и изъ обожженнаго кирпича, но размѣры его, какъ показываютъ развалины такихъ зданій, не совпадаютъ съ описаніями Плинія и Витрувія.

Витрувій также упоминаетъ о томъ, что кирпичныя (сырцовыя) постройки въ Римѣ не употреблялись, ссылаясь на ту-же причину, какая приведена у Плинія, именно, что по закону нельзя было строить наружныхъ стѣнъ болѣе полуторыхъ пядей толщины, а внутреннія стѣны неудобно было дѣлать толще наружныхъ, чтобы не стѣснять пространства въ комнатахъ. Между тѣмъ сырцовыя стѣны (latericii), если-бы даже онѣ были въ два или три кирпича, толщиною въ полторы пяди, не могутъ вынести болѣе одного этажа. Въ такомъ величественномъ и многолюдномъ городѣ какъ Римъ, для помѣщенія жителей въ одноэтажныхъ домахъ, пришлось-бы занять постройками слишкомъ большое пространство, а такъ какъ этого сдѣлать было невозможно, то вмѣсто ширины городъ долженъ былъ рости въ вышину. Такого поднятія стѣнъ можно было достигнуть только помощію каменныхъ пилоновъ (pilis lapideis) и употребленія обожженнаго кирпича на цементѣ (structuris testaceis). При этомъ только условіи можно было безъ труда возводить высокія стѣны, воздвигая одинъ этажъ надъ другимъ. Изъ этого видно, что Витрувій отличаетъ обожженный кирпичъ (testa) отъ сырца (later). Послѣдній не примѣнялся для постройки городскихъ зданій, а первый употреблялся совмѣстно съ камнемъ. Части зданія, требовавшія большой крѣпости, какъ-то углы, косяки, пилоны, выкладывались изъ камня, а простѣнки изъ кирпича на цементѣ.

Въ городахъ Греціи распространеніе кирпичныхъ построекъ едва-ли имѣло большой успѣхъ, если судить объ этомъ по весьма ограниченному числу кирпичныхъ развалинъ на почвѣ древней Эллады. Изобиліе отличныхъ каменныхъ породъ, пригодныхъ для построекъ, утонченное развитіе эстетическаго вкуса и выработавшійся у грековъ самостоятельный архитектурный стиль вытѣснили кирпичную строительную технику. Свѣдѣнія, сообщенныя объ этомъ производствѣ Витрувіемъ и почти буквально повторенныя Пліемъ, говорящія о способахъ приготовленія кирпича и кладки сырцовыхъ стѣнъ у грековъ, еще болѣе подтверждаютъ существовавшее въ ихъ время весьма недостаточноеразвитіе кирпичной строительной техники.

Въ древне-римскихъ постройкахъ обожженный кирпичъ встрѣчается двухъ сортовъ, продолговатый и квадратный. Первый употреблялся по преимуществу для кладки стѣнъ, второй—для половъ, облицовки стѣнъ и для сводовъ. Размѣры перваго, по сохранившимся памятникамъ, были слѣдующіе:

	Длина въ сантиметр.	Ширина въ сантиметр.	Толщина въ сантиметр.
Въ Римѣ	22	14	3
	23	14	3
	24	14	3—4
	25	14	3—4
	29	14—16	3—4
	34	34	3—4
	59	59	3—4
	60	60	3—4
Въ Тиволи	42	42	3
» Терентѣ	59	59	3
» Тріерѣ	54	54	6
	55	55	6
	56	56	6
	60	60	6
	55	55	5—7
	34	35	4

Продолговатые кирпичи въ Тріерѣ имѣли размѣръ 54 сант. длины и 26 ширины, а также 53 и 28, при толщинѣ 4 сант.

Кирпичи, употреблявшіеся въ романскихъ и древне-германскихъ постройкахъ отличались размѣрами отъ римскихъ, какъ это видно изъ нижеприведенной таблицы *).

	Длина въ сантиметр.	Ширина въ сантиметр.	Толщина въ сантиметр.
August	36	36	4
Mannheim	36	36	4
	39	31	3,5
Neuenheim	22	22	5
Badenweiler	38—39	32	4
Mainz	28	28	3
Hüfingen	28	28	3
Messkirch	46	46	5
	30	30	5
	46	20	5
Baden	48	48	6
	27	27	6

О размѣрахъ византійскаго кирпича я не имѣю подъ рукой достаточныхъ свѣдѣній. Въ исторіи зодчества Султанова упоминается, что этотъ кирпичъ былъ квадратный, имѣлъ 37 сант. длины и ширины, при толщинѣ 5,3

*) Durm. Handbuch der Architektur. Zweiter Theil, Die Baukunst der Römer, Стр. 114.

сант.; но эти данныя слишкомъ кратки. Желательно было бы знать размѣры кирпича съ указаніемъ зданій, откуда они взяты, и съ опредѣленіемъ, въ какую конструкцію постройки они входили. Весьма возможно, что, во время Константина Великаго или Ѳеодосія, кирпичъ болѣе приближался по размѣрамъ къ римскому, а при Юстиніанѣ и въ послѣдующее время онъ могъ имѣть другіе размѣры. Равнымъ образомъ кирпичъ для сводовъ могъ имѣть другіе, болѣе широкіе размѣры, чѣмъ для стѣнъ, гдѣ требуется перевязка рядовъ кладки. Точно также зданія, выстроенныя изъ сплошнаго кирпича, могли требовать другаго размѣра строительнаго матеріала, чѣмъ зданія смѣшанной кладки, изъ рядовъ камня и кирпича, гдѣ этотъ послѣдній могъ быть шире, такъ какъ онъ здѣсь служилъ до извѣстной степени перевязкою для камней.

Кирпичъ въ древнихъ русскихъ постройкахъ по формѣ и размѣрамъ приближается къ византійскому. Самая древняя изъ Кіевскихъ каменныхъ церквей—церковь Спаса на Берестовѣ (988 г.) была сооружена изъ булыжника и кирпича, скрѣпленнаго цементомъ. Размѣры ея кирпича: длина 33—34, ширина 29—30 и толщ. 4 сант. Въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ (1020—1037 г.) кирпичъ имѣетъ длины 35, шир. 30, толщ. 4 сант. Въ Кіевскихъ Золотыхъ воротахъ (первой полов. XI в.) длина кирпича 31—37, шир. 27—29, толщ. 4; въ церкви св. Ирины длина 31, шир. 27, толщ. 4.*) О размѣрахъ квадратнаго кирпича сѣверныхъ русскихъ построекъ (въ старой Ладогѣ, церковь св. Георгія 1114 и 1116 г., въ древнихъ церквахъ Новгородской и Суздальской области), къ сожалѣнію, я не могъ собрать опредѣленныхъ свѣдѣній.

Архаическій кирпичъ изъ Семирѣченской области (экземпляры нашего музея) представляетъ слѣдующіе размѣры: доставленный съ башни Бураны имѣетъ въ длину и ширину 25 сантим., толщ. 4 сант. Обжигъ его весьма хорошій, цвѣта краснаго, съ слѣдами приставшаго известковаго цемента; форма совершенно правильная; на плоскихъ поверхностяхъ видны слѣды правки въ видѣ слегка углубленныхъ, продолговатыхъ и довольно широкихъ желобковъ, какъ-бы отъ нажиманія скалкой. Кирпичъ съ озера Иссыкъ-куля **) двоякой формы: квадратный и продолговатый. Первый имѣетъ совершенно тѣ-же размѣры, какъ и съ башни Бураны, т. е. по 25 сант. въ длину и ширину и 4 сант. толщины. Продолговатый кирпичъ въ длину 32 сант. и въ ширину 14½ сант., толщ. 4 сант. Форма того и другаго совершенно правильная, обжигъ весьма хорошій, по цвѣту напоминающій нынѣшній полужелѣзнякъ. На поверхностяхъ замѣтенъ довольно значительный и плотно

*) Размѣры кирпича церкви св. Ирины и Золотыхъ воротъ въ Кіевѣ взяты мною съ натуры; у перваго памятника измѣрено 3 кирпича, у втораго 5. Размѣры по остальнымъ кіевскимъ постройкамъ заимствованы изъ литературныхъ источниковъ.

**) Изъ стѣнъ затопленнаго озеромъ древняго города, повидимому относившагося къ бронзовому вѣку.

приставшій бѣлесовато-зеленоватый налетъ, можетъ быть, остатокъ цемента съ присоединеніемъ осадка солей озерной воды. Кирпичъ, доставленный изъ Лепсинскаго уѣзда, съ развалинъ древняго города, имѣетъ на одномъ экземплярѣ длину 26 сант. и ширину 27, а на другомъ экземплярѣ длина и ширина 25 сант.; толщина того и другаго 4 сант., цвѣтъ желтобурый. Второй экземпляръ не вполнѣ правильной формы, сильно пережженъ и при обжигѣ его нѣсколько покоробило. Былъ-ли въ употребленіи продолговатый кирпичъ при постройкѣ башни Бураны и существуетъ-ли онъ въ Лепсинскихъ развалинахъ, это остается еще не выясненнымъ. Судя по присутствію его въ Иссыкъ-кульскихъ развалинахъ и по полному сходству размѣровъ иссыкъ-кульскаго квадратнаго кирпича съ прочими, можно предполагать, что продолговатый кирпичъ долженъ встрѣчаться также въ Токмакскихъ и Лепсинскихъ древностяхъ. Къ этому предположенію склоняетъ и то обстоятельство, что кладка большихъ зданій, при одномъ квадратномъ кирпичѣ, была бы затруднительна въ смыслѣ прочной перевязки рядовъ. Вслѣдствіе этого строительная практика скоро должна была указать на необходимость приготовленія половинчатаго кирпича, во избѣжаніе невыгодной обтески большихъ квадратныхъ плитъ.

Для большей наглядности считаю не лишнимъ представить размѣры русскаго архаическаго кирпича въ особой таблицѣ, съ присоединеніемъ сюда византійскихъ, германскихъ и болгарскихъ кирпичей.

	Длина въ сантиметр.	Ширина въ сантиметр.	Толщина въ сантиметр.
Византійскій	37	37	5
Церковь Спаса на Берестовѣ. .	33—34	29—30	4
Кіевскій Софійскій соборъ. . .	35	30	4
Церковь Св. Ирины.	31	27	4
Золотыя ворота	37	29	4
Тоже	31	27	4
Болгары на Волгѣ	26	26	4
Селитрян. городокъ на Волгѣ .	23—24	23—24	4
Озеро Иссыкъ-куль	32	14	4
Тоже	25	25	4
Тоже (Казанскій экземпляръ). .	30	19	4
Башня Бураны	25	25	4
Лепса	27	26	4
Тоже	25	25	4
Баденъ.	27	27	6
Майнцъ , .	28	28	3
Гюфингенъ	28	28	3
Нейенгемъ.	22	22	5

Сравнивая византійскій, древне-европейскій и древне-русскій кирпичъ съ болгарскимъ и семирѣченскимъ, мы не видимъ между ними существенной разницы. Въ тѣхъ и другихъ преобладаютъ квадратныя формы, но размѣръ ихъ представляетъ нѣкоторое разнообразіе не только въ разныя эпохи, но даже въ одно и тоже время. Очевидно, что разнообразіе проистекало не столько отъ національной привычки, сколько отъ практическихъ потребностей и частныхъ цѣлей постройки. Кирпичъ для сводовъ и перемычекъ приготовлялся нѣсколько большихъ размѣровъ, чѣмъ для стѣнъ. Размѣры могли измѣняться и по эпохѣ постройки, какъ мы это видимъ теперь при сравненіи напр. болѣе массивныхъ кирпичей Петровскаго или Екатерининскаго времени съ нынѣшними. *) По отношенію къ квадратному археологическому кирпичу, обыкновенно встрѣчающемуся въ развалинахъ древнихъ городовъ сѣвернаго Кавказа, Поволжья и южной Россіи для насъ важно отмѣтить здѣсь тотъ несомнѣнный фактъ, что его квадратная форма и указанные выше размѣры сами по себѣ не могутъ служить доказательствомъ арабскаго или татарскаго зодчества. Выше мы видѣли, что не только византійскія и древнія русскія постройки X—XI в. имѣли такой же квадратный кирпичъ, но онъ могъ быть употребляемъ въ Россіи даже гораздо раньше византійской эпохи, по примѣру Персіи. Это обстоятельство не слѣдуетъ упускать изъ вниманія при будущихъ изслѣдованіяхъ развалинъ нашихъ каменныхъ городовъ, особенно въ Поволжьѣ, которыя нынѣ многими признаются за слѣды татарщины потому только, что тамъ оказываются квадратные кирпичи. Въ заключеніе слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о происхожденіи названія кирпича.

Кирпичъ по греч. πλίνθος, лат. *later*, обожженный кирпичъ *later coctus* или *coctilis*, *testa* (κεράμιον), нѣм. *Backstein*, франц. *la brique*, анг. *brick*; по туркестански (у сартовъ) *гыштъ*, *хыштъ*, *пишикъ гыштъ*, *хамъ гыштъ* (сырецъ). Русское слово кирпичъ тождественно съ турецкимъ (*kerpidz*, *kerpidj*), сербскимъ (*cerpic*) и болгарскимъ. Въ данномъ случаѣ для насъ наиболѣе интересны турецкое и русское названія. Тождество ихъ показываетъ, что либо мы взяли это слово отъ турокъ (арабовъ), либо турки отъ насъ. Выяснить этотъ вопросъ можетъ только филологическое производство слова кирпичъ. Не зная восточныхъ языковъ, я не могу высказать никакого мнѣнія на счетъ того, существуетъ-ли въ арабскомъ, турецкомъ, или персидскомъ языкѣ соотвѣтствующій корень для этого слова; но по отношенію къ славянскому названію едва-ли можетъ оставаться сомнѣніе, что оно самобытное, не заимствованное отъ какого либо восточнаго корня. Оно происходитъ отъ *чрепъ* (твердая, жесткая покрышка, корка), *черепица*, *черепокъ*; въ церковно-славянскомъ языкѣ *чрепіе*, раковина. Доказательствомъ того, что слово

*) Нынѣ, какъ извѣстно, принята мѣра кирпича въ 6 вершковъ длины, 3 в. ширины и $1^1/_2$ в. толщины.

кирпичъ происходитъ отъ черепъ, черепица, можно видѣть въ литов. формѣ *kerpetis*, что означаетъ *cranium* и *testa*. Слово *kerpetis*, черепъ, весьма близко въ звуковомъ отношеніи къ русскому слову кирпичъ, а также къ болгарскому *керпичъ* и турецкому *keprîdz*. Такимъ образомъ весьма вѣроятно, что обожженный кирпичъ получилъ у насъ свое имя отъ ранѣе существовавшаго слова черепъ, черепица (греч. κέραμος), происходящаго въ свою очередь отъ санскр. *karpara*, testa, слѣдовательно турецкое названіе кирпича по всѣмъ признакамъ должно происходить отъ литво-славянскаго, а не наоборотъ. Изъ этого можно вывести предположеніе, что турки познакомились съ обожженнымъ кирпичемъ черезъ славянъ, можетъ быть въ Византіи, или гдѣ нибудь въ странахъ смежныхъ съ Кавказомъ. Для того, чтобы эта догадка подтвердилась вполнѣ, остается провѣрить форму древняго персидскаго кирпича и его названіе на этомъ языкѣ. Если бы они оказались не сходными съ турецкимъ названіемъ и съ формою кирпича византійскаго и болгарскаго, это могло-бы служить доказательствомъ, что славяне имѣли кирпичныя постройки раньше X вѣка и что арабы заимствовали слово кирпичъ отъ славянъ.

Общій выводъ изъ первыхъ трехъ главъ.

1) Обозрѣвая историческія и лингвистическія данныя, указывающія на пути разселенія народовъ изъ Центральной Азіи въ Европу, мы этимъ самымъ отчасти уже намѣтили географическіе предѣлы, гдѣ можно и должно искать доисторическихъ слѣдовъ обитанія и передвиженія арійцевъ. Въ частности для славянскаго племени тѣже данныя даютъ намъ историческій намекъ на возможность и вѣроятность распространенія славянъ съ общей арійской родины двумя путями: 1) черезъ закаспійскія степи въ Малую Азію и оттуда—съ одной стороны черезъ Кавказскіе проходы на Терекъ, Кубань и къ Азовскому морю, съ другой стороны,—черезъ Босфоръ и Дарданелы, на Балканскій полуостровъ. 2) Съ сѣвернаго берега Яксарты (Сыръ-Дарьи) черезъ нынѣшнія области Семирѣченскую, Семипалатинскую и Акмолинскую и по рѣкамъ Западной Сибири въ Оренбургскія, Донскія и Черноморскія степи, представлявшія собою одно нераздѣльное цѣлое (въ древности Азіатская и Европейская Скиѳія). По общимъ историческимъ и лингвистическимъ соображеніямъ и по однородности на всемъ этомъ громадномъ пространствѣ археологическихъ памятниковъ (курганныхъ могилъ и городищъ), намъ представляется весьма вѣроятнымъ, что въ древности (до Р. Х.) всѣ эти черноземныя степи, отъ Оби и Яксарта до Дуная и Западной Двины, должны были быть долгое время заняты однимъ господствующимъ народомъ—скиѳами. Собранные до настоящаго времени факты по изученію скиѳскихъ древ-

ностей южной Россіи даютъ уже достаточный матеріалъ для заключенія о національности черноморскихъ скиѳовъ. По археологическимъ признакамъ они принадлежали не къ финскимъ или монгольскимъ, а къ арійскимъ поколѣніямъ и въ числѣ ихъ славянскій элементъ, по всей вѣроятности, былъ преобладающимъ.

2) По свѣдѣніямъ греческихъ и римскихъ историковъ отдѣльныя вѣтви славянскаго племени за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. распространились до южныхъ береговъ Балтійскаго и Нѣмецкаго моря и были извѣстны здѣсь подъ именемъ Венетовъ. Южною границею исконныхъ славянскихъ земель Балтійскаго побережья служила р. Эльба. Страна между Эльбою и Рейномъ съ той же отдаленной древности была занята Германскимъ племенемъ, а между Рейномъ и Океаномъ—племенами Галловъ или Кельтовъ.

3) Кромѣ сѣверозападной вѣтви, въ древнія времена (до Р. Х.) существовала еще югозападная вѣтвь славянскаго разселенія, распространившаяся по берегамъ Адріатическаго моря, извѣстная подъ именемъ адріатическихъ Венетовъ. Сюда же относятся древнія поселенія славянъ на Балканскомъ полуостровѣ, непрерывно сохранившіяся здѣсь до историческихъ временъ (Геты и Даки) и до нашихъ дней.

4) Общее движеніе славянскихъ племенъ, какъ и остальныхъ арійцевъ, совершалось въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ съ востока на западъ (изъ Азіи въ Европу). При этомъ главнѣйшій и наиболѣе многолюдный сѣверный потокъ славянства, разливавшійся по сибирскимъ и южнорусскимъ степямъ, долгое время не прерывалъ связи съ своею первоначальною родиною (съ нынѣшнею Сыръ-Дарьинскою областью). Окончательное выселеніе изъ сѣверной Азіи остатковъ славянскаго племени (Болгаръ) по всей вѣроятности совершилось не позже второго столѣтія по Р. Х., когда въ южныхъ предѣлахъ Западной Сибири появляются уже татарскія и монгольскія племена.

5) Культурное развитіе славянскаго племени, кромѣ общихъ арійскихъ зачатковъ, совершалось въ скиѳскомъ періодѣ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ иранскихъ началъ. Съ Иранцами наши предки могли соприкасаться частію черезъ закаспійскія степи (въ древнѣйшія времена), но главнымъ образомъ черезъ кавказскія области (съ Персіей). При существованіи греческихъ черноморскихъ колоній доля культурнаго воздѣйствія притекала въ Скиѳію также изъ Греціи. Эллинскія начала въ древности, однако же, не имѣли такого глубокаго вліянія на славянство, какъ начала иранскія. Только съ наступленіемъ среднихъ вѣковъ, именно въ византійскомъ періодѣ, когда славянскіе элементы получили значительный вѣсъ въ самой Восточной римской имперіи, явилось живое взаимодѣйствіе между греческою и славянскою культурою.

6) Не менѣе обильнымъ источникомъ культурныхъ теченій въ среду славянства служилъ Римъ, воздѣйствовавшій на балтійскихъ (черезъ Галлію)

и адріатическихъ венетовъ. Римскія начала, воспринятыя арморійскими и адріатическими венетами, впослѣдствіи были перенесены варягами на русскую почву и вмѣстѣ съ византизмомъ послужили основою нашего дальнѣйшаго духовнаго развитія.

Въ такомъ видѣ мнѣ представляется канва или почва для изученія славянской доисторической археологіи. На ряду съ безспорными фактами, нѣкоторыя изъ моихъ предположеній могутъ показаться здѣсь недостаточно обоснованными, слишкомъ смѣлыми и даже произвольными, но я и высказываю ихъ не какъ историческую догму, а какъ проблемму, требующую дальнѣйшаго подтвержденія и разъясненія. Таковы вопросы о славянствѣ азіатскихъ (сибирскихъ) скиѳовъ, о родствѣ варяговъ съ балтійскими венетами, объ участіи славянскихъ началъ въ византійской культурѣ и т. д. Относительно этихъ вопросовъ наука еще не сказала послѣдняго слова, не исчерпала всѣхъ данныхъ, могущихъ служить къ ихъ разъясненію. Поэтому высказанная гипотеза здѣсь не будетъ неумѣстною даже въ томъ случаѣ, если бы ее не удалось осязательно доказать при настоящемъ запасѣ археологическихъ данныхъ. Идея можетъ предшествовать факту, а факты открываются не вдругъ и не всегда въ томъ объемѣ, въ какомъ было бы желательно ихъ видѣть.

Нельзя оспаривать, что аналитическій методъ изслѣдованія есть наилучшій критерій для правильности умозаключенія. Археологическіе труды въ этомъ отношеніи не должны составлять исключенія, ибо археологія не есть умозрительная наука, а настолько же реальная, какъ и прочія отрасли естествознанія. Ея факты имѣютъ осязательную форму, подлежатъ мѣрѣ, вѣсу, химическому разложенію, сличенію и сопоставленію. Въ этомъ смыслѣ они могутъ служить реальнымъ доказательствомъ времени и мѣста своего происхожденія, болѣе чѣмъ палеонтологическіе слѣды для исторіи земной коры. Геологическія умозаключенія о допотопныхъ эпохахъ и ярусахъ, не смотря на свою реальную основу, все же не лишены гадательности, тогда какъ археологическіе выводы могутъ быть подтверждаемы либо письменными, либо живыми фактами, болѣе близкими къ нашимъ временамъ.

Подобно тому какъ геологическіе ярусы (системы) опредѣляются по ископаемымъ остаткамъ допотопной флоры и фауны, по археологическимъ даннымъ возможно опредѣлить не только эпоху культурныхъ наслоеній, но и народность, оставившую послѣ себя доисторическіе слѣды. Народное творчество всегда носило и будетъ носить на себѣ индивидуальныя черты, иначе оно не было бы творчествомъ, а лишь механическимъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же формъ, не представляло бы культурнаго прогресса при мертвой неподвижной рутинѣ. Человѣчество безпрерывно идетъ впередъ; вѣтвясь и индивидуализируясь, оно стремится къ оригинальности и разнообразію. Также точно и дѣла его рукъ всегда носили и будутъ носить печать времени и самобытной національности.

Въ древнія времена, при большомъ разобщеніи племенъ, народная индивидуальность должна была проявляться рѣзче и устойчивѣе, чѣмъ при нынѣшнихъ международныхъ сношеніяхъ, когда европейская культура стремится къ обобщенію и обезличенію. Въ наши дни европейскій типъ начинаетъ терять народные оттѣнки: французскія, англійскія, нѣмецкія и русскія издѣлія мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга; но если мы сопоставимъ европейскій стиль, напр., съ персидскимъ, китайскимъ и японскимъ, то увидимъ между ними рѣзкую разницу. Въ такомъ же, если еще не болѣе рельефномъ разнообразіи должны были представляться древніе общеарійскіе типы сравнительно съ китайскими, монгольскими и финскими, если только послѣднія двѣ народности могли въ то время представлять какую либо самостоятельную индустрію. Въ слѣдующемъ періодѣ, при разселеніи арійцевъ по отдаленнымъ странамъ Азіи и Европы, ранѣе пробужденная у нихъ сила творчества должна была проявить себя въ широкомъ національномъ разнообразіи. Не выходя изъ общихъ арійскихъ основъ, каждая народность создавала, рядомъ съ своимъ національнымъ языкомъ, національную культуру. Пелазги, этруски, греки и римляне, точно также какъ племена иранцевъ и семитовъ, выражали свои потребности и вкусы далеко не одинаково. Каждый народъ жилъ своимъ умомъ, подчинялся своимъ склонностямъ, дорожилъ своими народными привычками и изобрѣтеніями. Это мы ясно видимъ на археологическихъ памятникахъ названныхъ народностей, привносившихъ свой стиль и въ строительное искусство, и въ систему вооруженія и защиты, и во всѣ частности бытоваго склада. Новыя европейскія племена развивались при такихъ же условіяхъ. Съ наступленіемъ среднихъ вѣковъ они внесли въ европейскую жизнь свои культурныя начала, выработанныя раньше и лишь оплодотворенныя на европейской почвѣ классическими идеями и образцами искусства Въ этомъ періодѣ европейской исторіи совершается тотъ же процессъ культурнаго разнообразія, слагающагося изъ индивидуальнаго народнаго творчества. Галлы, германцы и славяне вносятъ свои національные вклады въ міровой культурный прогрессъ. Археологическій анализъ этихъ вкладовъ, сохранившихся на вещественныхъ памятникахъ, долженъ показать, что принадлежитъ въ разсматриваемыхъ культурныхъ наслоеніяхъ классическому міру, что творческому духу каждой изъ новыхъ европейскихъ народностей. Здѣсь, при разслѣдованіяхъ европейской почвы, могутъ помочь прямыя историческія указанія, освѣщающія древнѣйшія находки каждой страны опредѣленными историческими данными (свидѣтельствомъ древнихъ писателей, находками монетъ и т. д.). Благодаря этимъ условіямъ европейскія древности получаютъ сугубую научную цѣну, не только сами по себѣ, но и по сравненію ихъ съ ископаемыми типами древностей азіатскихъ (скиѳскихъ), о которыхъ не имѣется такихъ точныхъ историческихъ указаній. Такъ, напр., сравнивая находимые на

почвѣ древнихъ балтійскихъ славянъ или венетовъ типы гончарныхъ издѣлій, съ ихъ оригинальною орнаментовкою,—формы оружія, домашней утвари и украшеній—съ точно такими же типами, находимыми въ Малой Азіи или въ нынѣшней Россіи и Сибири, мы получаемъ такимъ образомъ вѣское доказательство въ пользу одноплеменности происхожденія этихъ находокъ, не смотря на отдѣляющія ихъ громадныя пространства. Такое же заключеніе мы имѣемъ право сдѣлать при сопоставленіи гальскихъ и германскихъ могилъ и ихъ содержимаго съ соотвѣтствующими типами каменныхъ могильныхъ памятниковъ (дольмены и т. п.), находимыхъ въ другихъ отдаленныхъ краяхъ (напр. въ Минусинскомъ округѣ). При надлежащей, пока лишь желательной, разработкѣ археологическихъ данныхъ, такія сопоставленія не ограничиваются внѣшнею стороною сравниваемыхъ предметовъ. Наука можетъ углубляться въ самую сущность древней промышленной техники, возстановить и сопоставить пріемы техническаго производства и тѣмъ доказать, какимъ путемъ оно развивалось и переносилось изъ одной страны въ другую помимо торговыхъ связей.

За исходный пунктъ систематическихъ разысканій о доисторическихъ древностяхъ правильнѣе всего было бы взять тѣ области, въ которыхъ по научнымъ соображеніямъ предполагается начальное мѣстожительство арійскихъ племенъ, т. е. среднюю Азію. Эту задачу ближе всего могли бы взять на себя русскіе археологи; но до настоящаго времени въ этомъ направленіи почти ничего еще не было предпринимаемо. Причина понятна: Туркестанскій край сдѣлался доступенъ для русскихъ и европейскихъ ученыхъ не болѣе 25 лѣтъ тому назадъ, послѣ завоеванія Ташкента, Самарканда, Хивы, Бухары и Ферганы. Въ такой короткій промежутокъ времени русское правительство и русская наука сдѣлали слишкомъ много для изученія вновь пріобрѣтенныхъ областей въ естественно-историческомъ, этнографическомъ и экономическомъ отношеніи. Это были первыя, настоятельныя, жизненныя задачи; но археологія не принадлежитъ къ числу такихъ насущныхъ и спѣшныхъ потребностей. Тѣмъ не менѣе, мимоходомъ, и на нее было обращено вниманіе какъ администраціей края, такъ и отдѣльными любителями. Въ Ташкентѣ былъ основанъ мѣстный музей съ отдѣломъ доисторическихъ древностей. Были попытки къ раскопкамъ нѣкоторыхъ городищъ и курганныхъ могилъ. Лица, служившія въ Туркестанскомъ краѣ и интересовавшіяся археологіей, передавали мнѣ, что какъ въ Сыръ-Дарьинской области, такъ и въ окрестностяхъ Ташкента и Самарканда встрѣчаются такія же точно курганныя могилы, какъ въ смежномъ Семирѣчьѣ и по долинѣ р. Чу. Г. Лессаръ сообщилъ свѣдѣнія о курганахъ въ Мервскомъ оазисѣ. Тоже самое, вѣроятно, окажется въ Ферганѣ и по верховьямъ Аму-Дарьи. Все это пока одни намеки на генетическую связь Туркестанскихъ курганныхъ древностей съ Семирѣченскими и Западно-Сибирскими, но намеки въ высокой степени интересные. Рано или

поздно, наука должна разобраться въ этомъ матеріалѣ, который можетъ повести къ весьма лыбопытнымъ, можетъ быть къ неожиданнымъ открытіямъ.

Средняя Азія, какъ извѣстно, съ незапамятныхъ временъ служила ареною разныхъ, смѣнявшихъ другъ друга, цивилизацій и народностей. Въ ея древностяхъ должны встрѣчаться разныя наслоенія, начиная съ обще-арійскаго и иранскаго, потомъ греческаго и персидскаго, и кончая арабскимъ и новѣйшимъ татарскимъ. Разобраться въ этихъ слояхъ не всегда легко, и это составляетъ одну изъ наиболѣе интересныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе трудныхъ задачъ при разработкѣ средне-азіатской археологіи. Греческія наслоенія, легко опредѣлимыя по типу предметовъ и по могущимъ встрѣтиться монетамъ и надписямъ, должны быть особенно цѣнны какъ хронологическій критерій по сравненію съ скиѳскими древностями Сыръ-Дарьинской области. Позднѣйшіе слѣды персидской и арабской культуры (преимущественно строительно-архитектурные) имѣютъ здѣсь меньше значенія, какъ матеріалъ для изученія славянскихъ древностей, ибо эти типы большею частію имѣютъ подражательный характеръ. Родина ихъ Персія, откуда они въ одинаковой мѣрѣ могли распространяться какъ въ Туркестанъ, такъ и въ южную Россію,— въ первомъ случаѣ въ мусульманско-арабской переработкѣ, во второмъ— еще ранѣе, въ византійско-славянской.

Болѣе цѣнными и оригинальными должны представляться тѣ древности Туркестанскаго края, которыя имѣютъ аналогію съ семирѣченскими, сибирскими и южно-русскими. Въ этихъ послѣднихъ областяхъ не было смѣны цивилизацій и нѣтъ такихъ наслоеній въ археологическихъ памятникахъ, какія оказываются въ Малой Азіи, въ Персіи и вѣроятно окажутся въ древней Бактріи и Согдіанѣ. Въ сѣверныхъ областяхъ древне-арійскую культуру смѣнили кочевыя племена монголо-татарскія, не имѣвшія ни строительнаго искусства, ни собственной, болѣе или менѣе развитой индустріи. Поэтому, въ теченіе болѣе чѣмъ полуторы тысячи лѣтъ, они не оставили на мѣстахъ своего пребыванія почти никакихъ культурныхъ слѣдовъ. Такимъ образомъ сибирскія курганныя могилы и городища сохранились до нашихъ дней въ томъ же видѣ и составѣ содержимаго, въ какомъ они были сооружены до окончательнаго выселенія арійскихъ сѣверныхъ народовъ въ западныя европейскія страны. На сибирскихъ древностяхъ незамѣтно вліянія и сосѣднихъ цивилизованныхъ народовъ, какъ у черноморскихъ скиѳовъ, время отъ времени воспринимавшихъ и персидскую, и отчасти греческую культуру. Поэтому сибирскія древности цѣльнѣе и самобытнѣе, не смотря на свое однообразіе. Если въ ихъ типахъ оказывается близкое сходство съ типами западными (южной Россіи и Балтійскаго побережья), то можно безошибочно заключить, что западные типы ведутъ свое начало изъ Средней Азіи и Сибири, а не наоборотъ. Неизбѣжность такого заключенія будетъ ясна для читателей послѣ того, какъ мы разсмотримъ въ спеціальной части нашего труда объекты сибирскихъ древностей параллельно съ западно-европейскими.

ГЛАВА IV.

Происхожденіе слова городъ и славянская терминологія городскихъ укрѣпленій.—Типы городскихъ укрѣпленій у азіатскихъ и европейскихъ народовъ и ихъ историческое происхожденіе.—Земляныя укрѣпленія у славянъ.—Общая характеристика россійскихъ и сибирскихъ древнихъ городищъ.

Подъ вліяніемъ ученія Шлецера, производившаго русскій государственный строй, въ томъ числѣ и первую постройку русскихъ городовъ, отъ варяговъ—шведовъ, этимологическій смыслъ слова городъ искали въ германскомъ языкѣ, именно отъ *garda* или *warda*, стеречь, оборонять. Въ примѣненіи къ городу это означало защищаемое укрѣпленное мѣсто. Въ этимологическомъ лексиконѣ Рейфа (1836 г.) слово городъ производится отъ древне-славянскаго *гра-дить*, соотвѣтственно персидскому *guird* ограда, окружность, огороженное пространство, также еврейскому *kereth* и арабскому *karjet*, ville; отсюда же шведское *gard*, городъ, нѣм. *garten*, латинское *hortus*, садъ.

По этому производству слово городъ обозначаетъ огороженное, защищенное мѣсто, и славянское произношеніе его *градъ* слѣдовало бы считать болѣе правильнымъ *) (отъ *град-ить*, ограждать, *ограда*). Между тѣмъ въ лѣтописи Нестора и въ древнѣйшихъ русскихъ актахъ чаще пишется не градъ, а городъ. Поэтому нѣкоторые допускаютъ, что буква *о* здѣсь не случайная, а коренная. Въ такомъ случаѣ слово городъ въ древнѣйшемъ этимологическомъ значеніи сопоставляется съ словомъ *гора* (отъ санскр. *ghiri*, литов. *giri*, евр. *har*, греч. *ὄρος*). Въ русскомъ языкѣ горою называется всякая земная возвышенность, въ томъ числѣ, чаще всего, высокій рѣчной берегъ. Сравнивая нѣм. *Berg* (славянское *брегъ*) и *Burg* (укрѣпленное мѣсто, замокъ) можно предположить, что послѣднее также взято отъ горы, выдающейся возвышенности, или высокаго рѣчнаго *берега*.

Слово гора въ славянскомъ языкѣ, безъ сомнѣнія, существовало гораздо раньше слова городъ. Пункты первыхъ осѣдлыхъ поселеній, а тѣмъ болѣе

*) Совершенно однозвучное этому дославянское слово *градъ*, лат. *grando*, замороженныя въ воздухѣ дождевыя капли, не имѣетъ къ слову городъ никакого отношенія, кромѣ случайнаго созвучія; его производятъ отъ санскр. *hrâdunî*, tempestas.

укрѣпленныхъ мѣстъ, всегда избирались на возвышенностяхъ, защищаемыхъ самою природою. Поэтому съ горою могло быть связано первое представленіе о естественной крѣпости, и отсюда могло, со временемъ, выдѣлиться частное понятіе объ огражденіи и о городѣ, какъ центрѣ укрѣпленія и защиты окрестной страны. Поэтому слово ограждать, или городить можно считать позднѣйшимъ производнымъ отъ города, именно съ того времени, когда укрѣпленные, возвышенные и защищенные природою пункты стали обноситься искусственными сооруженіями, земляпымъ валомъ, стѣною, или палисадомъ. При такомъ производствѣ слова городъ, буква *д* въ глаголѣ *град-итъ* должна принадлежать другому корню. Какъ сложное слово, городъ такимъ образомъ производили отъ *гора* и *родъ*, племя, т. е. центръ или мѣсто управленія при первоначальномъ родовомъ складѣ общинъ. Но принимая во вниманіе дославянскую древность слова *град-итъ*, можно думать, что буква *д* есть слѣдъ какого либо санскритскаго корня, напр. *dai.*, *дъяти* или *dâ*, *dayati*, binden—соединять, замыкать, скрѣплять. Отсюда санскритское *Gardha*, замкнутое пространство, зенд. *geredha*, полость, впадина, пещера. Изъ этихъ двухъ корней *gar*, *giri*, гора, и *dâ*, замыкать, скрѣплять, могло образоваться слово, выражающее понятіе объ укрѣпленіи, замкнутой горной возвышенности, соотвѣтствующее славянскому *горо-дъ*, городокъ. Впослѣдствіи времени, при дифференцировкѣ понятій, изъ той же темы выдѣлилось слово, выражающее самый актъ огражденія или укрѣпленія, славянск. *град-итъ*, *гра-даръ*, огородникъ, садовникъ, и лат. hortus. Основываясь на приведенной этимологіи слова городъ, мы можемъ думать, что у славянскаго племени города или укрѣпленные городки существовали съ самыхъ отдаленныхъ временъ и строились они на возвышенныхъ мѣстахъ, или на высокомъ берегѣ рѣки, каковыми дѣйствительно оказываются большинство древнихъ русскихъ городищъ.

Слово *городище* (средн. рода) обозначаетъ собственно мѣсто, занятое или предназначенное для города, соотвѣтственно слову *займище*, мѣсто расчищенное подъ пашню или покосъ, или, въ нынѣшнемъ значеніи, заливной лугъ, пойма. Къ тому же разряду существительныхъ средняго рода, оканчивающихся на *ище*, принадлежатъ кладбище, верховище, зрѣлище, капище и мн. др., въ отличіе отъ существительныхъ мужскаго рода съ тѣмъ же окончаніемъ, выражающимъ увеличительную степень, напр. домище, глазище, идолище и пр.

Въ древнихъ русскихъ актахъ и лѣтописяхъ слову городище дается опредѣленное значеніе мѣста нѣкогда бывшаго города. Такъ напр. у Нестора разсказывается преданіе о походѣ Кія въ Грецію и объ основаніи на Дунаѣ городка, гдѣ онъ предполагалъ «сѣсти съ родомъ своимъ»; но этого ему не позволили туземные жители, и оставленное Кіемъ мѣсто, по словамъ Нестора,

«Дунайцы донынѣ нарицаютъ *городище* Кіевецъ» *). Еще опредѣленнѣе встрѣчается выраженіе въ описаніи путешествія митрополита Пимена въ Царьградъ, гдѣ, упоминая о Серкліи градѣ, діаконъ Игнатій замѣчаетъ: «не градъ же убо, но точію *городище*» **). Въ книгѣ Большаго Чертежа и во всѣхъ другихъ историческихъ источникахъ слову городище придается также значеніе бывшаго, оставленнаго города, или мѣста, на которомъ нѣкогда существовалъ укрѣпленный пунктъ народнаго поселенія. Въ подобномъ значеніи употребляются въ русскомъ народномъ языкѣ слова селище, церковище, монастырище, пожарище, т. е. опустѣлыя мѣста бывшаго нѣкогда села, церкви, монастыря, или пожара ***).

Важнѣйшіе русскіе города въ болѣе позднее, историческое время нерѣдко обносились не однимъ, а нѣсколькими параллельными рядами укрѣпленій. Каждое изъ нихъ носило въ такомъ случаѣ особое названіе. Такъ напр. важнѣйшая, центральная или внутренняя часть крѣпости называлась *днѣшнимъ городомъ* или *дѣтинцемъ*, а впослѣдствіи *кремлемъ* или *кремникомъ*; наружныя, периферическія огражденія назывались *окольнымъ городомъ*, *охабнемъ*, городомъ *кромнымъ*, или *кромомъ*.

Слово *днѣшній* †) происходитъ отъ древне-славянскаго *днѣ*—внутри, внутренній, отъ древнерусскаго слова *дна*—матка (uterus), внутренность, а это, въ свою очередь, отъ санскр. *dhâ* доить, питать, *dhenâ* дойный, также сущ. питаніе, подкрѣпленіе. *Днѣшній* городъ въ этомъ смыслѣ означаетъ центръ, важнѣйшую часть укрѣпленія. Тоже значеніе имѣлъ и *дѣтинецъ*. Происхожденіе послѣдняго названія ставили въ связь съ словомъ *дѣти* (дитя), предполагая, что при осадѣ городовъ дѣтинецъ, какъ внутренняя наиболѣе безопасная часть укрѣпленія, предназначался для охраненія дѣтей. Генералъ Ласковскій по этому поводу высказываетъ слѣдующія соображенія: «позволительно предполагать, говоритъ онъ, что при угрожавшей городу опасности жители прятали въ дѣтинецъ все, что для нихъ было дорого: церковную святыню, старцевъ, женъ, дѣтей, имущество и пр., и очень можетъ быть, что названіе *дѣтинецъ* произошло отъ слова дѣвать, *дѣть*, помѣстить, означая между прочимъ и обезпеченное убѣжище для дѣтей» †*) Если принять во вниманіе, что въ старину существовало названіе *дѣтскій отрокъ*, въ значеніи тѣлохранитель при князѣ, такъ сказать отборная гвардія, то слово дѣтинецъ могло бы еще обозначать мѣсто для охраны князя и его семейства, или мѣсто, поручаемое защитѣ его личныхъ тѣлохранителей.

*) Полн. собр. русск. лѣтоп. т. 1 стр. 4.

**) Карамзинъ, Истор. государ. Россійскаго т. V, стр. 133.

***) См. Древніе города Россіи. Проф. Самоквасова, Спб. 1873 г., стр. 99.

†) Лаврент. лѣтоп. т. I, 1078 г.

†*) Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи. Ч. I., стр. 12. Спб. 1858 г.

Названіе *кремль* появляется въ русскихъ лѣтописяхъ только съ 1331 года, *) поэтому нѣкоторые думаютъ, что это слово татарское. Трудно, однако же, предположить, чтобы наши предки замѣнили родное слово дѣтинецъ татарскимъ названіемъ, тѣмъ болѣе, что сами татары въ то время еще не имѣли каменныхъ крѣпостей. Поэтому основательнѣе думать, что татарское слово *Кремль*, крѣпость, наоборотъ, взято съ русскаго. Если оно ранѣе не встрѣчалось въ лѣтописяхъ, это можно объяснить только старою привычкою къ названію дѣтинецъ, какъ синониму кремля. По филологическому производству слово кремль сближается съ церковно-славянскимъ *кремы*, *кремыкъ*, твердый, жесткій камень, кремень. Отсюда *Миклошичъ* производитъ древне-русское *кромы*, ящикъ, цитадель и кремль **). *Шимкевичъ* ***) по поводу этого слова дѣлаетъ такое примѣчаніе: можно полагать, что было слово *кремый*, крѣпкій, и что отъ него произошло названіе кремня, который между обыкновенными камнями отличается своею крѣпостью. Отсюда же слово кремль т. е. самая крѣпкая часть въ каждомъ городѣ. Оттого по разности мѣстъ, говорили еще *кремъ* и *кремникъ*». Того же мнѣнія держался и нашъ историкъ *Карамзинъ* †). По этому толкованію кремлемъ должна была называться каменная ограда, или стѣны, сложенныя изъ дикаго камня, въ отличіе отъ рубленнаго, деревяннаго города, или земляныхъ валовъ. Начало постройки каменныхъ городскихъ стѣнъ русскія лѣтописи относятъ къ первой половинѣ XI вѣка, а собственно Московскій кремль обнесенъ каменными стѣнами въ 1367 году и назывался тогда каменнымъ городомъ.

Слово *стѣна* считается нѣмецкаго происхожденія, отъ *Stein*-камень (Рейфъ, Шимкевичъ). Отсюда заключаютъ, что каменныя сооруженія не были извѣстны древнимъ славянамъ, хотя самое слово стѣна (paries, murus) и признается праславянскимъ (Будиловичъ). Нѣм. *Stein*, готск. *stainas*—камень, Фикъ производитъ отъ санскр. корня *stî* суживаться, греч. στενός узкій, стѣсненный. Отсюда онъ производитъ и церковно-славянское стѣна, Wand. Такое объясненіе можетъ казаться болѣе вѣроятнымъ и оно болѣе соотвѣтствуетъ греческому и славянскому значенію, чѣмъ нѣм. Stein. Стѣна, стѣнка въ этомъ смыслѣ выражала бы понятіе о преградѣ, или о томъ предметѣ, который замыкаетъ извѣстное пространство. Это примѣнимо и къ архитектурнымъ сооруженіямъ, безъ обозначенія изъ какихъ матеріаловъ онѣ возводятся. Поэтому, въ русскомъ языкѣ обыкновенно въ такихъ случаяхъ къ слову стѣна прибавляется прилагательное каменная, или деревянная.

*) «Въ лѣто 6839 мѣсяца мая 3 былъ пожаръ въ Москвѣ, погорѣ городъ *Кремль*», а по другимъ спискамъ городъ *Кремникъ*.

**) *Будиловичъ*, первобытные славяне въ ихъ языкѣ, ч. I, стр. 53. Кіевъ. 1878 г.

***) Корнесловъ русскаго языка, стр. 117. Спб. 1842 г.

†) Исторія Госуд. Россійск. изд. 1819 г. т. 4. Примѣч. 322.

Такимъ образомъ нѣмецкое *Stein* слѣдуетъ считать не родоначальникомъ славянской *стѣны*, а общеарійскимъ словомъ, не имѣющимъ къ стѣнѣ прямого отношенія.

Слово *стѣна*, *murus* можно сопоставить еще съ другимъ санскритскимъ корнемъ: *stâna*, stand, ort, откуда латин. *de-stina*, подпора, подставка, *de-stin-are* въ значеніи укрѣплять, утверждать. Отсюда же славянское *станъ*, стоянка, полевое укрѣпленіе.

При городскихъ стѣнахъ обыкновенно строились деревянныя или каменныя башни. Первыя назывались *вежами*, а вторыя *столпами*. Слово *вежа* обозначало не только башню, родъ каланчи или помоста, возвышающагося надъ стѣной или валомъ, но также шатеръ или палатку. Такъ, напримѣръ, у Нестора подъ 898 годомъ, при описаніи похода Угровъ мимо Кіева сказано: «Идоша Угри мимо Кіева горою (берегомъ), иже ся зоветь нынѣ угорьское, и пришедше къ Днѣпру сташа *вежами*; бѣша бо ходяще аки се половци». Въ этомъ случаѣ вежа имѣетъ значеніе шатра или походной палатки. Приведенное въ другомъ мѣстѣ названіе Бѣлая вежа или Саркелъ относится уже къ осѣдлому пункту, или городу. О городищѣ съ этимъ именемъ упоминается три раза въ книгѣ Большаго Чертежа, именно: въ 60 верстахъ отъ Чернигова «рѣка Остръ вытекла изъ городища изъ подъ *Бѣлыя вежи*, отъ верху рѣки Удая» (стр. 56, 95 и 96). Въ географическомъ словарѣ *Щекатова* *) указаны три бывшихъ города подъ этимъ именемъ 1) *Бѣлая вежа* или Саркелъ на Донцѣ, 2) при устьѣ Днѣпра и 3) при верховьѣ рѣки Остра. Къ той же географической номенклатурѣ слѣдуетъ отнести и извѣстную донынѣ *Бѣловѣжскую пущу* въ Гродненской губерніи.

Слово *вежа* Будиловичъ считаетъ древне-славянскимъ, такъ какъ оно встрѣчается во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ **). Происхожденіе его въ Рейфовомъ лексиконѣ ставится въ связь съ глаголомъ *видѣть* (дозорная башня); возможно также производить его отъ глагола *вѣдать*—знать, распознавать (старинное *вѣжа* знающій, ученый и *не—вѣжа*—наоборотъ), либо отъ *вѣжда*, вѣко. Въ первомъ случаѣ это соотвѣтствовало бы значенію башни, какъ обсерваціоннаго пункта, во второмъ выражало бы понятіе о покрытіи (палатка, крытый помостъ надъ землянымъ валомъ, вышка, шалашъ).

Столпомъ называлась каменная башня, входящая въ составъ городоваго укрѣпленія, либо отдѣльно стоящая, возвышающаяся надъ прочими городскими постройками. Столпы такого рода до сихъ поръ сохранились въ числѣ древнихъ памятниковъ русскаго зодчества, напр. въ Кременцѣ, въ Камскихъ болгарахъ и т. д. Впослѣдствіи ихъ замѣнили башни и колокольни видоизмѣненной конструкціи, по образцу европейскихъ.

*) Москва. 1801 г. т. I, стр. 645, Бѣлая вежа.

**) Первобытные славяне. Ч. II, стр. 120.

Слово *столпъ* принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ, праславянскихъ. Рейфъ производитъ его отъ санскр. *Stmaba*, être fixé; *Stambha* Pfeiler (Фикъ). Тоже слово столпъ находится въ датскомъ, шведскомъ (Stolp-e) и англо-саксонскомъ языкѣ (Staple), въ литов. *Stalpas*, въ исландскомъ *Stolpi*—свая. Первымъ, извѣстнымъ въ исторіи столпомъ этого рода была знаменитая по библейскимъ сказаніямъ Вавилонская башня. Древніе русскіе столпы обыкновенно имѣли круглую форму, въ родѣ колонны, и состояли изъ сплошной кладки, въ толщѣ которой оставлялось пустое пространство только для винтовой лѣстницы, выходившей на самый верхъ колонны. Этимъ конструкція столпа отличалась отъ позднѣйшей башни или колокольни. О происхожденіи и значеніи этихъ любопытныхъ памятниковъ въ Россіи будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ (См. ниже главу о Камскихъ Болгарахъ).

Слово *башня* считается татарскимъ, отъ *башь* голова (Рейфъ). Но съ другой стороны, если принять во вниманіе, что башни у насъ строились задолго до нашествія татаръ и не всѣ онѣ назывались столпами или вежами, затѣмъ, не видя никакого логическаго основанія заимствовать съ татарскаго языка названіе башни, тѣмъ болѣе, что сами татары въ XIII—XIV в. не имѣли у себя подобныхъ сооруженій, невольно является мысль о происхожденіи слова башня изъ другаго источника. Въ лексиконѣ треязычномъ (*Поликарпова*, 1704 г.) подъ этимъ словомъ значится: «башня, πύργος, turris, phala, *bassa*. Въ словарѣ Даля въ числѣ синонимовъ башни названы *вѣжа*, *батура* (ряз.), *костеръ* и *баштá*. Поэтому правильнѣе думать, что слово *башня* взято не съ татарскаго, а скорѣе съ итальянскаго, или средне-латинскаго языка, откуда происходитъ и европейское слово *бастіонъ*.

О словѣ *костеръ* у Савельева сказано слѣдующее: «костеръ означалъ родъ городскаго укрѣпленія, башни, замка или стрѣльницы. Въ Псковской лѣтописи, гдѣ наиболѣе это слово встрѣчается, находимъ, что костеръ впервые упоминается во второй половинѣ XIV столѣтія, въ тотъ періодъ, когда русскіе стали имѣть сношенія съ ливонцами, часто употреблявшими латинскій языкъ: зáмка или укрѣпленія они не могли иначе назвать полатыни, какъ castrum. Такимъ образомъ, псковичи, слыша это слово, передѣлали его по своему въ *костеръ*. Что слово костеръ обозначало у насъ иногда башню, это можно видѣть изъ того, что Ливонскій городъ Альтентурмъ (Altenthurm) русскіе называли *старымъ костромъ*, а подъ *новымъ костромъ* разумѣли замокъ Вербакъ»*). Съ такимъ толкованіемъ, однако же, едва ли можно согласиться. Въ русскихъ лѣтописяхъ слово костеръ упо-

*) *Савельевъ*, «Матеріалы къ исторіи инженернаго искусства въ Россіи». Спб. 1853 года, стр. 21.

требляется не въ смыслѣ castrum, а именно въ смыслѣ turris, Thurm*); при томъ для перваго у насъ существовало старинное и давно привычное слово, городъ или станъ (для полевыхъ укрѣпленій), слѣдовательно, не было надобности ни заимствовать у ливонцевъ, ни искажать иностраннаго слова.

Происхожденіе русскаго слова костеръ не вполнѣ ясно. Имъ обыкновенно теперь обозначають кучу дровъ, сложенныхъ въ клѣтку, но въ старину это слово должно было имѣть болѣе широкое значеніе. *Даль* въ своемъ словарѣ высказываетъ весьма правдоподобную догадку, что костеръ прежде означалъ также бревенчатую рубку, высокій срубъ, или выступъ площадкой на городской стѣнѣ («сдѣлаша врата и костеръ па верху большой»). При такомъ значеніи роль костра на городской стѣнѣ вполнѣ понятна. Онъ представлялъ собою деревянную постройку, вышку, выдающуюся въ родѣ балкончика башенку, съ которой удобно было наблюдать какъ за дѣйствіями непріятеля, такъ и обстрѣливать наружныя части стѣны въ разныхъ направленіяхъ, какъ это достигается въ нынѣшнихъ фортификаціяхъ выдающимися углами (профилями) крѣпостей и бастіоновъ. Костры, какъ и городскія стѣны, прежде были деревянные, но потомъ на каменныхъ стѣнахъ стали дѣлать тѣже пристройки и башенки изъ камня, какъ упоминается въ Псковской лѣтописи.

Острогомъ назывался частоколъ или полисадникъ изъ свай (бревенъ), поставленныхъ стоймя и заостренныхъ сверху. Такою оградою окружали менѣе значительные укрѣпленные пункты, взамѣнъ бревенчатыхъ стѣнъ, рубленныхъ вѣнцами, съ углами и башнями. Послѣднія назывались городкомъ или городомъ. Поэтому въ лѣтописяхъ различались выраженія: «городы *рубити*, а острогъ *ставити*». При постройкѣ каменныхъ стѣнъ говорилось—«*заложити* городъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ острогомъ называлось и самое поселеніе, защищенное такою стѣной, небольшая крѣпость, городокъ, укрѣпленный станъ. Острогъ въ значеніи частокола нерѣдко устраивался и около большихъ городовъ, имѣющихъ уже каменныя или рубленныя стѣны, какъ вторая линія укрѣпленій. «Оступиша Рязань и острогомъ оградиша ѝ». «Ляхомъ же острожившимся нападоша (Ятвяги) нощь... Острогъ проломити

*) Въ Псковской лѣтописи подъ г. 6895 сказано: «Поставиша три *костры* камены у новыя стѣны на приступѣ». Тамъ же подъ 1398 г. сказано: «князь Иванъ Андреевичъ и князь Григорій Астафьевичъ, и Захарія посадникъ Костроминичъ и псковичи поставиша три *костры* на приступной стѣнѣ, единъ на углѣ Великія рѣки, а другой на лужищи, а третій отъ Псковы на углѣ». Подъ 1400 г.: «Заложивше сдѣлаша новую стѣну къ старой стѣнѣ на приступѣ, толще и выше и поставиша три *костры*». Подъ слѣдующимъ годомъ: «Пріѣха въ Псковъ преосвященный архіепископъ Іоаннъ, и благослови дѣтей своихъ, весь Псковъ, и вдаша неколико серебра, и сдѣлаша его сребромъ на Радчинѣ всходѣ *костеръ*, а другой костеръ въ куту города; того же лѣта заложиша въ старой стѣнѣ новую, толще и выше, возлѣ Великую рѣку, отъ Бурковыхъ воротъ *отъ костра и до крому* (кремля)». Въ Ростовской лѣтописи подъ г. 6894 сказано: «Новгородцы послаша Василія Кузьмина городъ Орѣшекъ починивати и *костровъ*».

хотяху». Теперь острогомъ называютъ тюрьму, окруженную стѣною, все равно, каменною или бревенчатою, и мѣсто (зáмокъ), гдѣ находятся преступники *).

Слово *острогъ* принадлежитъ къ древнеславянскимъ; оно существуетъ почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и происходитъ не отъ *острый* (заостренные колья, палисадъ), а отъ глагола *стрегу*, *остерегаю*, отсюда же *осторожность*, *осторожный*. Слѣдовательно острогъ прежде обозначалъ городовое или полевое укрѣпленіе, сторожевую ограду, которую ставили на окопахъ или валахъ, по примѣру римскихъ лагерей.

Всѣ древніе славянскіе города окружались *валомъ* и *рвомъ*. Эти послѣдніе сооружались иногда въ нѣсколько концентрическихъ рядовъ. Обычай земляныхъ укрѣпленій у славянъ считается самымъ древнимъ, чему должна бы была соотвѣтствовать и ихъ терминологія. Къ сожалѣнію, слова, сюда относящіяся, дошли до насъ только въ выраженіи общихъ понятій. Очень можетъ быть, что другой, частной номенклатуры для этихъ сооруженій и не существовало. Земляныя работы выражались общими терминами *рыть*, *валить*, *копать*, *сыпать*, откуда произошли слова *ровъ*, *валъ*, *сопъ*, *кóпанъ*, одинаково относимыя какъ къ спеціальнымъ фортификаціямъ, такъ и къ прочимъ землянымъ работамъ. Въ числѣ этихъ словъ валъ имѣетъ еще болѣе опредѣленное значеніе.

Валъ, какъ земляная насыпь, принадлежитъ къ числу древне-славянскихъ, или даже до-славянскихъ словъ. Кромѣ церковно-славянскаго и русскаго языка это слово сохранилось въ чешскомъ (Val), полабскомъ (Wal) и въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Тоже самое слово существуетъ въ средне-латинскомъ vallum и нѣмецкомъ Wall. Въ греческомъ языкѣ βάλλειν значитъ бросать, валить. Въ санскритскомъ языкѣ слово *val*, *valate* значитъ прикрывать, обложить, окружать, *val-aya* то, что окружаетъ (Фикъ). Такимъ образомъ въ латинскомъ, славянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ слово *валъ* сохранилось въ томъ именно значеніи, какое онъ долженъ былъ имѣть какъ элементъ укрѣпленія (земляная насыпь). Греческое и санскритское слова не имѣютъ такого конкретнаго значенія, но и они, очевидно, стоятъ по темѣ въ близкомъ родствѣ съ славянскимъ валомъ.

Я позволилъ себѣ остановиться на филологическихъ вопросахъ по терминологіи городскихъ сооруженій, можетъ быть, больше, чѣмъ имѣлъ на это право. Но этого требовала цѣль предстоящаго сочиненія. Безъ справокъ подобнаго рода невозможно археологическое сужденіе. Данныя языка представляютъ собою одно изъ важныхъ основаній для тѣхъ или другихъ заклю-

*) Кстати замѣтить, слово *тюрьма* взято у насъ съ нѣмецкаго, отъ *Thurm* башня, польск. turma. Старое церковно- и обще-славянское названіе было темница (отъ слова тьма, темный) и *узница* (carcer), отъ узы, заключеніе.

ченій о національныхъ древностяхъ. Живой языкъ носитъ въ себѣ неизгладимые слѣды пережитой культуры, болѣе опредѣленные, чѣмъ вещественные памятники. На немъ, какъ на самопишущей графической лентѣ, отпечатлѣваются почти всѣ основныя черты народной жизни. Онъ можетъ освѣщать не только историческія времена, но и вести насъ въ доисторическую глубь, откуда не доходитъ ни одного луча ни въ народныхъ преданіяхъ, ни въ письменности. Для археологіи языкъ есть своего рода документальный каталогъ, которымъ никогда не слѣдуетъ пренебрегать.

Что же говоритъ намъ славянскій языкъ въ вопросѣ о городахъ и способахъ ихъ укрѣпленій? Прежде всего онъ доказываетъ: 1) что понятіе о городѣ, какъ укрѣпленномъ пунктѣ, вынесено изъ нашей арійской прародины, изъ тѣхъ отдаленныхъ странъ Азіи, гдѣ наши предки жили когда-то въ сосѣдствѣ съ народомъ, пользовавшимся общимъ индо-европейскимъ языкомъ. Будемъ ли мы производить это слово отъ гора (g̑hiri), или отъ градить, огрождать (сан. *gardha*, зен. *geredha*), во всякомъ случаѣ оно носитъ на себѣ архаическій слѣдъ и не имѣетъ никакой связи съ нѣмецкою культурою. По даннымъ языка города̀ — крѣпости у насъ существовали искони вѣковъ, и въ этомъ отношеніи славянскій языкъ даетъ намъ больше права на городскую давность, чѣмъ прочіе европейскіе языки, не говоря уже о финскихъ и монголо-татарскихъ языкахъ и преданіяхъ *). 2) Изъ того же словообразованія мы можемъ заключить, что предки наши избирали для постройки городовъ преимущественно возвышенные пункты (по слову гора), ограждая ихъ тѣми или другими искусственными укрѣпленіями. А такъ какъ въ русскомъ простонародномъ языкѣ и во многихъ югославянскихъ нарѣчіяхъ (серб., хорв., полабск.) горою чаще всего называется высокій берегъ рѣки **), то отсюда можно предположить, что древніе русскіе

*) Нѣм. слово *Burg* (Berg, брегъ) и *Stadt* неимѣютъ непосредственной связи съ санскритомъ. Франц. *ville* производятъ отъ средне-латинскаго *villa*, деревня, дача, а можетъ быть, и отъ *vallum*, *vallare* укрѣплять валомъ, окопомъ, окружать, защищать. Лат. *urbs*, *oppidum*, *civitas* и греч. πόλις также принадлежатъ къ числу не начальныхъ праарійскихъ, а уже европейскихъ словъ (πόλις отъ санскр. *pal*, *pipalti* füllen, наполнять, слав. полный; здѣсь выражается понятіе не объ укрѣпленіи, а о собраніи людей, о множествѣ, многолюдствѣ, отсюда πολυς много). Латинское *urbs* Моммсенъ производитъ отъ *urvus*, *curvus* или *orbis*. Съ этими словами связывается понятіе объ окружіи, кольцѣ, т. е. о чертѣ или границѣ. *Urvare* значитъ обводить окружность города сохою или плугомъ; *urvam* или *urbum* — кривизна сохи. Въ финскихъ языкахъ понятія, соотвѣтствующія городу или огражденію, взяты съ славянскаго, либо съ шведскаго. (см. *Becke*: славяно-финскія культурныя отношенія. Казань, 1890 г. стр. 275). По даннымъ финскаго языка оказывается, что у сѣверо-восточныхъ и западныхъ финновъ не только нѣтъ собственнаго слова для выраженія понятія о городѣ, но даже всѣ слова, относящіяся до осѣдлой жизни заимствованы отъ славянъ, либо отъ германцевъ.

**) Настоящіе горные хребты и горы въ древнемъ русскомъ языкѣ назывались просто *камень* или *камы*. Уралъ до сихъ поръ мѣстные жители называютъ камнемъ, а по книжному онъ былъ *каменный поясъ*. На горахъ, ѣхать горою, значитъ на берегу, ѣхать берегомъ, или высокою равниной, въ которую переходитъ берегъ.

города строились по берегамъ рѣкъ, преимущественно на выдающихся мысахъ. Это филологическое соображеніе для насъ имѣетъ особенную важность, потому что громадное большинство разсѣянныхъ по Россіи и Сибири городищъ имѣютъ именно такое расположеніе.

3) *Валы* и *рвы*, составляющіе неизмѣнную принадлежность каждаго городища, находятъ въ корняхъ славянскаго языка подтвержденіе доисторической давности этихъ словъ, а слѣдовательно, и выражаемыхъ ими понятій. Тождество славянскаго *валъ* съ латинскимъ *vallum* и нѣмецкимъ *Wall* едва ли можно объяснить послѣдовательной передачей этого слова отъ одного народа къ другому. Совпаденіе названій въ данномъ случаѣ указываетъ не на заимствованіе, а на одновременное существованіе понятія о земляномъ валѣ какъ у латинцевъ, такъ и у славянъ. Праславянское значеніе корня валить и его многообразныя производныя во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ служатъ доказательствомъ, что у насъ названіе земляного вала сформировалось самостоятельно, а не было взято съ латинскаго языка.

4) Спеціально русскія названія разныхъ частей городскихъ укрѣпленій, какъ напримѣръ кромы, дѣтинецъ, днѣшній городъ, острогъ, вѣжа, столпъ, стѣна и т. д. доказываютъ, что при созиданіи городовъ наши предки не руководились европейскими образцами, а пользовались своими стародавними преданіями. Наша, довольно сложная и оригинальная городовая номенклатура не могла образоваться быстро, со временъ основанія Русскаго государства. Она, очевидно, существовала раньше и развивалась постепенно, по мѣрѣ усовершенствованія городскихъ укрѣпленій. Зародившись, какъ у римлянъ и галловъ, въ ту эпоху, когда народъ переходилъ отъ пастушескаго состоянія къ полуосѣдлому, городъ вначалѣ обнималъ собой лишь общее понятіе о временномъ, защищенномъ природою убѣжищѣ. Затѣмъ, по мѣрѣ централизаціи власти и съ развитіемъ земледѣлія, привязывающаго народъ къ опредѣленнымъ участкамъ земли, около городковъ стало группироваться населеніе, потребовавшее искусственной защиты. Эта послѣдняя должна была постепенно расширяться, осложняться и совершенствоваться по мѣрѣ возраставшей опасности и ухищренія враговъ, нападавшихъ на защищенные пункты. Каждое такое нововведеніе, составляло ли оно собственную выдумку, или подражаніе сосѣднимъ народамъ, требовало спеціальнаго названія. Отсюда сложность терминологіи русскихъ городовыхъ укрѣпленій, доказывающая съ одной стороны глубокую древность нашихъ городовъ, съ другой стороны ихъ самостоятельное развитіе изъ собственныхъ народныхъ началъ.

Теперь мы должны коснуться исторіи фортификацій вообще у всѣхъ народовъ, дабы имѣть возможность сравнивать ихъ съ славянскими. Способъ укрѣпленія городовъ представляетъ одно изъ самыхъ древнихъ изобрѣтеній человѣческаго общежитія. Съ тѣхъ поръ какъ люди раздѣлились на народ-

ныя и родовыя группы и установилось понятіе о народной собственности, явилась необходимость защищать эту собственность отъ вражескихъ вторженій. Потребность искусственной защиты должна была возникнуть не только съ началомъ осѣдлости, когда народное достояніе сосредоточивалось въ недвижимыхъ центрахъ (городахъ), но даже и въ то время, когда племена находились въ полукочевомъ или кочевомъ быту. Въ послѣднемъ случаѣ они должны были защищать свои пастбища, свои стада, а, главное, женъ, дѣтей и самихъ себя отъ плѣна, или истребленія. Поэтому исторія крѣпостныхъ сооруженій не только одновременна съ появленіемъ исторіи древнѣйшихъ народовъ, но она могла бы захватывать даже болѣе отдаленныя доисторическія эпохи, если бы были средства проникнуть въ такую глубину вѣковъ.

Касаясь вопроса объ укрѣпленіяхъ, мы имѣемъ въ виду не полную исторію этихъ сооруженій, а будемъ разсматривать ихъ, какъ матеріалъ преемственныхъ культурныхъ теченій. Въ манерѣ фортификацій, точно также, если не болѣе, какъ и во всемъ культурномъ складѣ даннаго народа выражаются старыя народныя привычки, частію заимствованныя и укрѣпленныя преданіемъ, частію самобытныя. По этимъ даннымъ часто можно прослѣдить взаимныя отношенія народовъ и связь культуръ. Это въ особенности относится къ такимъ сооруженіямъ, которыя имѣютъ опредѣленный, болѣе или менѣе оригинальный типъ, повторяющійся только у извѣстной группы народностей.

Разсматривая исторію фортификацій, мы прежде всего должны раздѣлить ихъ на два вида: 1) укрѣпленія городовъ, какъ постоянныхъ осѣдлыхъ центровъ, и 2) полевыя или временныя укрѣпленія лагерей. Такое раздѣленіе существовало съ глубокой древности. Типы полевыхъ укрѣпленій, повидимому, возникли раньше городскихъ, можетъ быть съ того времени, когда еще несуществовало городовъ; они сохранились до временъ осѣдлости и были цѣликомъ примѣняемы къ укрѣпленію населенныхъ мѣстъ; у большинства культурныхъ народовъ они остались только для походнаго времени, тогда какъ для защиты городовъ были придуманы иные фортификаціонные пріемы, именно каменныя стѣны и башни. Земляныя и деревянныя городскія укрѣпленія (валы, рвы и деревянныя стѣны), были усвоены болѣе всего сѣверными народами, преимущественно кельтами, галлами и славянами, которые пользовались ими не только въ древнее, но и въ новое, историческое время, когда въ южной Азіи, въ Греціи и Римѣ города обносились исключительно каменными стѣнами. На эту національную привычку мы обращаемъ вниманіе какъ на фактъ, могущій служить къ разъясненію происхожденія древнихъ городищъ нынѣшней Россіи и Сибири. Яснѣе это будетъ видно изъ нижеслѣдующаго очерка исторіи фортификацій.

Во всѣхъ азіатскихъ государствахъ, съ тѣхъ поръ какъ знаетъ ихъ исторія, городскія стѣны строились изъ глины, кирпича, или камня. Таковы

были Вавилонъ, Ниневія и Экбатана, описаніе которыхъ мы находимъ у Геродота, Діодора Сицилійскаго и у другихъ историковъ. Вавилонъ былъ окруженъ двумя стѣнами, изъ коихъ наружная была сложена изъ обожженнаго кирпича и имѣла 200 локтей вышины и 50 локтей толщины *). На стѣнахъ возвышались двѣ башни въ одинъ ярусъ, а для входа въ городъ имѣлось 100 воротъ, сдѣланныхъ изъ чистой мѣди съ мѣдными же косяками и перекладинами. Внутренняя стѣна была немногимъ тоньше наружной; Евфратъ протекалъ по рединѣ города, раздѣляя его на двѣ половины. Въ одной изъ нихъ находился царскій дворецъ, окруженный особыми, еще болѣе крѣпкими стѣнами, въ другой половинѣ былъ главный храмъ Белы. Въ срединѣ храма стояла массивная башня въ 8 ярусовъ. Основаніе башни занимало по одной стадіи въ длину и ширину, а храмъ имѣлъ по двѣ стадіи въ каждой сторонѣ. Кругомъ наружной стѣны существовалъ глубокій ровъ, въ который напускалась вода изъ Евфрата. Городскія стѣны имѣли форму *четырехугольника*; протяженіе каждой стороны городской наружной стѣны было въ 120 стадій (стадія=$87\frac{1}{2}$ саж. 40 стадій=7 верстамъ **). Городъ Экбатана, расположенный на горѣ и по скатамъ ея, былъ окруженъ *семью* кирпичными стѣнами, возвышавшимися одна надъ другой. На самой вершинѣ горы находился царскій замокъ. Въ томъ же родѣ были укрѣплены Ниневія и другіе ассирійскіе города.

По словамъ Геродота Вавилонскія стѣны были выстроены изъ обожженнаго кирпича. Въ то время, когда рыли ровъ (окружавшій городъ), рабочіе изъ вынимаемой земли (глины) приготовляли кирпичи и *обжигали ихъ въ печахъ*. Цементомъ для кирпичей служилъ горячій асфальтъ (§ 179). Съ котораго времени вошелъ у Вавилонянъ въ употребленіе обожженный кирпичъ, опредѣлить едва-ли возможно, но несомнѣнно, что это изобрѣтеніе прежде всего явилось въ Вавилонѣ. Городскія стѣны, которыя описывалъ Геродотъ, строились Навуходоносоромъ послѣ покоренія Іудеи (около 600 лѣтъ до Р. X.). Раньше этого времени городъ, можетъ быть, имѣлъ глинобитныя стѣны, или сложенныя изъ сырцоваго кирпича. Глинобитный способъ здѣсь существовалъ съ незапамятныхъ временъ ***). Въ наше время, благодаря изученію ассирійскихъ и вавилонскихъ памятниковъ клиновиднаго письма, явилась возможность точнѣе опредѣлить вавилонскую хронологію. Чтобы дать понятіе о ея глубокой древности, мы приведемъ здѣсь одну изъ надписей, свидѣтельствующую о времени построенія перваго вавилонскаго столпа (библейской башни столпотворенія). Найденная надпись принадлежитъ Навуходо-

*) Локть=$10\frac{1}{2}$ вершковъ.

**) Геродотъ, кн. 1, § 178—181.

***) Въ Средней Азіи и Персіи онъ до настоящаго времени примѣняется къ обыкновеннымъ городскимъ и сельскимъ постройкамъ.

носору. Вотъ извлеченіе изъ ея содержанія, прочитаннаго Оппертомъ. «Домъ семи лучей земли, незапамятный памятникъ Борсипы*) построилъ древній царь тому сорокъ два вѣка человѣческихъ**), но не возвысилъ главу его, и со дня потопа оставили (тотъ домъ) люди, въ смѣшеніи произнося словеса. Землетрясеніе и громъ разрушили глину, треснули *кирпичи покрышки* (облицовки?), развалилась въ груды *глина* внутреннихъ стѣнъ. Къ возстановленію сего подвинулъ сердце мое владыка великій Меродахъ. Мѣсто онаго не перемѣнилъ я, не коснулся и камней основанія его. Въ благополучный день мѣсяца мира глину стѣнъ и кирпичи облицовки прорѣзалъ я арками, все возобновилъ и славу имени моего начерталъ на вѣнцѣ портиковъ. На строеніе сіе и возвышеніе главы его подъялъ я руку мою. Какъ издревле было, такъ содѣялъ я и построилъ оное; какъ въ древніе дни было, такъ возвысилъ я главу его» ***). Въ этой надписи упоминается, что даже древняя башня была облицована кирпичами, при глиняныхъ внутреннихъ стѣнахъ, слѣдовательно обожженный кирпичъ употреблялся въ Вавилонѣ за 3500 лѣтъ до Р. Х. Таже самая Вавилонская башня можетъ служить древнѣйшимъ образцомъ послѣдующихъ столповъ, строившихся въ разныхъ странахъ Азіи и имѣвшихъ не стратегическое, а религіозное значеніе. Отсюда же ведутъ начало и наши высокія колокольни.

При господствовавшихъ во всей передней Азіи каменныхъ постройкахъ, тамъ употреблялись иногда и временныя земляныя и деревянныя укрѣпленія, т. е. валы и рвы, но исключительно только для защиты лагерей. И этотъ обычай былъ далеко не повсемѣстный. Его, повидимому, придерживались ассиріяне и персы, притомъ не какъ опредѣленнаго стратегическаго пріема, а лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Обыкновенно же лагерь ограждали составленными въ кругъ повозками. Персы, по словамъ Геродота, въ подобныхъ случаяхъ иногда строили деревянную стѣну, даже съ башнями (кн. IX § 70).

Евреи, при завоеваніи обѣтованной земли при Іисусѣ Навинѣ (около 1500 л. до Р. Х.) встрѣтили здѣсь многочисленные города туземцевъ (Хананеянъ), укрѣпленные *каменными* стѣнами. Сильнѣйшіе изъ нихъ были Іерихонъ и Гай, взятые приступомъ послѣ разрушенія стѣнъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ библейская исторія. Сами евреи укрѣпляли свои города по примѣру Египтянъ, отъ которыхъ они выучились этому искусству во время своего плѣна. Между Іудейскими царями наибольшія заслуги по части ук-

*) Башня была посвящена семи планетамъ. Борсипа означаетъ мѣсто разсѣянія языковъ.

**) Вѣкъ человѣческій считался у Халдеевъ въ два поколѣнія, каждое въ 35 лѣтъ. 42 человѣческихъ вѣка составляютъ по нашему счисленію 2940 лѣтъ, протекшихъ отъ перваго основанія башни до ея возобновленія Навуходоносоромъ (за 600 л. до Р. Х.). Слѣдовательно столпотвореніе вавилонское было за 3500 лѣтъ до Р. Х. (П. Савельевъ).

***) Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества Т. I Спб. 1859 г. стр. 207.

рѣпленія городовъ приписываются Давиду и Соломону (1055—975 г. до Р. Х.). Изъ какого матеріала они возводили каменныя стѣны, т. е. изъ камня, или кирпича, мы въ точности не знаемъ; но судя по тому, что у смежныхъ съ ними финикіянъ и у Египтянъ болѣе значительныя общественныя постройки возводились изъ тесаннаго или дикаго камня, можно думать, что какъ въ землѣ ханаанской, такъ и въ Іудеѣ держались того же обычая.*) Къ этому располагала и природа страны, изобилующей каменными породами. Впослѣдствіи времени, послѣ Вавилонскаго плѣненія, въ Палестину должны были проникнуть и нѣкоторые халдейскіе строительные пріемы, но они не пустили здѣсь глубокихъ корней.

Персы со времени Кира стали укрѣплять свои города, по примѣру ассиріянъ и вавилонянъ, каменными стѣнами. При Кирѣ начато было построеніе знаменитаго Персеполя. По описанію Діодора Сицилійскаго, цитадель или внутренняя крѣпость этого города была ограждена *тройнымъ рядомъ* каменныхъ зубчатыхъ стѣнъ: первая или наружная стѣна была вышиною около 6 саженъ, вторая вдвое выше, а третья господствовала надъ предъидущими (около 13 саженъ). Стѣны эти имѣли форму *четыреугольника* и были сложены изъ твердаго камня.

Высокія каменныя стѣны, коими окружались почти всѣ, болѣе значительные, азіатскіе города, представляли почти непреодолимыя препятствія для осаждающихъ. Осада обыкновенно продолжалась цѣлыми мѣсяцами, даже годами, въ надеждѣ истощить жителей голодомъ и болѣзнями, или же въ ожиданіи особаго благопріятнаго случая ворваться въ городъ какимъ либо неожиданнымъ путемъ. Такъ, напримѣръ, Вавилонъ былъ взятъ Киромъ вслѣдствіе того, что отведены были воды Евфрата и персы могли войти въ городъ черезъ обсохшее русло рѣки. Трудности, обнаружившіяся при штурмованіи высокихъ каменныхъ стѣнъ, вызвали цѣлую систему осадныхъ сооруженій, которыя противупоставлялись осаждаемымъ стѣнамъ. Наука брать города тоже ведетъ свое начало отъ азіатскихъ народовъ, потомъ переходитъ къ грекамъ и римлянамъ и у послѣднихъ продолжается до среднихъ вѣковъ, и даже далѣе, почти безъ существенныхъ измѣненій или крупныхъ усовершенствованій. Однимъ изъ древнѣйшихъ способовъ проникнуть въ осажденный городъ было возведеніе вблизи его стѣнъ искусственной земляной насыпи, высота которой равнялась бы высотѣ стѣны. Этотъ пріемъ въ первый

*) Знаменитый храмъ Соломоновъ, по описанію Іосифа Флавія, былъ выстроенъ изъ тесанныхъ камней, «выглаженныхъ на подобіе стекла. Каждый камень такъ искусно былъ соединенъ съ сосѣдними (притесанъ), что казалось они срослись между собой, а не соединены помощію обтески». (Flavius Ios. Antiquitatum Iudaicarum libri XX. Lib. VIII. c. 3, § 2. Дворецъ Соломона тоже былъ выстроенъ изъ большихъ тесанныхъ камней въ 10 локтей длины (гл. V, § 2). Такое же искусство въ обдѣлкѣ камней мы встрѣчаемъ въ древнихъ египетскихъ постройкахъ.

разъ мы встрѣчаемъ во время Іудейскихъ войнъ. По свидѣтельству Іосифа Флавія, Ададъ, царь Дамаска и Сиріи, въ войнѣ съ Ахавомъ, царемъ Израильскимъ, при осадѣ Самаріи, поручилъ передать послѣднему, что онъ напрасно гордится высотою своихъ стѣнъ, что онъ (Ададъ) гораздо выше ихъ *насыплетъ валъ*, когда только каждый изъ его воиновъ броситъ по горсти земли. Вслѣдъ затѣмъ онъ дѣйствительно приказываетъ своему войску окружить Самарію рвомъ и обвести высокимъ валомъ. Подобный же пріемъ употребилъ Навуходоносоръ при осадѣ Іерусалима. Онъ окружилъ городъ высокими насыпями, поставилъ на нихъ многія башни (вѣроятно деревянныя) и съ нихъ поражалъ евреевъ. Земляной валъ Навуходоносора, по словамъ Флавія, равнялся высотою съ городскими стѣнами. Осада продолжалась 18 мѣсяцевъ и Іерусалимъ былъ взятъ послѣ того, когда его жители были крайне ослаблены недостаткомъ продовольствія и частію были истреблены развившимися болѣзнями и непріятельскимъ оружіемъ.

Насыпи при осадѣ городовъ употребляли и ассиріяне. По разсказу Флавія такъ осаждалъ Ассирійскій царь Сеннахеримъ (Санахарибъ) египетскій городъ Пелусій (Πηλούσιον), находившійся на границѣ съ Азіей. Послѣ продолжительной осады, «когда уже валы насыпаны были такъ высоко, что можно было входить по нимъ на стѣны города» Санахарибъ долженъ былъ отступить, узнавъ о приближающемся изъ Египта свѣжемъ войскѣ *). Мы не будемъ приводить дальнѣйшихъ примѣровъ описываемаго способа поліорцетики (осады и обороны укрѣпленныхъ городовъ и крѣпостей), такъ какъ намъ нужно было только показать, откуда ведутъ свое начало земляные валы и рвы, о которыхъ дальше придется еще говоритъ не одинъ разъ.

Изъ приведеннаго краткаго очерка мы видимъ, что во всей передней Азіи, а равно и въ Египтѣ, съ древнѣйшихъ временъ строительнымъ матеріаломъ служили либо глина и кирпичъ (у Вавилонянъ), либо твердые камни. Изъ нихъ строили и крѣпости, и городскіе дома. Дерево употреблялось, какъ болѣе цѣнный матеріалъ, только для внутреннихъ частей жилыхъ помѣщеній и для крышъ. Земляныя сооруженія (валы) въ Азіи примѣнялись только при осадѣ городовъ, гораздо рѣже при укрѣпленіи лагерей. Подобные же пріемы фортификаціи мы видимъ у Грековъ, а впослѣдствіи и у Римлянъ. Въ эпоху троянской войны городскія стѣны всюду были каменныя. Такими же онѣ оставались и во все время греческой исторіи. При раскопкахъ на мѣстѣ бывшей Трои Шлиману удалось опредѣлить очертаніе городскихъ стѣнъ и матеріалъ, изъ котораго онѣ были сложены. Большею частію это были массивные, правильно обтесанные камни, въ родѣ тѣхъ, какіе встрѣчаются въ древнѣйшихъ циклопическихъ постройкахъ, у пелас-

*) Геродотъ приписываетъ это отступленіе нападенію полевыхъ мышей, которыя погрызли у Ассирійскаго войска колчаны, луки и рукоятки щитовъ (Геродотъ, кн. II, § 141).

говъ, или у египтянъ и финикіянъ. Тоже самое мы видимъ въ Микенахъ, Орхоменахъ, Аѳинахъ и въ другихъ древне-греческихъ городахъ.

Очертаніе городскихъ стѣнъ во всѣхъ древне-азіатскихъ государствахъ, равно какъ въ Египтѣ и Греціи, почти всегда имѣло видъ четыреугольника, съ башнями по угламъ. У персовъ и грековъ, а впослѣдствіи и у европейскихъ народовъ на верхней части стѣны устраивался зубчатый парапетъ, въ вышину человѣческаго роста, съ открытыми амбразурами, для прикрытія воиновъ, помѣщавшихся на широкихъ площадкахъ городской стѣны. Почти въ каждомъ столичномъ городѣ существовалъ свой акрополь, располагавшійся на болѣе возвышенномъ пунктѣ и укрѣпленный особыми стѣнами. Это было, такъ сказать, сердце города,—важнѣйшій пунктъ, гдѣ помѣщались дворцы, храмы и прочія народныя драгоцѣнности. Въ систему древней фортификаціи нерѣдко также входилъ глубокій ровъ, окружавшій наружныя стѣны, но рѣкѣ, если она протекала вблизи города, обыкновенно не придавалось особаго стратегическаго значенія. По этому, если можно такъ выразиться, каменному типу строились крѣпости съ древнѣйшихъ временъ. Вавилонъ и Египетъ могутъ считаться родиной этой системы, откуда она перешла въ Персію, Грецію, а впослѣдствіи и во всѣ европейскія государства, начиная съ Рима. Въ этомъ подражаніи мы видимъ большое постоянство и устойчивость типа, дожившаго не только до среднихъ вѣковъ, но даже до нашихъ дней. Каменная высокая стѣна считалась въ Азіи, Африкѣ и Европѣ самымъ надежнымъ оплотомъ противъ вторженія непріятеля.

Но на ряду съ древнѣйшей и наиболѣе распространенной системой каменныхъ укрѣпленій мы видимъ другой, можетъ быть не менѣе древній, *типъ земляныхъ крѣпостей*. Откуда онъ ведетъ свое начало, это прослѣдить гораздо труднѣе по недостатку письменныхъ данныхъ, но нельзя сомнѣваться, что онъ существовалъ въ доисторическія времена и сформировался независимо отъ египетскаго, халдейскаго или персидскаго вліянія. Первые намеки на эту систему мы встрѣчаемъ у Гомера при описаніи укрѣпленнаго лагеря Ахейцевъ. Станъ ихъ передъ Троею былъ огражденъ широкимъ и глубокимъ рвомъ и землянымъ валомъ, за которымъ, кромѣ того, были поставлены стѣны съ башнями. Стѣны и зубчатыя башни, судя по тексту Иліады, были, повидимому, обычныя каменныя, но ровъ и валъ составляли мало распространенную въ то время въ Азіи принадлежность даже лагерныхъ укрѣпленій. Еще болѣе оригинальнымъ является здѣсь то обстоятельство, что укрѣпленіе воздвигается на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была насыпана братская могила надъ убитыми воинами, входившая такимъ образомъ какъ бы въ систему укрѣпленія.

Тамъ гдѣ тѣла сожигали, *насыпали* дружно могилу,
Общую всѣмъ на долинѣ; близъ оной воздвигнули стѣну,

Башни высокія, воинству ихъ и судамъ оборону;
Въ нихъ сотворили ворота и крѣпко сплоченные створы,
Путь бы чрезъ оныя былъ колесницамъ и конямъ просторный.
Подлѣ стѣны той, снаружи *ровъ ископали великій*,
Всюду широкій, глубокій, и *колья по немъ водрузили*.

(Иліада, пѣснь VII, ст. 435—441).

Греческіе боги посмотрѣли недоброжелательно на такое сооруженіе и заранѣе предрѣшили, что оно не принесетъ счастія Ахейцамъ и само не будетъ долговѣчно.

Не по волѣ безсмертныхъ было воздвигнуто
Зданіе это и не долго оно на землѣ уцѣлѣло.

. .

Въ оное время (послѣ паденія Трои) совѣтъ Посидàонъ и Фебъ сотворили
Стѣну разрушить, могущество рѣкъ на нее устремивши;
Устья ихъ всѣхъ Аполлонъ обратилъ во едино и бѣгъ ихъ
Девять дней устремлялъ на твердыню, а Зевсъ безпрерывный
Дождь проливалъ, да скорѣе твердыня потонетъ въ пучинѣ.
Самъ земледержецъ съ трезубцемъ въ рукахъ передъ бурной водою
Грозно ходилъ ,и все до основъ *разсыпалъ* по разливу,
Бревна и *камни*, какіе съ трудомъ Аргивяне сложили,—
Все онъ съ землею сравнялъ до стремительныхъ волнъ Геллеспонта.

(Пѣснь XII, ст. 8—9, 17—19, 24—30).

Выраженное Гомеромъ нерасположеніе греческихъ боговъ къ этому сооруженію можетъ быть даетъ намекъ, что оно не соотвѣтствовало греческимъ обычаямъ, а было заимствовано отъ варваровъ.

Укрѣпленія грековъ послѣ Троянской войны продолжали строиться по примѣру ассиріянъ и вавилонянъ. Города ихъ были ограждаемы высокими каменными зубчатыми стѣнами, съ такими же башнями; по впереди стѣнъ, для большей ихъ недоступности, греки стали устраивать глубокій ровъ, нерѣдко наполняемый водою. На полевыя укрѣпленія также было обращено больше вниманія. Они примѣнялись либо для огражденія болѣе или менѣе значительныхъ пространствъ страны отъ вторженія непріятеля, либо для обложенія непріятельскихъ городовъ, рѣже для укрѣпленія собственныхъ становъ. Въ этихъ случаяхъ иногда возводились земляные валы и рвы, иногда деревянныя или каменныя стѣны, плетни и засѣки. Для наблюденія за непріятелемъ устраивались легкія деревянныя башни, на которыхъ помѣщались сторожевые отряды. При осадѣ городовъ больше всего разсчитывали на истощеніе непріятельскихъ войскъ при перестрѣлкахъ и стычкахъ. Для этого

старались окружить городъ по возможности со всѣхъ сторонъ, чтобы преградить къ нему доступъ свѣжихъ силъ и подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Къ городскимъ стѣнамъ тѣмъ временемъ приближались подъ защитой искусственныхъ, земляныхъ и деревянныхъ прикрытій. У самой стѣны старались насыпать высокій, земляной валъ, какъ это дѣлали ассиріяне, чтобы съ этой возвышенности легче взобраться на стѣны, или придвинуть къ нимъ стѣнобитныя орудія, или, наконецъ, подрыть и уронить стѣну. Такимъ образомъ у грековъ за 400—500 лѣтъ до Р. Х. мы видимъ уже почти всѣ основныя правила фортификаціи и поліорцетики, которыми впослѣдствіи пользовались римляне и другіе европейскіе народы. Эти правила неукоснительно перенимались и примѣнялись во всѣхъ культурныхъ странахъ, испытывавшихъ печальную необходимость защищать свою свободу, жизнь и имущество отъ порабощенія или истребленія. Если въ настоящее время, когда, благодаря христіанскимъ и гуманитарнымъ идеямъ, война потеряла прежнее варварское всеистребляющее значеніе, каждое государство считаетъ неуклонною обязанностью стоять на высотѣ военной силы и искусства, то въ древнемъ языческомъ мірѣ эти требованія должны были являться для всѣхъ вопросомъ жизни или смерти. Поэтому ни одно человѣческое изобрѣтеніе не воспринималось такъ жадно и не распространялось такъ быстро, какъ искусство фортификаціи. Персы усвоили все, что сдѣлано было въ этомъ отношеніи ассиріанами и вавилонянами; греки во время персидскихъ войнъ подражали въ укрѣпленіяхъ тѣмъ и другимъ, но многое прибавили и усовершенствовали въ частностяхъ, благодаря собственному творческому генію. Римляне учились военному искусству отъ грековъ, галлы отъ римлянъ и т. д. до нашихъ временъ. Каждый народъ старался не отстать въ военномъ дѣлѣ отъ другихъ, болѣе сильныхъ, примѣняясь къ историческимъ требованіямъ времени.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, если не у каждаго народа, то у извѣстныхъ народныхъ группъ, особенно въ самомъ началѣ ихъ политическаго устройства, мы видимъ въ искусствѣ фортификацій и свои собственныя народныя черты, старыя привычки и пріемы, унаслѣдованныя отъ предковъ. Они обыкновенно не устраняются совсѣмъ при усвоеніи новыхъ заимствованныхъ способовъ фортификаціи, а продолжаютъ существовать одновременно съ послѣдними, какъ дополнительныя укрѣпленія, совершенствуясь согласно требованіямъ вѣка. Такъ можно смотрѣть на земляные окопы грековъ и римлянъ и на своеобразныя укрѣпленія галловъ, британцевъ и славянъ. У всѣхъ этихъ народностей, можетъ быть за исключеніемъ грековъ, земляные валы служили древнѣйшимъ и любимымъ способомъ искусственной защиты, практиковавшимся, вѣроятно, еще въ доисторическія времена. Послѣ усвоенія восточно-азіатской системы каменныхъ крѣпостныхъ стѣнъ, названныя народности не только не забыли земляныхъ валовъ, но во все время своей дальнѣйшей

исторіи продолжали совершенствовать этотъ способъ укрѣпленій, предпочитая землю и дерево твердымъ камнямъ.

Значеніе землянаго вала, замѣняющаго каменную городскую стѣну, дольше всего сохранилось у восточныхъ славянъ. Въ Россіи каменныя городскія стѣны появились, въ подражаніе Западной Европѣ, не раньше X—XI в., но онѣ медленно входили въ общее употребленіе. Большинство нашихъ городовъ до XIV—XV в. продолжали предпочитать земляныя укрѣпленія, съ деревянными стѣнами и башнями, какъ болѣе соотвѣтствовавшія старымъ народнымъ привычкамъ. Существовавшая у римлянъ, галловъ и славянъ особая привязанность къ землянымъ укрѣпленіямъ яснѣе будетъ видна при дальнѣйшемъ изложеніи нашего краткаго очерка исторіи фортификацій *).

Послѣ паденія Трои часть Ѳракійскихъ племенъ, какъ мы уже упоминали выше, передвинулась на западъ. Въ числѣ этихъ переселенцевъ были народности, вошедшія потомъ въ латинскій союзъ и положившія начало могучему Риму. Онѣ принесли съ собой изъ Малой Азіи въ Италію старыя культурныя привычки, въ числѣ которыхъ мы видимъ и способъ укрѣпленія городовъ земляными валами и рвами. Мѣсто для вновь созидаемаго Рима было выбрано не по вавилонскимъ, или персидскимъ и даже не по эллинскимъ соображеніямъ, а по тѣмъ принципамъ, которыхъ впослѣдствіи держались новыя европейскія народности, именно галлы и славяне. Рѣка Тибръ, съ близкимъ выходомъ къ морю, здѣсь имѣлась въ виду какъ первое условіе городскаго поселенія. Далѣе, капитолій (т. е. глава города, отъ capitulum) съ его двумя вершинами составлялъ ядро крѣпости, соотвѣтственно славянскому вышгороду, греческой акрѣ и впослѣдствіи нѣмецкому бургу. Эти высоты назначались не для частныхъ домовъ, а для священныхъ храмовъ и общественныхъ сборищъ**). Жилой городъ разростался у подош-

*) Многіе авторы считаютъ земляные валы и рвы за такую систему укрѣпленій, которая, по ихъ мнѣнію, была свойственна почти всѣмъ народностямъ, въ самомъ началѣ ихъ политической жизни. Поэтому предполагали, что земляные окопы выражаютъ собой не какую либо національную привычку, а лишь низкую ступень народнаго развитія. Съ такимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться. Исторія фортификацій ясно показываетъ, что существовали народы, которые совсѣмъ не знали земляныхъ окоповъ, а рядомъ съ ними были другія племена, не строившія, или не любившія каменныхъ стѣнъ, хотя уровень ихъ гражданскаго быта позволялъ бы это дѣлать. Римляне даже на высотѣ своего могущества всегда цѣнили земляныя насыпи и пользовались ими, тогда какъ германцы, какъ вначалѣ своей осѣдлой жизни, такъ и впослѣдствіи не любили ни окоповъ, ни каменныхъ стѣнъ. Привычка къ тому или другому строительному матеріалу несомнѣнно представляетъ извѣстную черту народнаго характера. Славяне всегда предпочитали для построекъ дерево и землю, и это ихъ свойство сохраняется до сихъ поръ; народы юга и запада, напротивъ того, любили предпочтительно глину и камень. Эту привычку тѣ и другіе выразили на своихъ древнихъ могилахъ и крѣпостяхъ (сравни земляные курганы и долмены, каменныя стѣны и валы). Какъ въ настоящее время земляные форты предпочитаются каменнымъ стѣнамъ, такъ и въ прежнее время они могли имѣть своего рода преимущества въ глазахъ людей, умѣвшихъ ими пользоваться.

**) Моммсенъ предполагаетъ, что капитолій ранѣе служилъ убѣжищемъ для пастуховъ и земледѣльцевъ, располагавшихся въ долинѣ, на случай нечаяннаго нападенія непріятеля. Слѣдовательно, вначалѣ это былъ не жилой городъ, а городокъ, въ родѣ тѣхъ, какіе устраивались скиѳами по берегамъ рѣкъ, т. е. какъ большая часть изучаемыхъ нами нынѣ городищъ.

вы капитолія и здѣсь онъ былъ окруженъ вначалѣ его основанія не каменными стѣнами, какъ было обычно во всѣхъ азіатскихъ и греческихъ городахъ, а землянымъ *валомъ и рвомъ*. Впослѣдствіи, когда пригороды стали увеличиваться и сливаться въ одно цѣлое, строились новые валы по ихъ периферіи. Одинъ изъ такихъ валовъ исторія приписываетъ царю Сервію Туллію, который окружилъ весь городъ однимъ огромнымъ землянымъ кольцомъ. Этотъ валъ начинался отъ рѣки Тибра, у деревяннаго моста на сваяхъ, обнималъ потомъ все пространство Капитолія, Квиринала, Виминала и Эсквилина, далѣе огибалъ холмы Целій и Авентинъ, а здѣсь опять примыкалъ къ рѣкѣ. Въ этомъ земляномъ укрѣпленіи мы видимъ въ первый разъ подлинное историческое свидѣтельство *о примѣненіи валовъ и рвовъ къ защитѣ города*, а не временнаго воинскаго стана, какъ это иногда встрѣчалось у эллиновъ и персовъ, не придававшихъ этой системѣ укрѣпленій большаго значенія. Впослѣдствіи Римляне начали строить каменныя городскія стѣны, но это было уже новое культурное наслоеніе, заимствованное отъ грековъ. «Древнѣйшія постройки римлянъ, говоритъ Моммсенъ, были деревянныя или земляныя (валъ), каменныя же строенія введены были уже при помощи греческаго примѣра и греческихъ инструментовъ».

О земляныхъ укрѣпленіяхъ галловъ и полевыхъ фортификаціяхъ римлянъ мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія у латинскихъ историковъ. Изъ нихъ мы ограничимся данными Юлія Цезаря, вполнѣ достаточными для нашей цѣли. Описывая войну съ галлами, онъ наглядно рисуетъ не только форму ихъ земляныхъ городковъ, но и способъ ихъ защиты, и такимъ образомъ иллюстрируетъ намъ на историческихъ примѣрахъ значеніе и пользованіе тѣми земляными городищами, которыя составляютъ главный предметъ нашего разсмотрѣнія въ настоящей главѣ.

Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ эпизодовъ галльской войны Цезаря противъ Верцингеторикса. Дѣло идетъ объ осадѣ галльскаго города Алезіи, расположеннаго на вершинѣ высокаго холма, подошву котораго съ двухъ сторонъ омывала рѣка. Передъ городомъ съ открытой стороны разстилалась широкая равнина, гдѣ расположился галльскій лагерь, окруженный рвомъ и валомъ. Нападающіе римляне съ своей стороны возвели такіе же окопы, именно: вырыли ровъ въ 20 футовъ ширины, съ отвѣсными боками. За этимъ рвомъ, въ разстояніи 600 футовъ, были проведены еще два рва, каждый въ 15 футовъ ширины и такой же глубины, наполненные водою, проведенною изъ рѣки. Позади рвовъ сдѣлана была насыпь (валъ) въ 12 футовъ ширины и высоты, укрѣпленная брустверомъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ брустверъ соединялся съ валомъ, сдѣланы крѣпкіе отводы, съ цѣлію воспрепятствовать непріятелю взобраться на валъ. На валахъ поставлены деревянныя башни, на разстояніи одна отъ другой въ 80 футовъ. Чтобы еще бо-

лѣе преградить доступъ къ этимъ укрѣпленіямъ, снаружи ихъ вырытъ еще четвертый ровъ, въ 5 футовъ глубины, дно и бока котораго были усажены заостренными древесными сучьями и кольями. Наконецъ, впереди ихъ на открытомъ полѣ расположены были коническія ямы, въ три фута глубиной, куда также были врыты заостренныя сверху колья, въ ногу толщиной, выдававшіеся изъ земли не болѣе 4 вершковъ. Ямы эти, для большаго обмана непріятеля, были сверху заметаны хворостомъ и травой. Онѣ расположены въ 8 рядовъ, въ разстояніи одна отъ другой на 3 фута. Остальное пространство между ямами было усажено едва торчащими изъ земли желѣзными остріями, носившими названіе жалъ. Всѣ эти сооруженія укрѣпленнаго лагеря занимали пространство въ 14 миль (De bello gallico, lib. VII, §72—73). Защищая эти укрѣпленія во время штурма, римскіе воины располагались *на открытыхъ валахъ* и на башняхъ, откуда пускали въ непріятелей стрѣлы, дротики и заготовленные камни. Съ своей стороны галлы старались засыпать волчьи ямы и рвы фашинникомъ и землей, разрушить валъ и ворваться въ лагерь. При этомъ они пользовались и общераспространенными въ то время вспомогательными средствами для штурма крѣпостей, какъ то: таранами, черепахами, осадными лѣстницами и косами и т. п. Этимъ утонченнымъ пріемамъ они, очевидно, выучились у римлянъ. Отъ нихъ же вѣроятно заимствованы нѣкоторыя частности въ укрѣпленіи галльскихъ городовъ и становъ; но общіе принципы земляныхъ фортификацій они должны были знать раньше столкновенія съ римлянами, т. е. изъ первоначальныхъ общихъ для того и другого народа праарійскихъ источниковъ.

Городскія стѣны Галлы устраивали слѣдующимъ образомъ. Въ основаніи вала они дѣлали бревенчатую обвязку, располагая продольныя бревна въ разстояніи двухъ футовъ одно отъ другаго и соединяя ихъ поперечными связями. Эти деревянныя клѣтки засыпались землей, а снаружи облицовывались камнями. Дерево и земля чередовались между собой рядъ за рядомъ до такой высоты, какая требовалась*). Такая стѣна, по отзыву Цезаря, прочнѣе каменной и удобнѣе для обороны. Ее труднѣе разбить стѣнобитными машинами и невозможно ни сжечь, ни разрыть, ни растаскать крючьями. Снаружи она очень красива отъ чередующихся рядовъ бревенъ и каменной облицовки въ земляныхъ прослойкахъ. Цезарь замѣчаетъ, что такъ были устроены стѣны всѣхъ галльскихъ городовъ и описываетъ это какъ своеобразный, оригинальный способъ постройки, незнакомый Римлянамъ. Наверху стѣны устраивались деревянныя башни и парапеты. Осаждая такія крѣпости, римляне должны были возводить искусственныя земляныя насыпи, которыя равнялись бы высотѣ стѣнъ. Въ свою очередь осажденные также могли под-

*) Постройку насыпей изъ чередующихся слоевъ земли и камня мы встрѣчаемъ въ массивныхъ курганныхъ могилахъ Семирѣченской области.

нимать высоту стѣны или надстраивать башни, чтобы держаться выше непріятеля (l. c. lib. VII, § 23 и 24).

Описывая осаду другого галльскаго города *Аварика* *), Цезарь говоритъ, что мѣсто для основанія этого города было выбрано почти неприступное. Помѣщаясь на высокомъ берегу, городъ почти со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ рѣкой и непроходимымъ болотомъ и только съ одной стороны имѣлъ узкій доступъ по сухому перешейку. На этомъ перешейкѣ римляне должны были возводить осадныя сооруженія, т. е. высокія земляныя насыпи и деревянныя башни съ крытыми галлереями, чтобы поравняться съ вышиною осаждаемыхъ стѣнъ. Галлы съ своей стороны старались разрушить воздвигаемую насыпь, проводили подземныя мины и поджигали деревянныя части въ осадныхъ работахъ.

Изъ описанія осады Аварика мы видимъ, какое значеніе, по стратегическимъ соображеніямъ галловъ, имѣли рѣки и глубокія болота, окружающія городъ: на нихъ нельзя было основать ни насыпей, ни деревянныхъ башенъ, а безъ этого невозможно было взобраться на городскія стѣны. Такимъ образомъ рѣки и трясины представляли собой болѣе надежную защиту, нежели искусственные рвы и валы, которыми ограждали городскія стѣны только въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ не было естественныхъ загражденій. По такому принципу выбирались мѣста для основанія древнихъ городовъ въ Западной Европѣ и сѣверной Азіи. То же мы увидимъ ниже при описаніи мѣстоположенія почти всѣхъ городищъ Европейской Россіи и Сибири. Это была не простая случайность, а общій стратегическій законъ у сѣверныхъ арійцевъ. Откуда ведетъ свое начало эта древнѣйшая система, сказать трудно, но наши сибирскія городища могутъ доказывать, что она была извѣстна древнимъ сибирскимъ жителямъ курганной эпохи, и можетъ быть отсюда она распространилась, при переселеніи народовъ, въ Западную Европу (кельты и славяне).

Послѣ выбора мѣстности для построеній города или крѣпости, не меньшее сходство съ сибирскими и болгарскими городищами представляютъ намъ самыя формы римскихъ и галльскихъ земляныхъ укрѣпленій, т. е. расположеніе валовъ и рвовъ. Выше мы видѣли, что римскіе лагери окружались *двойнымъ*, *тройнымъ* и даже *четвернымъ валомъ*, съ такимъ же количествомъ рвовъ. Тоже самое дѣлали и галлы, преграждая доступъ съ суши къ городскимъ стѣнамъ. Станы свои они укрѣпляли такими же окопами. Городскія стѣны они дѣлали не каменныя, а земляныя, съ бревенчатыми прокладками. Эти послѣднія, равно какъ и каменная облицовка земляныхъ про-

*) Городъ *Avaricum*, нынѣ *Bourges*, былъ столицею кельтскаго племени Битуриговъ. Во времена римскаго владычества онъ былъ центромъ области, къ которой принадлежали галльскіе города: *Caesarodunum* (Туръ), *Бибрактъ* или *Augustodunum* (Отюнъ), *Noviodunum* (Неверъ), *Limonum* (Пуатье) и *Augustonemetum* (Клермонъ). Во время Цезаря третья часть Галліи, по словамъ Тита Ливія, была заселена кельтами.

слойковъ, должны быть разсматриваемы какъ дальнѣйшее усовершенствованіе простаго землянаго вала, дабы придать ему болѣе отвѣсную форму и болѣе значительную вышину. Галламъ это было необходимо потому, что они имѣли дѣло съ римлянами, искусными въ осадѣ городовъ и пользовавшимися при этомъ древнимъ ассирійскимъ способомъ достигать вышины городскихъ огражденій при посредствѣ искусственныхъ земляныхъ насыпей. Обыкновенный валъ въ такихъ случаяхъ представлялъ бы защиту недостаточную.

Въ Британіи во времена Цезаря города имѣли болѣе примитивное устройство. «Городомъ, говоритъ Цезарь, называется у британцевъ мѣсто въ густомъ лѣсу, *обнесенное валомъ и рвомъ*, куда они удаляются обыкновенно въ случаѣ непріятельскаго нашествія» (lib. V, § 21). Въ другомъ мѣстѣ при описаніи британскаго укрѣпленія сказано, что оно примыкало къ берегу рѣки, и было защищено тыномъ изъ острыхъ кольевъ (палисадомъ или острогомъ). Черезъ рѣку существовалъ только одинъ бродъ, который также былъ загражденъ острыми кольями (§18). У галловъ временъ Цезаря мы не видимъ подобныхъ палисадовъ; на валахъ они строили только деревянныя башни. Послѣ завоеванія Галліи римлянами, въ этой странѣ стали строить каменныя укрѣпленія и города по римскому образцу.

О германцахъ Цезарь даетъ такой отзывъ: «они не занимаются земледѣліемъ; главная ихъ пища заключается въ молокѣ, сырѣ и мясѣ. Никто изъ нихъ не имѣетъ своего собственнаго и опредѣленнаго извѣстными рубежами участка, но сановники и старѣйшины ежегодно дѣлятъ землю по семействамъ и родамъ, собравшимся жить вмѣстѣ. По истеченіи года ихъ заставляютъ переходить на другія мѣста». «Дѣлается это, между прочимъ, для того, чтобы германцы не пристрастились къ земледѣлію и не забыли войну, а также чтобы они не привыкли строиться удобнѣе и защищаться отъ зноя и стужи» (lib. VI, § 22). «За великую себѣ честь считаютъ германцы, если опустошатъ прилежащія къ нимъ земли на большое пространство, окруживъ себя пустынею. По ихъ мнѣнію, это доказательство храбрости, если вблизи ихъ никто не осмѣливается поселиться. Кромѣ того, этимъ они хотятъ обезопасить себя отъ возможности внезапнаго нападенія» (§ 23). О существованіи городовъ у германцевъ Цезарь не упоминаетъ. Судя по вышеприведенной характеристикѣ ихъ образа жизни, можно думать, что они ихъ дѣйствительно не имѣли, не дорожа прочной осѣдлостью, развивающеюся въ связи съ земледѣліемъ и съ земельной собственностью. Вмѣсто крѣпостей и городскихъ стѣнъ, они больше разсчитывали на опустошенныя пространства земли, отдѣляющія ихъ владѣнія отъ сосѣдей. Этотъ своеобразный способъ защиты сохранялся у германцевъ очень долго. Въ описаніяхъ ихъ, почти безпрерывныхъ, средневѣковыхъ войнъ съ пограничными славянами нерѣдко упоминается, что берега Эльбы на извѣстномъ разстояніи представляли пустыню, гдѣ не смѣли селиться ни славяне, ни нѣмцы.

Полевыя укрѣпленія (окопы) у германцевъ, повидимому, тоже не были въ обычаѣ. Описывая сраженія съ ними, Цезарь говоритъ, что они сражались изъ за телѣгъ и обозныхъ вещей (lib. IV § 14). Въ другомъ мѣстѣ, по поводу битвы съ гельветами, Цезарь замѣчаетъ, что «битва происходила у обоза: повозки служили непріятелю вмѣсто окопа; одни сверху (съ горы) осыпали римлянъ стрѣлами, другіе изъ за повозокъ и колесъ, метали дротики и копья» (lib. I, § 26). Обычай сражаться изъ за телѣгъ мы встрѣчаемъ гораздо раньше у персовъ; тѣмъ же способомъ нерѣдко пользовались скиѳы и наша *древняя*, княжеская Русь при отдаленныхъ степныхъ походахъ, въ сраженіяхъ съ татарами.

Слабая привязанность германцевъ къ недвижимой собственности и въ связи съ этимъ отсутствіе у нихъ городовъ и прочныхъ укрѣпленій обнаруживается и въ первыя столѣтія послѣ Р. Х. Наводняя Галлію и Сѣверную Италію, германскія племена перекочевывали сюда съ женами и дѣтьми. Остававшіеся на родинѣ также не имѣли у себя стройной политической организаціи. Только съ покореніемъ римскихъ провинцій германцы стали селиться въ завоеванныхъ чужихъ городахъ. Собственные города нѣмецкаго основанія у нихъ являются не раньше VIII столѣтія. Это были пограничные бурги, строившіеся, по примѣру римлянъ и галловъ, въ завоеванныхъ земляхъ. Собственно города, какъ торговые и политическіе центры, появились въ Германіи еще позднѣе, именно съ X или XI вѣка, когда развилась торговля и водворилась новая жизнь мирнаго труда и гражданственности. Вслѣдствіе такого поздняго появленія бурговъ и городовъ въ Германіи, мы не видимъ въ этой странѣ той массы древнихъ городищъ, какая встрѣчается въ Галліи и въ славянскихъ земляхъ. По той же причинѣ весьма многіе изъ нынѣ существующихъ германскихъ городовъ образовались не самостоятельно, а перешли во владѣніе германцевъ отъ покоренныхъ ими народовъ, преимущественно отъ славянъ и кельтовъ (см. выше гл. II, стр. 59).

О способахъ защиты городовъ у венетовъ мы говорили выше (см. стр. 48). Венеты въ этомъ отношеніи больше всего разсчитывали на воду, окружающую городъ и дѣлающую его недоступнымъ съ суши. Но независимо отъ этого, они также укрѣпляли городъ стѣнами, которыя, вѣроятно, имѣли сходство съ гальскими. О существованіи такихъ стѣнъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ Цезаря: «если, послѣ величайшихъ трудовъ и усилій, намъ удавалось среди самыхъ волнъ моря сдѣлать насыпь и по ней достигнуть *стѣнъ города*, то осажденные, доведенные до крайности, садились на суда и перебирались въ другой, близлежащій городъ» (lib. III, § 12). Въ приведенномъ текстѣ недостаточно ясно выражено: производилась ли насыпь для того, чтобы добраться до города съ суши черезъ морскія лагуны, или чтобы подняться до высоты стѣны, какъ это вообще дѣлалось

римлянами при осадѣ городовъ. Послѣднее предположеніе, кажется, вѣроятнѣе. Во всякомъ случаѣ о существованіи городскихъ стѣнъ у венетовъ не можетъ быть сомнѣнія.

Города балтійскихъ славянъ также строились, по возможности, въ неприступныхъ мѣстахъ, окруженныхъ рѣками, болотами, или морскимъ заливомъ. Они ограждались земляными валами, а иногда и стѣнами, независимо отъ валовъ и рвовъ. Правда, ни Цезарь, ни Тацитъ, ни другіе писатели того времени не говорятъ объ этихъ укрѣпленіяхъ, не будучи знакомы съ странами за Эльбою, но о существованіи названныхъ укрѣпленій свидѣтельствуютъ сохранившіеся археологическіе ихъ слѣды. Для примѣра мы укажемъ на *Равенсбергское городище*, находящееся въ разстояніи полумили отъ новаго Бранденбурга, въ исконной славянской землѣ, въ нынѣшнемъ великомъ герцогствѣ Мекленбургъ-Стрелицкомъ. *) Описаніе его мы беремъ изъ журнала Iahrbuch der Verein Meklenburg. Geschichte (Bd. 5, 1840 г., p. 112—117). Городище занимаетъ небольшую возвышенность, окруженную глубокимъ болотомъ. Оно обнесено *тройнымъ рядомъ валовъ*, образующихъ неправильное полукружіе. Внутренній валъ опоясывалъ самый холмъ, слѣдуя очертанію послѣдняго, потому онъ имѣлъ неправильную форму, въ общемъ представляющую сомкнутый кругъ, около 300 шаговъ въ окружности. Съ наружной стороны онъ окруженъ глубокимъ и широкимъ рвомъ. Средній валъ имѣетъ вышину 16 футовъ, протяженіе его 562 шага. Отъ внутренняго вала онъ отстоитъ на 90 шаговъ, а отъ наружнаго на 60 шаговъ. Валъ этотъ насыпанъ съ обѣихъ сторонъ, но преимущественно съ внѣшней, вслѣдствіе чего по наружной его сторонѣ существуетъ глубокій и широкій ровъ. Съ внутренней стороны тоже замѣтна значительная выемка земли, шириною около двухъ саженъ, представлявшая прежде внутренній ровъ, въ который напускалась вода. Въ дождливые годы, при высокой водѣ въ рѣкѣ и болотѣ, вода и нынѣ попадаетъ во внутренній ровъ и, застаиваясь здѣсь, поддерживаетъ густую растительность ольхи и камышей, вслѣдствіе чего ровъ постепенно засоряется. Средній валъ имѣетъ полукруглое очертаніе и концами своими примыкаетъ къ внутреннему валу, отъ котораго онъ въ конечныхъ пунктахъ отдѣляется только рвомъ, имѣвшимъ непосредственное соединеніе съ наружнымъ рвомъ внутренняго вала. Третій, самый внѣшній валъ находится по срединѣ болота. Сравнительно съ предыдущими онъ довольно низокъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ едва возвышается надъ поверхностью болота, въ другихъ же мѣстахъ въ ростъ человѣка и не выше 8 футовъ. Концы его, также какъ и въ предыдущемъ случаѣ, приближаются къ среднему и внутреннему валу, отдѣляясь отъ нихъ только

*) Новый Бранденбургъ основанъ въ 1248 году Маркграфомъ бранденбургскимъ, на границѣ земли Гаволянъ.

рвами. Уровень болота лежитъ такъ низко, что весною изъ него образуется родъ пруда; глубина покрывающей его въ это время воды бываетъ около 2 футовъ, причемъ вода наполняетъ и рвы. Въ то время, когда пользовались этимъ городкомъ, такое полноводіе вѣроятно было постояннымъ и нынѣшнее болото, можетъ быть, представляло изъ себя озеро. Къ цитированной статьѣ приложенъ подробный планъ очертанія и размѣровъ Равенсбергскаго городища.

На описанномъ городищѣ въ 1839 году были сдѣланы попытки къ раскопкамъ. Разрытъ участокъ около 1½ саженъ съ внутренней стороны перваго вала, глубиною въ ростъ человѣка. Здѣсь были найдены ряды булыжника, въ родѣ мостовой, подъ которыми встрѣчались и погребальныя урны. Послѣднія были обложены крупными обтесанными камнями, отъ ½ до 1 фута величиной. Здѣсь же найдены были человѣческія кости, обдѣланные точильные камни, обожженная глина, похожая на красный кирпичъ. При раскопкѣ самаго вала найдены угли, иногда въ отдѣльныхъ кускахъ, иногда пластами. Одинъ такой пластъ, на глубинѣ 4 футовъ внутри вала, простирался на шесть футовъ въ длину. Здѣсь были найдены слѣды ржаваго желѣза, желѣзныя пряжки и кости животныхъ. Въ городищѣ найдено большое количество черепковъ орнаментированной глиняной посуды, чернаго и коричневаго цвѣта. Цѣльныхъ горшковъ найдено 6 штукъ; они стояли на каменной плитѣ въ насыпи вала, покрытые тоже каменною плитою. Горшки были наполнены пепломъ и землей.

Въ той же статьѣ, откуда мы заимствовали описаніе Равенсбергскихъ валовъ, упоминается, что такое же городище съ земляными валами и рвами существуетъ на островѣ Рюгенѣ (древняя Руя), нѣкогда населенномъ славянскимъ племенемъ Руянъ, (См. выше стр. 58). Но, само собой разумѣется, что указанными двумя примѣрами далеко не исчерпываются археологическіе слѣды всѣхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, существовавшихъ у Балтійскихъ славянъ. Не имѣя возможности перечислять ихъ въ отдѣльности, мы сошлемся на изслѣдованія по этому вопросу Г. О. Оссовскаго, изданныя въ Краковѣ въ 1881 году, подъ заглавіемъ: Carte Archeologique de Prusse occidentale (texte explicatif gr. 4-me c. II Retranchements (Окору), стр. 4—12 и отдѣльная карта, напечатанная въ Парижѣ въ 1880 году). По даннымъ г. Оссовскаго оказывается, что въ славянскихъ земляхъ нынѣшней Сѣверной Пруссіи до сихъ поръ сохранилось весьма много древнихъ земляныхъ городковъ, большею частію окруженныхъ двойнымъ валомъ, съ соотвѣтствующими рвами. Очертаніе ихъ всегда круглое, возвышенная, искусственно насыпанная площадь, занимаемая этими окопами обыкновенно невелика, слѣдовательно, это были не настоящіе города, а небольшія укрѣпленія въ родѣ цитаделей. Почти всегда они примыкали къ болоту, озеру или къ рѣкѣ,

т. е. къ мѣстамъ трудно доступнымъ, что соотвѣтствовало общему принципу древнихъ славянскихъ укрѣпленій. Этимъ городищамъ обыкновенно сопутствуютъ могильники, заключающіе въ себѣ урны съ пепломъ или съ пережженными костями покойника. Г. Оссовскій находилъ погребальные горшечки въ самыхъ насыпяхъ и на внутреннихъ площадкахъ укрѣпленія, что несомнѣнно указываетъ на доисторическую древность описываемыхъ имъ окоповъ и на существовавшій у балтійскихъ славянъ обычай трупосожиганія.

Описываемыя круглыя насыпи у мѣстныхъ крестьянъ носятъ названіе городищъ, «шведскихъ шанцевъ», или «Burgwälle». Значеніе ихъ не вполнѣ ясно. Малое пространство, занимаемое верхней площадью насыпи и присутствіе здѣсь могилъ могли бы указывать на религіозное значеніе этихъ сооруженій; но съ другой стороны выборъ мѣста для такихъ окоповъ (на высокомъ борегу рѣки, подъ прикрытіемъ овраговъ или болотъ) и окружающіе ихъ рвы говорятъ въ пользу ихъ стратегическаго значенія. Тоже подтверждается и общимъ топографическимъ расположеніемъ многихъ десятковъ этихъ сооруженій, повидимому представлявшихъ обдуманныя линіи укрѣпленныхъ пунктовъ, ограждавшихъ страну отъ вторженія сосѣднихъ народовъ (см. археол. карту Г. Оссовскаго и его же статьи о доисторическихъ памятникахъ королевства Пруссіи *).

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія подобныя же небольшія укрѣпленія описывалъ З. Я. *Ходаковскій*. По его словамъ они простираются отъ Камы до Эльбы, отъ Сѣверной Двины до горъ Балканскихъ и Адріатическаго моря; число ихъ такъ велико, что на каждую квадратную милю, населенную славянами, приходилось по одному такому городищу. Всѣ они похожи между собою, имѣя круглые валы, насыпанные изъ чернозема. По мнѣнію Ходаковскаго, эти сооруженія могли служить идолопоклонническими капищами**). Если допустить и это послѣднее предположеніе, оно не будетъ противорѣчить стратегическому значенію описываемыхъ насыпей. Извѣстно, что у римлянъ капитолій служилъ не только для защиты, но и для общественныхъ святынь, богослуженій и народныхъ совѣщаній. Это былъ центръ духовной общественной жизни, святыня города. У скиѳовъ мы также видимъ, что могилы предковъ охранялись какъ святыня и, въ случаѣ посягательства враговъ, защищались подобно городамъ (извѣстный отвѣтъ скиѳовъ посламъ Дарія). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ курганныя кладбища, или отдѣльные большіе курганы, обыкновенно располагавшіеся на высокомъ берегу рѣки, подобно городищамъ, обводились валомъ и рвомъ, т. е. находи-

*) *Ossowskiy* o pomnikach przedhistorycznych Prus krolevskich. Torun 1878. Съ тремя таблицами рисунковъ.

**) Русскій историческій сборникъ ред. М. *Погодина* 1838 г. Кн. 3, страницы 3—109. Въ томъ же изданіи напечатано разсужденіе Ходаковскаго о водяныхъ путяхъ въ древней Россіи Кн. I 1837 г. стр. 1—50.

лись въ чертѣ укрѣпленій, или же располагались вблизи послѣднихъ, какъ отдѣльные форты. Поэтому можно судить, что по древнимъ скиѳскимъ обычаямъ могилы и капища не отдѣлялись отъ укрѣпленій, слѣдовательно, и у балтійскихъ славянъ вышеописанныя насыпи могли имѣть одновременно то и другое назначеніе.

Обозрѣвая исторію фортификацій въ Западной Европѣ въ началѣ среднихъ вѣковъ, мы должны также обратить вниманіе на военныя дѣйствія Гунновъ. Войны Аттилы съ римлянами были описаны современниками съ значительною исторической подробностью (Іорнандъ, Амміанъ Марцеллинъ) и въ этихъ описаніяхъ могъ сохраниться слѣдъ тѣхъ стратегическихъ пріемовъ и правилъ, которыми руководилось гуннское ополченіе при осадѣ городовъ и при открытыхъ сраженіяхъ. Равнымъ образомъ, отсюда же можно извлечь нѣкоторыя данныя о существовавшихъ въ это время способахъ защиты у Германцевъ, галловъ и римлянъ, съ которыми Аттила имѣлъ дѣло. Описаніе гуннскихъ войнъ въ этомъ отношеніи могло бы служить для V вѣка такимъ же отличнымъ пособіемъ, какъ описаніе галльской войны для вѣка Юлія Цезаря. Къ сожалѣнію, ни у Іорнанда, ни у Марцеллина мы не находимъ такихъ спеціально военныхъ подробностей, какъ у Цезаря, но тѣмъ не менѣе въ ихъ сочиненіяхъ встрѣчаются нѣкоторыя указанія и по вопросамъ фортификацій, которые насъ интересуютъ въ данную минуту.

Федеративное войско Аттилы, какъ извѣстно, двинулось въ Галлію съ береговъ Дуная, изъ Панноніи, въ началѣ января 451 года. Въ первыхъ числахъ марта оно уже было на берегахъ Рейна. Прежде всего при этомъ походѣ обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе какихъ либо намековъ на существованіе въ земляхъ германскихъ не только городовъ, но и вообще укрѣпленныхъ пунктовъ. Гунны шли безпрепятственно, не встрѣчая активнаго сопротивленія. Для переправы черезъ Рейнъ они построили нѣсколько пловучихъ мостовъ, вырубивъ для этого въ ближайшихъ лѣсахъ тысячи столѣтнихъ дубовъ и построивъ изъ нихъ плоты и барки для моста *). Эта операція доказываетъ, что въ войскахъ Аттилы были люди искусные въ этомъ дѣлѣ. По заготовленнымъ мостамъ переправилась полумилліонная, пѣшая и конная армія съ безчисленнымъ обозомъ телѣгъ. Перейдя Рейнъ, Аттила направился къ берегамъ Мозеля на Тревъ (Trêves), по дорогѣ, которой раньше обыкновенно слѣдовали римскіе легіоны. Въ Галліи онъ встрѣтилъ много укрѣпленныхъ городовъ, противъ которыхъ нужно было вести правильную осаду, или брать ихъ приступомъ, какъ напр. Мецъ, Реймсъ, Орлеанъ и многіе другіе. Въ описаніи осадныхъ дѣйствій Аттилы мы не встрѣчаемъ ни земляныхъ насыпей, ни деревянныхъ башенъ, при помощи

*) *Amédée Thierry*, histoire d'Attila, T. I, Paris. 1865, p. 136.

которыхъ римляне и галлы того времени обыкновенно старались взобраться на осаждаемыя высокія стѣны. Этотъ военный пріемъ былъ неизвѣстенъ гуннамъ; но они умѣли вести подкопы, знали употребленіе тарана (стѣнобитныхъ машинъ), метательныхъ машинъ и штурмовыхъ лѣстницъ*). Принимая во вниманіе совершенство римскихъ укрѣпленій такихъ, почти неприступныхъ городовъ, какъ Орлеанъ и Аквилея, тѣмъ не менѣе взятыхъ Аттилою, можно думать, что гунны были страшны римлянамъ не одной многочисленностью и мѣткостью своихъ стрѣлъ, но и военнымъ искусствомъ ихъ вождей. Военная тактика Аттилы напоминаетъ не полчища Тамерлана или Батыя, а скорѣе русскую стратегію, наприм. при Куликовской битвѣ; осаду Орлеана и Аквилеи можно сравнить съ осадой Казани при Іоаннѣ Грозномъ. При этомъ нужно принять во вниманіе, что Аттила имѣлъ дѣло съ римлянами, военное искусство которыхъ стояло неизмѣримо выше, чѣмъ у татаръ, съ которыми сражалась Россія.

Въ описаніи гуннскихъ войнъ насъ больше всего интересовалъ вопросъ о полевыхъ укрѣпленіяхъ гунновъ. Это имѣло бы связь съ нашими городищами Камской Болгаріи и Сибири, гдѣ обитала эта народность до переселенія въ южно-русскіе и придунайскіе края. Само собой разумѣется, что если бы на своей родинѣ гунны привыкли строить земляные, укрѣпленные рвами и валами городки, то и во время европейскихъ походовъ, особенно въ критическія минуты, они не преминули бы воспользоваться своею опытностью по этой части. Такимъ образомъ данныя о полевыхъ укрѣпленіяхъ еще разъ подтвердили бы намъ, что гунны по развитію своему стояли гораздо выше степныхъ кочевниковъ монгольскаго или финноугорскаго племени, къ которому обыкновенно ихъ приравниваютъ. Съ другой стороны тотъ же историческій фактъ относительно гуннскихъ окоповъ могъ бы послужить къ уясненію народности, создавшей болгарскія и сибирскія городища. Обращая вниманіе на это обстоятельство, мы должны, однако же, сказать, что ни у Іорнанда, ни у Павла Діакона, ни у другихъ писателей этой эпохи нѣтъ прямыхъ указаній на обычай гунновъ ограждать свои станы земляными окопами. Вмѣсто земляныхъ валовъ, при кратковременныхъ остановкахъ, они ограждали свой станъ телѣгами, изъ которыхъ образовали периферическій кругъ. Но можно ли отсюда заключить, что гунны не знали окоповъ и никогда ими не пользовались? Такое заключеніе было бы преждевременно. Окопы возводятся только въ тѣхъ случаяхъ, когда армія останавливается на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, или готовится къ сраженію съ сильнымъ непріятелемъ. Такъ поступалъ Цезарь въ войнѣ съ галлами, такъ дѣйствовали и галлы, готовясь къ сраженію съ римлянами. Но Аттила находился въ другихъ условіяхъ. До послѣдней Каталаунской битвы войска

*) Iornand. De rebus Geticis, 42.

его имѣли подавляющій численный перевѣсъ, сравнительно съ непріятелемъ, и они не ощущали надобности въ искусственной защитѣ. Переправившись черезъ Рейнъ въ первыхъ числахъ марта, Аттила въ теченіе 3½ мѣсяцевъ покорилъ всю Галлію: въ апрѣлѣ были взяты Мецъ, Тулъ, Реймсъ, въ началѣ мая онъ былъ уже подъ Орлеаномъ. При такомъ быстромъ и побѣдоносномъ шествіи не представлялось никакой надобности въ окопахъ. Орлеанъ съ своими неприступными твердынями задержалъ движеніе гунновъ болѣе чѣмъ на полтора мѣсяца, но и онъ былъ взятъ 23 іюня. Къ этому же времени подоспѣли римскіе и галльскіе легіоны съ знаменитымъ Аэціемъ во главѣ, что заставило Аттилу оставить уже покоренный и полуразрушенный городъ. Обратное отступленіе его на Шалонъ требовало больше осторожности: за нимъ слѣдовалъ искусный римскій полководецъ съ многочисленнымъ войскомъ. Предстояло рѣшительное сраженіе, къ которому Аттила приготовился надлежащимъ образомъ на поляхъ Каталаунскихъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Шалона на Марнѣ.

Мѣсто знаменитаго Каталаунскаго побоища до сихъ поръ сохранило слѣды земляныхъ укрѣпленій и по народному преданію носитъ названіе *Camp-d'Attila* (лагерь или укрѣпленный станъ Аттилы). Не смотря на истекшіе четырнадцать вѣковъ, замѣчаетъ Амедей Тьерри (l. c. p. 173), эти укрѣпленія сохранились въ очень хорошемъ состояніи. Они состоятъ изъ земляныхъ насыпей (валовъ), рвовъ и редутовъ, устроенныхъ, по мнѣнію Тьерри, римлянами. Г. *Torneux*, бывшій воспитанникъ политехнической школы, написавшій объ этихъ укрѣпленіяхъ спеціальное изслѣдованіе*), доказываетъ, напротивъ того, что эти земляныя сооруженія построены гуннами. То и другое предположеніе основано на историческихъ догадкахъ, вообще довольно шаткихъ. Тьерри въ пользу своего мнѣнія приводитъ слѣдующія соображенія: 1) форма каталаунскихъ окоповъ напоминаетъ римскій лагерь. Отсюда авторъ заключаетъ, что укрѣпленіе это существовало раньше и Аттила только воспользовался имъ случайно, готовясь къ битвѣ съ Аэціемъ; 2) гунны, по мнѣнію автора, не имѣли ни привычки, ни умѣнья возводить подобные окопы и кромѣ того не имѣли бы времени соорудить ихъ при своемъ отступленіи, такъ сказать, на глазахъ у римскаго полководца. Въ доказательство того, что варвары не любили окоповъ, Тьерри ссылается на примѣръ визиготовъ, служившихъ въ войскахъ Аэція, которые не желали слѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру римлянъ и галловъ и никогда не укрѣпляли своего лагеря**).

*) M. *Torneux*, Attila dans les Gaules en 451. Paris 1833.

**) Разборъ этого вопроса изложенъ *Амедеемъ Тьерри* въ особомъ примѣчаніи въ концѣ перваго тома его сочиненія Histoire d'Attila, стр. 428—437. Примѣчаніе это написано по поводу письма Императора Наполеона III къ знаменитому историку гуннскихъ войнъ. Наполеонъ III, будучи знакомъ съ вышеупомянутымъ сочиненіемъ Турнэ, гдѣ каталаунскія древности приписываются гуннамъ, а не римлянамъ, былъ спеціально заинтересованъ этимъ вопросомъ и просилъ его разъясненія.

По поводу этихъ соображеній мы позволили бы себѣ обратить вниманіе на слѣдующія данныя, которыхъ Амедей Тьерри, повидимому, не имѣлъ въ виду. Принимая вмѣстѣ съ авторомъ за историческій фактъ, что визиготы и вообще германскія племена не любили земляныхъ окоповъ и не примѣняли ихъ къ своимъ лагерямъ, мы не видимъ основанія обобщать это положеніе, распространяя его на федерацію войскъ Аттилы. Безчисленное множество земляныхъ городищъ, отлично сохранившихся на всемъ пространствѣ Европейской Россіи и Западной Сибири, во многихъ случаяхъ превосходящихъ своею древностью эпоху Аттилы, могутъ несомнѣнно доказывать, что славянскія племена, въ томъ числѣ и гунны, любили земляныя укрѣпленія и часто ими пользовались. Искусство ихъ въ этомъ отношеніи не уступало ни галламъ, ни римлянамъ и имѣло много общаго съ тѣми и другими, какъ мы это увидимъ ниже. По этимъ историческимъ соображеніямъ мы не видимъ основанія принципіально отклонять мысль о возможности сооруженія Шалонскихъ укрѣпленій именно гуннами, готовившимися къ рѣшительному сраженію. Это не противорѣчитъ ихъ народному обычаю, а скорѣе подтверждаетъ ошибочность взгляда европейскихъ писателей, считавшихъ гунновъ за дикую степную орду.—Сходство формы каталаунскихъ окоповъ съ римскимъ укрѣпленнымъ лагеремъ также не есть безспорное доказательство ихъ римскаго происхожденія. Выше мы видѣли, что галлы и кельты временъ Цезаря строили окопы по тому же типу, какъ римляне, и дѣлали это не вслѣдствіе подражанія послѣднимъ, а по старой народной привычкѣ. Равнымъ образомъ мы касались уже и того вопроса, что сибирскія и болгарскія городища по очертанію валовъ, рвовъ и по выбору мѣста для укрѣпленія имѣютъ большое сходство съ галльскими и съ римскими лагерями. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія тоже едва-ли возможно категорически утверждать, что типъ каталаунскихъ укрѣпленій былъ исключительно римскій. Народное преданіе, сохранившее до сихъ поръ за этимъ лагеремъ названіе *Camp d'Attila*, можетъ быть вѣрнѣе угадываетъ его происхожденіе. Чтобы убѣдиться въ вѣрности мнѣнія г. Тьерри, было бы весьма важно имѣть прямое указаніе въ римскихъ литературныхъ источникахъ о существовавшемъ вблизи Шалона римскомъ укрѣпленномъ лагерѣ, но такого указанія не существуетъ, а безъ этого высказанное предположеніе остается догадкой, равно какъ и предположеніе Турнэ *). При такомъ положеніи данныхъ едва-ли есть надобность говорить о послѣднемъ доводѣ Тьерри, именно, что Аттила, преслѣдуемый Аэціемъ, не имѣлъ времени соорудить приписываемые ему окопы. Для сужденія по этому пункту не имѣется въ исторіи ни точ-

*) Въ объясненіи Тьерри упоминается, что къ сочиненію *Tourneux* приложены рисунки очертанія и формы каталаунскихъ укрѣпленій, но, къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности пріобрѣсти это сочиненіе. Сравненіе окоповъ, хотя бы по рисункамъ, съ очертаніемъ нашихъ городищъ можетъ быть послужило бы къ большему уясненію этого вопроса.

ныхъ хронологическихъ чиселъ, ни обстоятельныхъ свѣдѣній объ отношеніяхъ между двумя великими арміями во время слѣдованія ихъ отъ Орлеана до Шалона.

Съ какой бы стороны ни разсматривать вопросъ о каталаунскомъ лагерѣ, онъ остается для насъ одинаково цѣннымъ фактомъ, доказывающимъ, что гунны понимали и цѣнили земляныя укрѣпленія. Сами ли они соорудили ихъ, или воспользовались прежде существовавшими римскими окопами, въ томъ и другомъ случаѣ остается несомнѣннымъ, что Аттила предпочелъ дать рѣшительное сраженіе именно здѣсь, подъ прикрытіемъ рвовъ и валовъ. Слѣдовательно, онъ понималъ ихъ значеніе и умѣлъ ими пользоваться, изъ чего можно заключить, что гунны и славяне познакомились съ системой земляныхъ укрѣпленій не въ первый разъ, во время похода по Галліи, а знали ихъ раньше у себя дома. Какую услугу оказалъ имъ укрѣпленный лагерь, это извѣстно изъ исторіи. Сбитые съ позиціи въ открытомъ полѣ, они укрылись за валами и телѣгами и тѣмъ спасли себя отъ пораженія. Благодаря только укрѣпленному лагерю, каталаунская битва не принесла полной побѣды ни римлянамъ, ни гуннамъ. Послѣдніе получили возможность безпрепятственно отступить за Рейнъ и на слѣдующій годъ снова сдѣлать не менѣе грозное нападеніе на Италію (взятіе Аквилеи), а первые не могли воспользоваться плодами своихъ побѣдъ, т. е. преслѣдовать и тѣснить непріятеля при дальнѣйшемъ его отступленіи къ Рейну.

Теперь намъ слѣдуетъ перейти къ историческому очерку земляныхъ укрѣпленій собственно у сѣверныхъ славянъ. Эти данныя будутъ имѣть наиболѣе близкое отношеніе къ основному нашему вопросу о сибирскихъ городищахъ. Но прежде чѣмъ начать послѣдовательное изложеніе относящихся сюда данныхъ изъ русскихъ лѣтописей, считаю не безполезнымъ привести небольшой отрывокъ изъ Краледворской рукописи, показывающій, какую роль играли земляные валы въ Богеміи. Отрывокъ представляетъ собою историческій разсказъ о пораженіи татаръ Чехами и Моравами при Ольмюцѣ въ 1241 году. Мы его беремъ въ прекрасномъ переложеніи Берга, изъ книги Обручева *).

Той порой, во マракѣ (ночью), христіане
Навалили подъ горою насыпь.
Какъ заря блеснула на востокѣ:
Зашумѣли орды супостатовъ
И кругомъ ту гору обступили.
.

*) *Обручевъ*, Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи. С.-Петербургъ 1854 г. стр. 13.

Собралися въ кучу всѣ ихъ силы
Къ одному они шатнулись боку;
И полѣзли по горѣ на нашихъ,
Оглашая крикомъ всю окрестность.
Христіане поднялись *на насыпь*
Божья Матерь силу въ нихъ вложила:
Натянулись ихъ тугіе луки,
Ихъ мечи булатные сверкнули—
Отступили отъ холма татары.
Разъярился народъ некрещеный,
Закипѣло сердце хана гнѣвомъ;
На три полчища разбился таборъ,
Съ трехъ сторонъ обловили ту гору.
Тутъ скатили христіане бревна,
Двадцать бревенъ, сколько тамъ ихъ было,
И за *валомъ* ихъ сложили въ кучу.
Побѣжали къ насыпи татары,
Въ облака ударились ихъ вопли
И хотѣли вражьи дѣти насыпь
Раскидать, но бревна покатились—
Какъ червей приплюснуло тутъ погань.

Не смотря на то, что описываемое здѣсь событіе относится къ XIII в., поэтическая форма его изложенія носитъ на себѣ черты болѣе древнихъ эпическихъ преданій. Упоминаемая здѣсь земляная насыпь, оказавшая христіанамъ такую пользу, очевидно, представляла для чеховъ старую, привычную, народную форму обороны. Поэтому, приведенный отрывокъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ одинъ изъ документовъ, повѣствующихъ о тѣхъ археологическихъ славянскихъ валахъ, о которыхъ мы говорили выше и будемъ говорить далѣе по русскимъ источникамъ.

Съ самыхъ первыхъ страницъ русской исторіи, съ того времени, какъ появляются лѣтописные акты о строющихся городахъ, мы встрѣчаемъ многократныя упоминанія о земляныхъ огражденіяхъ. Въ лѣтописяхъ они называются *спомъ*, *приспомъ* (приспа), *переспомъ*, *осыпью* (отъ глагола сыпать, осыпать), а впослѣдствіи *валомъ*, *земляною стѣною* или *земляным городомъ*. Такъ, напр., въ лѣтописи по Воскресенскому списку подъ 6498 г. (990) говорится: «постави Володимеръ въ Кіевѣ первую церковь св. Георгія и пришедъ изъ Кіева въ Суздальскую землю постави градъ во свое имя Володимеръ и *спомъ посыпа*»*). Въ войнѣ съ Ярополкомъ, Владиміръ, осаж-

*) Объ этихъ валахъ города Владиміра см. ниже.

дая Кіевъ, окружилъ свой станъ окопами: «и стоя Володимеръ *обрывся* на Дорогожичи, между Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ тотъ и до сего дни». Въ 988 г. «Володимеръ постави церковь въ Корсунѣ на горѣ, иже ссыпаша посредѣ града крадуще *приспу*». «Въ лѣто 6654 (1146)... и поидоша къ Новугороду, и пришедше сташа у *переспы*». 1605 г. «И какъ городъ (Кромы) сгорѣ, государевы люди *сѣдоша на осыпи* (на валу) бьюшесь безпрестанно» *). Этими лѣтописными ссылками, конечно, не исчерпываются всѣ случаи, когда примѣнялись земляные окопы при укрѣпленіи русскихъ городовъ. Почти каждый городъ имѣлъ встарину такое укрѣпленіе; у весьма многихъ городовъ земляные валы, возведенные въ историческое время, сохранились до нашихъ дней. Въ сочиненіи Ласковскаго (l. c. стр. 68) приведены, для примѣра, взятые изъ историческихъ актовъ размѣры нѣкоторыхъ валовъ. Такъ, Костромской валъ имѣетъ отвѣсную вышину 10 саж., Стародубскій 6—8 саж., Суздальскій 8—10 саж., Бѣлозерскій 8 саж., Мосальскій 10 саж., Угличскій 5 саж. и т. д. Валы сопровождались наружнымъ рвомъ, глубина котораго простиралась отъ 2 до 4 саж. Эти земляныя укрѣпленія имѣли у насъ встарину (до IX—X вѣка), самостоятельное значеніе, т. е. замѣняли собою городскія стѣны. На валахъ этой эпохи обыкновенно не устраивалось ни палисадовъ, ни рубленыхъ бревенчатыхъ стѣнъ, которыя появились позднѣе и притомъ большею частію не какъ надстройка къ земляной насыпи, а отдѣльно отъ послѣдней, какъ вторая линія укрѣпленій. Въ этомъ отношеніи древніе русскіе города существенно отличались отъ западно-европейскихъ. Тамъ городскимъ укрѣпленіемъ служили каменныя стѣны, у насъ—открытый валъ и ровъ. Уже по этому одному можно судить, что русская система земляныхъ крѣпостей не была заимствована изъ Европы, а унаслѣдована нами отъ эпохи доисторической. Подтвержденіемъ тому могутъ служить нерѣдкіе факты существованія старыхъ городищъ, съ сохранившимися земляными валами, въ окрестностяхъ нынѣшнихъ городовъ, основанныхъ въ историческое время на мѣстахъ болѣе древнихъ поселеній. Приведемъ этому нѣсколько примѣровъ.

Одинъ изъ самыхъ древнихъ русскихъ городовъ, Великій Новгородъ, былъ основанъ во второй разъ подлѣ стараго города и потому получилъ имя *Новъгородъ* **). Мѣсто стараго города находилось въ разстояніи двухъ верстъ выше по Волхову. По свидѣтельству Щекатова (Географ. Словарь ч. IV, стр. 686) слѣды этого городища (валы и рвы) были видны еще въ на-

*) *Ласковскій*, Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи. Спб. 1858, стр. 66. *Карамзинъ*, Ист. Государ. Росс. Т. I примѣч. 122. *Погодинъ*, изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русск. ист. Москва 1846, т. III, стр. 234.

**) Это событіе приписывается Рюрику: «Прія Рюрикъ власть всю единъ, и пришедъ къ Ильменю и сруби городъ надъ Волховомъ и прозваша Новъгородъ».

чалѣ текущаго столѣтія. Архимандритъ Макарій (нынѣ архіепископъ въ Новочеркаскѣ) описываетъ эту мѣстность такимъ образомъ: «Городище находится къ югу отъ Новгорода, на правомъ берегу Волхова, на красивомъ и возвышенномъ мѣстѣ, образующемъ островъ и холмъ, откуда видѣнъ весь Новгородъ со всѣми его церквами и окрестными монастырями. Сіе мѣсто имѣетъ названіе *городища* потому, что на немъ былъ городъ, построенный первымъ варяго-русскимъ княземъ Рюрикомъ. Этотъ городъ, извѣстный у нѣкоторыхъ писателей подъ именемъ *Славянска*, былъ мѣстопребываніемъ князей Новгородскихъ не только до Ярослава, устроившаго дворъ съ вѣчемъ на торговой сторонѣ Новгорода, но и послѣ Ярослава и даже послѣ присоединенія Новгорода къ Московской державѣ. Здѣсь находили пріютъ и убѣжище князья Новгородскіе отъ шумнаго вѣча; здѣсь же жили Симеонъ Іоанновичъ Гордый, Дмитрій Іоанновичъ Донской, Василій Васильевичъ Темный, потому что здѣсь былъ загородный дворецъ и садъ княжескій»*). По поводу Новгородскаго городища проф. Д. Я. Самоквасовъ въ сочиненіи «Древніе города Россіи» (Спб.—1873 г. стр. 136) доказываетъ, что славянскій городъ на берегу озера Ильменя, при истокѣ Волхова, существовалъ съ незапамятныхъ временъ и что лѣтописное свѣдѣніе о Рюрикѣ, какъ основателѣ Новгорода, слѣдуетъ понимать не иначе, какъ въ смыслѣ постройки новаго укрѣпленія, т. е. деревянныхъ стѣнъ («сруби городъ»). Была ли деревянная крѣпость построена Рюрикомъ на мѣстѣ нынѣшняго городища, или въ существовавшемъ уже тогда новомъ городѣ, обнесенномъ лишь земляными валами, на это не могутъ дать опредѣленнаго отвѣта ни лѣтописи, ни историческіе акты. Но принимая во вниманіе, что холмъ, гдѣ былъ по преданію древній славянскій городъ, въ XII в. въ лѣтописяхъ называется городищемъ, не смотря на то, что и раньше и послѣ того здѣсь находились загородныя княжескія палаты**), т. е. было не запустѣвшее, а населенное мѣсто, можно предполагать, что упомянутый пригородъ получилъ названіе городища не отъ Рюриковой крѣпости, а по воспоминанію о старомъ городѣ, существовавшемъ здѣсь до основанія нынѣшняго Новгорода.

Новый городъ первоначально былъ основанъ на лѣвомъ берегу Волхова (такъ называемая Софійская сторона) и былъ окруженъ *высокимъ землянымъ валомъ* и глубокимъ рвомъ. Позднѣе возникла, такъ называемая, торговая сторона, по другую сторону рѣки. Она была обнесена деревянными

*) Арх. Макарій, Археолог. описаніе церковн. древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ. Москва 1860 г. ч. I, стр. 485.

**) Въ 1148 г. въ этомъ загородномъ дворцѣ вел. кн. Изяславъ Мстиславовичъ угощалъ народъ, выставивъ 500 берковцевъ меду. Въ 1170 г. во время Новгородскаго мятежа новгородцы «послаша къ князю (Ярославу) на *городище* (гдѣ онъ имѣлъ мѣстопребываніе), исписавше на грамоту всю вину его» (Полное собраніе русскихъ лѣтопис. Т. III, Новгор., I лѣтоп. стр. 61).

стѣнами. Софійская сторона*), какъ болѣе укрѣпленная, носила названіе *кромнаго города*. Здѣсь же находился *дѣтинецъ*, обнесенный деревянными стѣнами. Въ 1302 г. было положено основаніе каменнаго дѣтинца**).

Старая Ладога (нынѣ село Успенское, на лѣвомъ берегу Волхова) до Рюрика тоже имѣла только земляныя укрѣпленія; потомъ она была обнесена деревянною стѣной, а въ 1114 году были построены каменныя стѣны, часть которыхъ уцѣлѣла до настоящаго времени. Ладога, наравнѣ съ Новгородомъ, Изборскомъ, Псковомъ, Ростовомъ, Кіевомъ и многими другими, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ русскихъ городовъ, существовавшихъ до IX вѣка. Ея древнія земляныя укрѣпленія теперь уже не существуютъ, такъ какъ городъ, построенный на берегу Волхова, подмывался водой и обваливался, вслѣдствіе чего позднѣйшія каменныя стѣны были уже возведены на другомъ мѣстѣ.

Древній *Изборскъ*, по описанію Щекатова, былъ окруженъ *землянымъ валомъ* въ 250 саженъ длины. Въ 1830 году онъ былъ перенесенъ на другое мѣсто (на гору Жераву) и обнесенъ каменною стѣною, сложенною изъ плитняка, вышиною въ 5 саж., толщиною въ 3 аршина, частію сохранившейся до сего времени. Старое мѣсто Изборска носитъ названіе *городища*. Въ настоящее время тамъ устроено кладбище (Словарь Семенова).

Старая Рязань (въ 2-хъ верстахъ отъ уѣзднаго города Спасска) была построена на высокомъ и крутомъ берегу Оки. Сохранившаяся до сихъ поръ древняя крѣпость (389 саж. длины и 334 саж. ширины) съ трехъ сторонъ окружена *высокимъ валомъ*, а съ четвертой стороны защищена крутизною берега Оки. О старой Рязани въ лѣтописяхъ упоминается въ 1096 году, но начало ея основанія неизвѣстно. Близъ этого городища «видны два высокіе холма, изъ коихъ одинъ былъ разрытъ въ 1836 году; подъ нимъ открыты остатки древняго Борисоглѣбскаго собора, стѣны и своды котораго сложены изъ каменныхъ плитъ, а также каменныя гробницы бывшихъ князей Рязанскихъ» (Словарь Семенова).

Кіевъ до IX столѣтія занималъ часть высокаго берега Днѣпра, между Андреевскою церковью и Боричевскимъ спускомъ. Онъ былъ обнесенъ *землянымъ валомъ*, представлявшимъ сомкнутую ограду, около 600 саженъ въ окружности. Вслѣдствіе быстраго увеличенія населенія при Владимірѣ Великомъ, прежняя земляная ограда оказалась тѣсною, что побудило вел. кн. Ярослава Владиміровича заложить въ 1037 году новую земляную же огра-

*) Церковь св. Софіи была построена въ 989 г. изъ дубоваго лѣса, о 13 главахъ. Въ 1045 г. она сгорѣла и въ томъ же году былъ заложенъ новый каменный Софійскій соборъ, существующій донынѣ. Онъ построенъ изъ дикаго камня, обложеннаго внизу цоколемъ, а вверху кирпичами.

**) Эти каменныя стѣны имѣютъ до 2 саженъ толщины. Сложены онѣ изъ булыжника, плитняка и известняка, залитыхъ известью, снаружи стѣны облицованы кирпичомъ.

ду, которая примыкала оконечностями къ старому городу. На югозападной оконечности этой ограды находились извѣстныя по лѣтописямъ *золотыя ворота*. При вел. кн. Святославѣ II, городская ограда по берегу Днѣпра была увеличена построеніемъ новаго *землянаго вала*, который отдѣлялся отъ стараго города Боричевскимъ спускомъ (Ласковскій, стр. 57).

Владимірь (на Клязьмѣ и Лыбеди) упоминается въ лѣтописяхъ съ 1151 года. Въ 1237 году онъ былъ раззоренъ татарами (подъ предводительствомъ Батыя). Въ это время городъ имѣлъ двойное укрѣпленіе *земляными валами*: первое, болѣе древнее, называлось «Печернимъ», а подлѣ него вторая линія валовъ называлась «*новымъ городомъ*». Владимірскіе валы частію сохранились до сего времени. По описи 1715 года они представлялись въ слѣдующемъ видѣ: внутренняя часть города (Кремль) была обнесена *по валамъ* каменною стѣной съ башнями. На западѣ отъ Кремля до золотыхъ воротъ занималъ мѣсто земляной городъ (Словарь Семенова, т. I стр. 492).

Тверь (на Волгѣ, Тверцѣ и Тьмакѣ). Основаніе города относятъ къ 1180 году. Крѣпость (твердь) *) предназначалась для защиты Суздальскаго княжества отъ Новгородцевъ. Укрѣпленіе первоначально состояло, по общему въ то время обыкновенію, изъ земляныхъ валовъ, имѣвшихъ форму неправильнаго трехугольника. Съ двухъ сторонъ городъ окружали Волга и Тьмака, а съ третьей стороны ровъ, протянутый отъ Тьмаки до Волги, отдѣлявшій городъ отъ загородныхъ посадовъ. Крѣпость имѣла 300 саж. длины и 218 саж. ширины. Мѣстоположеніе Твери, при началѣ великаго волжскаго пути, естественно требовало здѣсь прочнаго опорнаго пункта. Такая потребность должна была явиться не съ половины XII вѣка, а съ того времени, когда начались торговыя сношенія Новгородскихъ областей съ Камскими Болгарами и Великою Пермью. Это подтверждается древнимъ городищемъ, сохранившимся до сихъ поръ недалеко отъ Твери, на лѣвомъ берегу Волги, выше устья р. Дубны. *Городище* называется нынѣ *Пекуновское*. По значенію своему оно представляетъ собою какъ бы старую Тверь; поэтому мы вкратцѣ коснемся его описанія, помѣщеннаго въ VII томѣ Трудовъ Московскаго Археологическаго общества (вып. 2-й, Москва 1878 года стр. 149). Это древнее укрѣпленіе примыкало къ Волгѣ, берегъ которой почти ежегодно отмывается водой, вслѣдствіе чего значительная часть площади городища нынѣ уже не существуетъ. Отъ крѣпости остался одинъ сегментъ, хорда котораго равняется 81 аршину. Городище окружено *двумя валами* и тремя рвами, непосредственно чередующимися одинъ за другимъ. Внѣшній

*) Щекатовъ (Геогр. словарь) производитъ названіе *Твери* отъ *твердь*, твердыня, крѣпость. Трудно судить, насколько основательна такая догадка. Въ лѣтописяхъ имя этого города пишется *Тферь, Тфверь* или *Тхферь*.

ровъ нынѣ имѣетъ около 2 арш. глубины; за нимъ слѣдуетъ валъ, вышиной около 9 аршинъ. Второй ровъ, длиною около 54 саженъ, съ обѣихъ сторонъ открытъ къ Волгѣ; второй валъ выше перваго; за нимъ слѣдуетъ ровъ глубиною около 6 аршинъ. Оконечности рвовъ перваго и третьяго, примыкающія къ обрыву берега, нынѣ засыпаны землей съ обвалившихся валовъ. Самая площадь городища представляетъ собой тоже искусственную черноземную насыпь, толщиною около 4 аршинъ (см. выше стр. 158 о подобныхъ насыпяхъ у Балтійскихъ славянъ). Къ городищу примыкаетъ группа кургановъ, начинающихся отъ внѣшняго рва. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ихъ было до 30, а нынѣ сохранилось всего 14. Изъ нихъ три были разрыты, при чемъ найдено: шейная витая гривна изъ двухъ толстыхъ бронзовыхъ проволокъ, браслетъ на рукѣ покойника, кольца, бусы, пряжки, разныя бронзовыя привѣски и украшенія и узорчатые черепки отъ глиняной посуды. Эти курганныя могилы, сопутствующія городищу, указываютъ на доисторическую древность послѣдняго.

«Земляныя ограды, говоритъ г. Ласковскій, въ простомъ ихъ видѣ исключительно употреблялись славянами до появленія деревянныхъ, т. е. до половины IX столѣтія; въ послѣдующее же время построеніе ихъ становилось постепенно рѣже» (l. c. стр. 67). Съ половины IX вѣка стали появляться деревянные оплоты, въ видѣ острога, или рубленой бревенчатой стѣны, возводимые либо на старыхъ земляныхъ валахъ, либо особо отъ нихъ, какъ вторая линія укрѣпленій. Это фортификаціонное нововведеніе пріурочивается къ началу варяжскаго періода. До варяговъ наши предки довольствовались простыми земляными укрѣпленіями (открытыми валами), а послѣ того стали строить либо деревянные городки, либо сложныя земляныя ограды.

Выше мы уже упоминали, что въ Западной Европѣ, у галловъ, венетовъ и у Балтійскихъ славянъ городскія стѣны существовали очень давно (вѣкъ Цезаря). Поэтому естественно предположить, что Рюрикъ и его преемники прежде всего начали строить крѣпости въ Россіи по западному образцу (по выраженію лѣтописей «нача городы рубити» или городы ставити) «Прія Рюрикъ власть всю одинъ и пришедъ къ Ильменю и *сруби городъ надъ Волховомъ* и прозваша Новгородъ» *). Какъ бы мы ни разсматривали варяжскій вопросъ, но необходимо признать, что варяги, утверждая свою власть въ русскомъ государствѣ, должны были не только строить опорныя крѣпости, но и населять ихъ по возможности надежными воинами изъ своего племени. Такъ поступали всѣ колонизаторы, водворявшіеся на чужихъ

*) М. П. *Погодинъ* въ постройкѣ варягами новыхъ городовъ видитъ одно изъ доказательствъ скандинавскаго ихъ происхожденія. «Такъ точно поступали норманны, замѣчаетъ онъ, водворяясь въ Сѣверной Франціи» (Изслѣдов., замѣч. и лекціи т. III, стр. 235). Далѣе авторъ приводитъ выдержки изъ Эймундовой саги, гдѣ говорится о городскихъ стѣнахъ, о военныхъ ставкахъ, знаменахъ и т. под., предполагая, что это можетъ подкрѣплять норманскую теорію.

земляхъ, начиная съ основателей Рима и кончая русскими піонерами XVI—XVII вѣка, распространившимися на востокъ, до предѣловъ Камчатки. Въ выраженіяхъ лѣтописи: «*отъ тѣхъ Вврягъ прозвана Русская земля Новгородцы*»; или «*ти суть людье Новгородци отъ рода Варяжьска, преж-де бо быша Словени*» можно видѣть намекъ именно на такія переселенія. Еще яснѣе указывается на это въ другомъ мѣстѣ лѣтописи: «И раздая (Рюрикъ) мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И *по тѣмъ градомъ* суть *находници* (пришельцы, переселенцы) *Варязи*, а первіи *насельници* въ Новѣгородѣ славяне, Полотьскѣ Кравичи, въ Ростовѣ Меря» и проч*). Изъ этого видно, что въ названныхъ городахъ, существовавшихъ еще до Рюрика, прежнее, туземное населеніе постепенно смѣнялось новымъ, пришлымъ, варяжскимъ. Это были не одни князья, начальники и дружинники, а настоящіе колонисты, прибывшіе изъ за моря и осѣвшіе въ Новгородскихъ областяхъ, преимущественно по городамъ, какъ господствующее племя. Процессъ этой колонизаціи, о которой мы уже упоминали выше (стр. 62) долженъ былъ совершаться по общему историческому закону, какъ это происходило всюду съ древнѣйшихъ и до новыхъ временъ,—въ Италіи передъ основаніемъ Рима, въ Галліи сначала при завоеваніяхъ римлянъ, потомъ при нашествіи франковъ, въ Британіи при водвореніи саксовъ и норманновъ, наконецъ, въ нашемъ Остзейскомъ краѣ при занятіи его нѣмцами. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такихъ переселеній и народныхъ помѣсей остаются тѣ или другіе слѣды въ языкѣ, нравахъ и обычаяхъ, иногда даже въ характерѣ туземнаго населенія. Новгородское племя, повидимому, дѣйствительно отразило на себѣ варяжское вліяніе въ своей широкой торговой предпріимчивости, въ смѣлости и отвагѣ, въ свободныхъ муниципальныхъ учрежденіяхъ, отчасти, можетъ быть, даже въ своемъ антропологическомъ типѣ, но всѣ эти черты не доказываютъ скандинавскаго вліянія. Оно прежде всего сказалось бы въ народномъ языкѣ и въ характерѣ Новгородцевъ, однако ни въ томъ, ни въ другомъ мы не видимъ ни малѣйшаго слѣда германизаціи. Новгородское нарѣчіе оказывается наиболѣе древнимъ и чистымъ; въ немъ мы не найдемъ ни одного нѣмецкаго или скандинавскаго слова, или географическаго названія. Этого не могло бы случиться, если бы варяги были шведы или датчане. Еще менѣе можно было бы ожидать въ послѣднемъ случаѣ чистой славянской, большею частію своеобразной и самобытной терминологіи въ наименованіи частностей городскихъ укрѣпленій, такъ какъ болѣе сложная постройка городовъ у насъ началась только послѣ Рюрика и всѣ варяжскія нововведенія неизбѣжно сопровождались бы иностранными терминами.

*) Полн. собр. русск. лѣтописей, изд. 1846 г. Т. I, стр. 9.

Появившіяся въ варяжскомъ періодѣ городскія стѣны часто возводились на старыхъ земляныхъ валахъ, какъ дополнительное укрѣпленіе. Такъ, напр. древній доисторическій городъ *Бѣлозерскъ* (на южномъ берегу Бѣлаго озера, недалеко отъ рѣки Шексны) былъ обнесенъ *земляньмъ валомъ*, окружностью въ 550 саж. и вышиной до 8 саженей, не считая глубины рва. На этой земляной насыпи впослѣдствіи были построены деревянныя стѣны и башни (Словарь Щекатова). *Устюгъ*, основанный въ доисторическое время, при сліяніи рѣкъ Юга и Сухоны, прежде находился на горѣ, именуемой Глядень. Нынѣ на этомъ мѣстѣ находится Троицкій монастырь и пустынь во имя устюжскаго чудотворца Іоанна. Городъ перенесенъ отсюда въ началѣ XII вѣка, потому что берегъ сильно подмывался водой. Отъ укрѣпленій прежняго Устюга слѣдовъ не осталось; въ новомъ, нынѣшнемъ городѣ сохранились земляные валы и рвы, а первая деревянная рубленая ограда съ башнями была построена лишь въ 1438 году. *Кострома* тоже принадлежитъ къ древнѣйшимъ городамъ Россіи. Изъ оборонительныхъ оградъ ея уцѣлѣлъ старинный валъ, около 420 саж. въ окружности. Къ тому же разряду относится *Курскъ*, на высокомъ берегу р. Тускари, при устьѣ р. Куры. Время основанія его неизвѣстно, но въ X вѣкѣ онъ уже несомнѣнно существовалъ. По словамъ Щекатова «городъ древлѣ былъ укрѣпленъ превеликимъ рвомъ и валомъ», по которому былъ палисадъ и оборонительныя башни, какъ то видно по древнимъ свѣдѣніямъ о городѣ. Нынѣ отъ времени палисада и башенъ нѣтъ и никакого вновь крѣпостнаго строенія не имѣется. Ровъ же зарытъ въ 1782 г., гдѣ и сдѣлана площадь, и названа *Красная*» (Геогр. слов. ч. III, стр. 1018). Палисадъ и башни на валахъ были построены въ 1593 г. Послѣ разоренія татарами (при Батыѣ) городъ болѣе 300 лѣтъ оставался въ запустѣніи. Существовали ли здѣсь деревянныя стѣны и башни раньше Батыя, объ этомъ свѣдѣній не имѣется.

Въ болѣе позднее время многіе русскіе города стали укрѣплять предпочтительно деревянными рублеными стѣнами, а небольшія второстепенныя крѣпости—палисадами (остроги). Стѣна въ этомъ случаѣ представляла главное укрѣпленіе, но при этомъ нерѣдко примѣнялся и земляной валъ, какъ добавочная, наружная линія защиты. Такъ, напр. *Москва* (съ половины XII в.) съ самаго начала была обнесена деревянною стѣной, на мѣстѣ нынѣшняго кремля. Въ 1367 году эта деревянная ограда была замѣнена каменною, перестроенною въ 1485 г. Вслѣдствіе значительнаго расширенія города, посадъ, расположенный передъ кремлемъ, былъ обнесенъ второю каменною стѣною въ 1534—38 году (Китай – городъ). При царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ часть Москвы, лежащая передъ Китай-городомъ и называвшаяся въ то время Загородьемъ, была окружена третьею каменною стѣной (въ 1587 г.), поставленной на существовавшемъ здѣсь ранѣе земляномъ валѣ (Бѣлый городъ). При томъ же

государѣ была возведена новая земляная ограда, охранявшая части Москвы, находившіяся за стѣною Бѣлаго города, а также лежавшія на правомъ берегу р. Москвы. Эта ограда и часть Москвы въ ней заключающаяся носила названіе *Землянаго города.* На этомъ земляномъ валу помѣщался *острогъ* (палисадъ) и 36 проѣзжихъ башенъ, изъ коихъ 2 были каменныя и 34 деревянныхъ.

Каменныя ограды начали строить въ Россіи не раньше XI вѣка. Самая древняя изъ нихъ была заложена въ *Кіевѣ* Великимъ Княземъ Ярославомъ въ 1037 году. Каменный дѣтинецъ *Новгорода* начатъ постройкою въ 1044 году. Въ 1090 г. построены каменныя стѣны въ Переяславлѣ, а въ 1114 году «*заложенъ быстъ Ладога каменіемъ на приспѣ*» (Ипатьев. лѣт. 6622 г.). Употребленное лѣтописцемъ выраженіе «*на приспѣ*» показываетъ, что каменныя стѣны возведены были на вершинѣ земляного вала, очевидно, существовавшаго раньше и настолько уже окрѣпшаго (осѣвшаго), что на немъ можно было положить основаніе каменнымъ стѣнамъ. Часть этихъ стѣнъ сохранилась въ Старой Ладогѣ до сего времени и извѣстна подъ именемъ Рюриковой крѣпости. Стѣны были выстроены изъ большихъ булыжныхъ камней и плитняка, обильно залитыхъ цементомъ. Одновременно съ ними здѣсь же была построена церковь св. Георгія, тоже изъ плиты, булыжника и частію изъ квадратнаго кирпича*). Во второй половинѣ XIII в. окруженъ былъ каменными стѣнами *Псковъ.* Въ 1280 и 1297 годахъ Новгородцы построили каменную ограду въ *Копорьѣ,* въ 1330 году въ Изборскѣ, въ 1424 г. въ Гдовѣ. Каменная ограда Нижняго Новгорода построена въ 1374 году, Порхова въ 1387 году. Начиная съ XV вѣка каменныя укрѣпленія стали строиться въ Россіи гораздо чаще, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе важныхъ въ стратегическомъ отношеніи пунктахъ.

Позднее появленіе въ Россіи каменныхъ городскихъ стѣнъ и медленное ихъ распространеніе могутъ доказывать, что система каменныхъ укрѣпленій проникла къ намъ не черезъ варяговъ, и сами варяги, очевидно, не были опытны въ сооруженіи такихъ построекъ. Въ лѣтописяхъ каменныя стѣны называются иногда *мурами* **). Слово *мурованный* иногда употреблялось въ смыслѣ каменный ***), *замуровать*—заложить камнемъ. Это слово могло попасть въ русскій языкъ либо отъ западныхъ славянъ (отъ латинскаго *murus*, французск. *mur*, *muraille*), либо отъ нѣмцевъ (*Mauer*). Во всякомъ случаѣ, оно принадлежитъ къ числу новыхъ иностранныхъ словъ и потому не укоренилось въ русскомъ языкѣ въ томъ значеніи, въ какомъ оно употреб-

*) *Прохоровъ.* Христіанскія древности и археологія. 1862 г., кн. 2.

**) «Священники по *мурамъ* хождаху со кресты» (Густынск. лѣтопись, годъ 1453).

***) «Облегъ мѣсто великое *мурованное* Тулу» (Сказаніе кн. Курбскаго, гл. 2, ст. 14).

ляется на западѣ*). Каменная кладка все же обыкновенно называется стѣною, а не муромъ.

Отсутствіе въ Россіи каменныхъ городскихъ стѣнъ до XI вѣка, однако же, не доказываетъ того, чтобы сѣверные славяне до того времени совершенно не знали каменныхъ построекъ. Они не возводили каменныхъ оградъ потому, что не сознавали въ этомъ надобности и предпочитали давно привычную имъ систему земляныхъ укрѣпленій. Но для другихъ цѣлей они могли строить и, повидимому, дѣйствительно строили иногда, каменныя зданія, руины которыхъ сохранились во многихъ мѣстахъ (см. предыдущую главу). Они сооружались изъ булыжника, плитняка и кирпича на цементѣ. Можетъ быть, тѣ же самые строительные пріемы, заимствованные отъ Камскихъ Болгаръ, примѣнялись и къ постройкѣ первыхъ каменныхъ крѣпостей и церквей, кладка которыхъ въ XI—XII в. производилась тѣмъ же болгарскимъ способомъ.

По поводу деревянныхъ оградъ намъ остается еще сказать о распространеніи этого способа укрѣпленій у сѣверныхъ финскихъ инородцевъ. Въ русскихъ лѣтописяхъ неоднократно упоминается о чудскихъ городкахъ и о взятіи ихъ русскими воеводами. Такъ напр. въ описаніи похода воеводы Ядрея на Югру въ 1193 году говорится, что Югра «*затворишася въ градѣ*» и что Новгородцы стояли пять недѣль подъ этимъ городомъ, не зная, что въ немъ дѣлается. «И высылаху къ нимъ Югра льстьбою, рекуще тако: яко копимъ сребро и соболи и ина узорочья, а не губите своихъ смьрдъ и своей дани,—а льстяще ими, а вье копяче; и яко скопиша вое, и выслаша изъ города къ воеводѣ»**). Изъ этого эпизода, такъ неудачно окончившагося для Новгородцевъ, можно видѣть, что городки у Югры были закрытые, т. е. обнесенные стѣной или палисадомъ, а не простымъ землянымъ валомъ. При описаніи другого похода въ Югорскую землю, князя Ушатаго и Бражника, упоминается, что первый изъ нихъ взялъ 33 югорскихъ городка, и второй 8. Самое число ихъ уже показываетъ, что это были небольшіе деревянные оплоты, куда югричи укрывались съ своимъ имуществомъ въ случаѣ нападенія Новгородцевъ.

У Камскихъ Болгаръ въ XII—XIII вѣкѣ существовали настоящіе города. Форма ихъ укрѣпленій опредѣляется въ Тверской лѣтописи, гдѣ говорится о походѣ Святослава Всеволодовича на Болгаръ въ 1219 году. «И пріидоша близъ града Ошля и выидоша изъ лодей на брегъ, и

*) Слово *замуровать*—заложить, запечатать, могло произойти и отъ другого корня, именно отъ персидскаго *тоиr*—полива, глазурь, откуда *мурава*, *муравленный*, по отношенію къ глиняной посудѣ, или изразцамъ. Муравленныя печки и стѣны у насъ существовали съ очень давняго, можетъ быть даже доисторическаго времени. Цвѣтная полива (глазурь) кирпичей ведетъ свое начало изъ древняго Вавилона и могла быть занесена къ Камскимъ Болгарамъ изъ Персіи.

**) Полн. собран. русск. лѣтоп. Т. III, 1841 г. стр. 21 (Перв. Новгор. лѣтопись).

выиде противу имъ князь Болгарскій съ силою своею. Болгаре же стрѣливше по стрѣлѣ, побѣгоша въ градъ и затворишася. Святославъ же Всеволодичъ съ вои своими иде къ граду, *около же града бѣ острогъ, тынъ дубовъ, а за нимъ два оплота, и межи ими валъ ссыпанъ*; потому (валу) рыщучи Болгаре *изъ затынія біяхуся*. Приступи же Святославъ къ граду съ всѣ стороны и напередъ пѣшцы съ огнемъ и топоры, а за ними стрѣльцы и копейники, и бысть брань зла, посѣкоша тынъ и оплотъ раскопаша и зажгоша, а Болгаре бѣжаша въ городъ, а сіи за ними сѣкуще; потомъ къ граду приступльше отвсюду зажгоша его, и бысть буря и дымъ великъ на сихъ потяну. Они же (новгородцы) ополчившеся поидоша зъ другую сторону, и тако напередъ всѣхъ потече самъ князь Святославъ, а по немъ вси вои; и тамъ посѣкоша оплоти и Болгаре бѣжаша въ городъ, а сіи (новгородцы) пришедъ зажгоша его, и тако отвсюду обстояше огнь и бысть вопль великъ... А Святославъ стоя ту, дондеже изгорѣ градъ, и взяша *Ошель* градъ, иже бѣ созданъ Александромъ Македонскымъ... И тако возвратишася къ лодіямъ и поидоша по Волзѣ въ врьхъ. То же слышавше въ Великомъ градѣ Болгаре и въ прочихъ градѣхъ, и сбравшеся идоша къ Исадомъ на брегъ, а Святославъ то слышавъ, повелѣ воемъ вооружитися, и стяги паволочны изрядивъ полкы вънасадѣхъ, и удариша въ накры, и въ органы, и въ трубы, и въ сурны, и въ посвистѣли; а Болгаре стояще по берегу, зряще своихъ плѣнныхъ, плакахуся. Святославъ же, минувъ Исады, еже на усть Камы, и ту пріиде Вoиславъ Добрыничъ съ Ростовцы и съ Устюжаны и съ полономъ многимъ, тыи бѣ по Камѣ взяша многіе грады и села и всѣ области тѣ поплѣниша»*).

Изъ приведеннаго описанія видно, что городъ Ошель былъ укрѣпленъ: 1) дубовымъ палисадомъ, 2) землянымъ валомъ и 3) двойною деревянною стѣною. На вершинѣ земляного вала не было никакого прикрытія; на ней располагались защищавшіе городъ «по тому (валу) рыщучи, изъ затынія біяхуся». Деревянныя стѣны, повидимому, служили второю линіею укрѣпленій, съ внутренней стороны вала. Такимъ образомъ городъ Ошель представлялъ собою обыкновенный въ то время типъ русскихъ укрѣпленій, за исключеніемъ развѣ того, что земляной валъ былъ помѣщенъ здѣсь не впе-

*) Полн. собр. русскихъ лѣтоп. Т. XV Спб. 1863 г. Тверская лѣтоп., стр. 330. Мѣстоположеніе болгарскаго города *Ошеля* въ точности опредѣлить довольно трудно. По даннымъ лѣтописи видно, что онъ находился недалеко отъ лѣваго берега Волги, ниже устья Камы, вѣроятно въ предѣлахъ нынѣшняго Спасскаго уѣзда Казанской губ. Упоминаемая въ лѣтописяхъ мѣстность *Исады* повидимому находилась не при старомъ, а при нынѣшнемъ устьѣ Камы (см. главу о Болгарахъ). Если подъ выраженіемъ «*Великій градъ*» разумѣть *Билярскъ*, какъ предполагаетъ проф. С. М. Шпилевскій, то названіе *Ошеля* можно было бы даже отнести къ нынѣшнему селу Успенскому, гдѣ находится знаменитое городище Болгары. Болгары—имя славянское; по выселеніи отсюда славянъ, городъ могъ получить и другое финское или татарское имя—Ошель, подобно тому, какъ древній городъ Сибирь (на Иртышѣ) носилъ также татарское названіе Искеръ или Ковымъ.

реди ограды, а между тыномъ (острогомъ) и деревянною стѣной. При этомъ онъ терялъ свое оборонительное значеніе, служа главнымъ образомъ для того, чтобы, пользуясь его высотой, отражать (обстрѣливать) нападающихъ на наружную ограду.

Въ лѣтописи есть намекъ, что городъ Ошель принадлежалъ къ числу древнѣйшихъ городовъ Камской Болгаріи («Иже бѣ созданъ Александромъ Македонскымъ»). А такъ какъ всѣ города этой области у древнихъ (славянскихъ) народовъ окружены были валами, то можно думать, что и земляной валъ города Ошеля представлялъ собою остатокъ древнихъ укрѣпленій, а дубовый тынъ и деревянныя стѣны были уже сооружены позднѣе, когда ихъ стали строить для защиты русскихъ городовъ (послѣ Рюрика).

Сравнительно съ Югрой и съ другими сѣверными финскими областями Камская Болгарія считалась страной издавна осѣдлой, болѣе культурной и богатой *). Многочисленные города ея были обстроены не только деревянными, но даже каменными зданіями, между тѣмъ какъ сѣверные финны въ то же время вели бродячій образъ жизни и имѣли кое-гдѣ только укрѣпленные городки, на случай нападенія непріятелей, едва-ли постоянно обитаемые. Всѣ культурныя привычки финско-татарскаго населенія Болгарскихъ областей непосредственно перешли отъ древнихъ жителей этихъ мѣстъ—славянскихъ Болгаръ, подъ воздѣйствіемъ которыхъ мѣстные финны находились въ продолженіи многихъ столѣтій. Сѣверная Югра не имѣла такого близкаго соприкосновенія съ славянами, хотя и здѣсь мы имѣемъ очень много культурныхъ словъ, взятыхъ съ славянскаго языка, въ томъ числѣ и слово *pilsäät*, укрѣпленіе, тождественное русскому *палисадъ*, частоколъ, острогъ **). Судя по этому слову, а также по отсутствію въ финскихъ языкахъ собственныхъ словъ для выраженія понятія о городѣ и огражденіи, мы имѣемъ основаніе думать, что Югра и финскіе Болгары выучились строить укрѣпленія отъ древнихъ Болгаръ и отъ русскихъ.

Изъ приведенныхъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ русскихъ лѣтописей мы видимъ ясно, что финскія народности въ *XI—XIII* в. пользовались иногда деревянными оградами для защиты своихъ городовъ и городковъ. По примѣру русскихъ, они ставили остроги, дѣлали въ лѣсахъ засѣки (*«тверди»*), иногда строили и деревянныя рубленыя стѣны. Но было ли у нихъ въ обычаѣ устраивать земляныя ограды въ ту эпоху, когда ими пользовались восточные славяне, не знавшіе еще деревянныхъ оградъ (до IX в.), объ этомъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго, за неимѣніемъ документальныхъ

*) Сравни разсказъ Нестора о походѣ кн. Владиміра на Болгары въ 955 г. Въ то время Болгары, носившіе *сапоги*, считались сильнѣе и культурнѣе *лапотниковъ*, съ которыми обыкновенно приходилось имѣть дѣло первымъ русскимъ князьямъ.

**) Слово *Палисадъ* происходитъ отъ палица, палка, колъ, свая ,латин. *palus*, колъ, нѣм. *Pfal*, латышское *pahlis* колъ, свая, и глагола *садить*, въ значеніи вбивать, заколачивать.

данныхъ. Между тѣмъ для задачъ славянской археологіи этотъ вопросъ имѣетъ существенное значеніе. Безчисленное множество городищъ, сохранившихся въ восточной и сѣверной Россіи, могутъ быть приписываемы только двумъ народностямъ: либо славянамъ, либо финнамъ. Почва городищъ заключаетъ въ себѣ весьма обильный и разнообразный матеріалъ для возстановленія доисторическаго культурнаго облика тѣхъ народностей, которыя нѣкогда населяли эти мѣста. Слѣдовательно, городища, приписываемыя финнамъ, служили бы доказательствомъ культурнаго развитія послѣднихъ въ былыя времена; если же ихъ считать исключительно славянскими, то о финской доисторической культурѣ, воспроизводимой на основаніи вещественныхъ археологическихъ памятниковъ, не могло бы быть рѣчи.

За исходную точку при разсмотрѣніи этого вопроса мы взяли исторію земляныхъ укрѣпленій вообще. Въ настоящей главѣ мы показали, откуда эта система ведетъ свое начало, когда и у какихъ народовъ она появилась въ Западной Европѣ и съ котораго времени она существуетъ у славянъ. Изъ приведеннаго историческаго очерка, мнѣ кажется, нельзя не усмотрѣть, что земляные окопы не представляли собой такой примитивной ограды, которой пользовалась каждая народность въ начальномъ періодѣ своей осѣдлости. Напротивъ того, въ этихъ сооруженіяхъ видны система и постоянство, свойственныя однимъ народностямъ и чуждыя другимъ. Римляне во все время ихъ блестящей исторіи любили земляные окопы; греки, иранцы и семиты, наоборотъ, не выражали къ нимъ никакой привязанности. Такую же противуположность мы видимъ въ средніе вѣка у галловъ и германцевъ. Первые укрѣпляли города и лагери земляными окопами, вторые не выражали къ этому никакого расположенія. О славянахъ извѣстно, съ эпохи Юлія Цезаря, что они жили въ городахъ (венеты) и строили земляныя укрѣпленія, подобно римлянамъ и галламъ. Въ частности восточные или русскіе славяне имѣли города ранѣе IX вѣка и точно также укрѣпляли ихъ исключительно земляными окопами. Исторія подтверждаетъ, что этому способу укрѣпленій русскіе славяне выучились не у варяговъ, а имѣли его гораздо раньше и пользовались имъ предпочтительно передъ каменными и деревянными стѣнами даже въ то время, когда послѣднія были имъ уже хорошо извѣстны. Эти историческіе факты ясно говорятъ въ пользу того, что наибольшая часть земляныхъ городищъ Европейской Россіи несомнѣнно были выстроены славянами. Что же касается до сѣверныхъ и восточныхъ областей Россіи, то и здѣсь мы имѣемъ основаніе предполагать, что земляные доисторическіе валы были сооружены либо славянскою народностью, либо, по примѣру славянъ, замѣстившими ихъ и принявшими ихъ культуру финскими племенами. Послѣднее предположеніе мы допускаемъ, однако же, не на основаніи прямыхъ историческихъ доказательствъ, а лишь по аналогіи съ

деревянными оплотами. Лѣтописи говорятъ, что Югра и Болгары XII—XIV в. имѣли остроги и деревянныя стѣны вокругъ городовъ, но строили ли они земляные валы, мы этого не знаемъ. Но такъ какъ остроги у Югры и деревянныя стѣны у Болгаръ строились по примѣру русскихъ, то отчасти можно допустить подобное же подражаніе и въ болѣе древнія времена, по отношенію къ землянымъ укрѣпленіямъ.

По какимъ признакамъ можно было бы отличать финское городище отъ славянскаго, объ этомъ мы будемъ говорить при частномъ разборѣ археологическихъ данныхъ. Здѣсь же можемъ вкратцѣ указать, что въ числѣ отличительныхъ признаковъ могутъ быть курганныя могилы, не рѣдко сопутствующія городищамъ,—извлекаемые изъ могилъ черепа, по которымъ болѣе или менѣе опредѣляется народный типъ, далѣе характеръ культурныхъ предметовъ, находимыхъ въ городищѣ и, наконецъ, топографическое распредѣленіе городищъ, въ большинствѣ случаевъ опредѣляющихъ пограничные предѣлы разноплеменныхъ народностей и существовавшіе пути сообщенія по рѣкамъ.

Въ заключеніе этой главы, прежде чѣмъ перейти къ топографическому обзору и къ частному описанію городищъ на почвѣ древней Болгаріи и Западной Сибири, мы должны коснуться общей ихъ характеристики: по выбору мѣста для этихъ укрѣпленій, по ихъ устройству и очертанію и по находимымъ здѣсь предметамъ, характеризующимъ эпоху ихъ основанія.

1) *Выборъ мѣстоположенія.* Весьма большое число городищъ восточной полосы Россіи расположено близъ рѣки, на высокомъ крутомъ берегу, нерѣдко при сліяніи двухъ рѣкъ. Сторона укрѣпленія, обращенная къ берегу, обыкновенно не ограждалась валомъ, оставаясь открытою. Изъ этого можно заключить, что рѣки въ такихъ случаяхъ служили не только защитой, но и средствомъ сообщенія: слѣдовательно, люди, строившіе городища, знали судоходство и пользовались имъ. Указанная черта при выборѣ мѣста для города оказывается на множествѣ нынѣ существующихъ русскихъ городовъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ. Нѣтъ необходимости приводить этому примѣры: они слишкомъ многочисленны и извѣстны. Основаніе городовъ при двухъ рѣкахъ почти всегда практиковалось въ тѣхъ случаяхъ, когда избирался стратегическій пунктъ. Этимъ правиломъ руководились не только въ древней Россіи, но и во всѣ послѣдующія времена, что подтверждаютъ, сравнительно новые, сибирскіе города, напр. *Тобольскъ* (при Иртышѣ и Тоболѣ), *Тара* (при Иртышѣ и Тарѣ), *Томскъ* (при Томи и Ушайкѣ), *Омскъ* (при Иртышѣ и Оми), *Бійскъ* (при Біи и Катуни), *Иркутскъ* (при Ангарѣ и Иркутѣ), *Красноярскъ* (при Енисеѣ и Качѣ), *Благовѣщенскъ* (при Амурѣ и Зеѣ), *Хабаровскъ* (при Амурѣ и Уссури) и многіе другіе.

Нѣкоторыя изъ древнихъ городищъ въ настоящее время оказываются не при самой рѣкѣ, а при такъ называемой старицѣ, или при пересохшемъ

руслѣ прежняго теченія рѣки, на старомъ высокомъ ея берегѣ. Это можетъ служить однимъ изъ доказательствъ древности городища. Кромѣ рѣки, при выборѣ мѣста для земляныхъ городковъ обыкновенно обращалось вниманіе и на другія естественныя огражденія, именно на озера, болота и глубокіе овраги.

2) *Искусственныя укрѣпленія* городищъ всегда состоятъ изъ земляныхъ валовъ и рвовъ. Очертаніе ихъ почти никогда не бываетъ прямолинейное, а обыкновенно представляетъ собою дугообразную линію. Для Болгарскихъ городищъ въ этомъ отношеніи придумано довольно удачное выраженіе «*формы кокошника*». Эта форма встрѣчается весьма часто, какъ въ Болгарскихъ, такъ и въ Сибирскихъ городищахъ, имѣющихъ небольшіе размѣры. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда укрѣпленія занимаютъ большое протяженіе, форма ихъ оказывается весьма разнообразною, что зависитъ отъ ограждаемой мѣстности, но очертаніе древнихъ валовъ никогда не бываетъ четырехугольнымъ. Эта форма изогнутыхъ линій составляетъ характерную черту древнихъ земляныхъ крѣпостей. Такихъ полукруглыхъ, овальныхъ, или удлиненно яицевидныхъ очертаній мы не встрѣчаемъ ни на вавилонскихъ и ассирійскихъ стѣнахъ, ни на средневѣковыхъ крѣпостяхъ Западной Европы, гдѣ преобладающею формою былъ либо четырехугольникъ, либо другая геометрическая фигура, гдѣ стѣны смыкались подъ тѣмъ или другимъ угломъ. Тоже самое мы видимъ и у насъ въ Россіи на позднѣйшихъ деревянныхъ рубленныхъ и на каменныхъ оградахъ*). Прямолинейная форма деревянныхъ стѣнъ, естественно, могла обусловливаться самымъ строительнымъ матеріаломъ (бревнами), но острогамъ и каменнымъ стѣнамъ можно было придавать любую форму. Слѣдовательно, если мы съ XI—XII в. встрѣчаемъ уже прямоугольныя стѣны, то это слѣдуетъ объяснять не случайностью, а явившимися другими требованіями оборонительнаго искусства, подобно тому, какъ съ изобрѣтеніемъ пороха измѣнили свою форму и земляные окопы (выдающіеся, прямоугольные бастіоны).

Полукруглая или круглая форма окоповъ, очевидно, была древнѣйшая. Она была взята, вѣроятно, отъ существовавшаго у Персовъ, Мидянъ и Скиѳовъ обычая окружать свои станы составленными вкругъ телѣгами, какъ объ этомъ говорятъ историки. Убѣдившись въ практическомъ удобствѣ круговой или чаще полукружной линіи при защитѣ подвижныхъ становъ, стали примѣнять туже форму къ неподвижнымъ укрѣпленіямъ. Съ теченіемъ времени это обратилось въ народную привычку и систему, которая оказывается, судя по землянымъ городищамъ, весьма устойчивою и постоянною.

*) Рисунки городскихъ стѣнъ многихъ русскихъ городовъ, преимущественно поволжскихъ, можно видѣть въ сочиненіи Олеарія, Voyages faits en Moscovie. Амстердамское изд. 1727 года fol.

Ее мы видимъ въ очертаніи русскихъ валовъ доисторическаго и историческаго времени, ее же встрѣчаемъ у западныхъ славянъ, судя по формѣ ихъ древнихъ городищъ (см. выше стр. 157).

3) *Земляныя укрѣпленія* въ восточныхъ областяхъ Россіи часто оказываются состоящими не изъ одной линіи валовъ, а *изъ нѣсколькихъ параллельныхъ линій*. Встрѣчаются двойные, тройные и даже четверные валы, съ соотвѣтствующимъ числомъ рвовъ. Ряды этихъ укрѣпленій обыкновенно отстоятъ одинъ отъ другого на значительное разстояніе, при чемъ внутренній валъ всегда оказывается нѣсколько выше предшествовавшаго наружнаго. Такая система расположенія валовъ тоже является историческимъ наслѣдствомъ древнѣйшихъ азіатскихъ привычекъ. Выше мы видѣли, что халдеи и персы окружали свои каменные города параллельными рядами стѣнъ. Въ городѣ Экбатанѣ ихъ было семь рядовъ. Также поступали римляне, устраивая полевые окопы лагерей иногда въ три и четыре ряда параллельныхъ валовъ. Также поступали западные славяне, судя по очертаніямъ Равенсбергскаго городища. Многіе русскіе города, какъ напр. Новгородъ, Москва, Владиміръ имѣли по нѣскольку оградъ, изъ коихъ внутреннія устраивались наиболѣе неприступными (дѣтинцы). Все это, по моему мнѣнію, имѣетъ анологію съ множественными валами русскихъ и сибирскихъ городищъ. Параллельные ряды насыпей и стѣнъ во всѣхъ этихъ случаяхъ возводились не потому, чтобы одинъ валъ, или одна стѣна не могли быть устроены такой высоты и крѣпости, чтобы гарантировать городъ отъ вторженія непріятеля; но въ этой, если можно такъ выразиться, раздробленной защитѣ видна своя система и цѣль. Двойственные и тройные валы играли роль нынѣшнихъ передовыхъ фортовъ. Они давали городу возможность защищаться болѣе продолжительное время, даже въ томъ случаѣ, когда первая линія укрѣпленій не выдерживала нападенія. Осажденные могли отступить за вторую линію и снова защищаться до тѣхъ поръ, пока непріятель не принудитъ ихъ оставить городъ, при чемъ они имѣли еще возможность воспользоваться рѣкой, какъ путемъ отступленія, подобно Венетамъ временъ Цезаря. Такимъ образомъ устройство болгарскихъ и сибирскихъ *параллельныхъ валовъ* можетъ быть разсматриваемо какъ особая, древнѣйшая стратегическая система, которой по преимуществу пользовались славянскія народности.

4) Валы насыпались изъ той земли, которая тутъ же выпималась изъ рвовъ. Поэтому ровъ и валъ почти всегда идутъ параллельно, сопутствуя другъ другу. Снаружи валы обкладывались дерномъ, иногда въ нѣсколько слоевъ, съ цѣлію предохранить ихъ отъ оползанія и отъ размыванія дождевыми водами. Вершина вала обыкновенно дѣлалась плоская и настолько широкая, чтобы здѣсь могли стоять сражающіеся воины. При археологиче-

скихъ раскопкахъ валовъ нерѣдко оказывалось, что они на извѣстную толщину состоятъ изъ чистаго чернозема. По всей вѣроятности это соотвѣтствуетъ именно тому слою, который былъ сложенъ изъ дерна. Встрѣчаются ли валы, насыпанные исключительно изъ чернозема, объ этомъ пока трудно сказать, безъ болѣе тщательныхъ раскопокъ. Во всякомъ случаѣ надо думать, что земля, извлекаемая изъ рвовъ едва-ли могла быть отвозима въ сторону,—она естественно должна была утилизироваться тутъ же на мѣстѣ на постройку валовъ.

5) На земляныхъ окопахъ у западныхъ и Балтійскихъ славянъ нерѣдко оказывается, что насыпалась искусственно цѣлая площадь городища, независимо отъ валовъ. Практиковалось ли это у сѣверныхъ славянъ, по крайней мѣрѣ въ иныхъ случаяхъ, объ этомъ трудно судить. Подобнаго рода примѣръ мы указали выше на Пекуновскомъ городищѣ, о которомъ сообщены свѣдѣнія, что площадь его состояла изъ искуственной черноземной насыпи около 4-хъ аршинъ толщиной. Въ большинствѣ прочихъ городищъ этого, повидимому, не замѣчается.

6) Наполненіе крѣпостныхъ рвовъ водой (какъ мы это видѣли на Равенсбергскомъ городищѣ) по всей вѣроятности зависѣло отъ условій мѣстности. Но такъ какъ большинство русскихъ городищъ устраивалось на высокихъ ярахъ, нерѣдко сопровождаясь крутыми и глубокими оврагами, то можно предполагать, что рвы ихъ большею частію оставались сухими.

7) Устраивались ли иногда на валахъ древнихъ городищъ деревянныя стѣны или палисады, этотъ вопросъ могъ бы быть разъясненъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мѣстнымъ изслѣдованіемъ. Отъ сожженныхъ стѣнъ могли сохраниться угли въ верхнихъ слояхъ землянаго вала. Мнѣ лично не приходилось встрѣчать этого признака и, сколько извѣстно, не встрѣчали его и другіе изслѣдователи на городищахъ восточной полосы Россіи и Сибири. Поэтому можно предполагать, что древнѣйшіе валы не имѣли стѣнъ, а сами по себѣ составляли оборонительную линію, какъ это было и въ древнихъ русскихъ городахъ.

8) Величина городищъ бываетъ весьма разнообразна. Въ этомъ отношеніи можно различать два вида земляныхъ укрѣпленій: городки и настоящіе города. Первые представляютъ собою небольшую, полукруглую или неправильнаго очертанія цитадель, въ нѣсколько десятковъ саженъ въ діаметрѣ, вторые достигаютъ иногда болѣе версты въ ширину и длину. Обширныя городища чаще встрѣчаются въ древней Камской Болгаріи, гдѣ существовали цвѣтущіе города. Въ Пермскомъ краѣ и Сибири такія обширныя городища встрѣчаются рѣдко, но существуетъ весьма много городковъ того же типа, но небольшихъ размѣровъ. Они располагаются главнымъ образомъ по теченію сѣверныхъ рѣкъ и, очевидно, назначались для охраны путей со-

общенія и какъ опорные пункты въ инородческой землѣ. Значеніе ихъ опредѣлится яснѣе, при топографическомъ обзорѣ ихъ распредѣленія, о чемъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Незначительная величина городковъ не должна служить доказательствомъ слишкомъ малаго осѣдлаго населенія въ данномъ пунктѣ. Даже въ недавнее, сравнительно, историческое время жилые дома обыкновенно располагались внѣ укрѣпленія, крѣпость же служила только убѣжищемъ въ случаѣ нападенія непріятеля. Въ примѣръ такого значенія крѣпости приведемъ отрывокъ изъ Новгородской лѣтописи, гдѣ говорится о нападеніи Шведовъ на Ладогу. Ладожане прежде всего сами сожгли свои дома, расположенные внѣ крѣпостныхъ стѣнъ, и заперлись въ городѣ. Это было въ лѣто «6672 (1164)». Придоша Свеа подъ Ладогу, и *пожгоша Ладожане хоромы своя, а сами затворишася* въ градѣ съ посадникомъ съ Нежатою, а по князя посласа и по Новгородци. Они же (Шведы) приступиша подъ городъ въ суботу и не успѣша ничтоже къ граду, нъ большю рану восприяша, и отступиша въ рѣку Воронаи. Пятый же день приспѣ князь Святославъ съ Новгородци... и побѣдиша я Божіею помощію, овы изсѣкоша, а иныя изымаша; пришли бо бяху въ полушестидесятъ шнекъ, изымаша 43 шнекъ, и мало ихъ убѣжаша и ти ѣзвьни» *).

9) Весьма нерѣдко встрѣчается, что въ ближайшихъ окрестностяхъ древнихъ земляныхъ валовъ помѣщаются или одиночныя курганныя могилы, или цѣлыя группы ихъ (курганныя кладбища). На этотъ признакъ нельзя не обратить особеннаго вниманія потому, что курганы, по находимымъ въ нихъ предметамъ, оказываются современниками городищъ, слѣдовательно, они могутъ облегчить опредѣленіе эпохи этихъ сооруженій и ихъ народности. Сверхъ того, присутствіе кургановъ вблизи городища, или даже въ чертѣ его укрѣпленій, само по себѣ представляетъ характерную особенность, указывающую на славянскій обычай охранять и защищать могилы своихъ предковъ (см. выше стр. 159 и 148). Подобный же обычай существовалъ, какъ мы видѣли выше, у Балтійскихъ славянъ; тоже оказывается у галловъ. Въ сочиненіи полковника *Де ля Ное* **) описывается нѣсколько пунктовъ сохранившихся до сего времени древнихъ галльскихъ кладбищъ, расположенныхъ на высокихъ, защищенныхъ природою, мѣстахъ и огражденныхъ валами изъ набросанныхъ камней. Могилы расположены какъ внутри валовъ, такъ и внѣ ихъ, по вершинѣ горы. Авторъ предполагаетъ, что эти укрѣпленныя мѣста предназначались не столько для обороны, сколько для народныхъ собраній и общественныхъ богослуженій. Въ этихъ древностяхъ Галліи нельзя

*) Полн. собр. русск. лѣтоп. т. III, 1841 г. стр. 13, Новгородская первая лѣтопись.

**) *De la Noë*. Principes de la fortification antique, depuis les temps préhistoriques susqu'aux croisades. Paris. 1888. Fascicule I, pag. 1—31.

не замѣтить аналогіи съ нашими могильниками въ окружности древнихъ городковъ. Разница только въ томъ, что у насъ валы и могилы земляные, а у галловъ—каменные.

10) *Древность городищъ* должна представлять большое разнообразіе. Съ одной стороны имѣется множество городищъ, особенно въ Европейской Россіи и Камской Болгаріи, историческаго или предъисторическаго времени, съ другой стороны также несомнѣнно, что весьма многія городища относятся къ древнѣйшимъ эпохамъ, такъ называемаго, бронзоваго вѣка, то есть ко времени до Р. X. Это опредѣляется не формою земляныхъ укрѣпленій, которая почти ничѣмъ не отличается отъ позднѣйшихъ историческихъ валовъ, а ископаемымъ содержимымъ каждаго городища въ отдѣльности. Бронзовая культура и переходная эпоха отъ бронзы къ желѣзу представляютъ такіе характерные признаки, что по нимъ всегда можно опредѣлить въ общихъ чертахъ къ какому времени слѣдуетъ относить изучаемую древность. Сибирскія городища въ этомъ отношеніи представляютъ собою матеріалъ еще болѣе поучительный, потому что въ Сибири не было смѣны разныхъ культуръ, слѣдовательно, въ почвѣ городищъ не оказывается разныхъ напластованій болѣе древней и новой цивилизацій. Древнѣйшая скиѳская эпоха оставила здѣсь свои яркіе слѣды, которыхъ не могли затушевать тѣ немногіе случаи, когда на старыхъ скиѳскихъ мѣстахъ водворялись полуосѣдлыя татарскія поселенія, какъ напр. въ укрѣпленіяхъ городища Сибирь, на Иртышѣ, временно пріютившихъ послѣдняго изъ сибирскихъ царей—Кучума.

ГЛАВА V.

Великая Пермь, какъ древнѣйшій центръ звѣроловной промышленности и мѣновой торговли.—Значеніе соболя, бобра и куницы.—Значеніе слова Пермь.—Границы Великой Перми и отношеніе ея къ Новгородцамъ.—Рудныя богатства Урала и сибирскихъ горъ и древняя разработка металловъ въ этихъ странахъ.—Пермь какъ международный рынокъ.—Древности Великой Перми и ихъ археологическое значеніе.—Топографическій обзоръ городищъ Камской Болгаріи и Сибири.

Сѣверовосточная часть Европейской Россіи съ незапамятныхъ временъ служила средоточіемъ звѣроловнаго промысла и мѣновой торговли. Безконечные хвойные лѣса глубокаго сѣвера, до сихъ поръ изобилующіе самыми цѣнными породами пушныхъ звѣрей, въ древнее доисторическое время, безъ сомнѣнія, представляли тѣ же самыя богатства. Шкурки соболей, куницъ, бобровъ, чернобурыхъ лисицъ и разныхъ другихъ, менѣе цѣнныхъ звѣриныхъ породъ составляютъ естественный продуктъ сѣверныхъ холодныхъ странъ. Ни въ какой другой странѣ Европы и Азіи нельзя было найти такихъ густыхъ, красивыхъ, прочныхъ и пышныхъ мѣховъ, какъ на нашемъ сѣверѣ. Поэтому, совершенно естественно, что эти исключительно мѣстныя произведенія сѣверной природы всегда должны были цѣниться очень высоко и привлекать въ сѣверныя страны предпріимчивыхъ купцовъ и промышленниковъ. Выше мы уже упоминали (стр. 40), какъ новгородцы, а можетъ быть еще раньше того за много вѣковъ Балтійскіе венеты стремились на сѣверъ, привлекаемые обиліемъ тамъ пушнаго звѣря. То же самое повторилось въ XVI—XVII в. при завоеваніи Сибири, когда отважные казаки и промышленники въ короткое время заняли всю сѣверную страну до Камчатки включительно. Главнымъ побудительнымъ стимуломъ въ этомъ колоссальномъ предпріятіи было не исканіе новыхъ земель для поселенія, а погоня за соболемъ. Расплываясь по безконечнымъ сибирскимъ рѣкамъ, казаки подчиняли себѣ мѣстныхъ инородцевъ, налагая на нихъ дань соболиными и иными шкурками. Одновременно съ этимъ они строили по берегамъ рѣкъ небольшія укрѣпленія, остроги и городки, и селились здѣсь, чтобы упрочить свое положеніе въ далекой инородческой окраинѣ и самимъ принять участіе въ прибыльномъ пушномъ промыслѣ.

Припоминая недалекую отъ нашего времени исторію первой колонизаціи Сибири, невольно приходитъ на мысль, что и въ древнія времена могъ совершаться по берегамъ сѣверныхъ сибирскихъ рѣкъ тотъ же самый процессъ и по тѣмъ же самымъ побужденіямъ. Искатели дорогой пушнины, проникая въ глубину сѣверныхъ финскихъ областей, должны были основывать здѣсь городки и факторіи, какъ для личной своей безопасности въ чужой далекой странѣ, такъ и для того, чтобы въ этихъ центрахъ могла совершаться, болѣе или менѣе правильная, мѣновая торговля съ бродячими инородцами-звѣроловами. Этимъ обстоятельствамъ, по всей вѣроятности, обязаны своимъ происхожденіемъ большая часть земляныхъ городковъ, сохранившихся до сего времени по берегамъ главныхъ судоходныхъ рѣкъ сѣверной Россіи.

Съ какого времени началась торговля сѣвернымъ пушнымъ товаромъ, объ этомъ историческіе акты не даютъ намъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Но косвеннымъ путемъ мы все же можемъ прійти къ заключенію, что этотъ промыселъ существовалъ за много вѣковъ до начала русской исторіи. Первое указаніе на это мы встрѣчаемъ у Тацита, когда онъ, описывая германцевъ, замѣчаетъ, что у нихъ было въ обычаѣ «обшивать мѣховое платье шкурками животныхъ, которыхъ производитъ самый отдаленный (сѣверный) океанъ и невѣдомое море» (См. выше стр. 43). Можно догадываться, что здѣсь рѣчь идетъ о мѣховыхъ, можетъ быть, собольихъ или бобровыхъ опушкахъ, которыми издавна щеголяли славяне и германцы, какъ самымъ любимымъ украшеніемъ зимней одежды. Выраженіе Тацита, что эти шкурки получаются отъ звѣрей, «которыхъ производитъ самый отдаленный океанъ и невѣдомое море», очевидно, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что они привозятся морскимъ путемъ изъ далекихъ сѣверныхъ странъ (см. выше о торговлѣ венетовъ). Собственно океанъ, какъ извѣстно, не заключаетъ въ себѣ такихъ животныхъ, которыя были бы пригодны для украшеній платья.

Далѣе, въ началѣ среднихъ вѣковъ мы опять встрѣчаемъ указаніе, что въ числѣ новыхъ византійскихъ модъ, заимствованныхъ отъ варваровъ, является дорогое мѣховое платье (скарамангій). Мѣха для него, очевидно, получались изъ Скиѳіи, какъ это показываетъ греческое названіе соболя *γαλὴ σκυθηκή*, *ικτίς σκυθηκὴ*, или латинское mustela scityca (Лексик. Поликарпова). Въ IX—X в. у арабскихъ писателей встрѣчаются уже положительныя указанія, что арабы и персы получали дорогіе мѣха изъ Камской Болгаріи, а сами болгары привозили ихъ изъ далекихъ сѣверныхъ странъ. *Ибнъ Батута*, описывая свою поѣздку въ Болгары, говоритъ, что дальше Болгаръ находится *страна мрака*, въ разстояніи 40 дней пути къ сѣверу. Онъ имѣлъ желаніе проникнуть туда, но непреодолимыя трудности пу-

тешествія заставили любознательнаго араба отказаться отъ этого намѣренія. По словамъ *Батуты*, туда ѣздятъ только богатые купцы, составляя цѣлый караванъ изъ сотни телѣгъ (саней), въ которыя запрягаются собаки. При этомъ приходится везти съ собой всю провизію и даже дрова, такъ какъ сорокодневный путь пролегаетъ по пустынѣ, гдѣ нѣтъ никакого населенія. Изъ этихъ-то странъ мрака (вѣроятно, изъ Чердынскаго или Печерскаго края) болгарскіе купцы, по словамъ Батуты, получали дорогую пушнину, которую перепродавали арабамъ и персамъ. У того же писателя отмѣчается еще одна любопытная черта мѣновой торговли съ сѣверными инородцами. По словамъ болгарскихъ купцовъ, «въ странѣ мрака», они совсѣмъ не видятъ того, кто имъ продаетъ товаръ. Привезенныя въ обмѣнъ вещи они должны положить на землю и удалиться. Черезъ извѣстный срокъ времени туземцы приносятъ сюда свою пушнину и кладутъ рядомъ съ привезенными вещами въ томъ количествѣ, какое соотвѣтствуетъ по ихъ усмотрѣнію. Пріѣзжіе купцы берутъ ее съ собой, а что привезено въ обмѣнъ, оставляютъ на мѣстѣ, не зная кто этимъ воспользуется *).

Само собою разумѣется, что повѣствованіе Ибнъ-Батуты о мѣховой торговлѣ въ Болгарахъ во время арабскаго періода не даетъ повода думать, что эта торговля началась съ IX или X вѣка. Объ ней упоминается какъ о фактѣ обычномъ, установившемся; но съ какого времени она началась, объ этомъ не могутъ сказать никакія историческія повѣствованія. Можно съ увѣренностью предполагать, что гораздо раньше арабовъ болгарскіе мѣха покупали персы, такъ какъ въ Персіи и въ Малой Азіи мода на нихъ существовала издавна. Еще болѣе она была распространена въ сѣверныхъ германскихъ странахъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Тацитъ. Знаменитая Біармія, о которой упоминаетъ извѣстный Норвежскій путешественникъ Отеръ въ IX вѣкѣ, издавна пользовалась торговою славою, главнымъ образомъ вслѣдствіе получаемыхъ отсюда дорогихъ мѣховъ. Отеръ отправился въ свое путешествіе изъ сѣверной Норвегіи, прошелъ на кораблѣ Сѣвернымъ океаномъ въ Бѣлое море до устья Двины и по берегамъ этой рѣки встрѣтилъ довольно густое населеніе «Беормовъ и Финновъ», что заставило его отказаться отъ попытки проникнуть внутрь страны. Изъ описанія путешествія Отера можно видѣть, что морской путь въ Біармію въ то время былъ совершенно неизвѣстенъ, а можетъ быть и забытъ, и берега Лапландіи представляли тогда пустыню. Между тѣмъ имя Біарміи давно знали въ Европѣ. Изъ этого можно заключить, что торговля съ этою страной въ IX вѣкѣ находилась не въ рукахъ норманновъ, а въ рукахъ славянъ, предковъ новогородцевъ. Она направлялась тогда не морскимъ путемъ, а сухопутно, черезъ Новгородскія области. Это отчасти подтверждаютъ и русскія лѣтописи.

*) *Voyage d' Ibn-Batoutah*, trad. par Defrémery et Sanguinetti, t. II, p. 399, 1854.

Одно изъ любопытныхъ повѣствованій о походахъ Новгородцевъ въ сѣверныя страны записано у Нестора подъ 1096 годомъ. «Се же хощю сказати, говоритъ Несторъ, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрята Роговичъ Новгородецъ, глаголя *сице*: яко посла отрокъ свой въ Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшу отроку моему къ нимъ, и оттуда иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ и сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ. Югра же рекоша отроку моему: дивьно мы находихомъ чюдо, его же не есмы слышали преже сихъ лѣтъ: се же третье лѣто поча быти, суть горы зайдуче луку моря, имъ же высота яко до небеси *), и въ горахъ тѣхъ кличъ великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, а тудѣ молвятъ, а есть не разумѣти языку ихъ, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ ножъ ли, или сѣкиру, *даютъ скорою противу*. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмъ же не доходимъ ихъ всегда; есть же и подаль на полунощіи» **).

Въ этомъ разсказѣ прежде всего заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что населеніе Печерскаго края (зыряне?) давало Новгороду дань и, конечно, ни чѣмъ другимъ, какъ шкурками пушныхъ звѣрей. Подчиненіе печерцевъ, очевидно, было не съ XI или X вѣка, а гораздо раньше, такъ какъ новгородскіе купцы посылали туда своихъ приказчиковъ или довѣренныхъ (отроковъ), какъ въ страну, имъ давно извѣстную. Восточнѣе Печеры, ближе къ Уралу, находилась Югра, граничившая съ самоѣдами, кочующими, какъ и нынѣ, на полуостровѣ Ялмалъ, между Обскою и Хайпутырскою губой. Употребленное въ разсказѣ выраженіе «*Югра же людье есть языкъ нѣмъ*» можетъ навести на мысль, что печерцы либо говорили другимъ языкомъ, чѣмъ Югра, либо многіе изъ нихъ понимали русскій языкъ вслѣдствіе давнихъ сношеній съ новгородцами. Въ разсказѣ о неизвѣстныхъ людяхъ сѣвернаго Урала, сѣкущихъ гору и просящихъ желѣзныхъ орудій, въ обмѣнъ на которыя они предлагали звѣриныя шкуры (скоры) передаются такіе же полубаснословные слухи, какіе приходилось слышать Ибнъ-Батутѣ отъ болгарскихъ купцовъ по поводу мѣновой торговли съ сѣверными дикарями, о чемъ мы говорили выше. Въ томъ и другамъ случаѣ для насъ интересенъ тотъ фактъ, что въ IX—XI в. сѣверные финны были народомъ некультурнымъ. Главный промыселъ ихъ состоялъ

*) Очевидно здѣсь разумѣется сѣверный Уралъ; подъ лукоморьемъ, вѣроятно, слѣдуетъ понимать заворотъ морскаго берега по восточную сторону отъ р. Печеры, въ нынѣшней Большеземельной Печерской тундрѣ.

**) Полн. собр. русск. лѣтоп. томъ I, 1842, страница 107. Древній текстъ лѣтописи Нестора.

въ звѣроловствѣ, но выгодами этого промысла пользовались не они сами, не понимая цѣны дорогихъ мѣховъ, а новгородскіе и болгарскіе купцы *). Это и заставляло русскихъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ стремиться на сѣверъ, подчинять себѣ финскія племена, налагая на нихъ дань пушниной, заводить здѣсь факторіи и остроги, чтобы удержать въ своихъ рукахъ такую прибыльную мѣновую торговлю.

Показавъ на основаніи историческихъ данныхъ, что германцы и славяне въ древнія времена были главными любителями и потребителями дорогихъ сѣверныхъ мѣховъ, а новгородцы и болгары были главными распространителями ихъ на торговыхъ рынкахъ Европы и Азіи, мы должны еще обратить вниманіе на славянскія названія наиболѣе цѣнныхъ пушныхъ звѣрей нашего сѣвера, служившихъ предметомъ этой торговли. Въ этомъ случаѣ лингвистическія данныя могутъ имѣть особенную цѣну потому, что они вводятъ насъ въ болѣе далекіе доисторическіе предѣлы существовавшаго у славянъ знакомства съ этими полезными животными. Они же могутъ показать, какому народу принадлежитъ право первенства въ торговлѣ сѣверной пушниной и въ распространеніи этого товара въ болѣе отдаленныя страны. Съ археологической точки зрѣнія подобные лингвистическіе выводы важны потому, что съ ними до нѣкоторой степени можетъ быть связанъ вопросъ о доисторическихъ городищахъ сѣверной полосы Россіи и Сибири, такъ какъ слѣды осѣдлой жизни этихъ далекихъ странъ должны были оставить именно тѣ народности, въ рукахъ которыхъ находилась древнѣйшая эксплоатація сѣвернаго звѣроловнаго промысла.

Изъ интересующихъ насъ животныхъ съ этой точки зрѣнія больше всего имѣетъ значеніе *соболь*, составлявшій главнѣйшій предметъ звѣроловной промышленности и водящійся исключительно въ нашихъ сѣверныхъ странахъ.

На всѣхъ европейскихъ языкахъ *соболь* называется одинаково: среднелатинское *sabellinus*, нѣмецкое *Zobel*, англійское *sable*, французское *zibeline*, шведское и датское *sobel*, голландское *sabel*, исландское *safali*, венгерское *zobel*, литовское *sabula*. Равнымъ образомъ и во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ мы встрѣчаемъ одно и то же слово: церковно-славянское и русское *соболь*, болгарское, хорутанское, чешское, полабское и верхне-лужицкое *sobol*. Только въ сербскомъ языкѣ удержалось персидское названіе соболя *самуръ*, вѣроятно, взятое съ персидско-турецкаго *samûr*. Такимъ обра-

*) Въ статьѣ Л. П. *Сабаньева* подъ заглавіемъ, «*Соболь*» помѣщенной во второй книжкѣ естественно- историческаго сборника «*Природа*» (Москва 1874 г. стр. 186) приводятся факты, что «еще въ XVI столѣтіи дикари Біарміи платили за топоръ столько соболей, сколько пролѣзало ихъ въ проушину. При Стеллерѣ камчадалы давали за желѣзный котелъ столько соболей, сколько въ него входило, а за ножъ 6 соболей, да при этомъ еще смѣялись надъ легкомысліемъ продавцовъ». Въ IX—X в. такая торговля, очевидно, была еще прибыльнѣе, такъ какъ пушнаго звѣря въ то время было гораздо больше.

зомъ всѣ европейскія названія соболя указываютъ на одинъ источникъ словопроисхожденія, и этотъ источникъ долженъ находиться на мѣстѣ родины этого звѣрка, т. е. гдѣ нибудь на сѣверѣ *). Было бы всего естественнѣе предположить, что слово соболь взято съ какого нибудь изъ финскихъ языковъ, такъ какъ сѣверные финны несомнѣнно раньше всего познакомились съ этимъ полезнымъ животнымъ и никто другой, какъ они первые охотились за нимъ, добывая для себя его пушныя и красивыя шкурки. Это предположеніе, однако же, оказывается носостоятельнымъ. Въ сочиненіи Л. П. Сабанѣева (l. с., стр. 199) собраны названія соболя на всѣхъ инородческихъ языкахъ нашего сѣвера (числомъ болѣе 37) и ни на одномъ изъ нихъ нѣтъ слова соболь, за исключеніемъ Мордвы, у которой этотъ звѣрокъ называется *ветбачà* и *соболь*. Послѣднее очевидно взято съ русскаго. Тоже самое можно сказать о названіи у амурскихъ тунгусовъ *собо* и у казанскихъ татаръ—соболь. На всѣхъ остальныхъ, финскихъ, тунгузскихъ монгольскихъ, татарскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ названія соболя крайне разнообразны, но не имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ русскимъ названіемъ. Для примѣра возмемъ слова изъ западныхъ финскихъ языковъ. У черемисовъ соболь называется *лугмучъ*, у зырянъ—*низъ*, у вотяковъ—*ныйисъ*, у пермяковъ—*нычъ*, у вогуловъ—*нюхзе*, *непсъ*, у казанскихъ и сибирскихъ татаръ —*кышъ*, у калмыковъ--*булганà*, у монголовъ—*бологанъ*, у киргизовъ--*джюсаръ* (также называется и куница). Отсюда ясно усматривается, что слово соболь не финскаго происхожденія, хотя г. Сабанѣевъ почему-то признаетъ его «всего вѣроятнѣе чудскимъ» (l. с. стр. 199).

Извѣстный спеціалистъ и знатокъ славянскихъ нарѣчій А. С. *Будиловичъ* называетъ слово соболь древнеславянскимъ **), основываясь на томъ, что оно въ тождественной формѣ повторяется во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Отсюда необходимо предполагать, что всѣ остальныя европейскія названія соболя, происходящія изъ того же корня, были распространены по Европѣ славянами, по мѣрѣ ознакомленія съ мѣхомъ этого красиваго животнаго. Такое заключеніе вполнѣ вѣроятно, потому что ни одинъ изъ европейскихъ народовъ, кромѣ сѣверныхъ славянъ, не могъ знать соболя

*) Соболь, какъ извѣстно, водится только на сѣверовостокѣ Европы и Азіи, въ глухихъ хвойныхъ лѣсахъ, преимущественно въ кедровникахъ, отъ р. Печеры до Камчатки. Въ прежнее время онъ встрѣчался и по западную сторону отъ Печеры, по Мезени и Сѣверной Двинѣ, но теперь въ этихъ мѣстахъ его болѣе не оказывается, вѣроятно, вслѣдствіе истребленія, или отъ того, что онъ удаляется на востокъ въ болѣе глухіе хвойные лѣса и урманы. Граница южнаго распространенія соболя зависитъ отъ характера лѣсной растительности. Въ степяхъ и тундрѣ соболь не живетъ; онъ также не любитъ чернолѣсья и вообще открытыхъ мѣстъ. Поэтому истребленіе дѣвственныхъ лѣсовъ и заселеніе страны служитъ одною изъ главныхъ причинъ удаленія соболя. На Уралѣ и по восточному его склону теперь соболь встрѣчается въ предѣлахъ отъ 64 до 58° сѣв. широты.

**) Первобытные славяне и проч. Ч. I, 1878 г. Кіевъ, стр. 193.

на мѣстѣ его родины и не могъ получать эту дорогую пушнину изъ первыхъ рукъ, какъ это дѣлали новгородцы и древніе камскіе болгары.

Было бы весьма любопытно разъяснить, съ какого времени слово соболь существуетъ въ славянскомъ языкѣ и когда оно появилось въ Европѣ. Это отчасти показало-бы, съ какихъ поръ сѣверъ Россіи сдѣлался доступенъ для русскихъ промышленниковъ. Къ сожалѣнію наука обладаетъ въ этомъ отношеніи крайне ограниченными данными. Они не восходятъ дальше начала германской и славянской письменности, слѣдовательно, не даютъ больше того, что можно извлечь изъ историческихъ актовъ. Соболю не посчастливилось такъ, какъ янтарю, о которомъ, благодаря греческимъ поэтамъ, историкамъ и географамъ, сохранились свѣдѣнія за 500—600 лѣтъ до Р. X. Но тѣмъ не менѣе, если розыскивать начальную эпоху соболинаго промысла по письменнымъ актамъ, то ихъ слѣдуетъ искать въ персидской, греческой или латинской литературѣ, по тѣмъ отрывкамъ и намекамъ, гдѣ можетъ оказаться упоминаніе о нашемъ сѣверномъ звѣркѣ. Во всякомъ случаѣ можно быть увѣреннымъ, что появленіе соболя на рынкахъ Персіи, Малой Азіи и Западной Европы должно совпадать не съ IX или X вѣкомъ, а гораздо раньше.

Названія другихъ пушныхъ звѣрей нашего сѣвера, какъ напр. бобра, куницы, лисы, горностая и т. д. не имѣютъ такого археологическаго значенія, какъ соболь, такъ какъ эти животныя водятся не исключительно на сѣверѣ, слѣдовательно и славянскія имена ихъ могли быть взяты изъ общеарійскаго источника. Слово *бобръ*, дѣйствительно, встрѣчается даже въ санскритскомъ языкѣ, *babhrâ*, flavus. Также точно и въ остальныхъ древнихъ языкахъ это слово является общимъ: персидское *бебръ*, латинское *fiber*, литовское *bebrus*, нѣмецкое *Biber*, грузинское *бобра*.

Слово *куна*, *куница*, распространенное во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, считается праславянскимъ. Ближе всего оно стоитъ къ латинскому *cuniculus*, кроликъ (Плиній). Отсюда взято нѣмецкое *Kaninchen* *).

Слово куница, въ значеніи mustela, является спеціально славянскимъ словомъ. Оно не вошло въ новые романскіе и германскіе языки, гдѣ его замѣняетъ слово Martes, marder, la Martre, Martin.—По литовски куница—*Kiaune*. Это напоминаетъ греческое χυων и латинское *canis* собака, отъ санскритскаго *kvan, kunas*, Hund. (Фикъ I. с. стр. 52). Такимъ образомъ славянское слово *куна*, происходящее отъ одного корня съ χυων и *canis*, могло бы указывать на древнѣйшее общеарійское происхожденіе. Впослѣдствіи, при деференцировкѣ понятій, санскритское *kunas* у славянъ было перенесено

*) Небезинтересно здѣсь вспомнить, что у римлянъ слово *cunnus* обозначало также *pudendum muliebre*. Тотъ же переносъ значенія куны мы встрѣчаемъ въ новгородскомъ нарѣчіи въ словѣ *кунка*, наружныя половыя части женщины.

на куницу, а для обозначенія собаки было взято санскритское же слово *песъ*, отъ *paça* bestia, латинское pecus, и древне-персидское *spaka* (собака). По аналогіи съ словомъ *куна*, имѣющимъ праарійское отношеніе къ латинскому canis, можетъ быть позволительно было бы подойти и къ этимологіи слова *соболь* отъ *соб-ака*, *коб-ель*.

Средоточіе русскаго звѣроловнаго промысла въ Европейской Россіи имѣло мѣсто, какъ мы уже говорили выше, въ сѣверной лѣсной полосѣ *по водораздѣлу рѣкъ*, съ одной стороны впадающихъ въ Сѣверный океанъ (Двина, Мезень и Печера), съ другой стороны направляющихся къ югу въ бассейнъ Камы и Волги. Это пространство, обнимающее сѣверо-восточную половину нынѣшней Архангельской и Вологодской, и сѣверную часть Вятской и Пермской губерній издревле носило названіе *Перми Великой* или по западному произношенію *Біарміи* или *Беорміи* (Бебрма). Это имя перешло къ намъ отъ временъ доисторическихъ. Въ начальной лѣтописи Нестора оно упоминается уже въ смыслѣ опредѣленной страны и народности, подчиненныхъ новгородцамъ, слѣдовательно, Пермь была извѣстна новгородцамъ раньше основанія русскаго государства. Слѣдуетъ предполагать, что первоначальное значеніе этого слова было не этнографическое, а географическое, подобно именамъ Печера, Югра, Вятка и Сибирь. Инородцы пермскаго края называютъ себя общимъ именемъ *Коми*, а имя *пермяковъ* они получили впослѣдствіи отъ русскихъ, по названію страны. Въ начальной лѣтописи и въ послѣдующихъ историческихъ актахъ слово пермякъ не встрѣчается, его замѣняетъ общее для страны и населенія слово *Пермь* *). У византійскаго писателя *Chalcocondyla* (1350 г.) о жителяхъ пермской страны сказано слѣдующее: «Permii (πέρμιοι) versus Boream supra sarmatas morantur. Sarmatis finitimi sunt, *ejus linguae commertio utentes*. Permios ferunt gentem esse antiquissimam; *venationibusque vivunt*, et plurimam vitae partem eo in studio consumunt **). Здѣсь подъ словомъ *Permii* едва-ли также слѣдуетъ разумѣть финское племя пермяковъ. Византіецъ Халкокондилъ, очевидно, имѣлъ въ виду выразить этимъ названіе того народа, въ рукахъ котораго была пермская торговля; слѣдовательно это было имя не этнографическое, а географическое, или нарицательное. Это вытекаетъ и изъ дальнѣйшихъ словъ автора, гдѣ онъ замѣчаетъ, что Перміи, смежные съ сарматами (т. е. русскими славянами) употребляютъ въ торговыхъ сно-

*) Подъ этимъ именемъ разумѣлись не только предки нынѣшнихъ пермяковъ, но и одноплеменные имъ *зыряне*, коренные жители древней Великой Перми. Въ настоящее время они живутъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ имъ проповѣдывалъ Слово Божіе Св. Стефанъ, т. е. по р. Выму, сѣверному притоку Вычегды. Имя пермяковъ сохранилось до сего времени только въ Соликамскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. Древнюю Югру признаютъ теперь въ Вогулахъ, незначительные остатки коихъ сохранились въ Тобольской губерніи по р. р. Турѣ и Тавдѣ.

**) *Stritter*. Memor. popul. tom. II, p. 1055.

шеніяхъ сарматскій языкъ: точнѣе сказать, подъ именемъ *Перміи* вѣроятно разумѣлись новгородскіе купцы и промышленники Пермскаго края. Западное *Беорма* или *Біармія*, скандинавское *Бярміэръ*, *Беорміеръ*, или *Бярмаландъ*, очевидно произошло отъ слова Пермь, а не наоборотъ. Въ Скандинавіи знали Пермскую землю и пермяковъ только по наслышкѣ, а жители древней Россіи соприкасались съ ними непосредственно, слѣдовательно, должны были точнѣе сохранить въ своемъ языкѣ звуки подлиннаго имени Перми. Вѣроятно, тоже должны подтверждать и фонетическіе законы въ перестановкѣ звуковъ Б. вмѣсто П. (Беорма-Пермь), какъ мы это видимъ, напримѣръ, въ готскомъ словѣ *Barn*, Kind и русскомъ *парень*, *puer*.

О происхожденіи слова Пермь мнѣ не удалось отыскать въ литературныхъ источникахъ ни одного удовлетворительнаго объясненія. Поэтому позволяю себѣ высказать мои личныя догадки, которыя представляются мнѣ не лишенными основанія. Въ фонетическомъ отношеніи это слово близко стоитъ къ греческому *πέραμα* переѣздъ, путь, дорога, и къ славянскому *поромъ*—орудіе перевоза. Эти слова въ свою очередь стоятъ въ связи съ санкритскимъ *pâra*, übersetzen, überschiffen, hinübergelangen; какъ существительное имя pâra значитъ другой, противуположный берегъ, конецъ, цѣль; зендское *pâra* Ufer, Seite, Ende, *Übergangspunkt* (*Фикъ*, l. c., p. 123). Всѣ эти значенія, мнѣ кажется, вполнѣ соотвѣтствуютъ географическому положенію древняго Пермскаго края, который представлялъ собою рядъ водораздѣловъ, или *волоковъ* между сближающимися здѣсь вершинами рѣчныхъ бассейновъ Сѣвернаго и Каспійскаго морей. Съ другой стороны, это была далекая украйна, конецъ населеннаго міра, куда предстоялъ далекій переѣздъ (*πέραμα*) для иноземныхъ купцовъ, въ данномъ случаѣ для новгородцевъ и болгаръ. Такимъ образомъ этимологическое значеніе слова Пермь выражало бы почти тоже самое, что впослѣдствіи новгородцы выражали словомъ Волокъ, *Заволочье*, т. е. страна, лежащая за волокомъ, за переправой съ южныхъ бассейновъ на сѣверные.

На зырянскомъ и пермяцкомъ языкѣ слово *Рäгта* употребляется въ значеніи далекая страна, украйна*). Принимая во вниманіе, что по мѣсту жительства зырянъ и пермяковъ Пермская область представляла искони вѣковъ не окраину финскаго міра, а напротивъ, центръ его, мнѣ кажется, что это слово не финскаго корня, а скорѣе вышеуказаннаго арійскаго. Зыряне только сохранили древнее значеніе этого слова, происходящаго отъ санскритскаго и зендскаго *pâra* и греческаго *πέραμα*. Другіе авторы сопоставляли слово Пермь съ зырянскимъ же словомъ «*парма*», что, говорятъ, означаетъ, возвышенность или гору, поросшую лѣсомъ**). Въ финскихъ словаряхъ такого слова я не оты-

*) *Савельевъ* П. С. Пермская губернія въ археологическомъ отношеніи. Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1852 г. часть XXXIX, стр. 119.

**) Списки населенныхъ мѣстъ. Пермская губернія. Спб. 1875 г. стр. CXXXVIII.—Городскія поселенія, часть III, стр. 619.

скалъ. По всей вѣроятности оно также не коренное финское, а взятое съ древняго имени Перми въ значеніи водораздѣла, лѣсной возвышенности, откуда берутъ свое начало важнѣйшія рѣки этого края. Такимъ образомъ мѣстныя зырянскія слова, которыми старались объяснить происхожденіе слова Пермь, не только не противорѣчатъ предложенному мною объясненію, но скорѣе подтверждаютъ его. Они вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ указывать на глубокую древность этого слова, первоначальный смыслъ котораго былъ затерянъ какъ въ славянскомъ, такъ и въ скандинавскихъ языкахъ, но сохранился въ финскихъ, именно въ значеніи украйны, или крайняго предѣла населенной земли, а также въ значеніи водораздѣла, волока, или лѣсной возвышенности. Въ русскомъ языкѣ отзвукомъ древняго значенія разсматриваемаго слова остается слово *поромъ*, происходящее изъ одного корня съ Пермью.

Древнія границы Пермской области въ точности опредѣлить довольно трудно. Во время путешествія норвежца *Отера* (въ IX в.) предѣлы Біарміи, повидимому, простирались на западъ до Бѣлаго моря и Сѣверной Двины *). По русскимъ лѣтописямъ, въ X—XI в. эта часть новгородскихъ областей называлась уже не Пермью, а *Заволочьемъ* (за волокомъ, отдѣляющимъ Онегу отъ Двины). Собственно Пермью въ то время считалось пространство по теченію и притокамъ р. Вычегды, въ нынѣшнихъ Яранскомъ и Устьсысольскомъ уѣздахъ, населенныхъ зырянами. Въ этой Великой Перми подвизался въ XIV в. святитель Стефанъ, первый епископъ Великопермскій († въ 1396 г.). Онъ жилъ въ центрѣ пермской земли, въ Усть-Вымскѣ (при впаденіи р. Выма въ Вычегду), гдѣ проповѣдывалъ зырянамъ слово Божіе **). За этой Вычегодскою Пермью къ сѣверо-востоку начиналась область Печора, а южнѣе Печоры—Югра. Восточныя границы Великой Перми касались Уральскаго хребта (въ Чердынскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ), а южныя соприкасались съ Вяткою (областью). Все очерченное пространство характеризуется тѣмъ, что здѣсь, на высокомъ плоскогоріи, сближаются вершины главнѣйшихъ сѣверныхъ рѣкъ: Вычегды, Печоры, Камы и Вятки, слѣдовательно, Великая Пермь представляла собою узелъ рѣчныхъ сообщеній: это былъ, если можно такъ выразиться, сплошный волокъ. Поэтому предложенное мной объясненіе названія Перми вполнѣ согласуется съ ея географическимъ положеніемъ.

*) На картѣ, приложенной къ сочиненію *Шеффера* (Joannis Schefferi Lapponia. 1674 года) въ предѣлы Біарміи включается и нынѣшняя Лапландія, до р. Колы и Кольскаго залива. Но этому показанію едва-ли слѣдуетъ придавать серьезное значеніе. У норвежцевъ, плохо знакомыхъ съ русскимъ сѣверомъ, понятіе о Біарміи совпадало съ границами сѣверной полосы Россіи.

**) *Архіепископъ Макарій*, Сказаніе о жизни и трудахъ св. Стефана, епископа Пермскаго. 1856 г.— Повѣсть о Стефанѣ, еписк. Пермскомъ, сборникъ XVI в. Синод. библіотеки, изд. Графа Кушелева-Безбородко. (Памятники старинной русской литературы, выпускъ IV, 1862 г., стран. 19).

Въ XIV вѣкѣ границы Великой Перми довольно подробно описываются въ повѣсти о Стефанѣ, епископѣ Пермскомъ, въ которой объ этомъ говорится такъ: «Должно есть взысковати и роспытывати и извѣстно увѣдати о Пермьской землѣ, гдѣ есть и въ кіихъ мѣстѣхъ отстоитъ и промежи кіими предѣлы повѣдается, и которыи рѣки обходятъ ю и проходятъ сквозѣ ню, и которыи языцы обсѣдятъ ю и живущіи въ сусѣдѣхъ около ея. А се имена мѣстамъ, и странамъ, и землямъ, и иноязычникамъ, живущимъ вкругъ Перми: Двиняне, Усть-южане, Вилежане, Вычегжане, Пинежане, Южане, Зырьяне, Гаиане, Вятчане, Лопь, Корела, Югра, Печора, Вогуличи, Самоѣдь Пертасы, *Пермь Великая, глаголемая Чусовая.* Рѣка же едина, ей же имя Вымь, си обходящія всю землю Пермскую, и вниде въ Вычегду; рѣка же другая именемъ Вычегда, си исходящіи изъ земли Пермскія и шествующа ко сѣверной странѣ и своимъ устьемъ вниде въ Двину, ниже града Устюга на четыредесятъ поприщъ; рѣка же третья, нарицаемая Вятка, яже течетъ въ другую страну Перми, и вниде въ Каму; рѣка же четвертая, именемъ Кама. Сіи есть, сіи убо обходящіи и проходящіи всю землю Пермьскую сквозѣ ню, по ней же мнози языцы сѣдять; сіи убо грядущіи устремленіемъ прямо яко къ югу и своимъ устіемъ вниде въ Волгу, близъ града, нарицаемаго Болгаръ. Всякому же хотящему шествовати въ Пермьскую землю удобезненъ путь есть отъ града Устьюга рѣкою Вычегдою вверхъ, *дондеже внидетъ въ самую Пермь»* *).

Изъ приведеннаго описанія видно, что во времена епископа Стефана Пермью называлась область на водораздѣлѣ и на вершинахъ рѣкъ Камы, Вятки, Печоры и Вычегды. Черезъ этотъ волокъ новгородцы спускались на Вятку и Каму **); отсюда же они ходили на Печору и къ сѣверному Уралу. Устюжане, мимо которыхъ Новгородцы должны были проходить въ Пермь и обратно, нерѣдко нападали на нихъ и отнимали товары, что служило поводомъ къ военнымъ столкновеніямъ ***). Съ верховьевъ Камы новгородцы привозили не одну пушнину, но и *закамское серебро.* „Въ лѣто 6840 великій князь Иванъ приде изъ орды и възверже гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ *серебра закамскаго»* (l. c. стр. 76 †).

Въ грамотахъ XVI—XVII в. *Пермью Великой* называются уже только сѣверные уѣзды нынѣшней Пермской губерніи. Главнымъ городомъ этой

*) Повѣсть о Стефанѣ, изд. гр. Кушелева-Безбородко, подъ редакціей Костомарова. Спб. 1863 вып. 4, стр. 123.

**) „Въ лѣто 6832 идоша Новгородцы съ княземъ Юрьемъ на Заволочье, и взяша Устюгъ на щитъ, а князь Юрій *поиде въ орду изъ Заволочья по Камѣ рѣкѣ*". (Полн. собр. русск. лѣтоп. т. 3, 1841 г. стр. 73).

***) „Въ лѣто 6831 заратишася Устюжане съ Новгородци, изъимаша Новгородцевъ, кто ходилъ на Югру, и ограбиша ихъ" (тамъ же стр. 73). „Тои же зимы (6837) избиша Новгородцевъ, которіи были пошли на Югру, Устьюжскыи князи" (тамъ же стр. 74).

†) О закамскомъ серебрѣ см. выше стр. 73, примѣчаніе.

области былъ Чердынь *). Сюда же принадлежалъ весь водораздѣлъ между верховьями Камы и Печоры. На этомъ волокѣ, какъ извѣстно, находится довольно значительное по размѣрамъ *Чусовское озеро*, по которому волокъ носилъ названіе „*Пермь Великая, глаголемая Чусовая*" **).

Съ XI—XII вѣка, когда о Великой Перми появились историческія свѣдѣнія (русскія, скандинавскія, византійскія и арабскія), торговое значеніе этого края, повидимому, уже начинало терять прежнюю славу. Съ этого времени мы знаемъ Пермь главнымъ образомъ только по ея соболиному промыслу; но есть поводы думать, что въ болѣе древнія времена этотъ край имѣлъ еще другое, болѣе важное значеніе,—какъ транзитный путь для товаровъ, направляющихся изъ отдаленныхъ странъ Южной Азіи (Персіи, можетъ быть даже Индіи) въ сѣверную Европу. Фактическое основаніе для такого предположенія имѣется въ археологическихъ находкахъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, теперь же коснемся этого вопроса только съ географической стороны. Прежде всего нужно принять во вниманіе, что въ древнія времена (до Р. Х.) ни грекамъ, ни римлянамъ не былъ извѣстенъ морской путь въ Индію. Свѣдѣнія объ этой странѣ получались постепенно съ Азіатскаго материка и касались только сѣверо-западной части Индіи. Тѣмъ же путемъ шли и торговыя сношенія съ южною Азіей до конца XV в., когда португальцами былъ открытъ Мысъ Доброй Надежды (въ 1486 г.) и знаменитый *Васко-де Гама* въ первый разъ проникъ въ Индію морскимъ путемъ кругомъ Африки (въ 1497 г.). До того времени вся азіатская торговля направлялась караванами къ Каспійскому, Средиземному или къ Черному морю, откуда товары перевозились на судахъ въ болѣе отдаленныя страны Европы. При, этомъ для сѣверной Европы естественными географическими условіями опредѣлялись два пути: одинъ съ сѣвернаго берега Понта къ Балтійскому морю (извѣстный варяжскій путь по Днѣпру), другой отъ Каспійскаго моря по Волгѣ и Камѣ въ Великую Пермь. Это послѣднее направленіе должно было представлять большія удобства, такъ какъ на огромномъ протяженіи товары могли слѣдовать водой, именно сначала Волгой и Камой, потомъ Колвой и Вишеркой въ Чусовское озеро, а изъ послѣдняго по Березовкѣ и Еловкѣ до Печорскаго волока. Самый волокъ представляетъ собою разстоя-

*) О Перми великой этого періода см. въ Собраніи Государств. грамотъ и договоровъ т. II, стр. 546, т. III, страница 360 грам. № 106, стр. 362 грамоты № 107, стр. 357 грам. № 176 и въ нѣкоторыхъ другихъ. Въ этихъ актахъ слово Пермь принимается не только въ значеніи области, но и въ значеніи города (синонимъ Чердыня). Имя нынѣшняго губернскаго города Перми, основаннаго въ 1781 году, не имѣетъ къ древней Перми прямого отношенія. Оно было дано только по старому воспоминанію имени области.

**) Интересное описаніе этого печорскаго волока и Чусовскаго озера можно найти въ статьѣ Латкина (въ Зап. русск. географ. Общ. 1853 г. VII) подъ заглавіемъ: «Дневникъ во время путешествія на Печору».

ніе всего въ 4 версты до р. Волосяницы, впадающей въ Печору. Не менѣе удобный путь представлялся съ вершинъ Камы на Вычегду при посредствѣ сѣверной и южной Кельтмы, гдѣ проектировался въ прошломъ столѣтіи Екатерининскій каналъ*). Въ этомъ пунктѣ волокъ оказывается тоже ничтожнымъ. По Вычегдѣ и Двинѣ открывался прекрасный путь въ Бѣлое море и въ Сѣверный океанъ, куда направлялись и Печорскіе грузы. Товары, идущіе къ Новгороду, направлялись съ Вычегды и Двины на Сухону, откуда волокомъ на Бѣлоозеро и, примѣнительно къ нынѣшней Маріинской системѣ, до Балтійскаго моря. Вершины рѣкъ по водораздѣламъ, и въ настоящее время представляющія достаточную глубину для прохода малыхъ судовъ съ незначительною осадкою, поднимающихъ до 300—500 пудовъ груза,—въ древнія времена могли быть многоводнѣе, а слѣдовательно и движеніе по нимъ должно было вполнѣ удовлетворять потребностямъ вѣка. Если же при этомъ принять во вниманіе возможность судоходства по Сѣверному океану, на что имѣются нѣкоторыя данныя, то описанный сѣверный путь въ свое время долженъ былъ представлять собою въ торговыхъ сношеніяхъ Азіи съ Европой такое же важное значеніе, какое получилъ съ XVI—XVII в. южный океанскій путь, при сношеніяхъ съ Азіатскимъ востокомъ.

Пермскій или Чердынскій узелъ рѣчныхъ бассейновъ усугублялъ свое значеніе въ древности еще тѣмъ, что сюда же выходили рѣчные пути изъ обширнаго материка далекой Сибири. Многоводныя сибирскія рѣки—Обь и Иртышъ, берущія свое начало въ алтайскихъ горахъ, почти на границѣ съ Китаемъ, западными своими притоками близко подходятъ къ тому же Пермскому водораздѣлу. Главными соединительными артеріями со стороны Иртыша служили Тура и Тавда, послѣдняя съ притоками Сосвы и Лозвы, вершины которыхъ сближаются съ притоками Камы (Яйва, Вышера и Колва) и съ вершинами Печоры. Южнѣе Туры, другою артеріею могла служить Исеть (притокъ Тобола) и Чусовая, вершины коихъ сближаются въ нынѣшнемъ Екатеринбургскомъ уѣздѣ. Для выхода съ Оби на Печеру могли пользоваться Березовскою Сосвою, а можетъ быть даже Усою (притокъ Печоры), не считая возможности прямого выхода съ нижней Оби въ Хойпутырскую губу Сѣвернаго океана, при посредствѣ р. Щучьей, какъ это дѣлали впослѣдствіи русскіе казаки.

Описанная система роскошныхъ рѣчныхъ сообщеній, оплетающихъ собою громадное пространство нынѣшнихъ русскихъ владѣній и совершенно неиз-

*) Сѣверный *Екатерининскій каналъ*, соединяющій сѣверную Кельтму съ южною Кельтмою или Зырянкой, имѣетъ длину 17 верстъ. Постройка его начата при императрицѣ Екатеринѣ II, но въ 1787 г. была пріостановлена на 15 лѣтъ по случаю войны съ Турціей и Швеціей. Работа возобновилась въ 1803 г., но по недостатку воды каналъ оказался мало пригоднымъ.

вѣстныхъ ни грекамъ, ни римлянамъ, не могла оставаться безъ должной эксплоатаціи. Ни въ Европѣ, ни въ Азіи нѣтъ другой подобной страны, которая представляла бы такія выгодныя для торговли географическія условія. Между тѣмъ этотъ сѣверный путь, которымъ несомнѣнно пользовались въ древнѣйшее время, былъ совершенно забытъ и потерялъ свое значеніе именно тогда, когда ему слѣдовало бы, напротивъ того, развиваться и совершенствоваться, т. е. со времени основанія Русскаго государства. Это произошло, конечно, не отъ неспособности Новгородцевъ къ судоходству и мореходству, а отъ причинъ, лежащихъ внѣ ихъ вліянія. Главными причинами оскудѣнія великой Перми можно считать: 1) Установившійся новый путь изъ южной Азіи въ сѣверную Европу черезъ Средиземное море, Гибралтарскій проливъ и Атлантическій океанъ, а съ XVI в. черезъ Тихій океанъ кругомъ Африки. Открываемые новые пути обыкновенно ведутъ за собою запустѣніе старыхъ, что можно видѣть на многочисленныхъ примѣрахъ древней, средней и новой исторіи. 2) Постепенный упадокъ политическаго значенія и торгово-промышленной жизни государствъ передней Азіи, преимущественно Персіи, которая болѣе всего принимала участіе въ торговлѣ черезъ сѣверную Россію. 3) Возвышеніе политическаго могущества новыхъ европейскихъ государствъ (Франціи, Германіи, Британіи и Скандинавіи), развивавшихся подъ римскимъ вліяніемъ и всегда тяготѣвшихъ къ романской культурѣ. Вслѣдствіе этого, нѣкогда существовавшія торговыя связи названныхъ государствъ съ русскимъ сѣверомъ, мало по малу были прерваны и замѣнены новыми связями съ романскимъ югомъ и Африкой. Съ своей стороны и вновь организованное Русское государство не выказывало стремленія войти въ кругооборотъ экономической жизни Западной Европы. Подобно древней Скиѳіи, оно предпочитало вести изолированную жизнь, по возможности избѣгая слишкомъ близкихъ сношеній съ усиливающимся въ умственномъ и политическомъ отношеніи западомъ. Внѣшняя торговля Новгородцевъ на сѣверѣ ограничивалась Балтійскимъ моремъ. Великая Пермь сносилась съ Европой только этимъ путемъ, при посредствѣ Новгорода, по Бѣлое и Ледовитое моря были закрыты для иноземныхъ купцовъ, въ томъ числѣ и для ближайшихъ сосѣдей Норвежцевъ. 4) Немаловажную роль въ упадкѣ Перми, какъ международнаго рынка, играла коренная перемѣна въ населеніи южной Сибири. Послѣ занятія этой страны монголами и татарами, что произошло въ первыхъ вѣкахъ нашего лѣтосчисленія, всякая связь Европейской Россіи съ Сибирью прекратилась. Кочевыя монголо-татарскія племена не могли поддержать ни древней сибирской промышленности (добыча мѣди, свинца, серебра и золота), ни торговыхъ сношеній съ южными странами Азіи. Чуждаясь водныхъ путей, степные кочевники не могли пользоваться прекрасными сибирскими рѣками и не позволяли другимъ утилизировать ихъ.

Съ XIII в., съ началомъ татарскаго ига, это стѣсненіе отчасти распространилось и на Волгу и на рѣки южной Россіи. Въ эту бѣдственную эпоху русскіе потеряли доступъ къ морямъ Черному и Каспійскому, что на долгое время парализовало ихъ стремленія къ мореходству и прогрессивныя усовершенствованія въ этомъ искусствѣ. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ торговля Великой Перми совершенно заглохла. Новгородъ потерялъ свою самобытность; Пермью завладѣла Москва, которая дорожила этой страной уже не для серебра закамскаго, а только для дорогихъ мѣховъ, получаемыхъ съ инородцевъ въ видѣ дани. Выраженіе *Великая Пермь* осталось лишь отголоскомъ старыхъ преданій, истинный смыслъ которыхъ мало по малу совершенно затерялся.

Намъ могутъ возразить: не слишкомъ ли мы преувеличиваемъ значеніе древней Великой Перми? Существуютъ ли достаточныя основанія для всего того, что мы говорили о ея богатствѣ и всемірной торговлѣ? Въ историческихъ актахъ мы не найдемъ для этого никакого подтвержденія, но это потому, что здѣсь идетъ вопросъ не объ исторической эпохѣ, а о времени, когда историческая жизнь сѣверныхъ странъ не закрѣплялась еще никакими письменными свидѣтельствами. Ихъ должны замѣнить преданія и ископаемыя свидѣтельства археологіи, къ которымъ мы теперь и обратимся.

Свѣдѣнія о Пермской землѣ, почерпаемыя изъ скандинавскихъ сагъ, носятъ на себѣ характеръ смутныхъ воспоминаній о далекомъ прошломъ. Облеченныя въ поэтическую форму и разукрашенныя пылкимъ воображеніемъ скальдовъ, они не могутъ служить основаніемъ для историческихъ выводовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ нельзя не признать и нѣкоторой доли реальности: это не выдуманная сказка, а былина, основанная на преданіи. Въ сагахъ Біармаландія (Biarmaland) представляется баснословно-богатой страной, процвѣтавшей съ глубокой древности. Здѣсь есть намеки, что сами жители Скандинавіи вышли когда-то изъ этихъ пермскихъ краевъ *), что было въ миѳическія времена Одина, или во всякомъ случаѣ задолго до Р. Х. Послѣ того Скандинавы не прерывали сношеній съ Біарміей. Конунги Норвежскіе и Датскіе женятся на Пермскихъ царевнахъ, иногда же изъ за отказа руки происходятъ битвы и единоборства. Войны, грабежи, мирныя и родственныя отношенія постоянно связываютъ Біармію съ Скандинавіею. Такъ говорятъ саги о далекихъ временахъ. Эти преданія, за давностью лѣтъ принявшія миѳическую форму, поддерживали у Норвежцевъ вѣковыя мечты — снова войти въ непосредственныя сношенія съ Біарміей. При этомъ была двойная цѣль: во первыхъ воспользоваться воображаемыми здѣсь несмѣтны-

*) Въ этомъ преданіи можетъ быть доля правды, если принять во вниманіе догадки о переселеніи сѣверныхъ арійцевъ (Германцевъ и Славянъ) изъ средней Азіи въ Европу. См. выше стр. 12 и стр. 21 примѣч.

ми богатствами, во вторыхъ отыскать тѣ сѣверные кратчайшіе пути въ Китай и Индію, о которыхъ, очевидно, также сохранилось нѣчто въ родѣ преданія. Но этими путями служилъ не Сѣверный Океанъ, а колоссальныя сибирскія и русскія рѣки, по которымъ, дѣйствительно, когда-то направлялись въ Пермь часть китайскихъ и индѣйскихъ товаровъ, о чемъ, вѣроятно, въ свое время было не безъизвѣстно въ Скандинавіи.

Тѣ же самыя мечты возстановить забытый морской путь и завязать прерванное сношеніе съ Пермью побудили въ IX в. богатаго норвежскаго негоціанта *Отера* сдѣлать попытку морского плаванія въ эти, давно забытыя мѣста. Попытка, какъ мы говорили выше, удалась только отчасти и не принесла никакихъ практическихъ результатовъ. Отеръ, проходя моремъ около береговъ русской Лапландіи, нашелъ здѣсь пустыню, а при устьѣ Сѣверной Двины встрѣтилъ враждебное норвежцамъ населеніе, поэтому, не рѣшившись идти далѣе для изслѣдованія этой рѣки, долженъ былъ возвратиться на родину. Послѣ Отера, норвежцы, повидимому, не покидали мысли о возможности морскихъ сношеній съ Біарміей, хотя поѣздки ихъ не простирались далѣе Бѣлаго моря и береговъ Сѣверной Двины. О такомъ путешествіи упоминается въ 1222 году*). Но все это имѣло характеръ мѣстныхъ, пограничныхъ связей, не претендовавшихъ на широкое международное значеніе. Только съ половины XVI в., когда въ Европѣ, по примѣру португальцевъ, явилось непреодолимое стремленіе въ обѣтованныя земли Китая и Индіи, снова вспомнили о сѣверномъ пути; англичане и голландцы надѣялись проложить этотъ путь Сѣвернымъ Океаномъ. Попытки эти, какъ извѣстно, оказались неудачными, за исключеніемъ экспедиціи *Ченслера*, которому случайно удалось попасть въ 1553 г. въ устье Сѣверной Двины и завязать первыя торговыя сношенія съ Россіей черезъ Бѣлое и Ледовитое море**).

Скандинавскія саги и преданія сами по себѣ не могли бы имѣть опредѣленнаго доказательнаго значенія въ вопросѣ о цвѣтущемъ состояніи древней Перми, если бы не оказалось другихъ, болѣе точныхъ и несомнѣнныхъ доказательствъ. Доказательства эти нашлись въ пермскихъ и вятскихъ кладахъ и въ другихъ ископаемыхъ древностяхъ этого края. Въ этомъ отношеніи особенно цѣнны монеты, такъ какъ по нимъ въ точности можно опредѣлить и время, и мѣсто, откуда онѣ были привезены. Нѣсколько примѣровъ такихъ кладовъ указано въ цитированной выше статьѣ *Савельева* (Пермская губ. стр. 122). Приведемъ эти данныя словами автора: „Въ 1846 г. въ Соликамскомъ уѣздѣ, близь береговъ рѣки Камы, найденъ былъ

*) *Torfaeus*, Histor. rerum Norveg.

**) *Студитскій*, исторія открытія морского пути изъ Европы въ Сибирскія рѣки и до Берингова пролива. Спб. 1883 г. стр. 3.—Путешествіе *Норденшильда* вокругъ Европы и Азіи на пароходѣ Вега въ 1878—1880 г. Перев. съ шведскаго Спб. 1881 г.—*Литке*, четырехкратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый океанъ. Спб. 1828 г.

весьма примѣчательный кладъ, состоявшій исключительно изъ серебряныхъ монетъ Сасанидскихъ V и VI вѣка отъ Р. Х. и изъ серебряной чаши, покрытой неизвѣстными средне-азіатскими письменами. Монеты принадлежатъ тремъ государямъ—Ездегирду II, Кобаду и Хозрою II, царствовавшимъ отъ 441 по 594 г. послѣ Рождества Христова“. „Въ прошломъ 1851 году въ южной части Пермской губерніи, именно въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, близь деревни Шестаковой и берега р. Иргина, вырытъ былъ новый, столь же примѣчательный кладъ, доставленный въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ начальникомъ губерніи. Онъ состоялъ изъ серебрянаго кувшина, вѣсомъ въ 2½ фунта, серебрянаго, искусно-витого жгута съ застежками, того же металла подвѣсокъ и серегъ, обломковъ отъ золотыхъ перстней, ожерелій изъ бусъ горнаго хрусталя, сердолика, и другихъ камней, и болѣе чѣмъ изъ 20 монетъ Сасанидскихъ, Византійскихъ и Индо-Бактрійскихъ, пятаго, шестаго и начала седьмаго вѣка отъ Р. Х. Древнѣйшія изъ этихъ монетъ Сасанидскія, половины V столѣтія, новѣйшія императора Ираклія и сына его Ираклія—Константина, 613—641 годовъ. Едва ли можно приписать простому случаю, заключаетъ авторъ, что монеты одной и той же эпохи, отъ половины V до начала VII в., чеканенныя притомъ въ различныхъ краяхъ—въ Восточной Римской Имперіи, въ Персіи и Сѣверной Индіи, зашли именно на берега Камы, въ Біармію, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи онѣ нигдѣ не остались“. „Изъ монетъ X и XI вѣка вырыты были въ разныхъ мѣстахъ Пермскихъ имѣній графа Строганова англосаксонскія и нѣмецкія монеты, въ небольшомъ, впрочемъ, количествѣ“. Онѣ, вѣроятно, были завезены сюда Новгородскими купцами.

Во второй книжкѣ „Пермскаго Сборника“*) описывается коллекція серебряныхъ вещей, найденныхъ крестьяниномъ Ужеговымъ въ 1851 году въ Соликамскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, близь села Рождественскаго, въ имѣніи гг. Лазаревыхъ, и переданныхъ землевладѣльцемъ въ Лазаревскій Институтъ восточныхъ языковъ. Эти древніе предметы, вѣсомъ 5½ фунтовъ, были найдены при распашкѣ въ первый разъ пустоши, тотчасъ подъ поднятымъ дерномъ. Они представляютъ собою: 1) серебряное блюдо вѣсомъ 1 ф. и 21 золотникъ, украшенное вытисненными вглубь, золочеными орнаментами изъ цвѣтовъ и медальономъ посрединѣ, на которомъ изображенъ выпукло олень и дерево; 2) три серебряныхъ витыхъ, шейныхъ обруча, каждый длиною около 1¼ аршина; 3) богатое шейное украшеніе въ видѣ серебряной цѣпи изъ 16 серебряныхъ проволокъ, длиною 14 вершковъ, вѣсомъ 43 золотника. На концахъ цѣпи придѣлано по серебряному же наконечнику, состоящему изъ трехъ шаровъ, на которыхъ по гладкому золоче-

*) Пермскій сборн. кн. II. Москва. 1860 г. отд. I, стр. 35. Пермскія древности, находящіяся въ Москвѣ, въ Лазаревскомъ институтѣ восточн. языковъ.

ному фону размѣщены ободочки изъ витой проволоки и треугольныя украшенія изъ мелкихъ шариковъ. Каждый наконечникъ оканчивается петлей съ привѣсками и застежкой; 4) два серебряныхъ вѣнчика въ видѣ полумѣсяца, съ тѣми же украшеніями, какъ наконечники цѣпи; 5) серебряная дощечка, вѣсомъ въ 27 золотниковъ, на которой по золоченому фону такія же украшенія, какъ на предыдущихъ предметахъ, очевидно составлявшихъ одинъ общій парюръ. Кромѣ того, на дощечкѣ было посрединѣ вставлено три цвѣтныхъ камня. Кромѣ перечисленныхъ предметовъ, къ той же находкѣ крестьянина Ужегова принадлежатъ два куска серебра въ слиткахъ: одинъ вѣсомъ въ 20 золотниковъ, другой въ 1 фунтъ 80½ золотниковъ. Одна сторона послѣдняго покрыта письменами, вырѣзанными вглубь, о которыхъ бывшій профессоръ Казанскаго университета А. В. Поповъ (оріенталистъ) отозвался, что они, повидимому, китайскія іероглифическія.

С. *Ешевскій*, которому принадлежитъ цитируемая статья въ „Пермскомъ Сборникѣ", сообщаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что пермскія древнія вещи нерѣдко можно встрѣтить въ московскомъ Серебряномъ ряду, какъ предметы торговли. Онѣ скупаются отъ крестьянъ на Ирбитской ярмаркѣ. Автору удалось купить тамъ нѣсколько серебряныхъ шейныхъ обручей, браслетовъ и серегъ, весьма сходныхъ по работѣ и рисунку съ описанными имъ пермскими древностями Лазаревскаго института. Этотъ ирбитскій археологическій товаръ въ Москвѣ продавался на вѣсъ. Тотъ же авторъ говоритъ, что „нѣсколько лѣтъ назадъ (въ началѣ 50-хъ годовъ) купецъ А. недалеко отъ Чердыни нашелъ богатый кладъ древнихъ вещей, почти исключительно серебряныхъ: идоловъ, сосудовъ, украшеній и т. п. Отъ этой богатой находки осталось весьма немногое, а большая часть давно уже сплавлена. И такихъ примѣровъ много". Отсюда можно заключить, сколько этого *„закамскаго серебра"* вывозилось изъ Пермской губерніи въ прежнее время и, можетъ быть, вывозится до сихъ поръ, переплавляется и переработывается въ другія издѣлія, или безслѣдно расходится по рукамъ несвѣдущихъ любителей старины.

Въ той же книжкѣ „Пермскаго Сборника" (стр. 41) есть замѣтка о древней серебряной чашѣ, найденной на сѣверѣ Пермской губерніи. Вѣсомъ она 2½ фунта, круглой формы, въ видѣ большой чайной полоскательной чашки съ довольно высокимъ поддономъ, съ отваломъ по верхнему краю и съ плоскою ручкою. „По отвалу вычеканены барельефомъ деревья и животныя южныхъ странъ: тигръ, крокодилы и большія змѣи, а также птицы (аистъ) и рыбы. На днѣ выбиты изображенія рыбъ, дерева съ гнѣздомъ, изъ котораго выглядываютъ птицы; двухъэтажная башня, на которой видны письмена; передъ башнею стоитъ юноша въ наклонномъ положеніи, упершись руками въ землю; на спинѣ у него другой юноша съ молоткомъ и клиномъ въ рукахъ, выбивающій на башнѣ какія то изображенія, можетъ быть, письмена,

которыя отчасти уже изображены на башнѣ. На ручкѣ чаши отлито изображеніе Нептуна съ трезубцемъ въ одной рукѣ и рыбою въ другой, поставившаго лѣвую ногу на дельфина". Академикъ Броссе полагаетъ, что чаша эта греческая VI вѣка. Подобную же чашу, найденную въ окрестностяхъ Чердыни, видѣлъ въ 1811 году Н. С. Поповъ, авторъ хозяйственнаго описанія Пермской губерніи. „На ней снаружи были изображены выпуклою работою (отливкою, а не чеканомъ) разныя животныя странъ южныхъ, какъ то: слонъ, строфокамилъ съ сидящимъ на немъ человѣкомъ, крокодилъ, тигръ и другія. По всему видно, замѣчаетъ Никита Савичъ Поповъ, что сосудъ сей не европейскаго вкуса и искусства, но индѣйскаго или азіатскаго народа» *).

Много древнихъ находокъ изъ Пермскаго края, въ особенности серебряныхъ блюдъ, поступившихъ въ Петербургскіе музеи (Эрмитажный и графа Строганова) въ послѣднія два десятилѣтія, описано въ новѣйшемъ изданіи „Русскихъ древностей" графа И. И. Толстого и Н. Кондакова **). Мы укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. По мѣсту и времени ихъ производства онѣ раздѣляются на два отдѣла: греко-римскій и персидскій Сасанидской эпохи. Къ первому причисляются: 1) блюдо изъ массивнаго серебра съ изображеніями чеканной работы, на сюжетъ кормленія змѣй при орфическихъ таинствахъ; его относятъ ко II столѣтію по Р. Х.; 2) прекрасное серебряное блюдо съ изображеніемъ охоты; по работѣ и клеймамъ оно принадлежитъ ранней византійской эпохѣ, находится въ Императорскомъ Эрмитажѣ, найдено въ Пермской губерніи; 3) тамъ же найденный и хранящійся ковшъ съ изображеніемъ р. Нила, съ водящимися въ немъ животными; на нижней сторонѣ византійскія клейма; 4) блюдо изъ собранія графа Строганова, найденное въ Пермской губерніи въ 1881 году; внутри изображеніе спора изъ за Ахиллесова оружія, снаружи растительные орнаменты съ птицами; 5) ковшъ изъ коллекціи князя Оболенскаго, найденный въ Пермской губерніи; на немъ изображена сцена рыбной ловли въ присутствіи Посидона; на наружной сторонѣ византійскія клейма; 6) блюдо изъ Перми, поступившее въ 1888 году въ Императорскую Археологическую Комиссію; изображенія: Вакхъ верхомъ на пантерѣ, сзади вакханка трубитъ въ рогъ, кругомъ въ медальонахъ переднія части быка, лошади, льва и въ промежуткахъ бьющійся гладіаторъ; 7) въ 1878 г. изъ Пермской губерніи поступило въ собраніе графа Строганова блюдо съ изображеніемъ Силена и Менады. Чеканная работа указываетъ на II или III столѣтіе по Рожд. Христ. Изъ предметовъ сасанидскаго отдѣла въ цитированномъ изданіи графа

*) Казанскія извѣстія 1812 г. № 24 статья *Попова* подъ заглавіемъ „Нѣчто относящееся къ древностямъ Пермской губерніи.

**) Русскія древности въ памятникахъ искусства, выпускъ третій 1890 г. стр. 74. Почти каждая изъ описываемыхъ здѣсь находокъ сопровождается рисункомъ.

Толстого и Кандакова перечисляется 50 номеровъ. Многіе изъ нихъ, какъ и въ первомъ греко-римскомъ отдѣлѣ, сопровождаются рисунками. Это большею частію серебряныя блюда, кувшины и кубки съ изображеніемъ охотничьихъ и военныхъ сценъ. Мы упомянемъ здѣсь о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ напримѣръ, подъ № 12 и 13 описываются два блюда изъ коллекціи графа Строганова, найденныя въ Пермской губерніи въ 1872 году. На нихъ изображенъ всадникъ, занятый кабаньей охотой. № 14 изъ той же коллекціи—чаша въ формѣ полушарія съ изображеніемъ трехъ всадниковъ въ сасанидскомъ костюмѣ, сражающихся съ тремя львами. Найдена тамъ же въ 1872 году. № 16—блюдо съ изображеніемъ лежащаго каменнаго барана, найденное въ Пермской губерніи въ 1880 г. № 17—блюдо тамъ же найденное въ 1872 г.; на внутренней сторонѣ его изображено дерево съ обвившеюся вокругъ него змѣей, а подлѣ него съ каждой стороны по одному каменному барану. № 25—кубокъ конической формы, съ изображеніемъ человѣческой фигуры, сидящей на леопардѣ; чаша индусской работы изъ коллекціи графа Строганова. № 29—чаша индусскаго стиля и работы, найденная въ Слуткѣ Пермской губерніи, изъ собранія графа Строганова. Внѣшняя сторона этого сосуда богато орнаментирована. Въ срединѣ полукругомъ изображено по лежащему оленю или сахатому (весь складъ, въ особенности морда вполнѣ соотвѣтствуютъ этому послѣднему животному, но рога болѣе приближаются къ оленьимъ). № 30—блюдо въ Императорской Археологической Комиссіи, получено изъ Вятки. Въ среднемъ медальонѣ представлена башня, опирающаяся на оленя, кругомъ разводы виноградной лозы. № 31 серебряный кувшинъ, найденный въ Пермской губерніи; внутри арки представлена женская фигура въ нимбѣ, съ попугаемъ на лѣвой рукѣ и съ двумя геніями и павлинами внизу. № 32—серебряный кувшинъ персидской работы, сасанидскаго времени, съ изображеніями четырехъ пляшущихъ женщинъ. Найденъ въ Пермской губерніи. № 34—блюдо изъ собранія графа Строганова. На немъ изображенъ сасанидскій царь верхомъ, на всемъ скаку стрѣляющій въ убѣгающаго вепря. № 39—серебряный кувшинъ съ ручкою и крышкою, найденный въ 1878 г. въ Слутской волости, Пермской губерніи; (изъ собранія графа Строганова); работа выполнена прекраснымъ рельефомъ, фонъ позолоченъ. № 40—блюдо изъ собранія А. Ѳ. Лихачева въ Казани. На немъ изображенъ сасанидскій царь, сидя на верблюдѣ и имѣя позади себя маленькую женскую фигуру, стрѣляющій изъ лука въ козулю. № 58 серебряный дискъ VI вѣка, найденный въ Березовскомъ округѣ и представляющій „поклоненіе кресту“, съ двумя ангелами, славящими крестъ и 4 евангельскими рѣками, текущими отъ подножія его (Изъ собранія графа Строганова).

Въ 1886 г. я видѣлъ въ Тюмени у директора реальнаго училища И. Я. Словцова круглое серебряное блюдо, 23 сентим. въ діаметрѣ, съ

изображеніемъ на внутренней его поверхности крылатыхъ драконовъ и птицъ. Здѣсь же мнѣ показывали серебряную бляху, въ родѣ тарелки, 17 сент. въ діаметрѣ, съ изображеніемъ на лицевой ея сторонѣ трехъ человѣческихъ фигуръ, изъ коихъ средняя имѣетъ на головѣ нѣчто въ родѣ короны съ тремя зубцами. На краю бляхи припаяно для подвѣшиванія мѣдное ушко грубой работы. Блюдо и бляха доставлены исправникомъ изъ Обдорска, взятые изъ самоѣдской кумирни, гдѣ, какъ мнѣ передавали, эти предметы употреблялись самоѣдами при ихъ языческомъ богослуженіи. По поводу этихъ предметовъ мнѣ пришлось слышать въ Тобольскѣ отъ рыбопромышленниковъ, ежегодно бывающихъ въ Березовскомъ и Обдорскомъ краѣ, что остяки и самоѣды привыкли считать подобныя блюда священными и помѣщаютъ ихъ въ кумирняхъ потому, что находятъ ихъ случайно въ землѣ, чаще всего при обвалѣ береговъ рѣкъ. Случается, что такія серебряныя находки, если онѣ не соотвѣтствуютъ ихъ вкусу или требованіямъ языческаго культа, они передаютъ тобольскимъ купцамъ для выдѣлки изъ найденнаго серебра предметовъ того рисунка, какой требуется язычникамъ. Упомянутое Тюменское блюдо и бляха, повидимому, принадлежатъ къ тобольскимъ издѣліямъ этого рода.

Возвращаясь съ низовьевъ Оби, тобольскіе рыбопромышленники и рабочіе иногда привозятъ съ собой разные археологическіе предметы, найденные случайно, или пріобрѣтенные отъ инородцевъ, и продаютъ ихъ старьевщикамъ на сплавъ. Часть такихъ находокъ, случайно замѣченная у лавочниковъ, была пріобрѣтена для Тобольскаго музея, гдѣ я ихъ видѣлъ въ 1890 году. Изъ нихъ я упомяну здѣсь: 1) круглую серебряную бляху съ рельефнымъ изображеніемъ Діаны, повидимому, греческой работы. 2) Такая же бронзовая или латунная литая бляха съ рельефнымъ изображеніемъ южнаго пейзажа,—какой то богини и двухъ мужчинъ въ персидскомъ одѣяніи. Найдена на р. Кондѣ. 3) Нѣсколько круглыхъ литыхъ пластинокъ съ припаяннымъ къ каждой изъ нихъ ушкомъ. На лицевой ихъ сторонѣ находится рельефное изображеніе одного изъ слѣдующихъ животныхъ: орла, лебедя, коня. На другихъ пластинкахъ большого размѣра и безъ ушковъ представлены: 1) центавръ въ конической шапкѣ на человѣческой головѣ, съ натянутымъ лукомъ и стрѣлою въ рукахъ; 2) такой же крылатый центавръ съ копьемъ въ рукѣ; 3) всадникъ на конѣ съ копьемъ въ рукахъ. Эти предметы проданы были на толкучемъ рынкѣ рыбаками, возвратившимися изъ Обдорска, поэтому можно думать, что они были найдены на берегахъ Оби, ниже Березова.

Въ 1891 году въ Глазовскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, близь деревни Качкашуры, было найдено въ одномъ мѣстѣ десять серебряныхъ шейныхъ обручей (гривенъ), доставленныхъ въ Императорскую Археологическую Ко-

миссiю. Одинъ экземпляръ этой находки Комиссiя препроводила въ даръ музею Томскаго университета, при отношенiи отъ 27 iюля 1892 года (каталогъ № 4773). Въ Пермской и Вятской губернiяхъ также неоднократно были находимы клады изъ серебряныхъ слитковъ или такъ называемыхъ старыхъ рублей.

Всѣ находки, сдѣланныя на почвѣ древней Великой Перми и занесенныя въ археологическую литературу было бы невозможно перечислить, не говоря уже о громадномъ числѣ подобныхъ же предметовъ, поступившихъ къ старьевщикамъ и переплавленныхъ въ другiя издѣлiя. Но и перечисленныхъ литературныхъ указанiй достаточно, чтобы убѣдиться въ фактѣ необыкновенно обильнаго прилива серебра въ Пермскую область въ монетахъ и издѣлiяхъ. Изъ тѣхъ же данныхъ можно видѣть: 1) что серебро это было не мѣстное, а привозное, 2) что наибольшая его часть шла изъ южныхъ странъ Азiи, частiю изъ Византiи. 3) Почти несомнѣнно, что наибольшая часть этого серебра попадала сюда вслѣдствiе торговыхъ сношенiй пермскихъ купцовъ съ азiатскими купцами и 4) цвѣтущее время такой оживленной торговли, судя по монетамъ и серебрянымъ издѣлiямъ, необходимо отнести къ первымъ вѣкамъ послѣ Р. Х. (II—VI столѣт.). Въ мусульманскую эпоху эта торговля хотя и продолжалась, при посредствѣ болгаръ, но уже видимо клонилась къ упадку.

Теперь желательно было бы уяснить себѣ вопросъ: могла ли торговля одной пушниной привлекать въ сѣверную часть Пермской и Вятской губернiи такую массу серебра и не было ли здѣсь въ древнѣйшее время другихъ источниковъ богатства? Какъ бы высоко ни цѣнились шкурки соболей, бобровъ, куницъ и чернобурыхъ лисицъ, онѣ все же, мнѣ кажется, не могли бы дать въ обмѣнъ нашимъ сѣвернымъ областямъ такого обилiя именно серебра. Далѣе, почему это серебро сосредоточивается главнымъ образомъ въ Пермскомъ и Вятскомъ краѣ, за Камой, а не въ другихъ торговыхъ центрахъ, которые въ то же отдаленное время несомнѣнно существовали и въ древней Камской Болгарiи, и на югѣ нынѣшней Россiи, а можетъ быть и въ Новгородской области. Пушнина, какъ и въ настоящее время, даетъ богатство пришлымъ купцамъ, эксплоатирующимъ этотъ промыселъ, а не странѣ, гдѣ водятся дорогiе звѣри. Поэтому я позволяю себѣ думать, что древняя Великая Пермь богатѣла не отъ одного звѣроловства, а столь же, если не болѣе, отъ мѣстной и *сибирской горной промышленности*.

Извѣстно, что ни одна область европейскаго материка не обладаетъ такими богатыми рудными мѣсторожденiями, какъ сѣверовосточная Россiя и Сибирь. Въ древнiя времена во всемъ культурномъ мiрѣ самымъ употребительнѣйшимъ металломъ служила мѣдь, изъ которой, въ соединенiи съ оловомъ или свинцомъ, приготовлялась бронза, имѣвшая такое же широкое примѣненiе ко всѣмъ житейскимъ потребностямъ, какъ нынѣ желѣзо. Золото

и серебро всегда считались болѣе рѣдкими и дорогими металлами, какъ предметы роскоши. Главнымъ мѣсторожденіемъ всѣхъ этихъ металловъ искони вѣковъ служила Азія. Разработка ихъ въ Европѣ началась слишкомъ поздно и рѣдко достигала очень большихъ размѣровъ. Между тѣмъ спросъ на металлы съ каждымъ столѣтіемъ возрасталъ больше и больше. Ближайшія страны Малой и передней Азіи, со включеніемъ даже Африки и Кавказа, не могли вполнѣ удовлетворить этой потребности. Поэтому естественно предположить, что въ древности всюду должны были розыскивать мѣдь и серебро, гдѣ только они находились въ природномъ состояніи. Европейская и Азіатская Скиѳія, по свидѣтельству греческихъ историковъ, всегда изобиловала этими металлами и широко пользовалась ими не только для своихъ мѣстныхъ потребностей, но, можно предполагать, и для вывоза въ другія страны. Правда, въ древней классической литературѣ мы не имѣемъ прямыхъ указаній на торговлю этого рода, подобно торговлѣ янтаремъ и оловомъ, но это могло происходить отъ того, что скиѳская мѣдь и серебро попадали въ Европу не прямымъ, а окольнымъ путемъ, черезъ Южную Россію и Азію, съ Каспійскаго моря. Для того, чтобы высказанная нами гипотеза имѣла долю основанія, мы должны разсмотрѣть фактическую сторону добычи металловъ въ древней Скиѳіи.

Со второй половины прошлаго столѣтія, когда наши знаменитые ученые путешественники *Палласъ*, *Лепехинъ*, *Гмелинъ* и *Рычковъ* указали на весьма любопытные факты осмотрѣнныхъ и описанныхъ ими, такъ называемыхъ, Чудскихъ копей въ Уральскихъ и Алтайскихъ горахъ, читающему міру стало извѣстно, что уральская и сибирская металлургія ведетъ свое начало съ древнѣйшихъ временъ. Эти факты еще раньше, чѣмъ они были занесены въ литературу, ближе были извѣстны мѣстнымъ горнымъ промышленникамъ. Не только въ Сибири, но также въ Вятской, Пермской и Уфимской губерніяхъ нѣтъ въ настоящее время почти ни одного пріиска, который не былъ бы открытъ по слѣдамъ древнихъ рудныхъ разработокъ. Многіе изъ нихъ, особенно серебро-свинцовые на Алтаѣ, работали почти исключительно на старыхъ отвалахъ *). Въ этихъ, уже переработанныхъ въ древности, кучахъ оставалось

*) Профессоръ *Щуровскій* въ извѣстномъ своемъ сочиненіи „*Геологическое путешествіе по Алтаю*“ (Москва 1846 г.) говоритъ: „Здѣсь повсюду встрѣчаются слѣды горныхъ работъ, производимыхъ какими то древними народами. Работы ихъ, называемыя обыкновенно *Чудскими копями*, такъ многочисленны, что почти нѣтъ ни одного рудника, сколько нибудь значительнаго въ наше время, который бы предварительно не былъ развѣданъ древними горорытцами, или не былъ Чудскою копью“ (стр. 4). Профессоръ Э. И. *Эйхвальдъ* еще подробнѣе разсматриваетъ этотъ вопросъ въ спеціальной статьѣ о „*Чудскихъ копяхъ*“ (Записки Импер. Археол. общ. т. IX, вып. 2-ой Спб. 1857 г. стр. 269—370). Между прочимъ онъ говоритъ: „Безчисленныя Чудскія копи указываютъ на обширное производство драгоцѣнныхъ металловъ Чудью на Алтаѣ, и на то, что она (Чудь) занималась горнымъ промысломъ не только для собственнаго употребленія, *но и преимущественно для обширной торговли съ народами южной Россіи*, какъ о томъ уже упоминаютъ Геродотъ и Страбонъ“ (стр. 275).

еще такое обильное количество серебра, что Алтайскими заводами изъ Чудскихъ отваловъ было извлечено болѣе 20,000 пудовъ этого металла. Отсюда можно заключить, какъ были богаты руды въ древности. Профессоръ Эйхвальдъ по этому поводу замѣчаетъ: „Всѣ штоки (или рудныя жилы), идущіе отъ нѣдръ земли обыкновенно расширяются кверху и съуживаются внизу, такъ что благородные металлы болѣе изобилуютъ въ верхнихъ пластахъ и дѣлаются бѣдными въ нижнихъ; это, безъ сомнѣнія, главная причина, почему Чудь обработывала одни верхніе пласты, а русскіе рудокопы, не находя болѣе богатыхъ поверхностныхъ пластовъ, принуждены были спускаться въ нижніе“ (стр. 274). Разработывая болѣе рыхлые, поверхностные пласты, древніе рудокопы ограничивались этимъ потому, что поверхностныя руды въ то время были слишкомъ богаты и многочисленны, слѣдовательно, не было надобности слишкомъ углубляться въ нѣдра земли. Кромѣ того для разработки жилъ въ твердыхъ каменныхъ породахъ въ то время не было достаточно крѣпкихъ орудій и нужныхъ для того техническихъ средствъ. Наибольшая часть Чудскихъ копей разработывалась въ бронзовомъ вѣкѣ *). Орудіями для этого служили мѣдныя и бронзовыя кирки и топоры и массивные каменные молотки, но въ шахтахъ ни разу не было найдено ни стальныхъ, ни желѣзныхъ орудій. Это обстоятельство, между прочимъ, показываетъ, съ какого отдаленнаго времени началось въ Сибири и на Уралѣ горнозаводское дѣло.

Древніе сибирскіе и уральскіе рудокопы добывали главнымъ образомъ мѣдь и серебро, но послѣднее, повидимому, не столько для своихъ мѣстныхъ потребностей, сколько для торговли съ другими странами. На такое предположеніе наводятъ археологическія данныя. Въ древнихъ курганныхъ могилахъ и городищахъ Сибири оказывается масса бронзовыхъ и мѣдныхъ издѣлій мѣстнаго производства, но серебряныя вещи встрѣчаются, довольно рѣдко. Между тѣмъ, судя по копямъ и отваламъ мы ясно видимъ, что серебра добывалось на Алтаѣ очень много и оно непремѣнно должно было бы встрѣчаться въ древнихъ могилахъ, если бы мѣстные жители употребляли его исключительно для своихъ потребностей. Этого, однако же, не оказывается. Отсюда является естественное предположеніе, что серебро вывозилось изъ Сибири въ другія страны не въ издѣліяхъ, а въ металлѣ, можетъ быть потому, что въ другихъ странахъ, гдѣ нѣтъ его мѣсторожденія, оно цѣнилось слишкомъ высоко.

*) Слово *Чудской* мы употребляемъ здѣсь не въ этнографическомъ смыслѣ, какъ оно понималось на Руси въ примѣненіи къ финскимъ народностямъ, а въ условномъ значеніи, слѣдуя общепринятой, хотя и неправильной терминологіи. По старымъ легендамъ у насъ привыкли всѣ русскія древности приписывать миѳической Чуди, не соединяя съ этимъ названіемъ опредѣленнаго представленія о дѣйствительной народности, которую должно разумѣть подъ этимъ именемъ.

Естественныя мѣсторожденія серебряныхъ рудъ встрѣчаются вообще не часто. Въ наше время изъ всѣхъ странъ стараго свѣта въ этомъ отношеніи первенствующее значеніе имѣютъ Сибирь и Австрія, въ остальныхъ же странахъ Европы и Азіи серебра добывается немного*). Можно предполагать, что подобныя же условія, какъ вытекающія изъ природы названныхъ странъ, существовали и въ древности. Слѣдовательно, судя по современнымъ даннымъ, старый континентъ Европы и Азіи не могъ изобиловать серебромъ. По свидѣтельству *Геродота* его добывали въ горахъ Лидіи и Македоніи и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Малой Азіи**). Римляне вначалѣ совсѣмъ не имѣли собственнаго серебра, а получали его въ видѣ дани отъ покоренныхъ народовъ. По этому поводу *Плиній* замѣчаетъ слѣдующее: „Для меня удивительно то, что Римскій народъ всегда налагалъ на побѣжденныхъ дань не золотомъ, а серебромъ. Такъ напр. Карфагеняне, побѣжденные при Аннибалѣ, должны были платить ежегодно по 16 тысячъ фунтовъ серебра въ теченіе 50 лѣтъ, что въ общемъ составило 800 тысячъ фунтовъ, но при этомъ совсѣмъ не упоминается о золотѣ (nihil auri). И это происходило не потому, чтобы на свѣтѣ не было золота. Уже Мидасъ и Крезъ обладали несмѣтнымъ количествомъ этого металла, а Киръ при своихъ завоеваніяхъ въ Азіи собиралъ съ покоренныхъ народовъ дань золотомъ въ 34 тысячи фунтовъ, не считая золотыхъ вазъ и другихъ золотыхъ издѣлій„ ***). Изъ этихъ словъ Плинія можно заключить, что Римляне больше дорожили серебромъ, чѣмъ золотомъ, такъ какъ послѣдняго въ древности добывалось очень много (въ Египтѣ, на Кавказѣ, въ Бактріи и въ Индіи), поэтому и пріобрѣсти его было легче. Отсюда же можно видѣть, что въ ближайшихъ къ Риму провинціяхъ (въ нынѣшней Австріи, гдѣ имѣется много серебряныхъ рудъ), во времена Плинія серебро совсѣмъ не разработывалось, иначе авторъ упомянулъ бы объ этомъ. Онъ не говоритъ также о добычѣ серебра и въ Германіи, изъ чего можно заключить, что въ названныхъ странахъ наиболѣе богатыя мѣсторожденія его не были еще открыты.

Во времена Плинія самые богатые серебряные рудники находились въ Испаніи. Они разработывались здѣсь еще со времени Аннибала. Отсюда бы-

*) По даннымъ 1845 года Алтайскіе рудники ежегодно давали по *1000 пудовъ серебра*, изъ которыхъ на петербургскомъ монетномъ дворѣ отдѣлялось отъ *30 до 35 п. чистаго золота*. Изъ остальныхъ европейскихъ государствъ, Бельгія выработывала всего 10 пудовъ, Баденъ 19 п., Савойя 35 п., Франція 54 п., Нассау 54 п., Англія 300 п., Пруссія 342 п., Швеція 392 п., Гарцъ 700 п., Саксонія 942 п., и Австрія 2856 п. въ годъ. Послѣ открытія Америки самая громадная масса серебра получалась изъ этой страны, преимущественно изъ Мексики. Въ половинѣ текущаго столѣтія отсюда ежегодно вывозилось до 29 тыс. пудовъ серебра. (*Щуровскій*. Путеш. по Алтаю, стр. 24).

**) *Геродотъ* V, 17, 49; VII, 112 144. О Вавилонскомъ серебрѣ III, 92,95. Въ показаніяхъ Геродота о серебрѣ, которое подвластные Персіи народы вносили Дарію въ видѣ подати, трудно опредѣлить, было ли это серебро мѣстное, или привозное.

***) *Plinii Secundi*, Naturalis historiae lib. XXXIII c. 15. Trad. Littré, Paris 1855.

ло извлечено то серебро, полученное Римлянами отъ Карѳагенянъ въ видѣ дани, о которомъ было говорено выше (l. c. lib. XXXIII, 31). Описывая въ подробностяхъ способы добычи и обработки серебро-свинцовыхъ испанскихъ рудъ, Плиній ничего не говоритъ объ азіатскомъ серебрѣ, о которомъ писалъ Геродотъ. Принимая во вниманіе этотъ кажущійся пробѣлъ въ книгѣ автора, вообще отличающагося необыкновенной тщательностью и подробностью при разсмотрѣніи каждаго вопроса, особенно по части металлургіи, невольно является мысль, что при жизни Плинія Малая Азія и Персія уже истощили свои естественныя металлоносныя богатства. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что рудныя мѣсторожденія вообще не могутъ считаться неисчерпаемыми, а въ Малой Азіи и Персіи они разработывались съ древнѣйшихъ временъ (Троянское и Вавилонское серебро), потому, естественно, должны были истощиться. Во всякомъ случаѣ, они едва ли могли удовлетворять возрастающему съ каждымъ вѣкомъ спросу на серебро и дать ту массу металла, которая потомъ оказывается въ Персіи въ эпоху Сассанидовъ.

Погоня за драгоцѣнными металлами во всѣ времена представляла одну изъ выдающихся человѣческихъ слабостей. Не ограничиваясь тѣми богатствами, какія природа дала каждой странѣ, корыстолюбіе побуждало людей искать золото и серебро всюду, гдѣ его можно было получить. Въ эту сферу далекихъ поисковъ издавна включены были и наши мѣсторожденія: Алтайскія, Акмолинскія и Уральскія. Передаваемыя Геродотомъ басни о муравьяхъ, величиной съ собаку, добывающихъ золотой песокъ гдѣ-то въ сѣверо-восточной пустынѣ, и о грифахъ, стерегущихъ золото на сѣверѣ за Аримаспами, заключаютъ въ себѣ намекъ на доставку дорогихъ металловъ именно изъ нашихъ странъ *). Самая форма приводимыхъ Геродотомъ басно-

*) *Геродотъ*, кн. III, 16. Здѣсь сказано: „Въ сѣверной части Европы есть несомнѣнно очень много золота, но о способѣ его добыванія я не могу сказать ничего достовѣрнаго. Разсказываютъ, впрочемъ, что одноглазые Аримаспы похищаютъ его у грифовъ. Однако, я не вѣрю въ существованіе людей одноглазыхъ“. По сопоставленію съ дальнѣйшимъ текстомъ той же книги ясно усматривается, что здѣсь идетъ рѣчь о сѣверномъ Уралѣ. Относительно индійскаго золота у *Геродота* сказано (III, 102), что за нимъ ходятъ жители сѣверной Индіи въ какую то пустыню, на верблюдахъ. Разсказы эти авторъ слышалъ отъ персовъ, посѣщавшихъ Бактрію. Поэтому можно догадываться, что здѣсь рѣчь идетъ о степяхъ южной части Акмолинской и Семипалатинской области, гдѣ дѣйствительно существуютъ золотыя розсыпи и также находятся слѣды древнихъ разработокъ руднаго золота. Басня о муравьяхъ—очевидный вымыселъ, точно также какъ и о грифахъ, стерегущихъ золото на сѣверѣ и объ одноглазыхъ людяхъ. О муравьиномъ золотѣ имѣются также разсказы въ древнихъ индѣйскихъ книгахъ. Извѣстный санскритологъ *Ляссенъ* пріурочиваетъ страчу, откуда получалось такое золото, къ *Кашмиру* или *Кашгару*, гдѣ жилъ народъ *Касы* (откуда *khaça-hairi*, т. е. гора касовъ). Муравьевъ (по санскритски pipilica) онъ принимаетъ за тибетскихъ сурковъ. Басни объ индійскомъ золотѣ могли существовать независимо отъ персидскихъ разсказовъ, о которыхъ сообщаетъ Геродотъ. Первый грекъ, посѣтившій сѣверную Индію былъ *Скилаксъ* (въ 509 г. до Р. X.), но болѣе точныя свѣдѣнія объ этой странѣ доставилъ *Ктезій* (въ 398 г. до Р. X.); онъ же первый сообщилъ о муравьиныхъ кучахъ, въ которыхъ находятъ золото, объясняя, что подъ муравьями слѣдуетъ разумѣть сурковъ, которые будто-бы собираютъ золото въ свои норы. Геродотъ, очевидно, сообщилъ свѣдѣнія не по Ктезію (жившему позднѣе), слѣдов., его разсказъ могъ относиться не къ Кашгару, или къ Кашмиру, а къ болѣе близкимъ и доступнымъ золотоноснымъ странамъ, за рѣкою Яксартомъ, откуда бактрійцы и персы также могли получать золото.

словныхъ разсказовъ доказываетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о такихъ странахъ, которыя не были въ точности извѣстны ни персамъ, ни грекамъ. Это вѣроятнѣе всего могло относиться къ Уралу и къ южнымъ областямъ Западной Сибири, гдѣ несомнѣнно существовала добыча золота и серебра въ древнѣйшія времена.

По словамъ Эйхвальда, уральское и алтайское золото находится непосредственно подъ дерномъ, нерѣдко довольно большими самородками, одинъ близъ другого, отъ 1 до 10, иногда до 50 фунтовъ, даже, какъ въ Міясскомъ округѣ Уральскаго хребта, до двухъ и болѣе пудовъ вѣсомъ. Самородковъ въ древнія времена было вѣроятно еще больше, а потому неудивительно, замѣчаетъ Эйхвальдъ, что „греческія колоніи на берегахъ Черноморскихъ еще въ глубокой древности узнали объ этомъ золотѣ, составлявшемъ главный предметъ торговли съ Алтаемъ и Ураломъ“ (l. c. стр. 279). Профессоръ *Щуровскій* по тому же вопросу говоритъ о Змѣиногорскомъ рудникѣ слѣдующее: „этотъ рудникъ, разработываемый нѣкогда Чудью, былъ чрезвычайно богатъ самороднымъ *серебромъ*, даже въ то время, когда открытъ русскими. Самороднаго серебра, какъ говоритъ недавнее преданіе, было такъ много, что нѣсколько работниковъ употреблялись для того только, чтобы отбирать его простыми руками, и даже поставлялось въ обязанность каждому изъ нихъ набрать въ сутки рукавицу чистаго серебра*)“ (l. c. стр. 392). Тоже самое замѣчалось и относительно самородной мѣди. Въ Акмолинской и Семипалатинской области даже въ новѣйшее время часто находили большіе куски этого металла не въ оруденѣломъ, а въ чистомъ видѣ. Въ 1888 году при открытіи Томскаго университета мнѣ доставлены были изъ этихъ мѣстъ два довольно большихъ куска почти чистой мѣди, переданные мною въ минералогическій музей. Въ Каркаралинскихъ горахъ, въ 1857 г. найденъ былъ громадный самородокъ мѣди, въ которомъ оказалось *до 400 пудовъ вѣсу* **).

Встрѣчавшіеся почти на поверхности земли самородки золота, серебра и мѣди по всей вѣроятности служили первыми указателями рудныхъ мѣсторожденій для древнихъ обитателей разсматриваемыхъ нами мѣстъ. При та-

*) Чтобы имѣть понятіе о количествѣ встрѣчающихся на Уралѣ и Алтаѣ самородковъ *золота*, мы сошлемся на данныя, сообщенныя въ книгѣ проф. *Щуровскаго* (путеш. по Алтаю, стр. 271). Въ 1838 г. сдѣлано было распоряженіе, чтобы самородки, превышающіе вѣсомъ 1 фунтъ были доставляемы въ музей горнаго института. Въ 1841 г., т. е. въ продолженіи двухъ лѣтъ, такихъ самородковъ накопилось уже въ музеѣ до 27 пудовъ. Въ 1842 году былъ найденъ въ Міясскомъ округѣ самородокъ въ 2 пуда 7 фунт. 32 золотн. чистаго золота. По этимъ образчикамъ можно судить, сколько могло быть собираемо самороднаго золота въ древнія времена, не говоря уже о промывкѣ песковъ и разработкѣ золотоносныхъ рудъ. Масса скиоскаго золота сохранилась въ древнихъ курганныхъ могилахъ, но, вѣроятно, несравненно больше того вывозилось въ другія страны при торговлѣ. Тоже самое можно сказать и о серебрѣ.

**) Красовскій. Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Область сибирскихъ киргизовъ ч. I стр. 279. Спб. 1868 г.

комъ необычайномъ изобиліи драгоцѣнныхъ металловъ и при ихъ легкой доступности вполнѣ естественно, что древніе сибирскіе жители очень рано развили у себя въ широкихъ размѣрахъ горный промыселъ, который превышалъ ихъ личныя потребности и долженъ былъ представлять крупную статью вывоза въ чужія страны. Поэтому, едва ли въ какой либо другой мѣстности, или даже въ странѣ свѣта, встрѣчается такое множество слѣдовъ древнихъ рудныхъ разработокъ, какъ въ Сибири и на Уралѣ. Всѣ онѣ несомнѣнно относятся къ бронзовому вѣку, такъ какъ ни въ одной старой копи не было до сихъ поръ найдено желѣзныхъ орудій, но исключительно мѣдныя, бронзовыя и каменныя (кайлы, топоры, молоты и т. п.). Слѣдовательно, мы имѣемъ полное основаніе отнести эти горныя работы не позднѣе эпохи Р. Х., а многія изъ нихъ, вѣроятно, гораздо раньше.

Древніе сибирскіе рудокопы несомнѣнно обработывали руду и выплавляли металлы на мѣстѣ. На это есть много доказательствъ. Въ старыхъ рудникахъ, или вблизи ихъ нерѣдко находили массу шлаковъ, какъ слѣды древнихъ плавильныхъ работъ,—большіе глиняные горшки, или обломки ихъ, въ которыхъ производилась плавка, и самыя плавильныя печи. Равнымъ образомъ много разъ были находимы и орудія (формы) металлическихъ отливокъ, соотвѣтствующія тѣмъ бронзовымъ и мѣднымъ предметамъ, какіе встрѣчаются въ древнихъ курганныхъ могилахъ (копья, стрѣлы, топоры, разныя украшенія и т. п.). Здѣсь мы не можемъ цитировать подобныя находки, такъ какъ ихъ было очень много и свѣдѣнія объ нихъ помѣщались въ разныхъ археологическихъ и другихъ изданіяхъ. Въ свое время, при частномъ описаніи предметовъ (во второй, спеціальной части) мы подробнѣе укажемъ на такіе примѣры.

Въ настоящей главѣ было бы также неумѣстно въ подробности перечислять всѣ, весьма многочисленные пункты, гдѣ до настоящаго времени были найдены слѣды древнихъ рудныхъ работъ. Здѣсь мы имѣемъ въ виду лишь въ общихъ чертахъ опредѣлить районы такъ называемаго чудскаго, или, правильнѣе, скиѳскаго горнаго промысла, чтобы отсюда вывести заключеніе о размѣрахъ этой промышленности и о той торговой роли, какую въ этомъ отношеніи играли Великая Пермь и Камская Болгарія. Намъ кажется весьма правдоподобнымъ, что международное торговое значеніе Перми и Болгаріи, ихъ богатство и слава во многомъ зависѣли отъ торговли сибирскими и уральскими металлами.

Если разсматривать нашъ вопросъ съ хронологической точки зрѣнія, то едвали не самымъ древнимъ райономъ для поисковъ драгоцѣнныхъ металловъ служила нынѣшняя Акмолинская область, именно въ ея южныхъ предѣлахъ, со включеніемъ Каркаралинскаго округа. Въ то далекое время, когда сѣверныя вѣтви арійскихъ народовъ, выдѣлившись изъ общей арійской пра-

родины, жили по сѣверную сторону Яксарта (Сыръ-Дарьи), въ Семирѣчьи и кругомъ озера Балхаша (см. выше стр. 17), самою ближайшею для нихъ металлоносною страною были нынѣшніе Каркаралинскій, Баянъ-Аульскій и Акмолинскій округа. Здѣсь и по настоящее время находятся довольно богатыя серебро-свинцовыя и мѣдныя руды, первыя съ значительнымъ содержаніемъ золота; есть также и золотыя розсыпи*). Всѣ эти мѣсторожденія, заявленныя лишь въ недавнее время, открыты, также какъ на Алтаѣ и Уралѣ, по слѣдамъ древнихъ копей. Приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ изъ книги Красовскаго. „Судя по находимымъ въ области древнимъ копямъ, мѣсторожденія мѣди и свинца съ давнихъ временъ обращали на себя вниманіе прежнихъ ея обитателей. Русскіе же начинаютъ съ практическою цѣлью заниматься изслѣдованіемъ степи въ минералогическомъ отношеніи не раньше начала нынѣшняго столѣтія". Изслѣдованія начались съ оренбургской стороны въ 1814 и въ 1815 г., когда посланная сюда экспедиція отыскала свинцовую гору (Кургашъ-тау) и въ продолженіи 18 дней извлекла отсюда 6046 пудовъ руды, изъ которой получилось 2524 пуда свинца, съ примѣсью серебра и золота. „Въ 20 верстахъ отъ той же горы найдена мѣдная руда, которая дала изъ 10 пудовъ, взятыхъ для образчика, 7 п. 35 ф. чистой мѣди, а куски, взятые *изъ находящихся здѣсь древнихъ отваловъ*, отличались еще большимъ процентомъ металла" (стр. 152). Въ цитированной статьѣ Горнаго Журнала говорится, что одно изъ разсматриваемыхъ мѣсторожденій мѣди въ Акмолинской области киргизы называютъ *мѣдною горою* (Мысътау). Авторъ замѣчаетъ, что „такъ называется древній рудникъ, безъ сомнѣнія принадлежащій къ системѣ Чудскихъ копей, открытыхъ въ Уральскихъ и Алтайскихъ горахъ и въ другихъ мѣстахъ Киргизской степи". „Слѣды этихъ древнихъ копей представляютъ собою воронкообразныя углубленія, окруженныя рудными насыпями, имѣющими болѣе двухъ саженъ вертикальной вышины". „Руды взятыя изъ этихъ насыпей по лабораторнымъ пробамъ оказали содержаніе 10 пудовъ мѣди въ 100 пудахъ руды. Такое богатое содержаніе отваловъ, замѣчаетъ авторъ, доказываетъ, что древніе рудокопы отбирали только такую руду, въ которой содержаніе мѣди было гораздо важнѣйшее, или, можетъ быть, даже бросали они всякій добытый ими рудный кусокъ, если онъ не содержалъ въ себѣ чистой самородной мѣди" (стр. 339). Далѣе въ статьѣ говорится: „По глубинѣ шурфовъ и бурованію, произведеннымъ въ пространствѣ оставленнаго рудника, также по величинѣ рудныхъ насыпей должно полагать, что древнія выработки производились здѣсь долговременно и способомъ такого народа, который въ гражданскомъ домо-

*) *Красовскій*. Область Сибирскихъ киргизовъ, часть I стр. 279—283 и часть II, стр. 151—173.—Горный журналъ 1829 года, часть I, кн. 3-я, стр. 316—344. Статья о горныхъ развѣдкахъ въ Киргизской степи экспедиціею 1815 года.

строительствѣ и горномъ дѣлѣ имѣлъ уже нѣкоторые успѣхи; сіе свидѣтельствуетъ, что не нынѣшніе обитатели киргизской степи суть виновники древнихъ выработокъ" (стр. 338).

Въ 1836 г. была командирована подобная же экспедиція отъ Западно-Сибирскаго генералъ-губернатора для изслѣдованія собственно Акмолинской области. Инженеръ Шангинъ, которому было поручено это дѣло, началъ изслѣдованія съ верховьевъ р. Ишима, откуда прошелъ въ Кокчетавскій округъ и вездѣ находилъ слѣды древнихъ копей и отваловъ, содержащихъ мѣдь и серебро. Двигаясь отъ вершинъ Ишима на югъ по Терсъ-Акану, экспедиція открыла „обширныя древнія выработки мѣдныхъ рудъ, по всей долинѣ руднаго протяженія обработанныхъ разносами древнихъ. Толстота руднаго мѣсторожденія отъ 6 до 15 саженъ, длина отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, судя по *древнимъ работамъ*, на 120 саженъ. Вся поверхность горы покрыта кочками горной сини, зелени, лучистымъ малахитомъ, кирпичной, печенковой и стекловатой мѣдной рудою, которая разбросана либо по отваламъ, либо по окрестнымъ площадямъ въ мѣстахъ сортировки и складки древнихъ рудъ". „Въ среднихъ частяхъ р. Нуры снова показались древнія работы. Наконецъ, въ верховьяхъ Нуры открыты богатѣйшія мѣдныя и серебро-свинцовыя руды на площади въ 30—50 квадратныхъ верстъ".

Относительно древней добычи золота въ разсматриваемой мѣстности существуютъ точныя данныя только для Каркаралинскаго округа, гдѣ были найдены копи и отвалы золотоносныхъ рудъ, разработывавшихся прежними жителями этой страны. Въ томъ же округѣ нынѣ существуютъ и золотыя розсыпи, хотя промывка золотосодержащихъ песковъ нынѣ производится въ незначительныхъ размѣрахъ (всего на 4 пріискахъ), по причинѣ недостаточнаго количества воды и другихъ неблагопріятныхъ условій края. Для насъ въ археологическомъ отношеніи важенъ тотъ фактъ, что Акмолинская область принадлежитъ не только къ числу рудоносныхъ, но и такихъ, гдѣ золото, серебро, мѣдь и свинецъ издревле находились въ верхнихъ слояхъ почвы, нерѣдко большими самородками, слѣдовательно, были весьма доступны для отыскиванія и обработки этихъ металловъ даже при младенческомъ состояніи горнаго дѣла. Акмолинская почва представляетъ собою остатки давно разрушеннаго геологическими процессами горнаго хребта, простиравшагося нѣкогда отъ южнаго Урала къ озеру Балхашу и сливавшагося съ Алатавскими (Семирѣченскими) и Алтайскими горами. Поэтому рудоносныя жилы здѣсь не залегаютъ въ глубокихъ толщахъ твердыхъ горныхъ породъ, а оказываются на поверхности и онѣ прежде всего должны были обратить на себя вниманіе древнихъ жителей.

Тоже самое можно сказать и о золотыхъ розсыпяхъ, которыя здѣсь, особенно въ южной части Акмолинской области, должны были существовать и

эксплоатироваться древними, подобно разработкамъ руднаго золота въ Каркаралинскомъ округѣ, о чемъ мы говорили выше. На этомъ основаніи я считаю болѣе вѣроятнымъ пріурочивать вышеприведенный разсказъ Геродота о похищеніи жителями сѣверной Индіи*) муравьинаго золота не къ Кашгару, какъ предполагаетъ Ляссенъ, а къ степямъ Акмолинской области. Возможно, что уже въ то время сѣверныя и западныя прибрежья Балхаша, за рѣкою Чу (нынѣшняя Голодная степь), представляли собой страну безводную и безлѣсную, потому къ нимъ примѣнимо употребленное Геродотомъ выраженіе—*Пустыня.* Населенныя мѣста здѣсь начинались, не считая Каркаралинскаго округа, только къ сѣверу отъ рѣки Нуры и съ верхнихъ притоковъ Ишима и Тобола (уѣзды Баянъ-Аульскій, Акмолинскій и Атбасарскій), гдѣ до сихъ поръ видны слѣды болѣе или менѣе осѣдлой жизни, судя по сохранившимся многочисленнымъ курганнымъ могиламъ. Южнѣе этой полосы (къ Балхашу), гдѣ нѣтъ кургановъ, но существуютъ слѣды древнихъ рудныхъ работъ, очевидно, не было постояннаго населенія; сюда ходили только на промыслы для добычи металловъ, какъ нынѣ ходятъ въ горныя пустыни Якутской области, наприм. на Витимъ, или на Олекму**).

Изъ Акмолинской области древніе рудоискатели могли распространять свои дальнѣйшіе поиски металловъ въ двухъ ближайшихъ направленіяхъ: къ сторонѣ Алтая, черезъ Каркаралинскъ, и къ сторонѣ Южнаго Урала. Семипалатинская область и западный Алтай давали очень много золота и серебра, что подтверждается массой золотыхъ издѣлій, открытыхъ въ курганныхъ могилахъ именно этой области. Профессоръ Щуровскій приводитъ описаніе одной изъ такихъ могилъ, гдѣ трупъ былъ положенъ на золотой выбитой тонкой доскѣ и сверху тоже былъ покрытъ золотыми листами, толщиною въ писчую бумагу. Всего золота здѣсь оказалось около пуда; потому эту могилу и доселѣ называютъ пудовикъ (l. c. стр. 392). Золотыя и серебряныя вещи, хранимыя въ музеяхъ С.-Петербургской академіи наукъ и Императорскаго эрмитажа, большею частію получены съ Иртыша и верхняго Тобола. Въ

*) Во времена Геродота границы Индіи представлялись смутно. Въ приведенномъ текстѣ выраженіе „*другіе индійцы* (которые ходятъ за золотомъ въ пустыню), *живущіе на сѣверъ отъ прочихъ индійцевъ*", можетъ быть относимо не только къ Кашгару, но и къ болѣе сѣвернымъ странамъ, напримѣръ къ нынѣшней Кульджѣ, или даже къ горнымъ областямъ около Иссыкъ-Куля.

**) Источники полученія золота, особенно въ древности, всегда окружались таинственностью, что порождало у греческихъ писателей различныя басни по этому поводу. У индусовъ тоже существовали разсказы, что страна, откуда привозили золото въ Индію, представляетъ страшную пустыню. За нимъ ходятъ вооруженной толпой въ 1000—2000 человѣкъ, которые собираютъ золото по ночамъ, чтобы избѣжать нападенія грифовъ. Возвращаются назадъ (въ Индію) съ этого промысла на третій, или на четвертый годъ (Ляссенъ). Все это показываетъ, что золото какъ въ Индіи, такъ и въ Персіи и Греціи привозилось откуда-то издалека, изъ странъ невѣдомыхъ. Къ числу такихъ странъ могла относиться и наша Западная Сибирь, такъ какъ здѣсь въ древности золото несомнѣнно добывалось наравнѣ съ серебромъ и мѣдью.

одномъ курганѣ на лѣвомъ берегу р. Алея, въ 60 верстахъ отъ Локтевскаго завода, въ разныя времена было вырыто болѣе 60 фунтовъ золота, въ конскихъ уборахъ и другихъ вещахъ, что и подало поводъ назвать его золотаремъ (тамъ же). О золотѣ, добываемомъ по сію пору изъ курганныхъ и пещерныхъ могилъ Кокпектинскаго округа мною уже было говорено выше (въ предисловіи стр. XXI, примѣч.). Въ путешествіи Палласа упоминается нѣсколько разъ о томъ, что въ юго-западныхъ частяхъ Барнаульскаго округа и въ степи между Барнауломъ и Семипалатинскомъ, въ прошломъ столѣтіи существовалъ у крестьянъ организованный промыселъ для отыскиванія, такъ называемаго, бугроваго или могильнаго золота. Масса этого металла добывалась крестьянами хищнически изъ разрываемыхъ древнихъ могилъ. И все это золотое богатство, похороненное въ курганныхъ могилахъ азіатскихъ скиѳовъ, въ свое время добывалось тутъ же на мѣстѣ, а не привозилось изъ другихъ странъ. На это указываютъ слѣды древней разработки золотоносныхъ охристыхъ рудъ и старые отвалы отъ промывки песковъ. Едвали въ самой Индіи, или въ смежныхъ съ нею странахъ по сѣверную сторону Гималаевъ и Памировъ, въ Кашгарѣ и Яркендѣ, столь прославляемыхъ древними писателями за добычу золота, найдутся такія осязательныя и безспорныя доказательства древней золотопромышленности, какія оказываются въ нашей Сибири. И что особенно важно, эти доказательства вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ и на эпоху издревле процвѣтавшаго въ Сибири горнаго дѣла, именно мы имѣемъ всѣ основанія относить это къ тому отдаленному времени, когда еще не знали употребленія желѣза, то есть приблизительно ко временамъ Геродота, а можетъ быть и раньше того.

Разъ начавшаяся горная промышленность, вслѣдствіе приносимыхъ ею огромныхъ выгодъ, неизбѣжно должна была расширять свои предѣлы, захватывая болѣе и болѣе отдаленные районы. Въ томъ же бронзовомъ вѣкѣ мы видимъ, что горный промыселъ распространился не только по всему Алтаю и въ Саянахъ, но даже въ отдаленнѣйшихъ краяхъ Восточной Сибири. Золотоносныя, серебро-свинцовыя и мѣдныя руды розыскивались и разработывались всюду, гдѣ представлялась къ тому возможность. Въ горахъ Кокпектинскаго, Семипалатинскаго и Устькаменогорскаго округовъ по сіе время продолжаютъ находить незамѣченныя ранѣе, такъ называемыя, Чудскія копи съ бронзовыми орудіями и ясными слѣдами древнихъ работъ *). Объ Алтайскихъ копяхъ

*) Въ 1886 г. П. И. *Сапожниковъ* доставилъ мнѣ для передачи въ музей Томскаго университета два экземпляра бронзовыхъ литыхъ орудій, служившихъ для разбиванія крѣпкой руды, одинъ цѣлый, другой въ обломкѣ. Они найдены на Троицкомъ золотомъ пріискѣ, въ Устькаменогорскомъ округѣ, на двухъ-аршинной глубинѣ золотоноснаго пласта. Цѣльный экземпляръ орудія (№ каталога 1251) имѣетъ форму толстаго, массивнаго прута, 24 сент. длины; оба конца его закруглены въ видѣ пальца, а толстая, выгнутая горбомъ, средина имѣетъ трехгранную форму. Здѣсь же найденный обломокъ подобнаго же орудія (№ 1252) представляетъ собою острый четырехгранный конецъ его.

было уже говорено выше. Здѣсь должно прибавить, что древніе рудоискатели, очевидно, проникали далеко на востокъ, черезъ Кузнецкій хребетъ въ Минусинскій округъ и вообще въ Восточную Сибирь, гдѣ также оказываются слѣды древнихъ рудныхъ разработокъ. Но мы не будемъ такъ далеко уклоняться въ разслѣдованіи этого вопроса и снова обратимся на западъ, въ сторону Великой Перми и Болгаріи, къ южному и среднему Уралу.

Сѣверная половина Акмолинской области, начиная отъ вершинъ р. Ишима (Атбасарскій и Кокчетавскій округъ), и прилежащія части Оренбургской и Тобольской губерній, съ Курганскимъ и Троицкимъ уѣздами, какъ нынѣ, такъ и въ древнія времена представляли страну весьма привольную не только для скотоводства, но и для земледѣлія. Многочисленныя курганныя кладбища доказываютъ, что здѣсь въ бронзовую эпоху было большое, прочно водворившееся населеніе. Эта населенная плодородная полоса связывала горную страну южно-Акмолинской и Семипалатинской области съ горными областями южнаго и средняго Урала, а вытекающія отсюда рѣки, Ишимъ и Тоболъ, съ западными притоками послѣдняго Міясомъ, Исетью, Турой и Тавдой давали выходъ къ сѣверному Уралу и въ Великую Пермь. При такихъ благопріятныхъ гидрографическихъ условіяхъ рудныя богатства Урала не могли не обратить на себя вниманія тѣхъ же рудоискателей, которые такъ усердно занимались этимъ промысломъ въ Акмолинскихъ, Семипалатинскихъ и Алтайскихъ горахъ. Уралъ въ этомъ отношеніи оказался новымъ золотоноснымъ кладомъ, особенно его ближайшій Міасскій округъ, и обильнымъ источникомъ для добычи мѣди. Можетъ быть именно благодаря уральскимъ металламъ, древнее населеніе Сибири, въ поискахъ за ними, прежде всего ознакомилось съ водяными путями, ведущими на западные склоны этого хребта и такимъ образомъ открыло для себя новый міръ—сѣверную половину нынѣшней Европейской Россіи. Слѣды древнѣйшихъ рудныхъ работъ и слѣды охраны рѣчныхъ путей (городища и курганы по берегамъ) могутъ служить доказательствомъ такого предположенія. Къ уясненію этихъ слѣдовъ мы теперь и обратимся.

Уральскія горы заключали и заключаютъ въ себѣ громадныя рудныя богатства, изъ которыхъ въ древности эксплоатировались здѣсь только золото и мѣдь. Богатѣйшія желѣзныя руды оставались неприкосновенными, и это доказываетъ, что древній горный промыселъ на Уралѣ, также какъ и въ Сибирскихъ горахъ, относился къ той эпохѣ, когда еще не знали желѣза. Мѣсторожденія мѣдныхъ рудъ, напротивъ того, разработывались всюду, гдѣ только они открывались на поверхности земли. Слѣдовъ, такъ называемыхъ, Чудскихъ копей на Уралѣ столько же, какъ и на Алтаѣ. Рычковъ по этому поводу говоритъ: „всѣ, находящіяся въ сихъ мѣстахъ (въ Уфимской губерніи и по Южному Уралу) рудокопныя ямы суть Чудскія ко-

ни; но Чудь ли, или другіе какіе иноплеменные народы въ древнія времена обитали въ сей обширной области, того познать очень трудно, а можно справедливо заключить, что сія страна и въ самой древности процвѣтала *мѣдными промыслами*, и что древніе обитатели сихъ мѣстъ были довольно искусны находить металлы, скрытые въ нѣдрахъ земли и употреблять ихъ въ свою пользу. Сіе искусство и знаніе ихъ ни мало не согласно съ мнѣніемъ тѣхъ, кои полагали въ сей странѣ жилища кочующихъ непросвѣщенныхъ и дикихъ народовъ. Обитающіе въ Яицкихъ степяхъ киргизъ-кайсаки достойны сего названія, но самый образъ ихъ житія и непросвѣщенія послужитъ доказательствомъ, что прежде жившіе здѣсь народы были имъ ни мало не подобны" *).

За невозможностью перечислить здѣсь всѣ древнія уральскія копи, о которыхъ упоминается въ запискахъ путешественниковъ и число коихъ далеко еще ими не исчерпывается, мы коснемся только наиболѣе важныхъ пунктовъ этого рода, чтобы показать, гдѣ и какимъ образомъ распространялось горное дѣло (добыча мѣди) на Уралѣ. Здѣсь же, попутно, укажемъ и на древнія городища, обыкновенно располагавшіяся въ тѣхъ же промысловыхъ пунктахъ. Начнемъ съ восточнаго склона южнаго и средняго Урала, откуда, какъ намъ представляется, древніе сибирскіе обитатели курганной эпохи начали эксплоатацію уральскаго горнаго дѣла. Раньше всего, повидимому, ихъ привлекла сюда *масса золота въ самородкахъ* и розсыпяхъ въ Міясскомъ округѣ (см. объ этомъ выше) и *серебряныя руды* по р. *Ую* **). Эти мѣсторожденія серебряной руды описываетъ *Палласъ*, прибавляя, что „отъ нынѣшняго рудника за версту къ Ую на нѣкоторомъ бугрѣ видны *различныя древнія, чудскія или скиѳскія копани* и въ оныхъ является мѣдная жила съ серебросодержащею рудою, въ пядень толщины" ***).

Притоками Тобола *Уемъ*, *Міясомъ*, *Течей* и *Исетью* какъ бы обозначается входъ въ глубину Уральскаго хребта. Съ вершинъ Міяса и Течи лежитъ путь на нынѣшніе заводы *Кыштымскій*, *Каслинскій* и *Полевской* и перевалъ въ бассейнъ р. *Уфы*. На пути между Кыштымомъ и Каслями находится извѣстное озеро, *Иртяшъ*, на берегу котораго, на возвышенномъ холмѣ, Палласъ описываетъ древнее чудское укрѣпленіе. Съ сѣвера оно примыкаетъ къ крутому утесу и озеру, съ прочихъ сторонъ холмъ укрѣпленъ рвомъ, длиною въ 60 саженъ. Недалеко отсюда, на другомъ скалистомъ мысу того же озера, описывается такое же укрѣпленіе еще большихъ размѣровъ

*) *Рычковъ*. Журналъ или дневныя записки путешествія по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства 1769 и 1770 году. С.-Петербургъ 1770 г., стр. 124.

**) Уй, притокъ Тобола въ Троицкомъ уѣздѣ Оренбургской губ. Описываемыя по Ую руды находятся на вершинахъ этой рѣки, въ Міясскомъ округѣ.

***) *Палласъ*. Путешествіе по разнымъ мѣстамъ Россійскаго государства. Часть вторая, кн. I, 1770 г. (путешествія). С.-Петербургъ 1786 г., стр. 150.

(стр. 167—169). Въ этой же мѣстности на мысу озера *Большая Пялляга* находится городище, укрѣпленное валами и рвами въ 1½ сажени глубины. Пространство внутри городища имѣетъ 53 саж. въ поперечникѣ и 130 саж. длины.

Близъ *Полевскаго* завода, на которомъ во времена Палласа ежегодно выплавлялось мѣди до 25 тыс. пудовъ, находится извѣстный по многократнымъ описаніямъ путешественниковъ *Гумешевскій рудникъ*, считавшійся самымъ богатымъ на Уралѣ по содержанію мѣди. Для насъ онъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что здѣсь въ одной изъ древнихъ чудскихъ шахтъ найдены были не только орудія древнихъ рудокоповъ, но даже *воткнутыя въ стѣны полуобгорѣлыя лучины*, коими освѣщались подземныя шахты. Здѣсь же были найдены, незадолго до посѣщенія Палласа, лосинная сумка (12 вершковъ длины и 10 вершковъ ширины) и рукавица, сшитая изъ звѣриной головы, шерстью вверхъ. Въ этомъ рудникѣ чудскія работы простирались въ глубину до 10 и болѣе саженъ, что уже указываетъ на значительное усовершенствованіе горнозаводскаго дѣла, сравнительно съ работами въ Акмолинской области и на Алтаѣ, гдѣ добыча рудъ велась почти исключительно „разносами". *Гумешевскій* рудникъ былъ основанъ на этихъ старыхъ копяхъ. „При заведеніи его, говоритъ Палласъ, найдено было поверхъ земли великое гнѣздо самой лучшей руды". Авторъ полагаетъ, что эта руда была заготовлена древними рудокопами, вынутая изъ горы (стр. 198).

Въ семи верстахъ отъ Полевского завода лежитъ *Сѣверскій* заводъ, въ окрестностяхъ котораго Палласъ указываетъ такія же старыя чудскія шахты. Тотъ и другой заводъ находятся въ близкомъ разстояніи отъ верхнихъ пристаней р. Чусовой, куда сплавляются барки по заводскимъ рѣчкамъ, поднимая въ нихъ высоту воды при помощи заводскихъ прудовъ. Такимъ образомъ производится нынѣ сплавъ издѣлій почти всѣхъ заводовъ средняго Урала, направляющихъ свои продукты либо на Чусовую, либо на Уфу. Той же системой сообщеній, повидимому, пользовались и въ древности, когда по Уральскимъ горамъ не было другихъ путей, кромѣ водяныхъ. Поэтому и древнія рудокопни почти всегда оказываются расположенными вблизи уральскихъ рѣкъ и рѣчекъ. На это обстоятельство нельзя не обратить вниманія, такъ какъ подобное расположеніе древнихъ рудныхъ работъ, очевидно, было разсчитано на судоходство по рѣкамъ (какъ и нынѣ), а это послѣднее давало возможность древнимъ рудоискателямъ, а вслѣдъ за ними и древнему сибирскому населенію вообще, распространяться въ болѣе далекія зауральскія страны.

Главными артеріями сообщеній черезъ средній Уралъ должны были служить р. *Бѣлая* съ *Уфой* и р. *Чусовая*. Первая открывала путь въ Камскую Болгарію, вторая въ Великую Пермь. Для Перми существовалъ еще

одинъ, болѣе сѣверный, путь съ Тобола по Турѣ и Тавдѣ, выводившій, при посредствѣ Сосвы и Лозвы, почти непосредственно къ Печорскому волоку. Эти водяные пути, коими пользуются и въ настоящее время, въ древности, очевидно, имѣли тоже коммуникаціонное значеніе, доказательствомъ чему служатъ древнія горныя работы и укрѣпленія, расположенныя именно въ этомъ направленіи. Начнемъ обозрѣніе ихъ съ Уфимской области, руководясь описаніемъ *Рычкова*. Рычковъ начинаетъ свое обозрѣніе Уфимской провинціи съ югозападной ея стороны; поэтому и мы будемъ придерживаться того же географическаго порядка.

Слѣдуя по нагорному берегу р. *Ика* (южный притокъ Камы), Рычковъ, при описаніи мѣдноплавильныхъ заводовъ этой мѣстности, замѣчаетъ, что онъ слышалъ отъ заводчиковъ и самъ видѣлъ лично, что мѣдныя руды почти всегда находили здѣсь по слѣдамъ чудскихъ копей. „Горное искусство древнихъ, говоритъ авторъ, во всемъ было отлично отъ нынѣ употребляемаго: ибо они входили въ землю, не дѣлая никакихъ подставъ, а отверстія ихъ (шахты) подкрѣпляла таже самая земля, которой верхи выдѣлывали они *на подобіе свода*. Такимъ образомъ проходили они въ самыя глубокія мѣста, и сводъ, держащій на себѣ превеликую тяжесть земли, еще и до нынѣ во многихъ мѣстахъ не обрушился“. Старинныя рудокопныя ямы находятъ обыкновенно по случаю оставшихся на верху земли рудныхъ кучь. „Обычай древнихъ былъ такой, чтобъ выбирать самую лучшую жилку, а прочую руду, презирая, оставляли въ недѣйствіи. Сіи-жъ остатки служатъ еще и до нынѣ къ пользѣ и прибытку нашихъ заводчиковъ“ (Стр. 67 и 68). Тоже самое, какъ мы видѣли выше, имѣло мѣсто на Алтаѣ и въ Акмолинской области.

Далѣе, внизъ по Ику, Рычковъ описываетъ чудскую копь, въ двухъ верстахъ отъ *Нагайбацкой крѣпости*, на вершинѣ высокой горы. Мѣдная руда здѣсь находится почти на поверхности. По слѣдамъ древнихъ, рудникъ этотъ разработывался въ продолженіи 40 лѣтъ и принадлежалъ къ числу весьма богатыхъ (стр. 69). Недалеко отсюда „на верху высокой горы находится старинный городокъ, небольшимъ валомъ укрѣпленный“ (стр. 72). Другая крѣпость упоминается на вершинахъ рѣки Ика, въ трехъ верстахъ отъ татарской деревни *Чехень*, на верху горы, омываемой рѣкой. Старинные валы занимаютъ пространство около 150 саженъ (75 стр.).

Близъ Троицкаго завода, принадлежавшаго г. Осокину, самый богатый мѣдный рудникъ (въ разстояніи 400 саж. отъ р. Ика) найденъ былъ также по слѣдамъ древнихъ копей. Рудоносный слой его имѣлъ толщину отъ 8 до 9 аршинъ. Здѣсь г. Рычковъ нашелъ двѣ человѣческія берцовыя кости, полости которыхъ были наполнены самой лучшей мѣдной рудой. Такія находки въ древнихъ рудникахъ встрѣчались неоднократно. Рычковъ ихъ приписываетъ тѣмъ рудокопамъ, которые, работая здѣсь когда-то, были по-

гребены подъ обвалами шахты (стр. 101). Далѣе, на стр. 118 авторъ описываетъ рудникъ того же заводчика Осокина, работающій на старыхъ отвалахъ чудскихъ копей. „Старинные рудокопатели, говоритъ Рычковъ, оставили здѣсь такое множество руды, что хотя уже болѣе двадцати лѣтъ работаютъ нынѣшніе промышленники, но еще до сего дня находятъ превеликое множество руды, которой положеніе видимо на ровномъ мѣстѣ". Отъ 100 пудовъ она давала 5—6 пудовъ чистой мѣди. Въ верстѣ разстоянія отъ этого рудника находится другой, принадлежащій Вознесенскому заводу, на рѣчкѣ *Иргизлѣ*, впадающей въ р. Бѣлую. „Сей рудникъ, говоритъ Рычковъ, есть также изъ числа тѣхъ рудокопныхъ ямъ, которыя бывали копаны прежде обитавшими въ сей странѣ народами и знать еще до нынѣ проходы древнихъ рудокопателей" (стр. 120). На этомъ рудникѣ въ бытность Рычкова работали уже 15 лѣтъ и онъ все казался неистощимымъ.

Въ 1770 году Рычковъ отправился изъ Уфы для изслѣдованій по р. Бѣлой. Въ первый же день, проѣзжая по нагорной сторонѣ этой рѣки, онъ обратилъ вниманіе на „огромные бугры (курганы) или кладбища прежнихъ жителей (стр. 127). Въ 20 верстахъ за татарской деревней *Изякъ*, Рычковъ описываетъ осмотрѣнное имъ, такъ называемое, *Караабызово городище*. Оно помѣщается на высокомъ утесистомъ берегѣ р. Бѣлой и занимаетъ обнесенное валами пространство около 300 саженъ. „Въ срединѣ этого укрѣпленія не видно никакихъ каменныхъ развалинъ, но находится множество ямъ и бугровъ, наполненныхъ золою и горшечнымъ черепомъ" (стр. 141). Въ 4 верстахъ отсюда находится Благовѣщенскій мѣдный заводъ, принадлежавшій Симбирскому купцу Мясникову. На немъ выплавлялось до 7000 пудовъ мѣди въ годъ. Въ 15 верстахъ отъ этого завода и въ трехъ верстахъ отъ села Дуванеи (въ 35 верстахъ отъ Бирска), Рычковъ опять описываетъ *городище*, примыкающее къ высокому и крутому берегу р. Бѣлой. Валы занимаютъ окружность въ 200 саженъ и оканчиваются у самой крутизны берега. Въ пяти верстахъ отъ этого укрѣпленія находится другое такое же, обнесенное валами, мѣсто посреди густаго лѣса (стр. 145).

Въ двухъ верстахъ отъ Бирска находится, такъ называемое, *„Чортово городище"* на верху высокаго мыса, отдѣленнаго отъ прочихъ горъ глубокими долинами. „Такое природное укрѣпленіе сего мѣста, говоритъ Рычковъ, было причиною, что древніе обитатели сея земли укрѣпили его валами только съ восточной стороны, гдѣ пологая долина являла имъ опасность въ случаѣ нападенія непріятельскаго" (стр. 148). Размѣръ этого городка не болѣе 80 саженъ въ діаметрѣ. Рѣка Бѣлая, къ которой примыкало Чортово городище, въ настоящее время отошла отъ этого берега болѣе 100 саженъ (во время путешествія Рычкова), а близъ подошвы горы образовалось озеро, на-

зываемое Усольемъ. Въ трехъ верстахъ отъ озера, среди густого лѣса, находится еще старинный городокъ, который и пространствомъ и высотой валовъ подобенъ предыдущему городищу. Рѣка Бѣлая течетъ отъ него въ трехъ верстахъ. Въ 15 верстахъ отъ Бирска, на нагорной сторонѣ р. Бѣлой находится *Айбашево городище* (по имени татарской деревни). Рычковъ описываетъ его такимъ образомъ. „Крутизна берега, на верху коего видимо оное городище, есть самая лучшая высота Бѣльскихъ береговъ, потому что возвышеніе сіе составляетъ болѣе 50 саженъ и столь круто, что едва взойти можно. Трудамъ древнихъ жителей способствовало и самое природное положеніе сего мѣста; ибо они должны были защитить себя только съ восточной стороны, ради плоской долины, гдѣ и укрѣпили себя *четырьмя валами*, отдѣляя ихъ другъ отъ друга довольнымъ разстояніемъ. Прочія же части городка укрѣпляли глубокіе овраги, лѣсистыя и непроходимыя горы“ (стр. 151)*). Внутри городища авторъ нашелъ, конечно, при самомъ поверхностномъ изслѣдованіи, тоже самое, что и въ предъидущихъ, т. е. ямы, бугры и черепки битой посуды.

Всѣ городища, обозначенныя по р. Бѣлой устроены по общему скиѳскому типу: расположены на высокихъ берегахъ, подъ прикрытіемъ рѣки, и защищены съ открытыхъ сторонъ рвами и валами. Расположеніе ихъ ясно показываетъ, что народъ, строившій эти городища, пользовался рѣчнымъ судоходствомъ и охранялъ этотъ водяной путь. Рѣки Бѣлая и Уфа, въ предѣлахъ нынѣшней Уфимской и Оренбургской губерній, играли въ этомъ отношеніи главнѣйшую роль, давая выходъ въ Каму, а черезъ эту послѣднюю—въ Вятку и въ Великую Пермь. Уфимская же область цѣнилась и охранялась въ древности не только по своимъ привольнымъ и плодороднымъ мѣстамъ, пригоднымъ для поселеній, но въ особенности по ея руднымъ богатствамъ, представляя одинъ изъ главныхъ центровъ добычи мѣди. Мѣдный промыселъ, очевидно, существовалъ здѣсь въ очень широкихъ размѣрахъ и притомъ очень продолжительное время, какъ показываютъ старыя чудскія копи. Въ связи съ этимъ промысломъ, вѣроятно, существовала и торговля мѣдью, отправляемой при посредствѣ тѣхъ же сплавныхъ и судоходныхъ рѣкъ на центральные рынки того времени.

Для полнаго обзора древностей разсматриваемой области намъ слѣдуетъ еще обратить вниманіе на рѣки Большой и Малый *Черемшанъ* (лѣвый притокъ Волги), протекавшія въ предѣлахъ древней Камской Болгаріи. Главнымъ населеннымъ и торговымъ пунктомъ здѣсь служилъ городъ *Булымеръ* или нынѣшній *Билярскъ*. Древности Билярска Рычковъ описываетъ такимъ

*) Въ текстѣ сочиненія Рычкова при описаніи почти каждаго городища дѣлается ссылка на приложенный планъ, но въ экземплярѣ, которымъ мы пользовались, къ сожалѣнію, этихъ плановъ не оказалось.

образомъ: „Укрѣпленіе его состояло *въ трехъ глубокихъ рвахъ* и въ томъ же числѣ возвышенныхъ *валовъ*. Первый валъ начинается съ сѣверовосточной стороны отъ рѣчки Билярки и представляетъ окружность болѣе *12 верстъ*. За этимъ валомъ находится другой, отдѣленный довольнымъ разстояніемъ отъ перваго, гдѣ (?) видно множество знаковъ каменныхъ развалинъ. Послѣдній валъ, гораздо лучше укрѣпленный, подаетъ поводъ думать, что онъ былъ замкомъ сего древняго города, гдѣ между различными разрушенными зданіями находится еще донынѣ преогромный каменный столпъ, построенный посреди сего замка, изъ краснаго кирпича, смѣшаннаго съ дикимъ камнемъ... По сторонамъ его видно множество развалившихся каменныхъ зданій, гдѣ находилъ я гончарной работы изразцы вида синяго и зеленаго“.

Въ 20 верстахъ отъ Билярска, близь татарской деревни *Камкиной*, на берегу р. Малаго Черемшана, на верху крутой горы находится укрѣпленный валами старинный городокъ. Валы его имѣютъ *форму дуги или полукружія*. Окружность валовъ болѣе 300 саженъ, а вышина, вмѣстѣ со рвомъ, до 3 саженъ. Внутри валовъ груды дикаго камня и битаго кирпича (Продолж. дневн. зап. стр. 8). По берегу той же рѣки, въ трехъ верстахъ отъ деревни *Чибашъ*, Рычковъ указываетъ на древнее укрѣпленіе, окруженное *тремя рядами высокихъ дугообразныхъ валовъ и рвовъ*. Западная сторона городища примыкаетъ къ крутому берегу р. Чибашъ, за которою простирается болотистая долина, потому эта сторона не имѣетъ искусственныхъ укрѣпленій. Внутри городка находится много бугровъ и ямъ, при раскапываніи которыхъ оказался битый кирпичъ и камень, почему Рычковъ заключаетъ, что здѣсь были каменныя постройки. Размѣръ этого городища опредѣленъ авторомъ 91 сажень длины, 86 саж. ширины и 354 сажени по окружности валовъ. Вышина валовъ со рвами болѣе трехъ саженъ. За чертою валовъ оказывается еще множество ямъ и грудъ каменнаго мусора, простирающихся, на протяженіи 120 саженъ, до рѣчки Качей, впадающей въ рѣчку Чибашъ. Первая изъ этихъ рѣчекъ протекала, повидимому, внутри пригорода, такъ какъ за нею еще видны слѣды бывшихъ зданій (стр. 6).

Далѣе въ направленіи къ Волгѣ, близь села *Кандаловъ*, при рѣчкѣ того же имени описывается городище, на верху горы, окруженное *двумя рядами* высокихъ валовъ, между коими находится глубокій ровъ. Валы полукруглой формы имѣютъ окружность въ 350 саж., концы ихъ примыкаютъ къ крутизнѣ горы, при подошвѣ которой течетъ рѣчка Кандала. Остатковъ древнихъ зданій или развалинъ внутри городища не было замѣчено (стр. 3). Здѣсь же Рычковъ упоминаетъ, что въ трехъ верстахъ отъ татарской деревни *Старый Баранъ* находится городище такого же размѣра, какъ при селѣ Кандалахъ; въ четырехъ верстахъ отъ Баранскаго городища находится укрѣпленіе, обнесенное *двойнымъ валомъ*, а недалеко отъ него есть еще другой подобный городокъ (стр. 5).

Обратимъ вниманіе, что почти всѣ древнія болгарскія укрѣпленія оказываются по западную сторону Уральскаго хребта, преимущественно по среднему и нижнему теченію р. Бѣлой. Но этого не замѣчается ни по восточному склону средняго Урала, ни на югѣ, со стороны оренбургскихъ степей. Отсюда можно заключить, что Уральскія крѣпости строились для защиты не отъ народовъ, населявшихъ Западно-Сибирскія и Оренбургскія степи, а отъ сѣверныхъ лѣсныхъ жителей, вѣроятно финновъ, издревле населявшихъ эту страну (Черемисы, Вотяки, Чуваши, впослѣдствіи оттѣсненные новыми пришельцами въ Казанскую, Вятскую и Нижегородскую губерніи). Такую же роль играли земляные городки Вятскаго края, къ описанію которыхъ мы теперь переходимъ.

По сѣверную сторону Камы городищъ оказывается весьма много. Они расположены преимущественно по рѣкѣ Вяткѣ и по ея восточному притоку р. Чепцѣ, которая вершинами сближается съ р. Обвой, впадающей въ Каму выше нынѣшней Перми. Эти два притока, вмѣстѣ съ Вяткой и Камой, окружаютъ пространство наилучшихъ Вятскихъ земель, богатыхъ не однимъ хлѣбопашествомъ, но и рудными мѣсторожденіями. Потому названный районъ въ древнія времена былъ защищенъ по теченію рѣкъ многочисленными городками. При перечисленіи ихъ мы будемъ держаться того же источника— путешествія Рычкова*).

Начнемъ съ р. Вятки. На стр. 56 Рычковъ говоритъ: „цѣлый день препроводилъ я, осматривая запустѣлыя городища, въ которыхъ до пришествія Новгородцевъ обитали Чудскіе народы. Первое изъ нихъ находится въ четырехъ верстахъ отъ города *Хлынова*, на западномъ берегу р. Вятки, у деревни *Лосевой*. Въ немъ, кромѣ валовъ, сдѣланныхъ на подобіе *полукружія*, нѣтъ ничего достопамятнаго. Малое его пространство даетъ случай думать, что валы служили или замкомъ какого нибудь селенія, или въ немъ совсѣмъ не было никакого жилища, развѣ только, что древніе жители сей земли искали тамъ безопаснаго убѣжища во время нашествія своихъ непріятелей“.

„Другое городище находится въ 15 верстахъ отъ города Хлынова и есть то самое мѣсто, которое въ Вятской лѣтописи названо *Чудь—Болванскій городокъ* и кое прежде всего покорили подъ власть свою славяне, шедшіе на поселеніе въ Вятскую страну. Названіе *Никулицына*, данное сему Чудскому городу отъ сихъ побѣдителей, имѣетъ нынѣ русское село, стоящее посреди древнихъ валовъ. Валы, укрѣпляющіе сіе достопамятное городище, круты, пространны и возвышены такъ, что ни самая древность не могла истребить рачительные труды народовъ, обитавшихъ въ сей странѣ“.

*) Рычковъ, продолженіе журнала или дневныхъ записокъ путешествія въ 1770 году. Спб. 1772 года.

Далѣе по р. Чепцѣ, около Глазова, описывается городище „укрѣпленное съ западной стороны крутизною горы, съ полудня преглубокою долиною, посреди которой течетъ р. Пиза,—съ востока крутыми валами, касающимися концами своими высокихъ береговъ обѣихъ вышеупомянутыхъ рѣкъ" (стр. 70). Въ 20 верстахъ отъ этого городища, на восточной сторонѣ той же рѣки (Чепцы), близь села *Балезино* находится другое такое же городище. „Валы, его окружающіе, говоритъ Рычковъ, столько жъ возвышены, какъ и первые, но они разнятся только тѣмъ, что укрѣпленіе ихъ составляетъ *видъ полукружія*, пресѣкающагося у крутизны стоящей тутъ горы" (стр. 71).

Вершина р. Чепцы, въ предѣлахъ Пермской губерніи, сближается съ вершинами р. Камы и Обвы, впадающей въ Каму. На этомъ водораздѣлѣ, въ двухъ верстахъ отъ села *Рождественскаго*, на восточномъ берегу Обвы, Рычковъ описываетъ слѣды бывшаго города, окруженнаго высокими валами. Внутри этого укрѣпленія онъ видѣлъ множество дикаго камня, кирпича и муравленныхъ плитъ, которые, очевидно, составляли остатки нѣкогда бывшихъ здѣсь каменныхъ зданій. Рычкову разсказывали, что 50 лѣтъ передъ тѣмъ среди валовъ сохранялись еще остатки столбовъ, сложенныхъ изъ дикаго камня, составлявшихъ городскія ворота. На этомъ городищѣ крестьяне находили много древнихъ мѣдныхъ предметовъ, золотыхъ и серебряныхъ колецъ, перстней, серегъ и разныхъ другихъ украшеній, а также бисера и цвѣтныхъ каменьевъ (стр. 75). Городище это занимаетъ пространство больше версты, но позади его, за глубокими каменными оврагами, на высотѣ той же горы было устроено еще добавочное укрѣпленіе въ родѣ цитадели, тоже окруженное высокими валами. Оно имѣетъ форму круга; ворота въ этихъ земляныхъ валахъ устроены съ запада. Внутри этого малаго городка тоже находятся слѣды бывшихъ каменныхъ зданій (муравленыя плиты и камни). Вся окружность этого замка не болѣе 50 саженъ (стр. 77).

Въ 10 верстахъ отъ Рождественскаго, въ направленіи къ Соликамску, снова оказывается городище, но большая часть его земляныхъ валовъ во времена Рычкова были уже распаханы крестьянами подъ пашни. Далѣе отсюда въ 50 верстахъ находится село *Купро̀съ*, построенное на мѣстѣ древняго укрѣпленія, валы котораго хорошо сохранились. Здѣсь, по словамъ Рычкова, находятъ древнія серебряныя и мѣдныя вещи" и землепахатныя орудія, находимыя въ городскихъ развалинахъ и въ поляхъ, лежащихъ около сихъ мѣстъ; изъ чего можно заключить, что древніе обитатели сей земли были земледѣльцы" (стр. 78).

Отъ села Купроса въ 20 верстахъ, близь села Майкова, стоящаго на большой соликамской дорогѣ, находится такое же городище, а дальше отъ него въ 15 верстахъ вверхъ по р. Инвѣ видно еще другое укрѣпленное валами мѣсто (стр. 79).

При выходѣ съ р. Обвы на Каму на мѣстѣ древняго городища расположено село *Городище*, гдѣ во времена Рычкова были валы окружностью въ 150 саженъ. По другую сторону Камы, близь *Висимскаго завода*, почти противъ самаго устья Обвы, на высокой горѣ, тоже существовала крѣпость, окруженная валами. По описанію Рычкова, гора эта выдается въ видѣ треугольника, и потому три части ея защищены естественною крутизною, но съ сѣверовосточной стороны, гдѣ открывается пространная равнина, возведены два высокіе вала (стр. 82). Описывая мѣдноплавильные заводы Соликамскаго уѣзда, Рычковъ замѣчаетъ, что рудники ихъ прежде считались весьма богатыми; „въ нихъ находили самородную мѣдь большими глыбами, а нынѣ не видно тамъ ничего, кромѣ развалинъ *старыхъ работъ*“ (93). Подобные же мѣдные рудники существовали по р.р. Обвѣ и Чепцѣ, но въ концѣ прошлаго столѣтія они находились въ упадкѣ. Хотя о слѣдахъ Чудскихъ копей въ этихъ мѣстахъ авторъ не упоминаетъ, но мнѣ кажется, не будетъ невѣроятнымъ предположеніе, что древніе рудоискатели не должны были оставить безъ вниманія и этихъ рудныхъ мѣсторожденій, находящихся въ самыхъ предѣлахъ Великой Перми, населенной, судя по городищамъ, тѣмъ же промышленнымъ народомъ, какъ и въ Уфимской области.

На пространствѣ отъ Висимскаго завода до Чердыня Рычковъ не упоминаетъ ни объ одномъ городищѣ; но въ окрестностяхъ Чердыни оказывается особый центръ укрѣпленныхъ городковъ, доказывающихъ, что эта мѣстность въ древности имѣла особое стратегическое значеніе. Первое укрѣпленіе указывается авторомъ въ шести верстахъ отъ Чердыни при селѣ *Пахчѣ*; въ 14 верстахъ отъ него второе у села *Вильгоръ*; то и другое на утесистомъ берегу р. Колвы. Далѣе въ 20 верстахъ отъ Вильгора вверхъ по Колвѣ находится городище *Искоръ*. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, внутри земляныхъ валовъ, находятъ, по словамъ Рычкова, различныя серебряныя и мѣдныя вещи, изображающія то человѣческія фигуры, то разныхъ птицъ и звѣрей. Авторъ прибавляетъ вслѣдъ затѣмъ, что, по слухамъ, много запустѣлыхъ городищъ находится и въ другихъ мѣстахъ, дальше отъ береговъ р. Колвы, но такъ какъ всѣ они очень однообразны, то авторъ не призналъ нужнымъ осматривать ихъ (стр. 116). На Колвѣ же, въ пяти верстахъ отъ села *Ныробъ*, описывается укрѣпленное валами мѣсто на одномъ изъ утесовъ горы *Ветланъ*, и въ такомъ же разстояніи за нимъ другое укрѣпленіе на такъ называемой *Дивьей горѣ*.

При возвращеніи изъ Чердыни въ Соликамскъ, въ 25 верстахъ отъ перваго, на берегу р. Камы находится *Губинское городище* при деревнѣ того же имени. Этотъ городъ былъ укрѣпленъ *тремя рядами валовъ* съ такимъ же числомъ рвовъ. Огражденное пространство имѣло въ діаметрѣ около четырехъ верстъ. Здѣсь Рычковъ указываетъ на слѣды бывшихъ ка-

менныхъ зданій (камни и *кирпичъ*), а въ почвѣ городища крестьяне часто находятъ серебряныя, мѣдныя и даже золотыя вещи, которыя они продаютъ на сплавъ Чердынскимъ серебреникамъ и мѣдникамъ (стр. 126). Изъ всѣхъ городищъ, лежащихъ по берегамъ Камы, Губинское Рычковъ считаетъ „самымъ превосходнѣйшимъ“ и высказываетъ предположеніе: не здѣсь ли была главная столица и пристань древней Пермской страны.

Въ дополненіе къ даннымъ Рычкова о древностяхъ Соликамскаго уѣзда приведемъ результаты изслѣдованій *Ѳ. А. Теплоухова*, произведенныхъ въ недавнее время *при устьѣ рѣчки Гаревой*, въ 55 верстахъ къ сѣверу отъ города Перми, на правомъ берегу Камы*). При раскопкахъ здѣсь было найдено весьма много костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ, совершенно сходныхъ съ сибирскими. Авторъ предполагаетъ, что здѣсь приготовлялись эти издѣлія для продажи, такъ какъ независимо отъ множества стрѣлокъ, скученныхъ на одномъ мѣстѣ, многія изъ нихъ оказываются не бывшими въ употребленіи, т. е. безъ поломокъ и зазубринъ. Кромѣ костяныхъ стрѣлъ, здѣсь же найдена масса узорчатыхъ черепковъ и нѣсколько цѣлыхъ экземпляровъ глиняной посуды. Судя по приложеннымъ рисункамъ, форма и орнаменты ихъ не отличаются отъ издѣлій подобнаго рода, постоянно встрѣчающихся почти на всѣхъ сибирскихъ, болгарскихъ и россійскихъ городищахъ и въ курганныхъ могилахъ. Кромѣ того, на урочищѣ Гаревой найдены были глиняныя, мастиковыя и стеклянныя бусы, по рисунку совершенно одинаковыя съ тобольскими курганными и болгарскими (См. Арх. Музей Томск. универс. прим. 20, стр. 51). Бронзовыхъ издѣлій найдено здѣсь немного; но попадались также желѣзныя стрѣлки, ножи и копья древняго типа. По этимъ находкамъ можно заключить, что на Камѣ существовала въ древности (въ курганную эпоху) та же самая культура, какая оказывается при раскопкахъ сибирскихъ городищъ и могильниковъ. Поэтому данныя г. Теплоухова, касающіяся не одного внѣшняго описанія камскихъ городищъ, получаютъ особую цѣну при крайне ограниченномъ числѣ систематическихъ раскопокъ въ Пермской области. По этимъ изслѣдованіямъ мы имѣемъ право считать Пермскія и Сибирскія городища одновременными и принадлежавшими одной культурѣ, слѣдовательно, и родственному народу.

Заканчивая свое путешествіе по Камѣ устьемъ р. Чусовой, Рычковъ описываетъ въ двухъ верстахъ отъ этого устья, на высокомъ берегу Камы обширное укрѣпленіе, высокіе валы котораго, *полукруглой формы*, занимаютъ пространство въ 400 саженъ. Внутри городища находится много ямъ, которыя, по словамъ Рычкова, „суть свидѣтели бывшихъ здѣсь старинныхъ зданій“ (стр. 132).

*) *Teploouchoff*, über die prähistorischen Opferstätten am Uralgebirge. Archiv für Anthropologie, Bd. VIII, S. 142, съ 2 таблицами рисунковъ.

Повидимому объ этомъ самомъ городищѣ въ 1878 г. сообщалъ въ Казанскомъ археологическомъ Обществѣ профессоръ *Штукенбергъ**). Онъ называетъ его *Галкинскимъ*, по имени близъ лежащей деревни. Оно расположено на крутомъ выдающемся клинообразномъ мысу между правымъ берегомъ Чусовой и лѣвымъ берегомъ Камы. Мысъ окруженъ съ трехъ сторонъ низменностью, примыкающей непосредственно къ Камѣ и Чусовой, а открытая его сторона, переходящая въ равнину высокаго берега, защищена валомъ. За валомъ непосредственно начинаются распаханныя поля деревни Галкиной. Раскопки на этомъ городищѣ производилъ профессоръ *Кротовъ***). При этомъ оказалось, что валъ до 2 арш. высоты былъ сложенъ изъ плитняковыхъ известняковъ, съ примѣсью сѣрой глины и растительной земли, а снаружи покрытъ черноземомъ и дерномъ. Кромѣ обломковъ костей, небольшихъ кусочковъ угля и черепковъ глиняной посуды, найденныхъ подъ дерномъ вала и въ ближайшей къ нему мѣстности внутри городища, другихъ предметовъ здѣсь не оказалось. Но въ прежнее время, по словамъ Кротова, при распашкахъ площади городища крестьяне находили бронзовыя вещи и костяные наконечники стрѣлъ. Подъ горой, у самой рѣки были также найдены кремневыя стрѣлки и черепки глиняной посуды. Если Галкинское городище считать за то самое, о которомъ упоминалъ Рычковъ, то изъ сопоставленія его описанія съ данными Штукенберга и Кротова нельзя не видѣть, что по истеченіи столѣтія отъ этихъ древностей остались только слабые слѣды. Раздѣлка почвы подъ деревенскія постройки и пашни служитъ главною причиною уничтоженія доисторическихъ памятниковъ.

Древности, расположенныя въ Чердынскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ, а тѣмъ болѣе къ сѣверу отъ нихъ на Печорскомъ водораздѣлѣ, до сего времени остаются, по причинѣ отдаленности края, мало разслѣдованными. Рычковъ былъ первымъ и единственнымъ путешественникомъ, сдѣлавшимъ полный обзоръ городищъ цѣлаго края, но въ его сочиненіи нѣтъ указанія на ихъ содержимое, для чего у любознательнаго путешественника не было ни средствъ, ни времени. Послѣ Рычкова посѣтилъ эти мѣста, въ 1821 году, Василій Берхъ ***), но его больше интересовали историческіе акты, чѣмъ археологическія данныя. Кое-гдѣ, наприм., на Искорѣ имъ были произведены поверхностныя раскопки, давшія предметы смѣшаннаго характера (серебряное кольцо, мѣдныя серьги, много замковъ и ключей съ золотою насѣчкой и т. п.). Тутъ же оказались при раскопкахъ во многихъ мѣстахъ глинобитныя печи

*) Извѣстія Общ. Археологіи, истор. и этногр. при Императорскомъ Казанскомъ универс. Томъ I, Казань 1889 года, стран. 96.

**) *Кротовъ*, о раскопкахъ, произведенныхъ на городищѣ близь деревни Галкиной, на устьѣ рѣки Чусовой. Тамъ же, томъ III, Казань. 1884 года, стр. 180.

***) Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ для изысканія историческихъ древностей. С.-Петербургъ 1821 г.

и такое множество (желѣзнаго?) шлака, что „можно бы думать, что въ Искорѣ жили только кузнецы“ (стр. 97). Очевидно г. Берхъ коснулся при раскопкахъ болѣе позднихъ культурныхъ слоевъ данной мѣстности, когда уже обработывалось здѣсь желѣзо. Эти поверхностныя и мимоходныя изслѣдованія все же не лишены значенія. Присутствіе печей, массы желѣзнаго шлака и желѣзныхъ издѣлій въ разрытыхъ кучахъ на поверхности Искора могутъ доказывать, что здѣсь было желѣзное производство раньше русскаго водворенія на Уралѣ, но къ какой эпохѣ это могло относиться, данныя Берха того не указываютъ. Въ описаніи мѣстоположенія городища *Искоръ**) Берхъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности, которыхъ нѣтъ у Рычкова. Такъ онъ говоритъ: „съ трехъ сторонъ городище окружается неприступными утесами, а съ четвертой находится ровная, покатая плоскость, со стороны которой и были возведены искусственныя огражденія. Площадь городища заключаетъ въ себѣ около 200 кв. саженъ“ (стр. 96). О прочихъ городищахъ по Камѣ и Колвѣ Берхъ упоминаетъ только по разсказамъ крестьянъ. Послѣдніе, между прочимъ, сообщали ему, будто бы въ почвѣ городищъ встрѣчается очень много углей, что подтверждаетъ и Берхъ (стр. 115). Это заявленіе можетъ служить доказательствомъ бывшихъ здѣсь когда-то деревянныхъ построекъ, уничтоженныхъ пожаромъ.

Намъ остается еще сказать о городищахъ по нижнему теченію Камы, въ центрѣ древней Болгарской области, или въ нынѣшней Казанской губерніи. Благодаря Казанскому археологическому Обществу и университету, древности этого района, какъ болѣе близкаго и доступнаго, были изслѣдованы гораздо тщательнѣе, чѣмъ въ другихъ, рѣдко посѣщаемыхъ учеными, мѣстахъ. О Казанскихъ городищахъ имѣется достаточно литературныхъ указаній, поэтому мы не будемъ описывать ихъ въ подробности, указавъ источники, гдѣ можно найти эти свѣдѣнія. На первомъ планѣ здѣсь должно поставить книгу профессора Сергѣя Михайловича *Шпилевскаго*, изданную въ Казани въ 1877 году, подъ заглавіемъ: „Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“. Въ этомъ обширномъ трудѣ (585 страницъ 8^0) собраны и тщательно разсмотрѣны почти всѣ основные факты, относящіеся къ городищамъ Казанской губерніи. Вслѣдъ за Шпилевскимъ продолжало работать въ частностяхъ Казанское археологическое Общество, въ напечатанныхъ трудахъ („Извѣстіяхъ“) котораго съ 1878 года было помѣщено много весьма цѣнныхъ статей по тому же вопросу. Въ 1890 году напечаталъ свой многолѣтній трудъ проф. Н. А. *Толмачевъ*, подъ заглавіемъ: „объ остаткахъ древности въ предѣлахъ Казанской губерніи“ (докладъ IV археологическому съѣзду, изъ перваго тома трудовъ этого

*) Названіе *Искоръ* напоминаетъ имя Тобольскаго городища *Искеръ*. То и другое, вѣроятно, имѣетъ въ основѣ своей татарское слово *иски* старый, древній.

съѣзда). Это изданіе важно въ томъ отношеніи, что здѣсь, кромѣ обстоятельнаго описанія городищъ, лично осмотрѣнныхъ и измѣренныхъ авторомъ, помѣщены тщательно выполненные планы ихъ и рисунки съ картами мѣстностей. Изъ городищъ особенно любопытны *Чаллынское* и *Жукотинское*, какъ окруженныя *четвернымъ рядомъ валовъ* и рвовъ (Табл. III, рис. № 12 и 14). Первое находится въ Лаишевскомъ уѣздѣ при рѣкѣ *Шумбутѣ*, изливающейся въ Каму противъ города Чистополя. *Жукотинское* городище помѣщается на лѣвомъ высокомъ берегу Камы, верстахъ въ семи ниже Чистополя, близъ деревни Данауровки. Мѣстность городища ограждена съ сѣвера обрывомъ высокаго берега Камы, съ запада и юго-запада крутымъ обрывомъ глубокаго оврага, а съ востока и юго-востока *тремя параллельными рядами высокихъ валовъ* съ двумя промежуточными между ними рвами; размѣръ городища по сѣверной сторонѣ 450 шаговъ, по юго-западной 415, по восточной и юго-восточной 409 шаговъ (стр. 24). Кромѣ Чаллынскаго и Жукотинскаго, въ окрестностяхъ города Чистополя (въ 15 верстахъ) находится еще одно древнее укрѣпленіе въ селѣ *Змiевѣ*. Нынѣшнее русло Камы у села Змiева отдаляется отъ горныхъ возвышеній лѣваго берега на нѣсколько верстъ, оставляя между рѣкой и горами поемные луга, среди которыхъ встрѣчаются небольшія озера и течетъ рѣчка Прыть (остатокъ стараго русла Камы). Село *Змiево городище* расположено у самаго обрыва лѣваго горнаго берега отступившей рѣки. Городище находится въ самомъ селѣ. Съ запада оно ограждается тоже высокимъ береговымъ обрывомъ, а съ открытой стороны, съ востока и юга были построены *три параллельные вала*, раздѣленные рвами. Длина южныхъ валовъ равняется 185 саженямъ, а восточныхъ 120 саж. Въ трехъ верстахъ отъ Змiева находится еще городище, окруженное валомъ въ видѣ дуги полукруга, упиравшейся концами въ оврагъ. Діаметръ его Н. А. Толмачевъ опредѣляетъ на глазомѣръ примѣрно саженей 100 (стр. 23). Если справедливо предположеніе, что ниже гор. Чистополя въ древности отдѣлялся южный рукавъ рѣки Камы, впадавшій въ Волгу у самаго города Болгара (см. чертежъ въ началѣ слѣдующей главы), то этимъ можно было бы отчасти объяснить, почему въ окрестностяхъ Чистополя было сосредоточено столько укрѣпленій.

Прослѣдивъ, по мѣрѣ возможности, по литературнымъ источникамъ, распространеніе городищъ по западную сторону Урала, намъ слѣдуетъ теперь перечислить доисторическіе слѣды древнихъ поселеній на восточной сторонѣ Уральскаго хребта. Естественнѣе всего ихъ предполагать по берегамъ тѣхъ рѣкъ, которыя въ древности должны были служить путями сообщеній между Сибирью и Пермской областью. Главнѣйшую роль въ этомъ отношеніи, повидимому, играла многоводная Тавда (западный притокъ Тобола) съ ея сѣверными притоками Сосвой и Лозвой, близко подходящими

къ вершинамъ Пермскихъ рѣкъ Камскаго бассейна (Вишеры, Язьвы и Яйвы). Другимъ путемъ черезъ Уралъ служила р. Тура съ ея западными притоками: Тагиломъ и Ницей, ведущими къ волокамъ на р. Чусовую. Южнѣе этого направленія существовалъ еще одинъ выходъ на Чусовую при посредствѣ р. Исети, съ волокомъ въ окрестностяхъ нынѣшняго Екатеринбурга*). По всѣмъ этимъ линіямъ несомнѣнно существовало въ древности судоходное движеніе, иначе невозможно объяснить присутствіе городищъ и другихъ слѣдовъ доисторической жизни, сохранившихся по берегамъ названныхъ рѣкъ, часто среди неприступныхъ горъ, или въ глуши непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ. Ясно, что промышленная и торговая жизнь проникала въ эти дебри только по теченію рѣкъ и ютилась только по берегамъ ихъ, гдѣ до сихъ поръ сохранились ясные слѣды бывшихъ поселеній съ остатками культуры, свойственной курганной эпохѣ. Для археолога эти побережныя городища вдвойнѣ любопытны и важны: они не только опредѣляютъ древніе пути сообщеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ на единство древне-сибирской и западно-русской культурной жизни; ибо общій типъ встрѣчающихся здѣсь земляныхъ укрѣпленій оказывается одинъ и тотъ же и съ тѣми же находками культурныхъ предметовъ, какія свойственны городищамъ Европейской Россіи въ древнюю эпоху курганнаго погребенія.

Полнаго систематическаго обзора городищъ сѣверной сибирской полосы мы не имѣемъ до сего времени. Особенно въ этомъ отношеніи чувствуются пробѣлы на крайнемъ сѣверѣ, котораго археологи еще совсѣмъ не касались. Даже по р. Тавдѣ первое указаніе на городища было сдѣлано только въ 1892 г. И. Я. *Словцовымъ*, во время его путешествія по этой рѣкѣ. „Несомнѣнно было время, замѣчаетъ г. Словцовъ**), когда по Тавдѣ шли караваны изъ самыхъ нѣдръ Азіи въ торговую Біармію. Негдѣ искать другой древней дороги въ Европу, кромѣ этой рѣки, а потому и Тавдинскій край не могъ быть пустыннымъ и одинокимъ. Прошли вѣка, населеніе было ра-

*) *Поповъ* въ „Хозяйственномъ описаніи Пермской губерніи“ (С.-Петербургъ 1811 г. ч. I, стр. 186) указываетъ нѣсколько пунктовъ, гдѣ притоки рѣки Чусовой сближаются съ притоками сибирскихъ рѣкъ. Извѣстный путь Ермака съ р. Чусовой и р. Серебрянки на р. Тагилъ даетъ волокъ въ 9 верстъ до р. Баранчи, впадающей въ Тагилъ. Второй путь съ Чусовой при посредствѣ р. Шишимъ и оз. Исетскаго ведетъ въ р. Нейву. Здѣсь волокъ всего 2—3 версты. *Палласъ* указываетъ, какъ на самый удобный пунктъ соединенія Чусовой съ сибирскими рѣками, на Черное озеро, у Черноисточинскаго завода, и рр. Висимъ и Шайтанку.—Этими волоками нынѣ не пользуются по причинѣ мелководности притоковъ, но въ древнія времена, когда воды было больше, они могли вполнѣ соотвѣтствовать цѣли передвиженія при малой осадкѣ судовъ. Кромѣ перечисленныхъ волоковъ, существуетъ нѣсколько не менѣе удобныхъ переваловъ черезъ сѣверный Уралъ, въ Березовскомъ и Обдорскомъ краѣ, при посредствѣ сближающихся вершинъ притоковъ Оби и Печоры; но въ настоящее время мы не имѣемъ никакихъ археологическихъ данныхъ для того, что бы судить, пользовались ли этими сѣверными путями въ древности для сношеній Сибири съ Великою Пермью.

**) *Словцовъ*, въ странѣ кедра и соболя. Очеркъ Тавдинско-пелымскаго края. Извѣстія Зап.-Сибир. отдѣла Импер. русск. геогр. общ. книжка XIII, вып. I.

зогнано и уничтожено, а многоводная рѣка совершенно забыта. Только безпримѣрные по величинѣ земляныя насыпи и курганы остались безмолвными свидѣтелями, что долина этой рѣки была когда то населена племенемъ, стоящимъ на весьма высокой степени культурнаго развитія". Описаніе этихъ древнихъ земляныхъ сооруженій по Тавдѣ г. Словцовъ обѣщаетъ представить въ отдѣльной спеціальной работѣ, а въ указанной статьѣ онъ ограничивается только перечисленіемъ древностей отмѣченныхъ во время путешествія. За неимѣніемъ болѣе подробнаго описанія, мы ограничиваемся тѣмъ, что уже опубликовано Ив. Як. Словцовымъ.

„По всему теченію Тавды, говоритъ авторъ, курганныхъ насыпей весьма немного; большинство сооруженій представляютъ городища, или древніе укрѣпленные пункты, расположенные какъ по берегу Тавды, такъ и по впадающимъ въ нее притокамъ. Городища эти имѣютъ различную форму и величину, но всегда расположены на высокихъ холмахъ и обнесены кругомъ валомъ и рвомъ. Площадь внутри вала содержитъ слѣды поселеній въ видѣ небольшихъ ямъ, въ которыхъ находятъ обыкновенно обломки горшечной посуды, кости различныхъ животныхъ и предметы домашняго и военнаго быта".

1) Начиная съ верховьевъ Тавды, первое городище лежитъ въ 50 верстахъ отъ Пелыми, при впаденіи рѣчки Воглы (Вагилы) и называется *Усть-Вагильскимъ*. 2) Въ полуверстѣ отъ села Пелымскаго, вверхъ по рѣкѣ Пелымкѣ, на высокомъ прибрежномъ холмѣ, часть городища обрушилась и образовался поперечный разрѣзъ его. Здѣсь видны сооруженія изъ обожженной глины (печи?). 2) Въ 45 в. отъ Пелыми, внизъ по Тавдѣ, близъ дер. Зуевой, городище раскопано крестьянами на глубинѣ четырехъ аршинъ (жаль, что г. Словцовъ не упоминаетъ, хотя бы вкратцѣ, о характерѣ находокъ при раскопкахъ). 4 и 5) Въ 22 верстахъ отъ Зуевой, близъ деревни Дворниковой два городища. Оба лежатъ по рѣчкѣ Пашенной, впадающей въ Тавду съ правой стороны. 6) Въ 82 верстахъ отъ Дворниковой, по рѣчкѣ Черной два городища: одно въ полуверстѣ отъ берега Тавды, совершенно вспаханное, и другое въ двухъ верстахъ съ признаками рвовъ и валовъ. 7) По рѣчкѣ Волчимьѣ небольшое городище окружено высокимъ валомъ и рвомъ. 8) Въ 50 вер. отъ Чернавской, внизъ по Тавдѣ около деревни Сотниковой городище со рвомъ, окруженнымъ высокимъ холмомъ, имѣетъ въ діаметрѣ 47 саж. 9) Близъ села Табаринскаго, по рѣчкѣ Шишу находится разрушенное городище, но признаки вала и рва сохранились. 10 и 11) Въ 30 вер. отъ Табаровъ въ Тавду впадаетъ съ лѣвой стороны р. Иска, а при устьѣ ея ясачная деревня *Городокъ*. Названіе это деревня получила, вѣроятно, отъ положенія ея между древними городищами. Нѣкоторыя изъ нихъ уничтожены пашнями, но три сохранились вполнѣ.

Одно лежитъ въ двухъ верстахъ отъ деревни, при рѣчкѣ Куланья, а два другія близь озера Урай, съ южной и съ восточной стороны. Озеро Урай, длиною полторы версты, соединяется съ Тавдой посредствомъ старицы и имѣетъ видъ обширной рѣчной бухты. 12) Верстахъ въ 23-хъ на востокъ отъ Городка лежитъ озеро *Индра*. Оно имѣетъ 18 верстъ въ окружности и около 6 верстъ длины. Кромѣ своего имени, оно представляетъ въ археологическомъ отношеніи тотъ интересъ, что со дна его временами выбрасываетъ разные предметы древности, какъ то: мѣдныя чаши, стрѣлы, обломки посуды и пр. Ближайшій обзоръ окрестностей обнаружилъ здѣсь три обширнѣйшихъ городища; одно съ юго-восточной стороны озера Индра, а другія два верстахъ въ полуторыхъ къ югу. 13) Тутъ же около Городка, по дорогѣ на Индру, на берегу рѣчки Иски, при впаденіи въ нее Тяпки, видны слѣды небольшого городища, съ валомъ и рвомъ. 14) Верстахъ въ 30 отъ Городка, внизъ по Тавдѣ, около дер. Галкиной на высокомъ крутомъ береговомъ яру городище съ полукруглымъ валомъ, на половину разрушено обвалами. 15) Отъ Галкиной на югъ, по теченію Тавды съ лѣвой стороны, впадаетъ притокъ Карабашка; съ этой рѣчкой посредствомъ истока соединяется большое озеро Чербакуль (Яничковское). Отъ него въ полуторыхъ верстахъ лежитъ городище въ 20 саж. длины и 15 саж. ширины. Валъ его въ планѣ имѣетъ видъ элипсиса, въ $2^1/_2$ саж. вышины. Это городище интересно въ томъ отношеніи, что расположено не на холмѣ, а на равнинѣ и сооружено изъ чернозема, очевидно, добытаго въ окрестностяхъ. 16, 17, 18) Близъ села Тавдинскаго, по рѣкѣ Саранкѣ находится три городища; одно самое большое въ деревенскомъ выгонѣ, а другія два въ полуверстѣ отъ него. 19) Наконецъ, на рѣчкѣ Лобутѣ, впадающей въ Тавду съ лѣвой стороны, видна обширная насыпь разрушеннаго городища“.

„Кургановъ по Тавдѣ сравнительно мало; они встрѣчаются только по правому берегу рѣки между деревнями Васьковой и Андрюшиной. Три изъ нихъ ближе къ первой деревнѣ, одинъ близъ второй и два по рѣчкѣ Долгой и Уралу, ея притоку, впадающихъ въ Тавду съ правой стороны. Итакъ, оказывается, что на протяженіи Тавды въ 713 верстъ сохранилось 19 укрѣпленныхъ пунктовъ. Не свидѣтельствуютъ ли они, заключаетъ г. Словцовъ, о кипучей дѣятельности стародавняго населенія Тавдинскаго края и извѣстной степени его цивилизаціи?“.

Не смотря на такое краткое перечисленіе Тавдинскихъ городищъ и отсутствіе археологическихъ указаній на ихъ содержимое, мы все же имѣемъ основаніе считать, если не всѣ, то многія изъ нихъ сверстниками курганной эпохи. Расположеніе ихъ по берегу судоходной рѣки очевидно имѣло цѣлію охрану водяного пути, а выборъ мѣста на высокихъ мысахъ и полукружная форма валовъ соотвѣтствуютъ общему типу древнихъ земляныхъ

укрѣпленій, о которыхъ мы говорили выше. При этомъ нельзя не принять во вниманіе, что вогульскими постройками XV—XVI в. они не могутъ быть уже потому самому, что въ это время по Турѣ и Тавдѣ, какъ видно изъ русскихъ историческихъ актовъ, населеніе было крайне ничтожное*). Оно не могло быть многочисленнымъ, а тѣмъ болѣе осѣдлымъ и культурнымъ, и въ предшествовавшіе вѣка, по крайней мѣрѣ въ то время, когда съ Югрой, Печорой и Самоѣдью имѣли дѣла новгородскіе купцы и ратники. По сохранившемуся до сихъ поръ складу бродячей жизни сибирскихъ остяковъ и самоѣдовъ мы имѣемъ основаніе думать, что они до ознакомленія съ русскими никогда не принадлежали къ разряду культурныхъ народовъ. Слѣдовательно, приписывать имъ постройку древнихъ земляныхъ укрѣпленій, въ связи съ рѣчнымъ судоходствомъ и осѣдлою жизнію въ этихъ городкахъ, было бы по меньшей мѣрѣ произвольно.

Считая р. Тавду однимъ изъ судоходныхъ путей, ведущихъ изъ Сибири въ Великую Пермь, мы должны были бы прослѣдить дальнѣйшее направленіе этого пути, по Сосвѣ и Лозвѣ, до перевала въ бассейнъ Камы, или Печоры. Такой выходъ долженъ былъ существовать, иначе нельзя объяснить присутствія многочисленныхъ городищъ въ глухомъ Пелымскомъ краѣ. Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ при настоящемъ запасѣ археологическихъ данныхъ нельзя дать никакого отвѣта, такъ какъ названныя рѣки никѣмъ не были обслѣдованы съ археологическою цѣлію. Однако же, принимая во вниманіе, что древній русскій путь на Тавду шелъ по р. Лозвѣ и городъ Пелымъ первоначально былъ построенъ на этой рѣкѣ, а не на Тавдѣ, можно предполагать, что и въ доисторическое время Лозва служила главною арте-

*) Въ статьѣ *Небольсина* „Покореніе Сибири", помѣщенной въ Отечеств. Запискахъ за 1848 г. (октябрь, ноябрь и декабрь) въ гл. VI приведены статистическія данныя, извлеченныя изъ грамотъ и другихъ документовъ, о народонаселеніи по Тагилу, Турѣ и Тавдѣ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. По Турѣ пашенныхъ татаръ, т. е. осѣдлыхъ вогуловъ и остяковъ, считалось всего 34 человѣка. По Тагилу и Чусовой населенія совсѣмъ не было. О населеніи по Тавдѣ точныхъ свѣдѣній не указано, но въ общихъ чертахъ оно едвали многимъ превосходило Туринское. Наибольшая часть вогуловъ и остяковъ вела бродячую жизнь, не имѣя опредѣленной осѣдлости. Хотя приведенныя свѣдѣнія относятся и къ болѣе позднему времени, но все же они даютъ понятіе о томъ малолюдствѣ, какое было по Турѣ и Тавдѣ во время прихода Ермака. Этимъ только и можно объяснить, что дружина его, не свыше 500 человѣкъ, покорила цѣлую страну. Повидимому, не многочисленно было населеніе сѣверныхъ финскихъ странъ и въ предшествовавшіе вѣка. Изъ описанія зимняго похода князей *Курбскаго*, *Ушатаго* и *Бражника* въ 1500 году на восточную сторону Урала, до города Ляпина, видно, что небольшая русская рать не встрѣтила здѣсь особенныхъ сопротивленій, быстро покорила страну по нижней Оби и Кондѣ (присоединеніе къ царскому титулу именованія вел. кн. Обдорскаго и Кондинскаго) и возвратилась въ Москву „далъ Богъ здорово вовсе". Тоже самое мы видимъ въ дѣйствіяхъ казаковъ послѣ Ермака, въ XVII в.—финское населеніе было крайне малочисленно и безсильно. Если въ историческихъ актахъ и въ книгѣ Большого Чертежа упоминается о вогульскихъ и остяцкихъ городахъ, то подъ этимъ именемъ нельзя разумѣть не только настоящихъ городовъ, но даже тѣхъ небольшихъ земляныхъ укрѣпленій, съ которыми имѣетъ дѣло археологія.

ріею для выхода съ Тавды на Печору, или на Вишеру и верхнюю Каму, въ нынѣшнемъ Чердынскомъ уѣздѣ.

По рѣкамъ *Тоболу* и *Турѣ* наиболѣе важныя изъ древнихъ земляныхъ укрѣпленій встрѣчаются на мѣстахъ нынѣшнихъ городовъ Ялуторовска и Тюмени. Мѣсто гдѣ нынѣ стоитъ Ялуторовскъ (основанный въ 1659 г.) у татаръ носило названіе *Явлу-Тура*, что значитъ прикрытый, укрѣпленный городъ. Такое имя было дано ему по причинѣ находившагося здѣсь древняго городища, расположеннаго на лѣвомъ берегу Тобола, при устьѣ рѣки Исети. По описанію Абрамова*) городище это съ двухъ сторонъ было окружено рѣкой, съ третьей оно примыкало къ озеру *Чатъ*, а съ четвертой открытой стороны было защищено *двойнымъ* рвомъ, глубиною въ 3 сажени; между рвами находился земляной валъ, примыкавшій концами къ берегу рѣки Тобола. Площадь городища, во второй половинѣ XVII в., при построеніи Ялуторовскаго острога, имѣла 70 саженъ длины и 50 саж. ширины. Какъ бы въ подкрѣпленіе этого пункта, въ 33 вер. выше по Тоболу, недалеко отъ Заводоуковскаго села, возвышенный береговой мысъ оказывается тоже укрѣпленнымъ землянымъ валомъ, длиною около версты. Внутри того и другого изъ этихъ городищъ, съ словъ Абрамова, замѣчается много бугровъ, на подобіе могилъ. Въ окрестностяхъ по берегамъ Тобола находится много высокихъ земляныхъ кургановъ.

Отъ Ялуторовска на западъ линія древнихъ укрѣпленій идетъ по лѣвому берегу рѣки *Исети*. Въ семи верстахъ отъ села Исетскаго, къ западу, при рѣчкѣ Юрюмѣ, на горѣ находится очень красивый берегъ, выдающійся мысомъ. Этотъ мысъ обнесенъ землянымъ валомъ и рвомъ, около 100 саженъ въ окружности; внутри этого пространства, называемаго «Чудское городище» стоитъ земляной курганъ.—Далѣе вверхъ по Исети, въ $3^1/_2$ верстахъ отъ села Рафаиловскаго, на высокомъ берегу снова встрѣчается городище, окруженное валомъ и рвомъ. Оба они находятся на берегу пересохшаго стараго русла Исети (старицы), въ 300 саженяхъ отъ нынѣшняго теченія рѣки.

Слѣдующее городище по р. Исети находится въ 6 верстахъ (къ востоку) отъ села Далматовскаго (бывшій заштатный городъ Далматовъ), на правой сторонѣ рѣчки *Суварыша*, здѣсь же впадающей въ Исеть, (лѣвый притокъ) почти противъ устья значительной рѣки Течи, праваго притока Исети. Валы и рвы этого городища имѣютъ видъ неправильнаго шестиугольника. Внутри его и въ окрестностяхъ находятся земляные курганы. Одинъ изъ нихъ, вышиной не менѣе 3—4 саженъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда я жилъ въ Далматовѣ, стоялъ на самой окраинѣ селенія, къ сѣверо-во-

*) *Абрамовъ.* Курганы и городища въ Тюменскомъ, Ялуторовскомъ и Курганскомъ уѣздахъ Тобол. губ. Извѣстія Импер. Археологич. общ. Т. 2, стр. 220. С.-Петербургъ. 1861 года.

стоку. Онъ состоялъ изъ чистаго чернозема, что я помню потому, что жители Далматова брали отсюда землю для засыпки потолковъ (на чердакахъ избъ), вслѣдствіе чего въ курганѣ оказалась довольно глубокая выемка, въ родѣ траншеи, дававшая возможность судить о строеніи его толщи. Помню также, что въ городищѣ на Суварышѣ находили много узорчатыхъ черепковъ битой глиняной посуды; попадались также и костяныя стрѣлки, которыя мы, будучи дѣтьми, особенно любили розыскивать.

Западнѣе Далматова до самаго Екатеринбурга городищъ, повидимому, совсѣмъ не встрѣчается. Ихъ не оказывается также и южнѣе Исети, по рѣкамъ Течѣ и Міасу, насколько мнѣ извѣстны эти мѣста. Между тѣмъ на этомъ пространствѣ находится не мало кургановъ, большею частью разсѣянныхъ не многочисленными группами. Это доказываетъ, что Исетская провинція нѣкогда входила въ черту однороднаго курганнаго царства и потому не нуждалась въ особой искуственной охранѣ, направленной почти исключительно противъ сѣверныхъ лѣсныхъ областей.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію древнихъ укрѣпленій по Турѣ, Тагилу и Чусовой, мы остановимся на городищахъ рѣки *Иртыша*, замыкавшихъ Тобольскую стратегическую линію съ востока. Всѣ они располагаются на правомъ высокомъ берегу Иртыша и сосредоточиваются преимущественно противъ устья р. Тобола, какъ главнаго выхода на многоводный и широкій Иртышъ изъ центра сибирскаго курганнаго царства, занимавшаго южную половину нынѣшней Тобольской губерніи. Иртышъ самъ по себѣ представлялъ самую крупную артерію сибирскихъ водяныхъ сообщеній. Начинаясь отъ Китайскихъ границъ, онъ прорѣзаетъ прямою линіею всю западную Сибирь, давая удобнѣйшій естественный путь на сѣверъ не только для произведеній Алтая, но и для торговыхъ сношеній съ нѣдрами Азіи. Кромѣ того, по Иртышу же должны были происходить торговыя и иныя сношенія съ существовавшими значительными центрами курганнаго населенія въ нынѣшнихъ Тарскомъ, Каинскомъ, Барнаульскомъ и Семипалатинскомъ округахъ. *)

Нельзя не обратить вниманія на тотъ археологическій фактъ, что ни въ верхнихъ плесахъ Иртыша, начиная съ Тары, ни въ глубинѣ Семипалатинскихъ, Акмолинскихъ и Ишимскихъ степей**) почти совсѣмъ не встрѣчается

*) Курганнымъ населеніемъ мы называемъ то племя, у котораго существовалъ обычай курганнаго погребенія. Распространеніе его и сосредоточеніе въ извѣстныхъ областяхъ опредѣляется по сохранившимся многочисленнымъ группамъ курганныхъ могилъ. Въ Западной Сибири такихъ мѣстностей весьма много. Подробное топографическое описаніе ихъ будетъ составлять предметъ особой главы въ спеціальной части нашего сочиненія. По топографическому распространенію этихъ кладбищъ можно будетъ видѣть, какія области были заняты курганнымъ племенемъ и какое отношеніе они имѣли къ городищамъ, обыкновенно располагавшимся по границамъ или внутри инородческаго (финскаго) населенія.

**) Въ путешествіи *Палласа* (ч. II, кн. 2, стр. 88) упоминается только объ одномъ городищѣ близъ села *Боровскаго*, Ишимскаго округа, лежащемъ на высокомъ яру при излучинѣ р. *Карасуля*, впадающей въ Ишимъ. Валы *дугообразной формы*, имѣютъ протяженіе 250 шаговъ. Въ окрестностяхъ этого городища множество кургановъ.

городищъ, не смотря на множество курганныхъ кладбищъ и слѣдовъ древняго металлургическаго промысла. Не доказываетъ ли это, что вся вышеочерченная страна представляла въ то время однородное, не враждовавшее между собою населеніе, которому не было надобности охранять себя искусственными крѣпостями. Городища, какъ мы уже говорили, появляются по Иртышу въ предѣлахъ Тобольскаго округа, противъ устья р. Тобола. Этотъ пунктъ требовалъ стратегической охраны главнымъ образомъ потому, что рѣкою Тоболомъ открывался выходъ съ Иртыша въ Тавду и Туру, черезъ которыя, какъ мы видѣли выше, проходилъ путь на Чусовую и Каму, въ Болгарію и Великую Пермь. Кромѣ того, отъ устья Тобола, къ востоку и сѣверу, начиналось коренное финское царство, съ непроходимою тайгой и болотами, откуда можно было ожидать враждебныхъ дѣйствій.

Городища по р. Иртышу почти исключительно сосредоточены въ окрестностяхъ нынѣшняго города Тобольска. Ближайшее изъ нихъ находится въ 3—4 верстахъ отъ города, на правомъ берегу Иртыша, на такъ называемомъ *Чувашскомъ мысу*, почти противъ самаго (прежняго) устья р. Тобола. Крутой, почти отвѣсный берегъ рѣки здѣсь имѣетъ вышину до 25 саженъ. Восточная, открытая сторона мыса была искусственно укрѣплена земляным валомъ, шириною до 5 арш., и рвомъ, глубиною въ 3 аршина и шириною болѣе 3-хъ саженъ. Слѣдующее городище *Искеръ* находится въ 20 верстахъ отъ Тобольска, вверхъ по тому же берегу рѣки, на такъ называемой Алафейской горѣ, имѣющей до 35 саженъ вышины, въ 6 верстахъ отъ села *Абалакскаго*, при впаденіи въ Иртышъ небольшой рѣчки *Сибирки* (См. приложенный планъ). Оно носитъ также названіе *Кучумова городища*. Это укрѣпленіе съ двухъ сторонъ защищается обрывистымъ высокимъ берегомъ Иртыша и ущельемъ, по которому протекаетъ рѣчка Сибирка, а съ остальныхъ двухъ сторонъ укрѣплено *тройнымъ рядомъ валовъ*, изъ коихъ одинъ выше другого, и полузасыпавшимися нынѣ рвами (до 2-хъ аршинъ глубины). Самая площадь городища, не болѣе 50 саженъ въ діаметрѣ, нынѣ заросшая дикою травою, покрыта буграми и ямами, образовавшимися частію отъ бывшихъ здѣсь раскопокъ, частію отъ существовавшихъ когда-то строеній. За валами и за рѣчкою Сибиркою сохранилось до сего времени нѣсколько довольно значительной величины кургановъ. На мѣстѣ нынѣшняго села Абалакскаго, въ 6—7 верстахъ отъ Кучумова городища, тоже на берегу Иртыша около 25 саж. вышины, въ 40-хъ годахъ существовали рвы и валы, указывающіе, что здѣсь также было городище. Наконецъ, въ 50 верст. отъ Тобольска, вверхъ по Иртышу, находятся остатки древняго укрѣпленія—*Касимъ-Тура*, окруженнаго рвами и валами. Наружный ровъ имѣетъ до 7 арш. ширины и до 1½ арш. глубины, а валъ шириною 2 саж. и вышиною 1 арш.; второй ровъ шириною до 2 саж. и

глубиною до 2 аршинъ, а валъ шириною до 3 арш., вышиною 1 арш.*) Валы Искера и Чувашской горы имѣютъ *полукруглое очертаніе* (форма кокошника), примыкая концами къ обрыву берега, форма же городища *Касимъ-Тура* мнѣ неизвѣстна.

О Тобольскихъ городкахъ упоминается въ сибирскихъ лѣтописяхъ при описаніи похода Ермака противъ Кучума. Эти свѣдѣнія заслуживаютъ полнаго вниманія потому, что они заносились въ лѣтопись по свѣжимъ слѣдамъ мѣстныхъ воспоминаній о подвигахъ Ермаковой дружины. Слѣды древнихъ городищъ, естественно, служили при этомъ для повѣствователей какъ бы нагляднымъ доказательствомъ недавнихъ преданій какъ о мѣстѣ пребыванія Кучума, такъ и о происходившихъ здѣсь битвахъ. Въ лѣтописи *Саввы Есипова* сказано; «самъ же царь (Кучумъ) повелѣ засѣку учинити *подлѣ рѣку Иртышъ подъ Чувашевымъ* и засыпати землею и многими крѣпостьми утвердити, яко же есть достойно утвержденія.» Почти тѣми же словами описывается сооруженіе названной засѣки у *Ремезова* (въ Тобольскомъ лѣтописцѣ) и въ такъ называемой Строгановской лѣтописи. Здѣсь въ словахъ лѣтописца нужно обратить вниманіе, что засѣка была устроена *не на горѣ,* гдѣ находится Чувашское городище, *а на нижней террасѣ возлѣ самой рѣки.* Слѣдовательно, татары не понимали значенія городища и не умѣли имъ пользоваться. Подходя къ Иртышу въ стругахъ, казаки держались лѣваго, луговаго берега Тобола, гдѣ они были безопасны отъ татарскихъ полчищъ, сновавшихъ по правому берегу. Тому же пріему они слѣдовали, войдя въ Иртышъ изъ Тобола, при устьѣ котораго собралась татарская рать «овіи на конехъ, овіи же пѣши». Здѣсь, при устьѣ Тобола, (т. е. между Тоболомъ и лѣвымъ берегомъ Иртыша) казаки высадились: «на брегъ взыдоша и поставиша брань: и въ то время бысть смертное пораженіе поганымъ, и вдашася поганіи невозвратному бѣгству. Царь же Кучумъ видя (съ другого берега Иртыша, черезъ рѣку) своихъ паденіе, изыде со многими людьми на высоко мѣсто, на гору, рекомую Чувашеву; у засѣки же подъ горой сынъ его Маметкулъ со многими же людьми». Но Ермакъ, какъ и слѣдовало ожидать, не пошелъ къ укрѣпленнымъ горамъ, а придерживаясь лѣваго берега, направился вверхъ по Иртышу. Въ трехъ верстахъ отъ устья Тобола, гдѣ нынѣ находится татарская деревня Заостровныя Юрты, существовалъ небольшой городокъ, вѣроятно, укрѣпленный тыномъ (признаковъ валовъ здѣсь нѣтъ), гдѣ жилъ тогда татарскій мурза Атикъ. Ермакъ безъ труда овладѣлъ этимъ пунктомъ, прогналъ татаръ и устроилъ въ городкѣ свой первый укрѣпленный станъ. Здѣсь онъ обдумалъ свои дальнѣйшіе планы, выждалъ благопріятное время, и 23 октября 1581 года переправился

*) Списки населенныхъ мѣстъ. Тобольская губернія. Спб. 1871 г. стр. LXXXIX.—*Миллеръ.* Описаніе Сибирскаго царства Спб. 1750 стр. 135.

на своихъ стругахъ черезъ широкій Иртышъ на правую его сторону, чтобы поразить татаръ въ рѣшительной битвѣ подъ Чувашскою горой (Подчуваши). *Подчувашами* до сихъ поръ называется нижняя площадка земли между рѣкою и крутымъ берегомъ Чувашскаго мыса, образовавшаяся вслѣдствіе отступленія русла Иртыша къ западу (см. приложенный планъ). Она служитъ продолженіемъ той низменной равнины, на которой нынѣ расположена подгорная половина города Тобольска. Все это пространство занимаетъ мѣста около 4—5 верстъ въ длину и не болѣе версты въ ширину. Стѣсненное крутымъ береговымъ яромъ и рѣкой, оно представляло очень невыгодную позицію для Кучумовыхъ воиновъ. Выборъ такого неудобнаго мѣста для рѣшительной битвы доказываетъ, что татары не понимали значенія укрѣпленныхъ позицій и что ихъ военная тактика не имѣла ничего общаго съ тѣми земляными крѣпостями, которыя оказываются въ разсматриваемой мѣстности по высокому берегу рѣки. Проигравъ битву, татары, по свойственной имъ привычкѣ, искали спасенія въ быстротѣ своихъ коней, не подумавъ о томъ, что въ ихъ распоряженіи были такія крѣпкія позиціи, какъ укрѣпленные валами и рвами *Чувашскій мысъ и Искеръ*, считавшійся столицею Кучума. Такое быстрое бѣгство удивило Ермака, никакъ не предполагавшаго, что Искеръ будетъ брошенъ безъ боя и окажется пустымъ. Вотъ какъ описываетъ это событіе сибирскій лѣтописецъ Савва Есиповъ: «Егда же убо подъ Чювашевымъ ста (остановилось, прекратилось) бранное ополченіе, воинстіи людіе утрудишася, уже бо нощи пришедши, отъидоша оттуду*) и обночевашася... На утріе же поидоша ко граду Сибири безъ боязни. Да якоже приближишася близъ града—и не бѣ слышати во градѣ ни гласа, ни послушанія; мняще же яко егда скрышася во градѣ окаянніи». Отъ Атика до Искера (около 20 верстъ вверхъ по Иртышу) казаки, очевидно, шли по рѣкѣ, на стругахъ. Искеръ стоялъ на отвѣсной кручѣ высокой горы и подняться къ нему можно было только по ущелью рѣчки Сибирки; поэтому понятна осторожность Ермака, опасавшагося засады и недовѣрявшаго встрѣченной тишинѣ и безлюдью. На самомъ дѣлѣ оказалось, что верхній Иртышскій берегъ былъ пустъ и укрѣпленія Кучумовой столицы, о которыхъ Ермакъ очевидно имѣлъ уже свѣдѣнія, безпрепятственно могли быть заняты русскою ратью, основавшеюся на этомъ, почти неприступномъ мѣстѣ съ цѣлію провести здѣсь первую трудную зиму.

Останавливаясь на лѣтописныхъ повѣствованіяхъ о завоеваніи Сибири Ермакомъ, мы имѣли въ виду уяснить себѣ по историческимъ источникамъ вопросъ о городищахъ на Иртышѣ. Какъ извѣстно, городища эти принято

*) По другимъ спискамъ: «казаки же съ побоища того поидоша во свой градъ (т. е. въ станъ по другую сторону рѣки),—понеже утрудишася, и поставиша стражу крѣпку, сами же нощью почиша».

считать татарскими, основываясь будто бы на сибирскихъ лѣтописцахъ *). На самомъ же дѣлѣ мы видимъ, что въ лѣтописяхъ нѣтъ на это прямыхъ указаній, за исключеніемъ того, что Искеръ называется столицею Кучума. Слово *Искеръ* на татарскомъ языкѣ значитъ собственно старое жилое мѣсто, (отъ татар. слова *Иски* старый) что соотвѣтствуетъ русскому слову городище, но не настоящій городъ. Такое названіе, очевидно, было присвоено Искеру, какъ урочищу, окруженному древними валами и рвами, въ сосѣдствѣ съ которымъ, можетъ быть, существовало въ XVI в. какое—либо остяцкое, или татарское поселеніе. Само по себѣ это городище, въ предѣлахъ его валовъ, по размѣрамъ своимъ (въ 50—60 саж. въ діаметрѣ) могло бы служить только цитаделью или опорнымъ пунктомъ для защиты, но никакъ не столицею царства **). Между тѣмъ, по сибирскимъ лѣтописямъ не видно, чтобы Кучумовцы дорожили и пользовались такими опорными пунктами. На Чувашскомъ мысу была прекрасная, укрѣпленная валами, позиція, но они въ рѣшительную минуту не обратили на нее вниманія. Равнымъ образомъ они не воспользовались и земляными укрѣпленіями Искера, очевидно не придавая имъ значенія. По этимъ актамъ можно уже заключить, что земляные валы названныхъ городищъ были сооружены не въ татарскую эпоху. Археологическія изслѣдованія, о которыхъ мы скажемъ ниже, безспорно убѣждаютъ въ правильности такого заключенія.

Если современные намъ ученые историки и археологи не затрудняются приписывать всѣ Тобольскія древности Кучумовскимъ татарамъ, то тѣмъ болѣе это было простительно старымъ сослуживцамъ Ермака, дававшимъ показанія архіепископу Кипріану. Не мудрствуя о сѣдой старинѣ и не имѣя

*) Первыя свѣдѣнія о походѣ Ермака, какъ извѣстно, были собраны и записаны, сорокъ лѣтъ спустя послѣ покоренія Сибири, Тобольскимъ архіепископомъ *Кипріаномъ*, въ 1622 году: «Во второе лѣто архипастырства своего онъ повелѣ спросити Ермаковыхъ казаковъ: како они пріидоша въ Сибирское царство и гдѣ у нихъ съ погаными были бои и кого у нихъ поганіи убили. Казаки же принесоша ему списки, како они пріидоша въ Сибирь и о бояхъ». Эти данныя послужили основою для составленія первой сибирской лѣтописи, составленной *Саввою Есиповымъ* въ 1636 году. Такъ называемая *Строгановская лѣтопись* составлена, неизвѣстно кѣмъ, не раньше второй половины XVII столѣтія. *Ремезовская лѣтопись*, или Тобольскій лѣтописецъ, написана въ концѣ XVII в., около 1697—1699 года. Наиболѣе достовѣрною можно считать лѣтопись Есипова, основанную на показаніяхъ участниковъ Ермакова похода. Интересующія насъ мѣста битвъ съ татарами здѣсь не могли быть перепутаны, потому что у живыхъ разсказчиковъ, сподвижниковъ Ермака, они должны были сохраниться въ памяти и въ точности указаны тутъ же на мѣстѣ, въ окрестностяхъ Тобольска. Читая это повѣствованіе и примѣняя его къ мѣстнымъ топографическимъ условіямъ, нельзя не убѣдиться въ его правдивости. Кромѣ огнестрѣльнаго оружія и храбрости дружины, Ермаку главнымъ образомъ помогало то обстоятельство, что его непріятели были безсильны на водѣ, не имѣя рѣчной флотиліи; кромѣ того, они не умѣли обороняться въ укрѣпленныхъ позиціяхъ.

**) Городища *Чуваши* и *Искеръ* нѣсколько разъ были разрываемы Тобольскими любителями археологіи, поэтому валы ихъ въ настоящее время сильно попорчены и не могутъ дать полнаго представленія о прежнемъ ихъ видѣ, напр. въ то время, когда ихъ описывалъ Лепехинъ.

объ ней никакого понятія, они, естественно, относили къ мѣстному сибирскому населенію всѣ мѣста и урочища, о которыхъ шла рѣчь. Поселившись въ занятомъ ими укрѣпленномъ городкѣ Искерѣ, они имѣли основаніе называть его столицею сибирскаго царства уже потому самому, что съ занятіемъ этого пункта исчезло сибирское царство и Кучумова осѣдлость.

Былъ ли Искеръ окруженъ только земляными валами, или имѣлъ также деревянный полисадъ, объ этомъ лѣтописи не говорятъ. Если здѣсь дѣйствительно существовалъ укрѣпленный городокъ съ жилыми домами, то вѣроятнѣе предположить, что онъ былъ обнесенъ деревяннымъ тыномъ, по примѣру остяцкихъ городковъ того времени. Въ томъ же родѣ, вѣроятно, былъ устроенъ городокъ *Атыкъ Мурзы*, на лѣвомъ берегу Иртыша, гдѣ въ первый разъ утвердился Ермакъ послѣ высадки на лѣвый берегъ. Здѣсь земляныхъ валовъ не оказывается, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ упоминаемыхъ въ лѣтописи татарскихъ резиденцій, напр., *Улусъ-Карачи*, *Бацыкъ-Тура*, *Касымъ-Тура*, городокъ царицы *Сузге*, городокъ *Маметкула* и пр. (см. приложенный планъ). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что земляныя укрѣпленія, сохранившіяся до сего времени по высокому берегу рѣки, построены были не татарами*).

По поводу Тобольскихъ городищъ мы позволили себѣ коснуться нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ, въ надеждѣ, что это можетъ послужить къ уясненію взгляда на сибирскія древности вообще. Тобольскія городища принадлежатъ къ числу весьма немногихъ пунктовъ въ Сибири, гдѣ было произведено не только наружное описаніе, но и археологическое изслѣдованіе самой почвы этихъ древнихъ укрѣпленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ объ нихъ имѣются и историческія указанія, разъясняющія, какъ мы показали выше, ошибочность установившагося взгляда, будто бы эти памятники старины относятся не къ доисторической эпохѣ, а ко временамъ болѣе близкимъ.

Раскопки городища и кургановъ на Чувашскомъ мысу были произведены въ концѣ 70-хъ годовъ Тобольскимъ чиновникомъ г. *Знаменскимъ* и въ 1881 году предсѣдателемъ Тобольскаго губернскаго правленія А. И. *Дмитріевымъ-Мамоновымъ*. Послѣднимъ было раскопано болѣе десятка кургановъ, находившихся частію въ чертѣ городища, частію внѣ его валовъ, въ ближайшемъ отъ нихъ разстояніи. Эта работа отличалась особенной научной тщательностью и результаты раскопокъ въ точности занесены въ журналъ по мѣсту и обстановкѣ нахожденія предметовъ. Раскопки Знаменскаго ка-

*) Сибирскіе городки во времена Едигера и Кучума могли строиться вогулами, остяками и татарами не иначе, какъ по примѣру казанскихъ, болгарскихъ и русскихъ. Тѣ и другіе въ эту эпоху окружались деревянными стѣнами, полисадами, или засѣками, но не земляными открытыми валами. Поэтому въ финскихъ сѣверныхъ странахъ, при большомъ числѣ существовавшихъ тамъ городковъ, напримѣръ, перечисляемыхъ въ книгѣ Большого чертежа, отъ нихъ въ настоящее время не осталось никакого слѣда.

сались преимущественно площади и валовъ городища, но мѣсто нахожденія его древностей не отмѣчалось съ такою топографическою точностью. Знаменскій собиралъ свою коллекцію для продажи, поэтому въ нее отчасти поступили и нѣкоторые курганные предметы, а также извлеченные изъ городища Искеръ; Дмитріевъ-Мамоновъ руководился исключительно научными интересами и его коллекція не заключаетъ въ себѣ никакихъ случайныхъ находокъ. Та и другая коллекціи въ настоящее время находятся въ археологическомъ музеѣ Томскаго университета: первая была пріобрѣтена мною въ 1881 году отъ Знаменскаго за 300 руб. на средства М. К. Сидорова, а вторая подарена университету А. И. Мамоновымъ въ 1885 году. О значеніи этихъ коллекцій, взаимно пополняющихъ одна другую, можно судить по перечню предметовъ въ печатномъ каталогѣ Томскаго музея*).

Г. Знаменскій описываетъ свои находки такимъ образомъ: „снявъ аршинный, наросшій въ продолженіи вѣковъ, слой земли, принялся я разбираться въ остаткахъ брошеннаго города. Впереди, по всему краю холма, лежатъ въ безпорядкѣ наконечники костяныхъ стрѣлъ разнообразной формы; между ними найдено нѣсколько желѣзныхъ; тутъ же костяные топоры (скребки, по каталогу №№ 209—263), кое гдѣ колечки отъ кольчугъ и маленькія костяныя стрѣлки... Въ центрѣ укрѣпленія—остатки большихъ костровъ (угли), кости лошадей, оленей, птицъ и множество рыбьихъ костей; тутъ же масса разбитой глиняной посуды и небольшое число костяныхъ ложекъ, грубо отдѣланныя, неоконченныя стрѣлы, свистки для приманки птицъ и пр. Внѣ валовъ найдены каменныя и гончарныя привѣски къ неводамъ, костяные ножи для чистки рыбы, небольшія глиняныя лошадки съ накладными сѣдлами и изъ глины же сдѣланнымъ сѣдокомъ“ (Тобольскія Губернскія Вѣдомости 1881 года № 17).

Костяныя стрѣлы, во множествѣ находимыя въ валахъ и на площади городищъ Чувашскаго мыса и Искера, также часто встрѣчаются въ прочихъ городищахъ Сибири и Камской Болгаріи. Они могутъ быть отнесены къ такъ называемой *Гуннской эпохѣ*, или вообще къ первымъ вѣкамъ послѣ Р. Х. Во время похода Ермака и ранѣе того при нашествіи татаръ на Россію объ этихъ стрѣлахъ не было уже помина**). Еще болѣе подтверж-

*) Каталогъ изданъ мной въ 1888 году. Коллекціи Знаменскаго и Мамонова занимаютъ въ немъ №№ 1—1070, стр. 1—52. Оцѣнка археологическаго значенія этихъ предметовъ, отчасти уже намѣченная въ примѣчаніяхъ къ изданному каталогу, будетъ подробнѣе изложена въ соотвѣтствующихъ главахъ настоящаго сочиненія.

**) Въ *Далматовскомъ* Успенскомъ *монастырѣ*, основанномъ въ 1644 году, если не участникомъ похода Ермака, то близкимъ къ этому времени Тобольскимъ жителемъ, Дмитріемъ Мокринскимъ, въ бытность мою тамъ (въ 40-хъ годахъ) существовало довольно значительное собраніе древняго татарскаго оружія, въ томъ числѣ очень много стрѣлъ, луковъ и колчановъ. Ни одного костяного наконечника тамъ не было и, сколько мнѣ извѣстно, такихъ стрѣлъ не оказывается ни въ одной коллекціи оружія историческаго времени; объ нихъ не упоминаютъ также и русскія лѣтописи.

даютъ доисторическую древность городища находимыя здѣсь массы орнаментированныхъ черепковъ битой глиняной посуды. По формѣ своей и рисункамъ, оттиснутымъ по сырой глинѣ, эти культурные остатки вполнѣ тождественны съ курганными (погребальными) горшечками, найденными какъ при раскопкѣ тобольскихъ кургановъ, такъ и во всѣхъ сибирскихъ и россійскихъ городищахъ и курганныхъ могилахъ. Эти орнаментированные черепки несомнѣнно доказываютъ, что тобольскіе городища и курганы существовали одновременно и принадлежали одному и тому же народу. О татарахъ и финскихъ народностяхъ здѣсь опять не можетъ быть рѣчи, такъ какъ ни тѣ, ни другіе, за исключеніемъ вполнѣ осѣдлыхъ и давно обрусѣвшихъ, глиняной посуды до сихъ поръ не употребляютъ. При кочевой и бродячей жизни, она не могла войти въ употребленіе по причинѣ своей хрупкости и неудобства перевозки. Бронзовыя и мѣдныя издѣлія архаической формы, найденныя въ тобольскихъ городищахъ, также оказываются весьма сходными съ курганными находками этого рода, и по типу своему не могутъ быть относимы къ историческому времени (См. каталогъ Томскаго археологическаго музея). Все это вполнѣ подтверждаетъ, что городища по берегу Иртыша и тутъ же находящіеся курганы суть сверстники между собой и къ татарской эпохѣ они относимы быть не могутъ. Слѣдовательно, если даже буквально довѣрять словамъ лѣтописца, что Искеръ служилъ столицею сибирскаго царства, то это слѣдуетъ понимать не иначе, какъ въ смыслѣ основанія новаго городка на существовавшемъ здѣсь ранѣе укрѣпленномъ земляными валами мѣстѣ. Такіе примѣры многократно встрѣчаются въ исторіи населенныхъ мѣстъ.

Кстати здѣсь мы можемъ сказать еще нѣсколько словъ по поводу того, что съ тобольскими городищами, чаще всего съ Искеромъ, обыкновенно связываютъ происхожденіе *названія Сибири*. „По тому царствующему граду *Сибири старой*, говоритъ лѣтописецъ, и *по рѣчкѣ Сибиркѣ* вся страна сибирская отъ Верхотурскаго Камени, и до Лены, и до Даурскія земли, и до моря наречена бысть Сибирью.—И вмѣсто царствующаго града *старыя Сибири* Тобольскъ, новый градъ старѣйшинство пріятъ и стольный нарѣчеся градъ въ лѣто 1586 года“ *). Имя Сибири, какъ видно изъ царскихъ грамотъ и другихъ историческихъ актовъ, было извѣстно на Руси по меньшей мѣрѣ за полсотни лѣтъ до Ермака. Оно относилось и къ странѣ, и къ городу, а можетъ быть и къ народу, въ томъ смыслѣ, какъ у насъ говорилось: Пермь, Болгары, Югра. О происхожденіи слова Сибирь я высказалъ свое мнѣніе раньше, въ замѣткѣ, помѣщенной въ первомъ томѣ «Извѣстій Томскаго университета» (за 1888—89 годъ), гдѣ я ставлю это слово въ

*) Древняя Россійская Вивліофика, изд. Новиковымъ. Изд. 2-е, часть III. Москва 1788, стр. 108.

связь съ именемъ Гунновъ *Савировъ или Сѣверянъ*, которые назывались такъ потому, что на прежней своей родинѣ занимали самую сѣверную страну по отношенію къ прочимъ гуннскимъ племенамъ. Такою страной за восточнымъ склономъ Урала могла быть только Тобольская область, по нижнему Тоболу, Исети и Турѣ. Главный пунктъ этой области находился на Иртышѣ, при устьѣ Тобола, гдѣ былъ центральный узелъ рѣчныхъ путей. Далѣе на сѣверъ и востокъ начиналась, какъ и нынѣ, глухая тайга, въ которой могли жить только бродячія финскія племена остяковъ и вогуловъ. Если ключемъ царства Савировъ дѣйствительно служили тѣ древнія укрѣпленія на берегу Иртыша, противъ устья Тобола, о которыхъ мы только что говорили, то городище Искеръ по праву могло носить названіе столицы древняго Савирскаго царства или *Старой Сибири*, какъ его называютъ лѣтописцы. Такимъ образомъ имя города Сибири, какъ столицы сѣверянъ или Савировъ, могло дѣйствительно существовать именно на томъ мѣстѣ, гдѣ указываютъ лѣтописи, и память объ этомъ могла сохраниться въ преданіи подобно тому, какъ она до сихъ поръ сохраняется о городѣ Болгарѣ (на Камѣ), не смотря на то, что уже около XII вѣковъ здѣсь нѣтъ и слѣда прежняго болгарскаго народа.

Высказанное предположеніе о столицѣ Савировъ или Старой Сибири не противорѣчитъ тѣмъ археологическимъ находкамъ, какія оказались при раскопкахъ на городищахъ и въ курганахъ Чувашскаго мыса и Искера. Масса найденныхъ костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ указываетъ на жившую здѣсь не татарскую, а на гуннскую народность. Византійскіе историки отмѣтили этотъ фактъ какъ характерную особенность Гунновъ. Такія же костяныя стрѣлы оказываются при раскопкахъ почти на всѣхъ сѣверно-сибирскихъ, уральскихъ и болгарскихъ городищахъ. Правда, онѣ встрѣчаются также и въ нѣкоторыхъ странахъ Западной Европы, особенно по мѣстамъ бывшихъ славянскихъ поселеній, но тамъ костяныя стрѣлки попадаются не такъ часто и не въ такомъ множествѣ, какъ въ Сибири. Онѣ могли быть занесены сюда тѣми же гуннами, или принадлежать ихъ одноплеменникамъ.

Если городища Старой Сибири дѣйствительно принадлежали гуннамъ-Савирамъ, то сдѣланныя здѣсь археологическія находки могли бы послужить къ разъясненію гуннскаго вопроса вообще. Самый типъ земляныхъ укрѣпленій, выборъ мѣста для нихъ на высокихъ береговыхъ мысахъ, большею частію полукруглая форма валовъ, курганныя могилы въ сосѣдствѣ съ городищами и типы бронзоваго оружія, утвари и украшеній,—все это могло бы служить доказательствомъ близкаго родства жившаго нѣкогда въ Сибири племени гунновъ съ племенемъ древнихъ камскихъ болгаръ и скиѳовъ южной Россіи. По этимъ признакамъ можно было бы заключить, что гунны, вышедшіе изъ Сибирскаго курганнаго царства, дѣйствительно представляли

собой многочисленную народность, родственную славянству по культурѣ, а можетъ быть и по племени, что камскіе древніе болгары составляли только часть этого племени, нѣкогда населявшаго всю южную Сибирь до меридіана Тобольска и передвинувшагося потомъ на Волгу, сѣверный Кавказъ и на Дунай. Такимъ образомъ по имени Сибири и по гуннамъ Савирамъ, въ связи съ вещественными памятниками ихъ пребыванія на Тоболѣ и Иртышѣ, можно было бы до нѣкоторой степени разъяснить запутанный вопросъ о гуннской народности. Намъ представляется весьма правдоподобнымъ, что никому другому, какъ этому племени, должны принадлежать сибирскіе памятники курганной эпохи, по крайней мѣрѣ, въ послѣднемъ періодѣ ея существованія. При такомъ взглядѣ на гунновъ объяснилась бы и историческая связь ихъ съ европейскими скиѳами, болгарами и славянами, о которой такъ много говорится у западныхъ писателей временъ Аттилы.

Послѣ Тобольскихъ городищъ, по плану нашего изложенія, мы должны еще указать на городища по р. Турѣ и ея притокамъ. Первое изъ нихъ, считая отъ Тобольска, находится на мѣстѣ нынѣшней Тюмени, т. е. на разстояніи около 250 верстъ. Такой большой промежутокъ незащищеннаго пространства, особенно при устьяхъ судоходныхъ рѣкъ Туры и Тавды, можно объяснить тѣмъ, что линія охраны отъ Иртыша направлялась не по Турѣ, а южнѣе, по Тоболу (см. Ялуторовскъ) и Исети, кромѣ сѣверной линіи, которая шла по Тавдѣ, какъ мы уже говорили выше. По возвышеннымъ берегамъ Туры находится не малое число земляныхъ кургановъ, доказывающихъ, что эта средняя полоса, между Тоболомъ и Тавдою, была въ древности заселена, такъ называемымъ, курганнымъ племенемъ въ тѣхъ участкахъ, гдѣ не было непроходимыхъ болотъ и глухихъ лѣсовъ.

Тюменское укрѣпленіе, также какъ Тобольскія городища Искеръ и Чуваши, принято приписывать татарскимъ ханамъ. Передъ завоеваніемъ Сибири оно будто бы носило названіе *Чимги* или *Чинги Тура**), но ни у одного сибирскаго лѣтописца не упоминается, чтобы Ермакъ, проходя Турою мимо нынѣшней Тюмени, встрѣтилъ здѣсь какое либо укрѣпленіе, или противодѣйствіе со стороны мѣстныхъ жителей. Очевидно, въ это время здѣсь не было никакого укрѣпленнаго пункта, ни татарскаго, ни вогульскаго, но существовало старое городище, на мѣстѣ котораго и былъ поставленъ въ

*) Свѣдѣнія о городкѣ *Чинги-Турѣ*, повидимому, имѣютъ такой же легендарный характеръ, какъ въ разсказахъ о Тобольскихъ городищахъ, происхожденіе коихъ связывалось въ преданіи съ городками татарскихъ владѣтелей. Не слѣдуетъ забывать, что сибирскіе татары, ногаи и башкирцы, конца XVI в. были кочевники. Ихъ бытовыя отношенія выражались словами *юртъ, аулъ, улусъ, орда*, но настоящаго понятія о городѣ они не имѣли. По русскимъ историческимъ актамъ осѣдлое населеніе по Турѣ было въ то время самое ничтожное (нѣсколько десятковъ душъ), и это были почти исключительно вогулы и остяки, которые въ актахъ иногда называются также „пашенными татарами“ (Миллеръ. Сибирская Исторія, стр. 230, 237).

1585 или въ 1586 г. воеводами Сукинымъ, Мясновымъ и Чулковымъ первый русскій городъ въ полузавоеванной сибирской странѣ. При выборѣ мѣста для города, воеводы, вѣроятно, руководились какъ высотою обрывистыхъ береговъ Туры и Тюменки, такъ и существовавшимъ здѣсь старымъ городищемъ, положеніе котораго вполнѣ отвѣчало стратегическимъ принципамъ русскихъ крѣпостей. Эти-то старые валы естественно возбуждали любопытство туземцевъ и русскихъ. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, происхожденіе ихъ приписывается либо неизвѣстному народу, либо знаменитому историческому лицу, въ данномъ случаѣ Чингизъ-Хану, откуда и произошло названіе Чинги-Тура.

Тюменское городище занимало такую же крѣпкую позицію, какъ Искеръ. Съ сѣвера оно примыкало къ высокому обрывистому берегу р. Туры, съ востока и юга его прикрывалъ глубокій оврагъ, по которому протекаетъ рѣчка Тюменка, а западная сторона, сливающаяся съ высокою равниною, была укрѣплена искусственно рвами и валами. Первый ровъ и валъ начинался отъ озера Лямина, близь нынѣшней Спасской улицы, и примыкалъ къ берегу р. Туры. Длиною онъ былъ 600 саженъ, вышиной около сажени. Второй ровъ и валъ направлялся параллельно первому *). Первоначальный острогъ, поставленный воеводами въ 1586 году, вѣроятно, занималъ только часть этого пространства, близь устья Тюменки. По обычаю того времени онъ состоялъ изъ деревяннаго заплота или полисада, подобно первому Тобольскому острогу, о которомъ есть свѣдѣнія, что онъ „былъ срубленъ Даниломъ Чулковымъ изъ судоваго, лодейнаго (барочнаго) лѣса небольшой, и острогомъ иное забиранъ, и стоялъ тотъ городъ по 1594 годъ“ **). Сколько времени стоялъ первый Тюменскій острогъ, неизвѣстно. Въ прошломъ столѣтіи, по описанію Лепехина ***), сохранялись еще живыя воспоминанія о полуразрушенныхъ стѣнахъ крѣпости (вѣроятно второй постройки), стоявшихъ на старомъ земляномъ валу: „На ономъ валу, говоритъ Лепехинъ, поставленъ былъ высокій полисадъ съ деревянными башнями, которыя отъ долговременности, такъ же какъ и деревянный кремль надъ ручьемъ Тюменкою, совсѣмъ пропали“. Въ настоящее время отъ Тюменскихъ укрѣпленій ничего не осталось.

Въ 20 верстахъ отъ Тюмени, по лѣвую сторону почтоваго тракта въ Ялуторовскъ, на берегу Андреевскаго озера, на такъ называемомъ Козьемъ мысу, И. Я. *Словцовъ* описываетъ нѣсколько земляныхъ городковъ, окруженныхъ рвами и валами, съ признаками бывшаго внутри ихъ жилья. При

*) Списки населенныхъ мѣстъ Тобольской губ. 1871 г. стр. LXXXVIII—Щекатовъ, Географическій словарь ч. VI 1808 г. стр. 511.

**) Записки къ сибирской исторіи служащія, или описаніе, сколько въ Сибири въ Тобольскѣ и во всѣхъ сибирскихъ городахъ и острогахъ бояръ и окольничихъ и стольниковъ и дворянъ и стряпчихъ на воеводствахъ бывали и пр. Древняя Россійская Вивліоѳика Н. Новикова, изд. 2-е, часть III. Москва 1788 года стр. 108.

***) *Лепехинъ*, Дневныя записки путешествія въ 1771 г. ч. III, стр. 5.

раскопкахъ здѣсь найдены были разныя каменныя орудія, много узорчатыхъ черепковъ битой глиняной посуды и *слѣды плавки желѣзной руды**). Эти городки, хотя также принадлежатъ къ очень древней эпохѣ, но судя по мѣстоположенію, едва ли имѣли значеніе оборонительныхъ пунктовъ, какъ городища по берегамъ рѣкъ.

Далѣе вверхъ по Турѣ, на правомъ, высокомъ ея берегу встрѣчается довольно много кургановъ, но старыхъ земляныхъ укрѣпленій, повидимому, нѣтъ ни одного. На мѣстѣ нынѣшняго города *Туринска* въ концѣ XVI вѣка существовалъ *Епанчинъ Улусъ*, но при немъ не было никакого укрѣпленія. Туринскъ, какъ извѣстно, основанъ былъ въ 1600 году послѣ того, какъ русскимъ промышленникомъ *Бабиновымъ* открыта была дорога въ Сибирь черезъ Верхотурье (въ 1597 г.). Городъ первоначально былъ огороженъ деревянною стѣною съ башнями, но никакихъ земляныхъ валовъ раньше здѣсь не было. Лепехинъ (ч. III, стр. 49) упоминаетъ о невысокомъ валѣ и рвѣ, окружавшихъ городъ съ западной и южной стороны, но эти сооруженія относятся къ русскому періоду.

Для построенія города *Верхотурья* (въ 1598 г.) было выбрано мѣсто древняго Чудскаго городища, носившаго названіе *Неромкура*. Довольно любопытна грамота, данная царемъ Ѳедоромъ Іоанновичемъ на построеніе этого города. Изъ нея видны принципы, которыми руководились у насъ при выборѣ мѣста для такихъ сторожевыхъ пунктовъ. Вотъ ея содержаніе, сообщенное Миллеромъ**): „Въ нынѣшнемъ въ 106 году октября въ 3 день, писалъ къ намъ изъ Перми Сарычъ Шестаковъ, да прислалъ городовому и острожному дѣлу роспись городище Неромкуру. А въ росписи написано: отъ рѣки отъ Туры по берегу крутова камени горы, отъ воды вверхъ высотою саженъ съ двѣнадцать и больше, а саженьми не мѣряно. А та гора крута, утесъ, и тово мѣста по Турѣ по рѣкѣ по самому берегу 60 саженъ большихъ, и по смѣтѣ де (по соображенію) тому мѣсту городовая стѣна не надобѣ, потому что то мѣсто добрѣ крѣпко, ни которыми дѣлы взлѣзть не можно, и по ихъ бы смѣтѣ потому мѣсту городовая стѣна не надобѣ, потому что то мѣсто и безъ городовыя стѣны всякова города крѣпче, развѣ-бъ по тому мѣсту велѣти хоромы поставить врядъ, что городъ же, да избы подѣлать, а дворы-бъ поставить постѣнно, а по угламъ города отъ рѣки отъ Туры поставить наугольныя башни“. По такому соображенію и была выстроена Верхотурская крѣпость: къ открытому полю поставлены деревянныя стѣны, а береговыя кручи оставлены безъ искусственнаго огражденія. О земляныхъ валахъ и рвахъ здѣсь не упоминается; ихъ не было и въ старомъ городищѣ Неромкурѣ.

*) Записки Западно-Сиб. отд. географ. Общ. Кн. VII вып. 1. 1885 г. стр. 16.

**) Миллеръ. Сибирская исторія, стр. 335.

Такимъ образомъ на протяженіи всей Туры, кромѣ Тюменскихъ валовъ, не оказывается ни одного древняго земляного укрѣпленія. Это можно объяснить, какъ мы уже говорили, тѣмъ, что охранительная линія водяныхъ путей проходила не по этой рѣкѣ, а по р. Тавдѣ. Небольшое пространство между этими параллельно лежащими рѣками не требовало охраны даже въ томъ случаѣ, если Тура въ древности служила такимъ же обычнымъ воднымъ путемъ изъ Сибири къ Уралу, какъ и Тавда, что, по всей вѣроятности, и было на самомъ дѣлѣ. Обѣ эти рѣки какъ въ настоящее время соперничаютъ между собою въ судоходствѣ, такъ и въ древности должны были служить одинаковой цѣли, съ тою лишь разницей, что первая изъ нихъ открывала путь къ среднему Уралу, на Чусовую и Каму, а вторая, при посредствѣ Богословской Сосвы и Лозвы, вела на Вышеру и Печору, т. е. прямо въ Великую Пермь*). Путь съ Туры черезъ Уралъ на Чусовую могъ имѣть нѣсколько направленій: 1) по р. Пышмѣ (правый притокъ Туры), параллельно нынѣшнему Тюменско-Екатеринбургскому тракту; 2) по р.р. Ницѣ и Нейвѣ (Невья) къ нынѣшнему Невьянскому заводу; 3) по р. Тагилу на Нижне-Тагильскій, или Черноисточинскій заводъ; 4) по Салдѣ на Кушвинскій заводъ и, наконецъ, въ 5) по верховьямъ Туры къ тому же пункту (см. выше стр. 230 примѣч.). Которое изъ этихъ направленій избиралось предпочтительнѣе, это могли бы рѣшить только археологическіе памятники по берегамъ названныхъ рѣкъ; но, къ сожалѣнію, этотъ матеріалъ до настоящаго времени не только не разработанъ, а даже не перечисленъ въ надлежащей полнотѣ. Укажемъ здѣсь на тѣ факты, какіе занесены въ литературу.

Въ запискахъ Уральскаго Общества любителей естествознанія (1887 г. Т. XI, вып. 1, стр. 103) горный инженеръ Ф. Ю. Гебауеръ описываетъ городище при селѣ *Кашинскомъ*, на правомъ берегу р. Кунары, недалеко отъ впаденія ея въ р. Пышму (въ 30 верстахъ отъ города Камышлова). Рѣка *Кунара* образуетъ въ этомъ мѣстѣ довольно длинную и узкую языкообразную извилину, огибая при этомъ высокій правый берегъ, который такимъ образомъ простирается въ видѣ длиннаго узкаго мыса слишкомъ на 500 метровъ на сѣверо-востокъ, отдѣляясь довольно рельефно отъ окружающей его долины рѣки и сравнительно низкаго ея лѣваго берега. Этотъ мысъ сплошь состоитъ изъ слоевъ горнаго известняка и возвышается на 50 метровъ выше уровня рѣки, имѣя при этомъ довольно крутые, мѣстами отвѣсные, боковые откосы. На этомъ мысу, съ трехъ сторонъ окруженному рѣкою, только одна сторона требовала искусственнаго огражденія. Для этой

*) Лозва, одна изъ двухъ составныхъ частей р. Тавды, беретъ начало противъ истоковъ Печоры на восточномъ склонѣ Урала. Первоначально, въ 1589 г. городъ *Пелымъ* былъ построенъ на Лозвѣ, при устьѣ Ивдиля, и назывался *Лозвинскимъ*, и только впослѣдствіи былъ перенесенъ на Тавду. До Ивдиля Лозва судоходна, а выше она протекаетъ въ необитаемыхъ мѣстахъ, потому перевалъ съ нее на Печору мало извѣстенъ.

цѣли были насыпаны два параллельныхъ земляныхъ вала, въ разстояніи 15 метровъ одинъ отъ другого, пересѣкающихъ мысъ во всю его ширину на протяженіи 25 метровъ. Впереди наружнаго вала замѣтенъ правильный ровъ. За этими валами съ внутренней стороны укрѣпленія находится еще болѣе высокая земляная насыпь подковообразной формы, расположенная на самомъ узкомъ мѣстѣ мыса. За нею разстилается совершенно ровная площадка городища, шириной 29 метровъ и длиной 65 метровъ. При раскопкѣ подковообразной насыпи она оказалась состоящею изъ чернобурой земли, перемѣшанной съ мелкимъ щебнемъ известняка, кусками древеснаго угля, частей обугленнаго дерева, обломковъ костей и узорчатыхъ черепковъ. Здѣсь же было найдено нѣсколько глиняныхъ бусъ, костяные наконечники стрѣлъ, глиняныя напрясла и т. п. Къ статьѣ г. Гебауера приложены планъ *Кунарскаго* мыса и городища и таблица рисунковъ съ найденныхъ при раскопкѣ предметовъ. Узорчатые черепки, напрясла и костяныя стрѣлки вполнѣ сходны съ такими же архаическими предметами, встрѣчающимися во всѣхъ древнихъ городищахъ курганной эпохи. По этимъ признакамъ можно съ увѣренностью сказать, что *Кунарское* городище относится къ доисторическому времени.

Кромѣ этого городища, другихъ ему подобныхъ по р. Пышмѣ мнѣ не извѣстно. Равнымъ образомъ я не нашелъ въ литературныхъ источникахъ никакихъ указаній о существованіи городищъ по рѣкамъ Ницѣ и Нейвѣ.

Къ числу археологическихъ знаковъ, коими отмѣчались древніе пути по рѣкамъ въ горныхъ мѣстностяхъ, принадлежатъ, между прочимъ, такъ называемые *писаные камни.* Значеніе ихъ до сихъ поръ остается не яснымъ, но нѣтъ сомнѣнія, что эти намалеванные на скалахъ бытовыя сцены и знаки обязаны своимъ происхожденіемъ не праздному желанію показать искусство малеванія. Подобные „писанцы“ на утесистыхъ берегахъ большею частію встрѣчаются въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ рѣка прорѣзаетъ горные хребты, или ведетъ къ водораздѣлу или волоку. Таковы писаные камни на вершинахъ и верхнихъ притокахъ Енисея, Абакана, Иртыша, Бухтармы; такое же положеніе они занимаютъ на Уралѣ, по рѣкамъ Вишерѣ и Тагилу, въ Семирѣченской области по р. Караталу и на берегахъ р. Томи, между Томскомъ и Кузнецкомъ (противъ устья Писаной рѣчки, близь деревни того же имени)*). Такъ какъ подобныя начертанія до сего времени были находимы почти исключительно въ глухихъ, мало на-

*) Григорій *Спасскій*, о достопримѣчательнѣйшихъ памятникахъ сибирскихъ древностей и сходствѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ великорусскими. Зап. Импер. русскаго геогр. общ. Кн. XII. 1857 г. стр. 135.—*Спасскій*, Сибирскій Вѣстникъ 1818 года.—*Strahlenberg*. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm 1730 p, 337 Tab. VII и VIII.—*Семеновъ*. Географическій словарь; см. рѣку Караталъ.—*Адріановъ*, Путешествіе на Алтай и за Саяны. Записки Импер. русск. геогр. общ. по общей географ. Спб. 1888, стр. 402, рис. табл. II.

селенныхъ и рѣдко посѣщаемыхъ мѣстахъ, то описаніе и даже перечисленіе ихъ въ опубликованныхъ литературныхъ источникахъ, по всей вѣроятности, далеко не полно. Впрочемъ, насъ въ данномъ случаѣ больше всего интересуютъ *начертанія* на скалахъ *по р. Тагилу*. Относительно ихъ въ Томскомъ археологическомъ музеѣ имѣется рукописный атласъ, неизвѣстно кѣмъ составленный, съ 12 таблицами въ листъ (№ по каталогу 2551), на которыхъ изображены снимки съ Тагильскихъ писаныхъ камней. На *Соколиномъ* и *Змѣевомъ* камнѣ, въ числѣ изображеній разныхъ фигуръ оказываются также отдѣльные знаки, похожіе на алфавитные, встрѣчающіеся въ такъ называемомъ руническомъ сибирскомъ письмѣ *). Присутствіе писаныхъ камней на скалистыхъ берегахъ рѣки Тагила можетъ служить доказательствомъ, что эта рѣка служила однимъ изъ переходныхъ путей съ Туры на Чусовую (перевалъ на рѣчку Серебрянку, по которой шелъ Ермакъ для завоеванія Сибири). Такъ какъ Тагильскія надписи, сколько мнѣ извѣстно, ни разу еще не были опубликованы, то я считаю не безполезнымъ приложить имѣющіеся у меня снимки къ настоящему изданію. *На табл. 1-ой* (по атласу листъ 4-й) воспроизводятся изображенія, начертанныя на камнѣ, называемомъ „*Балабанъ*“ на правомъ берегу р Тагила**). Изображенія размѣщены въ шести группахъ. На первой, съ лѣвой стороны, представлены только однѣ вертикальныя черты, въ двухъ горизонтальныхъ рядахъ, по три черты въ каждомъ. Въ слѣдующей группѣ, въ верхнемъ ярусѣ нарисованъ кругъ съ двойнымъ ободкомъ, а въ срединѣ его медвѣдь, къ шеѣ котораго сверху проведена длинная черта, наружный конецъ ея выходитъ за край круга. Въ нижнемъ ярусѣ той же группы изображенъ продолговато-овальный кругъ, въ родѣ лежащаго яйца, съ большою точкою внутри, ближе къ заднему концу. Рядомъ съ яйцомъ—животное въ родѣ соболя или бобра, съ длиннымъ хвостомъ, соприкасающимся съ яйцомъ. Въ третьей группѣ изображены два большіе шара; въ четвертой—въ верхнемъ ярусѣ фигура въ формѣ славянской буквы Г, а въ нижнемъ, повидимому, фигура человѣка. Въ пятой группѣ представлено животное, похожее на медвѣдя; въ шестой овальный лежачій кружокъ съ точкою въ центрѣ, а надъ нимъ зигзагъ въ родѣ того, какъ изображаютъ падающую молнію. *На табл. 2-й* (по атласу 5 и 6). На первомъ рисункѣ слѣва изображено начертаніе на камнѣ, называемомъ „*Караульный*“ на лѣвомъ берегу рѣки Тагила. Въ верхней половинѣ этого рисунка, слѣва и вверху, находятся

*) См. 51 примѣчаніе къ каталогу археологическаго музея Томскаго университета 1888 г. стр. 173.

**) Въ атласѣ рисунки изображены коричневою краскою; размѣръ ихъ въ прилагаемыхъ нами снимкахъ сохраненъ тотъ же самый, какъ въ оригиналѣ. Насколько точно рисунки воспроизводятъ подлинникъ на скалахъ, объ этомъ я судить не могу, но принимая во вниманіе тщательность выполненія снимковъ, можно относиться къ нимъ съ довѣріемъ.

два значка, похожихъ на алфавитные, а внизу фигура съ пятью неровными зубцами, направленными книзу, въ родѣ граблей. Въ правой половинѣ верхняго отдѣла въ самомъ верху изображенъ шаръ, а внизу, повидимому, алфавитные знаки. Въ нижней половинѣ рисунка представлены четыре косвенныя черты и одна вертикальная. Въ самомъ низу, какъ бы въ придаткѣ къ рисунку, изображенъ какой то сложный знакъ.

Слѣдующіе два рисунка, помѣщенные у насъ на томъ же листѣ, представляютъ надписи на камнѣ, называемомъ „*Соколей*“, тоже на лѣвомъ берегу р. Тагила. На рисункѣ 2-мъ изображены только алфавитные знаки; на рисункѣ 3-мъ вверху характерный алфавитный знакъ въ формѣ клѣтки съ выдающимися концами, весьма часто встрѣчающійся въ текстахъ древнихъ сибирскихъ письменъ. Рядомъ съ нимъ нарисованъ маленькій звѣрокъ. Въ нижнемъ ярусѣ того же рисунка слѣва представлена клѣтчатая фигура, въ родѣ бороны или оконной рамы, рядомъ съ ней нѣчто похожее на алфавитный знакъ, а справа и внизу клѣтка въ видѣ неправильнаго четырехугольника, раздѣленная по срединѣ чертой. *На табл. 3 й* (по атласу 8 и 7-й) помѣщены надписи на камнѣ, называемомъ „*Змѣевый*“, на лѣвомъ берегу Тагила. Здѣсь же помѣщенъ одинъ снимокъ тоже со Змѣеваго камня на правомъ берегу Тагила. Рисунки Змѣеваго камня расположены въ шести группахъ. Въ самой верхней слѣва изображенъ алфавитный знакъ и рядомъ съ нимъ горизонтальная черта. Ниже ихъ длинная колѣнчатая фигура съ привѣскою по срединѣ. Въ слѣдующей группѣ (2) налѣво нарисована фигура, похожая на грабли, съ пятью зубцами, обращенными влѣво; подъ нею такая же фигура съ четырьмя зубцами, обращенными вверхъ. Въ третьей группѣ (3) изображены алфавитные знаки. Въ четвертой группѣ (4) налѣво три алфавитныхъ знака, а подъ ними фигура неопредѣленнаго характера; тоже и съ правой стороны. Изображенія пятой фигуры (5) довольно сложны. Между ними, повидимому, находится нѣсколько алфавитныхъ знаковъ. На шестой группѣ (6) вверху нарисованъ одинъ алфавитный знакъ, а внизу неопредѣленная фигура. Рисунокъ на Змѣевомъ камнѣ праваго берега (7) представляетъ собою кругъ, внутри котораго косой крестъ, въ родѣ знака умноженія, и полулунная фигурка; отъ наружнаго ободка круга проведена вертикальная черта. На верхнемъ лѣвомъ углу рисунка изображенъ наконечникъ стрѣлы.

На табл. 4-й (по атласу 9) изображены начертанія, снятыя съ того же *Змѣеваго камня* лѣваго берега Тагила, но ниже предыдущихъ по теченію рѣки и выше ихъ по своему мѣсту на скалахъ, какъ значится въ атласѣ. Рисунокъ состоитъ изъ разныхъ, довольно сложныхъ, большею частію прямолинейныхъ фигуръ и знаковъ. *На табл. 5-й* (по атласу 10) представлены надписи на камнѣ, называемомъ „*Писаный*“, на лѣвомъ берегу р. Тагила.

На табл. 6-й (по атласу 11) сняты начертанія съ того же писанаго камня, какъ продолженіе предыдущихъ. Здѣсь на ряду съ разными геометрическими фигурами встрѣчается также нѣчто похожее на алфавитные знаки. На листѣ 12-мъ атласа изображено городище на обрывистомъ берегу р. Тагила, безъ обозначенія мѣста его нахожденія. Впрочемъ, судя по чертежу, ясно, что здѣсь представлено такъ называемое *Ермаково городище*, находящееся въ 15 верстахъ отъ Нижне-Тагильскаго завода. Объ немъ упоминаетъ Поповъ въ хозяйств. описаніи Пермской губ. (ч. I, стр. 32) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Слѣдуя по дорогѣ изъ Нижне-Тагильскаго въ Нижнелайскій заводъ, за 3 версты передъ р. Лаею видна по правую сторону р. Тагила островерхая гора, называемая камень Медвѣдь, около 50 саж. вышиной, а въ сей странѣ по лѣвую сторону р. Тагила, въ 150 саж. отъ небольшого источника (рѣчки) въ Тагилъ текущаго, лежитъ на крутомъ его берегу древнее укрѣпленіе, извѣстное подъ именемъ Ермакова городища. Оно состоитъ нынѣ изъ прямоугольнаго рва въ 2 сажени шириной и нѣсколько аршинъ глубиной, вырытаго на мысу такимъ образомъ, что 14 саженная фланка проведена къ сѣверу, а 10 саженная къ востоку“. Рисунокъ 12-й атласа вполнѣ соотвѣтствуетъ этому описанію (у насъ этотъ рисунокъ не помѣщенъ).

О писаныхъ камняхъ по берегамъ р. Тагила въ хозяйственномъ описаніи Пермской губ. у Попова упоминаются: „а) *Балобанъ* въ 5 верстахъ отъ деревни Прянишниковой; но замѣчательнѣйшій изъ нихъ есть: б) *Писаной камень*, лежащій на лѣвой сторонѣ рѣки, около деревни Гаевой, въ 10 саженъ вышиною, по начертаннымъ на немъ *краснаго цвѣта фигурамъ*. Простой народъ думаетъ, что сіи непонятныя никому изображенія написалъ извѣстный завоеватель Сибири Ермакъ Тимофѣевъ, когда плылъ по рѣкѣ Тагилу. Нѣкоторыя изъ нихъ (начертаній) срисованы и здѣсь для любопытства представляются“. На стр. 33 (ч. I) Поповымъ изображены только четыре фигуры, снятыя съ писанаго камня, изъ коихъ первыя двѣ соотвѣтствуютъ рисункамъ нашего атласа (табл. 6, фигуры изъ группы 3 и 7-й), а остальныя двѣ, вѣроятно, были скопированы неправильно, такъ какъ въ нашемъ атласѣ ихъ не оказывается. Поповъ не говоритъ, видѣлъ ли онъ эти надписи въ натурѣ, или онѣ сняты были другимъ лицомъ. Послѣднее предположеніе вѣроятнѣе, потому что при личномъ обозрѣніи авторъ не упустилъ бы случая перечислить Тагильскіе писаные камни съ большею подробностью. Между тѣмъ въ его сочиненіи упоминается только объ одномъ писаномъ камнѣ и изъ многочисленныхъ его начертаній сняты, болѣе или менѣе правильно, только двѣ фигуры. Послѣ Попова объ этихъ археологическихъ памятникахъ никто не упоминалъ; поэтому они не вошли ни въ обзоръ древностей Пермскаго края архимандрита Макарія, ни въ сочиненія Спас-

скаго, спеціально изучавшаго писаные камни какъ въ Сибири, такъ и въ Европейской Россіи, ни въ новѣйшія изданія по тому же предмету.

Разсматривая Тагильскіе писанцы въ частностяхъ, мы замѣчаемъ, что они существенно отличаются отъ сибирскихъ. Въ послѣднихъ преобладаютъ пастушескія сцены, въ первыхъ геометрическія фигуры и алфавитные знаки, размѣщенные большею частію въ одиночку, рѣже небольшими группами. Эти значки, мнѣ кажется, безошибочно можно принимать за буквы на томъ основаніи, что они въ той же самой формѣ постоянно встрѣчаются на Минусинскихъ и Орхонскихъ камняхъ, какъ это видно изъ опубликованныхъ текстовъ, гдѣ тѣ же знаки стоятъ въ сочетаніи съ другими буквами, образуя цѣлыя слова и довольно пространныя письмена*).

О древнихъ земляныхъ городищахъ по направленію водяныхъ путей съ Туры на Чусовую мы знаемъ очень немного, можетъ быть потому, что они здѣсь рѣдко устраивались, или, быть можетъ, этотъ районъ недостаточно изслѣдованъ въ археологическомъ отношеніи. По восточному склону Урала, въ Верхотурскомъ уѣздѣ, описывается такое городище на правомъ берегу *Прокофьевской Салды* (притокъ Туры), ниже деревни *Буксиной*. Оно расположено на утесистой горѣ, окружено рвомъ и валомъ въ формѣ дуги, хорда которой въ 40 аршинъ. Концы рва сливаются съ неприступнымъ скатомъ горы. Въ этихъ же мѣстностяхъ указываются земляные курганы **). По рѣкѣ Чусовой извѣстно нѣсколько городищъ. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательное, такъ называемое, *Верейнское*, близь деревни того же имени. Оно помѣщается на лѣвомъ берегу р. Чусовой, на краю мыса очень высокой горы, почти вертикально стоящей надъ рѣкой; съ открытыхъ сторонъ оно окружено землянымъ валомъ, вышиною до полуторыхъ саженъ. Въ разстояніи версты отъ этого городища, на другомъ мысу той же горы, при деревнѣ *Родниковой*, находится другое городище; оно съ сѣверной стороны защищено утесомъ, съ восточной—оврагомъ, а съ остальныхъ двухъ сторонъ—землянымъ валомъ. Въ $^3/_4$ в. отъ деревни Верейной, на правомъ берегу р. Чусовой находится урочище, называемое „*Могилицы*“, гдѣ было древнее кладбище. Далѣе по теченію Чусовой, при деревнѣ *Тюриной*, также на мысу высокой горы, опять встрѣчается городище, съ восточной и западной стороны окруженное глубокими оврагами, съ сѣверной—утесомъ горы, вертикально возвышающимся надъ Чусовой, а съ

*) *Спасскій* l. c. О достоприм. памятн. Сибир. древн. Табл. VI. *Радловъ* В. В. Труды Орхонской экспедиціи. Атласъ 1892 года.

**) Списки населенныхъ мѣстъ, Пермская губ. С.-Петербургъ 1875 г., стр. CXLIX. Рисунокъ городища на Прокофьевской Салдѣ помѣщенъ на первомъ листѣ рукописнаго атласа съ Тагильскими надписями, о которомъ мы говорили выше.

***) Архимандритъ *Макарій*, Памятники древности въ Пермской губерніи. Зап. Импер. Археолог. Общ. T. VIII Спб. 1856 г. стр. 212.

южной—землянымъ валомъ, имѣющимъ нынѣ около сажени вышины ***). Поповъ. въ хозяйственномъ описаніи Пермской губерніи (часть III, 1813 г. стр. 64) перечисляетъ еще нѣсколько городищъ, но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ сочиненіи (у Попова и архиман. Макарія) нѣтъ подробнаго описанія этихъ археологическихъ памятниковъ, хотя бы по одному внѣшнему виду, какъ это мы видѣли у Рычкова. Въ такомъ же родѣ перечисляется нѣсколько городищъ въ Кунгурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, по рр. Сылвѣ и Ирени, но мы не упоминаемъ объ нихъ, потому что для цѣлей нашего изложенія они не прибавляютъ новыхъ данныхъ къ тому, что уже было описано выше.

Познакомившись, такимъ образомъ, съ общимъ топографическимъ расположеніемъ городищъ Пермской, Вятской и Уфимской губерній, въ связи съ Западной Сибирью *), мы можемъ теперь разсмотрѣть ихъ археологическое значеніе. Послѣ того, что было уже сказано о городищахъ въ настоящей и, особенно, въ предъидущей главѣ, едва-ли является надобность снова объяснять неосновательность ходячихъ мнѣній о происхожденіи разсматриваемыхъ древностей. Для меня, по крайней мѣрѣ, ясно, что ни татарская эпоха, ни пресловутая финская доисторическая культура, ни миѳическій бытъ какихъ-то невѣдомыхъ дикарей каменнаго вѣка здѣсь не имѣютъ мѣста. Сибирскія и Пріуральскія городища были построены не дикарями, или баснословною Чудью, а народомъ болѣе или менѣе осѣдлымъ и культурнымъ, умѣвшимъ добывать и обработывать металлы, широко пользовавшимся рѣчнымъ судоходствомъ и при помощи послѣдняго имѣвшимъ торговыя сношенія съ далекими южными и западными странами. Что касается до эпохи сооруженія городищъ разсматриваемаго нами типа, то ее невозможно пріурочивать не только ко времени завоеванія Сибири, но даже ко времени основанія Русскаго государства. Начиная съ IX—X в. бытъ русскаго и инородческаго населенія нынѣшней Россіи въ общихъ чертахъ не безъизвѣстенъ; но историческіе документы и вещественные памятники не даютъ намъ никакихъ данныхъ въ подтвержденіе того, чтобы сѣверныя финскія племена того времени стояли на болѣе высокой степени развитія, чѣмъ нынѣ, и чтобы они могли заниматься и горными промыслами, и земледѣліемъ, и судостроеніемъ, и международною торговлей. Напротивъ того, въ исторіи древней русской жизни дѣйствительно сохранились многія черты, свидѣтельствующія о наслѣдственной связи русской культуры съ доисторическою сибирскою. Сюда относятся: курганныя могилы, типы городскихъ укрѣпленій, исконная привычка къ

*) Въ Западной Сибири мы не упомянули о городищахъ по р. Инѣ и Томи и по нѣкоторымъ Алтайскимъ долинамъ, потому что они составляютъ особую (южную) линію укрѣпленій, неимѣющихъ отношенія къ пріуральскимъ областямъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь въ настоящей главѣ.

земледѣлію, начиная съ скиѳской эпохи, привычка къ деревяннымъ постройкамъ, типы гончарныхъ издѣлій*) и многое другое, о чемъ мы будемъ говорить подробно въ своемъ мѣстѣ.

Въ каждой области человѣческихъ знаній умственный горизонтъ разширяется по мѣрѣ накопленія фактовъ. Археологія въ этомъ отношеніи проходитъ только первые дѣтскіе шаги, потому нерѣдко впадаетъ въ двѣ противуположныя крайности. Заключенія ея часто оказываются либо слишкомъ близорукими, либо чрезмѣрно дальнозоркими, витающими чуть не въ геологическихъ эпохахъ. Первая изъ этихъ крайностей болѣе свойственна людямъ съ узкими историческими преданіями. Киргизы Акмолинской области увѣрены, что высокіе курганы въ ихъ странѣ относятся по времени Кенисары Касимова, семирѣченскіе киргизы приписываютъ ихъ сосѣднимъ Китайцамъ; Тобольскіе татары всякую древность связываютъ съ Чингисханомъ, или съ Кучумомъ, уральскіе крестьяне съ Ермакомъ, русскіе книжники былого времени любили приписывать наиболѣе выдающіяся древности Александру Македонскому. Ближайшій или наиболѣе чтимый герой, безъ дальнихъ разсужденій, воплощалъ въ себѣ объясненіе неразгаданныхъ фактовъ. Тѣмъ же грѣхомъ отчасти заражена и наша археологическая литература, гдѣ сплошь и рядомъ безъ всякаго основанія проводятся излюбленныя финскія и татарскія теоріи, почему то признаваемыя болѣе научными. На самомъ же дѣлѣ это тѣ-же народныя сказки о вымершей или заживо похоронившей себя Чуди, или мусульманскій бредъ о великомъ прошломъ татарскаго племени. Другая, не менѣе произвольная крайность допускается археологами въ томъ случаѣ, когда они эпоху городищъ относятъ къ каменному вѣку,—на основаніи узорчатыхъ черепковъ, костяныхъ стрѣлъ, каменныхъ скребковъ и молотковъ, разсуждаютъ о дикомъ или первобытномъ человѣкѣ. То и другое направленіе одинаково фальшивы и могутъ вводить только въ заблужденіе, сбивая съ истиннаго пути.

Въ началѣ сочиненія мы уже высказывали нашъ вглядъ на археологическіе памятники Европейской Россіи и Сибири. Они не должны терять связи съ существующими народностями и съ продолжающимися до нашихъ дней культурными теченіями; вмѣстѣ съ тѣмъ они должны занимать свое хронологическое мѣсто по отношенію къ всемірной исторіи. Понятіе о доисторической эпохѣ въ этомъ случаѣ не есть абсолютное; оно относится лишь къ той мѣстности, или народности, о которыхъ по данному времени не сохранилось письменныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Это время по отношенію

*) Узорчатые черепки одинаковыхъ рисунковъ, находимые массами почти въ каждомъ городищѣ не только Сибири и Европейской Россіи, но и въ славянскихъ странахъ Балтійскаго побережья, представляютъ собою весьма любопытный археологическій матеріалъ. По одному этому признаку можно уже утверждать, что наши городища были населены не финскими племенами.

къ разсматриваемымъ нами сибирскимъ памятникамъ во всякомъ случаѣ не должно совпадать съ недосягаемою глубиною вѣковъ.

Едвали мы будемъ далеки отъ истины, если предположимъ, что дѣятельная жизнь древняго сибирскаго населенія, въ рудникахъ, городищахъ и на черноземныхъ сибирскихъ равнинахъ, покрытыхъ курганными могилами, начавшаяся можетъ быть съ очень далекаго времени, продолжалась не дальше первыхъ III—IV вѣковъ христіанскаго лѣтосчисленія. Послѣ этой эпохи, совпадающей съ великимъ переселеніемъ народовъ, мы имѣемъ уже историческіе намеки на то, что южная Сибирь стала заселяться татарскимъ и монгольскимъ племенемъ, въ свою очередь мало по малу распространявшимся на западъ. По мѣрѣ передвиженія гунновъ на Каму и Волгу, а потомъ къ Азовскому и Черному морю, южныя Сибирскія степи постепенно теряли свое прежнее осѣдлое и промышленное населеніе, замѣщавшееся кочевымъ народомъ. Съ какого времени и въ какой послѣдовательности замѣщалась Сибирь татарами, это въ точности не извѣстно. Клапротъ полагаетъ, на основаніи китайскихъ источниковъ, что татары подъ китайскимъ именемъ *Тукью* (Thou-khiu-Turcs) появились въ горныхъ долинахъ Алтая нераньше III—IV в. по Р. Х. Въ половинѣ VI в. они представляли уже сильное государство, дѣлавшее частыя нападенія на китайцевъ, и даже на Персію, и посылавшее пословъ въ Константинополь*). Судя по тѣмъ же даннымъ, татарское населеніе распространялось тогда отъ Алтайскихъ горъ преимущественно на западъ, въ нынѣшнюю Семипалатинскую область и далѣе къ Сыръ-Дарьѣ; скоро оно проникло въ Туркестанскія и Оренбургскія степи, но сѣверъ Западной Сибири долго еще оставался внѣ татарскаго вліянія. Равнымъ образомъ оно не простиралось еще въ это время на горныя Уральскія области и на древнюю Камскую Болгарію, въ которыхъ могла продолжаться прежняя торгово-промышленная жизнь.

Изъ предъидущаго обзора древнихъ рудныхъ разработокъ на Алтаѣ, въ Акмолинской области и на Уралѣ мы ясно усматриваемъ въ какомъ широкомъ размѣрѣ велось это горное дѣло. Мы видѣли также, что изъ металловъ добывались только золото, серебро и медь, не касаясь желѣза, и что орудія производства были также мѣдныя. Отсюда несомнѣнно слѣдуетъ, что такъ называемыя Чудскія копи на Алтаѣ и Уралѣ разработывались не позднѣе первыхъ вѣковъ нашего лѣтосчисленія, т. е. до эпохи татарскаго водворенія въ Сибири. Далѣе мы видѣли, что мѣста древнихъ рудныхъ разработокъ почти всегда сопутствуются городищами опредѣленнаго типа и курганными могилами. Отсюда позволительно заключить, что тѣ и другія существовали одновременно и представляютъ слѣды жизни одного и того же племени. Тѣ же курганы и городища мы встрѣчаемъ въ Пермскомъ и Вятскомъ

*) *Klaproth*, Tableaux historiques de l'Asie. Paris 1826. p. 115.

краѣ, въ послѣднемъ тѣ же слѣды древней разработки мѣдныхъ рудъ. Это даетъ право думать, что между Сибирскими, Болгарскими и Пермскими рудокопами существовала близкая этнографическая связь. Очерченные нами пути древнихъ водныхъ сообщеній, со слѣдами тѣхъ же городищъ, показываютъ, что между Сибирью и Пермью существовали оживленныя сношенія, слѣдовательно производилась торговля. Между предметами вывоза изъ Сибири въ Великую Пермь и Болгарію наиболѣе крупную статью должны были составлять металлы, которыми Сибирь изобиловала. Я не говорю здѣсь о вывозѣ другихъ сибирскихъ продуктовъ, напримѣръ, скотоводства (кожи, шерсть и пр.), можетъ быть даже земледѣлія, такъ какъ объ этомъ будетъ рѣчь впереди.

Торговые пути черезъ Уралъ, какъ мы уже говорили, направлялись тремя линіями: 1) самая сѣверная по Тавдѣ и ея притокамъ прямо въ Великую Пермь, 2) по Турѣ и ея притокамъ на Чусовую и Каму, откуда товары могли идти и въ Пермь и въ Болгарію, 3) по Уфѣ и Бѣлой въ Болгарскіе города. Первыя два изъ этихъ направленій, какъ связанныя съ Иртышомъ и Тоболомъ, служили для непосредственнаго сообщенія съ Алтайскими мѣстностями, гдѣ по преимуществу производилась добыча серебра. Не этимъ ли обстоятельствомъ объясняется скопленіе этого металла именно въ Пермскомъ и Вятскомъ краѣ, что подтверждается какъ многочисленными находками здѣсь серебряныхъ издѣлій, такъ и лѣтописными свѣдѣніями о закамскомъ серебрѣ и прозваніемъ камскихъ Болгаръ *серебряными* или *Нукратскими* Болгарами (отъ арабскаго слова *нукратъ* серебро). Мѣстныхъ серебряныхъ рудниковъ по Камѣ не имѣется, не найдено здѣсь и слѣдовъ древнихъ разработокъ серебряныхъ рудъ. Очевидно, серебро сюда привозилось изъ другихъ странъ, либо въ издѣліяхъ, въ обмѣнъ на товары, либо непосредственно съ мѣста его добычи, какъ продажный товаръ. Послѣднее весьма правдоподобно, потому что Пермь по расположенію торговыхъ путей должна была служить главнымъ рынкомъ для сбыта Алтайскаго серебра *).

*) Кстати здѣсь сказать о происхожденіи слова *Алтай*, Какъ извѣстно, его производятъ отъ тюрко-монгольскаго *алта* или *алтынъ* золото; отсюда *алтаинъ-ула*, или по Манджурски Алтай-алинъ, золотыя горы; отсюда же монгол. *Алтанъ-норъ*, золотое озеро, по русски *Елтонъ*. Съ археологической точки зрѣнія такое объясненіе названія Алтая намъ казалось бы не вполнѣ удовлетворительнымъ. Вопервыхъ, въ алтайскихъ предгоріяхъ въ древности добывалось преимущественно серебро, рѣже золото; во вторыхъ, татарскія и монгольскія племена, пришедшія сюда позднѣе, не участвовали въ этой добычѣ и едва ли даже имѣли понятіе о рудныхъ богатствахъ Алтая; въ третьихъ, по золотымъ пріискамъ можно было бы назвать Алтаемъ развѣ отдѣльныя части золотоносныхъ долинъ или горъ, но не цѣлый хребетъ. По этому намъ кажется, что для слова *Алтай*, извѣстнаго съ 7 вѣка, нужно искать другаго объясненія. Если это имя дано Киргизами или Татарами, то не образовалось ли оно изъ сокращеннаго *Ала-тау* (ал-тау) т. е. пестрыя горы, по цвѣту горныхъ вершинъ, частію покрытыхъ снѣгами. Но еще вѣроятнѣе, что въ словѣ Алтай звучитъ какой нибудь древне-арійскій корень, затемненный монгольскимъ или киргизскимъ произношеніемъ, напр. *alt*, altus, кельтское *alp* высокій (отсюда Альпы).

Нѣтъ основанія отрицать, что и добываемая въ Сибири мѣдь привозилось на тѣже зауральскіе рынки. Потребность въ металлахъ всегда была велика, а области ихъ мѣсторожденій ограничены. Поэтому трудно предполагать, чтобы такія металлоносныя страны какъ Алтай, Уралъ и Акмолинская область, въ которыхъ производились рудныя работы въ обширныхъ размѣрахъ, удовлетворяли бы только собственнымъ мѣстнымъ потребностямъ. Бронза и мѣдь курганныхъ могилъ южной и западной Россіи, не говоря уже объ Ананьевскомъ могильникѣ и о находкахъ въ области древней Камской Болгаріи, навѣрное приготовлялись изъ уральскаго и сибирскаго металла. Если принять во вниманіе древнюю торговую славу Перми и Болгаріи, существовавшіе здѣсь обширные города и сношенія съ другими европейскими и азіатскими странами (на основаніи находимыхъ здѣсь сасанидскихъ и византійскихъ монетъ), то не покажется невѣроятнымъ предположеніе о вывозѣ металловъ даже за предѣлы древней Скиѳіи, хотя на это и не имѣется прямыхъ историческихъ указаній. Мы знаемъ, что греческія республики еще въ IV—III вѣкѣ до Р. Х. продовольствовались скиѳскимъ хлѣбомъ (см. выше стр. 24), вывозили отъ насъ рыбу, кожи и другіе продукты, почему же не допустить, что и металлы также могли служить предметомъ вывоза. Торговыя сношенія съ Персіей (по Волгѣ и Каспійскому морю), повидимому, были еще обширнѣе. На это указываютъ находимые въ Перми и Болгаріи клады древнихъ персидскихъ монетъ и серебряныхъ издѣлій, о которыхъ мы говорили выше (стр. 200).

Цвѣтущее время Камской Болгаріи и Перми продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ ихъ рукахъ находились главные источники богатства—горные промыслы. Мы уже сказали, что съ III—IV в. по Р. Х. въ Алтайскихъ долинахъ появилось новое кочевое населеніе. Постепенно усиливаясь, оно мало по малу заняло Ишимскія и Оренбургскія хлѣбородныя степи. Сибирь была потеряна для промышленности и торговли, и это нанесло Болгаріи первый ударъ. Когда это случилось, трудно сказать въ точности, но можно гадательно предположить, что распространеніе татарщины за Ураломъ стояло въ связи съ ослабленіемъ древняго сибирскаго населенія курганной эпохи и съ постепеннымъ выселеніемъ Болгаръ сначала на нижнюю Волгу и къ Азовскому морю, потомъ къ Дунаю. Это было, по всей вѣроятности, въ концѣ IV и въ первой половинѣ V вѣка. Приблизительно около того же времени должны были подвигаться татары къ восточнымъ склонамъ Уральскаго хребта, вытѣсняя древнихъ сибирскихъ жителей, или слѣдуя за ними, по мѣрѣ ихъ удаленія. Собственно Болгарія (между рѣками Бѣлой, Камой и Волгой) въ это время еще не испытала на себѣ давленія алтайскихъ выходцевъ, но она была окружена финскими инородцами, изъ коихъ нѣкоторые, напр. мадьяры, при долгомъ сожительствѣ съ болгарами, достигли уже такого гражданскаго развитія, что сами являлись соперниками болгаръ.

Въ Болгарію татарскіе элементы проникли, вѣроятно, съ юго-востока, изъ Оренбургскихъ степей. Точнаго времени этого вторженія исторія не знаетъ, но оно, по всей вѣроятности, должно было совершиться не ранѣе половины V вѣка. Во второй половинѣ VI вѣка, судя по описанію Менандромъ византійскаго посольства къ турецкому хапу Турксанту, кочевавшему въ степяхъ между Волгой и Кавказомъ, жившее здѣсь ранѣе гуннское племя Утургуровъ было уже покорено турками *). Съ этого времени начинается видимое преобладаніе татарскаго элемента надъ болгарскимъ во всемъ нижнемъ поволжьѣ, распространившееся впослѣдствіи и на сѣверную Болгарію. Отъ сосѣдства этихъ турокъ Болгары, а за ними и Угры, восприняли тѣ турецкія черты въ своемъ этнографическомъ обликѣ, которыя дали поводъ многимъ писателямъ, старымъ и новымъ, принимать болгарское племя за татарское. Еще раньше, при появленіи татаръ въ степяхъ западной Сибири, сосѣдство ихъ такимъ же образомъ отчасти отразилось на жившихъ тамъ нѣкоторыхъ племенахъ Гунновъ, родственныхъ Болгарамъ и принимаемыхъ нами за древнее курганное населеніе Сибири. Это также послужило поводомъ къ ошибочному смѣшенію Гунновъ съ турецкими племенами. О національности коренныхъ болгаръ и гунновъ, о сходствѣ древней болгарской культуры съ пермскою и сибирскою и о смѣнахъ населенія въ этихъ странахъ мы скажемъ подробнѣе въ слѣдующей главѣ. Теперь же, въ заключеніе, должны прибавить еще нѣсколько замѣчаній о судьбѣ Великой Перми.

Въ то время, когда Камская Болгарія, благодаря свободному пути по Волгѣ и Каспійскому морю, сохраняла еще тѣнь своей торговой славы (въ IX—X в.), Пермская область уже совсѣмъ потеряла прежнее международное значеніе. Она, какъ отрѣзанный глухой уголъ, была забыта и норвежцами, и византійцами, и персами. Даже болгарскіе купцы смотрѣли на нее, какъ на недоступную «страну мрака» (см. стр. 186). Одни новгородцы не отступились отъ нее, продолжая по старымъ традиціямъ дорожить сѣверомъ, но уже не въ смыслѣ международнаго рынка, а какъ центромъ звѣроловнаго промысла. Можетъ быть, тяготѣніе къ сѣверу у нихъ поддерживалось и старыми воспоминаніями о далекой и богатой Сибири, доступъ къ которой въ то время былъ возможенъ только черезъ самые сѣверные Уральскіе проходы, мимо Печоры и Югры. Въ русскихъ лѣтописяхъ и историческихъ актахъ есть намеки на то, что новгородцы знали не только Пермь и Югру, но также рѣку Обь съ ея сѣверными притоками. По картѣ Герберштейна (1549 г.), составленной по Московскимъ чертежамъ, были извѣстны р. Иртышъ съ городкомъ Сибирью, р. Тоболъ и даже были слухи о Монголіи и китайскомъ городѣ Канбалыкѣ (Пекинъ). Въ концѣ XV в.

*) См. объ этомъ въ книгѣ *Д. И. Иловайскаго* „Разысканія о началѣ Руси", изд. 2, Москва, 1882 г., стр. 254.

русскіе государи включали въ свой титулъ наименованіе «кондинскихъ и обдорскихъ», считая себя владѣтелями земель по рр. Кондѣ и нижней Оби. Съ паденіемъ Казанскаго царства русскіе заняли Камскую Болгарію и средній Уралъ, проложивъ, такимъ образомъ, прямой и болѣе близкій путь къ Сибири по рѣкамъ Чусовой и Турѣ. Послѣ того неизбѣжно должно было совершиться въ той или другой формѣ завоеваніе Сибири, входившее въ планы Ивана Грознаго, считавшаго эту страну, равно какъ и Казань, исконнымъ достояніемъ Русскаго государства.

Возвращеніемъ Сибири закончилась многовѣковая борьба русской народности съ татарскою,—розорвано то желѣзное кольцо, которое роковымъ образомъ сковывало естественные предѣлы Россіи и такъ долго задерживало ея физическій и духовный ростъ. Тысячелѣтній размахъ историческаго маятника, съ IV—V вѣка покачнувшійся на западъ, съ XVI в. снова пошелъ на востокъ. Колоссальная народная волна, нахлынувшая на Россію, разбилась о твердые устои русскаго государства и теперь снова возвращается назадъ въ тѣ же предѣлы, но въ видѣ русской волны. Нынѣшняя Сибирь, воскресившая въ новыхъ формахъ земледѣліе и горную промышленность курганной эпохи, въ близкомъ будущемъ возвратитъ себѣ и прежнее значеніе великаго транзитнаго пути изъ южной Азіи въ Европу. Тогда, можетъ быть, воскреснетъ и забытая слава Великой Перми, если при современныхъ способахъ передвиженія откроется свободный выходъ въ Сѣверный Океанъ, и знаменитыя нѣкогда рѣки, Двина и Печора, снова получатъ то значеніе, какое онѣ имѣли въ древности. Культурный прогрессъ не мѣняетъ естественныхъ условій страны, а лишь совершенствуетъ ихъ при содѣйствіи науки и искусства. Въ этихъ естественныхъ рамкахъ течетъ преемственная историческая жизнь, обыкновенно повторяющая то, что было раньше, но въ болѣе совершенныхъ формахъ. Рѣки древней Болгаріи: Волга, Кама, Бѣлая и Вятка, давно уже служатъ русскому государству ихъ старую доисторическую службу. Возрождается и значеніе сибирскихъ рѣкъ: Оби, Иртыша, Тобола, Туры и Тавды. Одна Пермь Великая остается пустынною и забытою, не смотря на ея крупныя историческія заслуги въ прошедшемъ и несомнѣнныя выгоды въ будущемъ. Природа создала ее широкою дверью изъ Сибири въ Европу чрезъ Сѣверный Океанъ. Наши предки, повидимому, когда-то пользовались этимъ выходомъ, но, потерявъ сибирскія рѣки и устранившись отъ европейской жизни, нашли его излишнимъ и ненужнымъ. Только теперь, съ возрожденіемъ экономическаго и торговаго значенія Сибири, вопросъ о выходѣ съ Оби на Печору и въ открытое море снова предъявляетъ свои права и, по всей

вѣроятности, дождется скораго разрѣшенія. Тогда и для Великой Перми наступятъ прежнія времена торговаго процвѣтанія.*)

Прибавленіе къ V главѣ, къ стр. 234.

Описывая городища по р. Исети, мною случайно пропущены два укрѣпленія, находящіяся между городомъ Шадринскомъ и Далматовскимъ селомъ. Одно изъ нихъ находится въ 7 верстахъ отъ Шадринска, близь деревни *Мыльниковой*, на лѣвомъ высокомъ берегу прежняго русла рѣки Исети. Оно окружено двумя параллельными валами и рвами, имѣющими подковообразную форму. Концы валовъ теряются въ обрывѣ берега. Растояніе между валами по берегу 30 саженъ. Второе городище находится близь села *Замараевскаго*, въ 28 верстахъ къ западу отъ Шадринска, тоже на берегу р. Исети. Валы и рвы его имѣютъ круглую форму, около 95—130 саж. въ окружности. Въ сосѣдствѣ по берегу находится болѣе сотни кургановъ, изъ нихъ 15 имѣютъ значительную высоту.

(Извѣстія Импер. Археологич. Общ. т. IV, вып. 4, сентябрь, 1863 г., стр. 407, статья Зырянова. Здѣсь же помѣщены рисунки описываемыхъ городищъ).

*) Вопросъ о соединеніи Оби съ Печорой былъ возбужденъ еще въ сороковыхъ годахъ. В. Н. *Латкинъ*, послѣ путешествія по Печорѣ и Усѣ въ 1840—1843 годахъ, первый указалъ на возможность соединенія Оби съ Печорой черезъ рѣки Собь, Симаруху, Елецъ и Усу (Дневникъ Латкина былъ напечатанъ только въ 1853 г.). Послѣ того бывшій Тобольскій губернаторъ В. А. *Арцимовичъ* обсуждалъ тотъ же вопросъ при участіи Тобольскихъ купцовъ-рыбопромышленниковъ, хорошо знакомыхъ съ этимъ краемъ, и, кажется, возбуждалъ объ этомъ оффиціальное ходатайство. Въ Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1857 годъ было напечатано объ этомъ предположеніи нѣсколько статей, изъ коихъ видно, что проектированный путь, дѣйствительно, осуществимъ.

Въ 60-хъ годахъ извѣстный ревнитель русскаго сѣвера М. К. *Сидоровъ* рекомендовалъ, на основаніи личныхъ изысканій, устроить сообщеніе между Обью и Печорой при посредствѣ Березовской Сосвы и Сыгвы, съ колеснымъ волокомъ (или конно-желѣзною дорогою) въ 150 верстъ къ Печорской пристани Оранецъ (*Сидоровъ*. Сѣверъ Россіи. Спб. 1870, стр. 347). Это направленіе имѣетъ то преимущество передъ первымъ, что оно пролегаетъ болѣе чѣмъ на 2° южнѣе и разстояніе отъ Оби до Печоры здѣсь значительно короче. Устроить, даже не колесную, а конно-желѣзную дорогу на протяженіи 150 верстъ дешевле, чѣмъ сооруженіе канала съ системою шлюзовъ, а главное эксплоатація конно-желѣзнаго пути могла бы совершаться круглый годъ и не представляла бы тѣхъ неожиданностей, какія, къ несчастію, оказались при осуществленіи Екатерининскаго и Объ-Енисейскаго каналовъ. Такъ или иначе, но только съ устройствомъ прямого выхода съ Оби на Печору и въ открытое море можетъ вполнѣ разцвѣсти широкая экономическая жизнь Сибири и могутъ снова возстановиться тѣ естественныя, указанныя самою природою, отношенія между Сибирью и Пермскимъ краемъ, какія существовали въ древнія, доисторическія времена.

ГЛАВА VI.

Городище Болгары и Камская Болгарія.

Топографія городища Болгары.—Старая Кама и вытекающія отсюда соображенія о времени основанія города Болгара.—Описаніе городища и его древность.—Археологическія находки въ Болгарахъ и сходство древней болгарской культуры съ сибирской.—Остатки каменныхъ построекъ: столпы и ихъ происхожденіе. Бѣлая и черная палаты, цитадель.—Историческія свѣдѣнія о Камской Болгаріи.—Національность и имя Болгаръ.—Отношеніе ихъ къ Гуннамъ или древнему сибирскому курганному населенію.

Городище Болгары*), на которомъ нынѣ расположено село Успенское, находится въ 22 верстахъ отъ города Спасска, Казанской губерніи, по почтовому тракту изъ этого города въ Тетюши. Оно расположено на высокомъ крутомъ яру, у подножія котораго, съ сѣверной стороны города, когда-то протекала рѣка, впадающая въ Волгу. Волга находится въ шести верстахъ отъ Болгаръ съ западной стороны. Мѣстность, на которой расположено городище, представляетъ высокую равнину съ легкимъ склономъ на сѣверъ. Съ этой стороны, съ обрыва горы, открывается обширный видъ на луговую сторону Камы и Волги. Начиная отъ болгарскаго яра, вплоть до нынѣшняго русла р. Камы, мѣстность очень низменная, на большомъ пространствѣ заливаемая весенними водами, покрыта во многихъ мѣстахъ озерами и болотами и прорѣзана, въ направленіи къ Волгѣ, обсохшими руслами нѣкогда протекавшихъ здѣсь рукавовъ рѣки. По всѣмъ признакамъ все это пространство было ничто иное, какъ старая дельта р. Камы, которая въ прежнее время вливалась въ Волгу нѣсколькими рукавами. Спасскій затонъ, повидимому, есть позднѣйшій остатокъ стараго Камскаго устья, до сихъ поръ еще не разобщенный отъ Волги, и соединяющійся съ нею въ видѣ залива. Въ него впадаетъ маленькая рѣчка *Бездна*, сливающаяся пе-

*) Я предпочитаю писать не „Булга́ры“ или „Бо́лгары“, а „Болга́ры“, потому что только послѣдняя форма соотвѣтствуетъ русскимъ лѣтописямъ и живому произношенію донынѣ существующаго Болгарскаго народа. Форма *Булгаръ* или *Булгары*, взятая отъ Византійскихъ и Арабскихъ писателей, указываетъ на восточную (арабскую) передѣлку народнаго славянскаго имени.—Болгарію я называю *Камской*, а не Волжской, на томъ основаніи, что центръ древняго Болгарскаго царства находился не на Волгѣ, а на Камѣ.

редъ этимъ съ камско-волжскимъ протокомъ *Чертыкомъ*. Длина теченія Бездны 50 верстъ, ширина около 15 саженъ при устьѣ *).

Около самыхъ Болгаръ наиболѣе явственно обозначается ложе бывшаго южнаго рукава Камы, до сихъ поръ извѣстное у крестьянъ подъ именемъ *Старой Камы*. Оно имѣетъ видъ пересохшей рѣки, шириною около 70—100 саженъ, по руслу которой теперь растутъ камыши, да кое-гдѣ замѣтны небольшія плеса воды. Съ Волгою этотъ протокъ въ настоящее время не соединяется: устье его занесено пескомъ. Противуположный конецъ его можно прослѣдить, паралельно горѣ, на разстояніи верстъ тридцати, но крестьяне говорятъ, что онъ будто бы идетъ вплоть до Чистополя, слѣдовательно все протяженіе этого рукава составляло около 120 верстъ. Въ то время, когда этимъ рукавомъ можно было пользоваться для судоходства, онъ долженъ былъ представлять для Болгаръ большое преимущество сравнительно съ нынѣшнимъ русломъ нижней Камы, если даже допустить, что оно также существовало одновременно съ южнымъ ея рукавомъ. Посредствомъ Болгарскаго протока значительно сокращался путь изъ Волги въ р. Вятку, и далѣе въ Пермскую область, а кромѣ того болгарскій мысъ представлялъ при устьѣ Камы единственное незатопляемое мѣсто лѣваго (луговаго) берега Волги, вплоть до Казани.

Южный берегъ старой Камы поднимается надъ всею окрестностію, идущею къ сѣверу, въ видѣ высокаго, сплошнаго крутаго яра, примѣрно въ 30—40 саженъ вышины. Несомнѣнно это былъ коренной лѣвый берегъ Камы, а все идущее отъ него пространство къ сѣверу, до нынѣшняго Камскаго устья, нужно признать старою дельтою этой рѣки, раздѣлявшейся здѣсь на нѣсколько рукавовъ. Самый южный рукавъ былъ Болгарскій, слѣдующій за нимъ Спасскій, съ нынѣшнимъ протокомъ Чертыкъ, не считая существовавшихъ второстепенныхъ протоковъ. Между протоками были невысоко приподнятые острова, образовавшіеся отъ рѣчныхъ наносовъ. Они въ настоящее время и служатъ по преимуществу мѣстомъ большей части поселеній Спасскаго уѣзда.

Существованіе болгарскаго рукава Старой Камы объясняетъ намъ, почему древніе Болгары избрали именно этотъ пунктъ для основанія своего города. При настоящихъ гидрографическихъ условіяхъ этотъ выборъ не имѣлъ бы смысла; ибо въ настоящее время, при обсохшемъ протокѣ, городище Болгары не только разобщено отъ судоходной рѣки, но даже не имѣетъ воды для обыденныхъ надобностей. Жители села Успенскаго (Болгары тожъ), не смотря на ихъ малочисленность, терпятъ въ этомъ отно-

*) См. приложенный *глазомѣрный* чертежъ, набросанный мною въ 1885 году. Пунктиромъ отъ Спасскаго затона до Болгаръ обозначенъ путь, которымъ обыкновенно ѣздятъ въ Болгары съ пароходной пристани отъ Спасскаго затона.

шеніи ощутительное неудобство, такъ какъ воду имъ приходится брать либо изъ озера, находящагося въ значительномъ разстояніи отъ села, далеко за валами, либо изъ колодцевъ, рыть которые очень трудно по причинѣ слишкомъ высокой мѣстности*). Для большого и притомъ торговаго города, каковы были древніе Болгары, существованіе при такихъ условіяхъ, очевидно было невозможно. Поэтому не остается сомнѣнія, что при заложеніи здѣсь города весь разсчетъ былъ основанъ на существовавшемъ тогда южномъ рукавѣ Камы. Примыкая непосредственно къ крутому берегу, гдѣ расположенъ былъ городъ, этотъ рукавъ, кромѣ продовольствія водой, имѣлъ стратегическое и торговое значеніе. Онъ охранялъ городъ съ сѣвера, потому съ этой стороны не было сооружено ни валовъ, ни рвовъ, какъ съ прочихъ сторонъ, въ томъ числѣ и со стороны Волги. Примыкать укрѣпленіе непосредственно къ рѣкѣ, по возможности судоходной,—это, какъ мы видѣли, былъ общій принципъ всѣхъ древнихъ славянскихъ городищъ.

Когда именно пересохъ южный рукавъ Камы, этого опредѣлить невозможно; но въ историческія времена, судя по описаніямъ, онъ уже не существовалъ. Въ книгѣ Большого Чертежа сказано: „а ниже города Лаишева изъ Камы рѣки потекла протока Чертыкъ и пала въ Волгу (въ Спасскій затонъ), а Кама пала въ Волгу ниже Лаишева 38 верстъ". „А противъ Тетюшъ по Волгѣ, по луговой сторонѣ Болгары**)". О Болгарскомъ рукавѣ Камы здѣсь не говорится ни слова. Далѣе, въ русскихъ лѣтописяхъ, при описаніяхъ походовъ на Болгары, ни разу не упоминается о томъ, чтобы русскія ладьи останавливались у устья Камы противъ Болгаръ, или вообще подходили бы къ городу съ сѣверной стороны; мѣстомъ ихъ высадки всегда была Волга. При описаніи похода великаго князя Всеволода Юрьевича въ 1184 году***) упоминается, что Болгары напали на русскій станъ, приплывъ на защиту своего города въ ладьяхъ. Когда они были отбиты русскою ратью, то побѣжали къ своимъ ладьямъ, *къ Волгѣ*, а не къ Камѣ, что было бы естественнѣе, если бы южный камскій рукавъ въ то время существовалъ. Вообще по русскимъ лѣтописямъ устье Камы отмѣчается на его нынѣшнемъ мѣстѣ, а объ южной протокѣ совсѣмъ не говорится. По этому можно заключить, что съ XI—XII вѣка теченіе Камы имѣло приблизительно тотъ же видъ, какъ и нынѣ, слѣдовательно Болгарскій протокъ обсохъ гораздо раньше.

*) На это обстоятельство обратилъ вниманіе еще Палласъ. Онъ говоритъ: „по справедливости должно удивляться, что столь знатный и хорошо построенный прежде бывшій городъ Болгары имѣлъ въ разсужденіи воды столь худое положеніе. Инако не можно оной имѣть, какъ только изъ вырытыхъ на семъ мѣстѣ колодезей, изъ коихъ и нынѣшняя деревня довольствуется водою. Волга находится отсюда, считая по прямой линіи, по крайней мѣрѣ въ девяти верстахъ" (путешеств. I, стр. 185).

**) Кн. Бол. Черт. изд. Языкова 1838 г. стр. 153—154.

***) Полн. собран. русск. лѣтоп. т. XV стр. 268 и 330.

Изъ арабскихъ писателей наиболѣе подробныя свѣдѣнія о Болгарахъ сообщаетъ, какъ очевидецъ, *Ибнъ-Фодланъ* (X столѣтія). По отношенію къ вопросу о южномъ протокѣ Камы у этого писателя не находится никакихъ свѣдѣній, хотя положеніе Волги у него опредѣлено вѣрно. „Туземцы разсказывали мнѣ, говоритъ *Ибнъ-Фодланъ*, что зимній день у нихъ бываетъ такъ коротокъ, что если кому изъ нихъ случается на разсвѣтѣ идти къ рѣкѣ, называемой Итилемъ (Волгою), которая отстоитъ отъ нихъ менѣе, чѣмъ на парасангъ (по Френу парасангъ равняется 7 верстамъ), прежде чѣмъ онъ дойдетъ, все небо покроется звѣздами“ *). Изъ этого видно, что въ X в. Волга находилась въ томъ же разстояніи отъ Болгаръ, какъ и нынѣ, т. е. около 7 верстъ. Еслибы въ то время существовала вблизи самаго города другая рѣка, то едвали бы арабскій писатель упустилъ случай упомянуть о ней.

Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ арабскихъ писателей упоминаютъ, что Волга прежде окружала городъ Болгаръ съ *сѣверной стороны* (Абульфеда), но это, очевидно, относится либо къ старому преданію, либо занесено какъ догадка, основанная на существованіи стараго русла Камы, въ родѣ того, какъ нынѣшніе крестьяне села Успенскаго по этому сухому руслу догадываются, что здѣсь когда-то была рѣка. Тоже значеніе имѣетъ и разсказъ Шерифъ-Эддинъ-*Булгари* (1551 года), по словамъ котораго Волга прежде протекала у самаго города Болгара, но во время Бараджъ-Хана, ушедъ оттуда, потекла съ западной стороны, что случилось, будто-бы, въ 1005, 1006 году. Упомянутый писатель въ XVI столѣтіи не могъ имѣть никакихъ данныхъ для такого точнаго заключенія. Итакъ, мы можемъ съ увѣренностію сказать, что начиная съ X вѣка Болгары находились въ тѣхъ же гидрографическихъ условіяхъ, какъ и нынѣ, а принимая во вниманіе, что крупныя гидрографическія перемѣны вообще совершаются чрезвычайно медленно, мы должны заключить, что основаніе города относится къ глубокой древности. Не опредѣляя этого въ точности, едвали мы ошибемся, высказывая предположеніе, что не только болгарская культура, но и самый городъ Болгаръ, въ тѣхъ предѣлахъ, какъ онъ обозначается нынѣ по рвамъ и валамъ, относятся ко временамъ до Р. Х.

Городище Болгары много разъ было изслѣдовано и описано. Раньше всего на него обратилъ вниманіе Казанскій митрополитъ Тихонъ, въ 1712 году. Желая устроить на этомъ мѣстѣ православный мужской монастырь, онъ писалъ по этому поводу слѣдующее: „Издревле по походѣ благовѣрнаго князя Андрея Боголюбскаго (1164 г.) пустѣетъ въ Казанскихъ предѣлахъ царственное мусульманксое городище, весьма преславное и прекрасное, что царь Θеодоръ Алексѣевичъ весьма любилъ и почиталъ его и потому тогдашнему митрополиту Казанскому Іоасафу указалъ писатися Казанскимъ

*) В. В. *Григорьевъ*, Россія и Азія 1876 стр. 87.

и Болгарскимъ митрополитомъ, и что весьма прилично сіе городище возобновить и просвѣтить строеніемъ здѣсь церквей Божіихъ, основаніемъ монастыря и населеніемъ благочестія“ *).

По поводу основанія монастыря въ томъ же 1712 г. было предписано дьяку Михайлову: „осмотря, что въ городищѣ какого древняго строенія есть, описать и землю отмѣря отвесть подъ монастырь“. Это было первое обстоятельное и точное описаніе Болгарскаго городища, отысканное въ древнихъ актахъ К. И. Невоструевымъ и напечатанное имъ въ трудахъ перваго археологическаго съѣзда. Десять лѣтъ спустя, въ 1722 г. Болгары посѣтилъ Петръ Великій во время персидскаго похода, плывя Волгою изъ Казани въ Астрахань. Онъ первый обратилъ царственное вниманіе на развалины Болгаръ и выразилъ заботу объ охраненіи находящихся здѣсь древнихъ зданій. Въ 1768 г. Болгарское городище подробно описалъ академикъ *Палласъ*, и въ томъ же году *Озерецковскій* въ дневныхъ запискахъ путешествія Лепехина. Въ текущемъ столѣтіи объ этомъ предметѣ писали: въ 1822 г. профессоръ *Ердманъ*, въ 1824 году Павелъ *Свиньинъ*, въ 1832 г. *Кафтанниковъ*, въ 1840 г. проф. Казан. университета *Второвъ*, въ 1853 г. *Березинъ*, въ 1870 г. полковникъ *Риттихъ*, въ 1871 г. *Невоструевъ*, въ 1877 году проф. *Шпилевскій* (сводъ литературныхъ данныхъ **).

Изъ опубликованныхъ плановъ городища Болгары самый старый и обстоятельный помѣщенъ въ атласѣ архитектора *Шмита*, изданномъ въ 1832 г. подъ заглавіемъ: „Архитектурные чертежи развалинъ древнихъ Болгаръ“ (14 листовъ). Эти чертежи были сняты съ натуры въ 1827 году***). Въ настоящее время они составляютъ библіографическую рѣдкость; поэтому я помѣщаю здѣсь копію съ плана Шмита и нѣкоторые изъ его архитектурныхъ рисунковъ, дабы имѣть болѣе ясное представленіе о Болгарскихъ древностяхъ †).

*) *Невоструевъ*. О городищахъ древняго волжско-болгарскаго и казанскаго царствъ. Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ. Томъ II. 1871 года, стр. 525.

**) Цитаты этихъ трудовъ можно найти въ вышеуказанной статьѣ Невоструева и въ книгѣ Шпилевскаго Древніе города и пр. стр. 196.

***) Кромѣ изданія *Шмита*, планъ Болгарскаго городища помѣщенъ въ сочиненіи *Риттиха* (Матеріалы для этнографіи Россіи, Казанская губернія, Казань 1870 г.) и въ собраніи картъ, плановъ и рисунковъ къ трудамъ I археологическаго съѣзда. Москва 1871 г.

†) Здѣсь помѣщаемъ *объясненіе нумерацій плана*:

1) Древняя каменная палата, нынѣ обращенная въ *Церковь св. Николая*.

2) *Большой столпъ*, нынѣ совершенно уничтоженный. Онъ стоялъ между каменной цитаделью (№ 7) и новой сельской церковью Успенія Пресвятой Богородицы (№ 21). Цифра 2, помѣщенная ошибочно внутри четырехугольной цитадели, должна стоять внѣ ея, рядомъ съ сѣверной стѣной.

3) *Малый столпъ*, существующій до сихъ поръ.

4) Такъ называемая *Черная* или Судная *палата*.

5) Такъ называемая *Бѣлая палата*, нынѣ совершенно уничтоженная.

6) Четырехугольная палата, носившая названіе *ханской*; нынѣ почти совсѣмъ разрушена.

Болгарскія земляныя укрѣпленія были основаны по типу, общему для всѣхъ подобнаго рода древнихъ славянскихъ сооруженій, именно: 1) Мѣсто для нихъ выбрано на высокомъ береговомъ яру, при сліяніи двухъ громадныхъ рѣкъ Камы и Волги. 2) Очертаніе земляныхъ валовъ и рвовъ имѣетъ видъ неправильнаго полукружія. 3) Кромѣ большого наружнаго вала существовалъ внутри городища такой же полукруглый внутренній валъ (такъ называемый Малый окопъ), въ которомъ сосредоточивались важнѣйшія части города, соотвѣтственно принятому въ древней Руси днѣшнему городу или дѣтинцу. 4) Сторона городища, примыкавшая непосредственно къ крутому берегу рѣки, не была защищена валомъ, что также служитъ отличительнымъ признакомъ древнихъ земляныхъ крѣпостей. 5) Такъ называемый Малый городокъ, пристроенный въ видѣ узкаго придатка къ южной части укрѣпленія, соотвѣтствуетъ передовымъ фортамъ или дополнительнымъ городкамъ, какіе мы неоднократно встрѣчали при описаніи болѣе значительныхъ болгарскихъ и пермскихъ городищъ (см. выше). Такимъ образомъ, судя по мѣстоположенію и по очертанію валовъ, мы имѣемъ основаніе думать, что укрѣпленія Болгаръ были построены тѣмъ же народомъ, которому принадлежали прочія безчисленныя городища въ Европейской Россіи и Сибири. Они отличаются отъ другихъ только болѣе обширными размѣрами площади городища, но это объясняется исключительной важностью даннаго пункта. Болгары представляли собой не обыкновенный укрѣпленный городокъ, а настоящій городъ, обширный, торговый и административный центръ, или столицу царства.

Пространство, занимаемое городомъ, внутри валовъ, составляетъ въ длину, со включеніемъ малаго городка, 1350 саженъ, въ поперечникѣ по высокому берегу около 1200 саженъ, а все протяженіе окружности города, считая и сѣверный открытый бокъ, около 9 верстъ; площадь городища, по измѣренію Риттиха, занимаетъ около $3^1/_2$ квадр. верстъ. Форма наружнаго

7) Четыре *башни цитадели.* Стѣны между башнями нынѣ не существуютъ. Отъ нихъ остались груды мусора.

8—14) Фундаменты палатъ разнаго вида; самыхъ стѣнъ уже не существуетъ.

15) *Малый городокъ* съ валомъ и рвомъ. Малымъ городкомъ правильнѣе назвать весь придатокъ, выступающій къ югу отъ главныхъ валовъ городища.

16) Развалины четырехъ квадратныхъ зданій. бывшихъ въ Маломъ городкѣ.

17) Большой *земляной валъ,* окружавшій весь городъ. Снаружи его долженъ быть показанъ ровъ.

18) Развалины каменнаго строенія подъ горой, съ большими круглыми башнями, на возвышенной насыпи, на берегу Старой Камы.

19) Урочище *Ага-базаръ,* гдѣ видны развалины зданія съ башнями и признаки вала.

20) Развалины (слѣды фундаментовъ и мусоръ) разныхъ каменныхъ построекъ.

21) Новая сельская *церковь Успенія Пресвятой Богородицы,* выстроенная рядомъ съ бывшимъ большимъ столпомъ.

26) Бывшій *Малый окопъ* (валъ и ровъ), нынѣ не существующій. Покрытые штрихами кварталы означаютъ новыя сельскія постройки.

вала до настоящаго времени сохранилась довольно отчетливо. Онъ имѣетъ отвѣсную высоту около полуторыхъ саженъ; довольно крутые откосы его покрыты густой травой и мѣстами кустарникомъ; снаружи вала на всемъ протяженіи устроенъ ровъ, глубиною и шириною около трехъ саженъ. Такъ какъ нынѣшнее село Успенское расположено внутри этихъ укрѣпленій, то частію для выѣзда изъ него на сосѣднія поля, частію, можетъ быть, по другой причинѣ наружный валъ во многихъ мѣстахъ разрытъ и взятою отсюда землею засыпанъ ровъ (въ родѣ земляного моста), чтобы дать возможность переѣзда черезъ него. На планѣ Шмита такихъ интерваловъ показано слишкомъ много. На самомъ дѣлѣ ихъ значительно меньше. Большинство авторовъ, описывавшихъ Болгары, считаютъ эти разрытыя мѣста за естественные обвалы земляной насыпи, но съ этимъ едвали можно согласиться. Сколько мы знаемъ объ этихъ сооруженіяхъ вообще (древніе валы русскихъ и доисторическихъ городовъ, курганныя могилы), они оказываются болѣе прочными и долговѣчными, чѣмъ каменныя стѣны. Сложенныя изъ дерна, или покрытыя дерномъ, такія насыпи обыкновенно сами собой не обваливаются, если имъ былъ данъ надлежащій откосъ. Выше мы видѣли, что на такихъ старыхъ улежавшихся валахъ возводили впослѣдствіи даже каменныя стѣны, не опасаясь осадки или оползанія. Поэтому я думаю, что разрушеніе древнихъ земляныхъ насыпей почти всегда происходитъ отъ рукъ человѣка, рѣже отъ обвала береговой площади городища, подмываемаго рѣкой, что по отношенію къ Болгарамъ не имѣетъ мѣста.

Кромѣ главнаго вала, окружавшаго весь городъ, и малаго городка, примыкавшаго къ нему съ юга, находился еще второй, внутренній валъ со рвомъ,—такъ называемый *малый окопъ*. Онъ упоминается только въ самыхъ старыхъ документахъ, именно въ выписи 1712 г. и въ описаніи подполковника Савенкова. Въ первомъ изъ этихъ документовъ размѣры этого городка не опредѣлены, а только говорится, что „внутрь *малаго окопа*, гдѣ былъ царскій домъ, отведено подъ строеніе (Успенскаго) монастыря земли длиннику 80 саж., поперекъ 60 саж. трехъ-аршинныхъ“. Обстоятельнѣе объ этомъ сказано у Савенкова: „перваго замочнаго валу отъ горы до горы 545 саж., межъ валовъ и горою 250 саженъ. Въ немъ каменный за́мокъ“. Малый окопъ здѣсь названъ *замочнымъ валомъ*, т. е. валомъ спеціально защищавшимъ центральную часть города, съ лучшими находившимися здѣсь постройками. Размѣры его были довольно значительны, именно съ востока на западъ 545 саж., съ юга на сѣверъ 250 саж. Думаю такъ на томъ основаніи, что выраженіе „отъ горы до горы“ едвали можно понимать иначе, какъ въ смыслѣ „отъ насыпи до насыпи“, т. е. отъ западнаго вала до восточнаго, а выраженіе „межъ валовъ и горою“ надо считать между внутреннимъ валомъ и Камскимъ берегомъ (яромъ). Иныхъ горъ, или

естественныхъ возвышеній на площади городища не имѣется. Такимъ образомъ, малый окопъ будетъ составлять внутреннее кольцо земляныхъ укрѣпленій, окружавшее цитадель и находившіяся около нея постройки. Съ сѣвера, какъ и главный наружный валъ, онъ оставался открытымъ, примыкая непосредственно къ крутому берегу рѣки. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ расположеніемъ центра города на сѣверной сторонѣ, несомнѣнно подтверждаетъ высказанный нами взглядъ на значеніе для Болгаръ стараго рукава Камы и въ связи съ этимъ указываетъ на древнѣйшее время основанія болгарскихъ сооруженій. Кама, очевидно, служила наиболѣе обезпеченнымъ тыломъ, куда защитники города могли свободно отступить даже въ томъ случаѣ, если бы непріятель овладѣлъ малымъ городкомъ и занялъ южную половину большого города. И при этой неудачѣ Болгары могли еще защищаться изъ за второго ряда валовъ внутренняго окопа, подкрѣпляемаго каменною цитаделью, и только въ крайности искать спасенія на судахъ.

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія малый окопъ уже не существовалъ. Поэтому объ немъ не упоминаютъ ни Палласъ, ни Лепехинъ, ни послѣдующіе за ними писатели. Надо полагать, что его уничтожили крестьяне села Успенскаго, вѣроятно потому, что онъ, находясь въ чертѣ разроставшагося селенія, мѣшалъ правильному распространенію улицъ.

Съ стратегической или фортификаціонной точки зрѣнія болгарская крѣпость обнаруживаетъ въ строителяхъ ея глубокую обдуманность и знаніе военной тактики. Изъ очертанія валовъ ея видно, что наибольшую опасность отъ непріятелей представляла южная сторона*), вслѣдствіе чего въ этой половинѣ площадь крѣпости уже,—восточный и западный валы находятся другъ отъ друга на разстояніи только 500 саженъ, вмѣсто 1000 саженъ, какъ на сѣверной сторонѣ. Это давало возможность легче концентрировать силы защитниковъ на болѣе угрожаемыхъ пунктахъ и подавать своевременную помощь, при случаѣ опаснаго натиска, съ восточнаго вала на западный, или наоборотъ. Еще больше соотвѣтствуетъ этой цѣли примкнутый къ южной части главной крѣпости малый городокъ. Ширина его внутри валовъ не болѣе 125 саж., а въ самой южной оконечности не болѣе 80—100 саж., что даетъ возможность сосредоточивать здѣсь большія силы на маломъ протяженіи и защищать каждую точку. Сверхъ того, малый городокъ, отстоя отъ сѣвернаго края города болѣе чѣмъ на двѣ версты, могъ служить удобнымъ пунктомъ для вылазокъ въ томъ случаѣ, если бы непріятель сосредоточилъ свои нападенія на сѣверо-восточную или сѣверо-западную часть

*) Съ сѣвера крѣпость была почти неприступна, благодаря крутому яру и протекавшей у подошвы его рѣки; съ запада, до извѣстной степени, защищала Волга съ ея береговымъ склономъ; съ востока высокій берегъ пересѣченъ оврагами, препятствующими свободному движенію осаждающаго войска.

укрѣпленій. При этомъ защитники изъ малаго городка являлись бы въ тылу у непріятеля. Въ виду такого важнаго значенія, малый городокъ былъ окруженъ, кромѣ высокаго вала, двойнымъ рвомъ, и сверхъ того имѣлъ четыре каменныхъ крѣпостныхъ башни, вѣроятно соединявшихся между собою стѣнами, служа особою цитаделью для этого передового укрѣпленія (см. приложенный планъ).

Имѣлъ ли городъ, кромѣ валовъ и рвовъ, еще деревянные заплоты и полисады, это остается сомнительнымъ. Березинъ *) и Риттихъ (l. cit.) допускаютъ такое предположеніе, основываясь на показаніяхъ русскихъ лѣтописей относительно города Ошеля, который былъ, дѣйствительно, укрѣпленъ дубовымъ тыномъ и двумя оплотами, между которыми находился валъ. Риттихъ необходимость присутствія дубовой стѣны за валомъ выводитъ изъ того обстоятельства, что безъ этого было бы весьма трудно оборонять такую громадную линію валовъ.—Эти соображенія могли имѣть мѣсто по отношенію къ Болгарамъ XII—XIV вѣка, когда городъ, дѣйствительно, былъ малолюденъ и когда деревянные оплоты были въ большомъ употребленіи; но нельзя того же сказать про обычаи фортификаціи древнѣйшихъ временъ. Болгарская крѣпость строилась не въ X или XI вѣкѣ, а можетъ быть раньше Р. X., потому ея стратегическіе принципы должны соотвѣтствовать не татарскому, а скиѳскому періоду.

Въѣздъ на городище Болгары со стороны сѣвернаго крутого берега въ настоящее время идетъ (по Спасской дорогѣ) по приспособленному для этой цѣли сѣверо-восточному оврагу. Весьма вѣроятно, что и въ древности подъемъ былъ тоже въ этомъ пунктѣ, такъ какъ по крутизнѣ обрыва другого удобнаго спуска не имѣется. Между тѣмъ подгорная часть, очевидно, находилась въ непосредственной связи съ городомъ. Выше мы уже говорили, что старая Кама въ цвѣтущее время города не только должна была снабжать его водой, но имѣть при этомъ особое торговое и стратегическое значеніе. Безъ протекавшей здѣсь рѣки не было бы смысла строить обширный городъ на этомъ мѣстѣ. Всѣ авторы, писавшіе о Болгарахъ, говорятъ, что подъ горой по ту и другую сторону Старой Камы существовали слѣды каменныхъ построекъ. Въ актѣ 1712 года объ нихъ сказано такъ: „у другого (сѣвернаго) конца того же поперечника, за валомъ же, три палаты, двѣ стоятъ одна противъ другой, развалились до половины, а третья, особо отъ нихъ въ 10 саженяхъ, развалилась вся". Лепехинъ указываетъ размѣры этихъ зданій по фундаментамъ: первое длиною и шириною по 4 сажени, второе 3 и 2½ сажени, а третье 7 саженъ длины и 5 саж. ширины. На планѣ Шмита указано мѣсто одной изъ нихъ (№ 18) съ слѣдующимъ объясненіемъ въ текстѣ: „развалины палатъ съ большими круглыми башнями на возвышенномъ курганѣ, на берегу Старой Камы за болотомъ, гдѣ по преданію

*) Булгаръ на Волгѣ. Учен. Зап. Казан. Унив. 1852 г. Кн. III.

стоялъ маякъ". На планѣ 1869 г. означены еще развалины у самой горы, въ 150 саж. отъ первыхъ къ юго-востоку. Очевидно, и тѣ и другія соотвѣтствуютъ показаннымъ въ актѣ 1712 г. и въ сочиненіи Лепехина. Въ настоящее время отъ этихъ зданій не осталось никакихъ слѣдовъ, но сооруженіе ихъ подъ горой, на низкомъ болотистомъ мѣстѣ, очевидно имѣло связь съ протекавшей здѣсь рѣкой и ея значеніемъ для города. Зданія были построены на искусственной насыпи (на курганѣ, какъ сказано у Шмита) вѣроятно по той причинѣ, что мѣстность во время разлива затоплялась водой, какъ и въ настоящую пору. Назначеніе этихъ строеній, можетъ быть, состояло въ томъ, чтобы охранять существовавшую здѣсь рѣку отъ вторженія непріятеля со стороны Волги. Маякомъ они быть не могли, потому что маяки обыкновенно ставятся на высокомъ мѣстѣ и этой цѣли гораздо болѣе могли удовлетворять высокія болгарскія зданія, особенно столпы, которые и нынѣ видны верстъ за 15—20, подъѣзжая съ сѣвера къ Болгарамъ.

Прежде чѣмъ перейдти къ описанію древностей, сохранившихся на городищѣ Болгары, считаю нужнымъ еще разъ обратиться къ вопросу о времени его основанія. Городъ Болгары, какъ извѣстно, начиная съ X вѣка является уже историческимъ городомъ. И въ русскихъ лѣтописяхъ, и въ арабскихъ сказаніяхъ имѣются объ немъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія, которыми, естественно, прежде всего воспользовались авторы, писавшіе о болгарскихъ древностяхъ. Историческій городъ, такимъ образомъ, закрылъ собой его археологическое значеніе. Во всѣхъ сочиненіяхъ довольно обширной литературы по этому предмету имѣется въ виду исключительно мусульманскій періодъ (съ 922 г.) исторіи города, а потому и всѣ его древности пріурочиваются обыкновенно къ татарской, или точнѣе мусульманской эпохѣ. По мнѣнію проф. *Березина*, „существующіе нынѣ остатки отъ Булгара принадлежатъ всѣ безъ исключенія мусульманской эпохѣ, т. е. съ X по XV столѣтіе". *Невоструевъ*, считая такое мнѣніе весьма вѣроятнымъ, прибавляетъ, что послѣ разрушенія Булгара Монголами въ XIII в." онъ снова оправился, сдѣлавшись резиденціей золотоордынскихъ царей. Для безопасности отъ непріятеля городъ былъ обведенъ валомъ и рвомъ, уцѣлѣвшими доселѣ, и по всей вѣроятности деревянною только стѣною" (l. cit. стр. 525). Такимъ образомъ, не только остатки каменныхъ зданій, но даже древніе валы городища приписываются сравнительно недавнему историческому времени, т. е. послѣ XIII в. Точныхъ историческихъ основаній для такого заключенія собственно не имѣется никакихъ. Это не болѣе, какъ историческая догадка.

Въ началѣ главы мы уже высказали нѣкоторыя соображенія, почему городище Болгары слѣдуетъ считать однимъ изъ древнѣйшихъ. Къ этому прибавимъ историческія данныя о болгарскомъ народѣ, которыя могутъ подтверж-

дать тоже самое. Какъ извѣстно, въ началѣ X вѣка болгары, еще до принятія ислама, составляли уже сильное государство, имѣли города, вели обширную торговлю и повиновались одному самодержавному государю. Такое политическое значеніе ихъ, извѣстное арабамъ по торговымъ сношеніямъ Болгаріи съ Персіей и Малою Азіей, вѣроятно и было причиною, что мусульманскіе халифы такъ заботились о распространеніи своей религіи въ этой далекой странѣ. Но болгары, вѣроятно, были еще могущественнѣе до выселенія съ Волги значительной части этого народа за Дунай. Это совершилось, какъ извѣстно, во второй половинѣ VII вѣка. Живя по Камѣ и Волгѣ и имѣя здѣсь большіе торговые города и многочисленныя крѣпости, они, конечно, съ давнихъ поръ привыкли къ осѣдлой жизни и умѣли укрѣплять города безъ содѣйствія арабскихъ художниковъ. Система ихъ укрѣпленій не могла существенно отличаться отъ той, какая была принята въ то время для всей Европейской Россіи и Сибири, т. е. она соотвѣтствовала тѣмъ землянымъ городищамъ, обзоръ которыхъ мы сдѣлали въ двухъ предыдущихъ главахъ.

О времени основанія города Болгаръ точныхъ историческихъ свѣдѣній, конечно, не имѣется; но есть археологическія данныя, позволяющія предполагать, что болгарскія города по Волгѣ и Камѣ существовали съ тѣхъ поръ, когда появилась здѣсь болгарская народность. «Если вѣрить Моисею Хоренскому, замѣчаетъ В. В. Григорьевъ, болгары жили въ этихъ мѣстахъ (т. е. по Камѣ и Волгѣ) еще во второмъ столѣтіи до Р. X., потому что они изъ за Кавказскихъ горъ уже тогда дѣлали вторженія въ Арменію. Но это доказываетъ только, продолжаетъ авторъ, что они были извѣстны азіатцамъ уже въ пятомъ вѣкѣ (когда писалъ М. Хоревскій)» (l. c. стр. 81). Это показаніе не только не противорѣчитъ археологическимъ фактамъ (городища, слѣды добычи и обработка металловъ и пр., о чемъ мы говорили выше), но подтверждается ими и въ свою очередь разъясняетъ ихъ. Изъ сопоставленія тѣхъ и другихъ данныхъ видно, что около Р. X., а можетъ и гораздо раньше, въ разсматриваемыхъ краяхъ обиталъ промышленный, торговый и культурный народъ, называвшійся потомъ Болгарами. Не касаясь пока вопроса объ ихъ національности, мы вправѣ теперь замѣтить, что большая часть древнихъ городищъ по Камѣ и Волгѣ были построены этимъ древнимъ народомъ.

Для болѣе точнаго опредѣленія степени древности того или другого городища обыкновенно служатъ археологическія находки, встрѣчающіяся въ его почвѣ. Этотъ критерій имѣетъ значеніе и въ отношеніи къ Болгарамъ, хотя можетъ быть, въ меньшей степени, чѣмъ для другихъ городищъ, гдѣ не было смѣны культуръ. Какъ руководящій слѣдъ, въ Болгарахъ чаще всего изучали арабскія куфическія и золотоордынскія монеты; но онѣ для

насъ не имѣютъ особаго значенія, такъ какъ поясняютъ лишь историческія данныя сравнительно недавняго времени. Гораздо важнѣе находки римскихъ и византійскихъ монетъ, хотя и не столь многочисленныя. Въ первый разъ на нихъ указалъ *С. Ешевскій*. «Въ Булгарѣ, говоритъ онъ, *найдены были при мнѣ* одновременно обломки металлическаго зеркала съ древнею тибетскою или китайскою надписью и *римскія монеты* III и IV вѣка» (Пермск. сборн. 1858 г. Кн. I, страница 135). Извѣстный Казанскій археологъ, нынѣ покойный, *А. Ѳ. Лихачевъ* имѣлъ въ своей коллекціи найденную имъ лично въ 1873 г. въ мѣстности древняго города Булгара, монету императора Авреліана (270—275). Онъ же приводитъ извѣстіе о находкѣ здѣсь же на берегу Волги монеты императора Антонина (138—161 г.) *). Какъ ни ограниченно число такихъ фактовъ, но они все же могутъ вполнѣ доказывать, что мѣстность городища Болгаръ была уже заселена, по меньшей мѣрѣ, со второго или третьяго вѣка.

Но гораздо больше оказывается въ почвѣ Болгаръ, такъ называемыхъ, культурныхъ остатковъ стараго доисторическаго времени. Сюда относятся: орнаментированные черепки древней глиняной посуды, костяные наконечники стрѣлъ, масса глиняныхъ напряслъ, разноцвѣтныхъ бусъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ издѣлій. *А. Ѳ. Лихачевъ*, какъ постоянный житель Казани и старый землевладѣлецъ Спасскаго уѣзда (въ сосѣдствѣ съ Болгарами), составилъ обширную и замѣчательную коллекцію собственно изъ Болгарскихъ древностей. Благодаря собранному имъ матеріалу, А. Ѳ. выступилъ съ осязательными данными для разрѣшенія стоявшаго въ программѣ второго археологическаго съѣзда вопроса: «Всѣ ли памятники, находимые въ мѣстности древняго Булгара относятся къ мусульманскому періоду и не встрѣчается ли между ними такихъ памятниковъ, которые могутъ быть отнесены къ болѣе древнему періоду»? Докладъ его по данному вопросу, подъ заглавіемъ: «Бытовые памятники великой Булгаріи» напечатанъ въ первомъ выпускѣ трудовъ названнаго съѣзда (Спб. 1876 г. Стр. 1—50). Въ этой статьѣ подробно разсматривается по вещественнымъ памятникамъ древняя болгарская культура и несомнѣнно выясняется, что она почти цѣликомъ относится къ эпохѣ до мусульманства. Арабскому вліянію авторъ приписываетъ только каменныя постройки, но и это мнѣніе, хотя высказываемое довольно рѣшительно, не обставлено убѣдительными доказательствами. Вопросъ о каменныхъ постройкахъ мы разберемъ ниже. Что же касается до остальныхъ ископаемыхъ предметовъ, то они, независимо отъ своей доисторической древности, носятъ на себѣ ясные слѣды продолженія одной и той же древне-сибирской и Пермской культуры.

*) *Лихачевъ А.* Скиѳскій слѣдъ на Болгарской почвѣ. Извѣстія Казанск. Общ. археологіи, исторіи и этнографіи. Т. V 1884 г. стр. 11.

По поводу находокъ на городищѣ Болгары считаемъ не излишнимъ сдѣлать одно предварительное замѣчаніе. Не смотря на богатство литературы по этому предмету, не смотря на собранныя многочисленныя коллекціи болгарскихъ древностей (Лихачева, Казанскаго университета и Казанскаго Археолог. Общества и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ),—не смотря, наконецъ, на близость и легкую доступность разсматриваемой мѣстности и частое посѣщеніе ея учеными и туристами, до сего времени здѣсь не было произведено ни одной систематической и правильной раскопки. Это отчасти объясняется обширностью городища и тѣмъ, что важнѣйшая его часть нынѣ занята сельскими постройками. Можетъ быть этому содѣйствовало и господствовавшее мнѣніе, что всѣ находимые здѣсь памятники принадлежатъ татарской эпохѣ, слѣдовательно, для русской археологіи не представляютъ большого интереса. Какъ бы то ни было, но большинство собранныхъ въ Болгарахъ коллекцій были добыты не путемъ систематическихъ раскопокъ, а пріобрѣтены, какъ случайныя находки. Отъ этого болгарскія коллекціи не имѣютъ надлежащей полноты и законченности. Равнымъ образомъ не производилось въ этой мѣстности и курганныхъ раскопокъ, которыя могли бы существенно пополнять археологическія данныя при оцѣнкѣ вещей съ городища. Правда, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Болгарами курганы, повидимому, не встрѣчаются; но они въ достаточномъ числѣ существуютъ въ уѣздахъ Казанской губерніи и раскопка ихъ, вѣроятно, помогла бы точнѣе оріентироваться въ болгарскихъ древностяхъ.

По собраннымъ до сего времени находкамъ, собственно на городищѣ, болгарскую доисторическую культуру можно было бы отнести къ *переходной эпохѣ отъ бронзы къ желѣзу*. Здѣсь ни разу еще не находили ни характерныхъ бронзовыхъ сѣкиръ, какъ въ Ананьевскомъ могильникѣ и въ южно-сибирскихъ курганахъ, ни бронзовыхъ серповъ, ни типичныхъ для бронзоваго вѣка бронзовыхъ кинжаловъ, стрѣлокъ, дротиковъ и копій; даже кельты, такъ сильно распространенные въ Сибири и на сѣверномъ Уралѣ, здѣсь встрѣчаются сравнительно рѣдко. Въ коллекціяхъ преобладаютъ желѣзные топоры оригинальнаго болгарскаго типа, большія желѣзныя стрѣлы сибирскаго типа, называемыя графомъ Уваровымъ мерянскими; нерѣдко встрѣчаются кольчужные панцыри. Рядомъ съ желѣзными издѣліями, однако же, мы имѣемъ: бронзовыя долота, такія же зеркала, серьги, поясныя пряжки, фибулы и разныя другія украшенія, бронзовые и мѣдные котлы, чаши и многіе другіе предметы, указывающіе на глубокую древность.

Принимая во вниманіе, что почти всѣ болгарскія находки попадались случайно и что многія изъ нихъ, именно желѣзные предметы, могли относиться къ болѣе позднему періоду существованія Болгара, мы все же, на основаніи данныхъ коллекцій, имѣемъ право сказать, что болгарская культура

можетъ восходить къ эпохѣ до Р. Х. или, по крайней мѣрѣ, къ первымъ вѣкамъ христіанства. Она представляетъ собою непосредственное продолженіе, или слѣдующее звѣно древней пермской, а также тобольской культуры, отчетливо представленной въ коллекціяхъ нашего Томскаго археологическаго музея. Въ находкахъ съ Чувашскаго мыса и Искера мы видимъ тотъ же типъ предметовъ и ту же переходную эпоху отъ бронзы къ желѣзу. Если въ Перми и Тобольскѣ бронзовыя издѣлія являются преобладающими, и они представлены полнѣе и разнообразнѣе, — это можно объяснить съ одной стороны тѣмъ, что предметы тобольскихъ коллекцій были извлечены не только изъ городища, но и изъ курганныхъ могилъ, слѣдовательно, не представляли случайныхъ находокъ, съ другой стороны на Тобольскихъ городищахъ не было послѣдующихъ культурныхъ наслоеній, какъ въ Болгарахъ.

Послѣ того какъ мы до нѣкоторой степени уяснили себѣ эпоху существованія городища Болгаръ, можно перейти теперь къ разбору сохранившихся тамъ археологическихъ памятниковъ. Здѣсь мы ограничимся только краткимъ перечнемъ тождественныхъ или сходныхъ сибирскихъ и болгарскихъ предметовъ, оставляя подробное описаніе ихъ до слѣдующихъ главъ.

Начнемъ съ предметовъ *керамики* и *костяныхъ издѣлій*. Древности этого рода принято считать настолько примитивными и общими, что ихъ обыкновенно относятъ къ такъ называемому каменному періоду, или къ первобытной культурѣ человѣчества вообще. Я не буду здѣсь касаться вопроса, основательно ли такое мнѣніе, но долженъ отмѣтить фактъ, что принадлежащіе къ этой рубрикѣ предметы встрѣчаются далеко не повсемѣстно. Поэтому они должны выражать не общую для всего человѣчества первобытную индустрію, а опредѣленный складъ народныхъ вкусовъ и привычекъ.

1) Самый распространенный на сѣверѣ типъ глиняной посуды съ *оттиснутыми по сырой глинѣ орнаментами* опредѣленныхъ рисунковъ, встрѣчающійся во всѣхъ россійскихъ и сибирскихъ городищахъ, совсѣмъ не обыченъ ни въ южной Азіи, ни въ Западной Европѣ. Между тѣмъ, тотъ же самый типъ оказывается въ культурныхъ слояхъ древней Трои (см. описаніе и рисунки у Шлиманна), у древнихъ балтійскихъ и дунайскихъ славянъ и коегдѣ въ Швейцаріи. Очевидно, такая орнаментированная глиняная посуда характеризуетъ своеобразное культурное теченіе, замѣчаемое только въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, почти исключительно тамъ, гдѣ мы встрѣчаемъ земляныя крѣпости и курганы.*) Въ Великой Перми и Камской Болгаріи форма глиняныхъ горшковъ, цвѣтъ ихъ (большею частью черный) и орнаменты настолько сходны съ сибирскими, что не оставляютъ никакого сом-

*) Подробнѣе объ этомъ см. въ 22 примѣчаніи къ каталогу Томск. археол. музея (1888 г.), стр. 59—66.

нѣнія въ единствѣ культурныхъ началъ обитавшаго здѣсь народа *). Въ продолженіи какого періода времени употреблялись по ту и другую сторону Урала узорчатые горшки, сказать съ точностью трудно. Присутствіе ихъ въ Ананьевскомъ могильникѣ, относимомъ къ эпохѣ до Р. Х., въ скиѳскихъ и сибирскихъ курганахъ того же времени, а тѣмъ болѣе открытіе Шлиманномъ такихъ же типовъ посуды въ древней Троѣ указываетъ на глубокую древность обычая наводить орнаменты по сырой глинѣ. Когда вывелся такой обычай, это опредѣлить еще труднѣе. Судя по мерянскимъ могиламъ графа Уварова, гдѣ узорчатые черепки и сосуды оказывались въ желѣзномъ вѣкѣ и даже въ IX—X столѣтіи, можно предполагать, что сосуды этого рода, примѣнявшіеся главнымъ образомъ при языческомъ курганномъ погребеніи, вышли изъ употребленія на Руси послѣ принятія христіанства. Въ мусульманскую эпоху Болгаріи они постепенно замѣнялись керамикою восточныхъ образцовъ изъ желтой, хорошо обожженной глины, безъ орнаментовъ (высокіе кувшины съ вытянутымъ горлышкомъ).

2) Какъ въ Болгарахъ, такъ и въ тобольскихъ городищахъ, самыми распространенными находками являются *глиняныя напрясла*. Обыкновенно они имѣютъ форму плоскихъ кружковъ, съ дырочкою въ центрѣ, для вставленія веретена. Одна сторона ихъ (верхняя) почти всегда бываетъ орнаментирована. Орнаменты эти, хотя тоже наведенные по сырой глинѣ, большею частію отличаются отъ горшечныхъ узоровъ своею линейною геометрическою формою. Чаще всего напрясла встрѣчаются глиняныя, но попадаются также изъ кости, гораздо рѣже изъ камня, или бронзы. Послѣднихъ въ нашемъ Томскомъ музеѣ имѣется всего по нѣсколько экземпляровъ (въ Казанскихъ музеяхъ тоже не больше), но глиняныхъ и костяныхъ оказывается весьма много. Форма и рисунки тѣхъ и другихъ, т. е. болгарскихъ и сибирскихъ, совершенно одинаковы. Но еще любопытнѣе, что таже самая форма напряслъ, глиняныхъ и костяныхъ, оказывается въ культурныхъ слояхъ города Трои (см. у Шлиманна Ilios, литограф. таблицы въ концѣ книги). Встрѣчаясь здѣсь массами, вмѣстѣ съ узорчатыми черепками и сосудами общаго типа съ сибирскими и древне-болгарскими, они видимо указываютъ на близкую культурную связь всѣхъ этихъ странъ. Распространялась ли эта троянская культура отъ Геллеспонта на Волгу, Каму и въ Сибирь, или она шла одновременно въ разные пункты изъ центральной Азіи, для насъ этотъ вопросъ теперь безразличенъ. Объ узорчатыхъ черепкахъ и напряслахъ мы упоминаемъ здѣсь только для того, чтобы показать связь сибирской индустріи съ болгарскою. Въ древнихъ городахъ по Иртышу и Тоболу также усердно зани-

*) Рисунки и описанія, сюда относящіеся см. въ статьяхъ Ѳ. А. Теплоухова (О Пермскихъ древностяхъ), въ статьяхъ А. Ѳ. Лихачева (О болгарскихъ древн.) и въ трудахъ Казанск. археол. общ.

мались пряжей и тканьемъ и употребляли такія же расписныя веретена, какъ въ Болгарахъ и Билярскѣ.

Рядомъ съ плоскими или полусферическими напряслами, въ Болгарахъ и Билярскѣ весьма часто находятъ хорошо обожженные изъ красной глины предметы, совершенно похожіе по размѣрамъ и формѣ на косточки китайскихъ и русскихъ счетъ. Размѣръ этихъ предметовъ меньше, съ боковъ они представляются какъ бы гранеными и никогда не бываютъ покрыты никакими узорами. Ихъ также называютъ напряслами, но мнѣ кажется правильнѣе ихъ принимать за *настоящіе счеты*. Въ сибирскихъ городищахъ они встрѣчаются очень рѣдко.

3) Къ числу издѣлій керамики, указывающихъ на связь болгарской культуры съ сибирскою, принадлежатъ еще *глиняныя водопроводныя трубы*. Въ Болгарахъ и Билярскѣ ихъ находили неоднократно. Нѣсколько образчиковъ (звеньевъ) этихъ находокъ хранятся въ Казанскомъ археологическомъ музеѣ. При сличеніи ихъ съ сибирскими трубами, привезенными мной изъ Семирѣченской и Семипалатинской области (хранятся въ Томскомъ археологическомъ музеѣ) нельзя не видѣть полнаго сходства между тѣми и другими издѣліями, какъ по величинѣ и формѣ, такъ и по способу ихъ примѣненія для подземнаго водоснабженія *). Тождество техники здѣсь несомнѣнно, но можетъ явиться только одинъ вопросъ: къ какому времени слѣдуетъ относить эти гончарные водопроводы—къ мусульманской, или домусульманской эпохѣ? Вопросъ этотъ существенно важенъ потому, что въ связи съ нимъ стоитъ разгадка времени постройки нѣкоторыхъ каменныхъ болгарскихъ зданій, напр., Бѣлой Палаты, гдѣ эти трубы тоже были найдены. Подробнѣе этотъ вопросъ мы разсмотримъ въ своемъ мѣстѣ; теперь же вкратцѣ укажемъ, что система гончарныхъ водопроводовъ практиковалась не арабами, а именно древними болгарами. Они занесли это искусство въ Византію; имъ же, вѣроятно, принадлежали и тѣ гончарныя водопроводныя трубы, которыя найдены въ числѣ древностей города Ѳеодосіи. Ни у арабовъ, ни у персовъ, ни въ нынѣшнемъ Туркестанскомъ краѣ мы не знаемъ ничего подобнаго. Да и едва ли тамъ была надобность въ подземныхъ замкнутыхъ водопроводахъ, когда по климатическимъ условіямъ южныхъ странъ легко было обходиться открытыми акведуками, или даже простыми арыками. Поэтому мы считаемъ весьма правдоподобнымъ, что гончарныя трубы въ Болгарахъ и Билярскѣ были проложены раньше мусульманской эпохи, именно болгарами, до ихъ переселенія къ Черному морю и Дунаю. При такомъ объясненіи указанное выше тождество семирѣченскихъ, семипалатинскихъ и бол-

*) См. объ этомъ 28 примѣчаніе къ каталогу Томск. археолог. музея, стр. 76--83.

гарскихъ водопроводовъ можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ близкой культурной связи между этими странами *).

4) О *костяныхъ наконечникахъ стрѣлъ* мы уже упоминали выше (стр. 241). На всѣхъ болгарскихъ городищахъ ихъ встрѣчается множество, точно такъ же, какъ и въ Сибири, и форма ихъ совершенно одинаковая, большею частію трехгранная. Въ Билярскѣ и на нѣкоторыхъ пермскихъ городищахъ указаны пункты, гдѣ эти стрѣлы выдѣлывались и сохранялись въ массахъ, повидимому, для продажи. Въ Сибири такихъ пунктовъ не найдено, но, принимая во вниманіе слишкомъ большое распространеніе костяныхъ стрѣлъ и другихъ подѣлокъ изъ кости, можно думать, что онѣ были также мѣстнымъ сибирскимъ произведеніемъ. У византійскихъ историковъ есть прямыя указанія на обычное употребленіе костяныхъ стрѣлъ гуннами, и это свидѣтельство, въ связи съ нашими археологическими фактами, можетъ до извѣстной степени служить подтвержденіемъ принятаго въ исторіи мнѣнія о родинѣ гунновъ и отчасти объ ихъ національности. Судя по костянымъ стрѣламъ, можно было бы думать, что гунны-болгары и гунны-савиры (съ Иртыша) суть отрасли одного и того же племени.

5) Кромѣ костяныхъ стрѣлъ, въ Болгарахъ часто были находимы и *желѣзныя стрѣлы*, своеобразной *сибирской формы*. А. Ѳ. Лихачевъ объ этомъ предметѣ отзывается такъ: „наконечники стрѣлъ (желѣзные), встрѣчающіеся на почвѣ Великой Булгаріи, отличаются безконечнымъ разнообразіемъ формъ. Въ моей коллекціи есть до 25 видовъ, изъ которыхъ многіе очень похожи на мерянскіе **). Одинъ видъ наконечника, съ двумя расходящимися концами, совершенно соотвѣтствуетъ таковому же найденному въ мерянскихъ могилахъ (фиг. 24). Наконечники въ видѣ большого ромба и въ

*) О гончарныхъ водопроводныхъ трубахъ А. Ѳ. Лихачевъ въ цитированномъ уже сочиненіи о бытовыхъ памятникахъ Великой Болгаріи (стр. 30) пишетъ слѣдующее: «Слѣдуетъ упомянуть о большихъ и малыхъ водопроводныхъ трубахъ, изъ красновато-желтой гончарной глины, которыя не рѣдко попадаются между развалинами города Булгара, изъ чего можно заключить, что въ немъ были, вѣроятно, бассейны и даже фонтаны. Фактъ существованія въ Булгарѣ водопроводовъ доказываетъ, что городъ въ свое время былъ достаточно снабженъ водой, которая, при этомъ, должна была быть поднята на значительную высоту и, слѣдовательно, напрасно было изумленіе нѣкоторыхъ позднѣйшихъ путешественниковъ (Палласъ и др.), удивлявшихся, какъ могли существовать жители, довольствуясь одною колодезною водой». Здѣсь почтенный авторъ, видимо, ошибается, предполагая, что вода была проведена изъ рѣки у подножія Болгаръ. Поднять воду на такую высоту по глинянымъ трубамъ невозможно, вслѣдствіе хрупкости ихъ стѣнокъ, да и не обладали древніе такою двигательною силою, которая могла бы нагнетать воду на высоту берега. По гончарнымъ трубамъ вода проводилась *самотокомъ* изъ вышележащихъ источниковъ (вѣроятно, извнѣ городскихъ валовъ). Поэтому всѣ находки трубъ были наверху, на площади городища, а не подъ горой. Судя по діаметру трубъ, онѣ не могли давать притока воды больше 100 ведеръ въ часъ; слѣдовательно, при большомъ народонаселеніи города этимъ водоснабженіемъ могли пользоваться только въ крайности, или въ подспорье къ другимъ источникамъ.

**) Сравни въ собраніи картъ, плановъ и рисунковъ къ трудамъ 1-го археолог. съѣзда, таб. XXX, фиг, 1, 2, 3, 10, 15 и 24.

видѣ треугольника съ выемками принадлежатъ къ формамъ, не встрѣчающимся между мерянскими, но первый очень походитъ на наконечникъ, *найденный* въ скиѳскихъ могилахъ". *) Въ Сибири формы желѣзныхъ стрѣлъ оказываются еще разнообразнѣе. **) Между ними часто встрѣчаются и болгарскія, и мерянскія, и скиѳскія формы, изъ коихъ особенно характерны плоскія ромбическія и вилообразныя, какъ мы ихъ назвали въ каталогѣ *„рогатыя стрѣлы"*. Желѣзныя стрѣлы встрѣчаются въ сибирскихъ городищахъ и на пашняхъ въ весьма большомъ числѣ и нерѣдко рядомъ съ костяными наконечниками. Изъ этого можно заключить, что тѣ и другія были въ употребленіи одновременно, также какъ и въ Болгаріи. Бронзовыя литыя стрѣлки находятъ значительно рѣже, преимущественно въ курганныхъ могилахъ. Очевидно, онѣ цѣнились дороже и не пускались въ обыденное обращеніе. Форма ихъ либо та же самая, какъ въ скиѳскихъ могилахъ, т. е. двуперая съ втулкою, либо, вмѣсто втулки, онѣ имѣютъ плоскій заостренный черенокъ.

6) Настолько же сходны болгарскія и сибирскія *желѣзныя копья*. Древнѣйшія изъ нихъ выковывались по образцу бронзовыхъ, съ глубокою круглою втулкою и съ широкимъ двухстороннимъ ланцетовиднымъ лезвіемъ. (№ катал. 1368). Типъ мѣднаго копья безъ втулки, которую замѣняетъ плоскій черенокъ (стержень), изображенный у Лихачева на табл. II рис. 12, въ нашемъ Томскомъ музеѣ повторяется на желѣзномъ орудіи точно такой же формы (№ 2408). Кромѣ того въ нашемъ музеѣ есть и мѣдное копье съ черенкомъ вмѣсто втулки, форма котораго болѣе плоская и широкая, чѣмъ въ болгарскомъ экземплярѣ г. Лихачева.

7) Изъ бронзовыхъ боевыхъ орудій, въ городищѣ Болгары, какъ мы уже упоминали, до сихъ поръ не находили *кельтовъ*, между тѣмъ въ Сибири они были чрезвычайно распространены. Въ курганныхъ могилахъ они оказываются почти неизбѣжною принадлежностью каждаго мужскаго погребенія; много ихъ встрѣчается и на городищахъ ***). На сѣверномъ Уралѣ кельты также не составляютъ рѣдкости. Въ Ананьевскомъ могильникѣ (на Камѣ, близъ Елабуги) ихъ найдено нѣсколько десятковъ экземпляровъ и притомъ совершенно сходныхъ съ сибирскими (съ однимъ и съ двумя ушками, съ прямымъ клинообразнымъ и съ выгнутымъ лезвіемъ). Эти находки доказываютъ, что кельты, считающіеся по преимуществу сибирскимъ оружіемъ, были въ употребленіи и въ Камской Болгаріи и въ Великой Перми, точно также какъ они были извѣстны у Балтійскихъ славянъ, въ Скандинавіи, отчасти въ Галліи и въ Швейцаріи. Судя по этому, отсутствіе ихъ собствен-

*) Древности Геродотовой Скиѳіи, вып. I, атласъ л. I рис. 6.

**) См. примѣч. 46 къ каталогу Томск. археологическаго музея стр. 155, о желѣзныхъ стрѣлахъ большого формата, а также прим. 44, стр. 145 о мерянскихъ древностяхъ.

***) Въ Томскомъ археолог. музеѣ имѣется 69 кельтовъ.

но въ городищѣ Болгарахъ, если бы это подтвердилось и дальнѣйшими разысканіями, могло бы доказывать только замѣну этого орудія желѣзнымъ болгарскимъ топоромъ въ болѣе позднее время. Кельты, очевидно, принадлежатъ къ орудіямъ очень древнимъ, и послѣ Р. Х. они едва ли уже употреблялись. Поэтому ихъ легче отыскать въ древнихъ могильникахъ, чѣмъ на городищахъ, особенно такихъ, какъ Болгары или Билярскъ, гдѣ народная жизнь продолжалась непрерывно по меньшей мѣрѣ до XV столѣтія.

8) На Болгарскихъ городищахъ, какъ бы въ замѣну бронзовыхъ кельтовъ и сѣкиръ, весьма часто находятъ *желѣзные топоры*, *своеобразной болгарской формы*. Они отличаются отъ обыкновенныхъ топоровъ тѣмъ, что лезвіе ихъ сильно вытянуто къ сторонѣ топорища, въ видѣ длиннаго языка. Такіе топоры нерѣдко попадаются въ курганныхъ, такъ называемыхъ, мерянскихъ могилахъ болѣе поздняго времени*), а также въ Ливонскихъ древностяхъ (атласъ *Бера*, таблица XIV № 4, 6, 8 и 9; атласъ *Крузе*, табл. I и VII № 3 и 6, таб. XXVI № 15 и 16). Этотъ типъ, повидимому, сохранился до сего времени у Дунайскихъ Болгаръ**), но въ Сибири такихъ экземпляровъ не оказывается. Очевидно, они принадлежатъ не къ общему зауральскому типу оружія, а къ западному, или болгарскому, болѣе позднему, замѣнившему кельты. Послѣднее предположеніе я высказываю на томъ основаніи, что разсматриваемые топоры первоначально служили не плотничнымъ, а боевымъ орудіемъ. Плотничный мѣдный и желѣзный топоръ въ Болгарахъ существовалъ самъ по себѣ. Онъ имѣетъ узкое лезвіе и широкій обухъ, соотвѣтственно такимъ же сибирскимъ образцамъ, имѣющимся въ Томскомъ музеѣ, мѣднымъ и желѣзнымъ.

9) Изъ плотничныхъ орудій укажемъ на *бронзовыя долота*. Въ Томскомъ музеѣ ихъ имѣется 15 штукъ, всѣ прекрасной отдѣлки, со втулкою. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ передній конецъ полулунной формы (№№ 2900, 3193, 3194, 4038 и 4049). Точно такой же бронзовый экземпляръ показанъ въ атласѣ А. Ѳ. Лихачева (листѣ III, рис. 32).

10) Судя по *бронзовымъ серпамъ*, земледѣліе въ Сибири, повидимому, началось раньше, чѣмъ въ Болгаріи и Перми. Въ Казанской, Вятской и Пермской губерніяхъ о находкахъ бронзовыхъ серповъ до сихъ поръ не было заявлено, но древніе желѣзные серпы здѣсь попадаются часто. Въ Сибири же, напротивъ того, рѣдко можно встрѣтить археологическій желѣзный серпъ (не зубреный), но бронзовые попадаются чаще, чѣмъ гдѣ либо***). Я объ-

*) Графъ Уваровъ, Les Mériens. St. Petersb. 1875 г.; атласъ таблица V (XXIX въ труд. I археологическ. съѣзда) рис. 11.

**) Образчикъ современныхъ болгарскихъ топоровъ я видѣлъ на одной изъ археологическихъ выставокъ Казанскаго университета, въ 1882 году. Онъ былъ вывезенъ изъ-за Дуная по окончаніи послѣдней восточной войны.

***) Въ Томскомъ археол. музеѣ бронзовыхъ серповъ имѣется 10 штукъ, а желѣзныхъ всего два экземпляра (№ 1399 и 3532).

ясняю это тѣмъ, что въ Перми и Болгаріи земледѣліе продолжалось безпрерывно вплоть до нашихъ дней, въ Сибири же оно прекратилось вслѣдъ за выселеніемъ курганнаго племени, т. е. около II—III в. послѣ Р. X., когда эту страну заняли кочевыя, монголо-татарскія народности. Поэтому бронзовые серпы тамъ не были постепенно вытѣсняемы желѣзными, а сохранились въ культурныхъ слояхъ, какъ орудіе, бывшее во всеобщемъ употребленіи. Въ Болгаріи же они исчезли постепенно, подъ вліяніемъ прогрессирующей земледѣльческой культуры. Если они могли здѣсь сохраниться, то развѣ въ могилахъ бронзоваго вѣка, но не въ городищахъ. Тѣмъ не менѣе, по общему ходу культурныхъ теченій, мы должны предполагать, что и въ Камской Болгаріи было время, когда для жатвы употреблялись только бронзовые серпы. Они должны оказаться при болѣе тщательныхъ раскопкахъ древнихъ курганныхъ могилъ. Частію это уже констатировано въ Уфимской губерніи, нѣкогда входившей въ область Камской Болгаріи. Ѳ. А. Теплоуховъ въ статьѣ „Земледѣльческія орудія Пермской Чуди" *) на стр. 31 говоритъ: „Въ мѣстностяхъ, гдѣ находки предметовъ бронзоваго вѣка встрѣчаются чаще, чѣмъ въ Пермской губерніи, попадаются нерѣдко бронзовыя и мѣдныя орудія, относящіяся несомнѣнно къ числу серповъ. Такъ въ Уфимскомъ городскомъ музеѣ хранится *пять* подобныхъ орудій, найденныхъ вмѣстѣ съ кельтами и другими предметами изъ мѣди и бронзы, въ лѣсу, вблизи деревни Дербедень, Мензелинскаго уѣзда. Тамъ же находится подобное орудіе изъ красной мѣди, въ общемъ весьма похожее на наши (пермскія) чудскія косы, но имѣющее, при ширинѣ около 5 сантим., всего около 34 сант. въ длину. Найдено оно въ курганѣ на рѣчкѣ Лазаревой, въ 8 верстахъ отъ города Уфы". Обломокъ подобной же мѣдной косы имѣется и въ нашемъ Томскомъ музеѣ (№ 4051). Такимъ образомъ весьма вѣроятно, что земледѣльческая культура началась въ Камской Болгаріи еще въ бронзовомъ вѣкѣ. Трудно рѣшить, откуда она была занесена въ эти края,—изъ Персіи или Греціи, или же изъ общаго источника—центральной Азіи, черезъ Сибирь. Послѣднее предположеніе намъ представляется болѣе вѣроятнымъ, потому что вся болгарская культура имѣетъ болѣе тѣсную связь съ сибирскими образцами, нежели съ классическими европейскими, хотя бронзовые серпы по формѣ своей весьма сходны съ древними римскими и греческими той же бронзовой эпохи.

Объ орудіяхъ для паханія земли мы здѣсь не будемъ говорить, такъ какъ всѣ они относятся къ желѣзному вѣку и потому сопоставленіе ихъ съ сибирскими орудіями этого рода имѣетъ мало значенія. Въ цитированной статьѣ г. Теплоухова этотъ вопросъ разсмотрѣнъ въ подробностяхъ по отно-

*) Сборникъ „Пермскій край", т. I Пермь 1892 г. Я пользовался отдѣльными оттисками, любезно доставленными мнѣ авторомъ.

шенію къ Пермскому краю. Въ той же статьѣ помѣщены рисунки разнообразныхъ желѣзныхъ ральниковъ (сошниковъ), найденныхъ на Пермскихъ городищахъ. Нѣкоторые изъ нихъ, напр. рис. 6, 9, и 10 имѣются и въ нашемъ музеѣ въ числѣ желѣзныхъ предметовъ (№№ каталога 3527—3528), но объ этихъ экземплярахъ, найденныхъ на пашнѣ, нельзя опредѣленно сказать, въ какую эпоху они были въ употребленіи. Кромѣ того, въ нашемъ музеѣ находится литой *чугунный сошникъ* (№ 4153), найденный на правомъ берегу р. Исети близъ села Красноярскаго, въ 1½ верстахъ отъ городища Лизунова. Въ томъ же мѣстѣ были находимы мѣдныя и каменныя стрѣлки и узорчатые черепки глиняной посуды, что даетъ поводъ предполагать, что сошникъ относится къ той же эпохѣ, какъ и городище. Онъ отличается отъ пермскихъ ральниковъ тѣмъ, что имѣетъ поперечно-овальную глубокую втулку (14 сант. длины, 8 сант. ширины и 19 сант. глубины), куда вставлялась деревянная подошва отъ разсохи. Длина сошника 24 сант., ширина на заднемъ концѣ 22 сант.

11) Единство сибирской и пермско-болгарской культуры отчетливѣе всего выражается на предметахъ личнаго и бытоваго убранства, соотвѣтствующихъ народному вкусу, привычкамъ и вѣрованіямъ. Изъ этой области мы могли бы привести цѣлый рядъ сопоставленій, указывающихъ, что древняя Сибирь и Болгарія нѣкогда подчинялись общимъ культурнымъ идеямъ, составляли нѣчто цѣлое и однообразное и притомъ независимое отъ вѣяній классическаго запада и персидскаго юга. Они составляли особый сѣверовосточный міръ, развивавшійся на своихъ началахъ, вдали отъ культурной Европы и Азіи. Часть этого сибирскаго достоянія съ раннихъ поръ проникла въ сѣверную Россію, въ Скандинавію и въ прибалтійскія страны западной Европы, еще большая часть перенесена была на западъ въ эпоху великаго переселенія народовъ, но нѣкоторыя, болѣе древнія, формы остались для Европы совсѣмъ неизвѣстными. Онѣ погасли на мѣстѣ своей родины, оставивъ свой слѣдъ только въ могилахъ и городищахъ русскаго сѣверовостока. „Всматриваясь въ мѣдные и бронзовые предметы, попадающіеся на востокѣ и сѣверовостокѣ Россіи, говоритъ П. Полевой, мы видимъ нѣчто совершенно оригинальное, не имѣющее ничего общаго съ произведеніями европейскаго бронзоваго вѣка. Даже и самое поверхностное сравненіе съ предметами, добытыми въ прошломъ столѣтіи изъ сибирскихъ могилъ и тѣми, которые и теперь постоянно тамъ откапываются, выяснило тотъ фактъ, что мѣдные и бронзовые предметы, находимые на сѣверо-востокѣ Россіи, были занесены сюда изъ за Урала, изъ Азіи“ *). Не считая кельтовъ, своеобразныхъ бронзовыхъ сѣкиръ и кинжаловъ, костяныхъ и желѣзныхъ массивныхъ стрѣлъ, къ этому разряду зауральскихъ предметовъ принадлежатъ: характерныя мужскія и

*) *П. Полевой.* Очеркъ русской исторіи въ памятникахъ быта. Бронзовый вѣкъ, стр. 47. С.-Петербургъ 1879 г.

женскія украшенія, напр., массивныя серьги съ подвѣсками, разнообразныя бляхи съ изображеніемъ животныхъ и фантастическимъ звѣринымъ орнаментомъ, металлическіе наборы для поясовъ и украшеній конской сбруи, тоже большею частію съ звѣриной орнаментикой, бронзовыя стремена, разные амулеты, бубенчики и привѣски, изображенія идоловъ и многое другое. Здѣсь не мѣсто разбирать въ подробностяхъ всѣ эти произведенія сѣвернаго искусства; достаточно сказать, что они нѣкогда одновременно господствовали по ту и другую сторону Урала, что было уже неоднократно указано въ разныхъ археологическихъ сочиненіяхъ и закрѣплено многочисленными находками*). Мы позволимъ себѣ здѣсь остановиться только на идолахъ, такъ какъ этотъ отдѣлъ древностей до сего времени еще не достаточно разъясненъ.

Въ 1888 г. при изданіи перваго выпуска каталога Томскаго археологическаго музея, въ примѣчаніи 36 (стр. 120—125, каталога стр. 64) я описалъ 14 экземпляровъ крылатыхъ идоловъ, найденныхъ въ Кузнецкомъ и Каинскомъ округахъ. Въ томъ же примѣчаніи мною было дано посильное объясненіе происхожденія этихъ изображеній и указаны случаи нахожденія ихъ въ другихъ мѣстностяхъ, именно: въ одномъ изъ скиѳскихъ кургановъ (Муральтъ), на берегахъ р. Печоры (Эйхвальдъ), въ предѣлахъ Камской Болгаріи, въ Калмыцкой степи въ Астраханской губерніи (Монфоконъ) и на берегахъ р. Исети. На этихъ дняхъ я получилъ статью Ѳ. А. Теплоухова „о древностяхъ Пермской Чуди", гдѣ, между прочимъ, описываются „идолы въ видѣ птицъ", по типу совершенно сходные съ нашими. Авторъ говоритъ, что въ Пермскомъ краѣ „такіе птицевидные идолы встрѣчаются, сравнительно, довольно часто и извѣстны мѣстнымъ жителямъ подъ именемъ *голубковъ*, хотя по своимъ признакамъ напоминаютъ скорѣе птицу въ родѣ орла или сокола" (стр. 12). На груди у этихъ птицъ-идоловъ большею

*) Довольно многочисленные рисунки сибирскихъ металлическихъ предметовъ съ характернымъ, такъ называемымъ, звѣринымъ орнаментомъ см. въ третьемъ выпускѣ древностей графа И. И. Толстого и Кондакова. Здѣсь же помѣщены изображенія нѣкоторыхъ предметовъ, снятыя съ оригиналовъ изъ нашего Томскаго археологическаго музея, именно: рис. 37 на стр. 36 (№ нашего каталога 2407), рис. 38 стр. 40 (№ 1279), рис. 41, стр. 43 (№ 1227, идолъ въ видѣ птицы, найденный въ Каинскомъ округѣ), рис. 77, стр. 66 (№ 1278, два буйвола), рис. 79, стр. 68 (скиѳскій котелъ), рис. 183, стр. 158 (№ 3359, лось или сохатый), рис. 184 на послѣдней страницѣ (№ 2613, однорогій аркаръ). На бронзовыхъ бляхахъ и пластинкахъ нашего музея чаще всего изъ мѣстныхъ животныхъ изображаются: буйволы (3 экземпляра), конь (4 экз.), лось или сохатый (2 экз.), олень (3 экз.), горный баранъ и медвѣдь. Конь и олень часто изображаются съ поджатыми ногами, какъ бы летящими. Головки барана или козла, обращенныя другъ къ другу, служили любимымъ украшеніемъ для рукоятки кинжаловъ (задняго конца). На одномъ бронзовомъ ножѣ рукоятка оканчивалась изящной головкой мула или осла съ большими торчащими ушами. Ручки одного массивнаго котла (по верхнему краю) представляли собою стоящаго коня съ поднятою кверху и украшенною челкою. Рельефное изображеніе медвѣдя служило любимою темою для металлическаго набора поясовъ. Фигуръ нападающихъ или грызущихся хищныхъ звѣрей въ нашихъ коллекціяхъ не имѣется.

частію помѣщается дополнительное изображеніе человѣческаго лица, намѣченнаго въ общихъ чертахъ. Крылья птицы иногда бываютъ распростертыми, какъ бы осѣняющими изображеннаго на груди человѣка, иногда опущенными. Перья на крыльяхъ и хвостѣ всегда изображаются въ видѣ параллельныхъ рельефныхъ бороздокъ, придающихъ передней поверхности фигуры полосатый видъ. Въ коллекціи г. Теплоухова*) находится 6 такихъ экземпляровъ. Кромѣ того на трехъ такихъ же экземплярахъ вмѣсто человѣческаго лица на груди птицы помѣщено изображеніе маленькаго звѣрка или птички, три экземпляра отличаются отъ предыдущихъ (съ человѣческимъ лицомъ на груди) тѣмъ, что птица представлена двуглавою и на двухъ экземплярахъ—трехглавою, но въ остальныхъ частяхъ типъ идоловъ тотъ же самый. Всѣ эти предметы (14 штукъ) найдены въ Пермской губерніи, «большею частію на правомъ берегу Камы, по рр. Косвѣ и Инвѣ, въ мѣстностяхъ, какъ замѣчаетъ авторъ, отличающихся особымъ обиліемъ памятниковъ Чудской культуры, сохранившихся въ видѣ городищъ и находокъ различнаго рода». Судя по описанію и рисункамъ, они, очевидно, представляютъ тотъ же самый типъ птицевидныхъ идоловъ, какіе были доставлены въ нашъ музей изъ находокъ въ Томской губерніи. Отсутствіе у насъ двухглавыхъ и трехглавыхъ экземпляровъ нисколько не противорѣчитъ этому заключенію, такъ какъ они и въ Перми представляютъ собой лишь разновидность основнаго типа, притомъ, сравнительно, болѣе рѣдкую.

Кромѣ экземпляровъ своей коллекціи Ѳ. А. Теплоуховъ указываетъ, что въ музеѣ Уральскаго общества любителей естествознанія въ Екатеринбургѣ находится 8 такихъ же изображеній найденныхъ въ верховьяхъ р. Печоры, близъ впаденія въ нее р. Уньвы. Въ этой мѣстности найдено было, въ видѣ клада, около пуда металлическихъ вещей, изъ коихъ попало въ Екатеринбургскій музей не болѣе 20 предметовъ, въ томъ числѣ и упомянутые 8 изображеній птицевидныхъ идоловъ. Пять идоловъ, описанныхъ въ статьѣ проф. Эйхвальда (О древностяхъ заволочской Чуди Печорскаго края), найдены были тоже на Печорскомъ волокѣ, на р. Соплясъ, въ Усть-сысольскомъ уѣздѣ. Судя по изображеніямъ (въ атласѣ Аспелина), они совершенно сходны съ Пермскими и Томскими. Вмѣстѣ съ крылатыми идолами, въ нашей Кузнецкой находкѣ оказались два диска изъ прекраснаго металлическаго сплава, изящной отливки, покрытые типическимъ кружковымъ орнаментомъ На одномъ изъ этихъ дисковъ (№ каталога 1265) кружки расположены въ четыре пирамидальныя группы, сходящіяся вершинами къ центру, на другомъ (№ 1266) группы кружковъ изображаютъ другія фигуры, крестообразно направляющіяся отъ центра къ периферіи, на четыре стороны.

*) *Теплоуховъ,* Древности Пермской Чуди въ видѣ баснословныхъ людей и животныхъ. 1893 г., съ тремя таблицами рисунковъ.

Диски эти очевидно имѣли отношеніе къ идоламъ, или точнѣе къ религіознымъ обрядамъ. Въ рисункахъ болгарскихъ древностей Лихачева (атласъ 2 археологическаго съѣзда, листъ 1, фиг. 1) изображенъ подобный же дискъ съ пирамидальными группами кружковъ.

Птицевидные идолы, а равно и кружковый орнаментъ, часто встрѣчающійся на сибирскихъ и болгарскихъ древностяхъ, особенно на костяныхъ издѣліяхъ, должны принадлежать къ типическимъ особенностямъ древней сибирской, пермской и болгарской культуры. Область распространенія этихъ идоловъ довольно опредѣленно исчерпывается указанными выше предѣлами. До сихъ поръ они не были найдены ни на югѣ, ни на западѣ Россіи, слѣдовательно этотъ религіозный культъ можно считать мѣстнымъ сибирскимъ и пермско-болгарскимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его едва-ли можно приписывать финскимъ языческимъ вѣрованіямъ, такъ какъ подобныя же формы идоловъ съ изображеніемъ человѣческаго лица на груди и съ птицею на головѣ, съ кружковымъ и полосатымъ орнаментомъ на платьѣ, были найдены еще въ концѣ прошлаго столѣтія въ числѣ древностей Балтійскихъ славянъ, на мѣстѣ предполагаемаго города Ретры *).

Этимъ мы закончимъ, можетъ быть неумѣстно широкій въ данномъ случаѣ, перечень сопоставленій сибирской, пермской и болгарской культуры. Замѣчаемое въ этомъ отношеніи единство можетъ съ одной стороны служить подтвержденіемъ сказаннаго нами въ предыдущей главѣ о городищахъ и рѣчныхъ путяхъ изъ Сибири въ Великую Пермь и въ Болгарію, съ другой стороны можетъ указывать на глубокую древность народныхъ сношеній между этими странами. Тѣ же культурныя сравненія устанавливаютъ болѣе широкій взглядъ на время существованія городища Болгары и на его древности. Было бы слишкомъ близоруко пріурочивать все это къ татарскому времени, или къ X—XIV вѣку, когда рядъ археологическихъ фактовъ указываетъ намъ на болѣе далекія доисторическія времена. Эту точку зрѣнія нельзя упускать изъ вниманія и при разсмотрѣніи архитектурныхъ памятниковъ Болгаръ, къ разбору которыхъ мы теперь обратимся.

При посѣщеніи Болгаръ лѣтомъ 1885 года, послѣ такъ называемой ремонтировки болгарскихъ руинъ, произведенной по инціативѣ Казанскаго археологическаго Общества, тамъ существовали изъ древнихъ строеній только слѣдующія: 1) *Малый столпъ*. 2) Такъ называемая *черная* или судная *палата*; 3) палата, превращенная въ *церковь св. Николая*; 4) палата, извѣстная подъ именемъ монастырскаго погреба; 5) такая же палата близъ Малаго столпа (обѣ съ провалившимся куполомъ и съ полуобрушенными стѣ-

*) *Masch.* Die gottesdienstlichen Alterthümer der Obotriten. Berlin 1771.—*Potocki*, Jean. Voyage dans quelques parties de la Bas-sax pour la recherche des antiquités slaves ou Vendes. Hamburg 1795.—Примѣчаніе къ каталогу Томскаго археологическаго музея, стр. 126.

нами); 6) древняя *цитадель* съ сохранившимися основаніями четырехъ угловыхъ башенъ и съ буграми каменнаго мусора по протяженію бывшихъ между ними стѣнъ; 7) два полуразвалившіяся строенія на границѣ между главнымъ крѣпостнымъ валомъ и такъ называемымъ малымъ городкомъ; сверхъ того, на всей площади, занимаемой древними Болгарами (внутри вала) разсѣяно множество каменнаго мусора, частію отъ фундаментовъ древнихъ зданій, частію отъ развалившихся и растасканныхъ стѣнъ.

Въ XVIII вѣкѣ число уцѣлѣвшихъ зданій было гораздо больше*). Мы не будемъ перечислять ихъ въ подробности, такъ какъ объ этомъ много разъ говорилось въ описаніяхъ Болгарскаго городища, но при надобности будемъ ссылаться на эти описанія. Въ настоящемъ случаѣ замѣтимъ только, что каменныя зданія и остатки ихъ фундаментовъ разсѣяны были не только по всему пространству площади города, внутри валовъ, но они находились даже внѣ укрѣпленія, именно, круглыя башни подъ горой, по ту и другую сторону Старой Камы, и остатки каменнаго зданія на западной сторонѣ, за валомъ, въ направленіи къ Волгѣ. Это обстоятельство не лишено значенія, такъ какъ оно можетъ указывать на сооруженіе построекъ не въ періодъ упадка Болгаръ, а въ цвѣтущее ихъ время.

Начнемъ прежде всего съ описанія *Столповъ*, или, какъ ихъ называютъ, минаретовъ. Отъ древнихъ временъ ихъ сохранилось два: *Большой столпъ*, находившійся у сѣверной стѣны главной цитадели, нынѣ совершенно разрушенный, и *Малый столпъ*, существующій до сихъ поръ. Первый изъ нихъ, по описи 1712 года, имѣлъ вышину 11 саженъ, а по Лепехину 12 саженъ и столько же въ окружности у основанія. Петръ Великій при посѣщеніи болгарскихъ развалинъ приказалъ верхнюю часть этой грандіозной башни оковать двумя желѣзными обручами, потому что въ верхней части ея существовала трещина. Впослѣдствіи столпъ былъ покрытъ досчатою коническою кровлею, а въ 1837 г. оштукатуренъ, деревянная кровля его замѣнена желѣзною. Столпъ этотъ развалился въ 1841 г. (или въ 1845 г.). По собраннымъ мною на мѣстѣ распросамъ крестьянъ, причиною его разрушенія была трещина, вѣроятно та самая, противъ которой принимались мѣры еще въ началѣ XVIII в. Но еще больше содѣйствовало паденію столпа то обстоятельство, что крестьяне растаскали каменную облицовку его основанія. Взятые отсюда массивные камни были употреблены подъ фундаментъ строившейся рядомъ со столпомъ колокольни, на которую потомъ и рухнула вся масса подточеннаго зданія. Такъ мнѣ разсказывали мѣстные старожилы села Успенскаго (Болгаръ). Въ настоящее время отъ Большаго столпа не оста-

*) По свидѣтельству *Лепехина*, въ его время насчитывалось еще до 44, болѣе или менѣе уцѣлѣвшихъ, зданій (Дневныя записки путешест. 1768--1769 г., ч. I изд. 2-е, 1795 Спб. стр. 266).

лось никакого слѣда, кромѣ груды мусора и щебня. Къ счастію, это, самое грандіозное, зданіе въ Болгарахъ было вовремя снято на чертежи опытной рукой, что даетъ возможность судить не только объ его наружномъ стилѣ и размѣрахъ, но и о планѣ постройки. Лучшими и наиболѣе точными снимками можно считать рисунокъ и планъ, сдѣланные архитекторомъ Шмитомъ въ 1827 г. (см. его атласъ болгарскихъ древностей, изд. въ 1832 г.) и рисунокъ, помѣщенный въ путешествіи Палласа (2-е изд. Спб. 1809 г. ч. 1 стр. 168). Судя по этимъ чертежамъ, Большой столпъ имѣлъ у основанія четырехугольную форму, до высоты двухъ саженъ; потомъ, въ слѣдующемъ отдѣлѣ, переходилъ въ восьмиугольную, тоже на протяженіи около двухъ саженъ, а остальная часть до вершины была круглая. Нижніе два яруса были облицованы, какъ и большая часть прочихъ болгарскихъ зданій, отлично притесанными массивными камнями крѣпкаго известняка или песчаника. Палласъ къ этому прибавляетъ, что на „оную (башню) входятъ по круглой лѣстницѣ о 72 ступеняхъ, изъ коихъ каждая въ парижскій футъ вышиной. Въ стѣнахъ башни оставлены небольшія скважины, въ которыя свѣтъ проходитъ, и потому видно ходить по лѣстницѣ“. По разсказамъ лицъ, хорошо помнившихъ этотъ столпъ до его разрушенія, онъ имѣлъ точно такую-же внутреннюю компактную кладку и такую же конструкцію лѣстницы, какъ существующій донынѣ Малый столпъ.

Малый столпъ находится въ сѣверо-восточной части древняго города, въ разстояніи отъ цитадели около 120 саженъ. По выписи 1712 г. онъ имѣлъ вышину 7 саженъ и въ окружности 8 саженъ. Туже мѣру приводитъ и Лепехинъ. Палласъ даетъ столпу 9 саженъ вышины, вѣроятно считая вмѣстѣ съ деревянною крышею. По измѣренію въ 1885 г. высота Малаго столпа до верхняго карниза оказалась 6 саженъ и отъ карниза до крыши 1 саж. 10½ вер., всего до крыши 7 саж. 10½ верш. Основаніе башни здѣсь также четырехугольное, но потомъ, на разстояніи, примѣрно, около сажени, зданіе получаетъ осьмиугольную форму, переходя далѣе въ круглую, съ легкимъ утонченіемъ кверху. Въ верхней трети столпа, также какъ и въ первомъ зданіи, находится обрѣзъ, или карнизъ, соотвѣтственно которому уменьшенъ діаметръ верхней части постройки. Ширина этого обрѣза не больше ¾ аршина, площадь его почти горизонтальная, слегка наклоненная книзу и ровная. Въ началѣ текущаго столѣтія мѣстные татары, по словамъ Второва, будто бы, устроили здѣсь перила, вслѣдствіе чего по обрѣзу, при нуждѣ, можно было пройти одному человѣку, хотя и не безъ труда*). Они же покрыли столпъ желѣзною крышею, на шпицѣ которой воздвигли луну. Въ настоящее время ни перилъ, ни луны не существуетъ. Испортившаяся желѣзная крыша замѣнена новою, деревянною.

*) Вѣроятно спускаясь на обрѣзъ съ вершины башни по приставной лѣсенкѣ.

Попытка объяснить существованіе площадки верхняго уступа мусульманскими цѣлями и пріурочить Малый столпъ къ минарету, по моему мнѣнію, не выдерживаетъ критики. Если-бы это зданіе дѣйствительно строилось мусульманами для такой цѣли, то оно имѣло-бы соотвѣтствующую архитектуру. Всѣ минареты, какъ извѣстно, строились и строятся такимъ образомъ, что башня ихъ передъ верхней площадкой нѣсколько расширяется. Это расширеніе и даетъ возможность образовать тотъ балкончикъ, не менѣе аршина ширины, который необходимъ для муэдзина. Для выхода на балкончикъ необходимо продѣлывалась дверь. Внутри стѣнъ минарета, какъ во всѣхъ настоящихъ башняхъ, оставлялось свободное пространство, раздѣляемое на ярусы, въ которомъ устраивалась лѣстница. Часть башни, выше балкончика, имѣла либо одинаковую ширину, какъ въ томъ мѣстѣ, откуда начиналось расширеніе для послѣдняго, либо нѣсколько съуживалась, но не представляла такого рѣзкаго яруснаго уступа, какъ въ Маломъ столпѣ, или какъ это дѣлается на русскихъ многоярусныхъ колокольняхъ. Этихъ признаковъ въ Маломъ столпѣ не существуетъ. Прежде всего, его внутренность не соотвѣтствуетъ ни минарету, ни башнѣ. Все его зданіе, отъ основанія до вершины, состоитъ изъ *сплошной каменной кладки*, въ которой оставлено свободное пространство, не болѣе 11—12 вершковъ, только для винтовой лѣстницы. Лѣстница здѣсь не составляетъ отдѣльнаго сооруженія внутри полаго зданія, а какъ-бы высѣчена въ сплошномъ каменномъ массивѣ, или, точнѣе сказать, для нея оставлено при кладкѣ столпа только такое свободное пространство, которое можетъ дать мѣсто одному проходящему человѣку. Ступени, состоящія изъ цѣльныхъ притесанныхъ камней известняка, въ 1 футъ толщиной, уложены по самой кладкѣ сплошной стѣны столпа, а не укрѣплены на особыхъ сводахъ, или косоурахъ, какъ это обыкновенно дѣлается на лѣстницахъ. Почти всѣ камни стерты по срединѣ на одну треть своей толщины, что указываетъ на весьма продолжительную службу лѣстницы, если принять во вниманіе, что ходьба по ней, при узкости и неудобствѣ прохода, во всякомъ случаѣ не могла быть велика. Форма лѣстничной спирали выведена очень правильно, но довольно круто; на мѣстахъ поворотовъ лѣстницы оставлены въ стѣнѣ небольшія четырехугольныя или продолговатыя отверстія для освѣщенія, вообще довольно слабаго. Вышина окошечекъ около 6 вершковъ, ширина около 4 верш. Одно изъ такихъ окошечекъ приходится у самаго основанія верхняго уступа. Черезъ него взрослый человѣкъ съ трудомъ можетъ просунуть голову на площадку послѣдняго. Признавать въ этомъ узкомъ отверстіи дверь для выхода на балкончикъ минарета рѣшительно невозможно. Нельзя даже допустить, чтобы это окно когда либо было больше, во первыхъ потому, что его не зачѣмъ и некому было-бы потомъ задѣлывать, во вторыхъ,—по мѣстнымъ условіямъ спиральной

лѣстницы въ этомъ пунктѣ было-бы невозможно помѣстить высокій проемъ въ формѣ двери.

Лѣстница выходитъ узкимъ отверстіемъ на самый верхъ столпа, гдѣ этотъ послѣдній представляетъ сплошную площадку изъ каменной кладки, точно также, какъ и на всемъ его протяженіи. По этой площадкѣ, а равно и по боковымъ стѣнамъ лѣстницы можно видѣть, какъ бы въ разрѣзѣ, способъ каменной кладки. Онъ ничѣмъ не отличается отъ кладки прочихъ болгарскихъ зданій, именно: весь массивъ зданія состоитъ изъ крупныхъ, неправильной формы кусковъ твердыхъ, большею частію известковыхъ камней и туфовъ, связанныхъ между собою отличнымъ известковымъ цементомъ. Въ составъ цемента входили также, вмѣстѣ съ крупнымъ пескомъ, мелкія рѣчныя раковины. Цементомъ обильно и очень плотно заполнялись (заливались) всѣ, нерѣдко значительныя пустоты, образовавшіяся отъ угловатыхъ камней, такъ что въ разрѣзѣ такая постройка представляла плотно слившуюся цементную массу, со втиснутыми въ нее камнями разнообразной формы, величины и свойства (булыжникъ, известковые туфы, куски песчаника и пр.). Снаружи всѣ болгарскія зданія облицовывались массивными, прекрасно обтесанными камнями, большею частію изъ крѣпкихъ песчаниковъ *). По сохранившимся образчикамъ, каждый такой камень имѣлъ 12—16 вершковъ длины и около 8 вершковъ ширины, въ формѣ правильнаго удлиненнаго 4-хъ-угольника, съ ровною наружною поверхностью и очень плотными швами при стыкахъ. При такой облицовкѣ, клавшейся насухо, наружный видъ зданія получался очень красивый, грандіозный и прочный. Къ сожалѣнію, эти тесаные камни, какъ матеріалъ очень цѣнный, расхищались прежде всего. Ихъ выковыривали съ основанія зданія сначала на высоту человѣческаго роста, а потомъ и выше. Въ настоящее время облицовка въ Болгарахъ сохранилась только на башняхъ цитадели, да и здѣсь, начиная съ лѣта 1884 года, камни начали обдирать. На угловой сѣверо-западной башнѣ я видѣлъ свѣжіе слѣды такого варварскаго разрушенія.

Происхожденіе древнихъ архитектурныхъ памятниковъ вообще и въ частности разсматриваемыхъ нами столповъ, кое гдѣ сохранившихся въ предѣлахъ русскихъ владѣній, должно имѣть гораздо больше значенія для русской археологіи, чѣмъ это кажется до сихъ поръ. Ученые изслѣдователи не оцѣнили въ должной мѣрѣ этого драгоцѣннаго матеріала и не приняли своевременно мѣръ къ его сохраненію. Невозвратимое упущеніе произошло главнымъ образомъ отъ укоренившагося ложнаго взгляда, будто-бы наши архитектурныя древности не суть мѣстныя оригинальныя произведенія, а слабые подражательные слѣды арабскаго зодчества XII—XIV в. При такой точкѣ зрѣнія, усвоенной русскими учеными и мѣстными администраторами и искус-

*) Облицовки на Маломъ столпѣ въ настоящее время уже не существуетъ.

ственно привитой мѣстному крестьянскому населенію, естественно было ожидать не только полнаго равнодушія, но даже пренебреженія къ подобнымъ развалинамъ. Какъ мусульманскія постройки, онѣ не имѣли въ глазахъ ученыхъ большой исторической или художественной цѣны, а какъ татарскіе памятники, онѣ не внушали администраціи и мѣстнымъ крестьянамъ особой охранительной заботы. Такимъ образомъ, благодаря пущенной въ ходъ, смѣемъ думать, ложной теоріи, мы отстраняемъ отъ себя, можетъ быть, самые драгоцѣнные историческіе памятники и косвенно содѣйствуемъ истребленію такихъ научныхъ фактовъ, которыхъ потомъ нельзя будетъ ни возстановить, ни отыскать въ другой разъ. Это въ особенности относится до знаменитыхъ болгарскихъ развалинъ, несравненныхъ по числу, разнообразію и полнотѣ архитектурнаго типа.

Татарская теорія объясненія архитектурныхъ памятниковъ восточной Россіи обязана своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, оріенталистамъ. Въ отношеніи болгарскихъ зданій въ частности, обыкновенно основываются на показаніи арабскаго писателя Ибнъ-Фоцлана (922 г.), бывшаго въ болгарской землѣ съ посольствомъ отъ халифа къ болгарскому царю. Этотъ послѣдній просилъ прислать ему наставника для ученія исламу и мастера, который могъ-бы построить мечеть и крѣпость. Изъ этого вывели заключеніе, что халифъ *вѣроятно* исполнилъ просьбу болгарскаго царя, а слѣдовательно и болгарскія постройки *вѣроятно* сооружены были арабскими зодчими, хотя прямо объ этомъ нигдѣ не говорится.

Укоренившаяся привычка начинать исторію камскихъ Болгаръ съ мусульманскаго періода поддерживалась также тѣмъ обстоятельствомъ, что въ многочисленныхъ городищахъ и древнихъ кладбищахъ Болгарскаго царства было находимо весьма много предметовъ дѣйствительно мусульманской эпохи. Сюда относятся преимущественно монеты и надгробныя надписи, по справедливости имѣвшія въ глазахъ историковъ гораздо больше доказательной силы, чѣмъ прочіе предметы, хронологическое значеніе которыхъ требовало еще спеціальнаго объясненія. Такимъ образомъ, по монетамъ и надписямъ, въ связи со свидѣтельствомъ арабскихъ писателей, сложилось опредѣленное представленіе о всѣхъ болгарскихъ древностяхъ. Все, что ни находили въ Болгарахъ, относили къ татарскому періоду, забывая, что изслѣдованія этого рода уясняютъ исторію не болгаръ въ собственномъ смыслѣ, а преемниковъ ихъ, занявшихъ ихъ мѣсто послѣ выселенія болгарскаго народа. Съ X—XI в., когда о камскихъ Болгарахъ стали появляться въ русскихъ и восточныхъ лѣтописяхъ болѣе опредѣленныя свѣдѣнія, бытописатели имѣли дѣло не съ тѣмъ болгарскимъ народомъ, который ранѣе того владѣлъ всѣмъ Поволжьемъ и простиралъ свое вліяніе на весь сѣверовостокъ Россіи, а съ его обломками и замѣстителями.

О татарскихъ каменныхъ постройкахъ и объ арабскомъ зодчествѣ въ предѣлахъ Россіи существуютъ вообще преувеличенныя понятія. Татары, какъ кочевой народъ, не скоро освоились съ осѣдлою жизнью, и тѣ немногіе города ихъ, о которыхъ упоминаютъ лѣтописи, не оставили послѣ себя никакихъ монументальныхъ зданій. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что даже самая столица ихъ, Сарай, по истеченіи такого короткаго времени и, можно сказать, на глазахъ у лѣтописцевъ, совсѣмъ затерялась: ученые должны задавать себѣ вопросъ, на какомъ мѣстѣ она находилась, и наудачу пріурочивать ее къ разнымъ пунктамъ волжскаго побережья. Не указываетъ ли это на отсутствіе тамъ капитальныхъ построекъ и на то, что столица Золотой Орды была не болѣе, какъ полукочевая ставка. Равнымъ образомъ и городъ Казань, существующій съ конца XIV или съ начала XV в., и долго служившій центромъ осѣдлой татарской жизни, не сохранилъ ни одного памятника татарской архитектуры. Всѣ его постройки были деревянныя, за исключеніемъ 2—3 мечетей, царскаго дома и части городской стѣны (замка), сложенной изъ дикаго камня, совсѣмъ не по болгарскому и не по арабскому, а по русскому образцу. Также точно и болгарскій городъ Ошель, о которомъ подробно говорятъ русскія лѣтописи, былъ весь деревянный. Изъ этого позволительно заключить, что и городъ Болгары, если бы онъ обстраивался въ мусульманскую эпоху, не представлялъ бы исключенія изъ общаго правила. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Арабскій писатель XIII в. Якутъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ Булгаръ, передъ запискою Ибнъ-Фоцлана (въ Большомъ словарѣ) говоритъ: „Булгаръ главный городъ *славянъ*, онъ лежитъ на далекомъ сѣверѣ. Булгары строятъ свои дома *только изъ дерева*, одно бревно кладутъ на другое и соединяютъ ихъ крѣпкими, тоже деревянными гвоздями". Но лучшимъ доказательствомъ отсутствія у татаръ (а равно и у финскихъ инородцевъ древней болгарской области) собственнаго, или арабскаго зодчества служатъ ихъ нынѣшнія постройки. Всѣ онѣ, не исключая и деревянныхъ мечетей, выстроены по образцу русскихъ домовъ (рубка въ уголъ, крылечки, форма крыши и украшеній). Ничего въ нихъ нѣтъ, что бы напоминало характеръ восточной, или древне болгарской архитектуры, которую они не могли бы такъ скоро забыть и бросить, особенно въ религіозныхъ постройкахъ, если-бы только они пользовались когда либо услугами арабскаго зодчества.

По поводу столповъ мы должны еще упомянуть объ одномъ фактѣ, именно о существованіи на Маломъ столпѣ мусульманской надписи. Она находится на каменной доскѣ, вдѣланной снаружи въ западную стѣну столпа, немного выше человѣческаго роста. Достаточно поверхностнаго взгляда на эту вдѣлку,[1] чтобы видѣть въ ней работу новѣйшаго времени. Ни шрифтъ, ни форма доски, ни способъ ея прикрѣпленія къ стѣнѣ не ука-

зываетъ, чтобы эта работа была одновременна съ постройкой столпа. Надпись эта сдѣлана татарами вслѣдствіе того, что у нихъ сохранилось преданіе, будто бы противъ этого мѣста были когда-то похоронены ихъ святые мужи, на могилу которыхъ мусульмане часто приходятъ на поклоненіе. Дѣйствительно, шагахъ въ десяти отъ зданія на лужайкѣ видны два четыреугольника, обложенные въ одинъ рядъ булыжникомъ. Это и есть предполагаемое мѣсто могилъ. Камешки, по словамъ татаръ, положены для того, чтобы мѣсто не оскверднялось бродячимъ деревенскимъ скотомъ. Фактъ указанія могилъ наровномъ открытомъ мѣстѣ, а не внутри какого либо древняго зданія, подтверждаетъ намъ, что легенды, придуманныя татарами для объясненія нѣкоторыхъ болгарскихъ развалинъ (палатокъ), какъ надгробныхъ памятниковъ татарской эпохи, не имѣютъ никакого основанія.

Въ церковно-славянскомъ и русскомъ языкѣ слово *столпъ* первоначально употреблялось въ спеціальномъ значеніи каменной или деревянной колонны. При описаніи языческаго обряда трупосожиганія лѣтопись говоритъ: „и по семъ, собравше кости, вложаху въ сосудъ малъ и *поставляху на столпъ*, на путехъ, иже творять Вятичи и нынѣ. Си же обычай творяху и Кривичи и прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божія“. Въ Ипатской лѣтописи упоминается о столпѣ (колоннѣ), стоявшемъ недалеко отъ города Холма: «Стоитъ же *столпъ* поприще отъ города *каменъ*, а на немъ орелъ каменъ изваянъ, высота же камени десять лакотъ, съ головами же и съ подножками 12 лакотъ». Тутъ же при описаніи Холмской боевой башни сказано, что она была поставлена на каменномъ основаніи, т. е. на столпѣ: «Вежа же средь города высока, якоже бити съ нея окрестъ града, *подсздана каменіемъ въ высоту 15 лакотъ*, создана же сама (вежа) древомъ тесаныхъ и убѣлена яко сыръ, свѣтящися на всѣи стороны» (лѣт. по Ипатск. списку, годъ 1259. Изд. 1871 г. стр. 559). Здѣсь вежа, какъ деревянное сооруженіе, отличается отъ столпа, который предполагается не иначе, какъ каменнымъ. Въ такомъ смыслѣ, повидимому, понимали слово πυργόσ при переводѣ священныхъ книгъ на славянскій языкъ; такъ понимаетъ слово столпъ русскій народъ и до село времени.

Впослѣдствіи въ книжномъ языкѣ стали примѣнять это слово къ обозначенію не только колонны, или вообще каменной компактной кладки, но и *къ каменной полой башнѣ*. Въ этомъ смыслѣ столпъ является синонимомъ вежи. «Столпъ бо бѣ камень высокъ стоя передъ вороты города и бяху въ немъ заперлися Пруси и не бысть имъ (русскимъ князьямъ) мимо онъ пойти къ городу, побивахуть бо со столпа того» (тамъ же стр. 579). О такомъ же башенномъ столпѣ упоминается при построеніи городовъ Бреста и Каменца княземъ Владиміромъ Васильковичемъ въ 1288 году. «Зруби Берестій и за Берестіемъ зруби городъ на пустомъ мѣстѣ и нарече имя

ему Каменецъ, зане бысть камена земля. Създа же въ немъ столпъ каменъ, высотою 17 саженей, подобенъ удивленію всѣмъ зрящимъ нань» (стр 608). «Въ Берестіи же създа стълпъ каменъ, высотою яко и Каменецкый» (стр. 610). Рисунокъ сохранившагося Каменецкаго столпа помѣщенъ въ книгѣ П. Н. Батюшкова «Холмская Русь» (С.-Петербургъ. 1887 г.) на стр. 29. Здѣсь же на страницѣ 21 помѣщенъ рисунокъ «Столпенской башни близъ города Холма». По этимъ изображеніямъ можно судить, что постройки этого рода въ XIII вѣкѣ сооружались уже по европейскому образцу, въ формѣ отдѣльно стоящихъ, круглыхъ или четыреугольныхъ высокихъ башенъ, съ полуциркульными арками надъ дверьми и окнами. Онѣ назначались для защиты города и для наблюденія за непріятелемъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго текста лѣтописи. Но тѣмъ не менѣе, однако же, при построеніи у насъ такихъ европейскихъ башенъ, онѣ все же продолжали называться по прежнему *столпами*, а не какимъ либо новымъ европейскимъ именемъ. Отсюда можно заключить, что древній славянскій столпъ по формѣ своей имѣлъ сходство съ башнею и потому названіе его могло быть перенесено на послѣднюю. Едва ли мы ошибемся, предположивъ, что разница между столпомъ и башнею состояла не столько въ наружномъ видѣ, сколько въ самой конструкціи постройки: первый представлялъ собою компактную кладку, родъ высокой колонны, вторая же имѣла внутри пустоту. Болгарскіе столпы являются, такимъ образомъ, представителями перваго, древнѣйшаго типа, а столпы Холмской Руси XIII в. удержали только старое названіе, но существенно измѣнили свою конструкцію, вмѣстѣ съ перемѣною ихъ назначенія.

Построеніе столповъ, а можетъ быть и самое названіе ихъ, по всей вѣроятности ведетъ свое начало изъ центральной Азіи. Разсматривая происхожденіе индійскихъ монументовъ этого рода, *Карлъ Риттеръ* связываетъ ихъ съ исторіей буддизма *). Въ Азіи они называются *ступа* или *топà*, по китайски *sou-tupo* или *Tha* (*Thurm*), что, по объясненію Абель-Ремюза и Клапрота, означаетъ *драгоцѣнное возвышеніе* или башню (kostbare Erhöhung oder Thurm). Въ санскритскомъ языкѣ слово *Stûpa* имѣетъ тоже значеніе (Риттеръ стр. 150). Эти памятники воздвигались въ честь Будды и представляли собой компактную каменную кладку различной величины, иногда очень массивную, состоящую изъ круглаго высокаго цоколя и полусферическаго верха. Въ основаніи сооруженія, подъ землей, выводился четырехугольникъ, гдѣ помѣщались какія либо буддійскія реликвіи, надъ которыми собственно и воздвигался священный памятникъ. Въ толщѣ его массива не оставлялось никакого полаго пространства, не было ни оконъ,

*) *Carl Ritter*, Die Stupas (Topes) oder die architectonischen Denkmale an der Indo-Baktrischen Königsstrasse. Berlin 1838.

ни дверей, но постройка раздѣлялась на ярусы, или точнѣе прослойки, число которыхъ иногда доходитъ до 7, 9, 12 и болѣе. При раскопкахъ находили заложенными въ этихъ прослойкахъ разные мелкіе предметы*).

Карлъ Риттеръ въ цитированной книгѣ доказываетъ, что изъ индійской *ступы* или *топы* развилась китайская многоярусная *пагода* хотя послѣдняя въ конструктивномъ отношеніи существенно отличается отъ первой. Индійскій монументъ имѣетъ сферическую куполообразную форму и не заключаетъ въ себѣ свободнаго помѣщенія, а пагода представляетъ настоящую, большею частію шестигранную, пирамидальную башню, раздѣленную на ярусы, съ окнами и внутреннею лѣстницею. Авторъ поясняетъ, что сходство между этими постройками лежитъ въ идеѣ и цѣли ихъ сооруженія. Пагоды появились послѣ распространенія въ Китаѣ буддизма, строились въ честь Будды и его святыхъ и въ этомъ отношеніи вполнѣ соотвѣтствовали индійскимъ ступамъ, служившимъ для нихъ прототипомъ. Я не буду здѣсь приводить въ подробностяхъ тѣхъ основаній, изъ которыхъ Риттеръ выводитъ свое заключеніе о генетической связи пагоды съ топой, но укажу на факты, по моему мнѣнію, подтверждающіе этотъ выводъ. Я хочу сказать объ особомъ типѣ древнихъ башенъ, встрѣчающихся по сю сторону Гималаевъ, въ томъ числѣ и въ Семирѣченской области, составляющихъ какъ бы переходную форму отъ индійской топы къ пагодѣ. Эти башни по своей конструкціи представляютъ полное подобіе нашихъ болгарскихъ столповъ и въ этомъ отношеніи могутъ выяснять исторію происхожденія послѣднихъ. Сходство ихъ съ топами состоитъ въ томъ, что они, также какъ и послѣднія, представляютъ собою сплошную компактную кладку, заключая внутри только одну узкую винтовую лѣстницу; съ пагодами они сближаются по своей внѣшней башнеобразной формѣ. Мы будемъ называть ихъ *столпами*, такъ какъ это названіе болѣе всего соотвѣтствуетъ ихъ конструкціи.

Переходныя формы отъ индійской топы или ступы къ столпу появляются только по сю сторону Гималаевъ, именно въ Афганистанѣ и въ сѣверныхъ окраинахъ Памира. Въ числѣ рисунковъ въ цитированной книгѣ К. Рит-

*) У буддистовъ западнаго Китая въ настоящее время нерѣдко можно встрѣтить миніатюрное глиняное изображеніе *топы*, которое хранятъ въ домахъ, какъ символъ, приносящій благополучіе жилищу. Будучи въ Вѣрномъ, я пріобрѣлъ два экземпляра такого изображенія, хранящіеся нынѣ въ Томскомъ археологическомъ музеѣ подъ № 1987. Болѣе крупный изъ нихъ представляетъ собою миніатюрную модель настоящей топы, вылѣпленную изъ блѣднорозовой массы, похожей на глину. Онъ имѣетъ видъ конической горки, 9 сант. вышины и 8 сант. въ діаметрѣ круглаго основанія. Наружная поверхность его въ нижней трети представляетъ гладкій поясъ, а верхнія $^2/_3$ сплошь орнаментированы. Орнаменты расположены въ видѣ параллельныхъ семи полосокъ или ярусовъ, не считая самаго верхняго конуса, который имѣетъ вертикальный зубчатый орнаментъ. Горизонтальныя полоски, какъ мнѣ говорили, означаютъ восходящія степени нравственнаго совершенства или приближенія къ небу. Такія же изображенія домашней топы дѣлаются и меньшаго размѣра; во второмъ нашемъ экземплярѣ оно имѣетъ всего $2^1/_2$ сант. высоты и 3 сант. ширины въ основаніи.

тера на табл. V показаны два такихъ изображенія, взятыя изъ статьи *Генигбергера* и *Жаке*, въ Journal Asiatique*). Они представляютъ собою сверху полуразрушенныя *круглыя* башни, повидимому, сплошной компактной кладки. Та и другая стояли не далеко отъ Кабула: первая изъ нихъ имѣла вышину въ 50 футовъ, вторая 30 футовъ, не считая разрушеннаго верха. У той и другой внизу показанъ широкій ободокъ, въ видѣ цоколя, выложенный узоромъ. На одной изъ башенъ, на уровнѣ ободка (но все же на значительной высотѣ отъ поверхности почвы) изображены входныя двери съ полуциркульною аркою, что указываетъ на существованіе внутри зданія прохода, вѣроятно, въ формѣ винтовой лѣстницы, какъ это обыкновенно устраивалось въ столпахъ. Оконъ или какихъ либо просвѣтовъ въ стѣнахъ на описываемыхъ рисункахъ не показано.

Не смотря на отсутствіе (у Риттера) подробнаго описанія Кабульскихъ башенъ, въ нихъ нельзя не замѣтить, по рисунку, больше сходства со столпами, чѣмъ съ топами, хотя авторъ и причисляетъ ихъ къ разряду послѣднимъ (Die Schtop oder Topes). Сходство это выражается: 1) круглою и высокою формою, въ родѣ массивной колоны, а не сферическою, какъ въ индійскихъ топахъ, 2) присутствіемъ входной двери, слѣдовательно, лѣстницы, чего въ топахъ не бываетъ.

Еще больше сходства со столпами представляетъ древняя башня въ Узгентѣ, изображеніе которой приложено къ трудамъ покойнаго Н. А. Сѣверцова**). Этотъ рисунокъ былъ сфотографированъ съ натуры во время послѣдней экспедиціи Николая Алексѣевича на Памиръ и предназначался, въ числѣ другихъ, для общаго описанія его путешествія, но вслѣдствіе неожиданной смерти знаменитаго автора въ 1885 году, описанія заготовленныхъ фотографій не было имъ сдѣлано. Рисунки помѣщены въ цитированной книгѣ, въ видѣ приложенія, безъ объяснительнаго текста. Тотъ рисунокъ, о которомъ идетъ у насъ рѣчь (табл. XXII), изображаетъ массивную, очень высокую (не менѣе 11—12 с.) круглую башню, или, правильнѣе, колонну, нѣсколько съуживающуюся кверху. Снаружи она украшена узорчатой выкладкой въ видѣ горизонтальныхъ чередующихся поясовъ, подобно тому, какъ это мы увидимъ ниже при описаніи башни Бураны. Внизу колонны показана входная дверь, черезъ которую можно подняться по винтовой лѣстницѣ на самый верхъ сооруженія. Доказательствомъ тому служитъ снятая на фотографіи человѣческая фигура, стоящая на самой вершинѣ башни. Оконъ

*) *M. Honigberger* und *S. Jacquet*. Journal Asiatique, trois. sér. Paris. 1836 Sept. p. 106—107 и 118—120. Этого изданія мы не имѣли въ рукахъ; цитаты взяты изъ книги Риттера.

**) *Н. А. Сѣверцовъ*, орографическій очеркъ Памирской горной системы. Зап. Импер. русскаго географическаго общества по общей географіи, т. XIII, С.-Петербургъ, 1886 г. Посмертное изданіе подъ редакціей Мушкетова. Рисунокъ башни на таблицѣ XXII въ концѣ книги.

въ зданіи на рисункѣ не видно, за исключеніемъ одного четыреугольнаго отверстія въ предпослѣднемъ верхнемъ пояскѣ. Если даже предположить, что на другой сторонѣ башни, не изображенной на фотографіи, находится еще одно или два такихъ окна, то они указывали бы только на слабое освѣщеніе винтовой лѣстницы, выложенной въ массивѣ постройки, но не на полую башню, для которой требовалось бы больше свѣта. Въ надписи подъ рисункомъ значится; «Узгентъ, древній минаретъ,» но этому опредѣленію едва ли можно придавать значеніе. Очевидно, оно помѣщено потому, что у мѣстныхъ мусульманъ происхожденіе башни объясняется какъ древній минаретъ, подобно тому, какъ это мы видимъ по отношенію къ болгарскимъ столпамъ. О неосновательности такого мнѣнія мы уже говорили выше и будемъ говорить еще послѣ описанія башни Бураны, имѣющей наибольшее сходство съ древнимъ памятникомъ города Узгента и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе точно изслѣдованной.

Башня Бураны подробно обслѣдована, по моей просьбѣ, въ октябрѣ 1886 года, инспекторомъ народныхъ училищъ Семирѣченской области г. Городецкимъ. Доставленное имъ описаніе привожу здѣсь въ подлинникѣ. «Башня находится въ восьми верстахъ къ юго-западу отъ города Токмака (въ Семирѣченской области). Она помѣщается внутри четыреугольника, образуемаго рѣкою и валами значительныхъ размѣровъ, но не въ срединѣ его, а ближе къ углу, образуемому восточной и южной его сторонами и прилегающему къ рѣкѣ Буранѣ. Ближайшая къ башнѣ сторона вала (южная) открыта, но не на всемъ протяженіи. Сѣверо-восточная часть четыреугольника прилегаетъ къ упомянутой рѣкѣ, которая подмываетъ эту сторону и обнаруживаетъ кирпичи бывшихъ здѣсь построекъ и черепки глиняной посуды. Въ одномъ мѣстѣ этой стороны найдены были двѣ глиняныя *водопроводныя трубы.* Площадь четыреугольника имѣетъ $^3/_4$ кв. версты и заключаетъ въ себѣ пять кургановъ, изъ которыхъ два можно назвать громадными, остальные меньшей, но тоже значительной высоты и объема. Кромѣ того, около башни, со стороны, обращенной къ Токмаку, находятся развалины бывшаго строенія съ массой обожженаго кирпича“.

„Высота башни, по измѣренію, произведенному однимъ изъ мѣстныхъ топографовъ, 12 саженей, но на глазомѣръ она кажется выше (около 15 с.). Надо полагать, что первоначальная высота башни была больше, судя потому, что стѣны на вершинѣ ея носятъ слѣды разрушенія (покрыты обломками кирпича).. Башня состоитъ изъ двухъ частей: основанія, имѣющаго форму правильной *осьмиугольной* призмы, и утвержденнаго на немъ круглаго столпа, кверху понемногу съуживающагося. Длина вертикальныхъ граней основанія 5 аршинъ, и горизонтальныхъ 5 арш. 10 вершковъ; но изъ этихъ послѣднихъ такую длину въ настоящее время имѣютъ только двѣ грани,

сохранившіяся въ цѣломъ видѣ, двѣ остальныя-же вверху обсыпались, а внизу обломаны. Должно замѣтить, что ни одна сторона нижней части осьмиугольника нынѣ не находится въ цѣломъ видѣ. Заключая по длинѣ цѣлыхъ граней, первоначальная окружность башни равнялась 45 аршинамъ. Теперь-же, по произведенному измѣренію, окружность основанія башни равняется 30 арш. Снизу до $^2/_3$ высоты осьмиугольника кирпичи выломаны крестьянами для печей и другихъ надобностей. Въ осьмиугольникѣ, начиная почти съ самаго основанія и до полуторыхъ аршинъ въ высоту, имѣется 10 отверстій, въ родѣ небольшихъ продушинъ (печурокъ), продолжающихся до самаго центра, но не сквозныхъ и не противолежащихъ. Въ каждой сторонѣ верхней части осьмиугольника имѣется по одному углубленію или нишкѣ".

Какъ осьмиугольное основаніе, такъ и круглый башенный столпъ сложены изъ обожженаго кирпича, на цементѣ, такимъ образомъ, что кромѣ узкаго пространства для винтовой лѣстницы въ постройкѣ не остается другаго открытаго помѣщенія. Слѣдовательно, это сооруженіе соотвѣтствуетъ не башнѣ въ нынѣшнемъ смыслѣ, а компактной колоннѣ или столпу. Кладка кирпичей обыкновенная, по широкой плоскости кирпичей, съ перекрытіемъ или перевязкою рядовъ; но съ наружной стороны столпа, для красоты, изъ кирпичей выкладывались черезъ каждые три аршина чередующіеся узорчатые ярусы. Они отличаются тѣмъ, что горизонтальные ряды симметрично испещрялись выдающимися ребрами вертикально поставленныхъ кирпичей, образующихъ съ первыми попеременно то прямую, то обратную форму буквы ⊤⊥. Вслѣдствіе такого рода кладки, наружная сторона башни представляетъ 12 чередующихся, гладкихъ и узорчатыхъ, поясковъ, каждый шириною приблизительно въ три аршина. Эти пояса помогаютъ опредѣлить высоту башни на глазъ.

Въ стѣнахъ башни находятся такія же четыреугольныя отверстія или гнѣзда, какъ и въ осьмиугольномъ основаніи. Ближе къ послѣднему ихъ насчитывается 14, а въ верхней части 15*). Круглый башенный столпъ заканчивается площадкой, образуемой толщею самой стѣны (т. е. всего компактнаго столпа). На немъ нѣтъ ни слѣдовъ крыши, ни вообще того, чѣмъ заканчивалась башня. Съ сѣверо-восточной стороны часть вершины его обвалилась вслѣдствіе образовавшейся трещины (около 10 аршинъ длиной) и попадающей туда воды, которая, замерзая зимою, расшатываетъ кирпичи.

Входъ въ башню съ западной стороны, на значительной высотѣ отъ земли (5 арш.), непосредственно надъ осьмиугольнымъ основаніемъ. Онъ имѣетъ видъ узкой двери, около 2 арш. въ вышину и одного аршина въ ширину. Лѣстницы нѣтъ, и не видно, чтобы она существовала при постройкѣ. Теперь можно войти въ башню только по приставной лѣстницѣ, кото-

*) Не назначались-ли эти каналы для просушки (вентиляціи) толстыхъ стѣнъ башни?

рую нужно везти съ собой изъ Токмака. Отъ входа начинается внутренняя винтовая лѣстница, т. е. то свободное пространство въ столпѣ, которое оставлялось при кладкѣ, съ выложенными при этомъ ступеньками, для восхожденія на его вершину. На пространствѣ всей лѣстницы имѣются только двѣ небольшія площадки: одна нижняя у самаго входа, другая—тремя ступеньками выше. Длина послѣдней—17½ вершковъ, а ширина, какъ и всей лѣстницы,—14½ верш. Начинаясь съ западной стороны, лѣстница направляется винтообразной дугой на южную, восточную и выходитъ на вершинѣ башни съ сѣверо-восточной стороны. Противъ двадцать первой ступеньки, на юго-восточной сторонѣ для освѣщенія лѣстницы оставлено въ стѣнѣ небольшое четырехугольное сквозное отверстіе (окно). Въ наружное отверстіе его едва помѣщается голова взрослаго человѣка, а къ внутренней сторонѣ откосы окна такъ расширяются, что въ просвѣтѣ можно помѣстить не только голову, но и плечи. Подоконникъ не горизонтальный, а срѣзанъ внизъ, сложенъ изъ кирпича и доской не покрытъ. На лѣвомъ простѣнкѣ его (откосѣ) находятся вырѣзанныя вглубь пять надписей, повидимому, арабскими письменами. Одна изъ нихъ только нацарапана*). Ступени лѣстницы сдѣланы изъ того же кирпича, какъ и весь массивъ башни, т. е. онѣ представляютъ собою ни что иное, какъ самую стѣну, выложенную въ формѣ ступенекъ въ той части сплошной кладки, гдѣ оставлялось внутри столпа свободное пространство для прохода (въ ширину около 14 вершковъ и въ вышину въ средній человѣческій ростъ). Каждая ступенька покрыта деревянною доской, края которой вдѣланы въ стѣну башни на глубину около 9 вершковъ, какъ это видно по одному оставшемуся свободнымъ отверстію. Толщина доски 1 вершокъ, но теперь такая толщина осталась только на концахъ, на остальномъ-же пространствѣ доски частію стерты ногами, частію сгнили отъ времени. Полныхъ ступенекъ въ настоящее время насчитывается 33 и еще имѣются выше ихъ слѣды двухъ,—куски оставшихся въ стѣнахъ досокъ. Самая верхняя часть лѣстницы обрушилась вмѣстѣ съ частію верхней стѣны. Высота ступенекъ не всегда одинакова, отъ 6 до 7 вершковъ, вмѣстѣ съ доской.

Такія башни или столпы, какъ памятники древнихъ сооруженій, встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ. Изъ нихъ мы укажемъ на древній городъ Сауранъ, находящійся въ 50 верстахъ отъ Туркестана, на Сыръ-Дарьѣ. Сохранившаяся сауранская башня имѣетъ семь саженъ вышины. Рядомъ съ нею, на разстояніи 16 футовъ, стояла другая, обрушившаяся весною 1878 года. При разрытіи холма у основанія уцѣлѣвшей башни оказалось,

*) Можно думать, что эти надписи позднѣйшаго происхожденія. Подобныя имъ существуютъ и продолжаютъ вновь появляться также на лѣстницѣ болгарскаго Малаго Столпа. Ихъ дѣлаютъ мусульмане, признающіе Болгарскій столпъ за древній минаретъ.

что до фундамента ея отъ нынѣшней поверхности цѣлая сажень. Видъ этихъ башенъ, взятый съ фотографическаго снимка 1866 г., сдѣланнаго г. Пріоровымъ, помѣщенъ на виньеткѣ 63 стр. сочиненія г. Пашино: «Туркестанскій край въ 1866 г. Спб. 1878 г.». Въ описаніи г. Пашино сказано, что башни выстроены изъ обожженаго кирпича, имѣютъ видъ колонны, аршинъ 6 въ діаметрѣ, съ внутреннею, хорошо сложенною винтообразною лѣстницею до самаго верха. На одной изъ башенъ шейка украшена, по словамъ Пашино (стр. 59), голубыми съ позолотою изразцами. Для входа въ эту постройку существуетъ съ одной стороны, на высотѣ полуторыхъ саженъ отъ основанія, небольшое четырехугольное отверстіе (узкая дверь), ведущее на винтовую лѣстницу. Лѣстница освѣщается небольшими, продѣланными въ стѣнахъ, четырехугольными окошечками, точно также, какъ въ Болгарахъ и на башнѣ Бураны*). Не смотря на краткость даннаго описанія, все таки ясно, что типъ этихъ построекъ и назначеніе ихъ были тѣ же, что и въ Болгарахъ.

Сауранскія башни г. Лерхъ принимаетъ за остатки бывшаго мусульманскаго зданія, будто бы, построеннаго, въ первой половинѣ XVI столѣтія. Основаніемъ для такого предположенія послужило свѣдѣніе, взятое изъ тюркскаго перевода одной персидской рукописи, озаглавленной «Чудеса происшествій» гдѣ говорится о постройкѣ медрессе въ Собранѣ, по волѣ Шейбанида Убейдъ-уллахъ-хана. Относились ли цитируемыя г. Лерхомъ свѣдѣнія именно къ описываемымъ башнямъ, а не къ другому какому нибудь зданію разрушеннаго города, ясныхъ доказательствъ въ его сочиненіи невидно. Равнымъ образомъ не приведено и тѣхъ соображеній, по которымъ башни признаются за остатки бывшаго зданія медрессе. Не повторяется ли здѣсь тоже самое голословное предположеніе, какое высказывалось столько разъ по отношенію къ болгарскимъ столпамъ, до сихъ поръ почти всѣми признаваемымъ за мусульманскіе минареты.

Изъ описанія башни Бураны мы видимъ, что сходство ея съ болгарскими столпами выражается въ слѣдующихъ признакахъ:

1) Въ восьмиугольномъ основаніи башни, которое на высотѣ 5 аршинъ переходитъ въ круглую форму. Въ томъ и другомъ болгарскомъ столпѣ оказывается такой же восьмиугольный поясъ, коему предшествуетъ еще четырехъугольная часть около двухъ саженъ вышиной. Существовала-ли эта послѣдняя на азіатскихъ башняхъ, трудно сказать безъ тщательныхъ раскопокъ, такъ какъ у основанія башни находятся высокія груды каменнаго мусора, подъ которыми можетъ быть оказался бы четырехъугольный ярусъ. У Сауранской башни Лерхъ дѣлалъ попытку подобной раскопки, при чемъ ока-

*) *Лерхъ*, Археологическая поѣздка въ Туркестанскій край въ 1867 г. С.-Петербургъ 1870 г. Извлеченіе изъ отчета.

залась еще цѣлая сажень постройки отъ поверхности земли до фундамента, но въ отчетѣ Лерха не сказано, какую форму имѣлъ этотъ подземный ярусъ. Въ сочиненіи Риттера объ индійскихъ «ступахъ» указывается, что они постоянно возводились на четырехугольномъ фундаментѣ, обыкновенно скрытомъ подъ землей, на которомъ строился уже круглый наружный ярусъ. Восьмиугольнаго яруса тамъ не оказывается, но въ башнѣ Бураны и въ болгарскихъ столпахъ онъ, повидимому, составлялъ существенную форму сооруженія.

2) Какъ въ азіатскихъ, такъ и въ болгарскихъ столпахъ нижніе ярусы состояли изъ сплошной каменной кладки, гдѣ не оставлялось даже пространства для узкой внутренней лѣстницы. Послѣдняя начинается либо въ восьмиугольной части, либо у основанія круглой, на высотѣ 4—5 аршинъ отъ поверхности земли, гдѣ устраивалась и входная дверь. Такое расположеніе двери, требовавшее либо пристройки особаго крыльца, либо подставной лѣстницы, по всей вѣроятности, также обусловливалось какими либо общими для этихъ построекъ соображеніями, соотвѣтственно ихъ назначенію.

3) Ступени винтовой лѣстницы, какъ уже было сказано, укрѣплялись не на косоурахъ или сводахъ, а выкладывались въ самомъ массивѣ столпа, гдѣ для этой цѣли оставлялось свободное пространство въ высоту человѣческаго роста и въ ширину не болѣе аршина. Тамъ, гдѣ спираль лѣстничнаго прохода подходила ближе къ наружной поверхности столпа, оставлялось небольшое окошечко для освѣщенія. Подобная, довольно оригинальная, конструкція лѣстницы составляетъ отличительную особенность столповъ, не извѣстную ни въ древнемъ классическомъ мірѣ, ни въ Европѣ среднихъ вѣковъ. Нельзя не обратить вниманія, что такой же типъ внутреннихъ винтовыхъ лѣстницъ нерѣдко былъ примѣняемъ при постройкахъ древнихъ русскихъ храмовъ, когда винтовая лѣстница выкладывалась либо внутри массивнаго пилона, либо въ одной изъ толстыхъ стѣнъ. Такая конструкція вѣроятно была взята съ болгарскихъ столповъ, а для этихъ послѣднихъ заимствована изъ Центральной Азіи, судя по башнѣ Бураны.

4) Лѣстница въ столпахъ выкладывалась до самаго верха, гдѣ она выходила на открытую верхнюю площадку, повидимому не имѣвшую ни парапета, ни другихъ какихъ либо огражденій. Судя по сохранившемуся въ Болгарахъ Малому Столпу и по планамъ Большаго Столпа, они заканчивались только круглой, ровной площадкой, безъ какой либо дальнѣйшей надстройки или прикрытія. Площадка, вѣроятно, имѣла свое значеніе, иначе зданіе было бы закончено либо конусомъ, либо полушаріемъ, при чемъ не было бы надобности выводить лѣстницу до самаго верха. Башня Бураны и другіе азіатскіе столпы, повидимому, заканчивались вверху такимъ же способомъ.

5) По способу кладки болгарскіе столпы отличаются отъ азіатскихъ. Вся основная масса болгарскихъ столповъ сложена изъ плитняка, булыжни-

ка и разныхъ неправильной формы камней, слившихся въ обильномъ известковомъ растворѣ какъ бы въ сплошный монолитъ. Нижнія четырехугольныя и восьми-угольныя части были сверхъ того облицованы массивными, прекрасно притесанными камнями, что придавало зданію красивый и величественный видъ. Тотъ же способъ кладки съ каменною облицовкою примѣнялся и на прочихъ, болѣе значительныхъ, болгарскихъ постройкахъ. Здѣсь, слѣдовательно, мы видимъ сочетаніе съ одной стороны древне-персидскаго и греческаго строительнаго искусства, т. е. кладку на сухо, въ притеску, изъ массивныхъ, хорошо обдѣланныхъ камней (наружная облицовка), съ другой стороны древне-азіатскую кладку на известковомъ растворѣ, изъ камней неправильной формы *). Это способъ, котораго долго держались на Руси при постройкѣ дрвнихъ церквей и другихъ каменныхъ сооруженій.

Башня Бураны вся сложена, какъ мы уже говорили, изъ квадратнаго кирпича. Ни булыжника, ни каменной облицовки здѣсь нѣтъ. Для того, чтобы придать зданію болѣе красивый и величественный видъ, наружный фасадъ его украшенъ тѣми же кирпичами, расположенными по особому рисунку, образующему девять чередующихся поясовъ. Подобный же способъ украшенія мы видимъ на вышеупомянутой башнѣ въ Узгентѣ (рисунокъ Сѣверцова) и на нѣкоторыхъ другихъ азіатскихъ высокихъ постройкахъ. Можно предполагать, что во время ихъ сооруженія въ Азіи, не смотря на изобиліе отличныхъ каменныхъ породъ, не любили каменотеснаго искусства, но въ совершенствѣ владѣли кирпичемъ, при помощи котораго достигали весьма красивыхъ архитектурныхъ орнаментацій. Кромѣ эстетическаго вкуса, въ нихъ выражается своеобразный стиль, повтореніе котораго отчасти мы встрѣчаемъ и на западѣ. Такъ, напримѣръ, если сравнить поясныя украшенія башни Бураны съ такими же чередующимися полосами древняго храма въ Абхазіи Бидшвинту, въ Пицундѣ, которыми такъ восхищался Дюбуа-де-Монпере (см. выше стр. 104—105), то нельзя не замѣтить въ томъ и другомъ сооруженіи общаго принципа орнаментики. Разница только въ томъ, что древній христіанск;й храмъ въ Пицундѣ строился изъ смѣшаннаго матеріала, камня и кирпича, а башня Бураны изъ одного кирпича. Поэтому орнаментирующія полосы въ первомъ случаѣ образуются изъ чередующихся рядовъ кладки краснаго кирпича и сѣраго песчаника, а во второмъ случаѣ изъ чередующихся рядовъ узорчатой и гладкой кирпичной кладки. Въ томъ и другомъ случаѣ общее впечатлѣніе *поясного орнамента* остается одно и тоже. Въ Сванетскихъ храмахъ можно указать еще на одну черту, сближающую ихъ съ болгарскими столпами и съ баш-

*) Известь, употреблявшаяся при постройкѣ болгарскихъ зданій, повидимому, имѣла гидравлическія свойства. Поэтому, не смотря на отсутствіе крыши, зданіе не подвергалось разрушительному вліянію сырости и перемѣнъ температуры.

ней Бураны,—это *восьмиугольная форма* барабановъ, на которыхъ возвышаются купола, а съ болгарскими постройками они сближаются еще каменной облицовкой нижнихъ ярусовъ зданій. Кирпичъ, изъ котораго сложены верхнія части зданій, также какъ въ Болгарахъ и въ башнѣ Бураны, имѣетъ квадратную форму, о чемъ мы уже говорили выше (см. стр. 124).

Изъ всего, что было сказано, мы ясно видимъ, что болгарскіе столпы имѣютъ большое сходство съ такими же сооруженіями азіатскими. О послѣднихъ мы можемъ сказать, что они развились изъ индійской топы, на началахъ буддійскихъ идей, и принадлежатъ къ памятникамъ религіознаго значенія; но для какой цѣли строились болгарскіе столпы? О буддійскихъ идеяхъ здѣсь едва ли можетъ быть рѣчь, потому что на почвѣ Камской Болгаріи до сихъ поръ не найдено ясныхъ слѣдовъ этого религіознаго культа, за исключеніемъ, можетъ быть, металлическихъ зеркалъ, значеніе которыхъ до сихъ поръ не вполнѣ выяснено *). Правда, мы совершенно не знаемъ, какую религію исповѣдывали болгары до принятія ислама (до X в.), а судя по бывшимъ нѣкогда близкимъ сношеніямъ ихъ съ южною Сибирью и восточною Азіею мы не считали бы невѣроятнымъ распространеніе буддизма и въ эти сѣверные предѣлы; но все же объяснять болгарскіе столпы какъ буддійскіе монументы мы не имѣемъ достаточнаго основанія.

Цѣль постройки болгарскихъ столповъ во всякомъ случаѣ должна быть не декоративная и не стратегическая, а религіозная. Какъ фортификаціонное сооруженіе, они могли бы служить развѣ дозорною башней, но для этого не было бы надобности строить два столпа въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи. Для защиты цитадели (дѣтинца) столпы тоже были мало пригодны, потому что, кромѣ узкой лѣстницы, они не имѣли внутри никакого помѣщенія для воиновъ, верхняя же площадка была совершенно открыта и слишкомъ мала, чтобы имѣть значеніе, какъ пунктъ обороны. На ней могли бы помѣститься не болѣе 5—6 человѣкъ. Для оборонительныхъ цѣлей столпы непремѣнно строились бы полые, подобно Холмскимъ башнямъ, съ окнами (бойницами) на всѣ стороны, и на верху имѣли бы парапетъ, или заканчивались бы крышею. Ничего подобнаго въ болгарскихъ столпахъ не имѣется.

Религіозное значеніе болгарскихъ столповъ естественно должно быть связано съ той религіей, какую болгары имѣли въ эпоху ихъ постройки. Но до введенія мусульманства, объ этомъ мы ничего не знаемъ. Языческая религія славянъ едва-ли можетъ быть всецѣло распространяема на Камскую Болгарію, которая росла и развивалась при другихъ воздѣйствіяхъ. Благодаря близкимъ отношеніямъ къ древнему сибирскому населенію и торговымъ свя-

*) Бывшій Енисейскій губернаторъ Степановъ, въ изданной имъ въ 1835 г. книгѣ, подъ заглавіемъ „Енисейская губернія", признаетъ эти зеркала за принадлежность буддійскаго богослуженія (для освященія воды). См. объ этомъ примѣчаніе 40 къ каталогу Томскаго археологическаго музея на стр. 136-й.

зямъ съ Малою Азіею и Персіею, она легко могла подчиниться религіозной пропагандѣ и со стороны восточнаго буддизма, и со стороны вѣроученій передней Азіи. Какое изъ этихъ вѣяній оказывалось преобладающимъ, объ этомъ нельзя ничего сказать, по неимѣнію историческихъ данныхъ; но во всякомъ случаѣ нельзя отрицать индо-персидскаго, или даже ассирійскаго культурнаго вліянія на Болгарію. Оно сказывается и въ строительной техникѣ древнихъ болгарскихъ городовъ (употребленіе кирпича и известковаго цемента), и въ архитектурныхъ мотивахъ (стрѣльчатыя арки, своды), и въ нѣкоторыхъ археологическихъ находкахъ на болгарскихъ городищахъ (кувшины съ коническимъ дномъ, изображеніе центавра, крылатыхъ идоловъ и т. п.). При такомъ вліяніи весьма возможно, что и религіозныя идеи могли проникать въ Болгарію изъ Халдеи, Сиріи и Персіи.

Въ большихъ торговыхъ городахъ, каковы были Болгары и Билярскъ, гдѣ стекались разноплеменныя народности и происходилъ живой обмѣнъ не только товаровъ, но и культурныхъ идей, легко прививается извѣстная доля вѣротерпимости. Даже въ мусульманскую эпоху мы видимъ, что въ Болгарахъ и Можарахъ существовали христіанскіе храмы одновременно съ мечетями. Нѣтъ причины отстранять подобное предположеніе о существовавшей религіозной равноправности и въ болѣе далекія времена. Поэтому, при той или другой господствующей въ Болгарахъ религіи могли быть допускаемы здѣсь иновѣрческіе храмы и постройки ранѣе введенія мусульманства. Въ этомъ смыслѣ и буддизмъ, и христіанство, и религія Зороастра могли имѣть здѣсь своихъ представителей и свои храмы, которыми мусульмане могли впослѣдствіи воспользоваться для своихъ религіозныхъ цѣлей.

Сама по себѣ мусульманская архитектура, какъ извѣстно, никогда не имѣла самостоятельныхъ корней. Въ самую цвѣтущую пору умственнаго и политическаго развитія арабы не внесли въ искусство ничего новаго, а лишь воспроизводили готовые образцы архитектурныхъ мотивовъ. Въ Персіи, Сиріи, Испаніи и Африкѣ въ арабскихъ и турецкихъ постройкахъ мы видимъ явственные признаки ранѣе существовавшихъ мѣстныхъ строительныхъ типовъ. Корень этой азіатской архитектуры идетъ изъ Ассиріи, древней Персіи и Индіи. На этой восточной почвѣ развился вкусъ къ высокимъ, уходящимъ въ небеса, зданіямъ, башнямъ и столпамъ, чего не зналъ классическій міръ Греціи и Рима. Здѣсь же выработалась строительная кирпичная техника,— луковичные купола, стрѣльчатыя арки, искусство примѣнять цвѣтные изразцы и цементъ для кирпичной кладки и т. п. Отсюда же ведутъ свое начало высокіе столпы, мусульманскіе минареты и наши русскія колокольни, образцы которыхъ, очевидно, взяты съ азіатскихъ столповъ и ассирійскихъ башенъ. Тѣмъ не менѣе, для примѣненія идеи столпа къ мусульманскимъ, или христіанскимъ цѣлямъ необходимо было измѣнить его конструкцію,—въ первомъ

случаѣ устроить балкончикъ для муэдзина, съ выходною для него дверью, во второмъ случаѣ оставить въ полой башнѣ слуховые пролеты для колоколовъ. Въ томъ видѣ, какъ строились древніе столпы по буддійской идеѣ, или сирійскія и вавилонскія башни, они не могли удовлетворять новому назначенію, ни мусульманскому, ни христіанскому. Они не могли быть даже приспособлены къ этому помощію какихъ либо дополнительныхъ пристроекъ. Поэтому можно утверждать, что какъ болгарскіе столпы, такъ и башня Бураны строились не въ качествѣ минаретовъ, слѣдовательно, не арабскими зодчими.

Если арабы, какъ племя болѣе талантливое и прогрессивное, не были въ состояніи дать строительному искусству ни новыхъ идей, ни оригинальныхъ формъ (за исключеніемъ, можетъ быть, орнаментики), то тѣмъ болѣе не могли этого дать татары XIII—XIV вѣка. По мѣткому выраженію Віолле ле Дюка, это были «трутни человѣчества», пользовавшіеся только чужими изобрѣтеніями и чужими трудами и не создавшіе ни одного собственнаго оригинальнаго памятника. Если бы столпы были ихъ произведеніемъ и представляли бы древній типъ минаретовъ (на что они ни мало не похожи), то естественнѣе всего было бы ожидать такую постройку не въ Болгарахъ и Билярскѣ, а въ Казани, какъ въ столицѣ татарскаго царства. Между тѣмъ, при взятіи Казани въ 1552 г., по сказанію Курбскаго, по русскимъ лѣтописямъ и писцовымъ книгамъ, каменныхъ зданій тамъ было весьма немного. Городская стѣна мочти вся была деревянная, всѣ дома въ посадѣ тоже были выстроены изъ дерева, по образцу русскихъ, и только въ крѣпости, на ханскомъ дворѣ, Курбскій упоминаетъ о пяти каменныхъ (мурованныхъ) мечетяхъ*). Судя по описи, произведенной 14 лѣтъ спустя послѣ взятія Казани, эти зданія не представляли ни солидныхъ, ни величественныхъ построекъ**). Хотя мы и не имѣемъ точнаго описанія ихъ конструкціи, но едвали можно сомнѣваться, что они ни мало не походили на древнія болгарскія постройки. Въ настоящее время отъ нихъ не осталось никакого слѣда.

Къ числу Казанскихъ памятниковъ древней татарской эпохи многіе авторы относятъ существующую донынѣ, такъ называемую, *Сумбекину башню*. О

*) „На ней же (горѣ) градъ стоитъ и палаты царскія и мечети зѣло высокія, мурованныя, идѣже ихъ умершіе царіе клались, числомъ памятамися пять ихъ“ (мечетей, или гробницъ?)

**) Повидимому объ этихъ самыхъ мечетяхъ упоминается въ писцовой книгѣ 1566 года гдѣ сказано: „Внутри-жъ города у царскаго двора церковь Введенія Пречистыя, а въ предѣлѣ церковь Николая Чудотворца. Да у Введенія мѣсто, гдѣ былъ царевъ дворъ, а на мѣстѣ двѣ палаты старыя, да передъ царскимъ дворомъ палата стараяжъ, да подлѣ царскаго-жъ двора палата“ (Шпилевскій Древніе города и пр. стр. 459) Очевидно, только эти палаты и были каменныя. О высокихъ мурованныхъ минаретахъ въ Писцовой книгѣ 1566 г. совсѣмъ не упоминается.

времени ея постройки не имѣется никакихъ точныхъ данныхъ, но достаточно взглянуть на свѣжесть ея неоштукатуренныхъ стѣнъ и въ особенности на форму и размѣры кирпича, изъ котораго она сложена, чтобы вывести заключеніе о ея недавнемъ происхожденіи. Судя по кирпичу (не татарскаго, а новаго русскаго размѣра), ее можно отнести къ постройкамъ не позднѣе XVII столѣтія. Но если бы даже считать этотъ памятникъ татарскимъ сооруженіемъ XV вѣка, то форма кирпича и способъ кладки доказывали бы только, что между болгарскимъ и казанскимъ строительнымъ искусствомъ не было ни малѣйшаго сходства.

Покончивъ со столпами, теперь перейдемъ къ описанію слѣдующихъ болгарскихъ зданій. Прежде всего скажемъ о такъ называемой *Бѣлой палатѣ*, въ настоящее время уже не существующей. Первое описаніе ея, какъ и всѣхъ болгарскихъ памятниковъ, относится къ 1712 году. Въ описи этого года она изображается такъ: «Палата крестообразная, мѣрою пять саженъ; въ той палатѣ въ глубину 8 ходовъ, выкладены камнемъ, а сколь тѣ ходы глубоки и какое тамъ (въ подвалѣ) строеніе, того за утѣсненіемъ проходовъ усмотрѣть невозможно. Въ той же палатѣ въ стѣнахъ 4 окна круглыхъ, да сверху свода окно круглое-жъ. Да въ углахъ той же палаты 4 палаты, мѣрою длины и ширины по сажени съ аршиномъ; въ томъ числѣ въ дву палатахъ въ глубину ходъ, да во всѣхъ тѣхъ палатахъ вверху сводовъ по одному окну круглыхъ. Да съ дву сторонъ большой палаты двѣ палаты ветхихъ, длиною по три сажени съ аршиномъ, шириною по сажени съ аршиномъ; у той-же палаты въ сторонахъ двѣ палаты ветхи и своды обвалились; палата четыреугольная мѣрою длины и ширины по три сажени съ полуаршиномъ, входъ въ одни двери, въ ней два окна четвероугольныя, да вверху свода окно большое круглое».

Болѣе подробное описаніе находится у Палласа (1768 г.). Онъ называетъ Бѣлую палату знатнымъ, нарочито крѣпкимъ строеніемъ, архитектура котораго достойна особеннаго примѣчанія. Вотъ ея описаніе: «сѣверная, узкая часть или сѣни, на сдѣланномъ изъ известковыхъ плитъ фундаментѣ, складены изъ большихъ татарскихъ кирпичей, и изъ нихъ же и верхушки всего строенія сдѣланы. Въ оныя сѣни ходъ съ восточной стороны, и въ боковыхъ стѣнахъ много окошечекъ. Помянутыя сѣни раздѣляетъ поперечная стѣна на четыреугольную переднюю и на другую продолговатую комнату. Изъ сей послѣдней входятъ въ главное строеніе, въ которое кромѣ сего нѣтъ никакого другого хода. Все строеніе (не считая передъ симъ описанной сѣверной части), выключая верхушки, складено изъ отесанныхъ камней, которые длиною почти въ аршинъ, шириною болѣе полуаршина, а толщиною въ пядень. Самое большое мѣсто раздѣлено простирающимися отъ складеннаго изъ толстыхъ плитъ фундамента до самаго свода стѣнами на че-

тыре особливыя угольныя комнаты, между которыми находится ходъ накрестъ. Въ сей ходъ проходитъ свѣтъ сквозь большой сводомъ сдѣланный куполъ, въ срединѣ котораго есть осьмиугольное отверстіе, и еще на каждой сторонѣ по малому окошку. Около сего большаго купола стоятъ такіе же четыре малые надъ угольными комнатами; у каждаго изъ нихъ находится въ срединѣ осьмиугольное отверстіе, посредствомъ котораго проходитъ свѣтъ въ комнаты. Внутри оныхъ (куполовъ) сдѣланы круглопродолговатыя лунки съ фигурами штукатурной работы, такія же видны и въ среднемъ куполѣ. Угольныя комнаты точно четвероугольны, а особливаго вниманія достойно то, что двери въ оныя сдѣланы не въ боковыхъ стѣнахъ, но въ томъ самомъ углу, который выдался въ среднемъ ходу. Къ южному концу сего главнаго строенія придѣланы три комнаты, изъ коихъ въ восточную и самую малую нѣтъ никакого входа или отверстія, кромѣ пролома въ юго-восточную угольную комнату средняго зала. Въ среднюю ходятъ въ двери изъ сдѣланныхъ на крестъ переходовъ онаго зала; а западная комната, у которой задняя стѣна выдалась на сажень отъ главнаго строенія, не имѣетъ съ другими сообщенія, и есть въ оную особливый снаружи ходъ такой же, какъ сдѣланъ у находящейся въ Касимовѣ мечети при ханскомъ кладбищѣ. Подъ всѣмъ главнымъ строеніемъ простирается погребъ со сводами, подъ южною стѣною котораго сдѣланъ былъ, такъ какъ и въ Касимовѣ, ходъ въ землю. Но въ срединѣ подъ южною побочною комнатою сводъ обвалился и ходъ засыпанъ, такъ что я не могъ туда пройти и доволенъ былъ тѣмъ, что по находящемуся тамъ согнившему деревянному обрубу, гдѣ можетъ быть ставили тѣла усопшихъ, могъ я заключить, что оное мѣсто служило хладбищемъ»*).

Свиньинъ о Бѣлой Палатѣ говоритъ слѣдующее: «Еще замѣчательнѣе для любителя древности развалины огромнаго зданія, отсюда (отъ Черной Палаты) во ста саженяхъ къ полудню, называемаго жителями Бѣлою Палатой. Она около 12 саженъ въ длину**) и 3 въ вышину, подъ куполомъ, и принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя болѣе другихъ потерпѣли отъ времени съ тѣхъ поръ, какъ видѣли его наши академики. Кирпичная постройка, бывшая съ сѣверной стороны и заключавшая двѣ переднія комнаты, или сѣни, совершенно разрушилась; нынѣ остаются только два отдѣльные столба или полуарки. Правильность угловъ и гладкость стѣнъ изъ тесоваго камня замѣнилась неровностями и заросла терновникомъ. Отъ южной постройки остался одинъ фундаментъ; стѣна съ сей стороны обрушилась и образовала проломъ, чрезъ который внутренность развалинъ представ-

*) *Палласъ*, Путешествіе, ч. 1, изд. 1809 г. стр. 190.

**) *Примѣчаніе Свиньина*: «Во время путешествія академика Н. Я. Озерецковскаго она (Бѣлая Палата) была длиною 30, и шириною 7 саженъ». У Палласа длина Палаты показана 17 саженъ. Это измѣреніе надо считать наиболѣе вѣрнымъ.

ляется весьма живописно, такъ что сей пунктъ можно почитать лучшимъ для изображенія болгарскихъ развалинъ. При входѣ во внутренность главнаго зданія еще можно получить понятіе о первоначальномъ расположеніи онаго, но чрезвычайно трудно опредѣлить для какой цѣли воздвигнуто было сіе зданіе?... Внутренность храмины устроена правильнымъ *крестомъ*, образовавшимся въ большомъ квадратѣ изъ четвероугольныхъ отдѣленій по всѣмъ угламъ. Надъ срединою креста, составляющею самую большую залу, возвышается огромный куполъ, имѣющій въ срединѣ осьмиугольное отверстіе и два окошка по бокамъ; равно и каждое изъ угловыхъ отдѣленій покрыто было особымъ круглымъ сводомъ или куполомъ съ окошечкомъ на верху. Входъ въ зданіе съ сѣверной стороны чрезъ узкую дверь, находящуюся по срединѣ креста (?), четвероугольныя же отдѣленія сообщаются посредствомъ отверстій (дверей), сдѣланныхъ въ капитальной стѣнѣ, во внутреннихъ углахъ оной»*). Въ томъ-же видѣ Бѣлая палата представлена и въ атласѣ Шмита. Въ его время отъ сѣверной кирпичной пристройки оставалось только два столба, центральная часть имѣла еще своды, а отъ южной пристройки оставались полуобвалившіяся стѣны. Протяженіе центральной и южной части, по приложенному масштабу, показано въ 11 саженъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ плану Палласа.

Относительно сѣверной пристройки высказывалось мнѣніе, что она была выстроена позднѣе центральной и южной части. Основаніемъ къ такому мнѣнію служило то обстоятельство, что сѣверная часть сложена изъ кирпича, а остальныя части были облицованы тесанымъ камнемъ, какъ большая часть прочихъ болгарскихъ зданій. Не отрицая этого предположенія, мы должны, однако-же, замѣтить, что употребленіе кирпича не есть еще признакъ позднѣйшей эпохи. Этотъ строительный матеріалъ встрѣчается и на другихъ болгарскихъ постройкахъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которыя находились подъ горою, на берегу старой Камы, глубокая древность которыхъ едва ли подлежитъ сомнѣнію. Далѣе, мы знаемъ, что въ древней византійской архитектурѣ (IV—VI в.) восточный кирпичъ часто употреблялся одновременно съ каменною кладкою на одномъ и томъ-же зданіи. Тотъ-же принципъ иногда примѣнялся и въ древней русской архитектурѣ. По отношенію къ Бѣлой Палатѣ одновременность кирпичной и каменной кладки можно подтвердить слѣдующими признаками: 1) Въ центральной и южной части верхъ постройки и своды сдѣланы были не изъ камня, а изъ кирпича. 2) Сводъ сѣверной части былъ устроенъ по той-же системѣ, какъ и въ прочихъ помѣщеніяхъ, съ окномъ вверху свода (см. описаніе 1712 года). 3) На рисункѣ Палласа наружныя двери сѣверной пристройки, съ полукруглою аркою, облицованы тесанымъ камнемъ, а окна имѣютъ стрѣльчатую арку, что

*) Свиньинъ. Картины Россіи. Спб. 1839 г. стр. 199.

вполнѣ соотвѣтствуетъ типу прочихъ болгарскихъ построекъ. Эти признаки приводятъ къ мысли, что едва ли можно предполагать большую хронологическую разницу во времени постройки отдѣльныхъ частей описываемаго зданія. Я болѣе склоненъ объяснять кирпичный стиль сѣвернаго отдѣленія и другую форму его сводовъ тѣмъ, что это помѣщеніе предназначалось, какъ притворъ, для другихъ цѣлей, чѣмъ остальныя части зданія.

Изъ вышеприведенныхъ описаній видно, что Бѣлая палата имѣла подпольный этажъ, въ который былъ ходъ изнутри. Подробнаго описанія этого этажа мы не имѣли до 1888 года, когда были опубликованы изслѣдованія г. Казаринова, напечатанныя во второмъ выпускѣ VI тома Извѣстій Казанскаго археологическаго Общества. Изъ этого сообщенія оказывается, что подполье было устроено только подъ центральной (кресчатой) частію зданія и назначалось оно ни для чего другаго, какъ для *пневматическаго отопленія*. Для этой цѣли въ стѣнахъ была устроена цѣлая система жаровыхъ каналовъ для проведенія нагрѣтаго воздуха. Въ подпольѣ открыта и развалившаяся обширная печь въ $2^3/_4$ арш. въ діаметрѣ и въ $1^1/_2$ арш. въ вышину. Къ сожалѣнію, нельзя было опредѣлить въ подробностяхъ конструкцію этой печи и направленіе дымовыхъ ходовъ, такъ какъ стѣны зданія выше уровня земли нынѣ совершенно уничтожены. Описываемое г. Казариновымъ отопленіе не было исключительною особенностію Бѣлой палаты. «Подобные подпольные ходы и трубы, говоритъ авторъ, мнѣ встрѣчались и при другихъ раскопкахъ въ Болгарахъ, напр. на мѣстѣ, гдѣ предполагаютъ существовали «Ханскія палаты». Здѣсь также оказались подземные каналы, расходящіеся въ разныя стороны, и глиняныя трубы, заложенныя въ стѣнахъ, гдѣ горизонтально, гдѣ вертикально». Тоже найдено и въ развалинахъ Билярска. Крестьяне, разбиравшіе груды строительнаго мусора въ Билярскомъ городищѣ, находили въ остаткахъ старыхъ стѣнъ много подобныхъ ходовъ и вставленныхъ въ стѣнахъ по разнымъ направленіямъ трубъ (Казар. стр. 32). По словамъ нѣкоторыхъ крестьянъ, здѣсь-же оказывались и слѣды печей. «Открываемыя печи походили на наши русскія, но, по всѣмъ отзывамъ, были гораздо больше нашихъ; да еще удивляло крестьянъ то, что отъ нихъ (печей) расходились трубы по разнымъ направленіямъ» (Изв. общ. арх. ист. и этн. Каз. унив. т. III, 1880—1882 г., стр. 106).

Подобный способъ отопленія существовалъ у римлянъ, въ примѣненіи къ банямъ. Такъ напр. въ помпейскихъ термахъ устраивалось особое отдѣленіе—нагрѣвальня (hypocaustum), съ топкою внизу, изъ которой горячій воздухъ распространялся подъ полы банныхъ комнатъ, утвержденные на столбахъ вышиною въ два фута, и посредствомъ трубъ проводился вверхъ прямо въ бани. Въ частныхъ помпейскихъ домахъ не найдено ни печей, ни дымовыхъ трубъ (исключая пекарни): въ тепломъ климатѣ жилыя помѣ-

щенія нагрѣвались солнцемъ, а въ болѣе холодное время переносными печками, нагрѣваемыми древеснымъ углемъ. Въ средней и сѣверной Италіи, во времена имперіи, стали строить печи той-же системы, какъ и въ баняхъ, т. е. подъ поломъ, откуда нагрѣтый воздухъ проводился посредствомъ трубъ подъ полы и въ стѣны (Велишскій. Бытъ грековъ и римлянъ, стр. 65 и 130). Такимъ образомъ болгарская система отопленія публичныхъ зданій, повидимому, напоминаетъ римскую. На этомъ предположеніи я позволяю себѣ остановиться еще болѣе потому, что осматривая помпейскія пекарныя печи въ 1862 году, я нашелъ въ нихъ большое сходство съ нашей русской печью. Тоже самое чело съ полукруглою аркою и шесткомъ, та-же дымовая труба, идущая вертикально кверху *впереди чела,* тотъ-же подшестокъ, въ видѣ второй полукруглой арки ниже шестка, куда у насъ кладутъ ухваты и другія печныя орудія. Я помню, меня съ перваго раза поразило такое близкое сходство древнеримской печи съ настоящею русскою, и теперь думаю, что это совпаденіе едвали случайное. Если кухонная печь такъ долго сохранила у насъ свой первоначальный типъ, почему не допустить, что и болѣе сложная система центральнаго (подвальнаго пневматическаго) отопленія могла сохраниться у болгаръ съ незапамятныхъ временъ, какъ общая съ римскою системою. Въ сѣверныхъ холодныхъ странахъ печное искусство должно цѣниться выше, и успѣхи, достигнутые въ этомъ отношеніи должны быть устойчивѣе, чѣмъ въ жаркихъ странахъ, гдѣ въ жизни народа печь играетъ второстепенную роль. Поэтому примѣненіе сложной системы центральнаго отопленія жилыхъ помѣщеній едва ли могло быть занесено въ Камскую Болгарію изъ южныхъ азіатскихъ областей. У турокъ такая система могла найти примѣненіе въ баняхъ, которыя не были ихъ собственнымъ изобрѣтеніемъ, а были заимствованы со всею обстановкою отъ византійцевъ, какъ достояніе классическаго міра.

Типъ кладки Бѣлой палаты не былъ опредѣленъ ни однимъ изъ видѣвшихъ ее писателей. Объ этомъ можно судить теперь только по догадкамъ. Принимая, однакоже, во вниманіе черты этаго зданія, сохраненныя въ описаніяхъ и рисункахъ, можно думать, что стѣны его были возведены по тому же способу, какой мы видимъ на сохранившихся болгарскихъ постройкахъ, т. е. толща стѣны была сложена изъ неправильныхъ камней, втиснутыхъ въ массу цемента, а снаружи была правильная облицовка изъ массивныхъ тесаныхъ камней. Это мы видимъ на рисункахъ Палласа и въ его сочиненіи. На рисункахъ Шмита облицовки стѣнъ уже не существуетъ, но остается находящійся подъ нею массивъ стѣнъ, подтверждающій, что онѣ были сложены не изъ сплошнаго тесанаго камня *).

*) Тоже самое доказываютъ и груды известковаго мусора отъ развалившихся стѣнъ палаты. Каменная облицовка клалась безъ цемента, насухо.

Слѣдовательно, рисунокъ Палласа относится къ рисунку Шмита также, какъ нынѣ существующія башни четырехугольника, съ сохранившеюся облицовкою, къ башнѣ съ ободраннымъ наружнымъ покровомъ. Всего любопытнѣе были-бы частныя описанія кирпичной кладки, особенно сводовъ и куполовъ, но, къ сожалѣнію, объ этомъ въ настоящее время нельзя сказать ничего положительнаго, такъ какъ въ прежнихъ сочиненіяхъ объ этомъ не упоминается, а въ существующихъ зданіяхъ не сохранилось къ тому никакой аналогіи *).

По внѣшнимъ архитектурнымъ признакамъ Бѣлая палата представляетъ собою общій типъ съ прочими болгарскими постройками. Онъ выражается въ слѣдующемъ: 1) облицовка стѣнъ тесанымъ камнемъ, 2) купольная форма покрытія всѣхъ помѣщеній, 3) существованіе въ центрѣ купола окна для верхняго освѣщенія, 4) существованіе подвальнаго этажа (Черная палата), 5) стрѣльчатая форма оконныхъ арокъ, 6) полуциркульная форма дверныхъ арокъ, 7) облицовка оконъ и дверей (косяковъ) массивнымъ тесанымъ камнемъ.

На рисункѣ Шмита Бѣлая палата представлена, между прочимъ, въ разрѣзѣ по центральной части. Здѣсь мы видимъ правильную сферическую форму главнаго купола, сложеннаго, по описанію Палласа, изъ кирпичей. Здѣсь же показана весьма стройная, полуциркульная, обширная арка, отдѣлявшая центральную часть креста отъ четырехъ вѣтвей его. Эти четыре арки, вмѣстѣ съ выступами стѣнъ угловыхъ комнатъ, изображавшими родъ пилоновъ, поддерживавшихъ обширный куполъ, должны были представлять очень стройный и красивый видъ. При такомъ устройствѣ центральная часть зданія напоминаетъ средину покрытаго куполомъ христіанскаго храма. Кромѣ центральнаго купола, надъ четырьмя угловыми комнатами также находились четыре сферическихъ купола меньшихъ размѣровъ, что въ общемъ придавало верхней части постройки форму нашихъ пятиглавыхъ церк-

*) Благодаря любезности профессора Казанскаго Университета Н. А. *Толмачева* мнѣ удалось получить размѣры кирпича Бѣлой Палаты, взятаго 17 іюля 1887 г. во время производившихся раскопокъ подземнаго (подвальнаго) этажа этого зданія. Кирпичъ оказывается двухъ сортовъ: квадратный, имѣющій длину и ширину 23 сант. а толщину 4—4$^1/_2$ сант. и продолговатый, длиною 29 сант. шир. 15, при толщинѣ отъ 7$^1/_2$ до 9$^1/_2$ сант. Размѣръ перваго типа близко подходитъ къ размѣрамъ квадратнаго кирпича, находимаго во всѣхъ развалинахъ Поволжья и Семирѣченской области (см. стр. 124 о кирпичѣ), а продолговатый кирпичъ по типу соотвѣтствуетъ древнему Иссыкъ-Кульскому (ширина приблизительно равняется половинѣ длины), но вдвое толще послѣдняго. Какъ въ Болгарахъ, такъ и на Иссыкъ-Кулѣ встрѣчается одновременно квадратный и продолговатый кирпичъ. Вмѣстѣ со свѣдѣніями о кирпичѣ Бѣлой палаты, проф. Толмачевъ прислалъ мнѣ размѣры квадратнаго кирпича изъ городища *Увекъ*, близъ Саратова, взятые съ трехъ экземпляровъ его собственной коллекціи. Размѣры эти слѣдующіе: длина 21, 22 и 25$^1/_2$ сант., ширина тоже 21, 22 и 25$^1/_2$ сант., толщина 5, 4$^1/_2$ и 4 сант. Мы уже имѣли случай указать, что какъ квадратный, такъ и продолговатый кирпичъ подобныхъ размѣровъ встрѣчается также въ византійскихъ и древне-германскихъ постройкахъ, слѣдов. мнѣніе о татарскомъ его происхожденіи слѣдуетъ считать по меньшей мѣрѣ не доказаннымъ.

вой. Этотъ внѣшній намекъ заставляетъ насъ внимательнѣе отнестись къ конструктивной формѣ Бѣлой палаты и, въ частности, разсмотрѣть значеніе крестообразной формы внутренняго ея помѣщенія и характеръ ея куполовъ.

Изъ плана Бѣлой палаты видно*), что средняя ея часть представляетъ правильный четырехугольникъ, раздѣленный внутри восмью стѣнками, идущими отъ наружныхъ стѣнъ подъ прямымъ угломъ, по двѣ отъ каждаго угла, къ центру помѣщенія. По угламъ эти стѣнки образуютъ четыре замкнутыхъ комнатки, имѣющихъ дверь въ самомъ внутреннемъ углѣ сходящихся стѣнокъ, а свободное пространство вдоль и поперекъ палаты получаетъ форму равноконечнаго креста. Средина этого кресчатаго пространства покрыта центральнымъ куполомъ, а вѣтви его отдѣляются вверху высокими полукруглыми арками, на которыхъ покоится центральный куполъ. Эта крестчатая форма внутренняго расположенія Бѣлой палаты придаетъ ей сходство съ древнѣйшими христіанскими храмами.

Извѣстно, что въ первые вѣка христіанства церкви строились круглыя, восьмигранныя и въ формѣ креста, съ куполами, выведенными съ парусовъ, или прямо со стѣнъ. Кресчатая форма нерѣдко повторялась и въ позднѣйшее время, какъ наиболѣе соотвѣтствующая священному символу христіанства. Купольное покрытіе составляло неотъемлемую принадлежность храма, но форма купола развивалась постепенно. Въ древнѣйшихъ византійскихъ церквахъ онъ имѣлъ видъ шароваго сегмента, въ нижней части котораго прорѣзывались небольшія окна для верхняго освѣщенія (св. Софія въ Константинополѣ). Затѣмъ куполъ становится выше, изъ сегмента превращается въ полушаръ; окна находящіяся въ нижней его части, дѣлаются больше. Такимъ образомъ вытянутый куполъ съ окнами представляетъ зачатки барабана (церковь св. Виталія въ Равеннѣ). При дальнѣйшемъ развитіи, круглый или многогранный барабанъ совсѣмъ отдѣляется отъ купольнаго свода, какъ особая составная часть постройки, и куполъ помѣщается на немъ. Эта форма существуетъ до сихъ поръ.

Въ сохранившихся византійскихъ церквахъ крестчатой формы купольное покрытіе производилось такимъ образомъ. Два нефа равной высоты пересѣкаются между собою, образуя въ планѣ равноконечный крестъ. Надъ пересѣченіемъ поднимается главный куполъ, опирающійся на пилоны, помѣщенные по угламъ квадрата. Каждый конецъ креста также покрытъ подобнымъ же куполомъ, выведеннымъ на парусахъ. Такимъ образомъ получался пятиглавый храмъ. Въ иныхъ случаяхъ концы креста покрывались цилиндрическими сводами. Съ входной стороны храма всегда примыкала паперть, въ видѣ широкой поперечной крытой галлереи, или притвора. Типъ возведенія центральнаго купола на пилонахъ, равно какъ и форма барабана при-

*) См. прилож. чертежи. Табл. XI и XIV.

надлежитъ къ второму періоду византійскаго церковнаго зодчества, именно VI—X вѣку.

Примѣняя Бѣлую палату къ памятникамъ древняго византійскаго зодчества, можно усмотрѣть между ними слѣдующія сходныя черты: 1) Крестообразное расположеніе внутренняго помѣщенія, напоминающее христіанскій храмъ первыхъ вѣковъ. 2) Пять куполовъ, изъ нихъ средній возвышающійся надъ остальными, уподобляютъ Бѣлую палату пятиглавымъ соборамъ. 3) Существующія въ главномъ куполѣ боковыя окна и освѣщеніе изъ центра всѣхъ куполовъ напоминаютъ зачатокъ церковнаго барабана и принципъ верхняго освѣщенія, существовавшій въ древнихъ храмахъ. 4) Четыре угловыя комнатки Бѣлой палаты образовались вслѣдствіе конструктивной задачи придать внутренности храма кресчатую форму. Вмѣстѣ съ тѣмъ внутренніе углы образующихъ ихъ стѣнъ служили вмѣсто пилоновъ для поддержанія центральнаго купола. Такой строительный пріемъ указываетъ на древнѣйшую форму постройки, когда еще не знали пилоновъ. Впрочемъ, по такому именно плану устраивались церкви и въ болѣе позднее время. Такъ напр. въ атласѣ Султанова изображенъ планъ церкви св. Рипсины, въ Арменіи, въ которой главный куполъ помѣщается на выступахъ стѣнъ *). Вслѣдствіе этихъ выступовъ церковь, снаружи имѣющая форму четырехугольника, внутри получаетъ форму креста, а по угламъ образуются четыре отдѣльныхъ комнатки, скрытыя отъ глазъ зрителей. Изъ сравненія этого плана съ планомъ Бѣлой палаты видно, что типъ той и другой постройки совершенно одинаковъ, съ тою лишь разницею, что армянская церковь, какъ позднѣйшая, представляетъ болѣе совершенную архитектурную отдѣлку (закругленныя ниши въ стѣнахъ). 5) Сѣверная кирпичная пристройка могла имѣть значеніе притвора или паперти, т. е. отдѣленія для кающихся и оглашенныхъ. Назначеніе южной пристройки трудно опредѣлить: можетъ быть она предназначалась, какъ второй входъ въ церковь, для церковно-служителей, или для раздѣленія половъ молящихся, что въ древнемъ христіанствѣ могло имѣть мѣсто. Во всякомъ случаѣ, въ поперечныхъ стѣнахъ южной пристройки, по всей вѣроятности, были двери, не показанныя у Палласа. Онѣ могли быть впослѣдствіи либо задѣланы, когда зданіе получило другое назначеніе, либо были не замѣчены Палласомъ, такъ какъ стѣны этой пристройки въ его время находились уже въ полуразрушенномъ состояніи.

До сихъ поръ Бѣлую палату принимали то за баню, то за мечеть. Перваго мнѣнія держались Эрдманъ, Кафтанниковъ, Риттихъ и Шпилевскій, втораго—Палласъ и отчасти Березинъ. Березинъ замѣчаетъ, что для бани такая сложная и съ лѣпною работою постройка немного роскошна, потому

*) *Султановъ.* Исторія зодчества у народовъ древняго и новаго міра. С.-Петерб. 1883. Атласъ черт. 101, текстъ стр. 31.

онъ болѣе склоняется къ предположенію, что это была мечеть. Свиньинъ противъ этого замѣчаетъ, что мусульмане никогда не допустили-бы въ своей мечети формы креста, притомъ здѣсь нѣтъ никакихъ признаковъ минарета. Предположеніе о банѣ онъ опровергаетъ тѣмъ, что на полу крестчатой комнаты онъ замѣтилъ плиты съ надгробными надписями*). Далѣе Свиньинъ говоритъ: „Разныя церковныя вещи, въ томъ числѣ и упомянутый образъ (рипида), хотя и могли дать мысль, что въ зданіи семъ была *греческая церковь*, но внимательное разсмотрѣніе сего зданія убѣждаетъ, что оно переходило, по обстоятельствамъ, изъ одного назначенія въ другое, при чемъ и дѣланы были разныя пристройки и поправки“ (стр. 261). Такимъ образомъ Свиньинъ высказываетъ первый намекъ, что Бѣлая палата могла быть христіанскою церковью, но самъ затемняетъ эту мысль, приравнивая далѣе это зданіе къ индійскимъ постройкамъ, описаннымъ и изображеннымъ въ путешествіяхъ Даніэля и Лянглеса. „Сходство стиля, говоритъ онъ, съ индійскимъ зодчествомъ примѣтно не только въ цѣломъ (зданіи), но и въ частяхъ онаго, напр. въ карнизѣ, оставшемся во внутренности одного изъ четвероугольныхъ отдѣленій“ **).

Безпристрастный наблюдатель, соображая архитектурные признаки Бѣлой палаты, долженъ согласиться съ тѣмъ, что ходячее мнѣніе о банѣ и мечети къ данному случаю, дѣйствительно, не примѣнимо. Оно могло явиться только на почвѣ ложнаго убѣжденія, будто-бы болгарскія постройки непремѣнно должно быть мусульманскаго происхожденія, а изъ общественныхъ зданій у мусульманъ нельзя было подыскать ничего подходящаго, да и не было ничего, кромѣ бань и мечетей. Выше мы неоднократно указывали, что на болгарскіе памятники нельзя смотрѣть такимъ узкимъ взглядомъ. Древность ихъ далеко восходитъ за мусульманскій періодъ, слѣдовательно и въ объясненіяхъ Бѣлой палаты невозможно ограничиваться арабскими или татарскими сравненіями. Я не вижу основанія, почему бы не остановиться на мысли, такъ нерѣшительно высказанной Свиньинымъ. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ гораздо больше данныхъ угадывать въ Бѣлой Палатѣ древнюю христіанскую церковь, чѣмъ мечеть или баню.

Причисляя развалины болгарскихъ зданій къ памятникамъ домусульманской эпохи, а Бѣлую Палату, въ частности, принимая за христіанскій храмъ, мы могли бы отнести эти постройки, судя по характеру купола, примѣрно, къ IV—V в. по Р. Х. Въ это время болгарское строительное искусство

*) Объ этомъ интересномъ фактѣ не упоминаетъ никто, кромѣ Свиньина. Что это были за надписи и дѣйствительно-ли онѣ существовали,—остается не разъясненнымъ.

**) Очень жаль, что г. Свиньинъ, помѣщая въ своемъ сочиненіи много хорошихъ рисунковъ, не оставилъ изображеній болгарскихъ построекъ и особенно ихъ орнаментики, въ то время уже исчезавшей. На лѣпныя украшенія Бѣлой палаты указываютъ и другіе авторы, но никто не описываетъ ихъ въ подробности.

должно было стоять въ связи съ древнимъ кавказскимъ зодчествомъ, такъ какъ поселенія болгаръ того времени распространялись вплоть до кавказскихъ горъ.

Черная или судная палата. Черная палата принадлежитъ къ числу немногихъ, уцѣлѣвшихъ до сего времени, зданій древняго Болгара. Благодаря ремонтировкѣ, произведенной въ 1884 году, она въ настоящее время имѣетъ видъ прочной постройки, хотя, надо сознаться, въ ущербъ археологическимъ требованіямъ. Не извѣстно, почему эта палата получила прозваніе черной. Мѣстные крестьяне, впрочемъ, называютъ ее *Судною палатою. Свиньинъ* описываетъ ее такимъ образомъ: „зданіе сіе о четырехъ ярусахъ, изъ коихъ каждый уменьшается вверхъ небольшимъ уступомъ, образующимъ снаружи родъ узкой террасы. Оно четвероугольное; при подошвѣ около 4 саженъ, а въ вышину до 6 саженъ; покрыто куполомъ, имѣющимъ въ срединѣ круглое окошко; прочіе ярусы отдѣлялись внутри деревянными полами или накатами, что замѣтно еще на стѣнахъ, покрытыхъ мѣстами толстою штукатуркою. Нижній этажъ имѣетъ одинъ входъ черезъ дверь съ полукруглою аркою. Кромѣ двери, въ этажъ сей не было никакого другого отверстія или свѣта, а потому можно полагать, что это (т. е. нижнее помѣщеніе) была темница. Съ наружной стороны видны примыкавшія стѣны низменнаго строенія, коимъ былъ обнесенъ вокругъ сей этажъ и которое, вѣроятно, служило галлереею для второго яруса. Зданіе сіе (т. е. одноэтажная пристройка), какъ видно, раздѣлялось: съ запада на три четырехъугольные покоя, съ юга по два, нѣсколько болѣе первыхъ, съ востока и сѣвера имѣло по одной длинной залѣ. Во второмъ этажѣ находится по полукруглой двери въ срединѣ (стѣны) и сверхъ того по два окошка съ южной и западной стороны. Третій ярусъ освѣщенъ только четырьмя окошками, устроенными надъ дверми втораго яруса и украшенными карнизомъ. Четвертый ярусъ, представлялъ видъ восмиугольника. Въ 50 шагахъ къ сѣверу замѣтны остатки фундамента стѣны, коею, вѣроятно, была окружена сія палата“ (стр. 198).

По словамъ *Палласа*, Черная палата была знатнѣе и обширнѣе прочихъ болгарскихъ зданій. Она находилась почти посрединѣ города и была окружена пристройками, коихъ основанія находятся вокругъ главнаго строенія, именно: „на восточной сторонѣ три малыя комнаты, на южной двѣ побольше и въ срединѣ отдѣленныя, а на западной сторонѣ одна длинная комната; при сѣверо-западномъ углѣ сей комнаты видно еще продолговатое четвероугольное основаніе, однимъ только угломъ до оной касающееся. Но на сѣверной сторонѣ главнаго строенія, на которой сдѣланъ входъ, не видно слѣдовъ побочныхъ комнатъ (часть I, стр. 189)“. Къ описанію Палласъ присоединяетъ снятый имъ рисунокъ Черной палаты, точную копію котораго мы помѣщаемъ здѣсь на табл. XII.

Въ описи 1712 г. тоже зданіе опредѣляется такъ: „Палата снизу четырехъугольная, мѣрою всѣ стѣны по три сажени безъ полуаршина,—знатно (замѣтно, видно) была о двухъ жильяхъ (этажахъ), съисподи входъ въ одни двери, въ верхнемъ жильѣ шестеры двери, вверху до сводовъ осьмигранная; въ той палатѣ оконъ: въ нижнемъ ярусѣ 4 окна четвероугольныя, въ верхнемъ ярусѣ 8 оконъ круглыхъ, вверху свода окно круглое. Кругъ тоя палаты придѣлы безъ сводовъ, ветхіе: съ одной стороны съ приходу отъ монастыря (съ сѣверо-востока) на правой сторонѣ два придѣла длины по 2 сажени, ширины по сажени, на лѣвой сторонѣ той же палаты одинъ придѣлъ длины 5 саженъ съ аршиномъ, поперегъ сажень съ аршиномъ“ *). Въ этомъ описаніи размѣры палаты опредѣлены неправильно: вмѣсто 4½ саж. они показаны въ три сажени безъ полуаршина.

У Лепехина размѣръ Черной палаты опредѣленъ: длина и ширина по 4½ сажени и вышина 6½ саженъ. Это измѣреніе по провѣркѣ въ 1885 году оказалось совершенно точнымъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что толщина стѣнъ въ нижнемъ ярусѣ 2½ аршина; характеръ кладки тотъ же самый, что въ Маломъ столпѣ, въ башняхъ и въ прочихъ болгарскихъ зданіяхъ. Изъ приведеннаго описанія видно, что начиная съ 1712 г. въ Черной палатѣ различали главное зданіе отъ окружавшихъ его придѣловъ. Первое представляло собою постройку въ четыре яруса, изъ коихъ первые три имѣли четырехъугольную форму, послѣдній восьмиугольную. Ярусы шли уступами, вслѣдствіе чего зданіе кверху дѣлалось уже и заканчивалось купольнымъ сводомъ съ круглымъ окномъ въ его центрѣ. Въ общемъ палата получала видъ какъ бы пирамиды. Что касается до периферической пристройки (придѣловъ), то изъ описанія трудно уяснить, какое она имѣла значеніе. Въ самомъ первомъ описаніи (1712 г.) она не представляла уже настоящихъ стѣнъ закрытаго помѣщенія, а лишь „ветхіе придѣлы безъ сводовъ“. Въ томъ же видѣ описываютъ эти пристройки Палласъ и Свиньинъ. На рисункѣ Палласа можно ясно видѣть, что это были остатки стѣнъ, идущихъ подъ прямымъ угломъ отъ стѣны главнаго зданія. Начинаясь отъ перваго уступа, они образуютъ родъ трехъугольниковъ и даютъ общее впечатлѣніе *контрафорсовъ*. Я полагаю, что они дѣйствительно были не что иное, какъ контрафорсы, служившіе вмѣстѣ съ тѣмъ устоями для лѣстницъ, ведущихъ во второй ярусъ. Этому вполнѣ соотвѣтствуетъ и расположеніе разсматриваемыхъ пристроекъ. Онѣ на рисункѣ Палласа показаны какъ разъ по сторонамъ дверей, ведущихъ во второй ярусъ палаты, а тѣ, которыя находятся по угламъ, исполняли назначеніе собственно контрафорсовъ (быковъ). Для многоэтажнаго массивнаго зданія подобная подпора была далеко не излишня, и въ древнихъ русскихъ постройкахъ она примѣнялась весьма часто.

*) Шпилевскій стр. 211.

Въ пользу моего мнѣнія говоритъ и то обстоятельство, что при ремонтировкѣ Черной Палаты въ 1884 году оказались признаки, доказывавшіе, что нижній ярусъ зданія былъ прежде облицованъ тесанымъ камнемъ, по расхищеніи котораго палата и часть ея фундамента остались какъ бы подточенными. Это и послужило главною причиною разрушенія стѣнъ, въ которыхъ послѣ 1827 года оказались широкія бреши, угрожавшія всему зданію паденіемъ (Сравни рисунки Палласа и Шмита на табл. XII и XIV). Во время Палласа эта облицовка еще существовала и зданіе имѣло свою первоначальную форму. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ отъ каменной облицовки не оставалось уже никакого слѣда, вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли контрафорсы, и Черная палата измѣнила свою внѣшнюю форму, какъ это видно изъ сравненія рисунка Палласа съ рисункомъ Шмита.

Присутствіе облицовки на наружныхъ стѣнахъ перваго яруса палаты можетъ служить доказательствомъ, что эта часть зданія не была закрыта периферическими пристройками. Слѣдовательно, о предполагаемыхъ здѣсь комнатахъ едва ли можетъ быть рѣчь, тѣмъ болѣе о покрытіи ихъ сводами. Объ этомъ авторы говорили только по догадкѣ, не зная, какъ объяснить существовавшіе каменные отростки, идущіе отъ наружныхъ стѣнъ и угловъ зданія.

Сколько было дверей во второмъ ярусѣ палаты, теперь трудно опредѣлить. Опись 1712 года ихъ насчитываетъ шестеры, что очевидно неправильно: за двери здѣсь приняты были также и окна. Свиньинъ говоритъ, что „во второмъ этажѣ находится по полукруглой двери въ срединѣ", что, вѣроятно, надо понимать въ срединѣ каждой стѣны, или нѣкоторыхъ изъ четырехъ стѣнъ. На рисункѣ Палласа показаны двѣ двери, но, къ сожалѣнію, не опредѣлено, съ которой стороны снятъ былъ этотъ рисунокъ и существовали ли такія же двери на остальныхъ двухъ стѣнахъ. Судя по присутствію двухъ оконъ по сторонамъ двери на лѣвой стѣнѣ рисунка, можно думать, что здѣсь показана южная стѣна, а направо восточная. На рисункѣ Шмита фасадъ взятъ съ сѣверной стороны, а въ разрѣзѣ показана южная стѣна. Изъ сопоставленія этихъ рисунковъ можно заключить, что на сѣверной сторонѣ существовало по одной двери въ первый и во второй ярусъ, а на южной и восточной по одной двери во второмъ ярусѣ. Была ли дверь на западной сторонѣ, остается неизвѣстнымъ. Южная дверь у Шмита показана полуразрушенною, облицовки косяковъ и арки здѣсь уже не было. Въ сѣверныхъ дверяхъ въ первомъ этажѣ показана облицовка съ полуциркульною аркою, а во второмъ этажѣ арка обвалилась, но дверные косяки еще оставались. Дверныя арки во всѣхъ болгарскихъ зданіяхъ были полуциркульныя, а окна стрѣльчатыя. Въ 1884 году на южной и западной стѣнѣ зданія существовали громадныя бреши, вышиной болѣе трехъ саженъ, занимавшія первые два яруса. Чрезъ эти отверстія свободно про-

ходилъ въ Палату деревенскій скотъ, скрываясь здѣсь отъ лѣтняго зноя и непогоды. Ничѣмъ не укрѣпленныя стѣны проломовъ постепенно осыпались и зданію въ близкомъ будущемъ грозило полное разрушеніе, если бы Казанское археологическое Общество не приняло противъ этого нѣкоторыхъ мѣръ. Къ сожалѣнію, при ремонтировкѣ, произведенной лѣтомъ 1884 г. подъ руководствомъ архитектора г. Пашковскаго, имѣлось въ виду главнымъ образомъ возстановить прочность зданія, а не его древній архитектурный стиль. Причиною тому было частію недостатокъ денежныхъ средствъ, частію недостатокъ научнаго вниманія и опытнаго руководства.

Ремонтировка Черной Палаты состояла въ слѣдующемъ: 1) подточенныя стѣны перваго яруса, начиная съ фундамента, были укрѣплены новою кирпичною кладкою, при чемъ, однако же, стѣны возстановлены почти отвѣсными, а не настолько уширенными внизу, какъ было показано на рисункѣ Палласа. Каменной облицовки ихъ невозможно было возстановить, такъ какъ эта, слишкомъ дорогая, работа превышала средства Общества. Существовавшіе прежде контрафорсы также не были сдѣланы, вѣроятно, по той причинѣ, что Археологическое общество признавало ихъ побочными пристройками, не имѣвшими непосредственной связи съ конструкціею Черной палаты. 2) Упомянутые выше проломы въ восточной, южной и западной стѣнахъ задѣланы частію кирпичемъ, частію тѣмъ же каменнымъ мусоромъ, который находится по близости отъ разрушенныхъ старыхъ построекъ. При этомъ всѣ двери, существовавшія во второмъ ярусѣ, были задѣланы наглухо, а надъ окнами второго этажа, гдѣ были каменные стрѣльчатые косяки, выложены кирпичныя полуциркульныя арки. Такая же кирпичная арка сложена надъ входною дверью въ первый ярусъ. 3) Существовавшее въ центрѣ купола круглое окно, представлявшее весьма любопытную конструктивную особенность Черной палаты и не дававшее никакого повода къ ремонтировкѣ, безъ всякой причины задѣлано наглухо. Надъ этимъ задѣланнымъ отверстіемъ, снаружи, на вершинѣ купола, поставленъ, почему-то, круглый деревянный шаръ, которымъ вѣроятно разсчитывали украсить зданіе. 4) Вывѣтрившіяся наружныя стѣны зашпаклеваны глиной (или быть можетъ известковой штукатуркой) и выбѣлены известью, подъ которой теперь скрыты и признаки типа древней кладки зданія, и новыя его заплаты. Въ общемъ Черная палата, можетъ быть, получила достаточную прочность и устойчивость, но ея древній архитектурный стиль сильно пострадалъ отъ ремонтировки. Въ прежнемъ видѣ сохранился только верхній ярусъ и куполъ, за исключеніемъ задѣланнаго въ немъ круглаго окна. Что же касается до прочихъ ярусовъ, то они въ настоящее время на даютъ той картины, какая существовала еще не только во времена Палласа, но даже при Свиньинѣ и Шмитѣ. Наружный видъ палаты, благодаря отсутствію каменной облицовки

и устраненію характерной наклонной формы нижнихъ стѣнъ, потерялъ свою типическую красоту и величавость. Во второмъ ярусѣ теперь нѣтъ дверей, не говоря уже о ведшихъ когда-то къ нимъ наружныхъ крыльцахъ, утвержденныхъ на каменныхъ устояхъ и, можетъ быть, соединявшихся круговою галлереею, или широкимъ помостомъ. Эти двери, обдѣланныя красивыми косяками и арками изъ массивнаго тесанаго камня, и выходы на широкія крыльца всѣхъ четырехъ сторонъ, должны были придавать зданію особенную красоту и оригинальность. Нынѣ, когда ихъ нѣтъ, а равно нѣтъ и пола, отдѣлявшаго первый или подвальный ярусъ отъ послѣдующихъ, внутренность зданія получаетъ видъ какого-то каменнаго мѣшка, или глухой башни. Надо полагать, что при первоначальномъ назначеніи верхніе три яруса Черной палаты составляли одно помѣщеніе, около $4^1/_2$ саженъ вышины, увѣнчанное красивымъ куполомъ, освѣщавшимся сверху круглымъ окномъ, независимо отъ 8 оконъ верхняго яруса, 4 оконъ третьяго и двухъ или четырехъ второго яруса. Такимъ образомъ палата представляла одну общую залу, свѣтъ въ которую проводился главнымъ образомъ сверху, а входъ былъ черезъ наружныя крыльца въ широкія двери, находившіяся по срединѣ каждой стѣны второго яруса. Первый ярусъ, имѣвшій только однѣ двери, и притомъ узкія, имѣлъ значеніе подвальнаго этажа, не сообщавшагося съ главною залою. При такомъ устройствѣ зданіе, очевидно, предназначалось не для частнаго жилища, а для общественныхъ собраній. Былъ ли это храмъ, народное судилище, или мѣсто собранія народной думы (вѣче)—это рѣшить весьма трудно, но во всякомъ случаѣ это была не школа (медресэ) и не мечеть, какъ полагаютъ многіе авторы. Для школы оно слишкомъ хорошо и величественно, для мечети не подходитъ по своей формѣ и по количеству дверей.

Внутреннее помѣщеніе залы Черной Палаты было оштукатурено и украшено лѣпною работою. Слѣды штукатурки кое-гдѣ остались до сихъ поръ, но отъ украшеній сохранились такіе ничтожные обрывки, по которымъ невозможно воспроизвести древній типъ орнаментики. Въ разрѣзѣ у Шмита показаны на южной стѣнѣ нишки и карнизы между ярусами, а между окнами тонкія пилястры, но капители ихъ на рисункѣ выражены не ясно. При осмотрѣ мною палаты въ 1885 году кое-гдѣ по угламъ оставалась еще штукатурка, на которой видны тонкія вытянутыя колонки, но изъ этихъ остатковъ нельзя вынести никакого цѣльнаго впечатлѣнія. Наибольшая поверхность стѣнъ перваго и второго яруса залы были замѣнены новою кладкою, вслѣдствіе чего старая орнаментировка этихъ участковъ исчезла безъ слѣда, а въ верхнемъ ярусѣ большая часть штукатурки обвалилась.

На рисункахъ Шмита въ стрѣльчатыхъ окнахъ третьяго яруса палаты (второго яруса залы) надъ бывшими входными дверями (нынѣ задѣланными)

сѣверной и южной стѣны показанъ замѣчательный орнаментъ въ формѣ *креста*. Это изображеніе меня интересовало болѣе всего, какъ признакъ, могущій до извѣстной степени служить къ объясненію древняго значенія зданія. Къ моему огорченію, крестъ на южной стѣнѣ нынѣ совершенно уничтоженъ вмѣстѣ съ характерною аркою этого окна, задѣланнаго во время послѣдней ремонтировки. Второй крестъ, показанный у Шмита на передней, сѣверной стѣнѣ, сохранился. Онъ изображенъ на прорѣзи бѣлой пластинки, вставленной въ окно въ видѣ ширмы. Сквозная прорѣзь въ этой пластинкѣ, пальца въ три шириной, представляетъ собою форму равноконечнаго креста съ закругленными утолщеніями на концахъ каждой его вѣтви*). Въ настоящее время внутренніе края этой крестообразной прорѣзи по мѣстамъ осыпались, но тѣмъ не менѣе не трудно составить себѣ полное представленіе объ ея первоначальной формѣ. Мѣстные крестьяне давно обращали вниманіе на эту характерную орнаментацію, и лично мнѣ передавали, что помнятъ ее со словъ старожиловъ почти съ самаго основанія ихъ селенія. Такой же крестъ существовалъ до послѣдняго времени и въ окнѣ южной стѣны, какъ показано у Шмита и, по мнѣнію крестьянъ, онъ по формѣ и величинѣ своей вполнѣ соотвѣтствовалъ находящейся нынѣ въ ихъ церкви, такъ называемой „*явленной иконѣ*". Эта явленная икона есть та самая *рипида*, которую описалъ покойный Измаилъ Ивановичъ Срезневскій, относя ее къ XII столѣтію, или даже раньше**). По словамъ Срезневскаго она была найдена при распашкѣ земли въ полѣ, верстахъ въ двухъ отъ Успенской церкви, но крестьяне мнѣ передавали, что мѣсто ея нахожденія было именно между Черною и Бѣлою палатами. Рипида эта мѣдная, позолоченая, имѣетъ форму четырехконечнаго креста съ уширеніями на закругленныхъ концахъ. Въ промежуткахъ между вѣтвями креста, повидимому, прежде существовали лучеобразныя сіянія. На той и другой сторонѣ доски приклепано по пяти выпуклыхъ кружковъ, по 1½ вершка въ діаметрѣ, такъ что одинъ занимаетъ средину креста, а четыре по концамъ его. На одной сторонѣ рипиды начертаны лики: въ срединѣ Спасителя, налѣво отъ него Пресвятой Дѣвы, направо Іоанна Предтечи, вверху архангела Михаила, внизу архангела Гавріила. На другой сторонѣ находятся такіе же нарѣзные лики: въ срединѣ св. Василій, направо Козьма, налѣво Даміанъ, вверху Кирилъ, внизу Никола. Судя по начертаніямъ буквъ этихъ надписей „можно думать, говоритъ Срезневскій, что эта рипида—произведеніе XII вѣка, или и болѣе раннее". Судя по глазомѣрному сличенію, размѣры конечныхъ кружковъ этого обра-

*) На рисункѣ Шмита крестъ изображенъ не вполнѣ точно, безъ уширеній на концахъ и съ болѣе удлиненными продольными вѣтвями.

**) Труды четвертаго археолог. съѣзда, бывшаго въ Казани въ 1877 г. Томъ первый. Казань 1884 года отд. I, Общіе вопросы, страница 17.

за дѣйствительно очень близки съ соотвѣтствующими размѣрами концовъ крестовой прорѣзи окна, а равно и вся форма рипиды до извѣстной степени походитъ на фигуру прорѣзи. Я не хочу этимъ сказать, что то и другое изображеніе имѣютъ между собою дѣйствительную историческую связь; но во всякомъ случаѣ нельзя не обратить на это совпаденіе серьезнаго вниманія. Оно показываетъ, что на почвѣ городища Болгаръ существовало христіанство, а слѣдовательно могли существовать и христіанскіе храмы ранѣе XII вѣка.

Въ какое время могло быть сдѣлано въ окнахъ Черной Палаты изображеніе креста, на это трудно дать положительный отвѣтъ. Въ одномъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что эти пластинки не могли относиться къ мусульманскому періоду, слѣдовательно, онѣ могли быть сдѣланы либо до X вѣка, либо въ самое новѣйшее время, напр. при основаніи въ Болгарахъ православнаго монастыря (въ XVIII в.). Ибо трудно допустить, чтобы зданіе съ крестами въ окнахъ могло быть выстроено христіанами въ центрѣ мусульманскаго города, и притомъ зданіе, служившее лучшимъ его украшеніемъ. Еще невѣроятнѣе было бы то предположеніе, чтобы мусульмане XI—XIV вѣка могли изобразить христіанскій крестъ въ окнахъ своей, какой бы то ни было, общественной постройки. Послѣ окончательнаго запустѣнія Болгаръ и до водворенія на мѣстѣ стараго городища новыхъ русскихъ поселенцевъ не можетъ быть и рѣчи о постановкѣ крестообразныхъ украшеній. Едва ли могли это сдѣлать и монастырскія власти въ XVIII в. Въ это время, какъ мы видѣли изъ описи 1712 г., Черная палата не имѣла никакого утилитарнаго примѣненія и не высказывалось мысли, чтобы и раньше она могла служить для какихъ либо христіанскихъ цѣлей. Въ описаніи Савенкова (XVIII в.) объ этой палатѣ сказано, что мѣстные татары не знаютъ, что это была за палата, „токмо признакомъ признаваютъ, что знатно была школа“. О бывшемъ примѣненіи ея къ монастырскимъ потребностямъ не упоминается ни въ одномъ документѣ; объ этомъ не сохранилось воспоминанія и у мѣстныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ не оказывается никакого основанія къ предположенію о новѣйшей постановкѣ разсматриваемыхъ нами крестовъ. Поэтому позволительно остановиться на той гипотезѣ, что кресты въ окнахъ Черной палаты всего вѣроятнѣе существовали, если не со времени ея постройки, то, по крайней мѣрѣ, до водворенія въ Болгарахъ мусульманства, и въ такомъ случаѣ они могли бы указывать на не мусульманское происхожденіе самой постройки палаты.

Допуская гипотезу о древнемъ происхожденіи крестовыхъ орнаментовъ Черной Палаты, мы должны коснуться вопроса: могли ли эти изображенія сохраниться въ продолженіи такого длиннаго періода времени? При этомъ слѣдуетъ принять въ разсчетъ, что причиною ихъ разрушенія могли бы быть

либо механическія поврежденія, либо атмосферныя вліянія. Положеніе пластинокъ въ глубокой амбразурѣ окна защищало ихъ отъ того и другого. Каменная облицовка (косяки) этихъ оконъ была цѣла до тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, а въ сѣверномъ окнѣ она сохраняется до сихъ поръ, слѣдовательно стѣны въ этихъ мѣстахъ не подвергались разрушенію. Далѣе, эти окна помѣщаются очень высоко отъ поверхности земли, или бывшаго пола, притомъ они имѣютъ небольшіе размѣры при очень толстой стѣнѣ. Пластинка находится почти по срединѣ амбразуры, вслѣдствіе чего ее не легко пробить даже нарочно брошеннымъ камнемъ. Такимъ образомъ при своемъ благопріятномъ положеніи она могла уцѣлѣть отъ механическаго разрушенія, хотя бы даже со времени постройки Черной Палаты. Что касается до атмосферныхъ вліяній, то они могли бы быть приняты въ разсчетъ въ томъ только случаѣ, если бы въ точности было извѣстно, изъ какого матеріала сдѣланы упомянутыя пластинки. Къ сожалѣнію, я затрудняюсь сказать объ этомъ что либо положительное, ибо видѣлъ пластинку только съ земли, на значительномъ разстояніи (лѣстницы подъ руками не было). Судя по наружному виду, она кажется вылита изъ гипса, но также можетъ быть, что это тонкая плита изъ бѣлаго полупрозрачнаго камня. Допуская даже первое предположеніе, я не могу отрицать, чтобы гипсовое издѣліе не могло просуществовать при данныхъ условіяхъ въ теченіи многихъ столѣтій. Мы знаемъ, что въ той же Черной Палатѣ штукатурка на стѣнахъ сохранялась до послѣднихъ десятилѣтій, и если она обваливалась, то скорѣе отъ разрушенія стѣнъ, чѣмъ отъ неблагопріятныхъ атмосферныхъ вліяній. То же самое мы видимъ на известковомъ цементѣ обнаженныхъ стѣнъ: скорѣе вываливаются камни, расшатанные попадающей въ углубленія между ними и замерзающей влагой, чѣмъ разсыпается связующій ихъ цементъ. Въ мусорѣ обвалившихся стѣнъ нерѣдко попадаются крупные куски штукатурки или цемента, которые весьма долго лежатъ на открытомъ воздухѣ и не разсыпаются, пока не будутъ разбиты какой либо механической силой. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Адріановъ нашелъ въ одной изъ сибирскихъ курганныхъ могилъ гипсовыя маски, пролежавшія въ землѣ, во всякомъ случаѣ, болѣе тысячелѣтія и сохранившія такую свѣжесть, какъ будто-бы онѣ за нѣсколько дней вышли изъ мастерской. Въ окнахъ Черной Палаты пластинки находились въ лучшихъ условіяхъ: куполъ этого зданія все время былъ цѣлъ, а глубокія ниши оконъ еще болѣе защищали ихъ отъ дождя. Потому я не вижу ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что даже гипсовая, а не каменная пластинка могла сохраниться здѣсь въ продолженіи многихъ вѣковъ.

Башни четырехугольника или дѣтинца. На сѣверной сторонѣ бывшаго города, въ ста саженяхъ отъ береговаго яра, находятся развалины древней городской цитадели. Въ настоящее время онѣ представляютъ

собою четырехугольникъ, состоящій изъ остатковъ одихъ только угловыхъ башенъ, бывшія же между ними стѣны совершенно разрушены. Онѣ, повидимому, не существовали уже и въ прошломъ столѣтіи, или, покрайней мѣрѣ, отъ нихъ оставались только отдѣльныя полуразрушенныя части. Такъ, въ выписи 1712 года объ этомъ говорится: «да на томъ городничномъ мѣстѣ, въ окопѣ, гдѣ напредь сего былъ царевъ домъ, древняго каменнаго строенія по четыремъ угламъ четыре палаты круглыхъ, въ знакъ малаго городка, мѣрою палата отъ палаты по 18 саженъ, вышины тѣ палаты по 1½ саж., а внутри тѣхъ палатъ, по однимъ стѣнамъ 13, а по другимъ 15 саженъ» *) *Лепехинъ* объ этомъ пишетъ такъ: «еще четыре большія башни, коимъ мѣра: первой въ окружности 7 саж. съ половиною, вышины 2 сажени, второй въ окружности 8 саж. съ половиною, вышины 2 саж., третьей въ окружности 12 саж., вышины 2 саж. съ полуаршиномъ, четвертой въ окружности 6 саж. съ половиною, вышины 1 сажень. Между оными башнями *развалившіяся двѣ стѣны*, длиною по 30 (вѣроятно по ошибкѣ поставлено вмѣсто 15 саж.), да другія двѣ по 11 саженъ. Столпу, отъ первой башни на одну сажень отстоящему, въ окружности по основанію 12 саж., вышины столько же **).

Въ описи подполковника *Савенкова* объ этомъ сказано: «въ первомъ замочномъ валу, въ маломъ окопѣ каменный зàмокъ; первая башня округлостію съ вонной стороны 11 саж. Вторая башня округлостію 9 саж., стѣна отъ второй башни до третьей 12 саженъ. Третья башня округлостію 8 саж. и 1 арш., отъ третьей башни до четвертой стѣна 11 саж. 1 арш. Четвертая башня окружностію 12 саж. Отъ четвертой до первой башни стѣна 13 саж. съ аршиномъ. Башнямъ и стѣнамъ высоты писать не возможно для того, что осыпались». У Савенкова счетъ башенъ, повидимому, начинается съ юго-западнаго угла. Мѣра окружности башенъ и протяженіе стѣнъ во всѣхъ трехъ описаніяхъ не сходятся между собой, что, вѣроятно, произошло отъ неточности измѣренія, либо отъ того, что за исходную точку мѣры взяты были не одни и тѣже пункты. При этомъ необходимо замѣтить, что точныя границы стѣнъ съ внутренней и наружной стороны въ настоящее время опредѣлить очень трудно, ибо онѣ представляютъ собою не что иное, какъ широкіе валы каменнаго мусора, во многихъ мѣстахъ обросшаго травой. Изъ того же мусора состоятъ многочисленныя неровности и бугры внутри четырехугольника и съ наружной стороны угловыхъ башенъ. Вся цитадель представляется въ настоящее время стоящею какъ бы на искусственномъ холмѣ, при чемъ трудно рѣшить, была ли эта насыпь сдѣлана при основаніи крѣпости, или она образовалась впослѣдствіи отъ разрушившихся построекъ.

*) Шпилевскій, стр. 201.
**) Лепехинъ, дневн. зап. пут. Ч. I, стр. 270.

По этой же причинѣ нельзя съ точностью опредѣлить высоту сохранившихся башенъ, имѣя поводъ предполагать, что часть ихъ основанія завалена мусоромъ.

Всѣ четыре башни имѣютъ круглую форму, въ діаметрѣ, по верхней площадкѣ, отъ 8 до 10 шаговъ. Наружныя стѣны ихъ, какъ упомянуто выше, облицованы массивными, отлично притесанными и выглаженными камнями, что придаетъ постройкѣ величественный и несокрушимый видъ. Внутри этой кольцеобразной облицовки все пространство заполнено неправильною каменною кладкою, съ громаднымъ количествомъ цемента, въ родѣ того, какъ объ этомъ было сказано при описаніи кладки Малаго столпа. Въ числѣ камней, изъ коихъ сложенъ внутренній массивъ башни, болѣе всего встрѣчаются крупные куски известняковъ, булыжника, известковаго туфа и глинистаго сланца, разнообразной формы. Вся эта масса неправильныхъ камней какъ бы втиснута въ неменьшую по объему массу цемента. Въ известковомъ цементѣ встрѣчается весьма много мелкихъ ракушекъ. Въ общемъ башни представляютъ нѣчто въ родѣ цѣльнаго круглаго монолита, около двухъ саженъ вышины отъ поверхности земли (насыпи). Верхнія площадки ихъ совершенно ровныя.

Въ томъ видѣ, какъ башни представляются въ настоящее время, онѣ съ большимъ правомъ могли бы носить названіе столповъ, потому что въ нихъ нѣтъ никакого полаго пространства. Но неизвѣстно, всегда-ли онѣ существовали въ такомъ размѣрѣ. Можно предполагать, что надъ нынѣшнимъ ихъ основаніемъ въ свое время была либо деревянная постройка (вежа), либо продолжались каменныя стѣны съ лѣстницею внутри, какъ въ столпахъ, или даже въ формѣ настоящей башни съ бойницами. Первое предположеніе, о деревянной вежѣ, мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ. На это указываетъ ровная, какъ бы срѣзанная, форма верхнихъ площадокъ, безъ карниза или пояска и безъ малѣйшихъ слѣдовъ разрушенія въ толщѣ стѣны.

О формѣ бывшихъ стѣнъ четырехугольника тоже нельзя вывести никакого заключенія, кромѣ того, что онѣ были каменныя и кладка ихъ, судя по мусору, была того же свойства и изъ того же матеріала, какъ и кладка башенъ. Выше было мною упомянуто, что на сѣверо-западной башнѣ въ 1885 г. каменная облицовка оказалась ободраною на высоту почти человѣческаго роста. По разсказамъ крестьянъ это было сдѣлано осенью 1884 г. Камни, будто бы, понадобились на предполагавшуюся въ этомъ году ремонтировку Черной палаты. Благодаря этому непростительному варварству, я имѣлъ случай убѣдиться: 1) что подъ облицовкою, на всей высотѣ зданія, каменная кладка сохраняетъ тотъ же самый характеръ, какъ въ Маломъ столпѣ и на верхней площадкѣ башни; 2), облицовочные камни вдавались въ стѣну, судя по оставшимся послѣ нихъ впадинамъ, (гнѣздамъ) не менѣе 8—10 вершковъ.

Назначеніе четырехугольника объяснялось различно. Обыкновенно его считаютъ зàмкомъ, внутри котораго стоялъ царскій домъ. У Савенкова онъ носитъ тоже названіе, но рядомъ съ этимъ прибавляется, что «по сказкѣ татарскаго языка абызовъ, это была соборная мусульманская мечеть». Свиньинъ *) въ книгѣ своей «Картины Россіи» заявляетъ, что «нѣтъ никакого сомнѣнія, что на семъ мѣстѣ былъ отдѣльный укрѣпленный замокъ, обнесенный толстыми стѣнами, кои по всѣмъ угламъ имѣютъ низкія башни» (стр. 193) **). Березинъ и Шпилевскій признаютъ четырехугольникъ и находившееся въ немъ зданіе за соборную мечеть.

Относительно существовавшаго внутри цитадели царскаго дворца въ настоящее время нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Это зданіе уже въ началѣ прошлаго столѣтія, повидимому, представляло только слѣды разрушенныхъ стѣнъ. Въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, по словамъ Свиньина, отъ него оставался только фундаментъ, нынѣ же не остается никакихъ слѣдовъ, кромѣ груды мусора. Поэтому невозможно судить, была ли это постройка общаго съ прочими уцѣлѣвшими зданіями типа, или она представляла зданіе иного характера. Что же касается до угловыхъ башенъ, то едва-ли можно сомнѣваться, что онѣ не имѣли никакого отношенія къ мусульманству. Наружный видъ ихъ, равно какъ и всего четырехугольника, явственно носитъ характеръ укрѣпленнаго мѣста (замка или дѣтинца). Этому же значенію соотвѣтствуетъ и отношеніе его къ внутреннему или малому окопу. Мысль, что это была мечеть, основывается только на словахъ мѣстныхъ татаръ, но это слишкомъ слабое доказательство. Тѣже татары утверждаютъ, что весь четырехугольникъ прежде былъ покрытъ общимъ куполомъ, что нужно признать явной несообразностью. Куполъ имъ понадобился потому, что непокрытая мечеть въ нашемъ климатѣ—дѣло невозможное, а башни въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ теперь, совсѣмъ не подходятъ къ молитвенному дому. Правда, Березинъ не затруднялся высказать такую гипотезу, что они служили для помѣщенія духовенства, или для украшенія;

*) Развалины гор. Булгара. Въ Отеч. Зап. 1824 г. № 48 и въ сборникѣ статей П. Свиньина „Картины Россіи" Спб. 1839.

**) Объ описаніяхъ Свиньина слѣдуетъ замѣтить, что въ нихъ нерѣдко встрѣчаются большія неточности. Можетъ быть это произошло отъ того, что авторъ дѣлалъ свои замѣтки не на мѣстѣ, а впослѣдствіи, на память. Такъ, напримѣръ, о Маломъ столпѣ онъ говоритъ, что „отъ высоты его осталось не болѣе трехъ саженъ съ половиною", а находящіяся около него палаты онъ размѣщаетъ неправильно (стр. 197). По отношенію къ четырехугольнику Свиньинъ смѣшиваетъ палатки съ башнями. Говоря, что стѣны его по угламъ имѣли низкія башни, онъ тутъ-же продолжаетъ: „двѣ изъ нихъ (т. е. башенъ) доселѣ еще довольно цѣлы: одна нѣкогда обращена была въ христіанскую церковь во имя Св. Николая Чудотворца, а другая служила монастырскимъ погребомъ". Такимъ образомъ, границы четырехугольника онъ распространяетъ гораздо шире; угловыми башнями его считаетъ церковь Св. Николая и монастырскій погребъ, а башни собственно цитадели съ разрушенными ея стѣнами принимаетъ за фундаментъ царскаго дворца, что совсѣмъ несправедливо.

но чтобы задать себѣ такую мысль, нужно было доказать, что внутри башенъ было свободное пространство (чего въ нихъ нѣтъ), или другими словами, что надъ нынѣшнимъ ихъ основаніемъ существовали настоящія башни. Но для чего же тогда потребовалось бы выводить сплошную каменную кладку на высоту болѣе двухъ саженъ? Очевидно, башни предназначались не для жилья, а единственно для защиты отъ непріятеля. Каждая изъ нихъ напоминаетъ собою основаніе Холмской вежи, о которой мы уже говорили выше: «Вежа же среди города высока, якоже бити съ нея окрестъ града, подсздана (подстроена, приподнята) *каменіемъ* въ высоту 15 лакотъ». На такомъ высокомъ каменномъ столпѣ была выстроена Холмская вежа изъ дерева, въ родѣ каланчи, и у лѣтонисца объяснена цѣль такой постройки: «якоже бити съ нея окрестъ града» т. е. обстрѣливать съ высоты окрестность. Такія сооруженія были обычны на Руси, и болгарскія башни четырехугольника, очевидно, служили для той же цѣли, имѣя наверху деревянныя вежи, защищавшія со всѣхъ сторонъ дѣтинецъ или самое сердце болгарской крѣпости. При такомъ значеніи башенъ и стѣнъ четырехугольника, стоявшее внутри его зданіе не могло быть ничѣмъ другимъ, какъ царскимъ домомъ и мѣстомъ, гдѣ хранились сокровища. По этому вдвойнѣ жаль, что отъ внутренней крѣпостной постройки не только не сохранилось стѣнъ, но нѣтъ даже описанія ихъ слѣдовъ. Царскій домъ, очевидно, былъ разрушенъ во время одного изъ непріятельскихъ штурмовъ, если только онъ не былъ деревяннымъ и не уничтоженъ пожаромъ. Послѣднее предположеніе нельзя считать невѣроятнымъ, потому что древніе Болгары, какъ славянское племя, предпочитали для частныхъ жилищъ деревянныя постройки, изъ камня же строили главнымъ образомъ общественныя монументальныя зданія, молитвенные дома и частію укрѣпленія. Для уясненія вопроса о царскомъ домѣ было-бы весьма полезно произвести внутри четырехугольника цитадели болѣе основательныя раскопки, которыя, можетъ быть, дали бы новыя данныя для болгарскихъ древностей вообще. До сего времени здѣсь производились иногда только частныя попытки къ такимъ раскопкамъ въ грудахъ строительнаго мусора, не проникавшія до коренной почвы и не захватывавшія всей площади четырехугольника.

Такъ называемыя палатки. Кромѣ вышеперечисленныхъ зданій, на Болгарскомъ городищѣ описывалось нѣсколько каменныхъ построекъ малаго размѣра, которыя крестьяне называютъ палатками. Въ прошломъ столѣтіи ихъ существовало не менѣе 5 или 6. Но нынче сохранилась, въ болѣе или менѣе цѣломъ видѣ, только одна, благодаря тому, что она до начала разрушенія была обращена въ православную церковь во имя Св. Николая Чудотворца и нѣкоторое время заботливо охранялась мѣстнымъ духовенствомъ. Кромѣ этой церкви, въ 1885 г. сохранялись остатки полуразрушенныхъ

стѣнъ еще двухъ палатокъ, съ провалившимися сводами, одна недалеко отъ Малаго столпа, другая съ сѣверной стороны четырехугольной цитадели. Судя по сохранившимся остаткамъ, чертежамъ и описаніямъ, всѣ эти зданія имѣли болѣе или менѣе однообразный типъ, подобно церкви Св. Николая. Размѣръ ихъ не превышалъ 4—5 саженъ въ длину и 3—4 саж. въ ширину, при высотѣ около 2—3 саженъ, считая вмѣстѣ съ куполомъ. Въ основаніи палатки имѣли четырехугольную форму, а въ верхней половинѣ восьмиугольную. Въ нихъ вела одна дверь, начинающаяся отъ самой поверхности земли. Косяки двери, какъ и во всѣхъ болгарскихъ зданіяхъ, состояли изъ массивныхъ отесанныхъ камней, вверху образующихъ полуциркульную арку. Полъ въ этихъ зданіяхъ, вѣроятно, былъ изъ каменной плиты, въ уровень съ землей, но его нигдѣ не сохранилось, такъ какъ эти плиты легче всего было выбрать и утилизировать. Освѣщались палатки небольшими окошечками, косяки которыхъ тоже были сдѣланы изъ вытесаныхъ камней, вверху образующихъ стрѣльчатую арку. Стѣны сложены по общему болгарскому типу, т. е. снаружи облицовка камнемъ, а внутри—частію изъ квадратнаго кирпича, но больше всего изъ различныхъ камней неправильной формы, связанныхъ цементомъ. Всѣ палатки были покрыты сводами. Въ бытность мою въ Болгарахъ въ 1885 г. купольный сводъ можно было видѣть только въ церкви св. Николая (въ остальныхъ палаткахъ онъ давно обрушился). По причинѣ восьмиугольности стѣнъ, пяты свода выведены съ угловыхъ парусовъ. Сводъ выложенъ на цементѣ не изъ кирпича, а изъ легкихъ известковыхъ ноздреватыхъ туфовъ, которые видны на неоштукатуренныхъ частяхъ свода. Форма свода совершенно правильная и довольно красивая, но въ настоящее время въ куполѣ оказывается нѣсколько трещинъ.

Церковь св. Николая была устроена въ одной изъ древнихъ палатокъ въ XVIII столѣтіи, едва ли не послѣ посѣщенія Болгаръ Петромъ Великимъ. Для этой цѣли нужно было сдѣлать нѣкоторыя приспособленія, именно: перенести дверь на западную сторону и пробить новыя окна въ восточной стѣнѣ. Они отличаются отъ старыхъ своей четырехугольной (а не стрѣльчатой) формою и тѣмъ, что косяки ихъ не обложены тесанымъ камнемъ, а выложены кирпичемъ. Мѣсто для одного окна было выбрано неудачно подъ самой сѣверо-восточной пятой свода, и это вѣроятно послужило причиною образовавшейся здѣсь трещины. Перемѣщеніе двери я предполагаю на томъ основаніи, что нынѣшняя дверь не имѣетъ полуциркульной арки, какая оказывается въ древнихъ дверяхъ всѣхъ болгарскихъ зданій, хотя косяки ея и состоятъ изъ массивныхъ тесаныхъ камней, вѣроятно, перенесенныхъ сюда отъ прежней двери. Можетъ быть вслѣдствіе предполагаемаго перемѣщенія дверей въ юго-западной части свода тоже образовалась трещина, а подъ нею, въ верхней части южной стѣны, подъ крышею, было ви-

дно въ 1885 году большое сквозное отверстіе. Черезъ него лѣтомъ попадалъ дождь въ самую церковь, а зимою забиваетъ снѣгъ, и это содѣйствуетъ дальнѣйшему разрушенію стѣны. Послѣ постройки новой Успенской церкви, въ церкви св. Николая службы не совершается, вслѣдствіе чего духовное вѣдомство не принимаетъ участія въ ея ремонтировкѣ. Предполагало это сдѣлать Казанское Археологическое общество, но, при неудачномъ выборѣ архитектора и подрядчика, произведенныя въ 1884 году ремонтныя работы въ Болгарахъ, въ смыслѣ сохраненія древностей, скорѣе были вредны, чѣмъ полезны. Церковь св. Николая въ это время оставалась безъ всякой ремонтировки, о чемъ я письменно докладывалъ Обществу въ іюнѣ 1885 г.

Какое назначеніе имѣли болгарскія „палатки"—это сказать довольно трудно. Во всякомъ случаѣ онѣ едва ли могли служить частными жилищами. Купольные своды, отсутствіе слѣдовъ печей, слабое освѣщеніе маленькими окнами, расположенными въ верхней части стѣны, и дверь, начинающаяся отъ самой поверхности земли, наводятъ на мысль, не служили ли эти зданія кладовыми для товаровъ, или магазинами. Въ большомъ торговомъ городѣ купеческія лавки должны были играть важную роль, а для защиты отъ пожаровъ могли требовать каменныхъ помѣщеній со сводами, не нуждаясь въ тоже время въ отопленіи, какъ частныя жилища. То обстоятельство, что палатки были расположены въ центрѣ города и строились довольно красиво, при облицовкѣ снаружи тесанымъ камнемъ, не противорѣчитъ нашей догадкѣ, такъ какъ торговое сословіе въ Болгарахъ, безъ сомнѣнія, пользовалось и богатствомъ, и вліяніемъ.

Большая часть авторовъ, пріурочивающихъ всѣ болгарскія древности къ мусульманскимъ потребностямъ, считали палатки либо за мечети, либо за усыпальницы надъ могилами умершихъ. Первое предположеніе мало вѣроятно потому, что по числу палатокъ, сосредоточенныхъ въ одной части города, пришлось бы допустить большую скученность мечетей въ одномъ мѣстѣ. Кромѣ того размѣръ внутренняго помѣщенія палатокъ слишкомъ малъ для собранія молящихся, и освѣщеніе слишкомъ слабо. Наконецъ, дверь въ палаткахъ оказывается то съ южной, то съ западной стороны, смотря по мѣсту, занимаемому зданіемъ, тогда какъ входъ въ мечеть долженъ былъ соотвѣтствовать одному опредѣленному правилу. Еще менѣе палатки соотвѣтствуютъ погребальнымъ усыпальницамъ. Въ нихъ не оказывается ни надгробныхъ плитъ, ни слѣдовъ могилъ, и у мѣстныхъ мусульманъ не осталось объ этомъ никакого, даже придуманнаго впослѣдствіи, преданія.

Судя по остаткамъ фундаментовъ и грудамъ мусора, замѣтнымъ преимущественно въ сѣверной половинѣ городища, внутри малаго окопа, можно предполагать, что число каменныхъ построекъ въ древнее время здѣсь было больше, чѣмъ отмѣчено въ описи 1712 года. Какого они были вида и на-

значенія, объ этомъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній *) По буграмъ и фундаментамъ можно, однако же, догадываться, что постройки эти были небольшаго размѣра и не занимали сплошнаго пространства. Въ южной половинѣ города каменныхъ кучъ, сравнительно, очень мало. Поэтому можно предполагать, что наибольшая часть жилыхъ домовъ въ Болгарахъ строились деревянные, отъ которыхъ не могло уцѣлѣть никакихъ остатковъ.

Говоря о болгарскихъ руинахъ и пытаясь объяснить ихъ происхожденіе, мы должны обратить вниманіе еще на одинъ вопросъ: могли ли эти зданія, по мѣстнымъ климатическимъ условіямъ, сохраниться въ продолженіи, примѣрно, 800—1000 лѣтъ, не подвергшись окончательному стихійному разрушенію? Сомнѣніе въ такой долговѣчности построекъ, между прочимъ, было одною изъ причинъ, почему большинство авторовъ, писавшихъ о болгарскихъ развалинахъ, затруднялись придавать имъ слишкомъ большую древность и старались пріурочить ихъ къ XIII—XIV в. При разсмотрѣніи такихъ вопросовъ необходимо взять во вниманіе не столько климатическія условія, сколько характеръ постройки. Извѣстно много примѣровъ, гдѣ археологическіе памятники подобнаго рода сохраняются тысячелѣтіями. Не говоря уже о египетскихъ пирамидахъ и индійскихъ топахъ, возьмемъ памятники европейскіе. Римскіе колизеи (въ Римѣ и Веронnѣ) и греческія циклопическія постройки изъ тесаныхъ камней до сего времени сохраняются безъ замѣтнаго поврежденія. Такая каменная кладка можетъ быть разрушена не столько временемъ и стихійными силами, сколько руками человѣка. Менѣе противустоитъ стихійному разрушенію кирпичная кладка, но и такія зданія могутъ сохраняться весьма долго, хотя и съ поврежденіями. Укажемъ для примѣра на римскія кирпичныя постройки: дворецъ Цезаря, бани Каракаллы, maison de Clunie въ Парижѣ, которыя до сихъ поръ служатъ предметомъ осмотра путешественниковъ. Но еще болѣе убѣдительнымъ примѣромъ долговѣчности зданій, собственно въ нашемъ климатѣ, могутъ служить много разъ упоминавшіеся нами Сванетскіе храмы. Постройку ихъ относятъ къ V или VI в.; время запустѣнія слѣдуетъ отнести, вѣроятно, къ VII в., послѣ чего зданія эти стояли безъ всякаго призора и примѣненія, и тѣмъ не менѣе остались цѣлы во всѣхъ своихъ архитектурныхъ деталяхъ. Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести очень много. Они доказываютъ, что уничтоженіе каменныхъ зданій обусловливается главнымъ образомъ дурною конструкціею, а особенно людьми, искусственно разрушающими и расхищающими строительный матеріалъ. Поэтому въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ осѣд-

*) О маломъ городкѣ и о развалинахъ такъ назыв. *греческой палаты*, стоявшей за городомъ, по западную сторону землянаго вала, въ которой Петръ Великій предполагалъ греческую, или *армянскую церковь*, мы здѣсь не говоримъ. Отъ руинъ греческой палаты не осталось даже рисунковъ и подробныхъ описаній, по которымъ можно было бы судить о характерѣ этой постройки.

лаго населенія, архитектурные памятники сохраняются дольше, въ мѣстахъ же осѣдлыхъ, гдѣ встрѣчается постоянная надобность въ кирпичѣ и обдѣланномъ камнѣ, они обыкновенно служатъ источникомъ для добычи дароваго строительнаго матеріала. Такъ было и съ Болгарами.

Если вѣроятна наша догадка, то первая утилизація облицовочныхъ камней опустошеннаго города была сдѣлана въ Болгарахъ при князѣ Андреѣ Боголюбскомъ (см. объ этомъ ниже); но въ данномъ случаѣ потребность въ камняхъ была сравнительно невелика, а доставка ихъ въ Суздальскую область настолько затруднительна, что болгарскія зданія въ совокупности не могли отъ этого много пострадать. Послѣ того наступилъ для города Болгара періодъ запустѣнія, продолжавшійся около 100—150 лѣтъ, а вслѣдъ затѣмъ татарскій періодъ, во время котораго большинство жителей, по тюркской привычкѣ, предпочитали жить въ подвижныхъ юртахъ, чѣмъ въ каменныхъ домахъ, а мѣстные финны, также какъ и русскіе, предпочитали строить деревянныя, а не каменныя жилища. Все это до извѣстной степени благопріятствовало сохраненію каменныхъ зданій стараго Болгара.

Что касается до конструктивной прочности болгарскихъ построекъ, то въ этомъ отношеніи онѣ могли считаться вполнѣ образцовыми. Удачное сочетаніе каменной облицовки съ массивною кладкою стѣнъ на превосходномъ гидравлическомъ цементѣ,—косяки въ окнахъ и дверяхъ, вытесанные изъ цѣльныхъ камней, прекрасно разсчитанные своды, уширенныя основанія нижнихъ ярусовъ построекъ,—все это придавало зданіямъ несокрушимую прочность. Ихъ могло разрушить не время и стихійныя силы, а искусственная порча, или неумѣлыя передѣлки, въ родѣ того, какъ мы это видѣли на церкви св. Николая. Надобно удивляться не долговѣчности болгарскихъ построекъ, а искусству тѣхъ мастеровъ, которые ихъ соорудили. Вполнѣ естественно, что Суздальская Русь, а можетъ быть и Новгородъ, учились строить каменныя зданія у болгаръ, которые, въ свою очередь, вѣроятно, переняли это искусство либо отъ персіянъ, либо отъ того народа, который строилъ Сванетскіе храмы. При такой совершенной постройкѣ нѣтъ ничего удивительнаго, если бы болгарскія каменныя зданія сохранились до нашихъ дней не только отъ VIII или X вѣка, но и отъ болѣе отдаленныхъ временъ.

О способѣ кладки древнихъ *Новгородскихъ церквей* въ сочиненіи архимандрита Макарія сказано слѣдующее: „при сооруженіи древнихъ церквей въ Новгородѣ, въ кладку обыкновенно употреблялся простой и частію обтесанный камень,—плитнякъ и булыжникъ, а по мѣстамъ и кирпичъ; тотъ и другой извнутри заливали известью, растворенною съ щебнемъ; эта кладка извѣстна подъ именемъ *полубутовой*, т. е. начиненной между рядами камней растворомъ известковымъ, въ который валили всякій камень. Но чтобы стѣны во время кладки не разваливались, онѣ строились въ такъ называемую *коробку*,

т. е. обстанавливались досками дотолѣ, пока не могли засохнуть и окрѣпнуть*). Крѣпости выкладенныхъ стѣнъ помогали съ одной стороны толщина ихъ, простиравшаяся до двухъ аршинъ, а съ другой—известь, приготовляемая съ *удивительною* клейкостію и плотностію. Кирпичъ для церковныхъ зданій XI, XII и XIII вѣковъ употреблялся въ маломъ количествѣ, и большею частію для внѣшнихъ украшеній стѣнъ и внутреннихъ сводовъ. И кирпичъ этотъ, извѣстный подъ именемъ плинѳъ, былъ не равный, а большей и меньшей величины, смотря по нуждамъ зданій. Съ XIV столѣтія церкви начали строить изъ тесаннаго камня, съ прокладкою для уравненія тонкими кирпичными плитами, по приличію, извнѣ и извнутри. А преимущественная постройка стѣнъ церковныхъ изъ кирпича началась не раньше XVI вѣка“ **).

Изъ приведеннаго описанія нельзя не видѣть почти полнаго сходства техники между древними новгородскими постройками и болгарскими, хотя архитектурный стиль въ Новгородѣ былъ другой (византійскій). Не было стрѣльчатыхъ арокъ, косяки оконъ и дверей не высѣкались изъ цѣльнаго камня и не было каменной облицовки, можетъ быть потому, что по близости Новгорода не оказывалось хорошихъ каменоломень. Зодчими въ Новгородѣ вначалѣ (при Ярославѣ Владиміровичѣ) были греки, но съ XII вѣка появляются уже русскіе мастера. Изъ числа ихъ первый упоминается въ лѣтописяхъ нѣкто *Петръ*, въ 1119 г. „трудившійся надъ построеніемъ величественной *церкви св. Побѣдоносца Георгія* въ Юрьевѣ монастырѣ, а второй *Коровъ Яковличъ* съ Лубяной улицы, строившій въ 1196 г. каменную *церковь св. Аѳанасія и Кирилла* въ Кирилловѣ монастырѣ“. (См. новгород. лѣтописи подъ соотвѣтствующими годами).

Изъ городовъ сѣверной Россіи, кромѣ Новгорода, въ числѣ древнѣйшихъ памятниковъ строительнаго искусства можно упомянуть еще о такъ называемой нынѣ *Рюриковой крѣпости и церкви св. Георгія въ старой Ладогѣ* (1114 г.). Стѣны ихъ тоже сложены изъ булыжника, плитъ и квадратныхъ кирпичей ***).

Самыя древнія постройки въ Византіи были сооружаемы *изъ одного кирпича*, но съ VI вѣка тамъ начинаютъ употреблять въ кладку и тесаный камень, пополамъ съ кирпичемъ. При смѣшанной кладкѣ кирпичами перевязывали ряды камней и выравнивали ихъ. Изъ ряда кирпичей, поставленныхъ на уголъ, или на ребро, часто образовали орнаментъ въ видѣ зубчиковъ, или горизонтальныхъ полосъ, если ряды кирпичей правильно чередо-

*) Въ болгарскихъ постройкахъ эту каробку замѣняла облицовка изъ тесанаго камня.

**) *Архим. Макарій.* Археологическое описаніе древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ. Часть I, Москва 1860 г. стр. 20. Способъ кладки авторъ описываетъ на основаніи личнаго обозрѣнія древностей.

***) *Прохоровъ.* Христ. древности и археологія. 1862 г. кн. 2.

вались съ рядами камней*). Эти нововведенія въ византійской техникѣ по всей вѣроятности явились подъ вліяніемъ азіатскихъ вкусовъ (сравни башню Бураны и Узгента, и храмъ въ Пицундѣ).

Самая древняя изъ Кіевскихъ церквей,—*церковь Спаса на Берестовѣ*, выстроенная Вел. Кн. Владиміромъ вскорѣ послѣ принятія святаго крещенія въ 988 г., была сооружена *изъ булыжника и кирпича*, скрѣпленныхъ обильнымъ цементомъ. Планъ этой постройки взятъ былъ съ церкви Св. Спаса въ Корсуни и представлялъ форму ровноконечнаго креста. Въ 1240 году этотъ храмъ пострадалъ отъ полчищъ Батыя и съ той поры, около четырехъ вѣковъ, подвергался разрушающему вліянію времени. Въ 1643 г. онъ былъ возобновленъ митрополитомъ Петромъ Могилою (окончены верхи разрушенныхъ стѣнъ и пристроенъ на уцѣлѣвшемъ фундаментѣ западный притворъ). Вторымъ по древности памятникомъ въ Кіевѣ служитъ *Софійскій соборъ*, построенный Вел. Кн. Ярославомъ I въ 1020—1037 г. Этотъ величественный храмъ сложенъ изъ квадратнаго кирпича, на толстомъ слоѣ цемента, въ составъ коего входили, вмѣстѣ съ известью, мелкіе куски булыжника и толченый кирпичъ. Въ разбутовкѣ между рядами кирпичей клались довольно большой величины камни. Третьимъ сохранившимся памятникомъ древнихъ кіевскихъ построекъ служатъ *Золотыя ворота*, сооруженныя Вел. Кн. Ярославомъ въ первой половинѣ XI вѣка. Ярославъ, заложивъ новый великій городъ, къ югу отъ первоначальнаго стараго Кіева, обвелъ его землянымъ валомъ съ крѣпкими воротами, изъ коихъ главныя назывались золотыми. Они состояли изъ каменныхъ высокихъ и толстыхъ стѣнъ, въ верхнемъ ярусѣ коихъ была устроена церковь Благовѣщенія, увѣнчанная позолоченнымъ куполомъ. Двери у воротъ были *мѣдныя* и тоже вызолоченныя. Эти ворота были разрушены, вмѣстѣ съ другими зданіями Кіева, во время нашествія Ботыя. Теперь это зданіе представляетъ двѣ развалины стѣнъ, сложенныхъ изъ квадратнаго кирпича и камня, положеннаго рядами, черезъ пять рядовъ кирпичей, на толстомъ слоѣ цемента**).

Мы позволили себѣ указать здѣсь на нѣкоторыя сохранившіяся на Руси древнія постройки: 1) потому, что эти примѣры, кромѣ вышеприведенныхъ, могутъ доказывать степень долговѣчности каменныхъ зданій въ нашемъ сѣверномъ климатѣ; 2) что въ системѣ этихъ русскихъ построекъ видна связь не съ одной Византіей, но настолько же, если не больше, и съ Камскою Болгаріей. Выше мы уже говорили, что самый византизмъ есть ничто иное, какъ возрожденіе азіатскаго искусства и что источникомъ его можно считать не одну Персію, но также и ту народную волну, которая приливала

*) *Султановъ*. Исторія зодчества у народовъ древняго и новаго міра. С.-Петербургъ 1883 ч. II, стр. 24.

**) О размѣрахъ кирпичей въ древнихъ русскихъпос тройкахъ см. выше стр. 125.

изъ за Дуная на Балканскій полуостровъ (см. стр. 89—103). Дунайскіе болгары должны были играть здѣсь не послѣднюю роль, а слѣдовательно и камскіе ихъ сородичи могли имѣть въ своемъ строительномъ искусствѣ нѣкоторыя общія черты съ народившимся византизмомъ. Это можетъ освѣщать наши болгарскія древности совсѣмъ не съ арабской точки зрѣнія.

Послѣ описанія древнихъ укрѣпленій и зданій, сохранившихся на Болгарскомъ городищѣ, для уясненія ихъ происхожденія и значенія мы должны теперь обратить вниманіе на *историческія свѣдѣнія* о Камской Болгаріи и о городѣ Болгарѣ. Свѣдѣнія эти вообще довольно скудны. Онѣ почерпаются главнымъ образомъ отъ арабскихъ писателей и изъ русскихъ лѣтописей и касаются времени не раньше X вѣка. Онѣ не выясняютъ намъ, когда и откуда болгары пришли на Каму и Волгу, въ какомъ отношеніи находились они къ восточнымъ инородцамъ и къ славянскимъ племенамъ, какъ далеко простирались ихъ владѣнія на сѣверѣ, востокѣ и югѣ. По историческимъ даннымъ можно, однако же, видѣть, что съ начала V вѣка, даже раньше, имя болгаръ было извѣстно не только на Волгѣ, но также на сѣверной сторонѣ Кавказа, между Азовскимъ и Чернымъ морями и по сѣверо-западнымъ берегамъ Каспійскаго моря (Феофанъ, Прокопій, Іорнандъ). Писатели называютъ ихъ то болгарами, то гуннами и массагетами, а иногда общимъ именемъ скиѳовъ. Но по этимъ свѣдѣніямъ трудно опредѣлить, скрывается ли подъ разными названіями одна народность, или разныя, можетъ быть, родственныя между собою, или чуждыя другъ другу племена. Впослѣдствіи ихъ стали обобщать въ имени гунновъ, точно также, какъ въ прежнія времена обобщали мало извѣстный грекамъ и римлянамъ этнографическій составъ населенія нынѣшней Европейской Россіи въ имени скиѳовъ и сарматовъ. Эти смутныя историческія данныя весьма мало проливаютъ свѣта собственно на Камскую Болгарію.

Болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о Камскихъ болгарахъ сообщаютъ русскія лѣтописи, но и въ этихъ описаніяхъ часто не достаетъ этнографической точности. Одно и тоже слово болгары обыкновенно употребляется безразлично въ значеніи *страны*, *города* и *народности*, и это въ иныхъ случаяхъ затрудняетъ объясненіе событій. Сверхъ того, въ лѣтописныхъ сказаніяхъ первыхъ походовъ «на Болгары» Кія, Святослава и Владиміра приходится принимать во вниманіе вопросъ: о какихъ Болгарахъ идетъ рѣчь, о Волжскихъ, или Дунайскихъ. Самый городъ Болгаръ не всегда называется однимъ и тѣмъ же именемъ, а иногда просто *Великимъ городомъ*, или Бряхимовымъ, что можетъ быть относимо и къ Болгарамъ и къ Билярску. Эта неопредѣленность, однако же, не умаляетъ значенія лѣтописныхъ данныхъ при объясненіи болгарскихъ древностей. Можно пожалѣть только объ одномъ, что историческія свѣдѣнія слишкомъ отры-

вочны и что они касаются исторіи города Болгара не въ цвѣтущее его время, а въ періодъ упадка, такъ сказать, наканунѣ его полнаго запустѣнія.

Первыя извѣстія о Волжскихъ Болгарахъ сообщаетъ армянскій писатель V вѣка *Моисей Хоренскій*, о чемъ мы уже говорили выше. Въ недавнее время извѣстный оріенталистъ А. Я. *Гаркави* опубликовалъ весьма важный документъ, отчасти уясняющій древнюю исторію болгарскаго царства, именно, найденное въ числѣ древнихъ рукописей, письмо Хазарскаго царя Іосифа къ Хосдаи Ибнъ-Шапруту, исполнявшему должность министра финансовъ при испанскомъ халифѣ Абдурахманѣ III, въ Кордовѣ. Оно было писано около 960 г. по Р. Х., въ то время, когда хозары владѣли еще обширными областями по Волгѣ, на Кавказѣ и въ Крыму, и когда великій князь Святославъ не успѣлъ еще нанести рѣшительный ударъ ихъ господству. Испанскій министръ убѣдительно просилъ хозарскаго хакана сообщить ему обстоятельныя географическія и этнографическія свѣдѣнія о хозарской странѣ, на что и получилъ удовлетворительный отвѣтъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «Въ странѣ, занимаемой мною, говоритъ хозарскій хаканъ, жилъ когда-то народъ *Венентеръ*, и пришли наши предки хозары и воевали съ ними; *Венентеръ* были многочисленны какъ песокъ на морскомъ берегу; они, однако, не могли устоять противъ хозаръ, почему они должны были оставить свою землю и убѣжать; хозары же преслѣдовали ихъ, пока не оттѣснили ихъ къ рѣкѣ *Дуна*, такъ что они (Венентеръ) по сіе время живутъ по рѣкѣ Дуна, въ сосѣдствѣ съ Константиною; хозары же завладѣли ихъ землею, которая находится въ ихъ владѣніи по нынѣшній день» *).

Изъ этого документа видно, что хозары заняли приволжскія мѣста послѣ вытѣсненія или выселенія отсюда народа *Венентеръ*. По поводу этого названія Гаркави замѣчаетъ: «Не можетъ, кажется, быть сомнѣнія въ томъ, что тутъ рѣчь идетъ о славянахъ, поселившихся на Дунаѣ вслѣдствіе пришествія хозаръ и распространенія хозарскаго господства въ южной Россіи. Въ имени *Венентеръ* можно узнать названіе *Вендъ*, *Венетъ*, подъ которымъ славяне были извѣстны какъ на западѣ, такъ и финскимъ народамъ» **). Далѣе, въ письмѣ Іосифа перечисляются названія современныхъ ему волжскихъ народовъ: „вотъ названія ихъ: *Буртасъ*, *Булгаръ*, *Суваръ*, *Арису*

*) *Гаркави*, Труды четвертаго археологическаго съѣзда, бывшаго въ Казани въ 1877 году. Т. I Казань 1884, стр. 252

**) Въ сборникѣ историч. и статистич. свѣдѣній о Россіи (Т. I, 1845 г. стр. 145) *К. А. Коссовичъ* помѣстилъ въ русскомъ переводѣ (по памятнику еврейской письменности X вѣка) извлеченіе изъ того самаго письма раббинъ Хисдай, министра испанскаго халифа, къ хозарскому царю Іосифу, отвѣтомъ на которое служитъ приведенный здѣсь въ переводѣ Гаркави документъ объ исторіи Хозарскаго царства. Это можетъ служить подтвержденіемъ подлинности отвѣтнаго документа.

(вѣроятно Эрзяне, а можетъ быть и Русь, Руссы), *Цармисъ* (Черемисы), *Венентитъ* (или Венантятъ, можетъ быть Вотяки, или Вяты, Вятичи), *Суваръ* (или Сиваръ, сѣверъ, сѣверяне) и *Славіунъ* (славяне). Въ этотъ перечень включены какъ финскія, такъ и славянскія народности, согласно существовавшимъ тогда прозвищамъ. Имя *Булгаръ* здѣсь имѣетъ областное значеніе, въ каковомъ смыслѣ оно извѣстно и въ русскихъ лѣтописяхъ *).

На основаніи вышеприведеннаго документа позволительно высказать слѣдующее предположеніе. До пришествія хозаръ всею волжскою страною владѣли Венеты, народъ славянскаго племени, по родовому имени сходный съ Балтійскими Венетами. Они же назывались частнымъ, областнымъ именемъ Болгары, которое было извѣстно ранѣе пришествія хозаръ, такъ какъ объ этомъ названіи есть свѣдѣнія у Византійцевъ, начиная съ четвертаго вѣка. Это имя перенесено Болгарами за Дунай, какъ привычное въ ихъ средѣ и общеупотребительное. Оно же вмѣстѣ съ тѣмъ сохранилось и на Волгѣ, какъ слѣдъ ихъ пребыванія здѣсь. Такимъ образомъ, по приведенному историческому документу камскіе или волжскіе болгары разсматриваются какъ часть славянскаго племени, носившая также общее родовое имя Венетовъ. Какъ балтійскіе Венеты нѣкогда господствовали на Балтійскомъ побережьѣ, были здѣсь первенствующимъ народомъ, славившимся искусствомъ мореплаванія, такъ и волжскіе Венеты владѣли водяными путями всего сѣвера Россіи, были посредниками въ торговлѣ съ югомъ, преимущественно по Каспійскому морю, и обладали, сравнительно, высокою культурою. Къ этому цвѣтущему времени относится слава Великаго города Болгара. Этой древнеславянской эпохѣ, а не XII—XIII вѣку, принадлежатъ и сохранившіяся до нашего времени болгарскія древности, не только городища Болгара и окрестной съ нимъ страны, но и всего поволжья.

Высказанное предположеніе подтверждаютъ и арабскіе писатели. Многіе изъ нихъ сообщаютъ, что городъ Булгаръ въ ихъ время (X—XII столѣтіе) не имѣлъ большого населенія, что въ прежнее время онъ былъ гораздо значительнѣе. Такъ напр. *Элъ-Балхи* говоритъ, „что мусульманскій проповѣдникъ ему разсказывалъ, что число жителей Булгара и Сивара простирается до 10 тысячь“. „Куяба (Кіевъ) больше Булгара“. По словамъ *Ибнъ-Хаукаля* „Булгаръ небольшой городъ. Онъ былъ нѣкогда знаменитъ, такъ какъ былъ складочнымъ мѣстомъ торговли тамошняго государства, но русскіе разрушили его въ 358 г. (968)“. По сообщенію *Элъ-Бекри* (XI в.) „число жителей Булгара очень не велико, что ихъ всего 500 семействъ“. Позднѣй-

*) Въ начальной лѣтописи (Нестора) объ этомъ сказано: „Славянску же языку, якоже рекохомъ, живущу на Дунаи, *придоша отъ Скуфъ, рекше отъ Козаръ, рекоміи Болгаре* (и) сѣдоша по Дунаеви (и) насельницы словѣномъ быша“. Очевидно здѣсь говорится о томъ же самомъ событіи, о которомъ писалъ хозарскій царь Іосифъ.

шіе писатели повторяли тоже самое. Съ того же времени говорятъ о городѣ Болгарѣ и русскія лѣтописи. Хотя онѣ нерѣдко называютъ его „Великимъ городомъ", но этотъ эпитетъ, очевидно, относился не къ числу его жителей, а къ прежней славѣ. Изъ приведенныхъ мѣстъ явствуетъ, что арабы, при всей ихъ склонности къ преувеличеніямъ, не признавали возможнымъ называть Болгаръ большимъ городомъ. Они восхваляли его прежнюю славу, но въ настоящемъ видѣли въ немъ только остатки прежняго величія.

Причину упадка города Болгара, независимо отъ потери торговаго значенія древней Перми (см. стр. 197), слѣдуетъ искать въ тѣхъ политическихъ переворотахъ, какіе произошли послѣ т. н. великаго переселенія народовъ. Начало этихъ народныхъ передвиженій совпадаетъ съ эпохой нашествія гунновъ, которые, какъ извѣстно, надвигались на Европу изъ за Волги и Азовскаго моря, т. е. изъ областей, до того времени занятыхъ волжскими венетами и болгарами*). Къ этому приблизительно времени, вѣроятно, относится и разсказъ хазарскаго царя Іосифа о переселеніи, или, по его словамъ, вытѣсненіи волжскихъ венетовъ за Дунай. Это народное передвиженіе вначалѣ едва ли касалось сѣверныхъ странъ, собственно Камской болгаріи, но въ послѣдующіе вѣка, когда болгары прочно водворились на югѣ Россіи и въ задунайскихъ странахъ, могли туда передвигаться и камскіе ихъ соплеменники, особенно послѣ образованія Хазарскаго царства, тѣснившаго ихъ съ юга.

Каждому переселенію народовъ, какъ мы уже говорили, должны быть присущи два условія: 1) переселеніе совершается не въ одинъ пріемъ, а постепенно, въ продолженіи многихъ лѣтъ, и рѣдко представляетъ собою полную смѣну народности; 2) по мѣрѣ выселенія и вслѣдствіе ослабленія господствовавшаго прежде племени должны выступать на сцену его замѣстители, либо изъ мѣстныхъ подвластныхъ народовъ, либо изъ пришлыхъ. Тотъ же процессъ долженъ былъ имѣть мѣсто и въ Камской болгаріи. Съ IX—X вѣка, а можетъ быть и ранѣе того, этнографическія отношенія въ этой странѣ поколебались, частію вслѣдствіе наплыва пришлаго татарскаго племени, частію отъ возраставшаго политическаго самосознанія финскихъ народностей, издавна входившихъ въ составъ болгарскаго царства, какъ инородческіе элементы при другомъ господствовавшемъ здѣсь племени. Говоря это, мы, конечно, далеки отъ мысли изобразить картину политическаго и соціальнаго строя древней Болгаріи, для чего не существуетъ достаточныхъ данныхъ, но мы не можемъ отрицать факта о разноплеменности населенія этой страны. Тѣже буртасы, черемисы, чуваши и, вѣроятно, мадьяры и башкиры, которые впослѣдствіи выступили здѣсь на историческую сцену, раньше

*) Современные историки уже не выводятъ гунновъ изъ далекой Манджуріи, какъ дѣлали прежде, а отводятъ имъ мѣсто въ низовьяхъ Волги и на сѣверномъ Кавказѣ, что болѣе согласуется съ географическими разстояніями.

того обитали въ тѣхъ же мѣстахъ, постепенно развиваясь подъ культурнымъ воздѣйствіемъ коренныхъ болгаръ или венетовъ. Съ своей стороны и ихъ инородческое вліяніе на послѣднихъ также не могло оставаться безслѣднымъ. Изъ взаимодѣйствія такихъ разноплеменныхъ элементовъ должна была выработаться въ болгарахъ та народная помѣсь, которую историки и этнографы до сихъ поръ затрудняются причислить съ полнымъ убѣжденіемъ ни къ славянскому, ни къ турецкому, ни къ финскому племени.

При разсмотрѣніи этого вопроса, имѣющаго въ археологіи весьма существенное значеніе, мы должны различать въ Камской болгаріи два народныхъ наслоенія: одно—древнее, господствовавшее культурно и политически въ доисторическія времена, другое—проявившее себя не ранѣе IX—X вѣка, инородческое, но также носившее имя Болгаръ по наслѣдству отъ прежнихъ насельниковъ этой страны. Для нашихъ цѣлей важнѣе всего опредѣлить національность перваго населенія, такъ какъ именно съ нимъ связано происхожденіе почти всѣхъ археологическихъ памятниковъ какъ въ Сибири, такъ и въ самой Болгаріи. Мы уже дѣлали попытку къ разрѣшенію этого вопроса на основаніи археологическихъ данныхъ, теперь воспользуемся историческими свидѣтельствами, насколько онѣ доступны и примѣнимы въ данномъ случаѣ.

Кромѣ вышеприведеннаго письма хозарскаго царя Іосифа, нѣкоторыя историческія данныя о національности болгаръ встрѣчаются у арабскихъ писателей. Онѣ относятся къ тому времени, когда болгары уже приняли мусульманство, но еще не утратили прежнихъ національныхъ привычекъ. На основаніи этихъ источниковъ извѣстный оріенталистъ В. В. *Григорьевъ* приходитъ къ заключенію, что древніе болгары представляли собою отрасль славянскаго племени*). Позволяемъ себѣ здѣсь привести подлинныя слова авторитетнаго писателя. „Неужели, говоритъ В. В. Григорьевъ, всѣ они (арабскіе писатели) ошибались, называя булгаровъ славянами? Неужели послы халифа, бывшіе въ Булгарѣ, не умѣли различать славянъ отъ турокъ, проѣхавъ черезъ земли множества турецкихъ народовъ и живши въ Багдадѣ посреди турецкихъ ратниковъ?... Халифъ, послы и всѣ мусульманскіе писатели, тѣхъ временъ и позднѣйшихъ, называли владѣтеля болгаръ не иначе, какъ „*царемъ славянъ*“. Такъ называли сами себя и болгарскіе правители. „Алмезъ, сынъ Силки“, *владавацъ*, конечно имѣлъ основательныя причины употреблять это титло, и его мусульманскіе просвѣтители не могли быть въ такомъ заблужденіи, чтобы не знать, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, съ турками, или славянами. Притомъ обычаи (болгаръ), описанные Ибнъ-Фодланомъ, совершенно противны турецкимъ и вообще всѣмъ азіатскимъ: не показываютъ ли они, въ этихъ булгарахъ, настоящихъ славянъ? Это снима-

*) В. В. Григорьевъ. Россія и Азія. С.-Петебр. 1876. Статья „Волжскіе болгары“, стр. 96.

ніе шапокъ, это прятаніе ихъ подъ мышку, это сидѣніе съ открытой головой передъ старшими, это присутствіе обоихъ половъ въ баняхъ, эти поклоны въ поясъ, повѣрье о молніи, березовый сокъ, питейный медъ, который сверхъ того называется *сычев*(ка), все это—неотъемлемыя принадлежности славянскаго племени". Таковы общіе выводы В. В. Григорьева, основанные на изученіи арабскихъ текстовъ. Я считаю излишнимъ распространяться о нихъ въ подробности, такъ какъ это можно найти въ цитированномъ сочиненіи автора, но укажу только еще на одну ссылку на арабскаго космографа *Демешки*. Когда онъ спрашивалъ у пилигримовъ, шедшихъ черезъ Багдадъ на поклоненіе въ Мекку—„что вы за народъ?" они отвѣчали ему: „мы булгары, а булгары суть смѣсь турокъ съ славянами" (стр. 99). Этотъ отвѣтъ вполнѣ выражалъ этнографическое понятіе о болгарскомъ народѣ того времени. Это была дѣйствительная смѣсь остатковъ болгарскихъ славянъ съ финнами и татарами, объединявшимися частію подъ вліяніемъ мусульманской религіи, но главнымъ образомъ, отъ быстро возраставшей численной и политической силы турецкаго элемента.

Впрочемъ, мусульманство, повидимому, больше прививалось къ тюркскимъ племенамъ, нежели къ финнамъ, составлявшимъ весьма значительную часть населенія Камской болгаріи. Чуваши (буртасы), черемисы, мордва, вотяки и башкиры, очевидно, оставались все время *язычниками*, какими они оказываются и въ XVI вѣкѣ, послѣ покоренія казанскаго царства. Если бы они были когда-либо мусульманами, не могли бы потерять этой религіи при владычествѣ татаръ. Язычество у нихъ имѣетъ глубокіе корни и отдаленную связь съ религіозными идеями передней Азіи. „Болѣе чѣмъ вѣроятно, замѣтилъ Сбоевъ, что у чувашей (и у другихъ финновъ болгарскаго царства) первоначально господствовалъ дуализмъ, можетъ быть, заимствованный либо отъ послѣдователей древней Зароастровой религіи, либо отъ сосѣднихъ хозаръ, исповѣдывавшихъ еврейскую, вѣроятно, не совсѣмъ чистую религію" *). Основываясь на вѣрованіяхъ теперешнихъ некрещеныхъ чувашей, Сбоевъ приходитъ къ заключенію, что въ древности ихъ вѣра была чище, но впослѣдствіи она *регрессировалась*, включивъ въ число боговъ не только силы природы, но множество разныхъ духовъ покровителей, добрыхъ и злыхъ. „Все это, говоритъ Сбоевъ, долженствуетъ служить доказательствомъ, что чуваши нѣкогда были не совсѣмъ недоступны образованію, что жизнь ихъ и дѣятельность были далеко значительнѣе той, какую влачатъ ихъ настоящіе потомки". Время, когда они исповѣдывали дуализмъ и были „не чужды образованія", должно совпадать не съ эпохою мусульманства, а съ предшествовавшимъ періодомъ, когда казанскіе инородцы входили въ составъ

*) *Сбоевъ*. Изслѣдованіе объ инородцахъ Казанской губерніи, ч. I. Казань 1845—50 г. (отдѣльный оттискъ изъ Казанскихъ „Губ. Вѣдомостей") стр. 143.

самостоятельнаго Болгарскаго царства*). Можно полагать, что въ это время и коренные болгары держались того же вѣроученія. Слѣды дуализма и боготворенія силъ природы мы видимъ въ язычествѣ и у русскихъ славянъ. Мадьяры, жившіе нѣкогда въ сосѣдствѣ съ Камской болгаріей, во время переселенія своего въ Паннонію (въ IX—X в.), по свидѣтельству арабскаго писателя Ибнъ-Дасты, были огнепоклонниками. Башкиры до половины прошлаго столѣтія, равно и киргизы, не были мусульманами. Такимъ образомъ, въ древней Болгаріи мусульманская религія далеко не была всеобщею, народною, особенно до времени нашествія татаръ. Можно предполагать, что даже и въ городахъ мусульманство не сразу пустило глубокіе корни, не смотря на то, что правители Болгаріи не только приняли эту религію, но и пропагандировали ее.

Въ большомъ торговомъ городѣ Болгарѣ, гдѣ жило много иностранцевъ разныхъ исповѣданій и гдѣ собственное населеніе страны не раздѣляло религіи правителей, неизбѣжно должна была существовать значительная доля вѣротерпимости. При такихъ условіяхъ легко могли быть занесены сюда и *сѣмена христіанства*, даже въ очень раннюю пору, именно со стороны Кавказа, гдѣ болгары, до переселенія своего за Дунай, были близки къ Сванетіи и Грузіи**). Кто знаетъ, можетъ быть, не этому ли сосѣдству обязаны Дунайскіе болгары тѣмъ, что у нихъ раньше, чѣмъ у прочихъ славянъ, зародилась склонность къ принятію христіанства, съ идеями котораго они могли познакомиться, будучи подготовлены, независимо отъ Византіи, еще на прежней своей родинѣ. Кто знаетъ, не потому ли и у насъ на Руси такъ глубоко почитаются Грузинскія святыни и такъ охотно воспроизводятся внѣшнія формы храмовъ, подобныхъ Сванетскимъ? Зародыши народныхъ чувствъ и склонностей часто лежатъ далеко за предѣлами исторіи, а документальное объясненіе историческихъ фактовъ не рѣдко принимаетъ ближайшій поводъ событій за единственную причину ихъ возникновенія. Можетъ быть и въ Камской болгаріи христіанство укоренилось бы раньше

*) Большинство чувашъ и другихъ инородцевъ Казанской губерніи обращены въ православіе только въ половинѣ прошлаго столѣтія; многіе изъ нихъ до сихъ поръ остаются язычниками, но ни тѣ, ни другіе никогда не были магометанами.

**) Начатки христіанства у черноморскихъ славянъ и волжскихъ болгаръ являются уже въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х. (проповѣдь апостола Андрея и Римскаго епископа Климента). Со времени Константина Великаго на Таврическомъ полуостровѣ появляются уже христіанскіе храмы. Около того же времени христіанство распространяется у таврическихъ готовъ, а затѣмъ и у азовскихъ болгаръ (Керченскія катакомбы). Вскорѣ послѣ воцаренія Юстиніана I, а именно въ 528 г. князь Гунновъ *Гордасъ* лично отправляется къ императору для заключенія съ нимъ союза и для принятія св. крещенія. Юстиніанъ былъ его воспріемникомъ отъ купели и почтилъ его многими дарами (Д. И. *Иловайскій*, разысканія о началѣ Руси, изд. 2, стр. 233). Эти, хотя и отрывочные факты показываютъ, что сѣмена христіанства могли проникать къ Волжскимъ болгарамъ не только со стороны Кавказа, изъ Сванетіи, но также со стороны Боспора Киммерійскаго и Херсонеса Таврическаго.

магометанства, если бы не произошло коренныхъ этнографическихъ перемѣнъ въ народонаселеніи сѣвернаго Кавказа и Волги и если бы Камскіе болгары (городскія сословія) слишкомъ рано не подчинились вліянію быстро возраставшей арабской цивилизаціи. Вспомнимъ христіанство на Кавказѣ, въ Крыму, въ нынѣшней Азіатской Турціи, даже въ далекой Семирѣченской области (Несторіане). Если въ этихъ мѣстахъ, гдѣ оно достигало широкаго разцвѣта, оно было вытѣснено мусульманскою силою и почти забыто исторіей, то что же сказать о Камской болгаріи, гдѣ оно только что начало прививаться среди языческаго міра и не могло противустоять напору мусульманской волны. Естественно, что оно не оставило здѣсь никакихъ документальныхъ слѣдовъ, и воспоминаніе объ немъ можно возстановить только ощупью, при помощи 2 —3 гадательныхъ памятниковъ (Бѣлая и Греческая палаты и проч.). Въ Сванетіи, входившей въ составъ Восточной Римской имперіи, сохранился цѣлый рядъ замѣчательныхъ православныхъ церквей, но тѣмъ не менѣе не осталось объ нихъ никакихъ историческихъ книжныхъ воспоминаній; неизвѣстно даже какому народу они принадлежали. Тѣмъ болѣе нельзя ожидать документальныхъ разъясненій о христіанствѣ въ городѣ Болгарѣ, о которомъ (городѣ) первыя свѣдѣнія являются только въ X вѣкѣ и притомъ у мусульманскаго писателя.

Со времени основанія Русскаго государства Камскіе болгары уже не причислялись къ семьѣ славянскихъ народностей. Объ ихъ происхожденіи составилась такая легенда: Болгары и Хвалисы ведутъ свой родъ «*отъ дщерей Лотовыхъ, яже зачаста отъ отца своего,—тѣмъ же нечисто племя ихъ*». Въ такой не лестной аттестаціи сказывается взглядъ нашихъ старыхъ книжниковъ на совершавшіяся въ Болгарахъ помѣси съ разноплеменными народностями. Таковы болгары и были на самомъ дѣлѣ. Они все время жили въ близкомъ сосѣдствѣ съ финскими и татарскими племенами, и это не могло не отразиться на ихъ крови и на ихъ этнографическихъ свойствахъ. Во время пребыванія на Камѣ и Волгѣ они не столько тяготѣли къ западному славянству, сколько къ Персіи и Азіи вообще. Поэтому естественно, что для западныхъ славянъ они казались чужимъ народомъ, не смотря на то, что происходили отъ одного съ ними корня.

Въ русскихъ лѣтописяхъ Камскіе Болгары, какъ мусульмане, нарицаются то агарянами, или сарацинами, то бесерменами, или татарами, безъ различія національностей. Поэтому лѣтописныя свѣдѣнія для насъ могутъ имѣть значеніе не въ смыслѣ опредѣленія народности болгаръ, а только примѣнительно къ частнымъ событіямъ. Такъ напр. въ Никоновской лѣтописи подъ 990 г. (6498) упоминается о посылкѣ въ Болгары Вел. Кн. Владиміромъ философа *Марка Македонянина* для проповѣди слова Божія, «да вѣруютъ въ Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, и да крестятся божественнымъ Его крещеніемъ,

и съ нами единовѣрніи и единосвѣтни будутъ». «Философъ же иде въ Болгары, и много глаголавъ имъ слово Божіе; они же безуміемъ своимъ объюродѣша»*). Тѣмъ не менѣе миссія Марка Македонянина не осталась совсѣмъ безплодной. «Того же лѣта пріидоша изъ Болгаръ къ Володиміру въ Кіевъ *четыре князя и просвѣтишася божественнымъ крещеніемъ*».

О существованіи христіанъ въ Камской болгаріи упоминается въ лѣтописяхъ еще подъ 1239 г. по поводу мученической кончины нѣкоего *Авраамія*, богатаго купца въ *Великомъ городѣ***). Мусульмане пытались принудить его отречься отъ христіанской религіи; «онъ же не покорися, но вся оставивъ, изволи паче умрети за Христа, и тако усѣченъ бысть мѣсяца апрѣля въ 1 день. Христіанамъ (по другимъ спискамъ *Русь-Хрестьяне*) вземшемъ тѣло его и положиша во гробѣ на мѣстѣ, идѣже и прочихъ христіянъ погребаху въ земли Болгарстей»***). Приведенные изъ лѣтописей два факта показываютъ, что въ Камской болгаріи, даже послѣ введенія ислама, жили также и христіане. Они имѣли здѣсь свои кладбища, весьма вѣроятно, имѣли и молитвенные дома или церкви. Правда, лѣтописи не подтверждаютъ послѣдняго предположенія, но оно является логическимъ выводомъ изъ факта присутствія христіанъ, и по аналогіи съ городомъ Можарами, гдѣ, какъ мы видѣли, христіанскіе храмы тоже существовали (см. стр. 114).

Въ Болгарахъ въ XVIII в. указывались развалины одной христіанской церкви, подъ именемъ *Греческой палаты*. Она стояла за валомъ, по западную сторону, въ направленіи къ Волгѣ, въ разстояніи отъ вала на 67 саженъ (Лепехинъ). Въ записи 1712 г. эти развалины опредѣлены длиною въ 5 саж. съ аршиномъ и 3½ саж, ширины, при чемъ замѣчено: «знатно (видно), что та палата была напредь сего *церковью*, потому что около ея *многіе есть кладбищные каменья съ надписями*, а надписи походили на армянскія письма. Отъ той палаты *столпъ* небольшой, въ знакъ часовни, вышины 1½ сажени, кругомъ 3 сажени» (по Лепехину 4 сажени). Разстояніе палаты отъ столпа Лепехинъ опредѣляетъ въ 79 саженъ. Палласъ объ этихъ развалинахъ говоритъ: «за валомъ есть въ западной сторонѣ остатки знатнаго строенія, которое мужики, не знаю по какой причинѣ, называютъ *Греческою палатою*». Въ сочиненіи Кафтанникова передаются сообщенныя ему свѣдѣнія о посѣщеніи Греческой палаты Петромъ Великимъ †) въ такихъ выраженіяхъ: „Отъ большаго минарета (столпа) Петръ отправился къ

*) Полное собр. лѣтоп. т. IX, 1862 г. стр. 58—59.

**) Подъ *Великимъ городомъ* здѣсь можно разумѣть и Болгаръ, и *Билярскъ*.

***) Полное собр. лѣтоп. т. VII, 1856 г., лѣтоп. по Воскресенскому списку, стр. 135.

†) Источники особыхъ подробныхъ свѣдѣній Кафтанникова объ этомъ событіи объяснены въ книгѣ С. М. Шпилевскаго (древн. города и проч.) на стр. 226, въ примѣч. Отсюда же мы беремъ выписку его текста.

развалинамъ, называемымъ *Греческою палатою* или *греческимъ монастыремъ*. Найдя эту палату совершенно уже разрушенною, распрашивалъ о прежнемъ ея фасадѣ, но не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, *приказалъ* только *беречь эти остатки* въ воспоминаніе, что *нѣкогда христіане покланялись здѣсь Творцу міра*, и что прахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ тутъ покоится". Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ Великій приказалъ списать и перевести на русскій языкъ надписи надгробныхъ плитъ болгарскаго городища, какъ мусульманскихъ, такъ и христіанскихъ (армянскихъ). Эта предусмотрительная мѣра отчасти помогла сохраненію надписей, такъ какъ самые камни въ скоромъ времени исчезли. Значительная часть ихъ была употреблена вмѣсто бута при кладкѣ фундамента строившейся Успенской церкви; остальная часть растаскана крестьянами для разныхъ хозяйственныхъ надобностей. Снимковъ съ мусульманскихъ надписей сохранилось 47. Большинство изъ нихъ относятся къ XIII в. и къ первой половинѣ XIV в. Изъ армянскихъ (христіанскихъ) надписей сохранилось всего 4; онѣ относятся къ первой половинѣ XIV вѣка*).

Такимъ образомъ, сохранившееся о Греческой палатѣ преданіе, что она нѣкогда была христіанскою церковью, подтверждается надписями на могильныхъ плитахъ похороненныхъ здѣсь христіанъ. Надписи показываютъ, что церковь существовала здѣсь до половины XIV столѣтія, слѣдовательно, почти до времени окончательнаго разрушенія и запустѣнія Болгаръ; но когда и кѣмъ она была выстроена, на это, конечно, не имѣется никакихъ историческихъ указаній. Достаточно и тѣхъ фактовъ, что христіанство въ Болгарахъ имѣло своихъ представителей со времени вел. кн. Владиміра и что мусульманская среда не препятствовала ему имѣть здѣсь свои храмы.

Косвенный намекъ на существованіе въ Болгарахъ христіанскихъ элементовъ можно видѣть и въ томъ историческомъ фактѣ, что въ XII и въ первой половинѣ XIII столѣтія въ Суздальскій край приходили изъ Болгаръ мастера для построенія церквей, перенося на Русь новые типы церковнаго зодчества. Въ книгѣ С. М. Шпилевскаго по этому поводу приведена ссылка на Лаврентьевскую лѣтопись и на исторію Татищева (Древн. города, стр. 114). Въ лѣтописи сказано: «1230 г. Святославъ (Всеволодовичъ), князь въ Юрьевѣ, руши церковь св. Юрга каменную, такоже бѣ обетшала и поломалася, юже бѣ создалъ дѣдъ его Юрга». Татищевъ, передавая о разрушеніи и построеніи этой церкви, прибавляетъ, что *мастеръ былъ болгарскій*. Въ примѣчаніи Татищевъ говоритъ, что «церковь сія въ Юрьевѣ Польскомъ доднесь стоитъ, сдѣлана изъ *бѣлаго камени*, и вся рѣзана, на которой имя князя Святослава Гавріила, и той надписи разобрать не безъ

*) Болѣе подробный разборъ вопроса о болгарскихъ надписяхъ можно найти въ цитированной книгѣ С. М. Шпилевскаго, стр. 239—253.

труда. Сія есть, по ея древности и особой архитектурѣ, во всѣхъ русскихъ строеніяхъ изящнѣйшая*).

Новый церковно-строительный стиль, перенесенный въ Суздальскую область изъ Болгаріи, или черезъ Болгарію, очевидно, состоялъ въ подражаніи древнимъ Кавказскимъ храмамъ (см. выше стр. 109—111). Красивая облицовка наружныхъ стѣнъ тесанымъ камнемъ заимствована тоже изъ Болгаръ, откуда привозился и самый строительный матеріалъ. Знаменитая церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, выстроенная вел. кн. Андреемъ Боголюбскимъ на устьѣ р. Нерли, сооружена по болгарскому способу и облицована такими же отлично обтесанными и выглаженными камнями, какіе употреблялись при постройкѣ почти всѣхъ болгарскихъ зданій. Въ житіи Андрея Боголюбскаго упоминается, что какъ Покровская церковь на Нерли, такъ и Успенскій соборъ во Владимірѣ были выстроены изъ камней, вывозимыхъ изъ Болгаръ**). Это было въ 1164 году***). Невозможно предположить, чтобы наши благочестивые князья при постройкѣ храмовъ Божіихъ могли обращаться къ помощи мусульманскихъ зодчихъ, или вообще заимствовать архитектурные образцы отъ народа, совершенно чуждаго христіанской религіи. Поэтому въ приведенныхъ фактахъ можно видѣть доказательство не одного только процвѣтанія строительнаго искусства въ древнихъ Болгарахъ, но и присутствія тамъ образцовъ христіанскаго зодчества, или, по крайней мѣрѣ, поклонниковъ христіанской религіи, особенно до времени покоренія Болгаръ татарами.

Уже въ первыхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ исторія рисуетъ намъ Камскихъ Болгаръ народомъ болѣе богатымъ и культурнымъ, чѣмъ прочіе инородцы, сосѣдившіе съ Русью, и даже тѣ славянскія племена, которыя вошли въ составъ Русскаго государства. Извѣстное замѣчаніе Добрыни князю Владиміру (985 г.), что всѣ болгарскіе плѣнники носятъ сапоги, и потому трудно разсчитывать, чтобы этотъ народъ сдѣлался данникомъ Россіи, можетъ служить доказательствомъ благосостоянія Болгаръ въ концѣ X вѣка.

*) Татищевъ. Истор.-Россійская. Т. III, стр. 456 и примѣч. 635.

**) Каменоломни, гдѣ добывались камни для облицовки болгарскихъ зданій, по указанію Риттиха, находились вблизи села Сюкеева, въ 16 верстахъ выше Болгара по Волгѣ. Камень этотъ, отличной доброты и прочности, состоитъ изъ кремнекислаго доломита. Болгары, по словамъ Риттиха, что и я могу подтвердить личнымъ осмотромъ, доводили обтеску камней „до превосходной чистоты плоскостей и граней". Сложенные при облицовкѣ на сухо, эти камни даютъ ровный, плотный, едва замѣтный шовъ. Въ Суздальскую область они должны были доставляться водой, по Волгѣ, Окѣ и Клязьмѣ, на очень значительномъ разстояніи, притомъ вверхъ, противъ теченія, что еще болѣе затрудняло доставку. Камни, безъ сомнѣнія, доставлялись уже въ обработанномъ видѣ, такъ какъ тонкое каменотесное искусство во Владимірѣ и Суздалѣ въ то время едва ли было извѣстно. Можно даже высказать догадку, *не добывались ли эти камни изъ разрушенныхъ зданій* опустошеннаго княземъ Андреемъ *города Болгара*, такъ какъ о доставкѣ ихъ упоминается вслѣдъ за 1164 годомъ.

***) В. Доброхотовъ. Древній Боголюбовъ городъ. Москва. 1852. Стр. 70—71.

Трудно предположить, чтобы они достигли такого культурнаго равитія, благодаря арабскому просвѣщенію, 60 лѣтъ спустя послѣ принятія мусульманства (въ 922 г.). Очевидно, Болгары пріобрѣли сравнительно высокую степень гражданственности и развитія гораздо раньше, благодаря торговому и промышленному значенію своей страны и давнимъ сношеніямъ съ Персіей и Кавказомъ. Отсюда же, а не отъ арабовъ, пріобрѣли они и познанія въ строительномъ искусствѣ, особенно по сооруженію каменныхъ зданій, чѣмъ они, очевидно, славились на Руси; иначе Суздальскіе князья не обращались бы къ нимъ, какъ спеціалистамъ по этой части, и не заимствовали бы отъ нихъ строительныхъ образцовъ. Если это отмѣчается въ Русской исторіи подъ 1164 годомъ, то отсюда можно вывести заключеніе, что въ это время городъ Болгары уже имѣлъ большую часть тѣхъ каменныхъ построекъ, разбору которыхъ мы посвятили большую половину этой главы.

Годъ 1164 былъ роковымъ годомъ для города Болгара по случаю знаменитаго похода Вел. Кн. *Андрея Боголюбскаго*. Походъ этотъ въ Лаврентьевской лѣтописи описывается такимъ образомъ: «Иде Князь Андрей на Болгары съ сыномъ своимъ Изяславомъ, и съ братомъ своимъ Ярославомъ, и съ Муромскимъ княземъ Гюргемъ, и поможе имъ Богъ и святая Богородица на Болгары; самыхъ изсѣкоша множьство, а стягы ихъ поймаша и одва въ малѣ дружинѣ утече князь Болгарскый до *Великаго города*; князь же Ондрей воротися съ побѣдою, видѣвъ поганыя Болгары избиты, а свою дружину всю здраву...., и шедше взяша градъ ихъ славный *Бряхимовъ*, а переди три городы ихъ пожгоша. Се же бысть чюдо новое святыя Богородицы Володимерское» *). Въ Степенной книгѣ, при передачѣ того же событія о взятіи четырехъ болгарскихъ городовъ и пятаго *Бряхимова*, прибавлено: „и положи (кн. Андрей) землю ту пусту и прочая грады осади и повелѣ дань имати на нихъ».

Послѣ похода Андрея Боголюбскаго городъ Болгаръ заглохъ и опустѣлъ. Лѣтописи объ немъ не упоминаютъ съ 1164 по 1374 г. С. М. Шпилевскій причину этого молчанія лѣтописей объясняетъ тѣмъ, что съ 1164 г. Великимъ городомъ, или столицею Болгаріи сдѣлался *Билярскъ* (l. c. стр. 173), а разоренный и сожженный Болгаръ не имѣлъ уже никакого значенія и потому не привлекалъ вниманія лѣтописцевъ. Послѣ 1236 года, когда Билярскъ былъ разоренъ татарами и опустошенъ, городъ Болгаръ снова началъ оправляться, и въ 1399 г. онъ опять называется въ лѣтописяхъ *Великимъ городомъ*. Съ 1272 г. въ немъ появляются татарскіе надгробные памятники (ibid. стр. 123), а въ послѣдующія времена начинаютъ чеканить татарскую монету.

*) Полн. собр. лѣтоп., Т. I, 1846 г., стр. 150—151.

Во второй половинѣ XIV вѣка Золотая орда быстро клонится къ упадку. Раздираемая междуусобіями, она распадается на четыре части, каждая съ своимъ центромъ. Въ числѣ ихъ является и *Болгаро-Казанское царство*, какъ особая политическая единица, съ центромъ сначала въ городѣ Болгарѣ, потомъ въ Казани. Около половины XV в. Болгаръ окончательно погибъ и опустѣлъ; его мѣсто заняла *Новая Казань*, существовавшая въ качествѣ татарской столицы до 1552 года.

Такимъ образомъ въ исторіи Болгаръ мы должны различать нѣсколько періодовъ. Изъ нихъ самый продолжительный и цвѣтущій долженъ быть отнесенъ къ доисторической эпохѣ, когда Болгары разработывали мѣдныя руды и вели обширную торговлю съ Сибирью и Великою Пермью. Этотъ періодъ можно было бы назвать *славянскимъ*. Второй періодъ начинается съ введеніемъ мусульманства (съ 922 г.) и оканчивается 1164 годомъ, когда городъ Болгаръ былъ опустошенъ кн. Андреемъ Боголюбскимъ. Въ этотъ періодъ населеніе города имѣло смѣшанный характеръ, отчасти славянскій, отчасти инородческій (финно-татарскій). Благосостояніе города все еще было довольно значительное и торговля продолжалась, преимущественно съ Русью, съ Закавказскими краями, Сиріей и Персіей. Тяготѣніе Болгаръ въ это время было къ арабской культурѣ, потому этотъ періодъ можно было бы назвать *арабскимъ*. Имъ закончилось блестящее время древняго Болгара. Послѣ того, по меньшей мѣрѣ сотню лѣтъ, городъ Болгаръ оставался въ запустѣніи. Въ концѣ XIII или въ началѣ XIV в. онъ снова начинаетъ оживать, дѣлаясь средоточіемъ отдѣльнаго татарскаго царства. Этотъ періодъ можно назвать *татарскимъ*. Онъ продолжался не болѣе 100—150 л., послѣ чего центръ Болгаро-Казанскаго царства перешелъ въ городъ Казань, а Болгары окончательно запустѣли.

Соотвѣтственно этимъ періодамъ можно распредѣлить и болгарскіе археологическіе памятники. Къ первому изъ нихъ будутъ относиться всѣ предметы доисторической эпохи, находимые въ почвѣ городища, какъ-то: узорчатые черепки, глиняныя напрясла, костяныя стрѣлы, металлическія зеркала и разныя орудія и украшенія конца бронзоваго и начала желѣзнаго вѣка. Сюда же относятся и земляныя укрѣпленія городища. Всѣ эти древности не имѣютъ никакого отношенія ни къ арабской, ни къ татарской культурѣ, и могутъ быть названы *славянскими*. Ко второму періоду мы считали бы возможнымъ отнести нѣкоторую часть каменныхъ болгарскихъ руинъ, хотя многія изъ нихъ, напр. Столпы, Бѣлая и Черная палаты и зданія подъ горой, на берегу Старой Камы, могли быть сооружены гораздо раньше X вѣка. То не сомнѣнно, что при жизни Андрея Боголюбскаго Болгары уже славились своею каменно-строительною техникою и въ этомъ отношеніи служили для сѣверной Россіи того времени, покрайней мѣрѣ, для Суздальскаго княжества, образ-

цомъ и школою строительнаго искусства. Сами Болгары выучились этому не отъ арабскихъ мастеровъ, какъ обыкновенно думаютъ *), а усвоили пріемы каменныхъ построекъ еще въ доисторическое время, при сношеніяхъ съ Персіей и Кавказомъ. Принимая во вниманіе, что во второмъ періодѣ исторіи Болгаръ здѣсь было смѣшанное населеніе, въ томъ числѣ и древнее славянское, а мусульманская религія, принятая добровольно, не сразу сдѣлалась господствующей и допускала въ городѣ и странѣ значительную свободу вѣроисповѣданій, мы имѣемъ поводъ думать, что сохранившіяся до нашего времени каменныя зданія въ Болгарахъ не только могли быть выстроены не для мусульманскихъ цѣлей, но даже послѣ X вѣка могли сохранять свое прежнее назначеніе. Черная палата по конструкціи своей могла быть, напримѣръ, мѣстомъ тѣхъ или другихъ народныхъ собраній, а Бѣлая палата, какъ мы уже говорили, —христіанскою церковью. Въ такомъ городѣ, какъ Болгары, гдѣ сосредоточивалось разнообразное и разноплеменное торговое населеніе, зачатки христіанства могли быть перенесены съ Кавказа (изъ Абхазіи и Сванетіи) раньше появленія здѣсь мусульманскихъ проповѣдниковъ. Христіанская церковь могла существовать въ средѣ языческаго міра для группы мѣстныхъ христіанъ, изъ Болгаръ или изъ иностранныхъ купцовъ, на ряду съ капищами другихъ религій.

Если въ арабскомъ, сравнительно цвѣтущемъ, періодѣ исторіи Болгаръ мы видимъ въ числѣ древностей этого городища такое слабое выраженіе собственно арабской культуры, то отъ слѣдующаго періода мы уже не замѣчаемъ почти никакихъ наслоеній. Это объясняется съ одной стороны кратковременностью этого періода возрожденныхъ Болгаръ и тѣмъ, что городъ въ это время далеко уже не имѣлъ того значенія, какъ въ былыя времена, съ другой стороны татарское господство само по себѣ не могло внести въ болгарскую культуру ничего новаго и оригинальнаго. Татарское племя, какъ мы уже говорили выше, не одарено творческимъ талантомъ. Оно всегда пользовалось чужимъ культурнымъ достояніемъ, умѣло больше разрушать, чѣмъ созидать. Поэтому ни въ Болгарахъ, ни въ Казани татары не оставили ни одного прочнаго памятника, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ надгробныхъ плитъ надъ могилами умершихъ.

Такимъ образомъ археологическое значеніе древняго города Болгара связывается не съ татарской эпохой и даже не съ арабскою культурой, а съ

*) Каменныя зданія въ Болгарахъ и въ древнихъ, давно исчезнувшихъ и забытыхъ городахъ по Волгѣ и сѣверному Кавказу были такъ многочисленны, что онѣ, очевидно, были построены не пришлыми рабочими и архитекторами, а мѣстными силами. Изъ иностранцевъ мусульманъ въ Болгарію пріѣзжали чаще всего купцы, иногда проповѣдники и ученые путешественники, но ни откуда не видно, чтобы приходили сюда изъ южныхъ странъ рабочіе каменотесы, кирпичники, или каменщики. Между тѣмъ эти ремесла требуютъ долговременнаго навыка, и онѣ обыкновенно укореняются въ мѣстномъ населеніи только путемъ продолжительнаго упражненія.

древне-болгарскою, т. е. славянскою народностью. Поэтому изученіе и охраненіе этихъ древностей для насъ важно не по куфическимъ или золотоордынскимъ монетамъ и могильнымъ татарскимъ надписямъ, а по сохранившимся здѣсь слѣдамъ славянскаго искусства и, можетъ быть, первымъ слѣдамъ христіанства. Съ этой точки зрѣнія смотрѣли на болгарскія развалины и царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, и Петръ Великій, и казанскіе митрополиты, находя это историческое мѣсто *«весьма преславнымъ* и *прекраснымъ»*, достойнымъ заботливаго охраненія и почитанія. Но, къ сожалѣнію, ученые нашего времени не поняли смысла этихъ древностей и сдѣлали ихъ предметомъ почитанія только для казанскихъ мусульманъ, при полномъ равнодушіи, или даже враждебномъ отношеніи къ нимъ мѣстныхъ крестьянъ села Успенскаго. При такой мусульманской точкѣ зрѣнія, единственные въ своемъ родѣ памятники болгарскаго искусства быстро разрушались и расхищались крестьянами, такъ что въ настоящее время отъ нихъ остаются лишь ничтожные слѣды, притомъ крайне обезображенные неумѣлой и небрежной ремонтировкой. Пройдетъ еще десятокъ, или нѣсколько десятковъ лѣтъ, и отъ знаменитой столицы Болгарскаго царства останется одно книжное воспоминаніе.

Замѣтка объ имени Болгаръ. Этимологическія разысканія въ области народныхъ и географическихъ именъ по справедливости считаются неблагодарнымъ и нерѣдко безплоднымъ трудомъ, именно потому, что здѣсь обыкновенно не оказывается твердой исходной точки. И въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ угадать, какими мотивами руководился тотъ или другой народъ, избирая себѣ то или другое имя,—при какихъ условіяхъ и когда явилось это имя? Подобные вопросы весьма часто остаются неразрѣшенными даже для современниковъ; насколько же они должны быть трудны въ отношеніи къ такому народу, у котораго не вполнѣ опредѣлена даже національность.

Про имя Болгаръ мы знаемъ только, что оно существовало въ первые вѣка послѣ Р. Х. и было не общимъ племеннымъ, а мѣстнымъ, по всей вѣроятности, географическимъ. Далѣе, можно сказать, что имя это не было дано Болгарамъ иностранцами, а служило собственнымъ ихъ прозваніемъ, взятымъ съ ихъ собственнаго языка. На это указываетъ переносъ имени съ Волги за Дунай и сохраненіе его въ устахъ народа до сего времени.

Имя Болгаръ пытались объяснять весьма различно. Одни производили его отъ слова Волга*), но такое объясненіе признано несостоятельнымъ. И дѣйствительно, перемѣна основной начальной буквы В въ Б въ данномъ случаѣ была бы совершенно произвольна: ни современные Болгары не называютъ себя *Волгарями*, ни Волгу они не называютъ *Болгою*. Другіе, выходя изъ финно-татарской теоріи происхожденія Болгаръ, признаютъ это

*) Первый высказалъ такое объясненіе *Никифоръ Грегора* въ своей Византійской исторіи.

имя финно-турецкимъ. Этого мнѣнія держится большинство современныхъ писателей, въ числѣ ихъ преимущественно оріенталисты. «Слово *Булгаръ*, или по другому произношенію *Вуляръ*, какъ нельзя болѣе татарское», говоритъ В. В. Григорьевъ*). Тоже самое рѣшительно высказываетъ почтенный изслѣдователь славянскихъ древностей *Шафарикъ* **). По его мнѣнію имя булгары составлено изъ двухъ словъ—*Бул* и *гары*, но что обозначали эти слова, онъ не объясняетъ. Равнымъ образомъ онъ не рѣшается сказать, въ какой формѣ употребляли это имя сами Болгары, такъ какъ западные писатели ихъ называютъ весьма различно, напр. *Bileri*, *Bulari*, *Biliri*, *Burgari*, *Wurgari* и т. под. (стр. 273). Шафарикъ думаетъ, что нынѣшняя форма *Блгаре* един. ч. Блгаринъ, сербс. Бугаре, русск. Болгаре принята была отъ чужого урало-угорскаго народа и передѣлана на славянскій манеръ. Въ основѣ этого мнѣнія лежитъ убѣжденіе, что Болгары были иноплеменниками для славянъ и поэтому не могли носить имя съ славянскимъ словообразованіемъ. Имя ихъ должно быть аналогично со словами *Унгаръ*, *Мадьяръ*, *Хозаръ*. Покойный *Золотницкій*, много занимавшійся чувашскимъ и татарскимъ языками, окончаніе *аръ* въ именахъ народовъ производитъ отъ джагатайско-турецкаго *йѐр*, татарскаго *јир* чуваш. *свиръ*, башк. *зир*—земля, мѣстность, страна. Выходя изъ этой основы и руководясь предполагаемыми имъ законами татарско-финской фонетики, онъ отождествляетъ слово *Булгаръ* съ *Буларъ*, *Бійгеръ* и *Мургаръ*, что еще болѣе запутываетъ вопросъ***).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что слово Болгаръ трудно поддается объясненію. Всѣ попытки дешифрировать его неизбѣжно сводятся къ вопросу о національности этого народа, а эта канва до сихъ поръ еще не прочна. Для ея укрѣпленія недостаточно приводимыхъ десятковъ собственныхъ именъ, взятыхъ, будто бы, изъ древняго болгарскаго языка; для этого требуется болѣе тщательное изученіе болгарскихъ археологическихъ памятниковъ, по которымъ можно удачнѣе воспроизвести обликъ древней болгарской культуры и народности. Ознакомленіе съ этими памятниками располагаетъ меня держаться не финско-татарской, а славянской теоріи. Поэтому я считаю позволительнымъ присоединить къ высказаннымъ разными авторами гипотезамъ по вопросу объ имени Болгаръ еще нѣкоторыя догадки. Не выдавая ихъ за строго научную находку, я хочу только показать этимъ, что имя Болгаръ также возможно производить и отъ арійскаго корня, какъ и отъ финскаго или татарскаго, т. е. что собственно въ имени этомъ нѣтъ еще неоспоримаго доказательства не славянства Болгаръ.

*) Россія и Азія, стр. 95.

**) Слав. древности, перев. Бодянскаго, т. II, кн. I, стр. 274.

***) Извѣстія Общ. арх. ист. и этногр. при Казанскомъ универс. Т. III, стр. 42.

Прежде всего желательно было бы выяснить, какая форма произношенія правильнѣе: русская—*Болгары*, или иностранная *Булгары*, На сторонѣ русской формы, по моему мнѣнію, находится то преимущество, что она существуетъ у народа, ближе всего стоящаго къ этому имени. Въ русскихъ лѣтописяхъ мы не встрѣчаемъ слова *Булгары*, *Булгаръ*, а постоянно—*Болгары*, *Болгаръ*. Едва ли можно думать, что эту звуковую форму мы заимствовали отъ южныхъ славянъ, ибо слово Болгаръ, безъ сомнѣнія, существовало на Руси раньше переселенія этого народа съ Камы или Волги за Дунай. Равнымъ образомъ едва ли вѣроятно, чтобы русскіе славяне, по законамъ своего языка, должны были извращать правильное произношеніе имени Булгаръ, если бы таковое существовало въ дѣйствительности; ибо русскій языкъ, весьма богатый звуковыми средствами, съ одинаковою легкостью могъ бы усвоить и татарское и славянское произношеніе. Если наши лѣтописи Мадьяръ называютъ Уграми, а большую часть финскихъ инородцевъ не тѣми именами, какими они (инородцы) зовутъ сами себя, то это происходитъ не отъ трудности воспроизвести на русскомъ языкѣ подлинное названіе, а отъ привычки давать чужимъ народамъ свои прозвища. Къ слову Болгары такая перемѣна имени относиться не можетъ, потому что это слово не было замѣнено другимъ, русскимъ, а взято изъ дѣйствительнаго имени народа, слѣдовательно, и должно было быть воспроизведено во всей звуковой точности. Поэтому вѣроятнѣе, что славянская форма *Болгаръ* правильнѣе, нежели татарская *Булгаръ*. Само собою разумѣется, что такое предположеніе получитъ силу въ томъ лишь случаѣ, когда будетъ доказано, что волжскіе Болгары происходили не отъ татарскаго, а отъ славянскаго рода, слѣдовательно не славяне должны были примѣнять это имя къ своему языку, а арабы и татары передѣлывать его на свой языкъ съ славянскаго.

Не маловажною точкою опоры для изыскателей болгарскихъ древностей служила болгарская нумизматика. На болгарскихъ монетахъ господствуетъ, какъ извѣстно, слово Булгаръ, а не Болгаръ; но это не можетъ быть доказательствомъ, что первое изъ этихъ словъ вѣрнѣе втораго. Монеты болгарскія чеканились исключительно въ тотъ періодъ времени, когда Камская болгарія была уже мусульманскою страной и жители ея были уже не тѣ Болгары, которые издревле населяли эту страну. При новомъ этнографическомъ составѣ названіе ея должно было произноситься по татарскому складу, что неизбѣжно должно было войти и въ нумизматику. Съ этого же времени появились арабскія повѣствованія о Болгарахъ. Въ нихъ также было воспроизведено это имя по складу восточныхъ языковъ.

Сами болгары произносятъ свое имя *Блъгаръ*, *Блъгары*. Этимологическій составъ этого слова могъ имѣть двоякое происхожденіе, смотря по тому, го-

родъ ли назывался по народу, или народъ по городу. Было возможно и то и другое. Если слово Блъгаръ первоначально было употреблено въ смыслѣ народа, то основу словообразованія въ немъ должны составлять первыя четыре буквы—*Блъг*, а послѣднія три (*аръ*) могутъ быть разсматриваемы какъ опредѣлительное окончаніе. Окончаніе именъ существительныхъ на *аръ* и *арь* есть древнѣйшая индоевропейская форма словообразованія. Въ родоначальномъ индо-европейскомъ языкѣ корень *аръ* имѣлъ слѣдующее значеніе:

1) *ar*—поднимать, возвышать, возбуждать, производить, заниматься чѣмъ либо (ремесломъ), отправлять что.

2) *ar*—достигать, равняться, доставать, попадать, найти кого или что, угодить.

Въ томъ и другомъ значеніи это слово существовало въ санскрит. языкѣ. Изъ него въ греческ. языкѣ произошло ὄρ, ὄρνυσι—возбуждать, производить,—латинск. *or-ior*, возвышаться, подниматься, всходить; сюда же относится санскрит. *ara*—готовъ (bereit), зендск. *ara*, *âra*—превосходный, отмѣнный, хорошій, греческ. ἄρ-ιστος. Въ связи съ существительнымъ этою приставкою *аръ* опредѣлялось знаніе, способность, искусство, дѣйствіе. Такъ образовались санскрит. слова: *gnât-ar*, *j-nât-ar*—знатокъ, знающій человѣкъ, экспертъ, поручитель, порука, по славянски было-бы *знат-арь*.

Ghvât-ar, зват-арь, знатель.

Dât-ar, дат-арь, датель, даватель, дающій, гречес. δοτήρ.

Pakt-ar, пекарь, латин. *coct-or*, варитель.

Pât-ar, лат. *pot-or*, пьющій.

Mât-ar, ваятель, художникъ, творецъ, *мастеръ*.

Vaidt-ar, *vatt-ar*, *вѣд-арь*, тотъ кто знаетъ, видитъ, лат. *vis-or*.

Въ славянскомъ языкѣ по тому же принципу образовалось весьма много существительныхъ, обозначающихъ мастерство, знаніе, дѣйствіе, такъ напримѣръ: пах-арь, знах-арь, ток-арь, сто-ляръ, сле-сарь, рат-арь, вертоград-арь, глав-арь, *боч-аръ*, пек-арь, звон-арь, *гонч-аръ*, кол-арь (колесникъ), гусл-яръ и т. д.

Въ примѣненіи къ слову *Блъг-аръ* окончаніе *аръ* могло также обозначать свойство, искусство, способность, опредѣляемыя въ частности первою половиною слова—*блъг*. Труднѣе сказать, по отсутствію гласныхъ, что могло обозначать это послѣднее слово. Возможно, что оно имѣло здѣсь смыслъ *блага*, т. е. добра, имущества, достатка, счастія. При такомъ производствѣ *Блъг-аръ* соотвѣтствовало бы возможной формѣ *благаръ*, *благарь*, т. е. человѣкъ, достигшій богатства, богатый, созидающій благо, богачъ, соотвѣтственно слову *боляръ*—большой человѣкъ, аристократъ—*боляр-инъ*. Если имя Болгаръ первоначально имѣло географическій смыслъ, и отъ города или мѣстности было передано народу, то составъ его долженъ быть другой. Въ

этомъ случаѣ оно могло образоваться изъ *бол* и *гаръ* или гардъ, градъ. *Бол* соотвѣтствуетъ славянскому болій, велій, а *гар* санскритскому и персидскому *гари*—гора, русскому *у горъ, бу-горъ*. Слово гора въ русскомъ языкѣ, какъ извѣстно, обозначаетъ также яръ, или высокій берегъ рѣки. Въ такомъ смыслѣ *Бол-гаръ* могъ обозначать либо большія горы, либо высокій берегъ.

Если вмѣсто *гаръ* предположить первоначальную форму *гардъ*, то названіе могло соотвѣтствовать имени *Велеградъ* или *Болградъ*, т. е. Великій городъ. Такая форма не чужда древнеславянскому языку.

На которой бы изъ этихъ догадокъ мы не остановились, во всякомъ случаѣ онѣ болѣе соотвѣтствуютъ смыслу разбираемаго имени, нежели приведенныя выше объясненія изъ предполагаемыхъ угорско-татарскихъ корней. Не имѣя основанія сомнѣваться въ томъ, что собственно болгарская, а за нею и русская форма произношенія имени Болгаръ суть наиболѣе точныя, мы по этому самому должны признать, что финская и татарская теорія здѣсь менѣе всего примѣнима.

Послѣ всего сказаннаго въ послѣднихъ двухъ главахъ о близкомъ родствѣ великопермской, болгарской и сибирской культуры, о промышленныхъ и торговыхъ связяхъ между этими странами и о времени, когда велась и процвѣтала эта промышленность, намъ остается теперь сопоставить вышеприведенныя данныя съ историческими свѣдѣніями о народахъ заволжскихъ и зауральскихъ странъ. Народы эти, выступившіе на историческую сцену въ началѣ среднихъ вѣковъ, прозывались у европейскихъ писателей общимъ именемъ *гунновъ*. Время ихъ появленія въ Южной Россіи соотвѣтствуетъ не менѣе крупнымъ народнымъ передвиженіямъ и на восточной половинѣ нынѣшней Россійской имперіи. Какъ бы по пятамъ гунновъ слѣдуютъ отъ Алтайскихъ горъ къ Уралу и Волгѣ монголо-татарскія племена, которыхъ большинство историковъ склонны принимать за основную гуннскую народность. Татары и монголы, смѣнившіе въ сибирскихъ степяхъ древнее курганное населеніе, стали напирать на болгаръ и угровъ, которые въ свою очередь постепенно передвигались дальше на западъ, въ тѣже черноморскія и дунайскія страны,—Болгары къ VI—VII вѣка, Угры въ VIII—IX в. Точно по протоpенному пути, съ востока на западъ, двигались въ продолженіи вѣковъ эти народныя волны, образуя попутно новыя царства. Это, дѣйствительно, великое переселеніе народовъ, длившееся, быть можетъ, цѣлыя столѣтія, завершилось въ XIII в. однороднымъ съ прежними событіемъ—нашествіемъ монголовъ и татаръ, имѣвшимъ мѣсто уже при дневномъ свѣтѣ всемірной исторіи. Сибирскія степи, такимъ образомъ, являются какъ бы въ спеціальной роли народнаго питомника, гдѣ выростали до могучей, но географически неустойчивой, численной силы разныя племена, точно по влеченію

рока устремлявшіяся потомъ на западныя государства для разрушенія, или обновленія дряхлѣющихъ цивилизацій. Начало этихъ народныхъ перемѣщеній кроется въ глубинѣ доисторическихъ вѣковъ (переселеніе арійцевъ, въ частности кельтовъ, германцевъ и части славянъ); но послѣ Р. Х. въ этомъ движеніи принимаютъ участіе только гуннскія племена и болгары, затѣмъ, позднѣе, угры и татары. Изъ нихъ первыя двѣ народности, по даннымъ археологіи и этнографіи, должны имѣть ближайшее отношеніе къ разсматриваемымъ нами болгарскимъ и сибирскимъ древностямъ, послѣднія же, какъ новѣйшія и хорошо извѣстныя, въ чертахъ своей жизни не представляютъ никакихъ признаковъ, которые роднили бы ихъ съ сибирскою археологіей. Поэтому мы остановимся только на вопросѣ о гуннахъ и болгарахъ.

О народности гунновъ и болгаръ, какъ извѣстно, существуютъ *двѣ теоріи*: одна *угро-татарская*, другая *славянская*. Первая разработывалась преимущественно нѣмецкими учеными, къ которымъ, вслѣдъ за Шафарикомъ, примкнули весьма многіе изъ западно-славянскихъ и русскихъ историковъ. Эта теорія до сихъ поръ считается господствующей, хотя далеко не убѣдительною. Славянская теорія въ первый разъ была высказана Юліемъ Ивановичемъ *Венелинымъ*, карпатороссомъ по происхожденію, врачемъ по образованію на медиц. факультетѣ Московскаго университета. Въ его сочиненіи «Древніе и нынѣшніе Болгаре» (Москва, 1829 года, 2 тома) развивается и доказывается та мысль, что гунны и болгаре составляли одну и туже народность и что тѣ и другіе были славянскаго племени. Не смотря на вѣскіе доводы, взглядъ Венелина казался въ то время слишкомъ неожиданнымъ и смѣлымъ. Первокласный авторитетъ въ лицѣ знаменитаго слависта Шафарика, отнесшагося къ книгѣ молодаго Венелина съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, на первыхъ же порахъ дискредитировалъ эту славянскую теорію гунно-болгаръ въ глазахъ современныхъ ученыхъ.

Мысль Венелина, однако же, не угасла и дала свой плодъ. Славянство болгаръ (дунайскихъ) было слишкомъ очевидно, а ходячій взглядъ на гунновъ, какъ на дикую азіатскую орду, проповѣдывался настолько односторонне, что эта тюрко-финская теорія должна была вызвать реакцію въ средѣ русскихъ историковъ. Къ числу такихъ лицъ, пользующихся заслуженной извѣстностью и авторитетомъ, принадлежатъ И. Е. *Забѣлинъ* и Д. И. *Иловайскій*, оба москвичи. Въ книгѣ Забѣлина*) подробно и основательно доказывается, что въ числѣ гуннскихъ племенъ были не только болгары, какъ думалъ Венелинъ, но главнымъ образомъ тѣ сѣверные славяне, которые впослѣдствіи вошли въ составъ Русскаго государства, объединившіеся подъ державнымъ скипетромъ Аттилы. Иловайскій, доказывавшій славянство болгаръ, въ первомъ изданіи своихъ „Розысканій“, не касался вопроса о народности

*) Исторія русской жизни, ч. I. Москва 1876 г. Стр. 318--383.

гунновъ, но впослѣдствіи, при тщательной и подробной разработкѣ историческихъ документовъ по этому вопросу, онъ высказался за славянство не только болгаръ, но и гунновъ, признавая тѣхъ и другихъ одною и тою же вѣтвію восточнаго славянскаго племени *).

Мы не будемъ здѣсь повторять ни историческихъ фактовъ, ни свидѣтельствъ римскихъ писателей, ни сопоставленій и разсужденій названныхъ русскихъ историковъ, подробно разсмотрѣвшихъ гунскій вопросъ въ цитированныхъ выше сочиненіяхъ. Послѣ ознакомленія съ сибирскими и болгарскими древностями, я не могу не раздѣлять основныхъ взглядовъ Венелина, Забѣлина и Иловайскаго, не смотря на то, что въ научномъ мірѣ эти взгляды до сихъ поръ признаются немногими. Я основываю свое мнѣніе не на латинскихъ и греческихъ текстахъ, а на реальныхъ археологическихъ фактахъ, которые, смѣю думать, въ данномъ случаѣ говорятъ убѣдительнѣе, нежели комментаріи средневѣковыхъ писателей. Археологія намъ ясно рисуетъ почти полное тождество древне-сибирской, болгарской и вообще славянской культуры:—тѣже земляныя курганныя могилы, одинаковыя прибрежныя городища съ полукруглымъ очертаніемъ, нерѣдко двойныхъ и тройныхъ валовъ, туже керамику, тѣже орудія, украшенія и военное оружіе какъ по ту, такъ и по сю сторону Урала. Несомнѣнно, что въ той и другой половинѣ нынѣшней Россіи жилъ нѣкогда родственный народъ, процвѣтала одна и таже, сравнительно высокая, индустрія. Опредѣляемый по археологическимъ даннымъ обликъ этого народа отнюдь не похожъ ни на восточныхъ финновъ, ни на татаръ. Равнымъ образомъ, онъ не соотвѣтствуетъ древностямъ ни Галліи, ни Германіи. Кому же могли принадлежать эти безчисленныя рудныя копи, эти искусныя и своеобразныя подѣлки и отливки изъ бронзы, золота и серебра, эти бронзовые серпы и прочія орудія земледѣлія, плотничнаго и скорняжнаго ремесла, эти слѣды широкаго судоходства по рѣкамъ и осѣдлой жизни въ укрѣпленныхъ городкахъ? Только у однихъ славянъ въ ихъ начальной исторіи мы встрѣчаемъ продолженіе тѣхъ же привычекъ и того же искусства, какія видимъ въ древнемъ курганномъ царствѣ, только у нихъ, а не у финно-татарскихъ народовъ, тысячелѣтняя исторія подтвердила запасъ духовной энергіи, политической устойчивости и прочныхъ задатковъ соціальнаго прогресса. Ни финскія, ни татарскія племена не показали ничего подобнаго, за исключеніемъ небольшой части Мадьяръ, проявившихъ политическую живучесть только благодаря воспринятымъ ими славянскимъ основамъ, судя по даннымъ ихъ языка. Такимъ образомъ, мы можемъ утверждать съ полнымъ убѣжденіемъ, что сибирскія древности курганной эпохи суть слѣды древней славянской культуры, а по-

*) Разысканія о началѣ Руси. Изд. 2-е Москва 1882 г. Стр. 507.

тому вопросъ о народности гунновъ и болгаръ, на почвѣ археологическихъ фактовъ, не можетъ быть иначе рѣшенъ, какъ въ смыслѣ ихъ славянства.

Мы уже упоминали, что Венелинъ и Иловайскій отождествляютъ гунновъ съ болгарами, а Забѣлинъ видитъ въ нихъ все сѣверное славянство, случайно сплоченное подъ властію одного вождя. Тотъ и другой взглядъ собственно не представляютъ существенныхъ противорѣчій, если на гунновъ смотрѣть, какъ на коллективную народную силу. Въ этомъ смыслѣ не только восточныя и сѣверныя, но и западныя славянскія племена входили въ составъ гуннскаго ополченія. Но если подъ гуннами въ строгомъ смыслѣ разумѣть одно восточное племя, давшее своимъ вмѣшательствомъ перевѣсъ славянской стихіи надъ германскою, какъ это изображается у Іорнанда и другихъ писателей того времени, то, не отрицая ихъ (гунновъ) славянства, мы имѣли бы право относить это имя только къ волжскимъ или азовскимъ болгарамъ и къ тѣмъ славянскимъ поколѣніямъ, которыя передвинулись къ Волгѣ изъ сибирскихъ странъ передъ эпохою великаго переселенія народовъ, т. е. къ остаткамъ древняго курганнаго сибирскаго населенія.

Самое слово гунны, въ смыслѣ его происхожденія и значенія, до сихъ поръ остается неяснымъ. Во всякомъ случаѣ, едва ли это было общее имя народности, какъ мы теперь различаемъ славянъ, германцевъ, грековъ, финновъ и т. п., а вѣроятнѣе оно имѣло частное, видовое значеніе, обобщенное только западными писателями. По существу дѣла вопросъ здѣсь заключается не въ имени, а въ той вспомогательной силѣ, при помощи которой сѣверные славяне оттѣснили готовъ и временно сплотились въ одно славянское политическое тѣло. Такимъ объединяющимъ цементомъ едва ли могла служить финнская или монголо-татарская орда. Совсѣмъ другое значеніе въ данномъ случаѣ имѣло бы восточное славянство. Археологія рисуетъ его, сравнительно съ населеніемъ сѣверной Руси того времени, во всѣхъ отношеніяхъ передовымъ, наиболѣе богатымъ и культурнымъ народомъ. Таковы были волжскіе и камскіе болгары, такими же представляются намъ сибирскія племена курганной эпохи. Участіе такихъ помощниковъ въ борьбѣ между южными славянами и готами, естественно, должно было дать рѣшительный перевѣсъ славянству и сдѣлать объединенное славянское племя грознымъ для всей Европы. Подъ восточными славянами, иначе гуннами, я разумѣю здѣсь не однихъ болгаръ, составлявшихъ только часть цѣлаго, но и тѣ племена, которыя незадолго передъ тѣмъ занимали плодородныя равнины Западной Сибири. У византійскихъ историковъ они извѣстны подъ разными частными наименованіями: гунновъ утургуровъ, кутургуровъ, сарагуровъ, оногуровъ, альтціагуровъ, не считая савировъ, о которыхъ мы говорили выше (стр. 243). Что значатъ эти имена, гдѣ и изъ какихъ корней они образовались, это едва ли удастся разрѣшить когда либо. По окончанію *гу-*

ры или *гиры* можно было бы догадываться, что это были племена, жившія нѣкогда вблизи горъ, или пришедшія изъ-за горъ, въ данномъ случаѣ, можетъ быть, Уральскихъ или Алтайскихъ. Во всякомъ случаѣ складъ этихъ прозвищъ звучитъ не по европейски, а напоминаетъ азіатскій востокъ, слѣдовательно, говоритъ о выходцахъ изъ зауральскихъ странъ.

При этомъ нѣтъ необходимости предполагать, чтобы названныя племена перекочевали на Донъ и сѣверный Кавказъ (гдѣ указываютъ историки мѣсто ихъ жительства) одновременно съ нашествіемъ гунновъ. Переселенія могли совершаться постепенно, какъ мы уже говорили объ этомъ не однократно. И Камская Болгарія, и Великая Пермь, и Вятка имѣли давнія сношенія съ Сибирью; можетъ быть и населились онѣ благодаря этимъ сношеніямъ (см. стр. 216). Тоже самое разселеніе могло имѣть мѣсто и по отношенію къ южнымъ прикаспійскимъ и пріазовскимъ странамъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ гуннскаго погрома, имена утургуровъ, кутургуровъ и др. исчезли, равно какъ и самое имя гунновъ. Но это отнюдь не доказываетъ, чтобы исчезли самыя народности, или отхлынули бы опять куда-то въ Азію. Въ Азіи тоже не сохранилось этихъ именъ. Поэтому естественнѣе всего предположить, что онѣ, какъ частныя, географическія, или родовыя прозванія, замѣнены другими, вслѣдствіе иной политической группировки народовъ. Тѣмъ не менѣе имя гунновъ у западныхъ писателей еще долго употреблялось какъ синонимъ имени славянъ, или, въ частности, болгаръ. Славянскія курганныя могилы въ нынѣшней Германіи до сихъ поръ называются могилами гунновъ (Hünen Graben). Настоящіе гунны или восточные славяне,—эти древніе савиры (сѣверяне), утургуры, кутургуры, сарагуры, вѣроятно, точно также продолжаютъ свое потомство въ составѣ населенія нынѣшней Россіи. При этомъ нѣтъ никакого повода включать въ гуннскую генеалогію ни мерю, ни мордву, ни черемисъ, ни башкиръ или угровъ, предполагаемыхъ предковъ нынѣшнихъ мадьяръ. Однѣ славянскія народности сѣверной Россіи, съ ихъ областными подраздѣленіями и разнообразными говорами, могутъ въ достаточной мѣрѣ служить современными представителями потомковъ гуннскихъ племенъ, или иначе древняго зауральскаго славянства.

Мы коснулись здѣсь вопроса о гуннахъ болѣе чѣмъ кратко. Для лицъ, не раздѣляющихъ славянской теоріи, этотъ взглядъ можетъ казаться голословнымъ, основаннымъ не столько на данныхъ науки, сколько на національномъ чувствѣ. Мы желали бы устранить отъ себя такой упрекъ, но для этого пришлось бы посвятить разбору гуннскаго вопроса особую обширную главу, что не входитъ въ планъ настоящаго сочиненія. Притомъ мы имѣемъ право предполагать, что безпристрастные читатели, интересующіеся этимъ вопросомъ, уже знакомы съ основными доказательствами какъ славянской, такъ и

угро-татарской теоріи, по историческимъ книгамъ и критическимъ статьямъ, посвященнымъ спеціально этому предмету. Если мы съ полнымъ убѣжденіемъ раздѣляемъ славянскую теорію, то высказываемъ это, конечно, не по чувству національнаго шовинизма, а по здравому разсужденію и сравнительному взвѣшиванію доказательствъ той и другой стороны, подкрѣпляемыхъ новыми археологическими данными. Для человѣка, ищущаго исторической правды, не должно быть ни самопрославленія, ни самоуничиженія. Та и другая крайность одинаково вредна для науки и не совмѣстна съ чувствомъ національнаго самосознанія.

Этимъ мы можемъ закончить общую, вступительную часть нашего сочиненія. Здѣсь мы хотѣли уяснить себѣ тѣ основанія, которыя даютъ намъ право разсматривать сибирскія древности въ связи съ общеславянскими. Прослѣдивъ въ краткомъ очеркѣ доисторическую судьбу славянства, начиная съ древнѣйшей арійской эпохи, мы намѣтили въ общихъ чертахъ пути и предѣлы распространенія этого племени и тѣ культурныя воздѣйстія, на которыхъ созидались первые устои славянской самобытности и цивилизаціи. Набросанная съ этою цѣлію археологическая канва съ перваго раза можетъ поразить чрезмѣрной обширностью географическихъ границъ и непривычной для многихъ глубиной источниковъ славянской самобытности. Со школьной скамьи насъ учили и заставляли учить, что въ ряду европейскихъ націй славянская и въ частности русская нація принадлежатъ къ наиболѣе юнымъ. Насъ ставили всегда въ хвостѣ Европы, идущими ощупью по ея стопамъ и потому признавали во всѣхъ отношеніяхъ менѣе самобытными и менѣе культурными. При такихъ взглядахъ, закрѣпленныхъ авторитетомъ науки, трудно было рѣшиться на розысканія археологическихъ слѣдовъ собственной славянской культуры, при томъ въ такихъ широкихъ географическихъ и хронологическихъ предѣлахъ, какъ на это намекаетъ археологія.

Между тѣмъ археологическіе факты осязательно выдвигаютъ этотъ вопросъ на иную точку зрѣнія. Поразительное сходство сибирскихъ, пермскихъ, болгарскихъ, великорусскихъ, южнославянскихъ и балтійско-славянскихъ доисторическихъ древностей ясно говоритъ за единство бытовыхъ началъ на всемъ этомъ обширномъ пространствѣ и за высокое, сравнительно, и оригинальное развитіе народной жизни въ отдаленныя доисторическія времена. Для объясненія этихъ данныхъ многіе находятъ позволительнымъ рисовать въ своемъ воображеніи какой-то миѳическій золотой вѣкъ финскихъ народностей, о которомъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ не только въ ихъ преданіяхъ, но даже въ лексическомъ составѣ ихъ языка. Столь же неосновательна и другая теорія *„выморочныхъ цивилизацій,“* т. е. предположеніе о какихъ-то неизвѣстныхъ народахъ, совершенно исчезнувшихъ съ лица земли. Раздѣлять такія гипотезы значитъ умышленно устранять всякую

попытку дать доисторическимъ древностямъ логическое и живое объясненіе. Имѣя въ виду неудовлетворительность нынѣ существующаго взгляда на сибирскія древности, я считалъ позволительнымъ обратить вниманіе на возможность другого ихъ происхожденія и съ этою цѣлію долженъ былъ предпослать спеціальному ихъ описанію особую *вступительную часть.*

Доисторическая археологія по существу своему представляетъ трудно разрѣшимую загадку, къ раскрытію которой позволительно приступать съ разныхъ концовъ, пока мы не откроемъ руководящую нить запутаннаго клубка. Всякая попытка подобнаго рода, хотя бы и не вполнѣ удачная, по моему мнѣнію, полезнѣе шаблоннаго повторенія задовъ уже по тому самому, что при новой точкѣ зрѣнія можетъ явиться другое освѣщеніе фактовъ. Смѣю думать, что только такимъ путемъ разнородныхъ взглядовъ, рано или поздно, можетъ быть выработано болѣе удовлетворительное объясненіе сибирскихъ древностей, а въ связи съ ними и основныхъ вопросовъ начальной русской исторіи.

КРАТКІЙ АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Акмолинская область, какъ мѣсто древнѣйшей добычи металловъ 211 стр.
Алтай, происхожденіе его названія 256.
Амальхіумъ, (Amalchium mare) 36.
Аму-Дарья, древній Оксъ. 19.
Аральское море, его древнія названія 19.
Археологія, ея задачи XI.
Архитектура византійская 102, 103, 116.
Арьясъ, Арійцы 6, 8.
Аттила 55, походъ его въ Галлію 160.
Балтія (Baltia, Balticum mare) 38.
Балхашъ оз., происхожденіе его имени 20.
Башня, происхожденіе этого слова 138.—Башня древняя въ гор. Узгентѣ 294.—Башня Бураны въ Семирѣченской области 295.—Сауранскія башни 298.—Сумбекина башня въ Казани 303, 304.—Башни цитадели въ Болгарѣ. 321.
Билярскъ, его древности 221.
Біармія 40, 186, 191, 198.
Болгары городище 261,—обзоръ литературы о немъ 265.—Описаніе мѣстоположенія и земляныхъ укрѣпленій городища 266.—Время основанія города Болгара 270.—Римскія монеты, найденныя на городищѣ 272.—Города болгарскіе на сѣверномъ Кавказѣ 116.—Мѣховая торговля болгаръ 186.—Историческія свѣдѣнія о камск. болгарахъ 331, 332, 333.—Упадокъ города Болгара 334.—Національность болгаръ 335.—Религія ихъ 336.—Помѣси съ финнами и татарами 338.—Опустошеніе города Болгара 342.—Имя Болгаръ 345.
Браслеты курганной эпохи. 99.
Бряхимовъ 331.
Бусы и *ожерелья* курган. эпохи 100.
Бѣлая палата въ Болгарахъ 304.—Пневматическое отопленіе ея 307.—Сходство съ христіанскою церковью 310,344.
Вавилонъ, его городскія стѣны 144.—Башня вавилонскаго столпотворенія 145.
Валы земляные въ Новгородѣ 167, въ Старой Ладогѣ, Изборскѣ, Старой Рязани, въ Кіевѣ 168, во Владимірѣ, Твери 169,—въ Бѣлозерскѣ, Костромѣ, и Курскѣ 172,—въ Москвѣ 173,—на Чувашскомъ мысу и Искерѣ 236, 237,—въ Тюмени (Чинги-Тура) 245—(см. также *городища* и *земляныя* укрѣпленія).
Варяги 63, 67, 69.
Вежа, происхожденіе этого слова 137.—Вежа въ гор. Холмѣ 291, 324.
Венеты арморійскіе и балтійскіе 47, 53.—Города ихъ 48, ихъ мореходство и устройство судовъ 48, 49.—Венеты адріатическіе 50.—Венеты волжскіе или болгары 332.—Происхожденіе имени Венетовъ и ихъ національность 51,52.—ихъ торговля и промыслы въ сѣверныхъ моряхъ 41.
Верхотурье гор., его основаніе и первыя укрѣпленія 246.
Византизмъ, его внѣшнія формы и происхожденіе 89—94.—его отношеніе къ скиѳской культурѣ 101.
Витязь и *Wiking*, связь этихъ словъ 65.
Волоки и *водораздѣлы*, на Уральскомъ хребтѣ, между рѣками 230, 233, 247,—въ Великой Перми 192. 194, 196, 260.
Галкинское городище при устьѣ р. Чусовой 226—227.
Германія во время Тацита 42, 44.
Германцы, борьба ихъ съ славянами 54.—Отсутствіе у нихъ крѣпостей 155.
Геты, ихъ національность и древняя исторія 82—84.
Горные промыслы древнихъ народовъ 206—220.
Городище, значеніе этого слова 134.—Общая характеристика городищъ по ихъ мѣстоположенію, очертанію валовъ и пр. 178.—Древность ихъ 183.
Городища по р. Бѣлой 220,—по рр. Большому и Малому Черемшану 221, 222,—по Вяткѣ Чепцѣ и Обвѣ 223—225,—по Камѣ и Колвѣ 225,—по нижней Камѣ около Чистополя 229,—по Тавдѣ 231,—по Тоболу, Турѣ и Исети 234 260,—по Иртышу 235,—по Салдѣ и Чусовой 252.—Происхожденіе сибирскихъ и болгарскихъ городищъ 253.
Городъ, происхожденіе этого слова 133.—Славянская терминологія городскихъ укрѣпленій 142.
Греческая палата въ Болгарахъ 339.
Гривна шейная 99.
Губинское городище на Камѣ 225.
Гумешевскій рудникъ, археологическія находки въ немъ 218.
Гунны 55.—Полевыя укрѣпленія ихъ 161—земляные окопы на Каталаунскомъ полѣ 162.—Отношеніе ихъ къ болгарамъ 350.—Отношеніе ихъ къ славянамъ 351, 352.
Даки, ихъ національность 82.

Долговѣчность народовъ 80, 81,— каменныхъ построекъ 327.
Долота бронзовыя 279.
Дѣтинецъ или днѣшній городъ 135, 323.
Еридань рѣка 31, 32.
Земледѣліе у германцевъ 45,—у скиѳовъ 23, 24, у древнихъ жителей Сибири X и въ древней Перми 281.
Земляныя укрѣпленія (валы и рвы) у римлянъ 151,—у галловъ 152, двойные и тройные валы у римлянъ 154,—у Балтійскихъ славянъ 157, —у восточныхъ и сѣверныхъ славянъ 159, 164—170.—(см. слово *валы*).
Золото, легенды о его добычѣ въ древности 209, 214,—самородки золота на Уралѣ и Алтаѣ 210, 217,—рудное золото въ Акмолинской области 213.—Золото сибирскихъ курганныхъ могилъ 214—215.
Золотыя ворота въ Кіевѣ 330.
Идолы птицевидные пермскіе, болгарскіе и сибирскіе 282, 284.
Ильменава, рѣка у Балтійскихъ славянъ, и у русскихъ озеро *Ильмень* 59.
Искеръ или Кучумово городище, на Иртышѣ 236—240.
Искоръ, городище на Колвѣ 225, 228.
Казань, татарскія постройки въ ней 290, 303, 343.
Кама старая, близъ Болгара 262.
Камни надгробные съ надписями въ Болгарахъ 340.—Строительные тамъ-же 341, 344.
Кашинское городище на рр. Пышмѣ и Кунарѣ 247.
Кельты бронзовые 278.
Кирпичи древніе на сѣверномъ Кавказѣ 108,— на берегахъ Волги 111,—размѣры и форма ихъ 118,—происхожденіе кирпича и размѣры ассирійскаго и вавилонскаго кирпича 119,— греческій и римскій кирпичъ 121,—византійскій кирпичъ 123,—русскій археологическій 125,—происхожденіе слова кирпичъ 126.
Колоніи греческія по берегамъ Чернаго моря 29.
Колыбель человѣчества 3.
Кольчуги 100.
Копья желѣзныя и мѣдныя 278.
Корабль, происхожденіе этого слова 57.
Костеръ, родъ городского укрѣпленія 138.
Костяныя стрѣлы у финновъ 46,—въ Пермской области 226, 227, 235, 241, 248, 277.
Кремль, происхожденіе этого слова 136.
Кроніумъ (Cronium) 33, 35.
Культура міровая, ея единство и преемственность 1, 2,—арійская 8,—скиѳская 23,—славянская 24—27,—болгарская и сибирская 253, 274.
Куманы и р. *Кума* 116.
Курганы Сибирскіе, общее впечатлѣніе ими производимое III
Ладья, лодка, происхожденіе этихъ словъ 75.
Лѣтописи Сибирскія, ихъ происхожденіе 239.
Мастера болгарскіе при постройкѣ русскихъ церквей 340,—новгородскіе 329.
Мидяне, ихъ отношеніе къ сарматамъ, созвучіе со словомъ мѣдь 96.
Можары, древній городъ 112—118.
Моримаруза (Morimarusa) 34, 35.
Мѣдь, самородки ея въ Акмолинской и Семипалатинской области 210,—обработка мѣдныхъ рудъ и плавка ихъ въ Сибири 211, 212,—древняя добыча мѣди въ Уфимской губерніи 219.
Напрясла глиняныя 275.
Насыпи земляныя при осадѣ городовъ у ассиріанъ 147,—у римлянъ 150, 154.
Начертанія на скалахъ р. Тагила (см. писаные камни) 249.
Нева р., *Невья* р. (Невьянскій заводъ) 19.
Общества археологическія, русскія I.
Обь рѣка, происхожденіе ея имени 21.—Археологич. находки на нижней Оби 204.—Проектъ соединенія Оби съ Печорой 260.
Ока рѣка, имя ея 19.
Орнаменты на глиняной посудѣ 274.
Острогъ, происхожденіе и значеніе этого слова 139.
Отеръ, его путешествіе въ Біармію 199.
Пагода китайская, см. слово *Столпъ*.
Палата Бѣлая и Черная въ Болгарахъ (см. слова Бѣлая и Черная палата).
Палатки болгарскія каменныя 324, 326.
Памиръ 4.
Патавій гор. у Адріатич. венетовъ 50, 51.
Пеласги 8.
Пермь Великая, происхожденіе и значеніе этого слова 192.—Границы Пермской области 193. Причины ея процвѣтанія и упадка 1.. 197.—Находки монетъ 200.—Серебряныхъ блюдъ и украшеній 201—203,
Писаные камни по р. Тагилу 249—252.
Пиѳій, его путешествіе въ сѣверныхъ моряхъ 30.
Племена человѣческія 2.
Подчуваши 238.
Постройки болгарскія, ихъ долговѣчность 327. —Новгородскія 328, 329.—Кіевскія 330.— Византійскія 329.
Посуда глиняная орнаментированная 274.
Пути сообщенія черезъ Уралъ 218, 219, 229 —230, 247, 256.
Ра (Rha, Волга) 33.
Равенсбергское городище, около Новаго Бранденбурга, его земляные валы 157.
Ральники желѣзные Пермскіе 281.
Раскопки на Чувашскомъ мысу и Искерѣ 240.
Религія въ Камской Болгаріи 337.
Рождественское городище на р. Обвѣ 224.
Рубеасъ (Rubeas) мысъ 35.
Ругодивъ, городъ у Балтійскихъ славянъ и у русскихъ (Нарва) 59.
Руды серебряныя по р. Ую и разработка ихъ древними 217 (см. *Серебро*).
Рѣки Уральскія, какъ пути сообщенія и сибирской торговли 216, 218.
Санскритъ II,—родство санскр. языка съ славянскимъ 13—15.
Сарматія 98.
Сарматы, ихъ имя, отношеніе къ мидянамъ и переселеніе ихъ въ Черноморскія области 96.—Отношеніе ихъ къ персамъ и скиѳамъ 97.
Свинецъ, нахожденіе его въ Акмолинской области 212.

Семиты, ихъ родина 7.
Серебро закамское 73, 194. Добыча его въ древнихъ алтайскихъ рудникахъ 207, 210.—Въ Малой Азіи 208.—Въ Испаніи 208.—На Уралѣ 217.
Серпы бронзовые 279, 280.
Серьги курганной эпохи 99.
Сибирь, ея завоеваніе Ермакомъ 237, происхожденіе ея названія 242.—Древнее сибирское населеніе и смѣна его монголо-татарскимъ 255.—Торговыя связи съ Великою Пермью и Болгаріей 256.
Скиѳы азіатскіе, ихъ бытъ 22.—Степень культурнаго развитія 23.—Хлѣбопашество 24—*Европейскіе скиѳы*, ихъ культура 45.—Національность 95.—Отношеніе къ сарматамъ 97.
Славяне, древнѣйшіе слѣды ихъ осѣдлости по даннымъ языка 24—26.—Тоже относительно ихъ духовныхъ идей и семейныхъ отношеній 27.—Первое извѣстіе объ имени ихъ 33.—Борьба славянъ съ германцами 56.—Области балтійскихъ славянъ и ихъ родовыя группы 57.—Города ихъ 59.—Причина ослабленія балтійскихъ славянъ 61—62.—Отношеніе ихъ къ варягамъ и Русскому государству 63—67.—Славяне Балканскаго полуострова во времена Юстиніана 84—88.
Соболь, происхожденіе этого слова и значеніе соболя въ промышленности и торговлѣ древней Перми 188.
Сошникъ чугунный 281.
Столпъ 137.—Болгарскіе столпы 285.—Значеніе слова столпъ 291.—Историческое происхожденіе столповъ 292.—Отношеніе ихъ къ индійскимъ *топамъ* и китайскимъ *пагодамъ* 293.—Сходство болгарскихъ столповъ съ азіатскими 299.—Религіозное значеніе столповъ 301.
Страбонъ, его географія сѣверныхъ странъ 33.
Стрѣлы костяныя 46, 227, 235, 241, 277.—Желѣзныя большаго формата сибирскія и болгарскія 277, 278.
Стѣна, происхожденіе этого слова 136.—Каменныя городскія стѣны у евреевъ 144.—У персовъ 145.—У троянцевъ 147.—У грековъ 149.—У галловъ 153.—У венетовъ 156.
Стѣны деревянныя, появленіе ихъ въ Россіи 170.—Въ Москвѣ 172.—У Камскихъ болгаръ 175.—У Финновъ 174, 176.—Появленіе въ Россіи каменныхъ оградъ 173.
Судоходство русское 71—74, 76—78.—Русская судоходная терминологія 75.
Сыръ-Дарья, рѣка, древнія ея названія 18.
Съѣзды археологическіе въ Россіи II.
Тацитъ, его описаніе германцевъ 41.
Техника строительная, см. *постройки*.
Тобольскъ и его окрестности въ археологическомъ отношеніи 236.
Томы, городъ въ странѣ гетовъ на Дунаѣ, мѣсто ссылки Овидія 82, 83.
Топа индійская, см. слово *столпъ*.
Топоръ болгарской формы 279.
Троянская война 8—10.
Трубы водопроводныя глиняныя 276, 277.
Туле (Thule) островъ Пиѳія 33,—объясненіе этого слова 37,—отношеніе этого имени къ Исландіи 39.
Тура рѣка, происхожденіе ея имени 22.
Туринскъ, время его основанія 246.
Тюмень, ея основаніе на мѣстѣ древняго городища 244, 245.
Финны во времена Тацита 46.
Холмогоры 40.
Храмы христіанскіе древніе въ Абхазіи 104, 110, 327.
Христіанство на Кавказѣ 103,—слѣды его въ Камской болгаріи 337—340.
Церковь св. Николая въ Болгарѣ 325, св. Георгія въ Старой Ладогѣ 329, церкви въ Кіевѣ 330.—Греческая или армянская церковь въ Болгарахъ 340.—Православная въ Можарахъ 114.
Черепки узорчатые см. *посуда* глинян.
Черная палата въ Болгарахъ, ея описаніе 313,—ремонтировка ея въ 1884 г. 316,—назначеніе этого зданія 317, 344,—изображеніе креста въ ея окнахъ 318.
Чувашскій мысъ, городище 236.
Чудскія копи 206, 216.
Эстіи, литовское племя въ сѣверной Пруссіи во времена Пиѳія и Тацита 46.
Юстиніанъ I, императоръ, его славянское происхожденіе 84.
Ялуторовскъ, его имя (явлу или яблутура) и древнее городище 234.
Янтарь, извѣстія Пиѳія и Тацита о мѣстѣ его нахожденія 46.
Ѳракійцы, вопросъ объ ихъ національности 81

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строки.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
X	6 сверху	знаки	злаки
25	9 снизу	dalare	dolare
—	5 »	dalare	dolare
28	12 »	той у другой	той и другой
41	8 сверху	направлялась	направлялась
—	9 снизу	Тацитъ.	Тацитъ
44	15 сверху	Обработывали,	обработывали
—	26 »	серебро	сребро
—	10 снизу	Германцы,	германцы
—	5 »	выучилась	выучились,
45	9 сверху	имѣюшей	имѣющей
—	16 »	скифская	скиѳская
—	13 снизу	проминать	проникать
47	6 сверху	при томъ	притомъ
65	7 »	подвигались	надвигались
70	1 »	на рѣкошася	нарѣкошася
—	2 »	славѣни	словѣни
—	9 снизу	океану	океану,
98	6 сверху	соовѣтствовало	соотвѣтствовало
99	4 снизу	на запястьѣ а	на запястьѣ и
113	13 »	о которой	о которыхъ
138	2 сверху	stmaba	stamba
144	7 »	наружнной	наружной
168	15 »	1830	1330
207	9 снизу	встрѣчаются,	встрѣчаются
214	нумерація	страницы 421	214

Таблица I.

Надпись на камнѣ, называемомъ „Галабанъ" на правомъ берегу р. Тагила.

Рис. 1й.

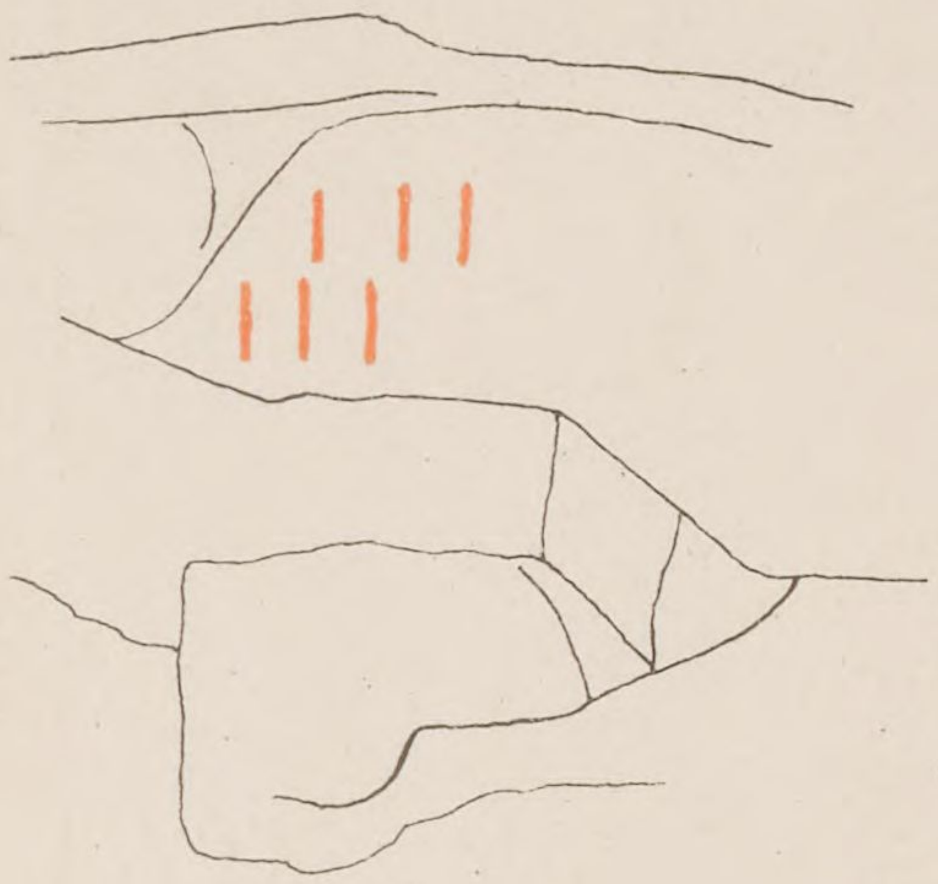

Рис. 2й.

Рис. 3й.

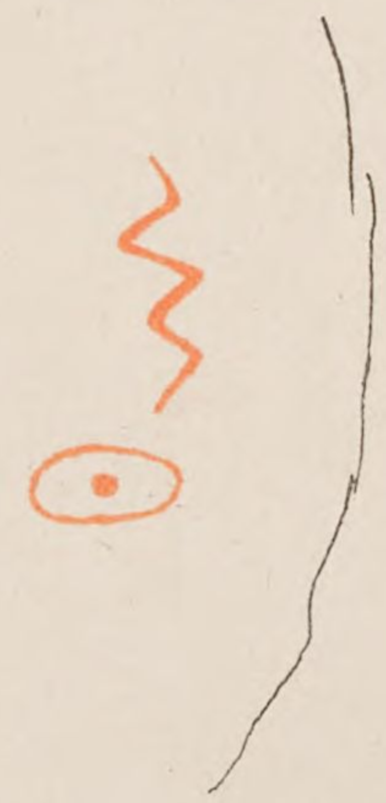
Рис. 4й.

Рис. 5й.

Рис. 6й.

Надпись на камняхъ: „Караульный“ (рис 1й) и „Соколій“ (остальн. рис.) на лѣвомъ берегу р. Тагила.

Рис. 1й.

Рис. 2й.

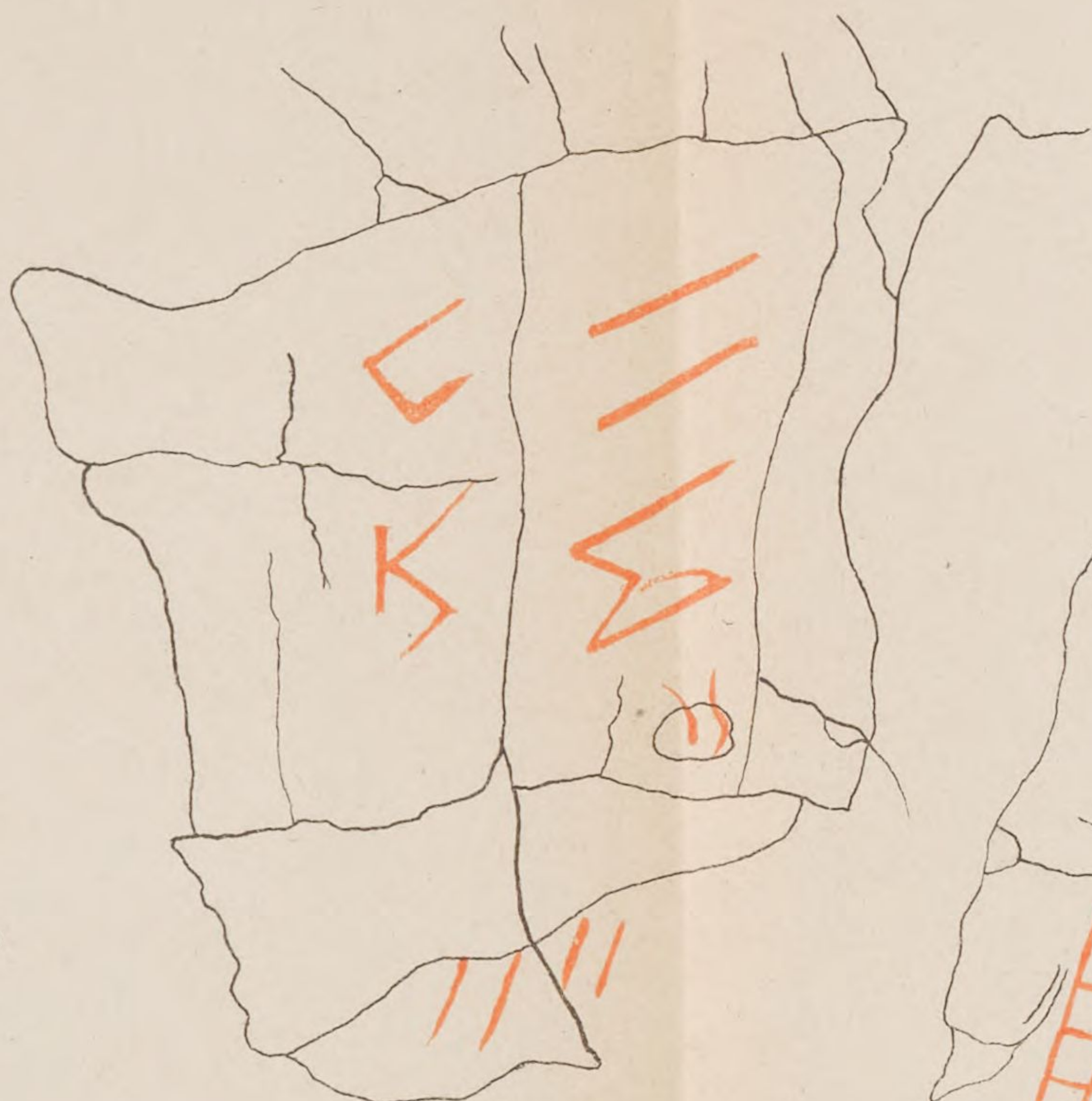
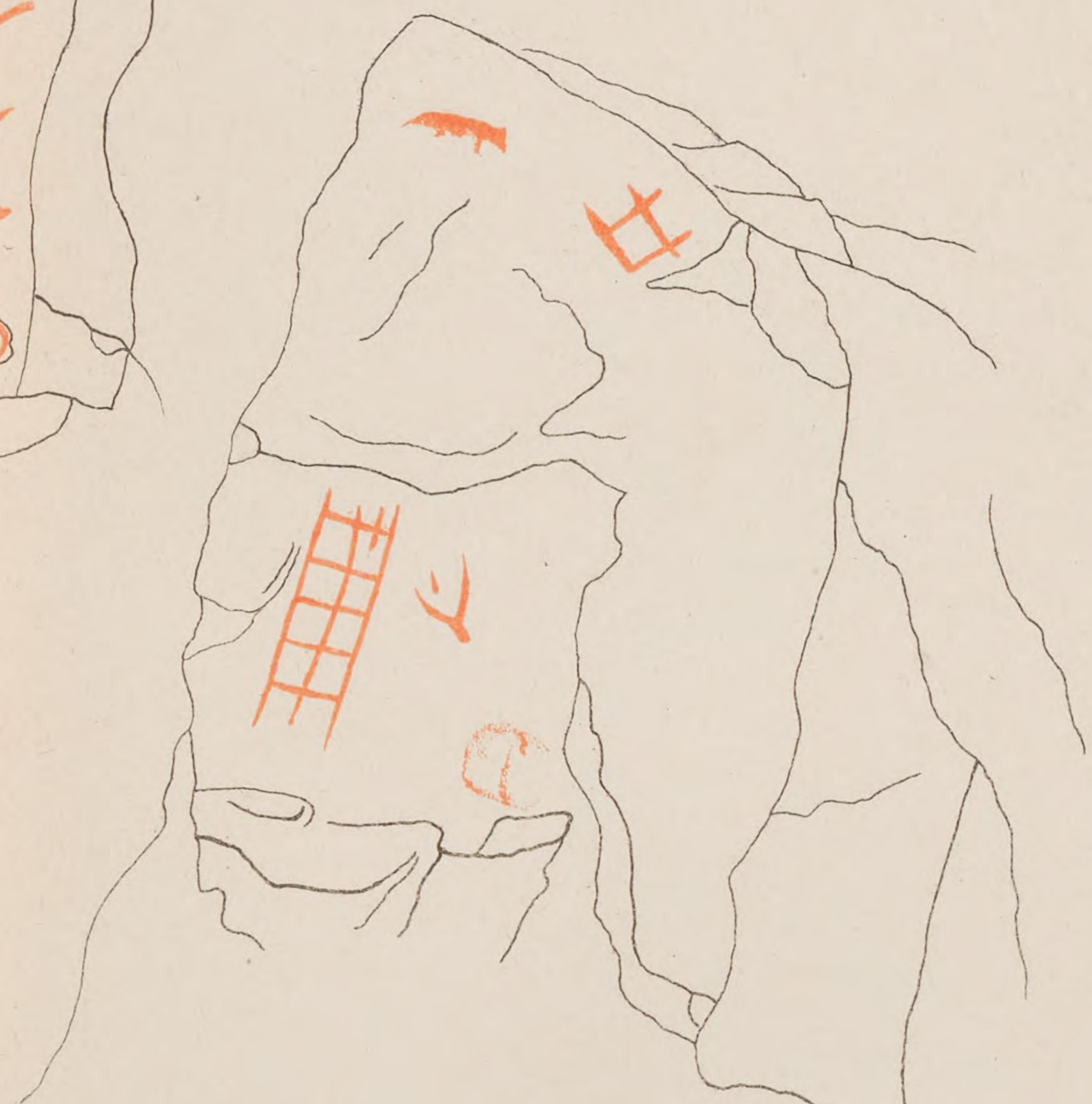

Рис. 3й.

Надписи на камнѣ, называемомъ „Змѣевый" на лѣвомъ берегу р. Тагила; (рис. 7й на правомъ.)

Рис. 1й.

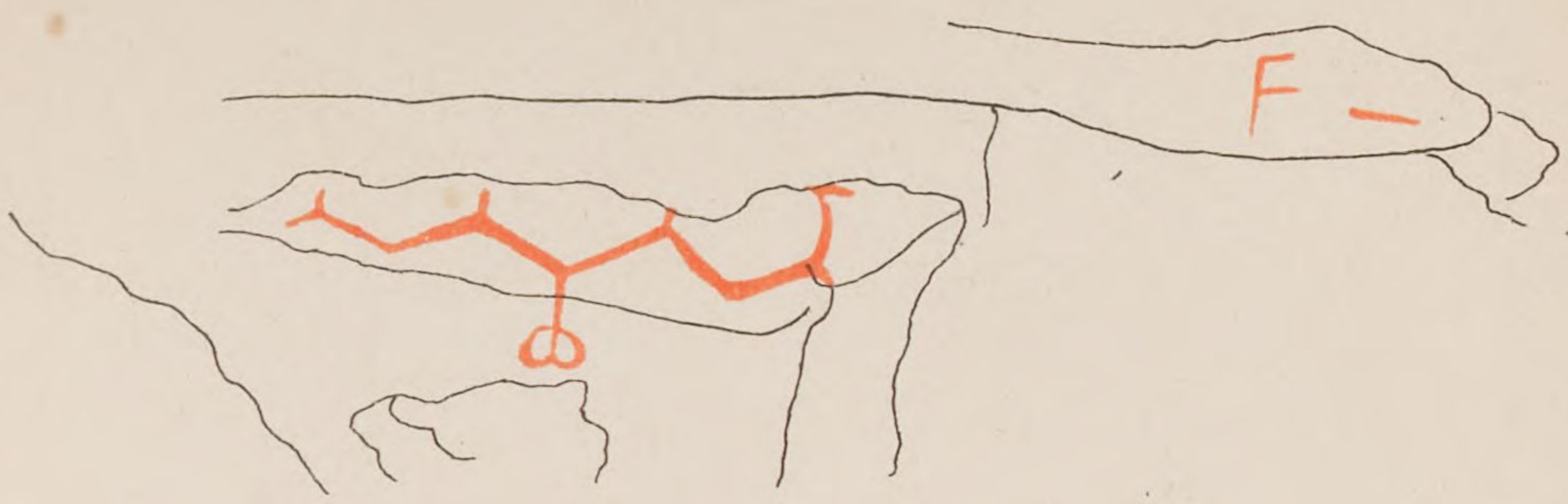

Рис. 2й.

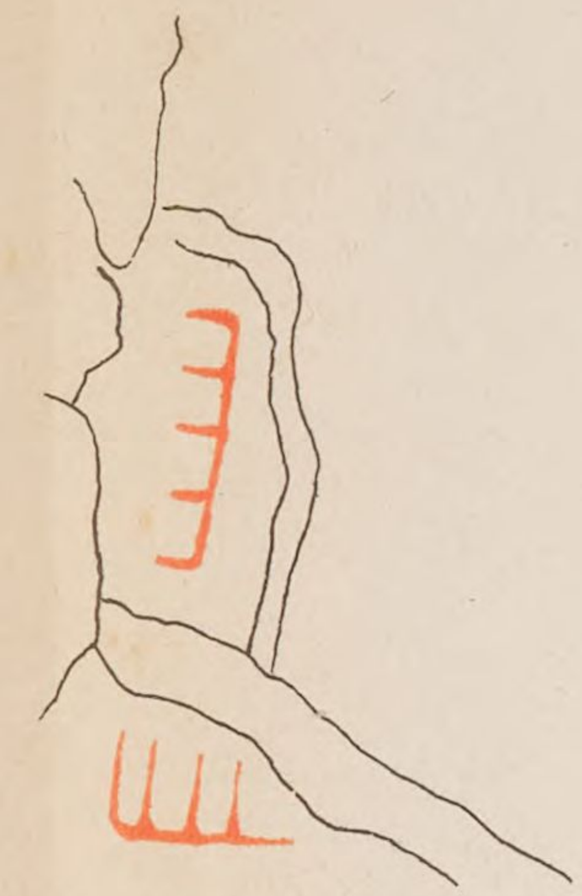

Рис. 3й.

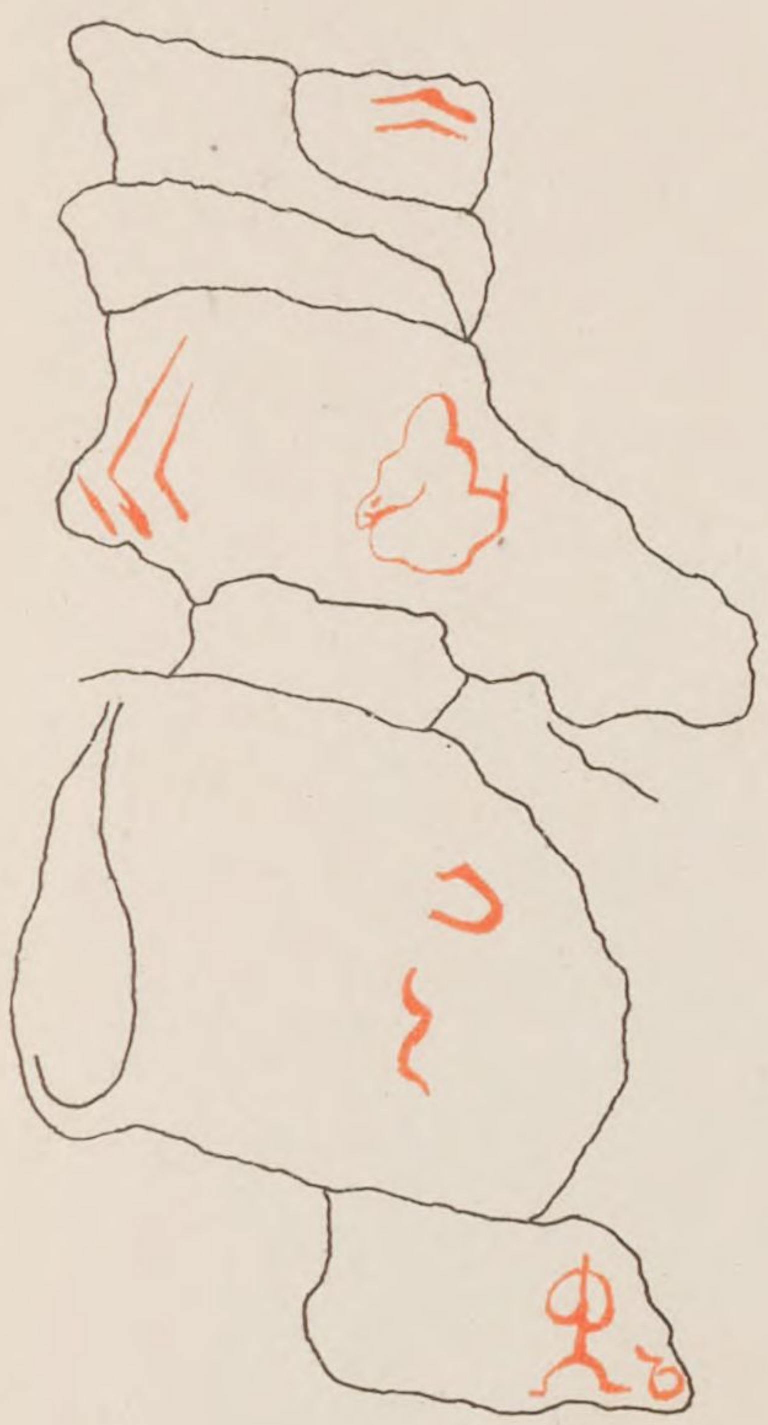

Рис. 5й.

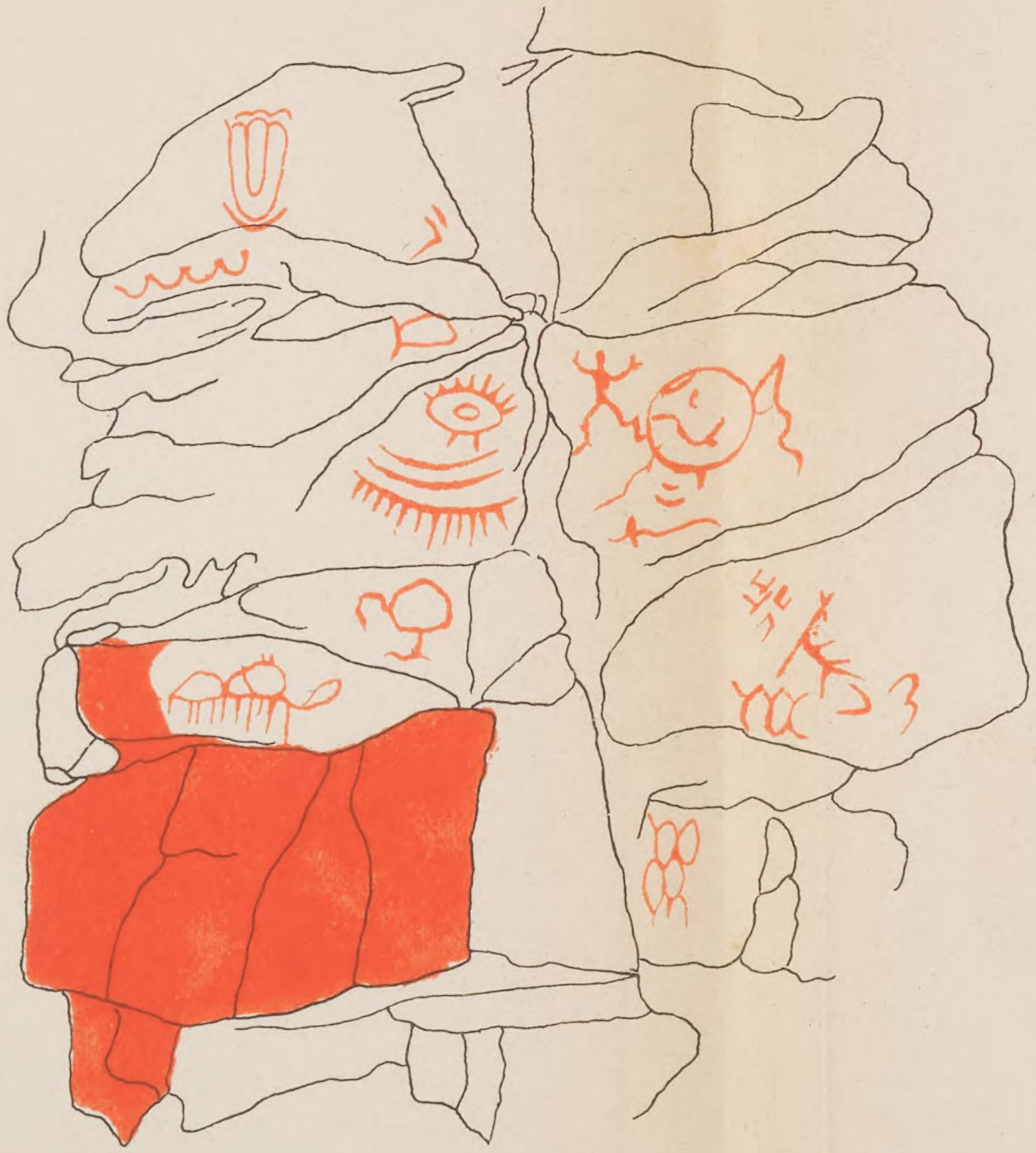

Рис. 6й.

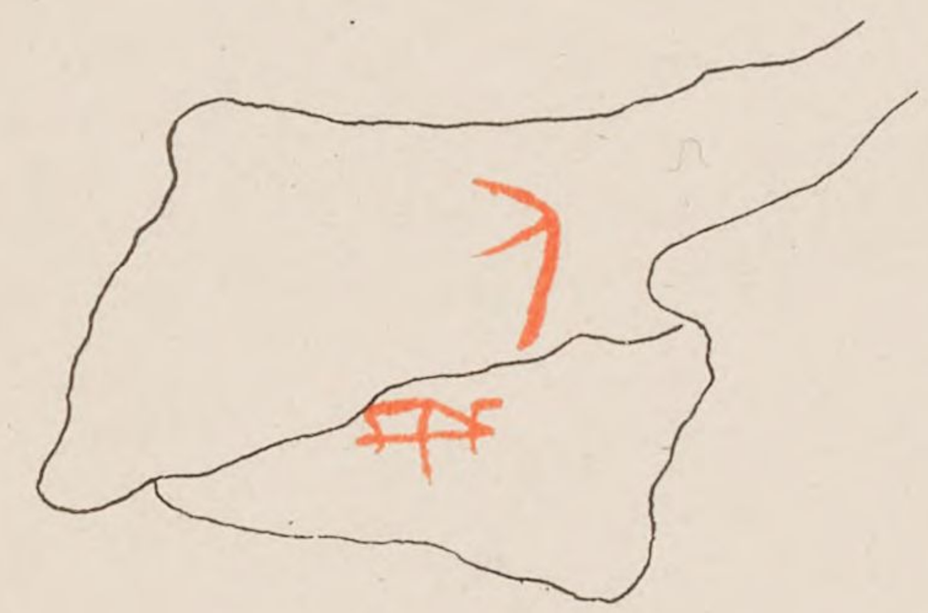

Рис. 7й.

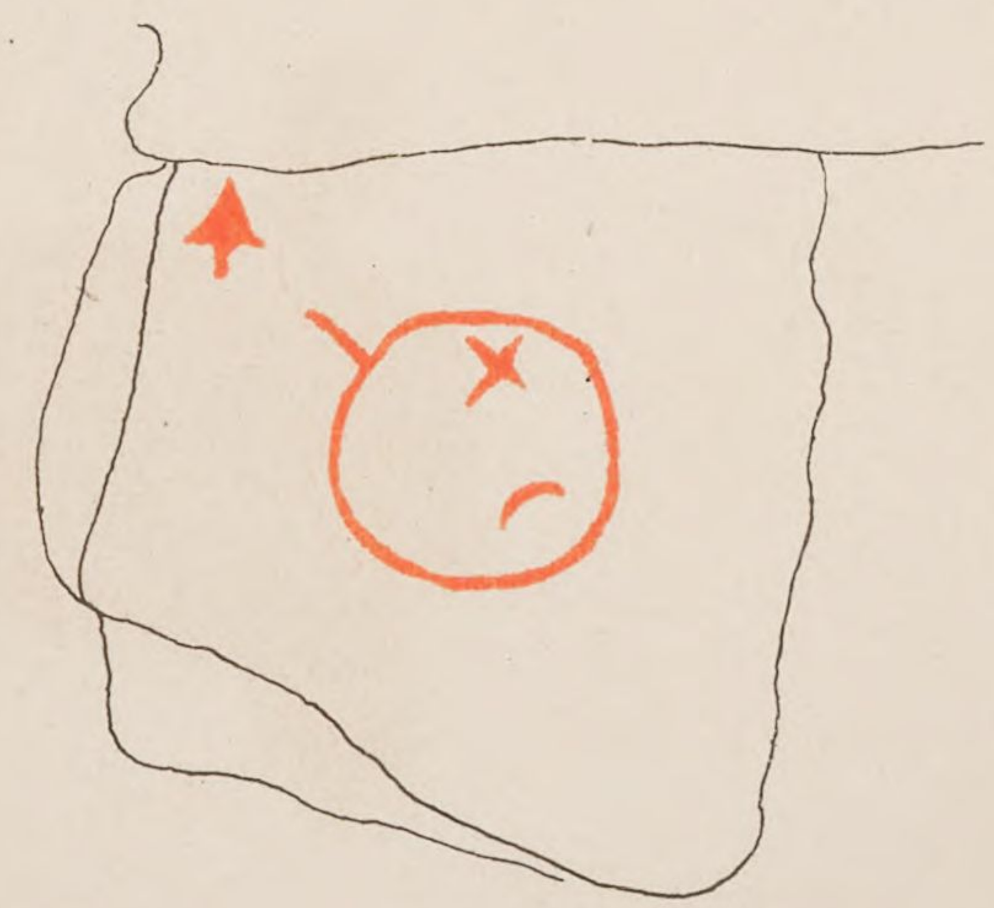
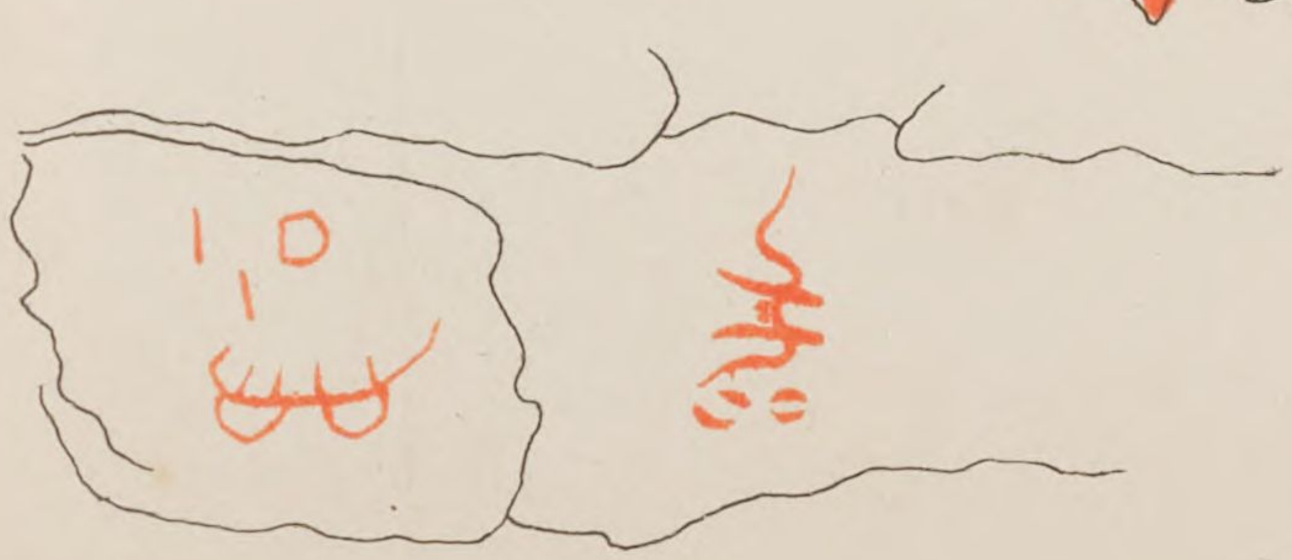
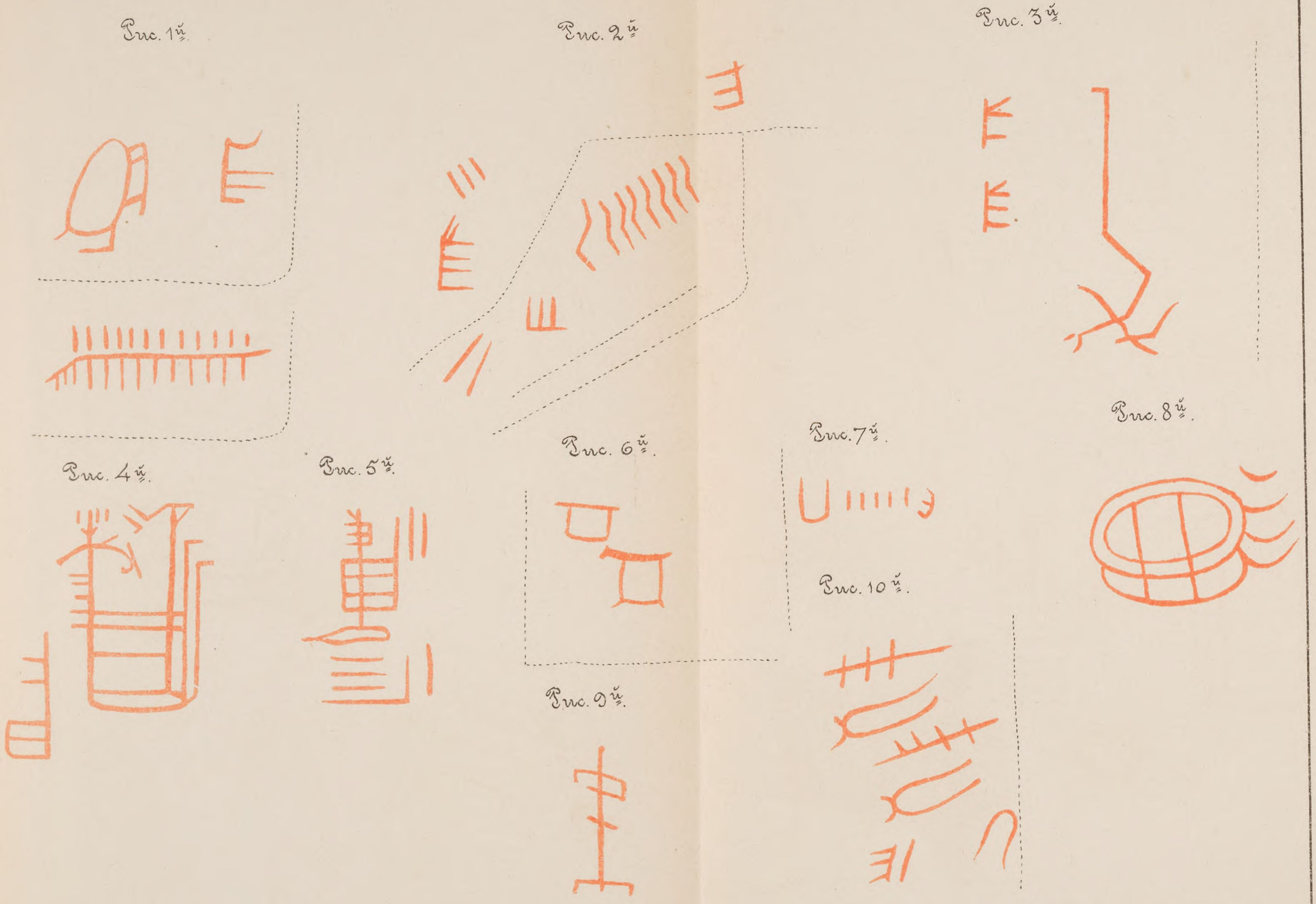

Рис. 4й.

Надписи на Змѣевомъ камнѣ, на лѣвомъ берегу р. Тагила, ниже предыдущихъ по теченію рѣки и выше ихъ по своему мѣсту на скалахъ.

Надписи на камнѣ, называемомъ „Писанной" на лѣвомъ берегу р. Тагила.

Рис. 1й.

Рис. 2й.

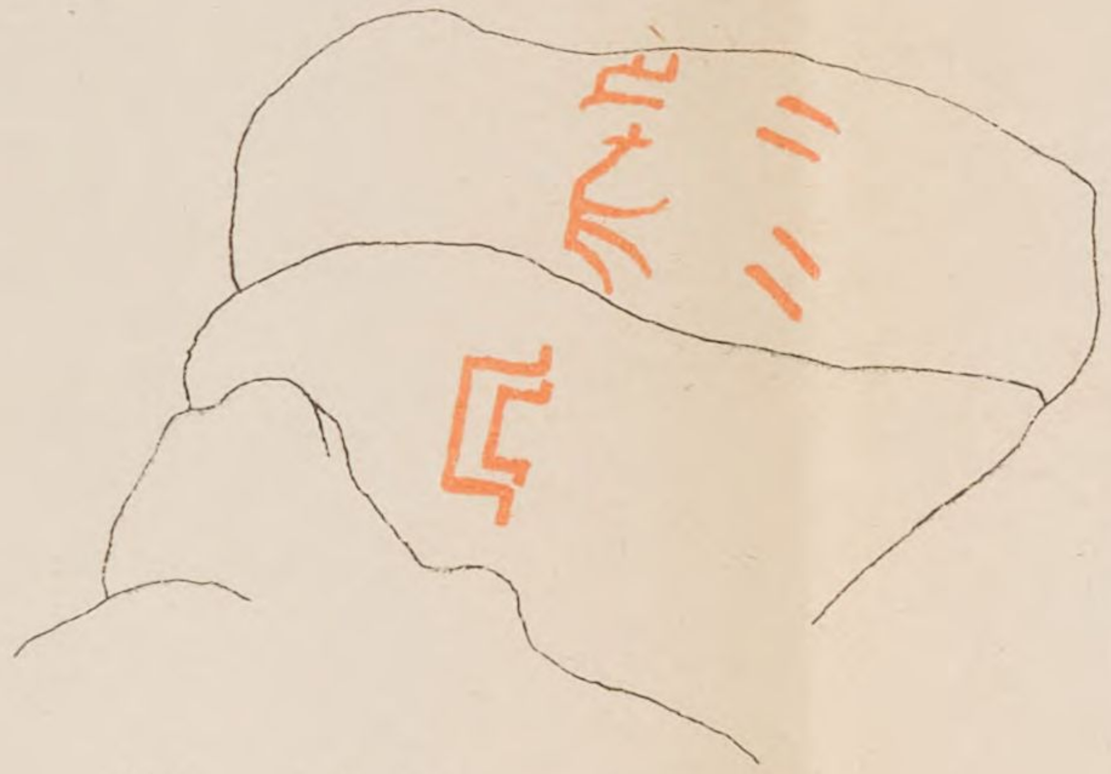

Рис. 3й.

Рис. 4й.

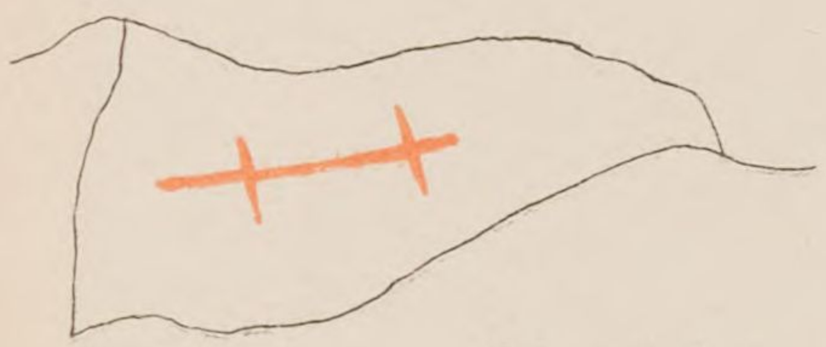

Рис. 5й.

Рис. 6й.

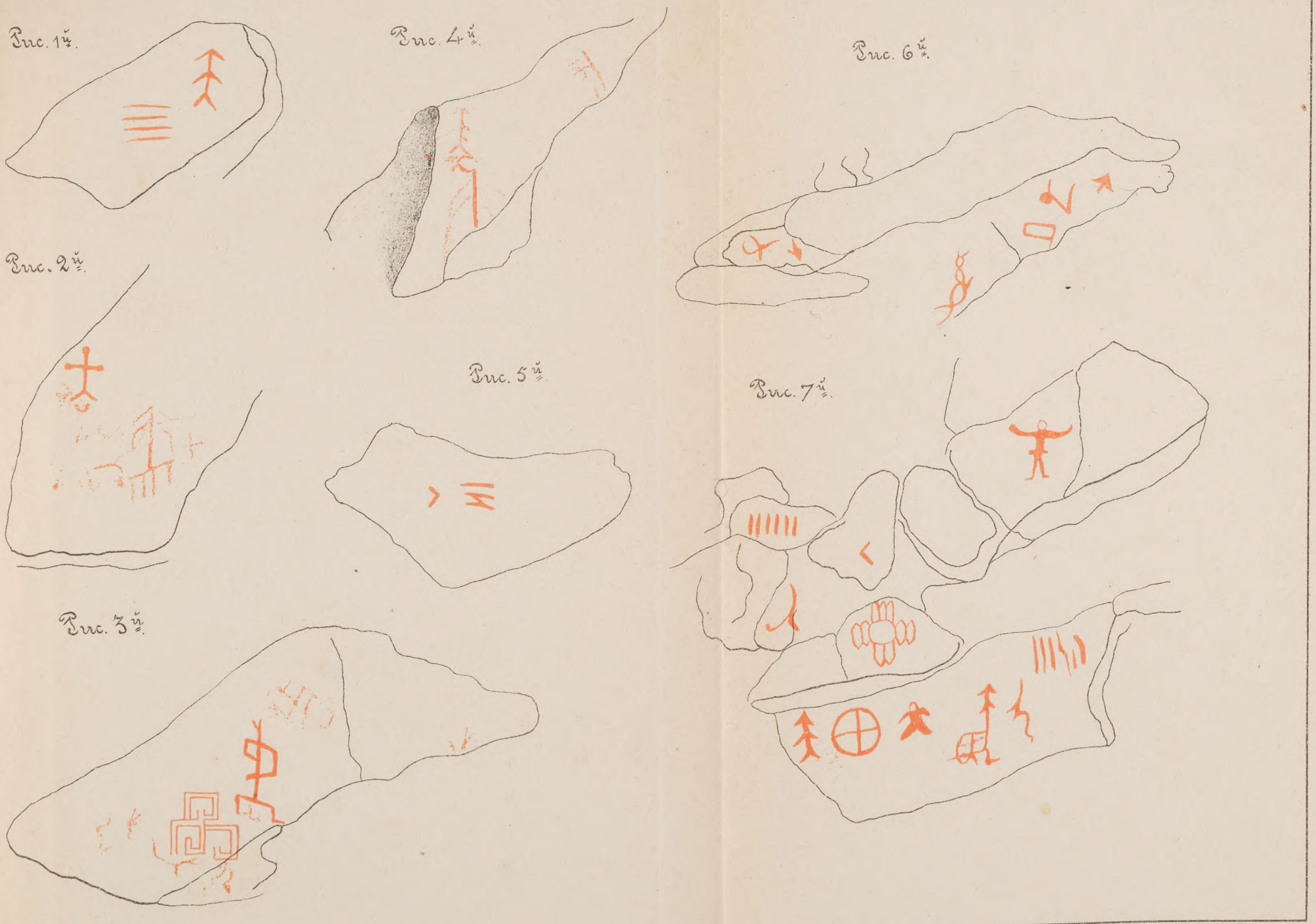
Рис. 7й.

Рис. 8й.

Надписи на томъ же Писанномъ камнѣ.

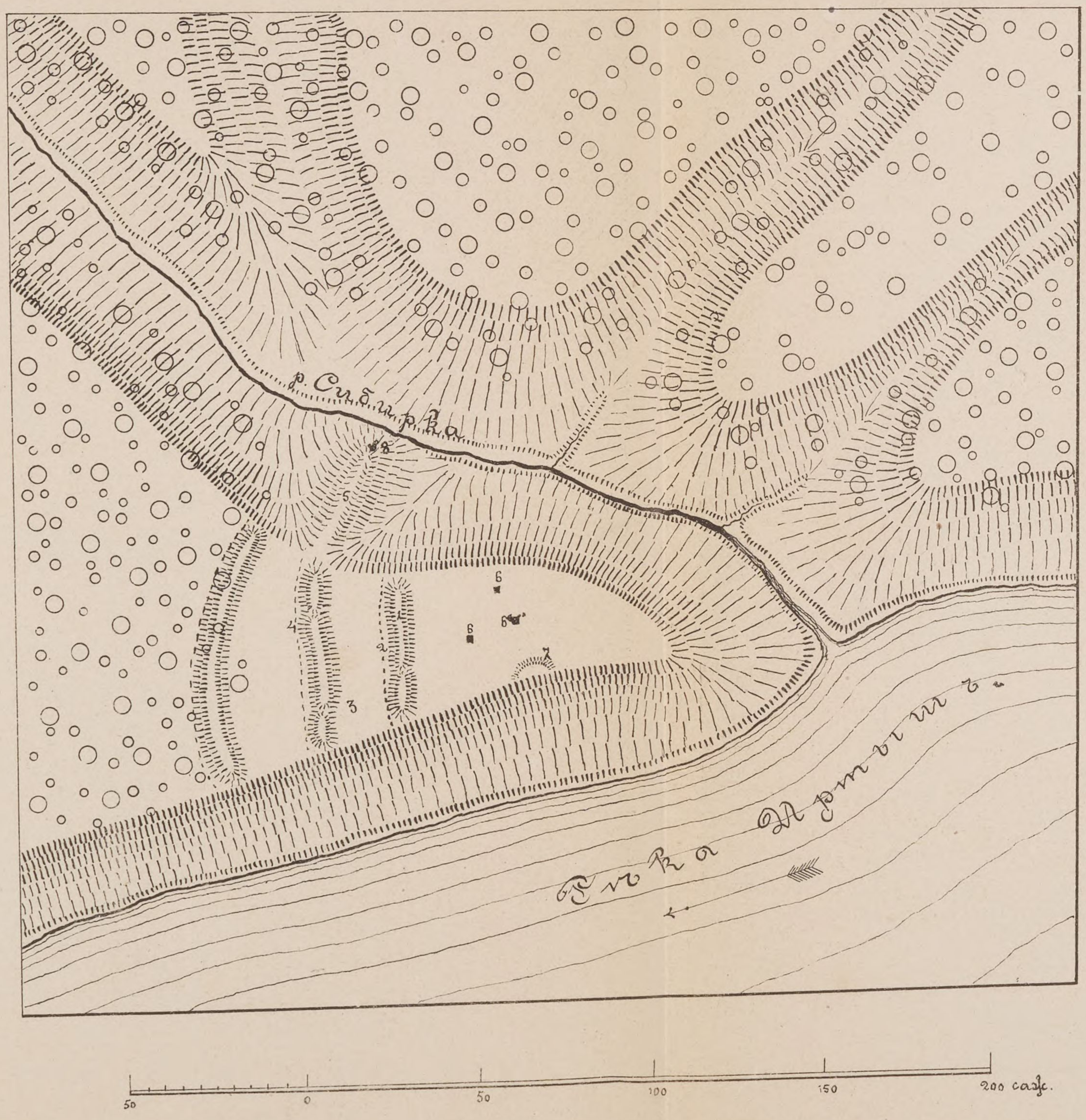

Планъ
окрестностей Тобольска.
1. Городъ Тобольскъ.
2. Подчуваши.
3. Городокъ Чувашскаго мыса
4. Городокъ Атыкъ-Мурзы.
5. Соусканскій мысъ.
6. Рѣчка Сибирка.
7. Искеръ.
8. Абалакъ.
р. Иртышъ
р. Тоболъ
оз. Архіерейское

Таблица VIII.

План

городища Искеръ.

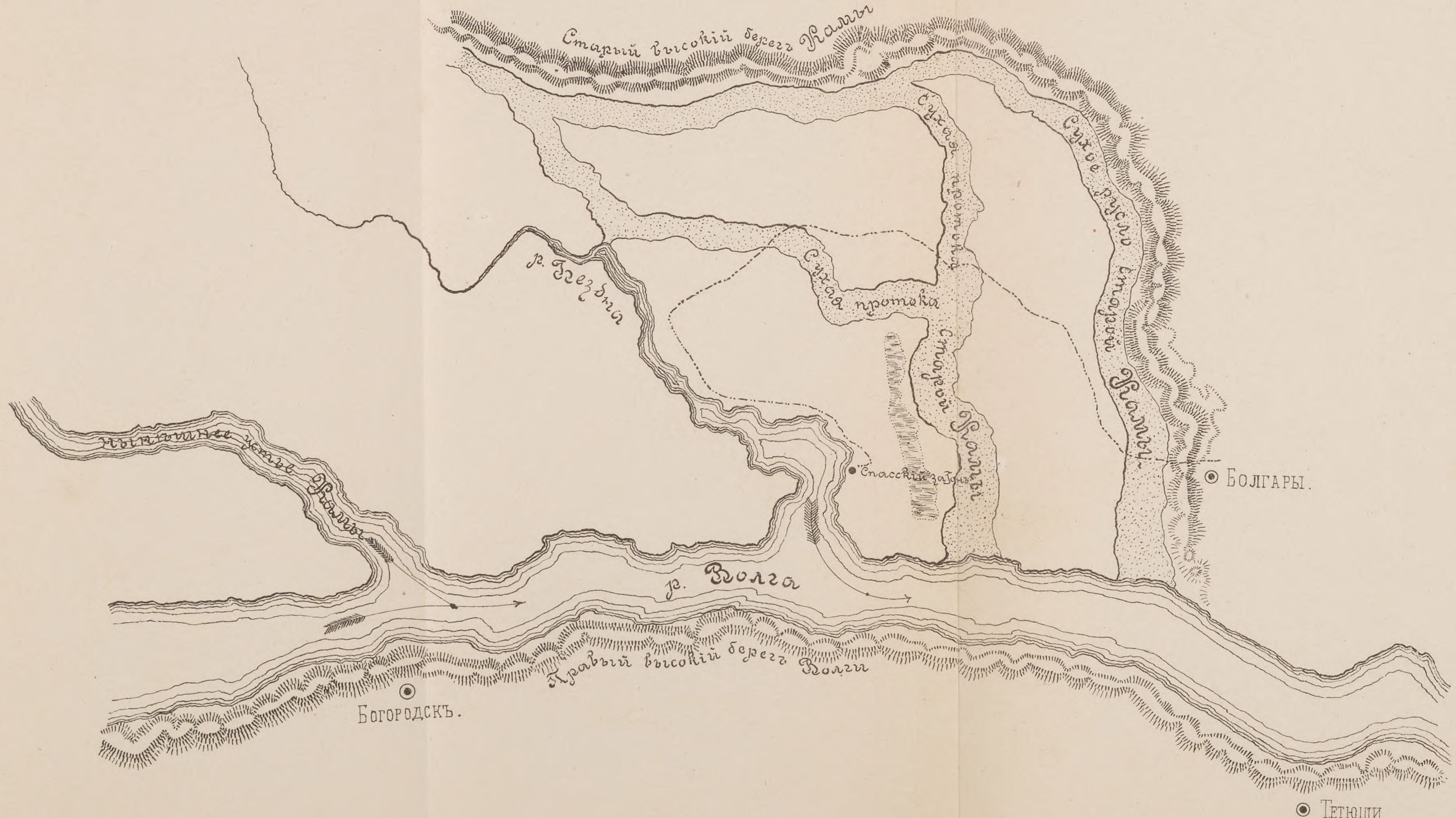

Обозначенie.

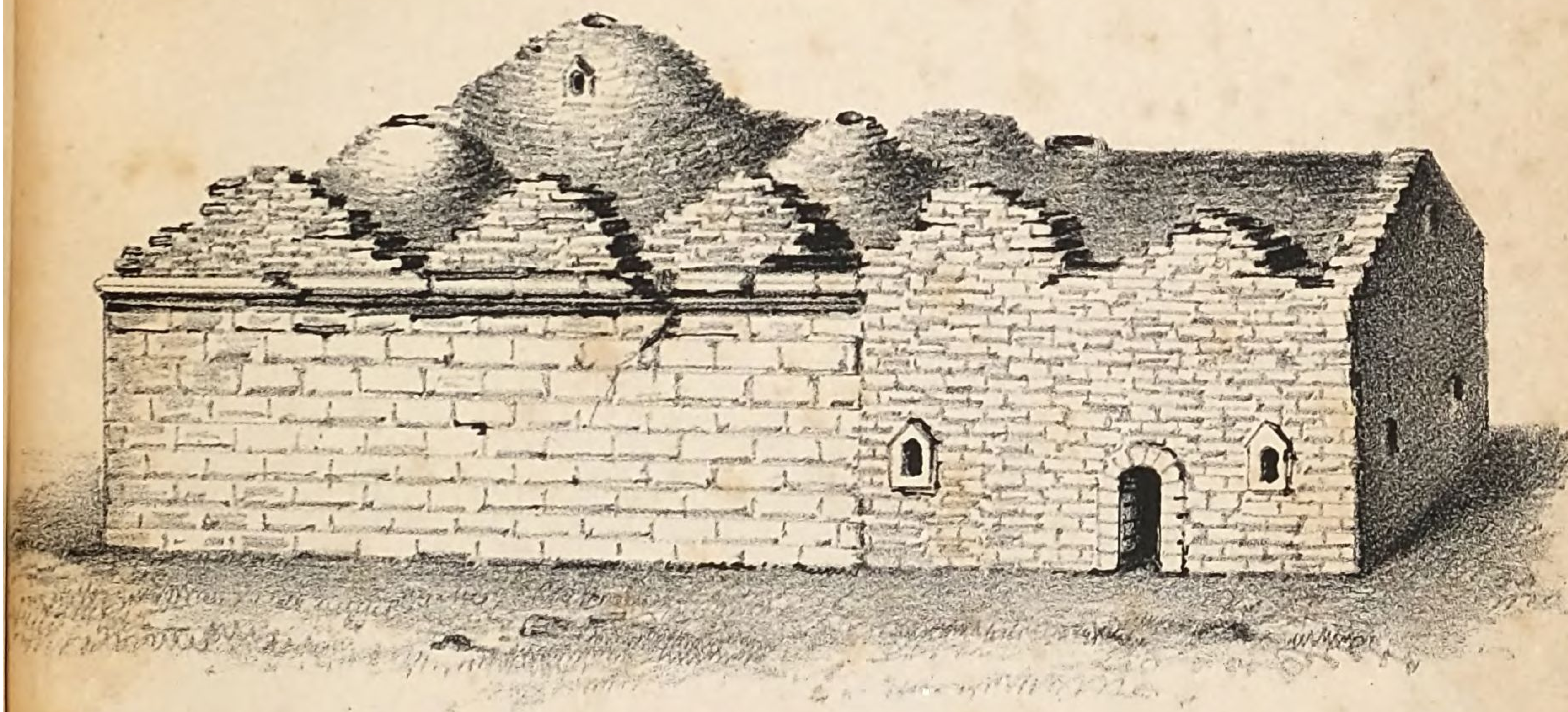
1.) Валъ.
2.) Ровъ
3.) Остатки прежнихъ валовъ и рвовъ.
4.) Бывшiй мостъ
5.) Спускъ къ рѣчкѣ.
6.) Ямы
7.) Остатокъ кургана
8.) Колодезъ.

Къ ст. В. М. Флоринскаго.

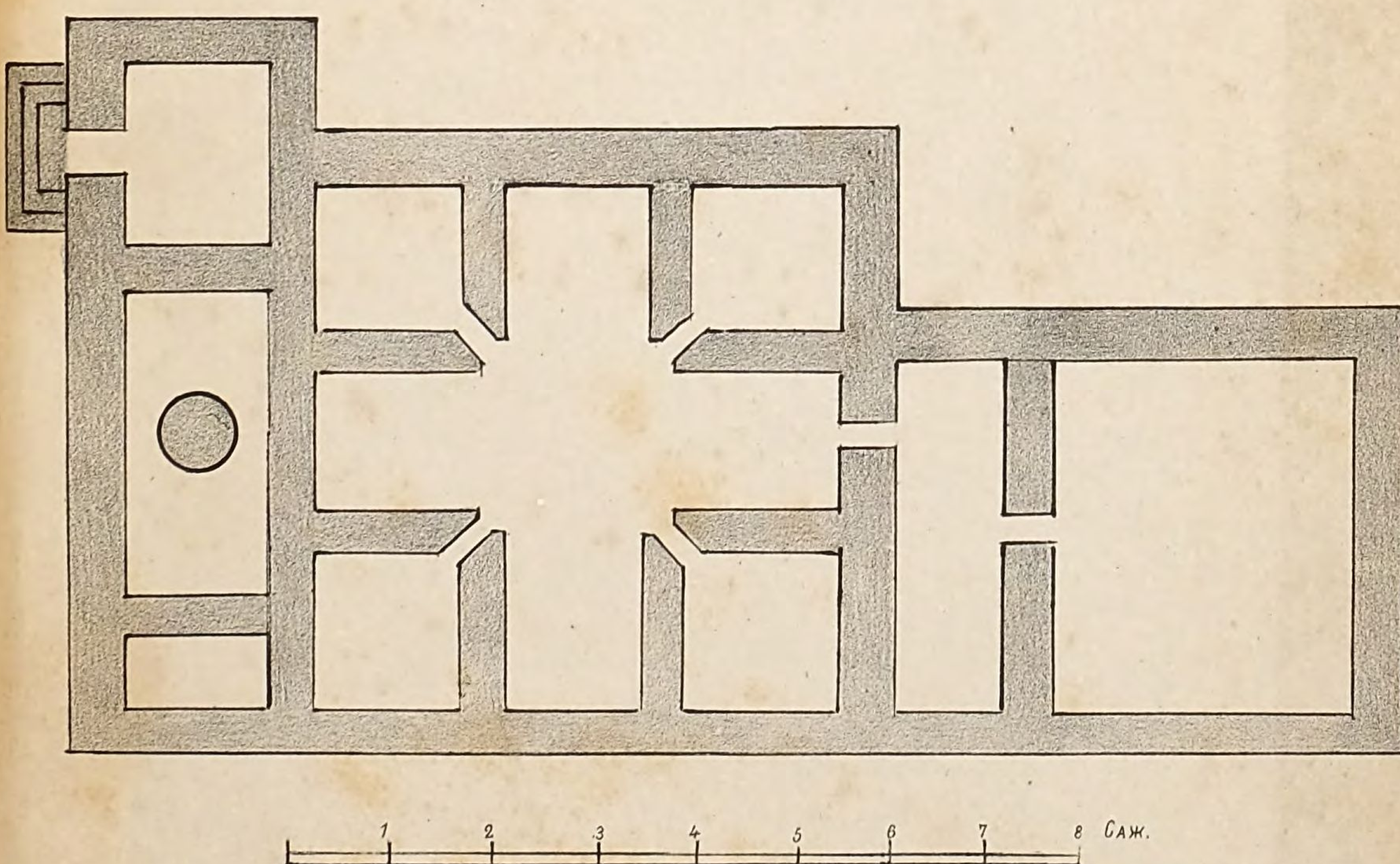
Прежнее теченіе рѣки Камы при ея устьѣ.

Къ ст. В. М. Флоринскаго.
ПЛАНЪ
ГОРОДИЩА БОЛГАРЫ
Масштабъ:
50 0 50 100 150 200 250 300 350 саж.
Z
W
O
S
Бол. дорога въ Тетюши
Большая улица
Сельская
Русло Старой Камы
Бол. дорога въ Спаскъ
Оврагъ
Лощина

Бѣлая палата по рисунку Палласа въ 1768 г.

Планъ Бѣлой палаты.

Лито-Металлографія Ш. Ивансонъ, Петерб. ст, Б пр, №1/33, С.П.Б.

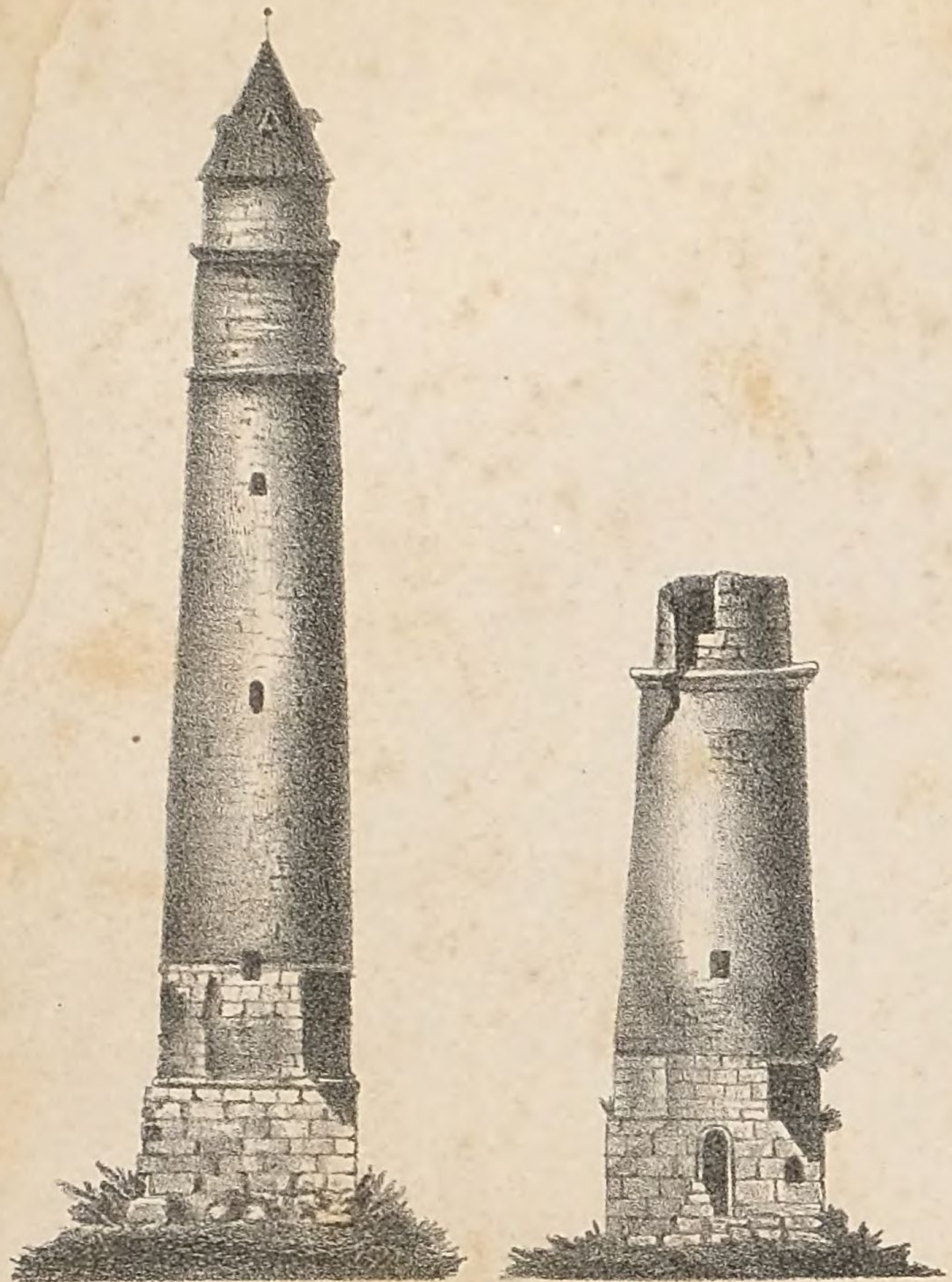
Черная палата по рисунку Палласа въ 1768 г.

А) Большой столпъ. Б) Одна изъ палатокъ по рисунку Палласа въ 1768 г.

Лито-Металлографія Ш. Ивансонъ, Петерб. ст., Б. пр., №1/33, С.П.Б.

Табл. XIII

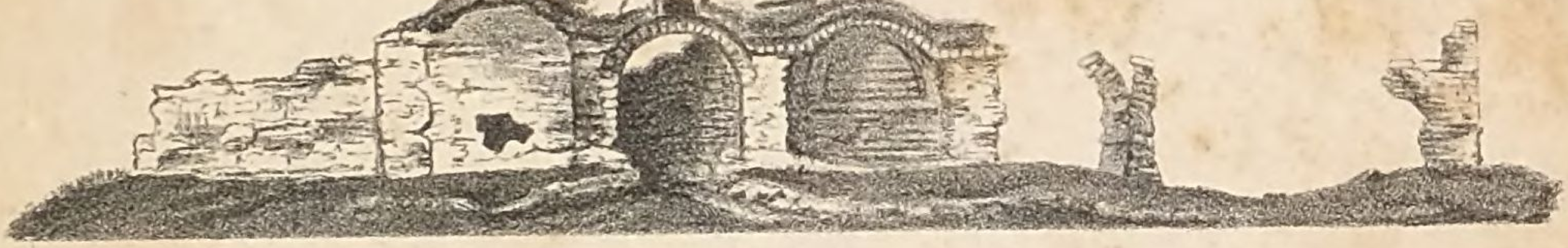

Больш. и малый столпъ изъ атласа Шмита, рисованнаго съ натуры въ 1827 г.

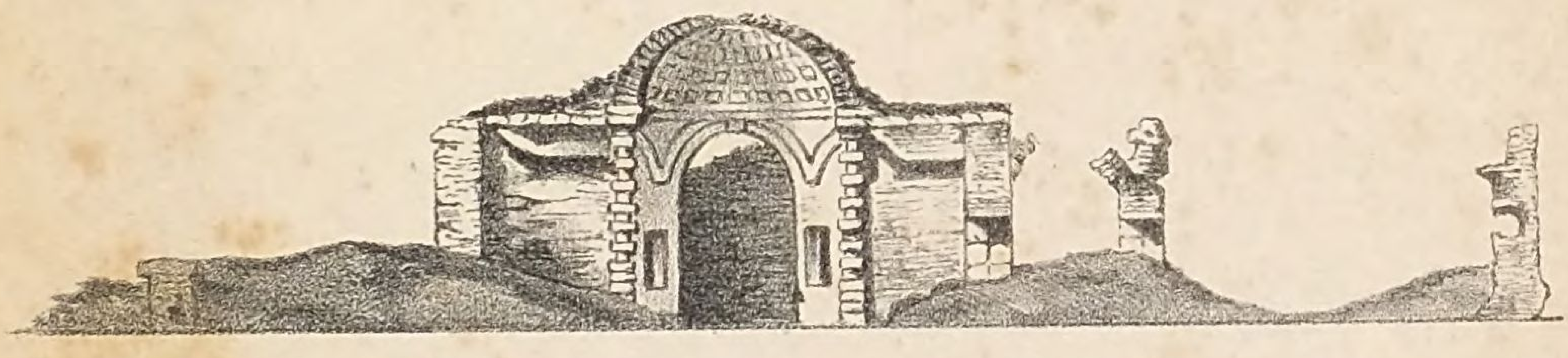

Палатка, обращенная въ церковь Св. Николая

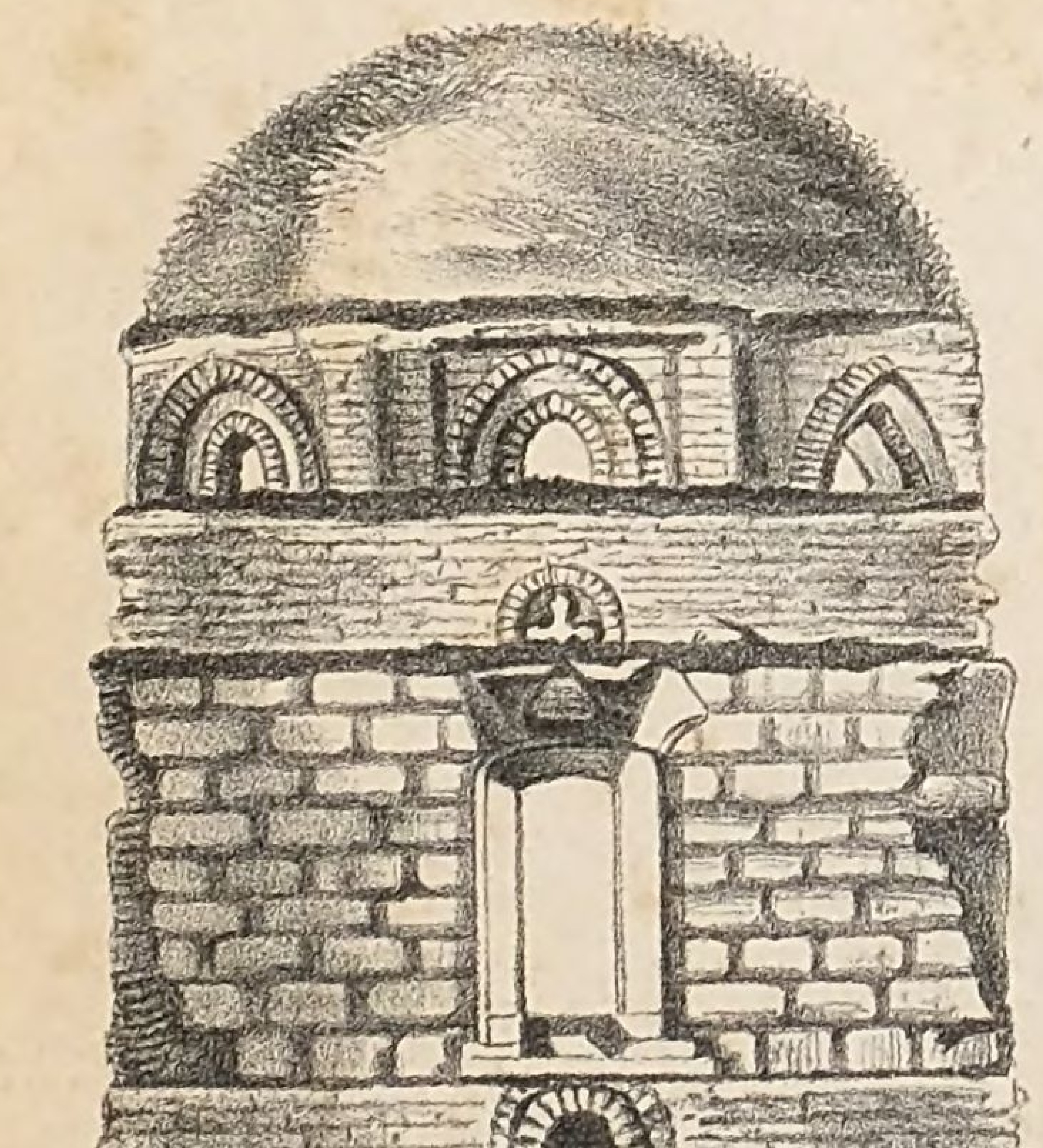
Лито-Металлографія Ш. Ивансонъ, Петерб. ст., Б. пр., № 1/33, С. П. Б.

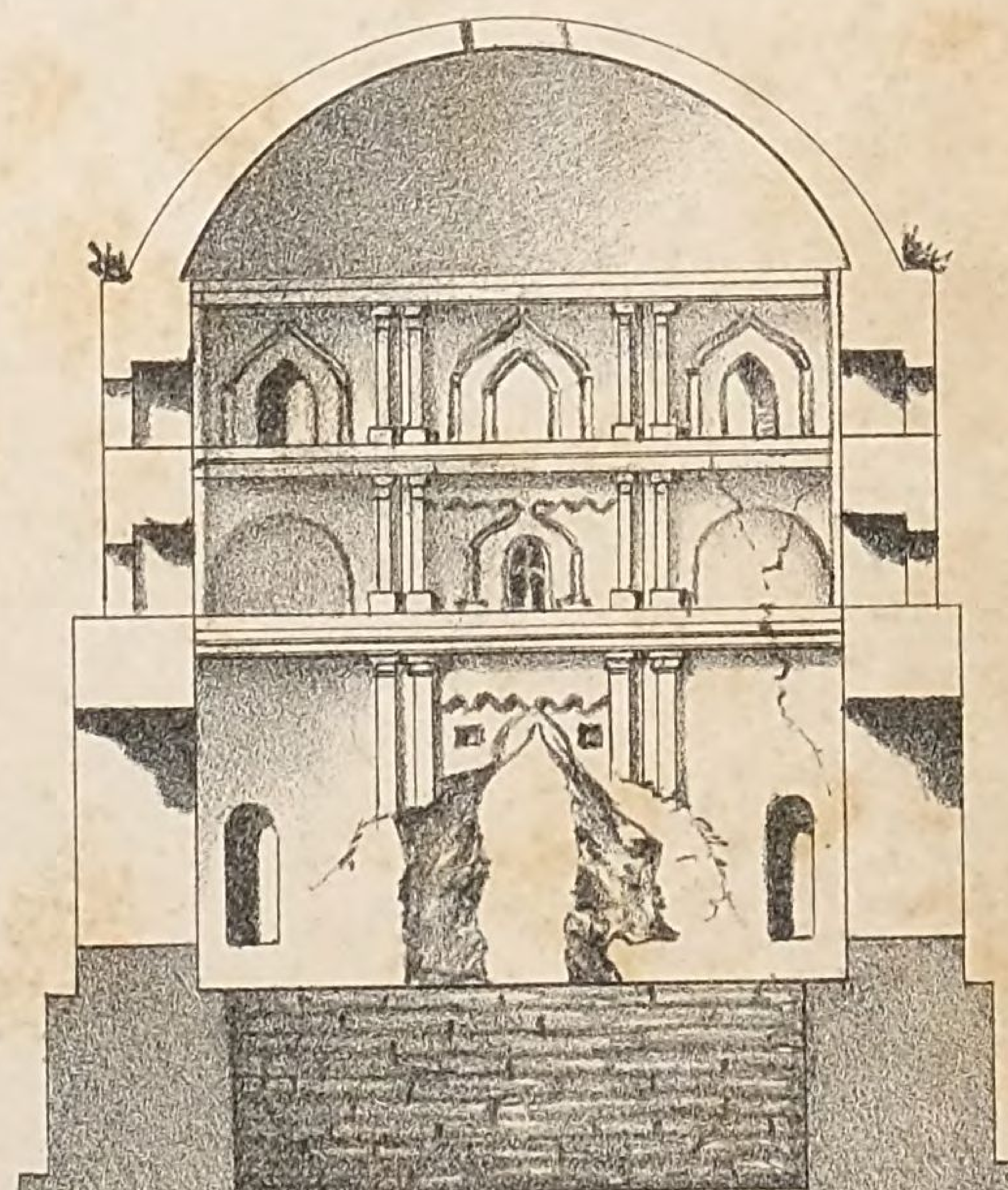
Бѣлая палата въ 1827 г. по рисунку Шмита.

Разрѣзъ Бѣлой палаты по рисунку Шмита.

Черная палата въ 1827 г. по рисунку Шмита (сѣверная сторона)

Разрѣзъ Черной палаты по рисунку Шмита въ 1827 г.

Лито-Металлографія Ш. Ивансонъ, Петерб. ст., Б. пр., №1/33, С.П.Б.

Видъ башни Бураны съ запада въ 1886 г.

Лито-Металлографія Ш. Ивансонъ, Петерб. ст., Б. пр., № 1/33, С.П.Б.

Видъ башни Бураны въ 1891 г. (по фотографическому снимку.)

Лито-Металлографія Ш. Ивансонъ, Петерб. ст, Б. пр, №1/33, С.П.Б.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

28 By
26 Fū

Buchbinderei
SCHWAB
München

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Florinskij, Vasilij Markovič

Pervobytnye slavjane po pamjatnikam ich doistoričeskoj žizni Opyt slavjanskoj archeologii

Bd.: 1

1897

4 Anthr. 72 i-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11788582-5